

Весь АЗИМОВ

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЕЙ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Весь
АЗИМОВ

Весь

АЗИМОВ

Я, РОБОТ
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПУТЬ К АКАДЕМИИ
АКАДЕМИЯ
АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ
КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ
КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР
НОЧЬ, КОТОРАЯ УМИРАЕТ
ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПУТЬ МАРСИАН
ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЕЙ

КОЛЛЕКЦИОННО-ОСНОВАТЕЛИ

Айзек

АЗИМОВ

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЕЙ

ЭКСМО
Москва
ДОМИНО
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
А 35

Isaac Asimov
THE EARLY ASIMOV
Copyright © 1972 by Isaac Asimov
NIGHTFALL AND OTHER STORIES
Copyright © 1969 by Isaac Asimov
All rights reserved

This translation published by arrangement with the Doubleday Broadway
Publishing Group, a division of Random House, Inc.

Составитель серии *Д. Байкалов*

Серия основана в 2008 году

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Азимов А.
А 35 Прощание с Землей : пер. с англ. / Айзек Азимов. — М. :
Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 848 с. — (Весь Азимов).

ISBN 978-5-699-40568-8

Сборник произведений «Прощание с Землей» Великого Мастера Айзека Азимова, лауреата самых престижных премий, составлен из самых разнообразных рассказов на любую интересующую читателя тему, которые в очередной раз доказывают, сколь безграничен талант автора, как мастерски он выстраивает сюжет и до последней строчки сохраняет интригу. В сборник входят произведения о людях и животных, о Земле и космосе, о научных достижениях и человеческих взаимоотношениях, которые не меняются с течением времени, да и не могут измениться даже в очень далеком будущем. Да и как им измениться, ведь люди все равно остаются людьми, с их чувствами, устремлениями, проблемами...

Некоторые рассказы, включенные в данную книгу, публикуются на русском языке впервые.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод с английского, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-40568-8

ПАШТЕТ ИЗ ГУСИНОЙ ПЕЧЕНКИ

Даже если бы я захотел сообщить вам свое настоящее имя, я этого сделать не имею права; к тому же, при существующих обстоятельствах, я и сам этого не хочу.

Я не ахти какой писатель, если не говорить о научных статьях, так что пишет за меня Айзек Азимов.

Я выбрал его по нескольким причинам. Во-первых, он биохимик и понимает, о чем идет речь, — во всяком случае, отчасти. Во-вторых, он умеет писать; по крайней мере, он опубликовал довольно много книжек, хотя это не обязательно одно и то же.

Но, что самое важное, он может добиться, чтобы его опубликовали в каком-нибудь журнале. А это именно то, что мне нужно.

Причины вам станут ясны из дальнейшего.

Я не первый, кому удалось увидеть Гусыню. Эта честь выпала на долю техасского фермера-хлопководы по имени Айен Ангус Макгрегор, которому Гусыня принадлежала до того, как стала казенной собственностью. (Имена, названия мест и даты, которые я привожу, сознательно мной вымышлены. Напасть по ним на какой-нибудь след ни одному из вас не удастся. Можете и не пытаться.)

Макгрегор, очевидно, разводил у себя гусей потому, что они поедали сорняки, не трогая хлопка. Гуси заменяли ему машины для прополки, а к тому же давали ему яйца, пух и, через разумные промежутки времени, — жареную гусятину.

Летом 1955 года этот фермер послал в Департамент сельского хозяйства с дюжину писем, в которых требовал информации о насиживании гусиных яиц. Департамент выслал ему все брошю-

ры, которые оказались под рукой и имели хоть какое-то отношение к предмету. Но его письма становились все более и более настойчивыми, и в них все чаще упоминался его «друг», конгрессмен из тех мест.

Я оказался втянутым в эту историю только потому, что работал в Департаменте. Я получил приличное агрохимическое образование и к тому же немного разбираюсь в физиологии позвоночных. (Это вам не поможет. Если вы думаете, что сумеете из этого извлечь сведения о моей личности, то ошибаетесь.)

В июле 1955 года я собирался поехать на совещание в Сан-Антонио, и мой шеф попросил меня заехать на ферму Макгрегора и посмотреть, что можно для него сделать. Мы — слуги общества, а кроме того, мы в конце концов получили письмо от конгрессмена, о котором писал Макгрегор.

17 июля 1955 года я встретился с Гусыней.

Сначала, конечно, я встретился с Макгрегором. Это был высокий человек, лет за пятьдесят, с морщинистым недоверчивым лицом. Я повторил всю информацию, которую ему посылали, рассказал про инкубаторы, про важность микроэлементов в питании, добавил кое-какие последние новости о витамине Е, кобаламинах и пользе антибиотиков.

Он покачал головой. Все это он пробовал, и все же из яиц ничего не выводилось. Он привлек к сотрудничеству в этом деле всех гусakov, которых только мог заполучить, но и это не помогло.

Что мне было делать? Я государственный служащий, а не архангел Гавриил. Я рассказал ему все, что мог, и если яйца все равно не насиживаются, значит, они для этого не годятся. Вот и все. Я вежливо спросил, могу ли я посмотреть его гусей, просто чтобы никто потом не сказал, будто я не сделал все, что мог. Он ответил:

— Не гусей, мистер. Это одна гусыня.

Я сказал:

— А можно посмотреть эту одну гусыню?

— Пожалуй, что нет.

— Ну, тогда я больше ничем не смогу вам помочь. Если это всего одна гусыня, то с ней просто что-то неладно. Зачем беспокоиться из-за одной гусыни? Съешьте ее.

Я встал и протянул руку за шляпой. Он сказал: «Подождите», и я остановился. Его губы сжались, глаза сощурились — он молча боролся с собой. Потом он спросил:

— Если я вам кое-что покажу, вы никому не расскажете?

Он не был похож на человека, способного поверить клятвенному обещанию другого человека хранить тайну, но он как будто уже так отчаялся, что не видел другого выхода. Я начал:

— Если это что-то противозаконное...

— Ничего подобного,— огрызнулся он.

И тогда я пошел за ним в загон около дома, который был обнесен колючей проволокой, заперт на замок и содержал одну гусыню — Ту Самую Гусыню.

— Вот Гусыня,— сказал он. Это было произнесено так, что ясно слышалась прописная буква.

Я уставился на ее. Это была такая же гусыня, как и любая другая, ей-богу,— толстая, самодовольная и раздражительная. Я произнес «гм» в наилучшей профессиональной манере.

Макгрегор сказал:

— А вот одно из ее яиц. Оно было в инкубаторе. Ничего не получается.

Он достал яйцо из обширного кармана комбинезона. Он держал его с каким-то странным напряжением.

Я нахмурился. С яйцом было что-то неладно. Оно было меньше и круглее обычных.

Макгрегор сказал:

— Возьмите.

Я протянул руку и взял его. Вернее, попытался взять. Я приложил в точности такое усилие, какого должно было заслуживать подобное яйцо, но оно попросту выскользнуло у меня из пальцев. Пришлось взять его покрепче.

Теперь я понял, почему Макгрегор так странно держал яйцо. Оно весило граммов восемьсот. (Говоря точнее, когда мы потом взвесили его, масса оказалась равной 852,6 грамма.)

Я уставился на яйцо, которое лежало у меня на руке и давило на нее, а Макгрегор кисло усмехнулся:

— Бросьте его,— сказал он.

Я только посмотрел на него, а он взял яйцо у меня из руки и уронил его сам.

Яйцо тяжело шлепнулось на землю. Оно не разбилось. Не разбрызгалось каплями белка и желтком. Оно просто лежало на том месте, куда упало.

Я снова поднял его. Белая скорлупа раскололась в том месте, где яйцо ударилось о землю. Осколки отлетели, изнутри светилось что-то тускло-желтое.

У меня задрожали руки. Непослушными пальцами я все же облупил еще немного скорлупы и уставился на это желтое.

Анализ не требовалось. Я и так понял, что это такое.

Передо мной была Гусыня!

Гусыня, Которая Несла Золотые Яйца.

Вы мне не верите. Я знаю. Вы решили, что это очередная мистификация.

Очень хорошо! Я и рассчитываю, что вы так подумаете. Позже я объясню почему.

Пока что моей первой задачей было уговорить Макгрегора расстаться с этим золотым яйцом. Я был близок к истерике. Если бы это потребовалось, я был почти готов оглушить его и, отняв яйцо, удрать.

Я сказал:

— Я дам вам расписку. Я гарантирую вам оплату. Я сделаю все, что можно. Послушайте, мистер Макгрегор, вам от этих яиц все равно нет никакой пользы. Продать золото вы не сможете, пока не объясните, откуда оно у вас. Хранить его у себя запрещено законом. А как вы сможете это объяснить? Если правительство...

— Я не хочу, чтобы правительство совало нос в мои дела,— упрямо заявил он.

Но я был вдвое упрямее, я не отставал от него. Я молил, кричал. Я угрожал. Это продолжалось не один час. Буквально. В конце концов я написал расписку, а Макгрегор проводил меня до машины. Когда я отъехал, он стоял посреди дороги, глядя мне вслед.

Больше он этого яйца не видел. Конечно, ему была возмещена стоимость золота (656 долларов 47 центов после удержания налогов), но правительство здесь не прогадало.

Если подумать о потенциальной ценности этого яйца...

Потенциальная ценность! В этом-то и заключена вся ирония положения. Поэтому я и печатаю эту статью.

Отдел Департамента сельского хозяйства, в котором я служу, возглавляет Луис П. Бронстейн. (Можете не пытаться его разыскать. Если вам угодно получить дополнительную дезинформацию, то «П» значит «Питтсфилд».)

Мы с ним в хороших отношениях, и я чувствовал, что могу все ему объяснить, не рискуя после этого оказаться под строгим врачебным надзором. И все-таки я не стал искушать судьбу. Я взял яйцо с собой и, добравшись до самого скользкого места, просто положил его на стол.

Поколебавшись, он дотронулся до яйца пальцем, как будто оно было раскалено.

Я сказал:

— Поднимите.

Он поднял его, как и я, со второй попытки.

Я сказал:

— Это желтый металл, и это могла быть латунь, только это не латунь, потому что он не растворяется в концентрированной азотной кислоте. Я уже пробовал. Золотая там только оболочка, потому что яйцо можно сплющить под небольшим давлением. Кроме того, если бы оно было сплошь золотым, то весило бы больше 10 фунтов.

Бронстейн произнес:

— Это какая-то мистификация.

— Мистификация с настоящим золотом? Вспомните — когда я впервые увидел эту штуку, она была полностью покрыта настоящей скорлупой. Кусочек скорлупы было легко исследовать. Карбонат кальция. Это подделать трудно. А если мы заглянем внутрь яйца (я не хотел делать это сам) и найдем настоящий белок и настоящий желток, то вопрос будет решен, потому что это подделать вообще невозможно. Конечно, дело заслуживает официального расследования...

— Но как же я пойду к начальству...

Он уставился на яйцо.

Но в конце концов он все-таки пошел. Почти целый день он звонил по телефону и потел. Взглянуть на яйцо пришли одна или две большие шишки департамента.

Так начался проект «Гусыня». Это было 20 июля 1955 года.

С самого начала я был уполномоченным по расследованию и номинально руководил им до конца, хотя дело вскоре вышло за пределы моей компетенции.

Мы начали с одного яйца. Его средний радиус составлял 35 мм (длинная ось — 72 мм, короткая ось — 68 мм). Золотая оболочка имела толщину 2,45 мм. Позже, исследовав другие яйца, мы обнаружили, что эта цифра довольно высока. Средняя толщина оболочки оказалась равна 2,1 мм.

Внутри было настоящее яйцо. Он выглядело как яйцо и пахло как яйцо.

Содержимое белка было подвергнуто анализу. Органические компоненты были близки к норме. Белок на 9,7% состоял из альбумина. Желток имел в общем нормальный состав. У нас не хватило материала, чтобы определить содержание микросоставляющих, но позже, когда в нашем распоряжении оказалось больше яиц, мы это сделали и, поскольку дело касалось содержания витаминов, коферментов, нуклеотидов, сульфгидрильных групп и тому подобного, не нашли ничего необычного.

Одним из важнейших грубых нарушений нормы, которые мы обнаружили, было поведение яйца при нагревании. Небольшая часть желтка при нагревании сварилась вкрутую почти немедленно. Мы дали кусочек такого крутого яйца мыши. Она съела его и осталась жива.

Еще кусочек отщипнул я. Этого было слишком мало, чтобы по-настоящему почувствовать вкус, но тем не менее меня за-тошнило. Самовнушение, скорее всего.

Этими опытами руководил Борис В. Финли, консультант нашего департамента, сотрудник биохимического факультета Темплского университета. По поводу варки яйца он заявил:

— Легкость, с какой протеины яйца денатурируют под действием тепла, говорит о том, что они уже частично денатурированы. А если иметь в виду состав оболочки, то нужно признать, что в этом повинно золото.

Часть желтка была исследована на присутствие неорганических веществ, и оказалось, что он богат ионами хлораурата — одновалентными ионами, содержащими атом золота и четыре атома хлора; химическая формула их — AuCl_4 . (Символ «Au», обозначающий золото, происходит от латинского названия золота — «аурум».) Говоря, что содержание хлораурата было высо-

ким, я имею в виду, что его было 3,2 части на тысячу, или 0,32%. Этого достаточно, чтобы образовать нерастворимое комплексное соединение золота с белком, которое легко свертывается.

Финли сказал:

— Очевидно, это яйцо не может насидеться. Так же, как и любое другое подобное яйцо. Оно отравлено тяжелым металлом. Может быть, золото и красивее свинца, но для белков оно столь же ядовито.

Я мрачно добавил:

— По крайней мере, можно не опасаться, что эта штука протухнет.

— Совершенно верно. В этом хлорно-золотоносном супе не станет жить ни одна уважающая себя бактерия.

Наконец был готов спектрографический анализ золота из оболочки. Оно было фактически чистым. Единственной примесью, которую удалось обнаружить, было железо в количестве до 0,23%. В желтке содержание железа тоже было вдвое выше нормы. Однако тогда мы не обратили на это внимания.

Через неделю после того, как был основан проект «Гусыня», в Техас отправилась целая экспедиция. Туда поехали пять биохимиков (тогда еще, как вы видите, главный упор делался на биохимию), три грузовика оборудования и воинское подразделение. Я, конечно, поехал тоже.

Сразу по прибытии мы изолировали ферму Макгрегора от всего мира.

Это была, знаете, счастливая идея — все эти меры безопасности, принятые с самого начала. Рассуждали мы тогда неверно, но результат оказался удачным.

Департамент хотел, чтобы проект «Гусыня» держали в секрете, — на первых порах просто из-за не покидавшего нас опасения, что это все-таки окажется грандиозной мистификацией, а мы не могли себе позволить такую неудачную рекламу. А если это не было мистификацией, то мы не хотели навлечь на себя нашествие репортеров.

Подлинное значение всей этой истории стало вырисовываться лишь значительно позже, спустя много времени после того, как мы приехали на ферму Макгрегора.

Макгрегор, естественно, был недоволен тем, что вокруг него расположилось столько людей и оборудования. Он был недово-

лен тем, что Гусыню объявили казенным имуществом. Он был недоволен тем, что ее яйца конфисковали.

Все это ему не нравилось, но он дал свое согласие — если можно назвать согласием, когда в момент переговоров на заднем дворе вашей усадьбы собирают пулемет, а в самый разгар спора под окнами маршируют десять солдат с примкнутыми штыками.

Конечно, он получил компенсацию. Что деньги для правительства?

Гусыне тоже кое-что не нравилось, например когда у нее брали кровь для анализов. Мы не решались делать это под наркозом, чтобы ненароком не нарушить ее обмен веществ, и каждый раз двоим приходилось ее держать. Вы когда-нибудь пробовали держать рассерженную гусыню?

Гусыня находилась под круглосуточной охраной, и любому, кто допустил бы, чтобы с ней что-нибудь случилось, грозил трибунал. Если кто-нибудь из тех солдат прочтет эту статью, он может догадаться, в чем было тогда дело. При этом у него должно хватить ума, чтобы держать язык за зубами. По крайней мере, если он соображает, что для него хорошо и что плохо, он будет помалкивать.

Кровь Гусыни подвергали всем возможным исследованиям. Она содержала 2 части хлораурата на 100 000 (0,002%). Кровь, взятая из печеночной вены, была им еще богаче — почти 4 части на 100 000.

Финли проворчал:

— Печень.

Мы сделали рентгеновские снимки. На негативе печень выглядела как светло-серая туманная масса, более светлая, чем окружающие органы, так как она поглощала больше рентгеновских лучей, потому что содержала больше золота. Кровеносные сосуды казались светлее, чем сама печень, а яичники были чисто белыми. Сквозь них рентгеновские лучи не проходили вовсе.

В этом был какой-то смысл, и в первом докладе Финли изложил его с наибольшей возможной прямоотой. Доклад содержал, в неполном пересказе, следующее:

«Хлораурат выделяется печенью в ток крови. Яичники действуют в качестве ловушки для этого иона, который здесь восстанавливается до металлического золота и отлагается в обо-

лочке развивающегося яйца. Невосстановленный хлораурат в относительно высокой концентрации содержится в развивающемся яйце.

Почти не вызывает сомнения, что Гусыня использует этот процесс, чтобы избавиться от атомов золота, которые, несомненно, отравили бы ее, если им позволить накопиться. Выделение отбросов в составе содержимого яйца — вероятно, редкость в животном мире, даже уникальный случай, но нельзя отрицать, что благодаря этому Гусыня остается в живых.

Однако, к несчастью, яичники локально отравлены до такой степени, что яиц кладется мало, вероятно, не больше, чем нужно, чтобы избавиться от накапливающегося золота, и эти немногие яйца определенно не могут насиживаться».

Вот и все, что он написал, но нам, остальным, он сказал:

— Есть тут еще один вопрос...

Я знал, что это за вопрос. Мы все это знали.

Откуда берется золото?

На этот вопрос пока не было ответа, если не считать некоторых негативных результатов. В пище Гусыни золота не обнаруживалось, поблизости не было никаких золотоносных камешков, которые она могла бы глотать. Нигде в округе в почве не было следов золота, а обыск дома и усадьбы ничего не дал. Там не было ни золотых монет, ни золотых украшений, ни золотой посуды, ни часов и вообще ничего золотого. Ни у кого на ферме не было даже золотых зубов.

Конечно, было золотое кольцо миссис Макгрегор, но оно было всего одно за всю ее жизнь, и его она носила на пальце.

Откуда же берется золото?

Первые намеки на ответ мы получили 16 августа 1955 года.

Альберт Невис, из университета имени Пэрдью, ввел Гусыне желудочный зонд (еще одна процедура, против которой она энергично возражала), собираясь исследовать содержимое ее пищеварительного тракта. Это были все те же наши поиски внешнего источника золота.

Золото было найдено, но лишь в виде следов, и были все основания предположить, что эти следы сопровождают выделение пищеварительных соков и поэтому имеют внутреннее происхождение.

Тем не менее обнаружилось еще кое-что, во всяком случае отсутствие кое-чего.

Невис при мне пришел в кабинет Финли, расположенный во временной постройке, которую мы соорудили почти за одну ночь поблизости от гусятника. Он сказал:

— У Гусыни мало желчного пигмента. В содержимом двенадцатиперстной кишки его почти нет.

Финли нахмурился и произнес:

— Возможно, функции печени совершенно расстроены из-за концентрации золота. Может быть, она вовсе не выделяет желчи.

— Выделяет,— сказал Невис.— Желчные соли присутствуют в нормальном количестве. По крайней мере, близко к норме. Не хватает именно желчного пигмента. Я сделал анализ кала, и это подтвердилось. Желчного пигмента нет.

Здесь позвольте мне кое-что объяснить. Желчные соли — это вещества, которые печень выделяет в желчь, и в ее составе они изливаются в верхнюю часть тонкого кишечника. Эти вещества похожи на моющие средства: они помогают превращать жиры нашей пищи (и пищи Гусыни) в эмульсию и в виде мелких капелек распределить их в водном содержимом кишечника. Такое распределение, или, если хотите, гомогенизация, облегчает переваривание жиров.

Но желчные пигменты — вещества, которых была лишена Гусыня,— это нечто совершенно иное. Печень производит их из гемоглобина — красного белка крови, переносящего кислород. И использованный гемоглобин расщепляется в печени. Отщепленная часть — гем — представляет собой кольцеобразную молекулу (ее называют порфирином) с атомом железа в центре. Печень извлекает из нее железо и запасает его для будущего употребления, а потом расщепляет и оставшуюся кольцеобразную молекулу. Этот расщепленный порфирин и образует желчный пигмент. Он окрашивается в коричневый или зеленоватый цвет (в зависимости от дальнейших химических превращений) и выделяется в желчь.

Желчный пигмент не нужен организму. Он изливается в желчь как отброс, проходит сквозь кишечник и выделяется с экскрементами. Именно он определяет их цвет.

У Финли заблестели глаза.

Невис сказал:

— Похоже на то, что порфирины расщепляются в печени не так, как полагается. Вам это не кажется?

Конечно казалось.

После этого всех охватило лихорадочное возбуждение. Это было первое обнаруженное у Гусыни отклонение в обмене веществ, не имеющее прямой связи с золотом.

Мы сделали биопсию печени (это значит, что из печени Гусыни был взят цилиндрический кусочек ткани). Гусыне было больно, но вреда ей это не причиняло. Кроме этого, мы сделали новые анализы крови.

На этот раз мы выделили из крови гемоглобин, а из нашего образца печени — немного цитохромов (цитохромы — это окисляющие ферменты, которые также содержат гем). Мы выделили гем, и в кислом растворе часть его выпала в осадок в виде ярко-оранжевого вещества. К 22 августа 1955 года мы получили 5 микрограммов этого соединения.

Оранжевое вещество было подобно гему, но это не был гем. В геме железо может находиться в виде двухвалентного (Fe^{2+}) или трехвалентного иона (Fe^{3+}). У оранжевого вещества, которое мы отделили от гема, с порфириновой частью молекулы было все в порядке, но металл в центре кольца был золотом, точнее, трехвалентным ионом золота (Au^{3+}). Мы назвали это соединение ауремом — это просто сокращение от слов «золотой гем».

Аурем оказался первым содержащим золото органическим соединением, когда-либо обнаруженным в природе. При обычных условиях это вызвало бы сенсацию в биохимическом мире. Но теперь это были пустяки — сущие пустяки в сравнении с новыми горизонтами, которые открывало само его существование.

Оказывается, печень не расщепляла гем до желчного пигмента. Вместо этого она превращала его в аурем, заменяя железо золотом. Аурем, в равновесии с хлорауремом, попадал в ток крови и переносился в яичники, где золото выделялось, а порфириновая часть молекулы удалялась посредством какого-то еще неизвестного механизма.

Дальнейшие анализы показали, что 29% содержавшегося в крови Гусыни золота переносилось в составе плазмы в виде хлораурата. Остальной 71% содержался в красных кровяных тельцах в виде ауремглобина. Была сделана попытка ввести в корм

Гусыни метку из радиоактивного золота, чтобы проследить за радиоактивностью плазмы крови и красных кровяных телец и узнать, с какой скоростью молекулы ауремглобина перерабатываются в яйчниках. Нам казалось, что ауремглобин должен был удаляться гораздо медленнее, чем растворенный в плазме хлораурат.

Однако эксперимент не удался — мы вообще не уловили радиоактивности. Мы сочли это результатом своей неопытности — никто из нас не был специалистом по изотопам. Это было большой ошибкой, потому что неудача эксперимента на самом деле имела огромное значение, и, не осознав этого, мы потеряли несколько дней.

Конечно, ауремглобин был бесполезен с точки зрения переноса кислорода, но он составлял лишь около 0,1% от общего количества гемоглобина красных кровяных телец, так что это не сказывалось на газообмене в организме Гусыни.

В результате вопрос о том, откуда же берется золото, оставался открытым, и первым сделал решающее предположение Невис. На совещании нашей группы вечером 25 августа 1955 года он сказал:

— А может быть, Гусыня не замещает железо на золото? Может быть, она превращает железо в золото?

До того как я лично познакомился с Невисом в то лето, я знал его по публикациям (его темой была химия желчи и работа печени) и всегда считал его осторожным и здравомыслящим человеком. Пожалуй, даже слишком осторожным. Никто не мог бы подумать, что он способен сделать такое совершенно нелепое заявление.

Это свидетельствует о той атмосфере отчаяния и морального разложения, которая окружила проект «Гусыня».

Отчаяние вызывал тот факт, что золоту взяться было просто неоткуда — буквально неоткуда. Гусыня выделяла по 38,9 грамма золота в день на протяжении многих месяцев. Это золото должно было откуда-то поступать, а если этого не происходило — а этого абсолютно не происходило, — то, значит, оно должно было из чего-то вырабатываться.

Моральное разложение, которое заставило нас серьезно рассмотреть вторую возможность, объяснялось попросту тем, что перед нами была Гусыня, Которая Несла Золотые Яйца; этого

нельзя было отрицать. А раз так, то все было возможно. Мы все оказались в каком-то сказочном мире и потеряли чувство реальности.

Финли приступил к серьезному обсуждению такой возможности.

— В печень, — сказал он, — поступает гемоглобин, а выходит оттуда немного ауремглобина. В золотой оболочке яиц содержится единственная примесь — железо. В желтке яиц в повышенном количестве содержатся то же золото и отчасти железо. Во всем этом есть какой-то смысл. Ребята, нам нужна помощь.

Помощь нам действительно понадобилась. Так начался последний этап нашей работы. Этот этап, величайший и самый важный из всех, требовал участия физиков-ядерщиков.

5 сентября 1955 года из Калифорнийского университета прибыл Джон Л. Биллингс. Кое-какое оборудование он привез с собой, остальное было доставлено в течение ближайших недель. Выросли новые временные постройки. Я уже мог предвидеть, что не пройдет и года, как вокруг Гусыни образуется целый научно-исследовательский институт...

Вечером пятого числа Биллингс принял участие в нашем совещании, Финли ввел его в курс дела и сказал:

— С этой идеей о превращении железа в золото связано великое множество серьезных проблем. Во-первых, общее количество железа в Гусыне может быть всего порядка половины грамма, а золота производится около сорока граммов в день.

У Биллингса оказался чистый, высокий голос. Он сказал:

— Самая трудная проблема не в этом. Железо находится в самом низу энергетической кривой, а золото — гораздо выше. Чтобы грамм железа превратить в грамм золота, нужно примерно столько же энергии, сколько дает распад грамма урана-двести тридцать пять.

Финли пожал плечами:

— Эту проблему я оставляю вам.

Биллингс сказал:

— Дайте мне подумать.

Он не ограничился размышлениями. В частности, он взял у Гусыни свежие образцы гема, сжег их и послал получившуюся окись железа в Брукхейвен на изотопное исследование.

Когда пришли результаты анализа, у Биллингса захватило дыхание. Он сказал:

— Здесь нет железа-пятьдесят шесть.

— А как остальные изотопы? — сразу же спросил Финли.

— Все тут, — сказал Биллингс, — в соответствующих соотношениях, но никаких следов железа-пятьдесят шесть.

Здесь мне снова придется кое-что объяснить. Железо, которое обычно встречается, состоит из четырех изотопов. Это разновидности атомов, которые отличаются атомным весом. Атомы железа с атомным весом 56, или железо-56, составляют 91,6% всех атомов железа. Остальные атомы имеют атомные веса 54, 57 и 58.

Железо, содержащееся в геме Гусыни, состояло только из железа-54, железа-57 и железа-58. Вывод напрашивался сам собой. Железо-56 исчезало, остальные изотопы — нет; а это означало, что происходит ядерная реакция. Только ядерная реакция может затронуть один изотоп и оставить в покое остальные. Любая обычная химическая реакция должна была вовлекать в себя все изотопы в равной мере.

— Но это энергетически невозможно, — произнес Финли.

Говоря это, он хотел всего-навсего слегка съязвить по поводу первой реплики Биллингса. Мы, биохимики, хорошо знаем, что в организме идет множество реакций, требующих поступления энергии, и что проблема решается так: реакция, потребляющая энергию, сопрягается с реакцией, выделяющей энергию.

Но химические реакции выделяют или поглощают лишь несколько килокалорий на моль. Ядерные же реакции выделяют или поглощают миллионы килокалорий. Значит, чтобы обеспечить энергией ядерную реакцию, нужна другая ядерная реакция, в ходе которой энергия выделяется.

Два дня мы не видели Биллингса.

Когда он вновь появился, то заявил:

— Послушайте! В ходе реакции, служащей источником энергии, должно выделяться ровно столько же энергии на участвующее в ней ядро, сколько требуется, чтобы могла идти реакция, поглощающая энергию. Если энергии поступает хотя бы чуть меньше, то реакция не пойдет. Если ее поступает хотя бы чуть больше и если учесть астрономическое количество участву-

ющих в реакции ядер, то избыточная энергия в доли секунды превратила бы Гусыню в пар.

— Ну и что? — спросил Финли.

— Так вот, количество возможных реакций очень ограничено. Я смог найти только одну подходящую систему. Если кислород-восемнадцать превращается в железо-пятьдесят шесть, то при этом выделяется достаточно энергии, чтобы превратить железо-пятьдесят шесть дальше в золото-сто девяносто семь. Это похоже на катание с гор, когда санки спускаются с одной горки и тут же въезжают на другую. Придется это проверить.

— Каким образом?

— Во-первых, что, если установить изотопный состав кислорода в крови Гусыни?

Кислород воздуха содержит три стабильных изотопа, главным образом кислород-16. На кислород-18 приходится только один атом из 250.

Еще один анализ крови. Содержащаяся в ней вода была подвергнута перегонке в вакууме, и часть ее пошла в масс-спектрограф. Кислород-18 в ней был, но только один атом из 1300. Почти 80% ожидаемого количества кислорода-18 в крови не оказалось.

Биллингс сказал:

— Это косвенное доказательство. Кислород-восемнадцать расходуется. Он постоянно поступает в организм Гусыни с кормом и водой, но он все-таки расходуется. Вырабатывается золото-сто девяносто семь. Железо-пятьдесят шесть является промежуточным продуктом, и так как реакция, в которой оно расходуется, проходит быстрее, чем реакция, в которой оно образуется, то оно не может достигнуть заметной концентрации и изотопный анализ показывает его отсутствие.

Мы не были удовлетворены этим и попробовали еще один эксперимент. Целую неделю Гусыню поили водой, обогащенной кислородом-18. Выделение золота повысилось почти немедленно. К концу недели она вырабатывала 45,8 грамма, в то время как содержание кислорода-18 в тканях ее тела осталось не выше, чем прежде.

— Сомнений нет, — сказал Биллингс. Он переломил карандаш и встал. — Эта Гусыня — живой ядерный реактор.

Очевидно, Гусыня представляла собой результат мутации.

Для мутации требовалось, кроме всего прочего, радиоактивное облучение, а это наводило на мысль о ядерных испытаниях, которые проводились в 1952–1953 годах в нескольких сотнях миль от фермы Макгрегора. (Если вам придет в голову, что в Техасе ядерные испытания никогда не проводились, то это свидетельствует о двух вещах: во-первых, я вам не сообщаю всего, что знаю, а во-вторых, вы сами много чего не знаете.)

Вряд ли за всю историю атомного века когда-либо так тщательно изучался радиоактивный фон и так скрупулезно анализировались радиоактивные составляющие почвы.

Были подняты архивы. Не важно, что они оказались совершенно секретными. К тому времени проекту «Гусыня» придавалось самое первостепенное значение, какое только было возможно.

Изучались даже метеорологические данные, чтобы проследить за поведением ветров в период испытаний.

Выяснились два обстоятельства.

Первое. Радиоактивный фон на ферме был чуть выше нормы. Спешу добавить — не настолько, чтобы причинить какой-либо вред. Однако были данные о том, что в то время, когда родилась Гусыня, ферма была задета краями по меньшей мере двух радиоактивных облаков. Снова спешу добавить, что никакой реальной опасности они не представляли.

Второе. Гусыня, единственная из всех гусей на ферме, по сути дела единственное из всех живых существ на ферме, которых мы смогли исследовать, включая людей, не обнаруживала вообще никакой радиоактивности. Только подумайте: все, что угодно, обнаруживает следы радиоактивности (это и имеют в виду, когда говорят о радиоактивном фоне). Но Гусыня не обнаруживала никакой радиоактивности.

В декабре 1955 года Финли представил доклад, который можно пересказать следующим образом:

«Гусыня представляет собой результат в высшей степени необычной мутации и родилась в обстановке высокой радиоактивности, которая способствовала мутациям вообще и сделала данную мутацию особенно благоприятной.

Гусыня обладает ферментативными системами, способными катализировать различные ядерные реакции. Состоят ли эти

системы из одного или нескольких ферментов, неизвестно. Ничего не известно также о природе этих ферментов. Теоретически невозможно объяснить, как могут ферменты катализировать ядерные реакции, поскольку последние связаны с взаимодействиями частиц, на пять порядков более сильными, чем в обычных химических реакциях, которые обычно катализируют ферменты.

Сущность ядерного процесса состоит в превращении кислорода-18 в золото-197. Кислород-18 изобилует в окружающей среде, присутствует в значительных количествах в воде и во всех органических кормах. Золото-197 выделяется из организма через яйцники. Известен один промежуточный продукт реакции — железо-56, а тот факт, что в этом процессе образуется ауремглобин, позволяет предположить, что в состав участвующего в нем фермента или ферментов входит гем в качестве активной группы.

Значительные усилия были направлены на то, чтобы оценить возможное значение этого процесса для Гусыни. Кислород-18 для нее безвреден, а удаление золота-197 представляет значительные трудности, само оно потенциально ядовито и является причиной ее бесплодия. Синтез золота мог понадобиться для того, чтобы избежать какой-то более серьезной опасности. Такая опасность...»

Когда вы просто читаете об этом в докладе, все это кажется вам таким спокойным и логичным. На самом деле я еще никогда не видел, чтобы человек был так близок к апоплексическому удару и после этого остался в живых, как это удалось Биллингсу, когда он узнал о нашем эксперименте с радиоактивным золотом, о котором я вам уже рассказывал, — когда мы не обнаружили в Гусыне радиоактивности и отбросили результаты как бессмысленные.

Он снова и снова спрашивал, как же это мы могли счесть не важным исчезновение радиоактивности.

— Вы, — говорил он, — ничем не отличаетесь от того новичка-репортера, которого послали дать отчет о великосветском венчании и который, вернувшись, заявил, что писать не о чем, потому что жених не явился. Вы скормили Гусыне радиоактивное золото и потеряли его. Мало того, вы не обнаружили в Гусыне никакой естественной радиоактивности. Никакого углерода-

четырнадцать. Никакого калия-сорок. И вы решили, что это неудача!

Мы начали кормить Гусыню радиоактивными изотопами. Сначала осторожно, но к концу января 1956 года она получала их просто в лошадиных дозах.

Гусыня оставалась нерадиоактивной.

— Все это означает не что иное, — сказал Биллингс, — как то, что этот ядерный процесс в Гусыне, катализируемый ферментами, ухитряется превращать любой нестабильный изотоп в стабильный.

— Это полезно, — сказал я.

— Полезно? Но это же замечательно! Это великолепное защитное средство от опасностей века! Послушайте, при превращении кислорода-восемнадцать в золото-сто девяносто семь должно высвобождаться восемь с чем-то позитронов на атом кислорода. А как только каждый позитрон соединится с электроном, должны испускаться гамма-лучи. Но и гамма-лучей не наблюдается! Гусыня должна обладать способностью поглощать гамма-излучение без вреда для организма.

Мы подвергли Гусыню гамма-облучению. С увеличением дозы у нее было повысилась температура, и мы в панике прекратили опыт. Но это была не лучевая болезнь, а простая лихорадка. Прошел день, температура упала, и Гусыня снова была как новенькая.

— Вы понимаете, что это такое? — вопрошал Биллингс.

— Научное диво, — сказал Финли.

— Боже мой, неужели вы не видите возможностей практического применения? Если бы мы могли выяснить механизм этого процесса и повторить его в пробирке, мы получили бы прекрасный метод уничтожения радиоактивных отходов! Самое важное, что не позволяет нам перевести всю экономику на атомную энергию, — это мысль о том, что же делать с радиоактивными изотопами, образующимися в ходе реакции. Пропустить их через бассейн с препаратами этого фермента — и все! Стоит нам найти механизм, джентльмены, и можно не беспокоиться о радиоактивных осадках. Мы нашли бы и средство от лучевой болезни. Стоит слегка изменить механизм, и Гусыня сможет выделять любой нужный нам элемент. Как насчет яичной скорлупы из урана-двести тридцать пять? Механизм! Механизм!

Он, конечно, мог кричать «Механизм!» сколько угодно. Толку от этого не было.

Все мы сидели, сложа руки и уставившись на Гусыню.

Если бы яйца хоть насиживались. Если бы мы могли получить выводок гусей — ядерных реакторов...

— Это должно было случаться и раньше, — сказал Финли. — Легенды о таких птицах должны были на чем-то основываться.

— Может быть, подождем? — предложил Биллингс.

Если бы у нас было стадо таких гусей, мы могли бы разобрать несколько штук на части. Мы могли бы изучить их яичники. Мы могли бы взять срезы тканей и их гомогенаты.

Из этого могло бы ничего не выйти. Ткани биопсии печени не реагировали на кислород-18, в какие бы условия мы их ни помещали.

Но мы могли бы извлечь печень целиком. Мы могли бы исследовать неповрежденных зародышей, проследить, как у зародыша развивается этот механизм.

Но у нас была только одна Гусыня, и мы не могли сделать ничего подобного.

Мы не осмеливались резать Гусыню, Которая Несла Золотые Яйца.

Тайна была заключена в печенке этой толстой Гусыни.

Печенка толстой Гусыни! Для нас это было не просто сырье для приготовления знаменитого паштета из гусиной печенки — дело было куда серьезнее.

Невис произнес задумчиво:

— Нужна идея. Какой-нибудь радикальный выход из положения. Какая-нибудь решающая мысль.

— Легко сказать, — уныло сказал Биллингс.

Сделав жалкую попытку пошутить, я предложил:

— Может быть, дать объявление в газетах?..

И тут мне пришла в голову идея.

— Научная фантастика! — сказал я.

— Что? — переспросил Финли.

— Послушайте, научно-фантастические журналы печатают статьи-мистификации. Читатели воспринимают их как шутку, но их это заинтересовывает.

Я рассказал об одной такой статье, которую написал Азимов и которую я когда-то читал.

Это было встречено с холодным неодобрением.

— Мы даже не нарушим секретности, — продолжал я, — потому что этому никто не поверит.

Я рассказал им, как в 1944 году Клив Картмилл написал рассказ об атомной бомбе на год раньше, чем нужно, и как ФБР посмотрело на это сквозь пальцы.

Они уставились на меня.

— А у читателей научной фантастики бывают идеи. Не надо их недооценивать. Даже если они сочтут это мистификацией, они напишут издателю и выскажут ему свое мнение. И если у нас нет своих идей, если мы зашли в тупик, то что мы теряем?

Их все еще не проняло.

Тогда я сказал:

— А знаете, Гусыня не будет жить вечно.

Это подействовало.

Нам пришлось уговорить Вашингтон; потом я связался с Джоном Кэмпбеллом, издателем научной фантастики, а он связался с Азимовым.

И вот статья написана. Я ее прочел, одобрил и прошу вас всех ей не верить. Пожалуйста.

Но только...

Нет ли у вас какой-нибудь идеи?

МЕСТО, ГДЕ МНОГО ВОДЫ

Мы никогда не бываем в далеком космосе. Мало того, на нашей планете никогда не побывают обитатели иных миров — то есть больше никогда.

Собственно говоря, космические полеты вполне возможны, а обитатели иных миров уже побывали на Земле. Я это знаю точно. Космические корабли, несомненно, бороздят пространство между миллионами миров, но наших среди них никогда не будет. Это я тоже знаю точно. И все из-за одного нелепого недоразумения.

Сейчас я объясню подробнее.

В этом недоразумении виноват Барт Камерон, и, следовательно, вам надо узнать, что за человек Барт Камерон. Он шериф Твин Галча, штат Айдахо, а я его помощник. Барт Камерон — человек раздражительный, и особенно легко он раздражается, когда ему приходится подсчитывать свой подоходный налог. Видите ли, кроме того, что он шериф, он еще держит лавку, является совладельцем овцеводческого ранчо, получает пенсию как инвалид войны (у него повреждено колено) и имеет еще кое-какие доходы. Ну и конечно, ему нелегко подсчитать, сколько с него причитается налога.

Все бы ничего, если бы только он позволил налоговому инспектору помочь ему в этих подсчетах. Но Барт желает делать все сам, а в результате становится совсем невменяемым. Когда подходит 14 апреля, лучше держаться от него подальше.

И надо же было этому летающему блюдцу приземлиться здесь именно 14 апреля 1956 года!

Я видел, как оно приземлилось. Я сидел в кабинете шерифа, откинувшись со стулом к стене, и глядел на звезды за окном; читать журнал мне было лень, и я взвешивал, что делать дальше: завалиться ли спать или остаться тут и слушать, как Камерон непрестанно ругается, в сто двадцать седьмой раз проверяя длинные столбики цифр.

Сначала блюдце показалось мне падающей звездочкой. Потом светящаяся полоска расширилась, раздвоилась и превратилась в нечто вроде вспышек ракетного двигателя. Блюдце приземлилось уверенно и совсем бесшумно. Даже сухой лист, падая, зашуршал бы громче. Из блюдца вышли двое.

Я лишился дара речи и окаменел. Я был не в силах произнести ни слова — даже пальцем пошевелить не мог. Не мог даже моргнуть. Я просто продолжал сидеть, как сидел.

А Камерон? Он и глаз не поднял.

Раздался стук в незапертую дверь. Она отворилась, и вошли двое с летающего блюдца. Если бы я не видел, как оно приземлилось среди кустов, я принял бы их за приезжих из большого города: темно-серые костюмы, белые рубашки и палевые галстуки, а ботинки и шляпы черные. Сами они были смуглые, с черными кудрявыми волосами и карими глазами. Вид у них был очень серьезный, а ростом каждый был в пять футов десять дюймов! Они казались похожими как две капли воды.

Черт, как я перепугался!

А Камерон только покосился на дверь, когда она отворилась, и нахмурился. В другое время он, наверное, хохотал бы до упаду, увидев такие костюмы в Твин Галче, но теперь он был так поглощен своим подоходным налогом, что даже не улыбнулся.

— Чем могу быть вам полезен, ребята? — спросил он, хлопывая рукой по бумагам, чтобы показать, как он занят.

Один из гостей выступил вперед и сказал:

— В течение долгого времени мы наблюдали за вашими сородичами.

Он старательно отчеканивал каждое слово.

— Моиими сородичами? — спросил Камерон. — Нас же только двое — я и жена. Что она такое натворила?

Тот продолжал:

— Мы выбрали для первого контакта это место потому, что оно достаточно уединенное и спокойное. Мы знаем, что вы здешний руководитель.

— Я шериф, если вы это имеете в виду, так что валяйте. В чем дело?

— Мы тщательно скопировали то, как вы одеваетесь, и даже вашу внешность.

— Значит, по-вашему, я одеваюсь вот так? — Камерон только сейчас заметил, какие на них костюмы.

— Мы хотим сказать — то, как одевается ваш господствующий класс. Кроме того, мы изучили ваш язык.

Было видно, что Камерона наконец осенило.

— Так вы, значит, иностранцы? — сказал он.

Камерон недолюбливал иностранцев, так как встречался с ними преимущественно, пока служил в армии, но он всегда старался быть беспристрастным.

Человек с летающего блюдца сказал:

— Иностранцы? О да. Мы из того места, где много воды, — по-вашему, мы венерианцы.

(Я едва собрался с духом, чтобы моргнуть, но тут снова оцепенел. Я же видел летающее блюдо. Я видел, как оно приземлилось. Я не мог этому не поверить! Эти люди — или эти существа — прилетели с Венеры!)

Но Камерон и бровью не повел. Он сказал:

— Ладно. Вы — в Соединенных Штатах Америки. Здесь у всех нас равные права независимо от расы, вероисповедания, цвета кожи, а также национальности. Я к вашим услугам. Чем могу вам помочь?

— Мы хотели бы, чтобы вы немедленно связались с ведущими деятелями ваших Соединенных Штатов Америки, как вы их называете, чтобы они прибыли сюда для совещания, имеющего целью присоединение вашего народа к нашей великой организации.

Камерон медленно багровел.

— Значит, присоединение нашего народа к вашей организации! А мы и так уже члены ООН и бог весть чего еще. И я, значит, должен вытребовать сюда президента, а? Сию минуту? В Твин Галч? Сказать ему, чтобы поторапливался?

Он поглядел на меня, как будто ожидая увидеть на моем лице улыбку. Но я был в таком состоянии, что вышиби из-под меня стул — я бы даже упасть не смог.

Человек с летающего блюдца ответил:

— Да, промедление нежелательно.

— А Конгресс вам тоже нужен? А Верховный суд?

— В том случае, если они могут помочь, шериф.

И тут Камерон взорвался. Он стукнул кулаком по своим бумагам и заорал:

— Так вот, вы мне помочь не можете, и мне некогда возиться со всякими остряками, которым взбредет в голову явиться сюда, да еще к тому же иностранцами. И если вы сейчас же не уберетесь отсюда, я засажу вас за нарушение общественного порядка и никогда не выпущу!

— Вы хотите, чтобы мы уехали? — спросил человек с Венеры.

— И сейчас же! Проваливайте туда, откуда приехали, и не возвращайтесь! Я не желаю вас здесь видеть, и никто вас здесь видеть не желает.

Те двое переглянулись — их лица как-то странно подергались. Потом тот, кто говорил до этого, произнес:

— Я вижу в вашем мозгу, что вы в самом деле желаете, и очень сильно, чтобы вас оставили в покое. Мы не навязываем себя и свою организацию тем, кто не хочет иметь дела с нами или с ней. Мы не хотим вторгаться к вам насильно, и мы улетим. Мы больше не вернемся. Мы окружим ваш мир предостерегающими сигналами. Здесь больше никто не побывает, а вы никогда не сможете покинуть свою планету.

Камерон сказал:

— Послушайте, мистер, мне эта болтовня надоела. Считаю до трех...

Они повернулись и вышли. А я-то знал, что все их слова — чистая правда. Понимаете, я-то слушал их, а Камерон — нет, потому что он все время думал о своем подоходном налоге, а я как будто слышал, о чем они думали. Я знал, что вокруг Земли будет устроено что-то вроде загородки и мы будем заперты внутри и не сможем выйти и никто не сможет войти. Я знал, что так и будет.

И как только они вышли, ко мне вернулся голос — слишком поздно! Я завопил:

— Камерон, ради бога, они же из космоса! Зачем ты их выгнал?

— Из космоса? — Он уставился на меня.

— Смотри! — крикнул я. Не знаю, как мне это удалось — он на двадцать пять фунтов тяжелее меня, — но я схватил его за ши-

ворот и подтащил к окну, так что у него на рубашке отлетели все пуговицы до единой.

От удивления он даже не сопротивлялся, а когда опомнился и хотел было сбить меня с ног, то заметил, что происходит за окном, и тут уж захватило дух у него.

Эти двое садились в летающее блюдо. Блюдо стояло там же, большое, круглое, сверкающее и мощное. Потом оно взлетело. Оно поднялось легко, как перышко. Одна его сторона засветилась красновато-оранжевым сиянием, которое становилось все ярче, а сам корабль — все меньше, пока снова не превратился в падающую звезду, медленно погасшую вдали.

И тут я сказал:

— Шериф, зачем ты их прогнал? Им действительно надо было встретиться с президентом. Теперь они уже больше не вернутся.

Камерон ответил:

— Я думал, они иностранцы. Сказали же они, что выучили наш язык. И говорили они как-то чудно.

— Ах вот как! Иностранцы!

— Они же так и сказали, что иностранцы, а сами похожи на итальянцев. Ну я и подумал, что они итальянцы.

— Почему итальянцы? Они же сказали, что они венерианцы. Я слышал — они так и сказали.

— Венерианцы? — Он выпучил глаза.

— Да, они это сказали. Они сказали, что прибыли из места, где много воды. А на Венере воды очень много.

Понимаете, это было просто недоразумение, дурацкая ошибка, какую может сделать каждый. Только теперь люди Земли никогда не полетят в космос, мы никогда не доберемся даже до Луны, и у нас больше не побывает ни одного венерианца. А все из-за этого осла Камерона с его подходящим налогом!

Ведь он прошептал:

— Венерианцы! А когда они заговорили про это место, где много воды, я решил, что они венецианцы!

Херман Чаунс верил в предчувствия. Иногда они сбывались, иногда — нет. Примерно пятьдесят на пятьдесят. Однако, учитывая, что верный ответ приходилось выуживать из целой вселенной разных возможностей, пятьдесят на пятьдесят — очень даже неплохо.

Чаунс не всегда радовался своей способности так, как, казалось, следовало бы ожидать. Слишком дорого она ему обходилась. Люди ломали голову над проблемой, никак не могли с ней справиться и обращались к нему: «А как по-вашему, Чаунс? Включите-ка свою старушку интуицию!» А если он предлагал пустышку, ответственность возлагалась на него без всякой пощады.

Его обязанности полевого исследователя только ухудшали положение. «Думаете, эта планета заслуживает внимания? Как вы считаете, Чаунс?» А потому он почувствовал только облегчение, когда против обычного получил двухместное назначение (то есть в экспедицию без приоритетности, когда никто на тебя не давит), а в партнеры — Аллена Смита.

Смит был таким же практично-прозаичным, как его фамилия. В первый же день после отлета он сказал Чаунсу:

— Дело в том, что блоки памяти у вас в мозгу всегда в полной готовности. Столкнувшись с проблемой, вы в поисках решения вспоминаете куда больше мелочей, чем мы, остальные. Называть это предчувствием — значит ссылаться на нечто мистическое, чего на самом деле и в помине нет.— Смит провел ладонью по своим зализанным кверху волосам. Волосы у него были тонкие и прилегали к голове плотной шапочкой.

Чаунс, волосы которого отличались буйностью, а курносый нос был чуть сдвинут в сторону, ответил мягко (его обычный тон):

— Я думаю, не телепатия ли это?

— Что?!

— Ну, какое-то подобие...

— Чушь! — объявил Смит с безапелляционной насмешкой (его обычный тон). — Ученые разыскивали фактор пси больше тысячи лет и ничего не нашли. Его просто не существует — ни прекогниции, ни телекинеза, ни ясновидения, ни телепатии.

— Не спорю, но подумайте вот о чем. Если я получаю картину того, о чем думает каждый в данной группе людей — даже сам того не сознавая, — то интегрирую всю информацию и делаю вывод. Таким образом я знаю больше любого члена группы, а потому могу судить о проблеме яснее остальных... иногда.

— У вас есть хоть какое-нибудь доказательство этому?

Чаунс посмотрел на него кроткими карими глазами и ответил:

— Только предчувствие.

Они хорошо ладили друг с другом. Чаунса устраивала бодрая практичность Смита, а тот снисходительно принимал логические построения своего партнера. Они часто расходились во мнении, но не ссорились.

Даже когда они достигли своей цели — шарового звездного скопления, которое никогда прежде не знало выбросов энергии ядерного реактора, созданного людьми, нарастающее напряжение не вызвало разлада.

— Любопытно, — сказал Смит, — что они делают со всеми этими данными там, на Земле? Иногда все это кажется пустой тратой времени.

— Земля только-только начинает выходить в космос, — ответил Чаунс. — Невозможно предсказать, насколько далеко распространится человечество по Галактике, например, за миллион лет. Все данные, которые мы получим о любом мире, когда-нибудь могут оказаться критически важными.

— Ну, просто реклама, предлагающая поступить в бригады исследователей! По-вашему, тут может найтись что-то интересное? — Смит кивнул в сторону видеотабло, в центре которого уже

довольно близкое скопление смахивало на крупницы рассыпанного талька.

— Может быть. У меня есть предчувствие... — Чаунс умолк, сглотнул, поморгал и смущенно улыбнулся.

Смит раздраженно фыркнул:

— Давайте запеленгуем ближайшую звездную группу и пройдем наугад сквозь наиболее плотную ее часть. Десять против одного, что отношение Маккомина будет ниже двух десятых.

— Проиграете, — пробормотал Чаунс.

Его охватило волнение, которое всегда возникало в тот момент, когда перед ними должны были раскинуться новые миры, — чувство очень заразительное и каждый год одурманивавшее сотни юнцов. Юнцы — и он когда-то был таким — рвались в бригады, торопясь увидеть миры, которые их потомки когда-нибудь назовут своими. Каждый по-своему исследователь.

Они взяли пеленг, осуществили свой первый ближний гиперпространственный прыжок в шаровое скопление и начали сканировать звезды, выявляя планетные системы. Компьютеры выполняли свою работу, информация непрерывно накапливалась, и все шло привычным удовлетворительным образом, пока в системе 23, вскоре после завершения прыжка, гиператомные двигатели корабля не отключились.

— Странно, — пробормотал Чаунс. — Анализаторы не показывают, что произошло.

Он был совершенно прав: стрелки прихотливо плясали, ни разу не остановившись на значимый момент, так что определить причину отказа двигателей было невозможно. А следовательно, и произвести ремонт.

— Никогда не видел ничего подобного, — проворчал Смит. — Придется все выключить и произвести проверку вручную.

— Почему бы не заняться этим с удобствами? — заметил Чаунс, уже наводя телескопы. — Обычный двигатель в порядке, а в системе имеются две вполне приличные планеты.

— А! Насколько приличные и которые из всех?

— Первая и вторая из четырех. Обе имеют воду и кислород. Первая чуть теплее и больше Земли; вторая чуть холоднее и меньше Земли. Подходит?

— Жизнь?

— И на той и на другой. Во всяком случае, флора.

Смит что-то буркнул себе под нос. Все, впрочем, было достаточно обычным — растительность, как правило, имелась на планетах с водой и кислородом.

И в отличие от животных растительность можно было рассмотреть в телескоп — а вернее, засечь спектроскопически. В растительных организмах за все время были обнаружены только четыре фотохимических пигмента, и каждый легко определялся по характеру отражаемого им света.

— Растительность на обеих планетах принадлежит к хлорофильному типу, не более и не менее! — сказал Чаунс. — Совсем как Земля. Там нам будет уютно.

— Какая ближе? — спросил Смит.

— Вторая, и мы уже летим к ней. У меня предчувствие, что она окажется очень приятным миром.

— С вашего разрешения, я положусь на показания приборов, — сказал Смит.

Однако, по всей видимости, предчувствие в очередной раз не обмануло Чаунса. Планета оказалась приветливой — сложная система океанов и морей обеспечивала климат без значительных температурных перепадов; горные хребты были невысокими и пологими, а распределение растительности указывало на плодородие почв почти повсеместное.

Перед приземлением Чаунс встал у пульта. Вскоре Смит потерял терпение:

— Ну что вы выбираете? Чем одно место хуже другого?

— Я ищу какую-нибудь голую площадку. Для чего выжигать акры растений?

— Ну и сожжете, так что?

— А если не сожгу, так что?

В конце концов Чаунс отыскал голую площадку. И только приземлившись, они обнаружили первые признаки того, на что наткнулись.

— Космос меня побери! — пробормотал Смит.

Чаунс был совсем ошеломлен. Фауна встречалась гораздо реже флоры, и даже проблески разума среди животных казались огромной редкостью. А здесь всего в полумиле от корабля виднелись низкие, крытые листьями хижины — явно плод первобытного разума.

— Надо соблюдать осторожность, — растерянно пробормотал Смит.

— Не думаю, что есть хоть малейшая опасность, — заметил Чаунс и спокойно ступил на поверхность планеты. Смит последовал за ним.

Чаунс с трудом подавлял волнение.

— Потрясающе! До сих пор в лучшем случае сообщали о пещерах или о ветках, сплетенных в подобие шалаша.

— Надеюсь, аборигены безобидны.

— В такой мирной обстановке иначе и быть не может. Вдохните этот воздух!

Всюду вокруг корабля и до самого горизонта, не считая места, где гряда холмов нарушала его ровную линию, простиралась хлорофилловая зелень с ласкающими взгляд бледно-розовыми полосами там и сям. При ближайшем рассмотрении бледно-розовые полосы разделялись на отдельные цветки, изящные и душистые. Только участки непосредственно возле хижин отливали янтарем, напоминающим спелую пшеницу.

Из хижин вышли странные существа и направились к кораблю с какой-то робкой доверчивостью. У них было четыре ноги, скошенное туловище высотой около трех футов, голова с выпуклыми глазами (Чаунс насчитал их шесть), расположенными по ее периметру и способными двигаться одновременно в разные стороны. («Видимо, компенсация неподвижности головы», — подумал Чаунс.)

У каждого животного был раздвоенный на конце хвост, словно разделявшийся на две жилки, которые походили на две натянутые вертикально струны. Жилки непрерывно вибрировали, отчего их трудно было разглядеть.

— Идемте, — сказал Чаунс. — Они нам вреда не причинят, я в этом твердо уверен.

Животные, держась на почтительном расстоянии от людей, окружили их кольцом. Хвосты словно бы жужжали в разных тональностях.

— Возможно, так они общаются друг с другом, — заметил Чаунс. — И по-моему, они явные вегетарианцы. — Он указал на хижину, перед которой маленькая особь, присев на задние конечности, обрывала раздвоенным хвостом колосья и протаскивала каждый через рот, словно человек — кисть смородины.

— Люди едят салат, — возразил Смит, — это ничего не доказывает.

Из хижин появлялись все новые хвостатые существа: несколько секунд стояли, поглядывая на людей, а затем исчезали среди розового и зеленого.

— Вегетарианцы, — твердо сказал Чаунс. — Поглядите, с каким тщанием они ухаживают за главной своей культурой!

Главная культура, как обозначил ее Чаунс, представляла собой кольцо нежно-зеленых узких листьев у самой почвы. Из центра кольца поднимался мохнатый стебель, на котором через двухдюймовые промежутки сидели мясистые бутоны, все в прожилках и словно пульсирующие — такой жизни они были исполнены. Стебель завершался бледно-розовыми цветками, которые, если не считать окраски, даже походили на земные.

Располагались растения рядами и шпалерами с геометрической точностью. Почва возле каждого была аккуратно разрыхлена и присыпана каким-то веществом, которое могло быть только удобрением. Поле исчерчивали продольные и поперечные проходы такой ширины, чтобы по ним могло проходить животное, а по сторонам проходов тянулись узенькие канавки, явно предназначенные для стока воды.

Животные тем временем разошлись по полю и усердно трудились, почти припадая головой к земле. Возле людей их осталось совсем мало.

— Отличные земледельцы, — одобрительно заметил Чаунс.

— Да, недурно, — кивнул Смит и энергичной походкой направился к ближайшему цветку. Он уже протянул руку к бледно-розовым лепесткам, но тут его остановило жужжание жилок, ставшее невыносимо пронзительным, а к его запястью прикоснулся хвост. Прикоснулся мягко, но загораживая растение от Смита.

— Какого космоса... — Смит попятился и уже потянулся за бластером, но тут Чаунс сказал:

— Легче, легче! Причин волноваться нет никаких.

Теперь перед ними собрались шестеро животных, кротко предлагая гостям колосья — кто обвив колос хвостом, кто толкая его мордой.

— Они держатся вполне дружелюбно, — продолжил Чаунс. — Возможно, их обычаи запрещают срывать цветки. Вполне вероятно, что уход за растениями регулируется жесткими правилами. Культура, опирающаяся на земледелие, скорее всего, выра-

ботала ритуалы и обряды, обеспечивающие плодородие, и только богу известно, в чем они заключаются. Уход за растениями явно подчинен строгому распорядку — взгляните хотя бы на точно вымеренные ряды... Космос! Какой эффект это произведет дома!

Жужжание жилок вновь стало пронзительным, и существа попятись, а из самой большой хижины в центре появилось еще одно.

— Наверное, вождь, — шепнул Чаунс.

Тот медленно приближался к ним, держа хвост высоко. Каждая жилка обвивала по небольшому черному предмету. В двух шагах от гостей хвост изогнулся в их сторону.

— Это подарок! — изумленно воскликнул Смит. — Чаунс, вы только поглядите!

Но Чаунс уже глядел во все глаза. И еле выговорил:

— Гиперпространственные визирь Гамова! Приборы, стоящие по десять тысяч долларов каждый!

Примерно через час Смит снова вышел из корабля. Еще в дверях он возбужденно закричал:

— Они работают! Безупречно. Мы богаты!

— Я осматривал их хижины, — крикнул в ответ Чаунс, — но больше ни одного не нашел.

— Два — это тоже не кот наплакал. Господи, они же ничем не хуже пачки банкнот!

Однако Чаунс все еще раздраженно поглядывал по сторонам, уперев руки в бока. Трое хвостатых следовали за ним из хижины в хижину терпеливо, ни в чем не препятствуя, но неизменно держась между ним и геометрическими рядами бледно-розовых цветков. А теперь они многоглазно уставились на него. Смит сказал:

— К тому же это новейшая модель. Вот посмотрите!

Он указал на выпуклую надпись: «Модель X-20, производство Гамова, Варшава, европейский сектор».

Чаунс ответил с досадой:

— Меня интересует, как раздобыть еще. Я знаю, они здесь есть. И они мне нужны! — Щеки у него побагровели, он тяжело дышал.

Солнце заходило, температура заметно упала. Смит чихнул, потом чихнул Чаунс.

— Мы простудимся,— прогнусавил Смит.

— Я должен им растолковать! — сказал упрямо Чаунс. Он торопливо проглотил банку свиных сосисок, запил банкой кофе и был готов снова приступить к поискам.

— Еще! — обратился Чаунс к аборигенам, подняв визир и широко разводя руки. Указал на один визир, потом на другой, а потом на разложенные перед ним воображаемые визиры. — Еще!

Затем, когда верхний краешек солнца закатился за горизонт, над полем разнеслось громкое жужжание — все находящиеся там существа наклонили головы, задрали раздвоенные хвосты и завибрировали ими так, что они стали совсем невидимыми в сумеречном свете.

— Какого космоса... — с тревогой пробормотал Смит. — Эй! Поглядите-ка на цветки! — Он снова чихнул.

Бледно-розовые цветки съеживались на глазах. Чаунс повысил голос, перекрикивая шум:

— Возможно, реакция на закат. Вы же знаете, многие цветы на ночь закрываются. А жужжание, вполне возможно, ритуальное прощание с ними на ночь.

Но Чаунса тут же отвлек легкий удар хвоста по запястью. Хвост этот принадлежал существу, подошедшему совсем близко, и теперь задрался, указывая на сверкающую точку в небе над западным горизонтом. Хвост изогнулся, указал на визир, затем вновь нацелился на звезду.

— Ну конечно же! — возбужденно заявил Чаунс. — Другая обитаемая планета. Визирь, наверное, попали сюда оттуда. — И тут, внезапно вспомнив, он вскричал: — Смит! Гиператомные двигатели ведь не работают!

Смит растерянно взглянул на него, будто тоже совсем забыл, потом промямлил:

— Как раз собирался сказать вам. Они в полном порядке.

— Вы их наладили?

— И пальцем к ним не прикасался. Но, проверяя визиры, я включил двигатели, и они заработали. В тот момент я даже внимания не обратил. Совсем из головы вылетело, что они забарахлили. Так или иначе, сейчас они работают.

— Так полетели! — сказал Чаунс, не задумываясь о том, что им следовало бы выспаться.

Полет продолжался шесть часов, и оба не сомкнули глаз. Они не отходили от пультов управления, словно в каком-то наркотическом одурении. И вновь для посадки они подыскивали голую площадку.

Снаружи стояла дневная субтропическая жара. Почти рядом мирно струила воды широкая мутная река. Ближний берег представлял собой откос из спекшейся глины, весь в темных провалах.

Люди спустились на поверхность планеты, и Смит хрипло вскрикнул:

— Чаунс! Вы только поглядите!

Чаунс сбросил с плеча его руку и ахнул:

— Те же самые растения. Чтоб мне провалиться! Да, те же бледно-розовые цветки, стебель в бутонах с прожилками, венчик бледно-зеленых листьев внизу. И располагаются в строго геометрическом порядке, почва удобрена, проведены оросительные канавки.

— А мы не ошиблись? — пробормотал Смит. — Описали круг и...

— Поглядите на солнце! Его диаметр вдвое больше. И взгляните вон туда.

Из ближайших провалов в откосе выползали длинные существа ровного светло-коричневого цвета, гибкие и лишённые конечностей, как змеи, диаметром в фут и десяти футов в длину. Оба конца тварей были одинаково тупыми и безликими. Примерно посередине туловища виднелось вздутие. И словно по сигналу, на глазах у исследователей все вздутия расплющились в плоские овалы и как бы треснули, образовав безгубые зияющие пасти, которые открывались и закрывались со звуком, напоминавшим скрежет сухой ветки о сухую ветку в лесу.

Затем, как и на первой планете, видимо, удовлетворив любопытство и успокоив страхи, почти все змееподобные существа заскользили по земле к тщательно обработанному полю с растениями.

Смит чихнул с такой силой, что с рукава его куртки поднялось облачко пыли. Он уставился на него с изумлением и принялся хлопать себя ладонями по груди и бокам.

— Черт, я весь пропылился! — Пыль обволакивала его, точно бледно-розовый туман. — И вы тоже, — добавил он, хлопнув Чаунса по спине.

Оба расчихались.

— Набрались ее на той планете, мне кажется,— сказал Чаунс.

— Того и гляди заработаем аллергию.

— Ни в коем случае! — Чаунс протянул визир в сторону змеев и крикнул: — У вас такие есть?

Некоторое время ничего не происходило. Только пара-другая змеев соскользнули в реку, вынырнули с серебристыми пучками чего-то и подсунили их под себя — видимо, в укрытый там рот.

Все же один змей, более длинный, чем остальные, заскользил по земле к людям, вопросительно приподняв один тупой конец своего туловища и помахивая им из стороны в сторону. Бугор на середине начал вздуться — сначала медленно, затем стремительно и лопнул пополам с довольно громким хлопком. Там между раздвинувшимися краями виднелись два визира, точные копии первых двух.

— Господи боже ты мой! — ахнул Чаунс. — Просто чудо, верно?

Он торопливо шагнул вперед и протянул руку. Складки, в которых лежали визиры, вспучились, удлинились, превратились в подобие шупалец и потянулись навстречу ему.

Чаунс захохотал. Визиры Гамова! Точь-в-точь как те два!..

— Чаунс, вы меня слышите? — кричал Смит. — Черт подери! Да опомнитесь же!

— Что? — пробормотал Чаунс, вдруг осознав, что Смит докрикивается до него уже больше минуты.

— Да поглядите же на цветы, Чаунс!

Цветки закрывались, как и на первой планете, а змеиные тела поднимались вертикально, балансируя на одном конце и раскачиваясь в прихотливом неровном ритме. Над розовой дымкой видны были только тупые концы.

— Тут уж вы не станете утверждать, что они закрываются из-за приближения ночи. День еще в разгаре.

— Разные планеты, разная флора. — Чаунс пожал плечами. — Пошли! Мы ведь получили тут только два визира. Их должно быть больше!

— Чаунс, пора возвращаться. — Смит встал как вкопанный и крепко ухватил Чаунса за воротник.

Чаунс негодуя повернул к нему побагровевшее лицо:

— Что вы делаете?

— Готовлюсь оглушить вас, если вы сейчас же не вернетесь со мной на корабль.

Чаунс на мгновение застыл в нерешительности, а потом дикое возбуждение в нем поугасло, сменилось апатичностью.

— Ладно,— кивнул он.

Они уже почти выбрались из звездного скопления, когда Смит сказал:

— Ну, как вы?

Чаунс сел на койку и запустил пятерню в волосы.

— Пожалуй, нормально. Во всяком случае, в голове у меня прояснилось. Долго я спал?

— Двенадцать часов.

— А вы?

— Вздремнул немного.— Смит демонстративно обернулся к приборам и что-то настроил, потом добавил неловко: — Вы знаете, что произошло на тех планетах?

— Не поделитесь со мной?

— На обеих планетах,— сказал Смит,— растения были одинаковые. Согласны?

— Безусловно.

— Каким-то образом их пересадили с одной планеты на другую. На обеих они растут одинаково хорошо. Но время от времени — для поддержания жизнедеятельности, думаю мне,— должно происходить перекрестное опыление между двумя разновидностями. На Земле такое происходит постоянно.

— Перекрестное опыление?..

— И для его осуществления использовали нас. Мы высадились на одной планете, и нас засыпало пылью. Помните, как закрывались цветки? Видимо, после того как выбросили пыльцу, а мы из-за этого расчихались. Затем мы высадились на другой планете и стряхнули пыльцу с одежды. Возникнет новая гибридная разновидность. А мы были просто двумя двуногими пчелами, Чаунс, и исполняли свою обязанность, как опылители.

Чаунс улыбнулся:

— Не слишком завидная роль, если подумать.

— Черт, не в этом дело! Разве вы не видите опасности? Не понимаете, почему мы должны побыстрее добраться домой?

— Почему?

— Потому что организмы не адаптируются, если адаптироваться не к чему. А эти растения, очевидно, адаптировались к межпланетному перекрестному опылению. Нам даже заплатили, как платят пчелам — правда, не нектаром, а визирами Гамова.

— Ну и что?

— А то, что межпланетное опыление невозможно без помощи кого-то или чего-то. На этот раз роль опылителей досталась нам, но мы же первые люди, побывавшие в этом скоплении. Следовательно, прежде это делали какие-то другие существа, которые и пересадили растения с первой планеты на вторую. Значит, где-то в этом скоплении существует разумная раса, уже достигшая уровня космических полетов. И Земля должна об этом знать!

Чаунс медленно покачал головой. Смит нахмурился:

— Какие-нибудь нелогичности в ходе моих рассуждений?

Чаунс зажал голову в ладонях. Вид у него был глубоко несчастный.

— Скажем, вы почти все упустили.

— Что же я упустил? — сердито спросил Смит.

— Ваша теория перекрестного опыления сама по себе логична, но вы кое-чего не учли. Когда мы приблизились к этой солнечной системе, наши гиператомные двигатели отказали, причем приборы не смогли ни определить причины, ни тем более ее устранить. После приземления мы к ним не прикасались. Просто забыли о них. А затем вы включили двигатели, и выяснилось, что они в полном порядке, однако на вас это не произвело никакого впечатления — настолько, что мне вы рассказали об этом лишь несколько часов спустя. Далее: как удачно мы выбрали на обеих планетах место для приземления — возле места обитания группы животных. Счастливый случай? А наша ничем не оправданная уверенность в их дружелюбии? И мы даже вышли на поверхность, не озаботившись проверить, не ядовита ли атмосфера. Но больше всего меня пугает, что я прямо-таки обезумел из-за визиров Гамова. Почему? Конечно, это ценные приборы, но не настолько же! И обычно возможность заработать быстро доллар-другой не приводит меня в исступление.

Смит слушал в тревожном молчании, а теперь сказал:

— Не вижу, как все это увязывается между собой.

— Бросьте, Смит! Вы все прекрасно понимаете. Разве вам не ясно, что нашей психикой кто-то манипулировал?

Губы Смита изогнулись в презрительной усмешке, но на его лице мелькнула тень сомнения.

— Вы опять оседлали своего парапсихологического конька?

— Да, факты — упрямая вещь. Я ведь говорил вам, что мои предчувствия могут быть своего рода зачатками телепатии.

— И это тоже факт? Пару дней назад вы так не считали.

— А теперь считаю. Послушайте, я более восприимчив, чем вы, и поэтому все это подействовало на меня сильнее. Теперь, когда все позади, я лучше понимаю, что произошло, потому что воспринял больше. Ясно?

— Нет,— резко ответил Смит.

— Вы сами сказали, что визеры Гамова послужили нектаром, который подтолкнул нас произвести опыление. Так?

— Ну да.

— В таком случае откуда они там взялись? Земные приборы, и мы даже прочли на них название фирмы и номер модели. Букву за буквой. Но если до нас люди ни разу не побывали в этом скоплении, откуда взялись там визеры? Ни я, ни вы тогда себя об этом не спросили, а вас и сейчас это вроде не беспокоит.

— Ну-у...

— Что вы сделали с визерами, Смит, когда мы вернулись на корабль? Вы забрали их у меня, это я помню.

— Положил их в сейф,— ответил Смит, словно оправдываясь.

— И больше их не вынимали?

— Нет.

— А я?

— Нет, насколько мне известно.

— Даю вам слово, что я к ним не прикасался. Так почему бы не открыть сейф сейчас?

Смит медленно подошел к сейфу, настроенный на отпечатки его пальцев, и не глядя засунул руку внутрь. Выражение на его лице мгновенно изменилось. Вскрикнув, он заглянул в сейф, а затем выгреб его содержимое.

В руках у него были четыре разноцветных камня, более или менее прямоугольной формы.

— Они использовали наши эмоции, чтобы управлять нами,— негромко сказал Чаунс, словно вгоняя слово за словом в упрямый мозг своего собеседника.— Они заставили нас поверить, что атомные двигатели вышли из строя, чтобы мы приземлились на одной из их планет — какой именно, значения не имело, думается мне. Они внушили нам, будто мы держим в руках ценнейшие приборы, чтобы мы обязательно помчались на вторую планету.

— Кто эти «они»? — простонал Смит.— Хвосты или змеюки? Или и те и другие?

— Не те и не другие,— ответил Чаунс.— А растения.

— Растения? Цветки?!

— Разумеется. Мы видели, что два разных вида животных ухаживают за растениями одного вида. Поскольку мы сами животные, то и предположили, что хозяева планет — животные. Но, собственно, с какой стати? Ведь всю выгоду получают растения.

— Мы тоже ухаживаем за растениями на Земле, Чаунс.

— Но мы эти растения едим.

— А может, эти животные тоже их едят?

— Скажем, я знаю, что они их не едят,— возразил Чаунс.— Нами они управляли очень умело. Вспомните, как я искал для посадки бесплодную площадку.

— Я такой потребности не испытывал.

— У пульта стояли не вы, а потому они вами не интересовались. И вспомните, мы не заметили пыльцы, хотя были обсыпаны ею, и продолжали не замечать, пока не высадились на второй планете. А тогда по приказу стряхнули ее.

— Ничего более невозможного я и представить себе не могу.

— Почему невозможного? Мы не связываем интеллект с растениями, потому что у них нет нервной системы. Но у этих она, вероятно, есть. Вспомните бутоны на стеблях. Ну и растения неподвижны. Но это им не мешает, если у них развились парапсихологические способности и они подчиняют себе животных, обладающих способностью двигаться. Их окружают заботой, удобряют, поливают, опыляют и так далее. Животные преданно ухаживают за растениями и счастливы, потому что им внушают ощущение счастья.

— Мне вас жаль, — глухо произнес Смит. — Если вы попытаете рассказать эту сказочку на Земле, то... Мне вас жаль.

— У меня нет никаких иллюзий, — пробормотал Чаунс. — И все же... Я обязан предупредить Землю. Вы видели, что они делают с животными.

— По-вашему, превращают в рабов?

— Хуже того. Либо хвостатые, либо змееподобные, либо и те и другие наверняка когда-то находились на достаточно высоком уровне развития и совершали космические полеты. Иначе растения не могли бы оказаться на обеих планетах. Но стоило растениям развить пси-фактор, как всему этому пришел конец. Возможно, эти растения были мутантами. Животные на стадии овладения атомом становятся опасными. А потому их заставили забыть и превратили в то, что мы видели. Черт побери, Смит! Эти растения — самое опасное, что только есть во Вселенной. Землю необходимо предупредить о них, ведь и другие земляне могут посетить это скопление.

Смит засмеялся:

— Знаете, вы попали пальцем в небо. Если эти растения действительно подчинили нас себе, почему они отпустили нас, не воспрепятствовали нам предупредить других?

Чаунс запнулся.

— Не знаю, — наконец выдавил он.

Смит успокоился.

— На минуту, готов признаться, я было вам поверил.

Чаунс энергично потер затылок. Почему их отпустили? И, если на то пошло, почему он испытывает такое непреодолимое стремление как можно скорее предупредить Землю об опасности, с которой земляне вряд ли соприкоснутся раньше чем через тысячу лет?

Он отчаянно напрягал мысли, и что-то забрезжило. Чаунс попытался нащупать смутную идею, но она ускользнула. На мгновение он с отчаянием подумал, что ее словно вытолкнули из его мозга, но затем и это ощущение пропало.

Он знал только, что корабль должен двигаться с предельной скоростью, что им необходимо торопиться.

И вот после неисчислимых лет вновь сложились необходимые условия. Протоспоры двух разнопланетных разновидностей материнского растения встретились, смешались, вместе проник-

ли в одежду, волосы и корабль новых животных. И почти сразу же образовались гибридные споры. Только им была дана способность потенциально приспособиться к условиям новой планеты.

Теперь споры тихо ждали на корабле, который вместе с существами, чье сознание находилось в плену последнего импульса материнского растения, мчал их на предельной скорости к новому спелому миру, где свободно движущиеся твари будут заботливо предупреждать все их нужды.

Споры ждали с растительным терпением (всепобеждающим терпением, о каком понятия не имеет ни одно животное), ждали прибытия на новый мир — каждая по-своему исследователь.

Элвис Блей потер пухлые ручки и произнес:

— Самое главное — внутреннее содержание.

Он тревожно улыбнулся и поднес землянину Стиву Ламораку зажигалку. На его гладком лице с маленькими, широко посаженными глазками было написано беспокойство.

Ламорак кивнул, затаился дымом и вытянул длинные ноги. У него была крупная волевая челюсть и подернутые сединой волосы.

— Домашнее производство? — поинтересовался он, критически разглядывая сигарету и пытаясь скрыть собственную тревогу за нервозностью собеседника.

— Да, — кивнул Блей.

— Удивительно, как вы нашли в своем крошечном мире место для подобной роскоши, — заметил Ламорак.

(Он вспомнил, как первый раз увидел Элсвер в иллюминатор космического корабля. Перед ним предстал неровный, безвоздушный планетоид диаметром около ста миль. Серый, как пыль, шершавый, грубый камень мрачно поблескивал под собственным светилом, отдаленным на двести миллионов миль. Планетоид был единственным вращающимся вокруг звезды небесным телом, диаметр которого превышал милю. И вот до этого крошечного, миниатюрного мира добрались люди и основали здесь свое поселение. Сам же Ламорак был по профессии социологом, прибывшим посмотреть, как сумело человечество приспособиться к этой причудливой, не похожей на другие нише.)

Вежливая, натянутая улыбка Блея растянулась еще на один волосок.

— Мы не крошечный мир, доктор Ламорак, — ответил он. — Просто вы судите о нас в двухмерных стандартах. Площадь поверхности Элсвера составляет лишь три четверти от занимаемой Нью-Йорком территории, но это ничего не значит. Не забывайте, что при желании мы можем занять всю внутреннюю часть Элсвера. Сфера радиусом в пятьдесят миль имеет объем, превышающий полмиллиона кубических миль. Если разбить весь объем Элсвера на уровни с расстоянием в пятьдесят футов один от другого, общая площадь поверхности планетоида составит пятьдесят шесть миллионов квадратных миль, что равняется общей площади поверхности Земли. Причем у нас не будет ни одного непродуктивного клочка, доктор.

— Боже милосердный, — пробормотал Ламорак и на мгновение тупо уставился перед собой. — Ну да, конечно, вы правы. Я никогда не пытался взглянуть на Элсвер с такой точки зрения. С другой стороны, это единственный по-настоящему разработанный планетоидный мир во всей Галактике; остальные, как вы справедливо заметили, просто не могут преодолеть барьеры двухмерного мышления. Что ж, я чрезвычайно признателен, что ваш Совет оказался столь любезен и предоставил мне все возможности для проведения необходимых исследований.

При этих словах Блей мрачно кивнул.

Ламорак нахмурился. Ему вдруг показалось, что советник совсем не рад его приезду. Что-то тут не так.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал Блей, — что на самом деле нам еще расти и расти. Пока вырыта и заселена лишь незначительная часть Элсвера. Да мы и не торопимся особенно расширяться. Все должно идти своим чередом. В определенной мере нас существенно ограничивают возможности наших псевдогравитационных двигателей и конвертеров солнечной энергии.

— Понимаю. Скажите, советник Блей, могу ли я начать осмотр с сельскохозяйственных и животноводческих уровней? Для моего исследования это не принципиально, мне просто очень интересно взглянуть на ваши фермы. Даже не верится, что внутри планетоида могут колоситься пшеничные поля и бродить скот.

— Скот вам покажется мелковатым, доктор, да и пшеницы у нас немного. Гораздо больше площадей отведено под ячмень. Но пшеницу мы вам покажем. А также хлопок и табак. Посмотрите даже фруктовые деревья.

— Прекрасно. Как вы говорите, внутреннее содержание. Полагаю, у вас все проходит полную переработку.

От наметанного глаза Ламорака не ускользнуло, что последнее замечание неприятно затронуло Блей. Элсверианин прищурился, стараясь скрыть раздражение.

— Да, конечно, нам приходится перерабатывать отходы. Вода, воздух, пища, минералы — все, что мы используем для жизни, должно быть возвращено в первоначальное состояние; отходы перерабатываются на сырье. Нам нужна только энергия, а ее у нас предостаточно. Конечно, пока нам не удастся выйти на стопроцентный уровень, какая-то часть безвозвратно теряется. Каждый год мы импортируем определенное количество воды; если наши потребности возрастут, придется ввозить уголь и кислород.

— Когда начнем осмотр, советник Блей? — спросил Ламорак.

Улыбка Блей утратила остатки теплоты:

— Как только это станет возможным, доктор. Кое-что надо подготовить.

Ламорак кивнул, докурил сигарету и затушил окурок.

Кое-что подготовить?.. В предварительной переписке об этом не упоминалось. Напротив, складывалось впечатление, что на Элсвере гордятся тем, что их уникальное планетоидное существование привлекло внимание специалистов из других частей Галактики.

— Я понимаю, что мое присутствие может встревожить тесное, налаженное существование вашего общества, — мрачно произнес Ламорак и подождал, пока Блей осмыслит сказанное.

— Да, — наконец откликнулся элсверианин. — Мы чувствуем себя отрезанными от всей Галактики. Ну и у нас есть свои обычаи. Каждый человек на Элсвере занимает собственную нишу. Появление незнакомца, не принадлежащего к определенной касте, вносит сумятицу.

— Кастовая система не отличается гибкостью.

— Это так, — поспешно согласился Блей, — но она обеспечивает определенную устойчивость. У нас существуют строгие

правила заключения браков и жесткое наследование профессии. Каждый мужчина, женщина и ребенок знают свое место, принимают его и уверены в том, что их, в свою очередь, тоже признают и принимают. У нас практически не бывает неврозов или умственных расстройств.

— Значит, у вас нет неудачников? — спросил Ламорак.

Блей открыл рот, явно намереваясь ответить «да», но вдруг осекся. На лбу его обозначилась глубокая морщина. Помолчав, он произнес:

— Я постараюсь все организовать, доктор. А пока вам следует воспользоваться случаем и хорошенько выспаться.

Они поднялись и вышли из комнаты, в дверях Блей вежливо пропустил землянина вперед.

После разговора с Блеем у Ламорака остался гнетущий осадок. Похоже, дела тут идут не лучшим образом.

Местная пресса еще больше усилила это ощущение. Он внимательно изучил ее перед сном, движимый поначалу простым любопытством. Восемистраничная газета была напечатана на синтетической бумаге. Четверть всех материалов составляла персональная хроника: рождения, смерти, данные о расширении сферы обитания (не площади, а объема!). Остальное отводилось под научные очерки, образовательные статьи и беллетристику. Новостей в привычном Ламораку виде не было вообще.

К ним можно было условно отнести одно сообщение, поражающее своей незавершенностью.

За маленьким заголовком «Требования не изменились» шел следующий текст: «Со вчерашнего дня его отношение к ситуации не изменилось. Главный советник после второй встречи объявил, что его требования неразумны и не могут быть выполнены ни при каких обстоятельствах».

Затем в скобках и другим шрифтом было напечатано следующее заявление: «Издатели данной газеты согласны, что Элсвер не может и не должен плясать под его дудку, что бы ни случилось».

Ламорак перечитал заметку трижды. Его отношение. Его требования. Его дудка.

Чье?

В ту ночь он спал тревожно.

На следующий день ему было не до газет, но время от времени он невольно вспоминал эту заметку.

Сопровождавший его на протяжении всей экскурсии Блей был еще более сдержан.

На третий день (весьма условно определенный по земной суточной схеме) Блей остановился в одном месте и объявил:

— Ну вот. Этот уровень полностью занят химическими производствами. Интересы он не представляет...

Советник повернулся чуть поспешнее, чем следовало, и Ламорак схватил его за руку:

— А что производят на этом уровне?

— Удобрения. Необходимую органику, — коротко ответил Блей.

Ламорак удерживал его на месте, пытаясь получше разглядеть место, которое Блей так торопился покинуть. Взгляд уперся в близкий горизонт, тесные здания, камни и перекрытия между уровнями.

— Скажите, вон там... разве это не частное владение? — поинтересовался Ламорак.

Блей даже не взглянул в указанном направлении.

— По-моему, это самое большое жилище из всех, что мне доводилось здесь видеть, — сказал Ламорак. — Почему оно находится на фабричном уровне?

Это было любопытно само по себе. Он уже отметил, что на Элсвере все уровни четко подразделялись на жилые, промышленные и сельскохозяйственные.

Землянин обернулся и позвал:

— Советник Блей!

Советник решительно удалялся, и Ламораку пришлось догонять его чуть ли не бегом.

— Что-то не так, сэр?

— Простите, я веду себя невежливо, — пробормотал Блей. — Я знаю. Есть проблемы, требующие немедленного решения... — Он продолжал быстро шагать в неизвестном Ламораку направлении.

— Это касается его требований?

Блей застыл как вкопанный.

— А вам что об этом известно?

— Не больше, чем я сказал. Вычитал в газете.

Блей произнес что-то неразборчивое.

— Рагусник? — спросил Ламорак. — Что это такое?

Блей тяжело вздохнул.

— Полагаю, я должен вам объяснить. Все это унинительно и чрезвычайно запутанно. Совет полагал, что вопрос будет быстро улажен и не должен никоим образом коснуться вашего визита. Вам ничего не положено знать и не о чем тревожиться. Но прошла уже почти неделя. Я не представляю себе развития событий, однако, учитывая, как все складывается, полагаю, что вам следует уехать. Человеку из другого мира нет смысла рисковать жизнью.

Землянин недоверчиво улыбнулся:

— Рисковать жизнью? В таком маленьком, благоустроенном мире? Не верю.

— Постараюсь объяснить, — произнес советник. — Считаю, что я должен это сделать. — Он отвернулся. — Как я уже говорил, все на Элсвере должно перерабатываться и вновь идти в дело.

— Да.

— В том числе и... продукты жизнедеятельности человека.

— Естественно, — кивнул Ламорак.

— Вода отсасывается из них путем дистилляции и абсорбции. Оставшееся перерабатывается на удобрения. Часть идет на сырье для органики и сопутствующих продуктов. Перед вами фабрики, где совершается данный процесс.

— И?..

В первые минуты на Элсвере Ламорак испытывал определенные трудности при употреблении воды: он прекрасно отдавал себе отчет, откуда она берется. Потом ему удалось справиться с этим чувством. Даже на Земле вода добывается из всякой дряни.

С трудом преодолевая себя, Блей произнес:

— Игорь Рагусник — это человек, отвечающий за промышленную переработку отходов. Этим занимались его предки с момента колонизации Элсвера. Одним из первых поселенцев был Михаил Рагусник, и он... он...

— Отвечал за переработку нечистот.

— Да. Дом, на который вы обратили внимание, принадлежит Рагуснику. Это самый роскошный и благоустроенный дом на планетоиде. Рагусник пользуется привилегиями, недоступными большинству из нас, но... — С неожиданной страстью советник закончил: — Мы не можем с ним договориться!

— Что?

— Он потребовал полного социального равенства. Настаивает на том, чтобы его дети воспитывались вместе с нашими, а наши жены посещали... О! — простонал он с нескрываемым отвращением.

Ламорак подумал о газетной статье, в которой даже не рискнули напечатать имя Рагусника и объяснить суть его требований.

— Полагаю, из-за профессии он считается отверженным.

— Естественно. Человеческие нечистоты и... — Блей не находил нужных слов. Помолчав, он сказал уже спокойнее: — Как землянин вы все равно не поймете.

— Думаю, пойму как социолог. — Ламорак вспомнил о неприкасаемых в древней Индии, о людях, которые таскали трупы. И о свинопасах в древней Иудее. — Полагаю, Элсвер не пойдет на уступки, — заметил он.

— Никогда, — энергично воскликнул Блей. — Никогда!

— И что?

— Рагусник угрожает остановить производство.

— Другими словами, объявить забастовку.

— Да.

— Это может иметь серьезные последствия?

— Воды и пищи нам хватит надолго. В этом смысле рециркуляция не имеет принципиального значения. Но нечистоты будут накапливаться и могут вызвать эпидемию. После многих поколений, выросших в условиях тщательного контроля за болезнями, у нас крайне низкая сопротивляемость инфекционным заболеваниям. Если вспыхнет эпидемия, мы начнем гибнуть сотнями.

— И Рагусник об этом знает?

— Разумеется.

— Вы считаете, он способен осуществить свою угрозу?

— Он совсем спятил. Он уже прекратил работу, отходы не перерабатываются с момента вашего прилета. — Мясистый нос Блея сморщился, словно пытаясь учуять запах экскрементов.

Ламорак тоже невольно принюхался, но ничего не почувствовал.

— Теперь вы понимаете, почему вам было бы лучше улететь. Конечно, нам унизительно предлагать вам такой выход.

— Подождите,— остановил его Ламорак.— Зачем же спешить? С профессиональной точки зрения это чрезвычайно интересно. Могу ли я переговорить с Рагусником?

— Ни при каких обстоятельствах! — с тревогой заявил Блей.

— Но мне бы хотелось прояснить ситуацию. Здесь у вас уникальные социологические условия, которые невозможно воспроизвести ни в каком другом месте.

— Как вы собираетесь с ним говорить? Вас устроит видеосвязь?

— Это возможно?

— Я запрошу согласие Совета,— пробормотал Блей.

Члены Совета расселись вокруг Ламорака. На надменных лицах застыла тревога. Блей старательно избегал смотреть Ламораку в глаза.

Главный советник, седой человек с иссеченным морщинами лицом и тощей шеей, мягким голосом произнес:

— Если вам удастся его переубедить, мы будем вам очень признательны. Как бы то ни было, не дайте ему понять, что мы готовы пойти на уступки.

Прозрачный занавес отгородил Ламорака от членов Совета. Он по-прежнему мог различать отдельных людей, но все внимание землянина было приковано к засветившемуся ровным светом экрану.

Вскоре на нем появилась голова человека. Цвета были естественны, а изображение предельно четким. Сильная, темноволосая голова с массивным тупым подбородком и полными красными губами, образующими твердую горизонтальную линию.

— Кто вы такой? — подозрительно поинтересовалось изображение.

— Меня зовут Стив Ламорак. Я землянин.

— Из другого мира?

— Да. Я прилетел на Элсвер. Вы Рагусник?

— Игорь Рагусник к вашим услугам,— насмешливо произнес голос с экрана.— Правда, никаких услуг не будет, пока ко мне и моей семье не начнут относиться как к людям.

— Вы сознаете, какой опасности подвергаете Элсвер? Не исключена вспышка эпидемии.

— Если они начнут относиться ко мне по-человечески, я управлюсь в двадцать четыре часа. Все зависит от них.

— Похоже, вы образованный человек, Рагусник.

— И?..

— Мне сказали, что вы пользуетесь всеми материальными благами. У вас лучший дом и лучшая на всем Элсвере одежда. Ваши дети получают лучшее образование.

— Да. Но это достигается при помощи сервомеханизмов. Нам присылают девочек-сирот, которых мы воспитываем до того возраста, когда они становятся нашими женами. Они умирают от одиночества. Почему? — В голосе его проснулась неожиданная страсть: — Почему мы должны жить в изоляции, словно монстры? Почему мы не имеем права общаться с другими людьми? Разве мы не такие, как все? Разве у нас нет желаний и чувств? Разве мы не выполняем почетную и необходимую функцию?

За спиной Ламорака послышался чей-то вздох. Рагусник тоже его услышал и заговорил громче:

— Я вижу, там сидят люди из Совета. Ответьте мне, разве это не почетная и не необходимая функция? Из ваших отходов делается пища для вас. Неужели человек, очищающий гадость, хуже тех, кто ее производит? Слышите, советники, я не сдамся. Пусть весь Элсвер подохнет от эпидемии вместе со мной и моим сыном, но я не сдамся! Для моей семьи лучше умереть от болезни, чем жить так, как мы живем.

— Вы ведь с самого рождения так живете? — перебил его Ламорак.

— Ну и что?

— Полагаю, вы к этому привыкли.

— Ерунда. Какое-то время я с этим мирился. Мой отец всю жизнь прожил в смирении. Но я смотрю на своего сына, которому не с кем играть. У меня был брат, а у сына нет никого, и я не намерен больше терпеть. Мне надоел Элсвер и пустые разговоры!

Динамик замолчал.

Лицо Главного советника пожелтело.

— Рагусник окончательно рехнулся, — пробормотал он. — Не знаю, что с ним делать.

Главный советник отпил вина из бокала, и на его белые брюки упало несколько пурпурных капель.

— Разве его требования не разумны? — спросил Ламорак. — Почему нельзя принять его в общество?

В глазах Блея вспыхнула ярость.

— Специалиста по дерьму? — Затем он пожал плечами: — Вы с Земли.

Ламорак произвольно подумал о другом неприкасаемом, одном из классических героев средневекового карикатуриста Эла Каппа*. Его называли по-разному, в том числе и «запертым в нужнике».

Он спросил:

— Разве Рагусник непосредственно соприкасается с экскрементами? Я имею в виду физический контакт? Уверен, все делается при помощи различных механизмов.

— Естественно,— проворчал Главный советник.

— В чем тогда состоят его обязанности?

— Рагусник вручную настраивает эти машины. Заменяет неисправные узлы, в течение дня меняет режим работы, перестраивается на необходимое сырье...— Советник печально добавил: — Если бы у нас было место для размещения в десять раз более совершенного оборудования, все делалось бы автоматически, но мы не можем позволить себе такой бессмысленной роскоши.

— Но даже в этом случае,— настаивал Ламорак,— все, что приходится делать Рагуснику,— это нажимать на кнопки, замыкать контакты и тому подобное, так?

— Так.

— В таком случае его работа не отличается от любой другой на Элсвере.

— Вы не понимаете,— жестко произнес Блей.

— Из-за таких условностей вы готовы рисковать жизнью своих детей?

— У нас нет выбора,— отрезал Блей. В его голосе прозвучала такая мука, что Ламорак понял: он действительно не видит выхода.

— Тогда сорвите забастовку,— презрительно пожал плечами Ламорак.— Заставьте его.

— Каким образом? — взвился Главный советник.— Кто согласится к нему прикоснуться или даже приблизиться?

— Знаете ли вы, как управлять его оборудованием? — задумчиво поинтересовался Ламорак.

— Я?! — зарычал Главный советник и вскочил на ноги.

---

* Автор популярных в 1930-х годах комиксов про некоего Шмуса, обеспечивающего все материальные нужды человечества.

— Я не имел в виду лично вас,— резко остановил его Ламорак.— Я употребил местоимение «вы» в неопределенном смысле. Сумеет кто-нибудь другой справиться с оборудованием Рагусника?

Ярость постепенно сходила с лица Главного советника.

— Наверное, можно прочесть в справочниках... хотя, уверяю вас, я никогда этим не интересовался.

— Способен ли кто-нибудь изучить технологию и подменить Рагусника, пока он не пойдет на уступки?

— Да кто же на такое согласится? — воскликнул Блей.— Во всяком случае, не я. Ни за что.

Ламорак подумал о существовавших на Земле табу. Некоторые из них были столь же суровы. Ему пришли на ум каннибализм, инцест и богохульство в устах набожного человека.

— Вы должны были предусмотреть замену для этой должности. А если бы он умер?

— Тогда его место занял бы его сын или ближайший из родственников,— ответил Блей.

— Что, если у него не оказалось бы взрослых родственников? Что, если вся его семья неожиданно погибнет?

— Такого просто не может быть. Если бы существовала такая опасность,— добавил Главный советник,— мы бы поместили к ним на воспитание ребенка или двух. Они бы научили их всей премудрости.

— Ага. И как бы вы отбирали этих детей?

— Среди тех, чьи матери умерли при родах. Так выбирается будущая невеста Рагусника.

— В таком случае выберите его преемника сейчас, бросьте жребий,— предложил Ламорак.

— Это невозможно! Нет! — крикнул Главный советник.— Как вам могла прийти в голову такая мысль? Когда мы выбираем ребенка, то он с детства готовится к этой жизни. Он не знает ничего другого. Вы же хотите обречь на рагусничество взрослого человека! Нет, доктор Ламорак, мы не звери!

Не выходит, беспомощно подумал Ламорак. Не выходит. Если только...

Он еще не мог заставить себя подумать об этом «если только».

В ту ночь Ламорак почти не спал. Рагусник просил об элементарных проявлениях человечности. В противном случае тридцати тысячам элсверриан грозила смерть.

С одной стороны — благополучие тридцати тысяч человек, с другой — справедливые требования одной семьи. Неужели тридцать тысяч человек, поддерживающих подобную несправедливость, заслуживают гибели? Несправедливость по чьим меркам? Земли? Элсвера? И кто такой Ламорак, чтобы делать выводы?

А Рагусник? Он готов обречь на смерть тридцать тысяч человек, которые всего-навсего воспринимают ситуацию так, как их научили, и ничего не могут в ней изменить. И детей, которые вообще ни при чем.

Тридцать тысяч — с одной стороны; одна семья — с другой.

Ламорак пришел к своему решению в полном отчаянии. Рано утром он позвонил Главному советнику.

— Сэр, если вы найдете замену, Рагусник поймет, что у него больше нет шансов повлиять на ситуацию, и возобновит работу.

— Замены быть не может, — устало вздохнул Главный советник. — Я вам уже объяснял.

— Вы не найдете замену среди элсверриан, но я не с Элсвера. Для меня все это не имеет никакого значения. Я его заменю.

Поднялся страшный переполох. Ламорак не ожидал, что все так разволнуются. Никто не мог поверить, что он сказал это всерьез.

Ламорак не побрился, после бессонной ночи его слегка мутило.

— Ну конечно, я говорю серьезно. Каждый раз, когда Рагусник начнет вести себя подобным образом, вы без труда найдете ему замену. Подобного табу не существует ни в одном другом мире, и если вы хорошо заплатите, у вас отбоя не будет от желающих подработать.

(Ламорак знал, что предает зверски эксплуатируемого человека. Но он упрямо повторял: «Если не считать остракизма, с ним обращаются хорошо. Очень хорошо».)

Ему предоставили справочники, и в течение шести часов он читал и перечитывал специальную литературу. Спрашивать было бесполезно. Никто на Элсвере понятия не имел об этой работе,

все было в справочниках, и все было крайне запутанно. От обилия деталей и подробностей голова шла кругом.

— «При загорании красной лампочки на ревуне спирометра стрелка гальванометра А-два должна находиться в нулевом положении», — прочел Ламорак. — Ну и где этот ревуно спирометра? — спросил он.

— Там должно быть написано, — пробормотал Блей.

Элсвериане упрямо переглянулись и опустили головы, разглядывая кончики пальцев.

Его оставили одного задолго до того, как он дошел до небольшого помещения, где находился рабочий пульт многих поколений Рагусников. Землянин получил подробные указания, где повернуть и на какой уровень выйти, но никто не вызвался его проводить.

Он с трудом разбирался в обстановке, пытаясь по надписям и описаниям в справочнике определить нужные приборы и механизмы.

Вот ревуно спирометра, подумал Ламорак с мрачным удовлетворением. Аппарат имел полукруглый циферблат с многочисленными углублениями, в которых, очевидно, должны были светиться разноцветные лампочки. Тогда почему «ревуно»?

Этого Ламорак не знал.

Где-то, думал землянин, накапливаются нечистоты, давят на заслонки и клапаны, ждут, когда их начнут обрабатывать сотней разных способов. Сейчас они просто накапливаются.

Не без содрогания он поставил, как указывалось в справочнике, первый переключатель в положение «Начало процесса». За стенами и из-под пола послышалось ровное гудение. Он повернул рукоятку, и вспыхнули лампочки.

Все свои действия он сверял со справочником, содержание которого помнил уже наизусть. С каждым щелчком приборов комната наполнялась светом, вспыхивали датчики, дергались стрелки индикаторов и нарастал гул.

Где-то в глубине цехов насосы погнали скопившиеся нечистоты по нужным трубам.

Резкий сигнал заставил Ламорака вздрогнуть и вывел его из состояния болезненной концентрации. Это был вызов на связь, и он тут же включил телеприемник.

На экране показалась голова Рагусника. В глазах его застыло изумление.

— Вот, значит, как, — наконец пробормотал он.

— Я не элсверианин, Рагусник; для меня это ничего не значит.

— Тогда чего ты сюда полез? Зачем вмешиваешься?

— Я на твоей стороне, Рагусник, но иначе не могу.

— Почему, если ты на моей стороне? Разве в твоём мире обращаются с людьми так, как они обращаются со мной?

— Больше нет. Но даже если ты прав, нельзя забывать о тридцати тысячах человек, живущих на Элсвере.

— Они бы уступили, ты все испортил. Это был мой последний шанс.

— Они бы не уступили. К тому же ты в некотором роде победил. Они поняли, что ты возмущен. До сегодняшнего дня они и не думали, что Рагусник может быть недоволен, что он может причинить неприятности.

— Ну и что из того, что они это узнали? Теперь они всегда смогут пригласить человека из другого мира.

Ламорак энергично замотал головой. Эта мысль не оставляла его последние горькие часы.

— Они знают, а значит, начнут о тебе думать. Найдутся те, кто посчитает, что с человеком нельзя так обращаться. А если они начнут приглашать людей из других миров, вся Галактика узнает, что творится на Элсвере. Общественное мнение будет на твоей стороне.

— И?..

— Все изменится. Когда вырастет твой сын, ситуация поменяется к лучшему.

— Когда вырастет мой сын, — угрюмо повторил Рагусник. Щеки его ввалились. — А я мог добиться этого сейчас!.. Ладно, я проиграл. Я возвращаюсь к работе.

Ламорак почувствовал непередаваемое облегчение.

— Если вы придете сюда, сэр, я посчитаю за честь пожать вашу руку.

Рагусник вскинул голову. В глазах его светилась мрачная гордость.

— Ты обратился ко мне «сэр» и предложил пожать руку? Занимайся своими делами, землянин, и не суйся в мои. А руки я тебе не подам.

Ламорак проделал обратный путь, радуясь тому, что кризис завершился, и испытывая одновременно глубокую депрессию.

Дойдя до перегороженного коридора, он с удивлением остановился. Ламорак огляделся в поисках другой дороги, но тут откуда-то сверху прогремел голос:

— Доктор Ламорак, вы меня слышите? Говорит советник Блей.

Ламорак вздрогнул и поднял голову. Казалось, голос доносился из динамика громкой связи, но он не увидел никаких признаков подобного устройства.

— Что случилось? — спросил он. — Вы меня слышите?

— Слышу.

Ламорак непроизвольно перешел на крик:

— Что происходит? Здесь какая-то преграда. Возникли сложности с Рагусником?

— Рагусник вернулся к работе, — ответил голос Блея. — Кризис завершился, вы должны готовиться к отлету.

— К отлету?

— К отлету с Элсвера. Вас уже ждут на корабле.

— Подождите, — опешил Ламорак. — Я же не закончил исследование.

— Ничем не могу помочь, — откликнулся Блей. — Вас проводят на корабль, сервомеханизмы доставят туда ваши вещи. Мы считаем... мы считаем...

— Что вы считаете? — В голове Ламорака начало проясняться.

— Мы считаем, что вам не следует общаться ни с кем из жителей Элсвера. Надеюсь, вы постараетесь избежать неловкости и больше сюда не прилетите. Мы готовы встретить ваших коллег, если вам необходима дополнительная информация.

— Понятно, — глухо произнес Ламорак.

Похоже, он сам стал Рагусником. Он прикоснулся к приборам, которые соприкасались с нечистотами. Он стал неприкасаемым. Он стал охотником за трупами, пастухом свиней, запертым в нужнике.

— Прощайте, — сказал Ламорак.

— Прежде чем мы вас отправим, доктор Ламорак... Спасибо вам от имени Совета Элсвера за помощь в разрешении кризиса.

— Не стоит, — горько произнес Ламорак.

ПУСТОТА!

— Положительно, — сказал Огест Пойнтдекстер, — существует такая вещь, как необоримая гордыня. Греки называли ее «хубрис» и считали вызовом богам, за которым всегда следует «ате» — воздаяние. — Он неуверенно протер свои бледно-голубые глаза.

— Очень мило! — раздраженно отозвался доктор Эдвард Баррон. — Но какое отношение это имеет к тому, что сказал я? — Лоб у него был высокий, перерезанный горизонтальными складками, которые глубоко наморщивались, когда он презрительно поднимал брови.

— Самое прямое, — ответил Пойнтдекстер. — Создание машины времени уже само по себе вызов судьбе. А вы еще усугубляете его своей безапелляционной уверенностью. Откуда у вас убеждение, будто ваша машина способна действовать на протяжении всего времени, исключая самую возможность парадокса?

— А я и не знал, что вы суеверны, — заметил Баррон. — Все очень просто: машина времени — такая же машина, как всякая другая, и кощунственна она ровно настолько же. Математически она аналогична лифту, поднимающемуся и опускающемуся в шахте. Так почему же это может грозить воздаянием?

— Лифт не чреват парадоксами, — энергично возразил Пойнтдекстер. — Спускаясь с пятого этажа на четвертый, вы не можете убить собственного деда в его детстве.

Доктор Баррон мотнул головой с раздражением, почти бешенством.

— Я этого ждал. Именно этого. А почему бы вам не предположить, что я встречаюсь с самим собой или изменяю историю,

сообщив Макклеллану, что Стонуолл Джексон намерен сделать бросок на Вашингтон или еще что-нибудь? Я вас спрашиваю прямо: отправитесь вы со мной в машине или нет?

Пойнтдекстер замялся:

— Я... я... пожалуй, нет.

— Почему вы все усложняете? Я уже объяснил, что время инвариантно. Если я отправлюсь в прошлое, то только потому, что уже побывал там. Все, что я решу сделать и сделаю, я уже изначально сделал в прошлом и, значит, ничего там не изменю, никаких парадоксов не возникнет. Если бы я решил убить моего деда во младенчестве и сделал бы это, меня бы здесь не было. Но я здесь! Следовательно, я не убивал своего деда. Как бы я ни пытался его убить, факт остается фактом: я его не убивал и, выходит, не убью. Вы понимаете, о чем я?

— Да, понимаю. Но правы ли вы?

— Конечно прав! Господи, почему вы не математик, а только техник с университетским образованием? — Изнывая от нетерпения, Баррон не потрудился скрыть презрения. — Послушайте, эта машина возможна только потому, что некие математические взаимосвязи времени и пространства верны. Это-то вы понимаете, хотя и не способны разобраться в математических тонкостях? Машина существует, следовательно, математические соотношения, которые я разработал, имеют аналоги в реальности. Так? Вы видели, как я засылал кроликов на неделю в будущее. И видели, как они появлялись из ничего. На ваших глазах я отправил кролика в прошлое через неделю после того, как он появился.

— Ладно, со всем этим я согласен.

— В таком случае вы должны мне поверить: уравнения, лежащие в основе этой машины, предполагают, что время состоит из частиц, существующих в неизменном порядке. Если бы порядок расположения частиц мог бы подвергнуться какому бы то ни было изменению — любому изменению! — уравнения были бы неверны, и эта машина не работала бы. Данный способ путешествия во времени был бы неосуществим.

Пойнтдекстер протер глаза еще раз и сказал:

— Жаль, что я не знаю математики.

— Просто подумайте о фактах, — продолжил Баррон. — Вы попытались отправить кролика в прошлое на две недели, хотя

послан он был туда за неделю. Вот это создало бы парадокс, верно? А что произошло? Индикатор зафиксировался на сроке в неделю, и перенастроить его не удалось. Создать парадокс невозможно. Так вы отправитесь со мной?

Пойнтдекстер чуть было не ввергнул себя в бездну согласия; ужаснулся, мысленно попятился и ответил:

— Нет.

— Я бы не просил вас о помощи,— не отступал Баррон,— если бы мог справиться сам, но вы знаете, что для интервалов длиной свыше месяца необходимы два человека. Мне нужен кто-то для контролирования Шаблонов, чтобы мы вернулись с абсолютной точностью. И воспользоваться я хочу именно вашей помощью. Ведь мы уже разделяем это... это великое свершение. Неужто вы предпочтете, чтобы часть славы досталась кому-то третьему? Для новых помощников настанет время, когда мы заявим о себе как о первых путешественниках во времени за всю историю человечества. Господи, да неужели вам не хочется увидеть, что с нами станет через сто лет? Через тысячу? Неужели вы не хотите увидеть Наполеона? Или Иисуса, если на то пошло? Мы будем как... как (Баррона словно увлекло собственное красноречие)... как боги!

— Вот именно! — пробормотал Пойнтдекстер.— Хубрис! Путешествие во времени не настолько приблизит меня к богам, чтобы ради этого пойти на риск застрять где-то не в моем времени.

— Хубрис! Застрять! Нагоняете на себя выдуманные страхи. Мы просто будем двигаться между частицами времени, как лифт между этажами. Собственно, путешествие во времени даже безопаснее, поскольку кабина лифта может оборваться, а в машине времени отсутствует сила тяготения, которая сбросила бы нас вниз на смерть. Никаких неполадок быть не может. Я гарантирую.— Баррон постучал себя по груди средним пальцем правой руки.— Я гарантирую!

— Хубрис! — пробормотал Пойнтдекстер и все-таки рухнул в бездну согласия, наконец уступив уговорам.

Вместе они забрались в машину.

Пойнтдекстер не разбирался в управлении теоретически, как Баррон, так как не был математиком, но он знал, какими рычагами и кнопками пользоваться и для чего.

Баррон сел за пульт движения, обеспечивающий силу, которая гнала машину по оси времени. Пойнтдекстер сидел за шаблонами, которые фиксировали точку отправления, чтобы машина в любой момент могла вернуться назад.

У Пойнтдекстера застучали зубы, когда начало движения отозвалось у него внутри живота. Словно от быстрого спуска в лифте, но не совсем. Что-то трудноуловимое и тем не менее вполне реальное.

— А что, если...

Баррон рывкнул:

— Ничего случиться не может! Бога ради!

Тут же последовал сильный толчок, и Пойнтдекстера отбросило на стенку.

— Черт побери! — пробормотал Баррон.

— Что произошло? — спросил Пойнтдекстер еле слышно.

— Не знаю, но это не важно. Мы всего на двадцать два часа в будущем. Выйдем поглядим, что произошло.

Дверь машины скользнула в прорезь, Пойнтдекстер судорожно выдохнул весь воздух из легких.

— Тут же ничего нет! Ничего! Ни вещества. Ни света. Пустота!

— Земля сдвинулась! — истерично закричал Пойнтдекстер. — Мы этого не учили. За двадцать два часа она продвинулась на тысячи миль в пространстве, обращаясь вокруг Солнца.

— Нет, — слабым голосом возразил Баррон, — я этого не знал. Машина сконструирована так, чтобы следовать по ходу времени Земли, куда бы она ни двигалась. Кроме того, даже если бы Земля ушла из-под машины, то где Солнце? Где звезды?

Баррон вернулся к пульту. Ничто не поддавалось нажиму, ничто не работало. Дверь не закрылась. Пустота!

Пойнтдекстеру было трудно дышать, трудно пошевеливаться.

— Так что же произошло? — еле выговорил он.

Баррон медленно прошел к центру машины и с мучительным усилием сказал:

— Частицы времени... По-моему, мы застряли... между двумя частицами.

Пойнтдекстер попытался сжать кулаки и не сумел.

— Не понимаю...

— Как лифт. Как лифт.— У Баррона уже не было голоса, чтобы произносить слова, он только шевелил губами.— Да, как лифт... застрявший между этажами.

Пойнтдекстер не мог даже пошевелить губами. Он подумал: в безвременьи ничто не может существовать. Всякое движение замирает, всякое сознание. Все, все. В них минуту-другую сохранялась инерция времени — ну, как тело наклоняется вперед при внезапном торможении автомобиля,— но она стремительно замирала.

Свет внутри машины померк и погас. Чувства, сознание застыли. Одна последняя мысль, один последний мысленный вздох: хубрис... ате! Тут остановилась и мысль. Ничто! На всю вечность там, где даже вечность не имела смысла, не будет ничего, кроме... пустоты!

КАКОЕ ДЕЛО ПЧЕЛЕ?

Корабль возник как металлический скелет. Затем снаружи его постепенно покрыла сверкающая кожа, а внутри расположились жизнеобеспечивающие органы странных форм.

Из всех, кто принимал участие в его создании (за одним исключением), Торнтон Хаммер физически делал меньше остальных. Возможно, именно поэтому он пользовался наибольшим уважением. Его областью были математические формулы, проходившие основной линией на чертежах, а те в свою очередь послужили основой объединения всяких масс и различных форм энергии, которые воплотились в корабль.

Теперь Хаммер угрюмо смотрел сквозь плотно сидевшие на носу очки. Их стекла ловили свет флюоресцентных трубок наверху и отражали его прожекторными лучами. Теодор Ленгел, инспектор отдела кадров корпорации, оплачивающей постройку, встал рядом с ним и сказал, тыча указательным пальцем:

— Вон тот! Вон тот человек.

Хаммер прищурился:

— Вы говорите про Кейна?

— В зеленом комбинезоне. С гаечным ключом.

— Ну да, Кейн. Что вы имеете против него?

— Я хочу узнать, чем он занимается. Он идиот!

У Ленгела было круглое пухлое лицо, и его отвисшие щеки затряслись.

Хаммер перевел на него взгляд. Каждый дюйм его сухопарой фигуры дышал негодованием.

— Вы его беспокоили?

— Беспокоил?! Я с ним разговаривал. Это моя обязанность: разговаривать с людьми, выяснять их точку зрения, получать

информацию, на основе которой разрабатывают кампании для поднятия производительности.

— И чем же вам помешал Кейн?

— Он наглец. Я спросил его, что он чувствует, принимая участие в строительстве корабля, который полетит на Луну. Я немножко поговорил о том, что корабль откроет путь к звездам. Ну, может быть, я несколько увлекся, произнес настоящую речь, как вдруг он грубо повернулся ко мне спиной и хотел уйти. Я окликнул его: «Куда вы идете?» А он сказал: «Мне такая болтовня надоела. Иду посмотреть на звезды».

Хаммер кивнул:

— Ну да. Кейн любит смотреть на звезды.

— Но был же полдень! Этот человек — идиот. Я потом наблюдал за ним. Он вообще не работает.

— Я знаю.

— Так почему его не уволили?

С еле сдерживаемой яростью Хаммер процедил:

— Потому что он мне нужен здесь. Потому что он мой талисман.

— Талисман? — с недоумением повторил Ленгел. — Что это значит, черт побери?

— Это значит, что в его присутствии мне лучше думается. Когда он проходит мимо, сжимая свой чертов гаечный ключ, меня осеняют идеи. Это случалось уже три раза. Не знаю, как объяснить... И не интересуюсь объяснениями! Но так и есть.

— Вы шутите.

— Вовсе нет. А теперь оставьте меня в покое.

Кейн стоял там в своем зеленом комбинезоне, держа гаечный ключ. Смутно он создавал, что корабль почти построен — не предназначенный для пилотируемого полета, но внутри достаточно пустого пространства, где может уместиться человек. Он знал это, как знал еще многое другое. Например, что надо держаться подальше от других людей; например, что надо всегда ходить с гаечным ключом, пока люди не привыкнут, что он всегда ходит с гаечным ключом, и перестанут замечать этот ключ. Защитная окраска, в сущности, складывается из мелочей... вроде гаечного ключа, который всегда у тебя в руке.

Кейн был полон побуждений, которые не всегда понимал. Например, стремление смотреть на звезды. Вначале, много лет

назад, он просто смотрел на звезды с какой-то неясной ноющей тоской. Но мало-помалу его внимание сосредоточилось на определенном участке неба, а затем на одной только точке. Он не знал почему. В этом месте не было звезд. Там не на что было смотреть.

В конце весны и летом это место находилось высоко в ночном небе, и порой Кейн смотрел на него всю ночь напролет, пока оно не исчезало за юго-западным горизонтом. А в другие времена года он смотрел на это место днем.

С этим местом была связана какая-то мысль, которую ему никак не удавалось нащупать. С годами она крепла, все больше приближалась к поверхности и уже, казалось, должна была найти себе выражение. Но все-таки оставалась смутной.

Кейн беспокойно переступил с ноги на ногу и подошел к кораблю. Почти завершённому, почти готовому к полету. Все было точно подогнано одно к другому. Почти.

Ибо внутри у самого носа оставалось пустое пространство чуть больше человеческого тела. И к этому пространству вел проход, чуть шире человеческого тела. Завтра проход будет заполнен последними деталями, но перед тем надо заполнить пространство. Только совсем иным, чем планировали они.

Кейн подошел еще ближе, но никто не обратил на него внимания. Все давно привыкли к его присутствию.

Предстояло подняться по металлической лестнице и пройти по мостику, чтобы проникнуть в последний не загерметизированный люк. Кейн знал про этот люк так, словно выстроил весь корабль собственными руками. Он поднялся по лестнице, прошел по мостику. Там никого не было...

Он ошибся. Там оказался один человек, который резко спросил:

— Что ты тут делаешь?

Кейн выпрямился, его рассеянные глаза уставились на говорившего. Он поднял гаечный ключ и несильно ударил человека по голове. Тот упал.

Кейн с полным равнодушием оставил его лежать. Сознание к нему скоро вернется, но не прежде, чем Кейн успеет забраться в люк. А придя в себя, человек не вспомнит ни Кейна, ни то, что упал без сознания. Просто из его жизни исчезнут пять минут, которых он никогда не хватится.

В потайном месте было темно и, разумеется, отсутствовала вентиляция, но Кейн не обращал на это никакого внимания. Он забрался туда с инстинктивной уверенностью и улегся, уютно свернувшись, словно в материнской утробе.

Через два часа они вмонтируют последние приборы, задраят люк и, сами того не зная, оставят на корабле Кейна — единственное существо из плоти и крови среди металла, керамики и горючего.

Кейн не боялся, что его обнаружат. Никто не знал о существовании его тайника. Он не значился в чертежах. Техники и строители не подозревали, что оставили свободное место в корпусе.

Кейн все устроил сам. Он не отдавал себе отчета в том, как именно сделал это. Но сделал. Он не раз замечал свое воздействие на людей, не понимая, как и почему воздействует на них. Взять, например, этого Хаммера, того, кто руководил постройкой и наиболее поддавался воздействию. Из всех смутных фигур, окружавших Кейна, он был наименее смутной. И порой Кейн четко сознавал его присутствие — когда проходил мимо него в своих неторопливых и неопределенных блужданиях по строительной площадке. Только это и требовалось — пройти мимо.

Кейн помнил, что так случалось и прежде. Особенно с теоретиками. Когда Лиза Мейтнер решила провести проверку на барий среди продуктов нейтронной бомбардировки урана, Кейн был рядом — никем не замеченный бродил по соседнему коридору.

Он сгребал опавшие листья и мусор в парке в 1904 году, когда мимо, размышляя, прошел молодой Эйнштейн. Внезапно Эйнштейн зашагал быстрее, словно подгоняемый неожиданной мыслью. Кейна словно током ударило.

Но как это делалось, он не знал. А паук знает архитектурные теории, когда начинает плести паутину?

Впрочем, истоки уходили глубже в прошлое. В тот вечер, когда молодой Ньютон смотрел на луну и в голове у него забрезжила некая мысль, Кейн был поблизости.

И еще глубже в прошлое.

Пейзаж Нью-Мексико, обычно пустынный, был весь усеян человеческими муравьями, которые копошились возле металлической колонны, устремленной острием вверх. Она не походила на все предшествовавшие ей конструкции. Она достигнет Луны и обогнет ее, прежде чем вернуться обратно. Бесчисленные

приборы сфотографируют Луну, измерят ее теплоотдачу, проверят радиоактивность и с помощью микроволн установят химический состав. Автоматически колонна выполнит почти всю программу, которую выполнил бы человеческий экипаж корабля. И полученная информация позволит в следующий раз отправить на Луну корабль с человеческим экипажем.

Но только в определенном смысле и этот первый имел на своем борту человека.

Возле стартовой площадки собрались представители разных правительств, разных промышленных компаний, разных общественных и экономических групп. Были там и телеоператоры, и журналисты.

При нулевом счете заработали двигатели, и корабль начал внушительный подъем.

Кейн словно бы откуда-то слышал вой рассекаемого воздуха и чувствовал гнет ускорения. Он высвободил свое сознание, приподнял его и выдвинул вперед, оборвав прямую связь между ним и телом, чтобы не замечать боли и других неприятных ощущений.

Как сквозь туман он понимал, что его долгое путешествие близится к концу. Ему уже не надо будет принимать хитрые меры, чтобы люди не поняли, что он бессмертен. Ему уже не надо будет держаться незаметно, вечно скитаться, меняя имена и личности, манипулируя чужим сознанием.

Конечно, не все шло гладко. Например, возникали легенды о Вечном Жиде и Летучем Голландце... Но он уцелел. Его не разоблачили.

Он видел свое место в небе. Видел сквозь всю плотную массу корабля. Ну не то чтобы видел. Но более точного слова у него не находилось.

Впрочем, он не сомневался, что точное слово существует. Он не мог бы объяснить, как узнал хотя бы ничтожную часть того, что знал. Просто пока одно столетие сменялось другим, он постепенно обрел эти знания с уверенностью, которая не нуждалась в объяснениях.

Возник он как яйцо (или как нечто, для обозначения чего слово «яйцо» было наиболее подходящим), положенное на Земле еще до того, как бродячие охотники, которые позднее стали называться людьми, построили города. Его родитель выбрал Зем-

лю с большим тщанием. Далеко не всякий мир был пригоден для такой цели.

Но какой мир подходит? Какие существуют критерии? Этого Кейн и сейчас не знал.

А разве оса-наездник должна изучать арахнологию прежде, чем отыскать паука единственного подходящего для ее потомства вида и парализовать его укусом, сохраняя в нем жизнь?

В конце концов он вышел из яйца, принял облик человека, стал жить среди людей и обороняться от людей. И его единственной целью было заставить людей пойти путем, который завершится кораблем и тайником внутри корабля, с ним самим внутри тайника.

Потребовалось восемь тысяч лет усилий и разочарований. Теперь, когда корабль покинул атмосферу, место в небе стало более четким. Это был ключ, отпиривший сознание. Это был последний кусочек головоломки, завершающий картину.

В том месте поблескивали звезды, невидимые невооруженному человеческому глазу. Одна пылала особенно ярко, и все существо Кейна устремлялось к ней. Слово, которое столько времени зрело в нем, вырвалось наружу.

— Мой дом, — прошептал он.

Он знал? Изучает ли лосось картографию, чтобы найти верховье речки, где за несколько лет до этого он вышел из икринки? Завершился последний этап в медленном взрослении, которое потребовало восьми тысяч земных лет, и Кейн был уже не личинкой, а взрослой особью.

Взрослый Кейн вырвался из человеческой плоти, которая оберегала личинку, и вышел из корабля. Он устремился вперед с немыслимой скоростью — к своему дому, откуда когда-нибудь он отправится блуждать по космосу, чтобы отложить яйцо на какую-нибудь планету.

Он мчался через космос, не вспоминая о корабле, в котором остался пустой кокон. Он не думал о том, что гнал целый мир к овладению техникой и космическими полетами для того лишь, чтобы нечто, называющееся Кейном, могло стать взрослым и исполнить свое предназначение.

Какое дело пчеле до цветка, когда она кончает сосать нектар и улетает?

СЕРДЦЕ ЖЕНЩИНЫ

Флора была девушкой современной и образованной, но ее требовательность могла доконать даже поклонников богини Дианы.

К тому же Флора Миллер была писаной красавицей. Об этом и ей самой было хорошо известно, но, как она объяснила трем наиболее преданным обожателям, красота отнюдь не даровала ей счастья.

— Исполнять желания способны не только злые духи, — добавила она. — Богиня Афродита, если договориться, тоже может пойти навстречу. Такое порой случается.

— А как же. Афродита все-таки, — горячо согласился Томас. Ричард кивнул, а Генри только вздохнул.

— Я просила богиню даровать мне мужа, с которым могла бы познать самое настоящее счастье. Она подарила мне красоту, но, увы, пока результаты неудовлетворительны. Я нравлюсь многим мужчинам, но, думаю, далеко не с каждым из них могла бы быть на седьмом небе. Поэтому Афродита послала мне еще один дар. Тот, кто станет моим супругом, тоже сможет обратиться к ней и она исполнит то его желание, которое сделает меня счастливой. Среди всех претендентов на мою руку и сердце я избрала вас троих как наиболее мне симпатичных. Если расскажете, каким образом намерены меня осчастливить, я смогу сделать окончательный выбор. Согласны?

— Согласны, — хором ответили все трое.

— У вас есть тридцать секунд на размышления, — предупредила Флора.

Первым заговорил Томас.

— Мне нет нужды тратить время на размышления, я могу ответить сразу.

Томас, к сожалению, был несколько толстоват, но подбородок имел решительный.

— Счастье наступает для женщины только в условиях полной финансовой обеспеченности.— Он говорил быстро и уверенно.— Выходите за меня, Флора, и я попрошу Афродиту даровать мне успех в делах. Пусть богиня пошлет удачу, которая обернется прибылью от каждого моего предприятия. У нас с вами, Флора, денег всегда будет больше, чем мы успеем потратить, вы почувствуете себя уверенной — и, следовательно, очень счастливой.

— Гмм,— протянула Флора задумчиво.

Недолгое молчание нарушил Ричард:

— Что за чепуха, не слушайте его, Флора. Томас готов трудиться не покладая рук, чтоб упрочить ваше благосостояние, но вам придется сидеть в одиночестве. Конечно, вы станете несчастной!

Ричард имел смуглый цвет лица, живые блестящие глаза и ослепительно белые зубы.

— Станьте моей женой, Флора, и у вас будет все, о чем только может мечтать женщина. Романтика! Я попрошу Афродиту о даре обожать вас вечно. Научусь божественно танцевать, положу к вашим ногам самые прекрасные места на земле, познакомлюсь с самыми обворожительными людьми. И никогда не перестану любить вас. Моя любовь сделает вас счастливой, абсолютно счастливой.

— Вот тебе и на! — озадаченно произнесла Флора.

Генри приступил к делу без обиняков.

— Беспрестанные удовольствия могут прискучить, а вечное обожание надоест. Вы станете тосковать, а значит, счастье покинет вас.

У Генри было худое лицо и высокий умный лоб.

— Вы должны рассуждать как современная женщина,— продолжал он.— А в наши дни американская жена прежде всего должна быть инженером. У вас появится одна машина для мытья посуды, другая для стирки белья, еще одна для сушки его и еще одна для глажки. Вы только подумайте, что это означает! У вас

будет машина, которая станет обогревать дом, и машина, которая сделает его прохладным в жаркую погоду. Вам понадобятся машина для разогрева пищи и машина для ее охлаждения. А также машины, которые будут взбивать тесто, согревать вас ночью, переносить с одного места на другое. Машины позаботятся о вашем загаре, и машины будут развлекать вас. Когда-нибудь с помощью машины мы даже полетим на Луну или на Марс. И все они станут вам подчиняться, от них будут зависеть комфорт и счастье вас и вашей семьи. Выходите за меня замуж, Флора, и я позабочусь о том, чтоб все ваши машины оставались безупречно исправными.

В восхищении Флора обвила руками шею Генри и прошептала:

— Я ваша.

ПРОФЕССИЯ

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

Он повернулся на живот и через спинку кровати пристально посмотрел на своего соседа по комнате. Неужели он не чувствует того же? Неужели мысль об Олимпиаде совсем его не трогает?

У Джорджа было худое лицо, черты которого еще более обострились за те полтора года, которые он провел в приюте. Он был худощав, но в его синих глазах горел прежний неумный огонь, а в том, как он сейчас вцепился пальцами в одеяло, было что-то от затравленного зверя.

Его сосед по комнате на мгновение оторвался от книги и заодно отрегулировал силу свечения стены, у которой сидел. Его звали Хали Омани, он был нигерийцем. Темно-коричневая кожа и крупные черты лица Хали Омани, казалось, были созданы для того, чтобы выражать только одно спокойствие, и упоминание об Олимпиаде несколько его не взволновало.

— Я знаю, Джордж, — произнес он.

Джордж многим был обязан терпению и доброте Хали; бывали минуты, когда он очень в них нуждался, но даже доброта и терпение могут стать поперек глотки. Разве сейчас можно сидеть с невозмутимым видом идола, вырезанного из дерева теплого, сочного цвета?

Джордж подумал, не станет ли он сам таким же через десять лет жизни в этом месте, и с негодованием отогнал эту мысль. Нет!

— По-моему, ты забыл, что значит май, — вызывающе сказал он.

— Я очень хорошо помню, что он значит,— отозвался его собеседник.— Ровным счетом ничего! Ты забыл об этом, а не я. Май ничего не значит для тебя, Джорджа Плейтена... и для меня, Хали Омани,— негромко добавил он.

— Сейчас на Землю за новыми специалистами прилетают космические корабли,— произнес Джордж.— К июню тысячи и тысячи этих кораблей, неся на борту миллионы мужчин и женщин, отправятся к другим мирам, и все это, по-твоему, ничего не значит?

— Абсолютно ничего. И вообще, какое мне дело до того, что завтра первое мая?

Беззвучно шевеля губами, Омани стал водить пальцем по строчкам книги, которую он читал,— видимо, ему попало трудное место.

Джордж молча наблюдал за ним. «К черту! — подумал он.— Закричи, завизжи! Это-то ты можешь? Ударь меня, ну сделай хоть что-нибудь!»

Лишь бы не быть одиноким в своем гневе. Лишь бы разделить с кем-нибудь переполнявшее его возмущение, отделаться от мучительного чувства, что только он, он один умирает медленной смертью!

В те первые недели, когда весь мир представлялся ему тесной оболочкой, сотканной из какого-то смутного света и неясных звуков,— тогда было лучше. А потом появился Омани и вернул его к жизни, которая того не стоила.

Омани! Он-то стар! Ему уже по крайней мере тридцать. «Неужели и я в этом возрасте буду таким же? — подумал Джордж.— Стану таким, как он, через каких-нибудь двенадцать лет?»

И оттого, что эта мысль вселила в него панический страх, он заорал на Омани:

— Брось читать эту идиотскую книгу!

Омани перевернул страницу и, прочитав еще несколько слов, поднял голову, покрытую шапкой жестких курчавых волос.

— А? — спросил он.

— Какой толк от твоего чтения? — Джордж решительно шагнул к Омани, презрительно фыркнул: — Опять электроника! — и вышиб книгу из его рук.

Омани неторопливо встал и поднял книгу. Без всякого раздражения он разгладил смятую страницу.

— Можешь считать, что я удовлетворяю свое любопытство, — произнес он. — Сегодня я пойму кое-что, а завтра, быть может, пойму немного больше. Это тоже своего рода победа.

— Победа! Какая там победа? И больше тебе ничего не нужно от жизни? К шестидесяти пяти годам приобрести четверть знаний, которыми располагает дипломированный инженер-электронщик?

— А может быть, не к шестидесяти пяти годам, а к тридцати пяти?

— Кому ты будешь нужен? Кто тебя возьмет? Куда ты пойдешь с этими знаниями?

— Никому. Никто. Никуда. Я останусь здесь и буду читать другие книги.

— И этого тебе достаточно? Рассказывай! Ты заманил меня на занятия. Ты заставил меня читать и заучивать прочитанное. А зачем? Это не приносит мне никакого удовлетворения.

— Что толку в том, что ты лишаешь себя возможности получать удовлетворение?

— Я решил наконец покончить с этим фарсом. Я сделаю то, что собирался сделать с самого начала, до того как ты умаслил меня и лишил воли к сопротивлению. Я заставлю их... заставлю...

Омани отложил книгу, а когда Джордж, не договорив, умолк, задал вопрос:

— Заставишь, Джордж?

— Заставлю исправить эту вопиющую несправедливость. Все было подстроено. Я доберусь до этого Антонелли и заставлю его признаться, что он... он...

Омани покачал головой:

— Каждый, кто попадает сюда, настаивает на том, что произошла ошибка. Мне казалось, что у тебя этот период уже позади.

— Не называй это периодом, — злобно сказал Джордж. — В отношении меня действительно была допущена ошибка. Я ведь говорил тебе...

— Да, ты говорил, но в глубине души ты прекрасно сознаешь, что в отношении тебя никто не совершил никакой ошибки.

— Не потому ли, что никто не желает в этом сознаваться? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из них добровольно признает свою ошибку?.. Но я заставлю их сделать это.

Во всем виноват был май, месяц Олимпиады. Это он возродил в Джордже былую ярость, и он ничего не мог с собой поделаться. Да и не хотел: ведь ему грозила опасность все забыть.

— Я собирался стать программистом вычислительных машин, и я действительно могу им быть, что бы они там ни говорили, ссылаясь на результаты анализа.— Он стукнул кулаком по матрасу.— Они не правы. И не могут они быть правы.

— В анализах ошибки исключены.

— Значит, не исключены. Ведь ты же не сомневаешься в моих способностях?

— Способности не имеют к этому ровно никакого отношения. Мне кажется, что тебе достаточно часто это объясняли. Почему ты никак не можешь понять?

Джордж отодвинулся от него, лег на спину и угрюмо уставился в потолок.

— А кем ты хотел стать, Хали?

— У меня не было определенных планов. Думаю, что меня вполне устроила бы профессия гидропониста.

— И ты считал, что тебе это удастся?

— Я не был в этом уверен.

Никогда раньше Джордж не расспрашивал Омани о его жизни. Мысль о том, что у других обитателей приюта тоже были свои стремления и надежды, показалась ему не только странной, но даже почти противоестественной. Он был потрясен. Подумать только — гидропонист!

— А тебе не приходило в голову, что ты попадешь сюда?

— Нет, но, как видишь, я все-таки здесь.

— И тебя это удовлетворяет. Ты на самом деле всем доволен. Ты счастлив. Тебе здесь нравится, и ничего другого ты не хочешь.

Омани медленно встал и аккуратно начал разбирать постель.

— Джордж, ты неисправим,— произнес он.— Ты терзаешь себя, потому что отказываешься признать очевидные факты. Ты находишься в заведении, которое называешь приютом, но я ни разу не слышал, чтобы ты произнес его название полностью. Так сделай это теперь, Джордж, сделай! А потом ложись в кровать и проспись.

Джордж скрипнул зубами и ощерился.

— Нет! — сказал он сдавленно.

— Тогда это сделаю я, — сказал Омани, и, отчеканивая каждый слог, он произнес роковые слова.

Джордж слушал, испытывая глубочайший стыд и горечь. Он отвернулся.

В восемнадцать лет Джордж Плейтен твердо знал, что станет дипломированным программистом, — он стремился к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие — холодильную технику, третьи — организацию перевозок и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался.

Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Это было вполне естественно. Впереди их всех ждал День образования — поворотный день их жизни. Он приближался, неизбежный и неотвратимый, — первое ноября того года, когда им исполнится восемнадцать лет.

Когда День образования оставался позади, появлялись новые темы для разговоров: можно было обсуждать различные профессиональные вопросы, хвастаться женой и детьми, рассуждать о шансах любимой космобольной команды или вспоминать Олимпиаду. Но до наступления Дня образования лишь одна тема неизменно вызывала всеобщий интерес — и это был День образования.

«Кем ты хочешь быть? Думаешь, тебе это удастся? Ничегошеньки у тебя не выйдет. Справься в ведомостях — квоту уже урезали. А вот логистика...»

Или «а вот гипермеханика...», или «а вот связь...», или «а вот гравитика...».

Гравитика была тогда самой модной профессией. За несколько лет до того, как Джорджу исполнилось восемнадцать лет, появился гравитационный двигатель, и все только и говорили, что о гравитике. Любая планета в радиусе десяти световых лет от звезды-карлика «отдала бы правую руку», лишь бы заполучить хоть одного дипломированного инженера-гравитационника.

Но Джорджа это не прельшало. Да, конечно, такая планета «отдаст все свои правые руки», какие только сумеет наскрести. Однако Джордж слышал и о том, что случалось в других, только что возникших областях техники. Немедленно начнутся рационализация и упрощение. Каждый год будут появляться новые

модели, новые типы гравитационных двигателей, новые принципы. А потом все эти баловни судьбы в один прекрасный день обнаружат, что они устарели, их заменят новые специалисты, получившие образование позже, и им придется заняться неквалифицированным трудом или отправиться на какую-нибудь захудалую планету, которая пока еще не догнала другие миры.

Между тем спрос на программистов оставался неизменным из года в год, из столетия в столетие. Он никогда не возматывался стремительно, не взвинчивался до небес, а просто медленно и неуклонно увеличивался в связи с освоением новых миров и усложнением техники старых.

Эта тема была постоянным предметом споров между Джорджем и Коротышкой Тревелияном. Как все закадычные друзья, они спорили до бесконечности, не скупясь на язвительные насмешки, и в результате оба оставались при своем мнении.

Дело в том, что отец Тревелияна, дипломированный металлург, в свое время работал на одной из дальних планет, а его дед тоже был дипломированным металлургом. Естественно, что сам Коротышка не колеблясь остановил свой выбор на этой профессии, которую считал чуть ли не неотъемлемым правом своей семьи, и был твердо убежден, что все другие специалисты не слишком-то уважаемы.

— Металл будет существовать всегда, — заявил он, — и, когда ты создаешь сплав с заданными свойствами и наблюдаешь, как складывается его кристаллическая решетка, ты видишь результат своего труда. А что делает программист? Целый день сидит за кодирующим устройством, пичкая информацией какую-нибудь дурацкую электронную машину длиной в милю.

Но Джордж уже в шестнадцать лет отличался практичностью.

— Между прочим, вместе с тобой будет выпущен еще миллион металлургов, — спокойно указал он.

— Потому что это прекрасная профессия. Самая лучшая.

— Но ведь ты попросту затеряешься в их массе, Коротышка, и можешь оказаться где-то в хвосте. Каждая планета может сама зарядить нужных ей металлургов, а спрос на усовершенствованные земные модели не так уж велик, да и нуждаются в них главным образом малые планеты. Ты ведь знаешь, какой процент общего выпуска дипломированных металлургов получает направление на планеты класса А. Я поинтересовался — всего

лишь тринадцать и три десятых процента. А это означает семь шансов из восьми, что тебя засунут на какую-нибудь третьесортную планету, где в лучшем случае есть водопровод. А то и вовсе можешь застрять на Земле — такие составляют два и три десятых процента.

— Не вижу в этом ничего позорного, — вызывающе заявил Тревельян. — Земле тоже нужны специалисты. И хорошие. Мой дед был земным металлургом. — Подняв руку, Тревельян небрежно провел пальцем по еще не существующим усам.

Джордж знал про дедушку Тревельяна и, памятуя, что его собственные предки тоже работали на Земле, не стал ехидничать, а, наоборот, дипломатично согласился:

— В этом, безусловно, нет ничего позорного. Конечно нет. Однако попасть на планету класса А — это вещь, скажешь нет? Теперь возьмем программиста. Только на планетах класса А есть такие вычислительные машины, для которых действительно нужны высококвалифицированные программисты, и поэтому только эти планеты и берут их. К тому же ленты по программированию очень сложны и для них годится далеко не всякий. Планетам класса А нужно больше программистов, чем может дать их собственное население. Это же чистая статистика. На миллион человек приходится в среднем, скажем, один первоклассный программист. И если на планете живет десять миллионов, а им там требуется двадцать программистов, они вынуждены обращаться к Земле, чтобы получить еще пять, а то и пятнадцать специалистов. Верно? А знаешь, сколько дипломированных программистов отправилось в прошлом году на планеты класса А? Не знаешь? Могу тебе сказать. Все до единого! Если ты программист, можешь считать, что ты уже там. Так-то!

Тревельян нахмурился:

— Если только один человек из миллиона годится в программисты, почему ты думаешь, что у тебя это выйдет?

— Выйдет, можешь быть спокоен, — сдержанно ответил Джордж.

Он никогда не осмелился бы рассказать ни Тревельяну, ни даже своим родителям, что именно он делает и почему так уверен в себе. Он был абсолютно спокоен за свое будущее. (Впоследствии, в дни безнадежности и отчаяния, именно это воспоминание стало самым мучительным.) Он был так же непоколебимо уверен в себе, как любой восьмилетний ребенок накануне Дня

чтения, этого преддверия следующего за ним через десять лет Дня образования.

Ну конечно. День чтения во многом отличался от Дня образования. Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребенок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. Как солнечный свет, например.

А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего не менял в жизни детей, и они еще десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения десять лет назад.

Он, правда, не забыл, что день выдался пасмурный и моросил сентябрьский дождь. (День чтения — в сентябре, День образования — в ноябре, Олимпиада — в мае. На эту тему сочиняли даже детские стишки.) Было еще темно, и Джордж одевался при стенном свете. Родители его волновались гораздо больше, чем он сам. Отец Джорджа был дипломированным трубопрокладчиком и работал на Земле, чего втайне стыдился, хотя все понимали, что большая часть каждого поколения неизбежно должна остаться на Земле.

Сама Земля нуждалась в фермерах, шахтерах и даже в инженерах. Для работы на других планетах требовались только самые последние модели высококвалифицированных специалистов, и из восьми миллиардов земного населения туда ежегодно отправлялось всего лишь несколько миллионов человек. Естественно, не каждый житель Земли мог попасть в их число.

Но каждый мог надеяться, что по крайней мере кому-нибудь из его детей доведется работать на другой планете, и Плейтен-старший, конечно, не был исключением. Он видел (как, впрочем, видели и совершенно посторонние люди), что Джордж отличается незаурядными способностями и большой сообразительностью. Значит, его ждет блестящая будущность, тем более

что он единственный ребенок в семье. Если Джордж не попадет на другую планету, то его родителям придется возложить все надежды на внуков, а когда-то еще у них появятся внуки!

Сам по себе День чтения, конечно, мало что значил, но в то же время только он мог показать хоть что-нибудь до наступления того, другого, знаменательного дня. Когда дети возвращались домой, все родители Земли внимательно слушали, как они читают, стараясь уловить особенную беглость, чтобы истолковать ее как счастливое предзнаменование. Почти в любой семье подрастал такой многообещающий ребенок, на которого со Дня чтения возлагались огромные надежды только потому, что он легко справлялся с трехсложными словами.

Джордж смутно сознавал, отчего так волнуются его родители, и в то дождливое утро его безмятежный детский покой смущал только страх, что радостное выражение на лице отца может угаснуть, когда он вернется домой и покажет, как он научился читать.

Детей собрали в просторном зале городского Дома образования. В этот месяц во всех уголках Земли в миллионах местных Домов образования собирались такие же группы детей. Серые стены и напряженность, с которой держались дети, стеснявшиеся непривычной нарядной одежды, нагнали на Джорджа тоску.

Он инстинктивно поступил так же, как другие: отыскав кучку ребят, живших с ним на одном этаже, он присоединился к ним.

Тревелиан, мальчик из соседней квартиры, все еще разгуливал в длинных локонах, а от маленьких бачков и жидких рыжеватых усов, которые ему предстояло отрастить, едва он станет к этому физиологически способен, его отделяли еще многие годы.

Тревелиан (для которого Джордж тогда был еще Джооджи) воскликнул:

— Ага! Струсил, струсил!

— Вот и нет! — возразил Джордж и затем доверительно сообщил: — А папа с мамой положили печатный лист на мою тумбочку, и, когда я вернусь домой, я прочту им все до последнего словечка. Вот! (В тот момент наибольшее мучение Джорджу причиняли его собственные руки, которые он не знал куда девать. Ему строго-настрого приказали не чесать голову, не тереть уши,

не ковырять в носу и не засовывать руки в карманы. Так что же ему было с ними делать?)

Зато Тревельян как ни в чем не бывало сунул руки в карманы и заявил:

— А вот мой папа ничутьючки не беспокоится.

Тревельян-старший почти семь лет работал металлургом на Дипории, и, хотя теперь он вышел на пенсию и жил опять на Земле, соседи смотрели на него снизу вверх.

Возвращение на Землю не очень поощрялось из-за проблемы перенаселенности, но все же кое-кому удавалось вернуться. Прежде всего, жизнь на Земле была дешевле, и пенсия, мизерная в условиях Дипории, на Земле выглядела весьма солидно. Кроме того, некоторым людям особенно приятно демонстрировать свои успехи именно перед друзьями детства и знакомыми, а не перед всей остальной Вселенной.

Свое возвращение Тревельян-старший объяснил еще и тем, что, останься он на Дипории, там пришлось бы остаться и его детям, а Дипория имела сообщение только с Землей. Живя же на Земле, его дети смогут в будущем попасть на любой из миров, даже на Новию.

Коротышка Тревельян рано усвоил эту истину. Еще до Дня чтения он беззаботно верил, что в конце концов будет жить на Новии, и говорил об этом как о деле решенном.

Джордж, подавленный мыслью о будущем величии Тревельяна и сознанием собственного ничтожества, немедленно в целях самозащиты перешел в наступление:

— Мой папа тоже не беспокоится. Ему просто хочется послушать, как я читаю! Ведь он знает, что читать я буду очень хорошо. А твой отец просто не хочет тебя слушать: он знает, что у тебя ничего не выйдет.

— Нет, выйдет! А чтение — это ерунда. Когда я буду жить на Новии, я найму людей, чтобы они мне читали.

— Потому что сам ты читать не научишься! Потому что ты дурак!

— А как же я тогда попаду на Новию?

И Джордж, окончательно выведенный из себя, посягнул на основу основ:

— А кто это тебе сказал, что ты попадешь на Новию? Никуда ты не попадешь. Вот!

Коротышка Тревельян покраснел.

— Ну уж трубопрокладчиком, как твой папаша, я не буду!

— Возьми назад, что сказал, дурак!

— Сам возьми!

Они были готовы броситься друг на друга. Драться им, правда, совсем не хотелось, но возможность заняться чем-то привычным в этом чужом месте сама по себе была уже облегчением. А к тому же Джордж сжал кулаки и встал в боксерскую стойку, так что мучительная проблема — куда девать руки — временно разрешилась. Остальные дети возбужденно обступили их.

Но тут же все кончилось: по залу внезапно разнесся усиленный громкоговорителями женский голос — и сразу наступила тишина. Джордж разжал кулаки и забыл о Тревельяне.

— Дети, — произнес голос, — сейчас мы будем называть ваши фамилии. Тот, кто услышит свою фамилию, должен тут же подойти к одному из служителей, которые стоят у стен. Вы видите их? Они одеты в красную форму, и вы легко их заметите. Девочки пойдут направо, мальчики — налево. А теперь посмотрите, какой человек в красном стоит к вам ближе всего...

Джордж сразу же увидел своего служителя и стал ждать, когда его вызовут. Он еще не был посвящен в тайну алфавита и к тому времени, когда дошла очередь до его фамилии, уже начал волноваться.

Толпа детей редела, ручейками растекаясь к красным фигурам.

Когда наконец было произнесено имя Джордж Плейтен, он испытал невыразимое облегчение и упоительную радость: его уже вызвали, а Коротышку — нет!

Уходя, Джордж бросил ему через плечо:

— Ага, Коротышка! А может, ты им вовсе и не нужен?

Но его приподнятое настроение быстро улетучилось. Его поставили рядом с незнакомыми детьми и всех повели по коридорам. Они испуганно переглядывались, но заговорить никто не осмеливался, и слышалось только сопение да иногда сдавленный шепот: «Не толкайся!» и «Эй, ты, поосторожней!»

Им раздали картонные карточки и велели их не терять. Джордж стал с любопытством рассматривать свою карточку. Он увидел маленькие черные значки разной формы. Он знал, что это называется печатными буквами, но не мог сообразить, как из них получаются слова.

Его и еще четверых мальчиков отвели в отдельную комнату и велели им раздеться. Они быстро сбросили свою новую одежду и стояли теперь голые и маленькие, дрожа скорее от волнения, чем от холода. Лаборанты быстро, по очереди ощупывали и исследовали их с помощью каких-то странных инструментов, кололи им пальцы, чтобы взять кровь для анализа, а потом каждый брал карточки и черной палочкой торопливо выводил на них аккуратные ряды каких-то значков. Джордж пристально вглядывался в эти новые значки, но они оставались такими же непонятными, как и старые. Затем детям велели одеться.

Они сели на маленькие стулья и снова стали ждать. Их опять начали вызывать по фамилиям, и Джорджа Плейтена вызвали третьим.

Он вошел в большую комнату, заполненную страшными аппаратами с множеством кнопок и прозрачных панелей. В самом центре комнаты стоял письменный стол, за которым, устремив взгляд на кипу лежавших перед ним бумаг, сидел какой-то мужчина.

— Джордж Плейтен? — спросил он.

— Да, сэр, — дрожащим шепотом ответил Джордж, который в результате длительного ожидания и бесконечных переходов из комнаты в комнату начал волноваться. Он уже мечтал о том, чтобы все это поскорее кончилось.

Человек за письменным столом сказал:

— Меня зовут доктор Ллойд. Как ты себя чувствуешь, Джордж?

Произнося эту фразу, доктор не поднял головы. Казалось, он повторял эти слова так часто, что ему уже не нужно было смотреть на того, к кому он обращался.

— Хорошо.

— Ты боишься, Джордж?

— Н-нет, сэр, — ответил Джордж, и даже от него самого не укрылось, как испуганно прозвучал его голос.

— Вот и прекрасно, — произнес доктор. — Ты же знаешь, что бояться нечего. Ну-ка, Джордж, посмотрим! На твоей карточке написано, что твоего отца зовут Питер и что по профессии он дипломированный трубопрокладчик. Имя твоей матери Эми, и она дипломированный специалист по домоведению. Правильно?

— Д-да, сэр.

— А ты родился тринадцатого февраля и год назад перенес инфекционное заболевание уха. Так?

— Да, сэр.

— А ты знаешь, откуда мне это известно?

— Я думаю, все это есть на карточке.

— Совершенно верно.— Доктор в первый раз взглянул на Джорджа и улыбнулся, показав ровные зубы. На вид он был гораздо моложе отца Джорджа, и Джордж несколько успокоился.

Доктор протянул ему карточку:

— Ты знаешь, что означают эти значки?

И хотя Джорджу было отлично известно, что этого он не знает, от неожиданности он взглянул на карточку с таким вниманием, словно по велению судьбы внезапно научился читать. Но значки по-прежнему оставались непонятными, и он вернул карточку доктору.

— Нет, сэр.

— А почему?

У Джорджа вдруг мелькнуло подозрение: а не сошел ли с ума этот доктор? Разве он этого не знает сам?

— Потому что я не умею читать, сэр.

— А тебе хотелось бы научиться читать?

— Да, сэр.

— А зачем, Джордж?

Джордж в недоумении вытаращил глаза. Никто никогда не задавал ему такого вопроса, и он растерялся.

— Я не знаю, сэр,— запинаясь, произнес он.

— Печатная информация будет руководить тобой всю твою жизнь. Даже после Дня образования тебе предстоит узнать еще очень многое. И эти знания ты будешь получать из таких вот карточек, из книг, с телевизионных экранов. Печатные тексты расскажут тебе столько полезного и интересного, что не уметь читать было бы так же ужасно, как быть слепым. Тебе это понятно?

— Да, сэр.

— Ты боишься, Джордж?

— Нет, сэр.

— Отлично. Теперь я объясню тебе, с чего мы начнем. Я приложу вот эти провода к твоему лбу над уголками глаз. Они приклеятся к коже, но не причинят тебе никакой боли. Потом я

включу аппарат и раздастся жужжание. Оно покажется тебе непривычным, и, возможно, тебе будет немного щекотно, но это тоже совершенно безболезненно. Впрочем, если тебе все-таки станет больно, ты мне скажешь, и я тут же выключу аппарат. Но больно не будет. Ну как, договорились?

Судорожно глотнув, Джордж кивнул.

— Ты готов?

Джордж снова кивнул. С закрытыми глазами он ждал, пока доктор готовил аппаратуру. Родители не раз рассказывали ему про все это. Они тоже говорили, что ему не будет больно. Но зато ребята постарше, которым исполнилось десять, а то и двенадцать лет, всегда дразнили ожидавших своего Дня чтения восьмилеток и кричали: «Берегитесь иглы!» А другие, отозвав малыша в какой-нибудь укромный уголок, по секрету сообщали: «Они разрежут тебе голову вот таким большущим ножом с крючком на конце» — и добавляли множество жутких подробностей.

Джордж никогда не принимал это за чистую монету, но тем не менее по ночам его мучили кошмары. И теперь, испытывая непередаваемый ужас, он закрыл глаза.

Он не почувствовал прикосновения проводов к вискам. Жужжание доносилось откуда-то издалека, и его заглушал звук стучавшей в ушах крови, такой гулкий, словно все происходило в большой пустой пещере. Джордж рискнул медленно открыть глаза.

Доктор стоял к нему спиной. Из одного аппарата ползла узкая лента бумаги, на которой виднелась волнистая фиолетовая линия. Доктор отрывал кусочки этой ленты и вкладывал их в прорезь другой машины. Он снова и снова повторял это, и каждый раз машина выбрасывала небольшой кусочек пленки, который доктор внимательно рассматривал. Наконец он повернулся к Джорджу, как-то странно нахмутив брови.

Жужжание прекратилось.

— Уже все? — прошептал Джордж.

— Да, — не переставая хмуриться, произнес доктор.

— И я уже умею читать? — Джордж не чувствовал в себе никаких изменений.

— Что? — переспросил доктор, и на его губах мелькнула неожиданная улыбка. — Все идет как надо, Джордж. Читать ты будешь через пятнадцать минут. А теперь мы воспользуемся дру-

гой машиной, и это уже будет немного дольше. Я закрою тебе всю голову, и, когда я включу аппарат, ты на некоторое время перестанешь видеть и слышать, но тебе не будет больно. На всякий случай я дам тебе в руку выключатель. Если ты все-таки почувствуешь боль, нажми вот эту маленькую кнопку, и все прекратится. Хорошо?

Позже Джорджу довелось услышать, что это был не настоящий выключатель и его давали ребенку только для того, чтобы он чувствовал себя спокойнее. Однако он не знал твердо, так ли это, поскольку сам кнопки не нажимал.

Ему надели на голову большой шлем обтекаемой формы, выложенный изнутри резиной. Три-четыре небольшие выпуклости присосались к его черепу, но он ощутил лишь легкое давление, которое тут же исчезло. Боли не было.

Откуда-то донесся голос доктора:

— Ну как, Джордж, все в порядке?

И тогда, без всякого предупреждения, его как будто окутал толстый слой войлока. Он перестал ощущать собственное тело, исчезли чувства, весь мир, вся Вселенная. Остался лишь он сам и доносившийся из бездонных глубин небытия голос, который что-то шептал ему... шептал... шептал...

Он напряженно старался услышать и понять хоть что-нибудь, но между ним и тем шепотом лежал толстый слой войлока.

Потом с него сняли шлем. Яркий свет ударил ему в глаза, а голос доктора отдавался в ушах барабанной дробью.

— Вот твоя карточка, Джордж. Скажи, что на ней написано?

Джордж снова взглянул на карточку — и вскрикнул. Значки обрели смысл! Они слагались в слова, которые он понимал так отчетливо, будто кто-то подсказывал их ему на ухо. Он был уверен, что именно слышал их.

— Так что же на ней написано, Джордж?

— На ней написано... написано... «Плейтен Джордж. Родился тринадцатого февраля шесть тысяч четыреста девяносто второго года, родители Питер и Эми Плейтен, место...» — От волнения он не мог продолжать.

— Ты умеешь читать, Джордж, — сказал доктор. — Все уже позади.

— И я никогда не разучусь? Никогда?

— Ну конечно же нет. — Доктор наклонился и серьезно пожал ему руку. — А сейчас тебя отправят домой.

Прошел не один день, прежде чем Джордж освоился со своей новой замечательной способностью. Он так бегло читал отцу вслух, что Плейтен-старший не смог сдержать слез умиления и поспешил поделиться этой радостной новостью с родственниками.

Джордж бродил по городу, читая все попадавшиеся ему на пути надписи, и не переставал удивляться тому, что было время, когда он их не понимал.

Он пытался вспомнить, что это такое — не уметь читать, и не мог. Ему казалось, будто он всегда умел читать. Всегда.

К восемнадцати годам Джордж превратился в смуглого юношу среднего роста, но благодаря худобе он выглядел выше, чем был на самом деле. А коренастый, широкоплечий Тревельян, который был ниже его разве что на дюйм, по-прежнему выглядел настоящим коротышкой. Однако за последний год он стал очень самолюбив и никому не позволял безнаказанно употреблять это прозвище. Впрочем, настоящее имя нравилось ему еще меньше, и его называли просто Тревельяном или каким-нибудь прилично звучащим сокращением фамилии. А чтобы еще более подчеркнуть свое возмужание, он упорно отращивал баки и жесткие, как щетина, усики.

Сейчас он вспотел от волнения, и Джордж, к тому времени тоже сменивший растянутое «Джооджи» на односложное отрывистое «Джордж», глядел на него, посмеиваясь.

Они находились в том же огромном зале, где их однажды уже собирали десять лет назад (и куда они с тех пор ни разу не заходили). Казалось, внезапно воплотилось в действительность туманное сновидение из далекого прошлого. В первые минуты Джордж был очень удивлен, обнаружив, что все здесь как будто стало меньше и теснее, но потом сообразил, что это вырос он сам.

Собралось их здесь меньше, чем в тот, первый раз, и одни юноши. Для девушек был назначен другой день.

— Не понимаю, почему нас заставляют ждать так долго, — вполголоса сказал Тревельян.

— Обычная волокита, — заметил Джордж. — Без нее не обойдешься.

— И откуда в тебе это идиотское спокойствие? — раздраженно поинтересовался Тревельян.

— А мне не из-за чего волноваться.

— Послушать тебя, так уши вянут! Надеюсь, ты станешь дипломированным ассенизатором, вот тогда-то я на тебя погляжу. — Он окинул толпу угрюмым, тревожным взглядом.

Джордж тоже посмотрел по сторонам. На этот раз система была иной, чем в День чтения. Все шло гораздо медленнее, а инструкции были розданы сразу в печатном виде — значительное преимущество перед устными инструкциями еще не умеющим читать детям, фамилии «Плейтен» и «Тревелиян» по-прежнему стояли в конце списка, но теперь они уже знали, в чем дело.

Юноши один за другим выходили из проверочных комнат. Нахмурившись и явно испытывая неловкость, они забирали свою одежду и вещи и отправлялись узнавать результаты.

Выходившего каждый раз окружала все более редевшая кучка тех, кто еще ждал своей очереди. «Ну как?», «Очень трудно было?», «Как по-твоему, что тебе дали?», «Чувствуешь разницу?» — раздавалось со всех сторон.

Ответы были туманными и уклончивыми.

Джордж, напрягая всю волю, держался в стороне. Такие разговоры — лучший способ вывести человека из равновесия. Все единогласно утверждали, что больше всего шансов у тех, кто сохраняет спокойствие. Но несмотря ни на что, он чувствовал, как у него постепенно холодеют руки.

Забавно, как с годами приходят новые заботы. Например, высококвалифицированные специалисты отправляются работать на другие планеты только с женами (или мужьями). Ведь на всех планетах необходимо поддерживать правильное соотношение числа мужчин и женщин. А какая девушка откажется выйти за человека, которого посылают на планету класса А? У Джорджа не было на примете никакой определенной девушки, да он и не интересовался ими. Еще не время. Вот когда его мечта осуществится и он получит право добавлять к своему имени слова «дипломированный программист», вот тогда он, как султан в гареме, сможет выбрать любую. Эта мысль взволновала его, и он постарался тут же выкинуть ее из головы. Необходимо сохранять спокойствие.

— Что же это все-таки может значить? — пробормотал Тревелиян. — Сначала тебе советуют сохранять спокойствие и хладнокровие, а потом тебя ставят в такое вот положение — тут только и сохранять спокойствие!

— Может быть, это нарочно? Чтобы с самого начала отделить мужчин от мальчиков? Легче, легче, Трев!

— Заткнись!

Наконец вызвали Джорджа, но не по радио, как в тот раз, — его фамилия вспыхнула на световом табло.

Джордж помахал Тревельяну рукой:

— Держись, Трев! Не волнуйся.

Когда он входил в проверочную комнату, он был счастлив. Да, счастлив!

— Джордж Плейтен? — спросил человек, сидевший за столом.

На миг в сознании Джорджа с необыкновенной четкостью возник образ другого человека, который десять лет назад задал такой же вопрос, и ему вдруг показалось, что перед ним тот же доктор, а он, Джордж, переступив порог, снова превратился в восьмилетнего мальчугана.

Сидевший за столом поднял голову — его лицо, конечно, не имело ничего общего с образом, всплывшим из глубин памяти Джорджа. У этого нос был картошкой, волосы жидкие и спутанные, а под подбородком висела складка, словно прежде он был очень толстым, а потом вдруг сразу похудел.

— Ну? — раздраженно произнес он.

Джордж очнулся.

— Да, я Джордж Плейтен, сэр.

— Так и говорите. Я доктор Зекери Антонелли. Сейчас мы с вами познакомимся поближе.

Он пристально, по-совиному, разглядывал на свет маленькие кусочки пленки.

Джордж внутренне содрогнулся. Он смутно вспомнил, что тот, другой доктор (он забыл, как его звали) тоже рассматривал такую же пленку. Неужели это та самая? Тот хмурился, а этот взглянул на него сейчас так, как будто его что-то рассердило.

Джордж уже не чувствовал себя счастливым.

Доктор Антонелли раскрыл довольно пухлую папку и осторожно отложил в сторону пленку.

— Тут сказано, что вы хотите стать программистом вычислительных машин.

— Да, доктор.

— Вы не передумали?
— Нет, сэр.
— Это очень ответственная и сложная профессия. Вы уверены, что она вам по силам?

— Да, сэр.
— Большинство людей, еще не получивших образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся навредить себе.

— Наверное, так, сэр.

— А вас это не пугает?

— Я полагаю, что лучше быть откровенным, сэр.

Доктор Антонелли кивнул, но выражение его лица осталось прежним.

— Почему вы хотите стать программистом?

— Как вы только что сказали, сэр, это ответственная и сложная профессия. Программисты выполняют важную и интересную работу. Мне она нравится, и я думаю, что справлюсь с ней.

Доктор Антонелли отодвинул папку и кисло взглянул на Джорджа.

— Откуда вы знаете, что она вам понравится? Вы, наверное, думаете, что вас тут же подхватит какая-нибудь планета класса А?

«Он пробует запугать меня,— с тревогой подумал Джордж.— Спокойно, Джордж, говори правду».

— Мне кажется, что у программиста на это большие шансы,— произнес он,— но даже если бы меня оставили на Земле, работа эта мне все равно нравилась бы, я знаю. («Во всяком случае, это так и я не лгу»,— подумал Джордж.)

— Пусть так, но откуда вы это знаете?

Вопрос был задан таким тоном, словно на него нельзя было ответить разумно, и Джордж еле сдержал улыбку. У него-то имелся ответ!

— Я читал о программировании, сэр,— сказал он.

— Что?

На лице доктора отразилось неподдельное изумление, и это доставило Джорджу удовольствие.

— Я читал о программировании, сэр,— повторил он.— Я купил книгу на эту тему и изучал ее.

— Книгу, предназначенную для дипломированных программистов?

— Да, сэр.

— Но ведь вы не могли понять то, что там написано.

— Да, вначале. Но я достал другие книги по математике и электронике и разобрался в них, насколько мог. Я, конечно, знаю не так уж много, но все-таки достаточно, чтобы понять, что мне нравится эта профессия и что я могу быть программистом. (Даже его родители ничего не знали о тайнике, где он хранил эти книги, и не догадывались, почему он проводит так много времени в своей комнате и почему не высыпается.)

Доктор оттянул пальцами дряблую складку под подбородком:

— А зачем вы это делали, друг мой?

— Мне хотелось проверить, действительно ли эта профессия интересна.

— Но ведь вам известно, что это не имеет ни малейшего значения. Как бы вас ни привлекала та или иная профессия, вы не получите ее, если структура вашего мозга делает вас более пригодным для занятий иного рода. Вам ведь это известно?

— Мне говорили об этом,— осторожно ответил Джордж.

— Так поверьте, что это правда.

Джордж промолчал.

— Или вы думаете, что изучение какого-нибудь предмета перестроит мозговые клетки в нужном направлении? А еще одна теория рекомендует беременной женщине чаще слушать прекрасную музыку, если она хочет, чтобы ребенок стал композитором. Вы, значит, верите в это?

Джордж покраснел. Конечно, он думал и об этом. Он полагал, что, постоянно упражняя свой интеллект в избранной области, он получит таким образом дополнительное преимущество. Его уверенность в значительной мере объяснялась именно этим.

— Я никогда...— начал было он, но не нашел что сказать.

— Ну так это неверно, молодой человек! К моменту рождения ваш мозг уже окончательно сформирован. Он может быть изменен ударом, достаточно сильным, чтобы повредить его клетки, или разрывом кровеносного сосуда, или опухолью, или тяжелым инфекционным заболеванием — в любом случае обязательно к худшему. Но повлиять на строение мозга, упорно о чем-то думая, попросту невозможно.— Он задумчиво посмотрел на Джорджа и добавил: — Кто вам посоветовал делать это?

Окончательно расстроившись, Джордж судорожно глотнул и ответил:

— Никто, доктор. Это моя собственная идея.

— А кто знал об этих ваших занятиях?

— Никто. Доктор, я не хотел ничего плохого.

— Кто сказал, что это плохо? Бесполезно, только и всего.

А почему вы скрывали свои занятия?

— Я... я думал, что надо мной будут смеяться. (Он вдруг вспомнил о недавнем споре с Тревелияном. Очень осторожно, как будто эта мысль только зародилась в самом отдаленном уголке его сознания, Джордж высказал предположение, что, пожалуй, можно кое-чему научиться, черпая знания, так сказать, вручную, постепенно и понемногу. Тревелиян оглушительно расхохотался: «Джордж, не хватает еще, чтобы ты начал дубить кожу для своих башмаков и сам ткать материю для своих рубашек». И тогда он обрадовался, что сумел хорошо сохранить свою тайну.)

Погрузившись в мрачное раздумье, доктор Антонелли перекладывал с места на место кусочки пленки, которые рассматривал в начале их разговора. Наконец он произнес:

— Займемся-ка вашим анализом. Так мы ничего не добьемся.

К вискам Джорджа приложили провода. Раздалось жужжание, и снова в его мозгу возникло ясное воспоминание о том, что происходило с ним в этом здании десять лет назад.

Руки Джорджа были липкими от пота, его сердце отчаянно колотилось. Зачем, зачем он сказал доктору, что тайком читает книги?

Всему виной было его проклятое тщеславие. Ему захотелось щегольнуть своей предприимчивостью и самостоятельностью, а вместо этого он продемонстрировал свое суеверие и невежество и восстановил доктора против себя. (Он чувствовал, что Антонелли возненавидел его за самодовольную развязность.)

А теперь он довел себя до такого возбуждения, что анализатор, конечно, покажет полную бессмыслицу.

Он не заметил, когда именно с его висков сняли провода. Он только вдруг осознал, что доктор стоит перед ним и задумчиво смотрит на него. А проводов уже не было. Отчаянным усилием воли Джордж взял себя в руки. Он полностью распростился с мечтой стать программистом. За каких-нибудь десять минут она окончательно рассеялась.

— Наверно, нет? — уныло спросил он.

— Что «нет»?

— Из меня не выйдет программиста?

Доктор потер нос и сказал:

— Одевайтесь, заберите свои вещи и идите в комнату пятнадцать-С. Там вас будут ждать ваши бумаги и мое заключение.

— Разве я уже получил образование? — изумленно спросил Джордж. — Мне казалось, что это только...

Доктор Антонелли внимательно посмотрел на письменный стол.

— Вам все объяснят. Делайте, как я сказал.

Джордж почувствовал смятение. Что от него утаивают? Он годится только для профессии дипломированного чернорабочего, и его хотят подготовить, заставить смириться с этой судьбой?

Он сразу полностью уверовал в правильность своей догадки, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы не закричать.

Спотыкаясь, он побрел к своему месту в зале. Тревелияна там не было, и, если бы Джордж в тот момент был способен осмысленно воспринимать окружающее, он обрадовался бы этому обстоятельству. В зале вообще уже почти никого не осталось, а те немногие, которые, судя по их виду, как будто намеревались его порасспросить, были слишком измучены ожиданием своей очереди в конце алфавита, чтобы выдержать его свирепый, полный ненависти взгляд.

По какому праву они будут квалифицированными специалистами, а он — чернорабочим? Чернорабочим! Он был в этом уверен.

Служитель в красной форме повел его по коридорам, полным деловой суеты, мимо комнат, в каждой из которых помещалась та или иная группа специалистов — где два, а где пять человек: механики-мотористы, инженеры-строители, агрономы... Существовали сотни различных профессий, и значительная их часть будет представлена в этом году по крайней мере одним или двумя жителями его родного городка.

В эту минуту Джордж ненавидел их всех: статистиков, бухгалтеров, тех, кто поважнее, и тех, кто помельче. Он ненавидел их за то, что они уже получили свои знания и им была ясна их дальнейшая судьба, а его самого, все еще не обученного, ждала какая-то новая волокита.

Наконец он добрался до двери с номером 15-С. Его ввели в пустую комнату и оставили одного. На какой-то миг он воспрянул духом. Ведь если бы эта комната предназначалась для чернорабочих, тут уже сидело бы много его сверстников.

Дверь в невысокой, в половину человеческого роста, перегородке скользнула в паз, и в комнату вошел пожилой седовласый мужчина. Он улыбнулся, показав ровные, явно фальшивые зубы, однако на его румянном лице не было морщин, а голос сохранил звучность.

— Добрый вечер, Джордж, — сказал он. — Я вижу, что на этот раз к нам в сектор попал только один из вас.

— Только один? — с недоумением повторил Джордж.

— Ну, на всей Земле таких, как вы, наберется несколько тысяч. Да, тысяч. Вы не одиноки.

Джордж почувствовал раздражение.

— Я ничего не понимаю, сэр, — сказал он. — Какова моя классификация? Что происходит?

— Полегче, друг мой. Ничего страшного. Это могло бы случиться с кем угодно. — Он протянул руку, и Джордж, машинально взяв ее, почувствовал крепкое пожатие. — Садитесь. Меня зовут Сэм Элленфорд.

Джордж нетерпеливо кивнул:

— Я хочу знать, в чем дело, сэр.

— Естественно. Во-первых, Джордж, вы не можете быть программистом. Я думаю, что вы и сами об этом догадались.

— Да, — с горечью согласился Джордж. — Но кем же я тогда буду?

— Это очень трудно объяснить, Джордж. — Он помолчал и затем отчетливо произнес: — Никем.

— Что?!

— Никем!

— Что это значит? Почему вы не можете дать мне профессию?

— Мы тут бессильны, Джордж, у нас нет выбора. За нас решает устройство вашего мозга.

Лицо Джорджа стало землистым, глаза выпучились.

— Мой мозг никуда не годится?

— Да как сказать. Но в отношении профессиональной квалификации — можете считать, что он действительно не годится.

— Но почему?

Элленфорд пожал плечами:

— Вам, конечно, известно, как осуществляется на Земле программа образования. Практически любой человек может усвоить любые знания, но каждый индивидуальный мозг лучше подходит для одних видов знаний, чем для других. Мы стараемся по возможности сочетать устройство мозга с соответствующими знаниями в пределах квоты на специалистов каждой профессии.

Джордж кивнул:

— Да, я знаю.

— Но иногда, Джордж, нам попадается молодой человек, чей интеллект не подходит для наложения на него каких бы то ни было знаний.

— Другими словами, я не способен получить образование?

— Вот именно.

— Но это безумие. Ведь я умен. Я могу понять...— Он беспомощно оглянулся, как бы отыскивая какую-нибудь возможность доказать, что его мозг работает нормально.

— Вы неправильно меня поняли,— очень серьезно произнес Элленфорд.— Вы умны. Об этом вопроса не встает. Более того, ваш интеллект даже выше среднего. К сожалению, это не имеет никакого отношения к тому, подходит ли он для наложения знаний. Вообще сюда почти всегда попадают умные люди.

— Вы хотите сказать, что я не могу стать даже дипломированным чернорабочим? — пролепетал Джордж. Внезапно ему показалось, что даже это лучше, чем открывшаяся перед ним пустота.— Что особенного нужно знать, чтобы быть чернорабочим?

— Вы недооцениваете чернорабочих, молодой человек. Существует множество разновидностей этой профессии, и каждая из этих разновидностей имеет свой комплекс довольно сложных знаний. Вы думаете, не требуется никакого искусства, чтобы правильно поднимать тяжести? Кроме того, для профессии чернорабочего мы должны отбирать не только подходящий тип мозга, но и подходящий тип тела. Вы не годитесь для этого, Джордж. Если бы вы стали чернорабочим, вас хватило бы ненадолго.

Джордж знал, что не обладает крепким телосложением.

— Но я никогда не слышал ни об одном человеке без профессии,— возразил он.

— Таких людей немного,— ответил Элленфорд.— И мы оберегаем их.

— Оберегаете? — Джордж почувствовал, как в его душе растут смятение и страх.

— Вы находитесь под опекой планеты, Джордж. С того момента как вы вошли в эту дверь, мы приступили к своим обязанностям.— И он улыбнулся.

Это была добрая улыбка. Джорджу она показалась улыбкой собственника, улыбкой взрослого, обращенной к беспомощному ребенку.

— Значит, я попаду в тюрьму? — спросил он.

— Ни в коем случае. Вы просто будете жить с себе подобными.

«С себе подобными!» Эти слова громом отдались в ушах Джорджа.

— Вам нужны особые условия. Мы позаботимся о вас,— сказал Элленфорд.

К своему ужасу, Джордж вдруг залился слезами. Элленфорд отошел в другой конец комнаты и, как бы задумавшись о чем-то, отвернулся.

Джордж напрягал все силы, и судорожные рыдания сменились всхлипываниями, а потом ему удалось подавить и их. Он думал о своем отце, о матери, о друзьях, о Тревельяне, о своем позоре...

— Я же научился читать! — возмущенно сказал он.

— Каждый нормальный человек может научиться этому. Нам никогда не приходилось сталкиваться с исключениями. Но именно на этом этапе мы обнаруживаем... э... э... исключения. Когда вы научились читать, Джордж, мы узнали об особенностях вашего мышления. Дежурный врач уже тогда сообщил о некотором его своеобразии.

— Неужели вы не можете попробовать дать мне образование? Ведь вы даже не пытались сделать это. Весь риск я возьму на себя.

— Закон запрещает нам это, Джордж. Но послушайте, все будет хорошо. Вашим родителям мы представим дело в таком свете, что это не огорчит их. А там, куда вас поместят, вы будете пользоваться некоторыми привилегиями. Мы дадим вам книги, и вы сможете изучать все, что пожелаете.

— Собираешь знания по зернышку, — горько произнес Джордж. — И к концу жизни я буду знать как раз достаточно, чтобы стать дипломированным младшим клерком в отделе скрепок.

— Однако, если не ошибаюсь, вы уже пробовали учиться по книгам.

Джордж замер. Его мозг пронзила страшная догадка.

— Так вот оно что...

— Что?

— Этот ваш Антонелли! Он хочет погубить меня!

— Нет, Джордж, вы ошибаетесь.

— Не разуверяйте меня. — Джорджа охватила безумная ярость. — Этот поганый ублюдок решил расквитаться со мной за то, что я оказался для него слишком умным. Я читал книги и пытался подготовиться к профессии программиста. Ладно, какого отступного вы хотите? Деньги? Так вы их не получите. Я уйду, и когда я объявлю об этом...

Он перешел на крик.

Элленфорд покачал головой и нажал кнопку.

В комнату на цыпочках вошли двое мужчин и с двух сторон приблизились к Джорджу. Они прижали его руки к бокам, и один из них поднес к локтевой впадине его правой руки воздушный шприц. Снотворное проникло в вену и подействовало почти мгновенно.

Крики Джорджа тут же оборвались, голова поникла, колени подогнулись, и только служители, поддерживавшие его с обеих сторон, не дали ему, спящему, рухнуть на пол.

Как и было обещано, о Джордже позаботились. Его окружили вниманием и были к нему неизменно добры — Джорджу казалось, что он сам точно так же обращался бы с больным котенком.

Ему сказали, что он должен взять себя в руки и найти для себя какой-нибудь интерес в жизни. Потом ему объяснили, что большинство тех, кто попадает сюда, вначале всегда предается отчаянию и что со временем у него это пройдет. Но он даже не слышал их.

Джорджа посетил сам доктор Элленфорд и рассказал, что его родителям сообщили, будто он получил особое назначение.

— А они знают?..— пробормотал Джордж.

Элленфорд поспешил успокоить его:

— Мы не вдавались в подробности.

Первое время Джордж отказывался есть и ему вводили питание внутривенно. От него спрятали острые предметы и поставили к нему охрану. В его комнате поселился Хали Омани, и флегматичность нигерийца подействовала на Джорджа успокаивающе.

Однажды, снедаемый отчаянной скукой, Джордж попросил какую-нибудь книгу. Омани, который сам постоянно что-то читал, поднял голову и широко улыбнулся. Не желая доставлять им удовольствия, Джордж чуть было не взял назад свою просьбу, но потом подумал: «А не все ли равно?»

Он не уточнил, о чем именно хочет читать, и Омани принес ему книгу по химии. Текст был напечатан крупными буквами, составлен из коротких слов и пояснялся множеством картинок. Это была книга для подростков, и Джордж с яростью швырнул ее об стену.

Таким он будет всегда. На всю жизнь он останется подростком, человеком, не получившим образования, и для него будут писать специальные книги. Изнывая от ненависти, он лежал на кровати и глядел в потолок, однако через час, утрумо насупившись, встал, поднял книгу и принялся за чтение.

Через неделю он закончил ее и попросил другую.

— А первую отнести обратно? — спросил Омани.

Джордж нахмурился. Кое-чего он не понял, но он еще не настолько потерял чувство собственного достоинства, чтобы сознаться в этом.

— Впрочем, пусть остается,— сказал Омани.— Книги предназначены для того, чтобы их читали и перечитывали.

Это произошло в тот самый день, когда он наконец принял приглашение Омани посмотреть заведение, в котором они находились. Он плелся за нигерийцем, бросая вокруг быстрые злобные взгляды.

О да, это место не было тюрьмой! Ни запертых дверей, ни решеток, ни охраны. Оно напоминало тюрьму только тем, что его обитатели не могли его покинуть.

И все-таки было приятно увидеть десятки подобных себе людей. Ведь слишком легко могло показаться, что во всем мире только ты один так... искалечен.

— А сколько здесь живет человек? — пробормотал он.

— Двести пять, Джордж, и это не единственное в мире заведение такого рода. Их тысячи.

Где бы он ни проходил, люди поворачивались в его сторону и провожали его глазами — и в гимнастическом зале, и на теннисных кортах, и в библиотеке. (Никогда в жизни он не представлял себе, что может существовать такое количество книг; ими были битком — именно битком — набиты длинные полки.) Все с любопытством рассматривали его, а он бросал в ответ яростные взгляды. Уж они-то ничем не лучше его, как же они смеют глазеть на него, словно на какую-нибудь диковинку!

Всем им, по-видимому, было лет двадцать — двадцать пять.

— А что происходит с теми, кто постарше? — неожиданно спросил Джордж.

— Здесь живут только более молодые, — ответил Омани, а затем, словно вдруг поняв скрытый смысл вопроса Джорджа, укоризненно покачал головой и добавил: — Их не уничтожают, если ты это имеешь в виду. Для старшего возраста существуют другие приюты.

— А впрочем, мне наплевать... — пробормотал Джордж, почувствовав, что проявил к этому слишком большой интерес и ему угрожает опасность сдаться.

— Но почему? Когда ты станешь старше, тебя переведут в приют, предназначенный для лиц обоего пола.

Это почему-то удивило Джорджа.

— И для женщин тоже?

— Конечно. Неужели ты считаешь, что женщины не подвержены этому?

И Джордж поймал себя на том, что испытывает такой интерес и волнение, каких не замечал в себе с того дня, когда... Он заставил себя не думать об этом.

Омани остановился на пороге комнаты, где стояли небольшая телевизионная установка и настольная счетная машина. Перед экраном сидели пять-шесть человек.

— Классная комната, — пояснил Омани.

— А что это такое? — спросил Джордж.

— Эти юноши получают образование,— ответил Омани.— Но не обычным способом,— быстро добавил он.

— То есть они получают знания по капле?

— Да. Именно так учились в старину.

С тех пор как он попал в приют, ему все время твердили об этом. Но что толку? Предположим, было время, когда человечество не знало диатермической печи. Разве из этого следует, что он должен довольствоваться сырым мясом в мире, где все остальные едят его вареным или жареным?

— Что толку от этого крохоборства? — спросил он.

— Нужно же чем-то занять время, Джордж, а кроме того, им интересно.

— А какая им от этого польза?

— Они чувствуют себя счастливее.

Джордж размышлял над этим, даже ложась спать. На другой день он буркнул, обращаясь к Омани:

— Ты покажешь мне класс, где я смогу узнать что-нибудь о программировании?

— Ну конечно,— охотно согласился Омани.

Дело продвигалось медленно, и это возмущало Джорджа. Почему кто-то снова и снова объясняет одно и то же? Почему он читает и перечитывает какой-нибудь абзац, а потом, глядя на математическую формулу, не сразу ее понимает? Ведь людям за стенами приюта все это дается в один присест.

Несколько раз он бросал занятия. Однажды он не посещал классов целую неделю. Но всегда возвращался обратно. Дежурный наставник, который советовал им, что читать, вел телевизионные сеансы и даже объяснял трудные места и понятия, казалось, не замечал его поведения.

В конце концов Джорджу поручили постоянную работу в парке, а кроме того, когда наступала его очередь, он занимался уборкой и помогал на кухне. Ему представили это как шаг вперед, но им не удалось его провести. Ведь тут можно было бы завести куда больше всяческих бытовых приборов, но юношам нарочно давали работу, чтобы создать для них иллюзию полезного существования. Только его, Джорджа, им провести не удалось.

Им даже платили небольшое жалованье. Эти деньги они могли тратить на кое-какие дополнительные блага из числа указанных в списке либо откладывать их для сомнительного использо-

вания в столь же сомнительной старости. Джордж держал свои деньги в открытой жестянке, стоявшей на полке стенного шкафа. Он не имел ни малейшего представления, сколько там накопилось. Ему это было совершенно безразлично.

Он ни с кем по-настоящему не подружился, хотя к этому времени уже вежливо здоровался с обитателями приюта. Он даже перестал (вернее, почти перестал) терзать себя мыслями о роковой ошибке, из-за которой попал сюда. По целым неделям ему уже не снился Антонелли, его толстый нос и дряблая шея, его злобная усмешка, с которой он заталкивал Джорджа в раскаленный зыбучий песок и держал его там до тех пор, пока тот не просыпался с криком, встречая участливый взгляд склонившегося над ним Омани.

Как-то раз в снежный февральский день Омани сказал ему: — Просто удивительно, как ты приспособился.

Но это было в феврале, точнее, тринадцатого февраля, в день его рождения. Пришел март, за ним апрель, а когда уже не за горами был май, Джордж понял, что ничуть не приспособился.

Год назад он не заметил мая. Тогда, ко всему безразличный и потерявший цель в жизни, он целыми днями валялся в постели. Но этот май был иным.

Джордж знал, что повсюду на Земле вскоре начнется Олимпиада и молодые люди будут состязаться друг с другом в профессиональном искусстве, борясь за места на новых планетах. На всей Земле будет праздничная атмосфера, волнение, нетерпеливое ожидание последних новостей о результатах состязаний. Прибудут важные агенты-вербовщики с далеких планет. Победители будут увенчаны славой, но и потерпевшие поражение найдут чем утешиться.

Сколько было об этом написано книг! Как он сам мальчишкой из года в год увлеченно следил за олимпийскими состязаниями! И сколько с этим было связано его личных планов...

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

И это вызвало его первую ссору с Омани, так что тот, сурово отчеканивая каждое слово, произнес полное название заведения, где находился Джордж.

Пристально глядя на Джорджа, Омани сказал отдельно:

— Приют для слабоумных.

Джордж Плейтен покраснел. Для слабоумных!
Он в отчаянии отогнал эту мысль и глухо сказал:

— Я ухожу.

Он сказал это не думая, и смысл этих слов достиг его сознания; лишь когда они уже сорвались с языка.

Омани, который снова принялся за чтение, поднял голову:

— Что ты сказал?

Но теперь Джордж понимал, что говорит.

— Я ухожу! — яростно повторил он.

— Что за нелепость! Садись, Джордж, и успокойся.

— Ну нет! Сколько раз повторять тебе, что со мной попросту расправились. Я не понравился этому доктору, Антонелли, а все эти мелкие бюрократишки любят покуражиться. Стоит только с ними не поладить, и они одним росчерком пера на какой-нибудь карточке стирают тебя в порошок.

— Ты опять за старое?

— Да, и не отступлю, пока все не выяснится. Я доберусь до Антонелли и выжму из него правду.

Джордж тяжело дышал, его била нервная дрожь. Наступал месяц Олимпиады, и он не мог допустить, чтобы этот месяц прошел для него безрезультатно. Если он сейчас ничего не предпримет, он окончательно капитулирует и погибнет навсегда.

Омани спустил ноги с кровати и встал. Он был почти шести футов ростом, и выражение лица придавало ему сходство с озабоченным сенбернаром. Он обнял Джорджа за плечи:

— Если я обидел тебя...

Джордж сбросил его руку:

— Ты просто сказал то, что считаешь правдой, а я докажу, что это ложь, вот и все. А почему бы мне не уйти? Дверь открыта, замков здесь никаких нет. Никто никогда не говорил, что мне запрещено выходить. Я просто возьму и уйду.

— Допустим. Но куда ты отправишься?

— В ближайший аэропорт, а оттуда — в ближайший большой город, где проводится какая-нибудь Олимпиада. У меня есть деньги.

Он схватил жестянку, в которую складывал свой заработок. Несколько монет со звоном упало на пол.

— Этого тебе, возможно, хватит на неделю. А потом?

— К этому времени я все улажу.

— К этому времени ты приползешь обратно,— сказал Омани с силой,— и тебе придется начинать все сначала. Ты сошел с ума, Джордж.

— Только что ты назвал меня слабоумным.

— Ну извини. Останься, хорошо?

— Ты что, попытаешься удержать меня?

Омани сжал толстые губы.

— Нет, не попытаюсь. Это твое личное дело. Если ты обрзумишься только после того, как столкнешься с внешним миром и вернешься сюда с окровавленной физиономией, так уходи... Да, уходи!

Джордж уже стоял в дверях. Он оглянулся через плечо:

— Я ухожу.

Он вернулся, чтобы взять свой карманный несессер.

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против, если я заберу кое-что из моих вещей?

Омани пожал плечами. Он опять улегся в постель и с безразличным видом погрузился в чтение.

Джордж снова помедлил на пороге, но Омани даже не взглянул в его сторону. Скрипнув зубами, Джордж повернулся, быстро зашагал по безлюдному коридору и вышел в окутанный ночной мглой парк.

Он ждал, что его задержат еще в парке, но его никто не остановил. Он зашел в ночную закусочную, чтобы спросить дорогу к аэропорту, и думал, что хозяин тут же вызовет полицию, но этого не случилось. Джордж вызвал скиммер, и водитель повез его в аэропорт, не задав ни одного вопроса.

Однако все это его не радовало. Когда он прибыл в аэропорт, на душе у него было на редкость скверно. Прежде он как-то не задумывался над тем, что его ожидает во внешнем мире. И вот он оказался среди людей, обладающих профессиями. В закусочной над кассой была укреплена пластмассовая пластинка с именем хозяина. Такой-то, дипломированный повар. У чловека, управляющего скиммером, были права дипломированного водителя. Джордж остро почувствовал незаконченность своей фамилии и из-за этого ощущал себя как будто голым, даже хуже — ему казалось, что с него содрали кожу. Но он не поймал на себе ни одного подозрительного взгляда. Никто не остановил его, не потребовал у него профессионального удостоверения.

«Кому придет в голову, что есть люди без профессии?» — с горечью подумал Джордж.

Он купил билет до Сан-Франциско на стратоплан, улетающий в три часа ночи. Другие стратопланы в крупные центры Олимпиады вылетали только утром, а Джордж боялся ждать. Даже и теперь он устроился в самом укромном уголке зала ожидания и стал высматривать полицейских. Но они не явились.

В Сан-Франциско он прилетел еще до полудня, и городской шум обрушился на него подобно удару. Он никогда еще не видел такого большого города, а за последние полтора года привык к тишине и спокойствию.

Да и к тому же это был месяц Олимпиады. Когда Джордж вдруг сообразил, что именно этим объясняются особый шум, возбуждение и суматоха, он почти забыл о собственном отчаянном положении.

Для удобства прибывающих пассажиров в аэропорту были установлены Олимпийские стенды, перед которыми собирались большие толпы. Для каждой основной профессии был отведен особый стенд, на котором значился адрес того Олимпийского зала, где в данный день проводилось состязание по этой профессии, затем перечислялись его участники с указанием места их рождения и называлась планета-заказчик (если таковая была).

Все полностью соответствовало традициям. Джордж достаточно часто читал в газетах описания Олимпийских состязаний, видел их по телевизору и даже однажды присутствовал на небольшой Олимпиаде дипломированных мясников в главном городе своего округа. Даже это состязание, не имевшее никакого отношения к другим мирам (на нем, конечно, не присутствовало ни одного представителя иной планеты), привлекло множество зрителей.

Отчасти это объяснялось просто самим фактом состязания, отчасти — местным патриотизмом (о, что творилось, когда среди участников оказывался земляк, пусть даже совершенно незнакомый, но за которого можно было болеть!) и, конечно, до некоторой степени — возможностью заключать пари. Бороться с этим было невозможно.

Джордж убедился, что подойти поближе к стенду не так-то просто. Он поймал себя на том, что как-то по-новому смотрит на оживленные лица вокруг.

Ведь было же время, когда эти люди сами участвовали в Олимпиадах. А чего они достигли? Ничего!

Если бы они были победителями, то не сидели бы на Земле, а находились бы где-нибудь далеко в глубинах Галактики. Кем бы они ни были, их профессии с самого начала сделали их добычей Земли. Или, если у них были высокоспециализированные профессии, они стали добычей Земли из-за собственной бездарности.

Теперь эти неудачники, собравшись здесь, взвешивали шансы новых, молодых участников состязаний. Стервятники!

Как страстно он желал, чтобы они прикидывали сейчас его шансы!

Он машинально шел мимо стендов, держась у самого края толпы. В стратоплане он позавтракал, и ему не хотелось есть. Зато ему было страшно. Он находился в большом городе в самый разгар суматохи, которая сопутствует началу Олимпийских состязаний. Это, конечно, для него выгодно. Город наводнен приезжими. Никто не станет расспрашивать Джорджа. Никому не будет до него никакого дела.

«Никому, даже приюту», — с болью подумал Джордж.

Там за ним ухаживали, как за больным котенком, но если больной котенок возьмет да убежит? Что поделаешь — тем хуже для него!

А теперь, добравшись до Сан-Франциско, что он предпримет? На этот вопрос у него не было ответа. Обратиться к кому-нибудь? К кому именно? Как? Он не знал даже, где ему остановиться. Деньги, которые у него остались, казались жалкими грошами.

Он вдруг со стыдом прикинул, не лучше ли будет вернуться в приют. Ведь можно пойти в полицию... Но тут же яростно замотал головой, словно споря с реальным противником.

Его взгляд упал на слово «Металлурги», которое ярко светилось на одном из стендов. Рядом, помельче — «Цветные металлы». А под длинным списком фамилий завивались прихотливые буквы: «Заказчик — Новия».

На Джорджа нахлынули мучительные воспоминания: его спор с Тревелияном, когда он был так уверен, что станет программистом, так уверен, что программист намного выше металлурга,

так уверен, что идет по правильному пути, так уверен в своих способностях...

И вот он расхвастался перед этим мелочным, мстительным Антонелли! Он же был так уверен в себе, когда его вызвали, и он еще постарался ободрить нервничавшего Тревельяна. В себе-то он был уверен!

У Джорджа вырвался всхлипывающий вздох. Какой-то человек обернулся и, взглянув на него, поспешил дальше. Мимо торопливо проходили люди, поминутно толкая его то в одну, то в другую сторону, а он не мог оторвать изумленных глаз от стенда.

Ведь стенд словно откликнулся на его мысли! Он настойчиво думал о Тревельяне, и на мгновение ему показалось, что на стенде в ответ обязательно возникнет слово «Тревельян».

Но там и в самом деле значился Тревельян. Арманд Тревельян (имя, которое так ненавидел Коротышка, ярко светилось на стенде для всеобщего обозрения), а рядом — название их родного города. Да и к тому же Трев всегда мечтал о Новии, стремился на Новию, ни о чем не думал, кроме Новии, а заказчиком этого состязания была Новия.

Значит, это действительно Трев, старина Трев! Почти машинально он запомнил адрес зала, где проводилось состязание, и стал в очередь на скиммер.

«Трев таки добился своего! — вдруг утрюмо подумал он. — Он хотел стать металлургом и стал!»

Джорджу стало холодно и одиноко, как никогда.

У входа в зал стояла очередь. Очевидно, Олимпиада металлургов обещала захватывающую и напряженную борьбу. По крайней мере так утверждала горевшая высоко в небе надпись, и так же, казалось, думали теснившиеся у входа люди.

Джордж решил, что, судя по цвету неба, день выдался дождливый, но над всем Сан-Франциско, от залива до океана, натянули прозрачный защитный купол. Это, конечно, стоило немалых денег, но, когда дело касается удобства представителей других миров, все расходы оправдываются. А на Олимпиаду их съедется сюда немало. Они швыряют деньги направо и налево, а за каждого нанятого специалиста планета-заказчик платила не только Земле, но и местным властям. Так что город, в котором

представители других планет проводили месяц Олимпиады с удовольствием, внакладе не оставался. Сан-Франциско знал, что делает.

Джордж так глубоко задумался, что вздрогнул, когда его плеча мягко коснулась чья-то рука и вежливый голос произнес:

— Вы стоите в очереди, молодой человек?

Очередь продвинулась, и теперь Джордж наконец обнаружил, что перед ним образовалось пустое пространство. Он поспешно шагнул вперед и пробормотал:

— Извините, сэр.

Два пальца осторожно взяли его за локоть. Он испуганно оглянулся.

Стоявший за ним человек весело кивнул. В его волосах пробивалась обильная седина, а под пиджаком он носил старомодный свитер, застегивавшийся спереди на пуговицы.

— Я не хотел вас обидеть,— сказал он.

— Ничего.

— Вот и хорошо! — Он, казалось, был расположен благодушно поболтать. — Я подумал, что вы, может быть, случайно остановились тут, задержавшись из-за очереди, и что вы, может быть...

— Кто? — резко спросил Джордж.

— Участник состязания, конечно. Вы же очень молоды.

Джордж отвернулся. Он был не в настроении для благодушной болтовни и испытывал злость ко всем любителям совать нос в чужие дела.

Его внезапно осенила новая мысль. Не разыскивают ли его? Вдруг сюда уже сообщили его приметы или прислали фотографию? Вдруг этот Седой позади него ищет предлога лучше рассмотреть его лицо?

Надо бы все-таки узнать последние известия. Задрав голову, Джордж взглянул на движущуюся полосу заголовков и кратких сообщений, которые бежали по одной из секций прозрачного купола, непривычно тусклые на сером фоне затянутого облаками предвечернего неба. Но тут же решил, что это бесполезно, и отвернулся. Для этих сообщений его персона слишком ничтожна. Во время Олимпиады только одни новости заслуживают упоминания: количество очков, набранных победителями, и призы, завоеванные континентами, нациями и городами.

И так будет продолжаться до конца месяца. Очки будут подсчитываться на душу населения, и каждый город будет изыскивать способ подсчета, который дал бы ему возможность занять почетное место.

Его собственный город однажды занял третье место на Олимпиаде электротехников, третье место во всем штате! В ратуше до сих пор висит мемориальная доска, увековечившая это событие.

Джордж втянул голову в плечи и засунул руки в карманы, но тут же решил, что так скорее привлечет к себе внимание. Он расслабил мышцы и попытался принять безразличный вид, но от страха не избавился. Теперь он находился уже в вестибюле, и до сих пор на его плечо не опустилась властная рука блюстителя порядка. Наконец он вошел в зал и постарался пробраться как можно дальше вперед.

Вдруг он заметил рядом Седого и опять почувствовал страх. Он быстро отвел взгляд и попытался внушить себе, что это вполне естественно. В конце концов, Седой стоял в очереди прямо за ним.

К тому же Седой, поглядев на него с приветливой вопросительной улыбкой, отвернулся. Олимпиада вот-вот должна была начаться. Джордж приподнялся, высматривая Тревельяна, и на время забыл обо всем остальном.

Зал был не очень велик и имел форму классического вытянутого овала. Зрители располагались на двух галереях, опоясывающих зал, а участники состязания — внизу, в длинном и узком углублении. Приборы были уже установлены, а на табло над каждым рабочим местом пока светились только фамилии и номера состязающихся. Сами участники были на сцене. Одни читали, другие разговаривали. Кто-то внимательно разглядывал свои ногти. (Хороший тон требовал, чтобы они проявляли полное равнодушие к предстоящему испытанию, пока не будет подан сигнал к началу состязания.)

Джордж просмотрел программу, которая выскочила из ручки его кресла, когда он нажал кнопку, и отыскал фамилию Тревельяна. Она значилась под номером двенадцать, и, к огорчению Джорджа, место его приятеля находилось в другом конце зала. Он нашел участника под двенадцатым номером: тот, засунув руки в карманы, стоял спиной к своему прибору и смотрел

на галереи, словно пересчитывал зрителей, но лица его Джордж не видел.

И все-таки он сразу узнал Трева.

Джордж откинулся в кресле. Добьется ли Трев успеха? Из чувства долга он желал ему самых лучших результатов, однако в глубине его души нарастал бунт. Он, Джордж, человек без профессии, сидит здесь простым зрителем, а Тревелиян, дипломированный металлург, специалист по цветным металлам, участвует в Олимпиаде.

Джордж не знал, выступал ли Тревелиян олимпийским соискателем в первый год после получения профессии. Такие смельчаки находились: либо человек был очень уверен в себе, либо очень торопился. В этом крылся определенный риск. Как ни эффективен был процесс обучения, год, проведенный на Земле после получения образования («чтобы смазать механизм неразработавшихся знаний», согласно поговорке), обеспечивал более высокие результаты.

Если Тревелиян выступает в состязаниях вторично, он, быть может, не так уж и преуспел. Джордж со стыдом заметил, что эта мысль ему даже приятна.

Он поглядел по сторонам. Почти все места были заняты. Олимпиада соберет много зрителей, а значит, участники будут больше нервничать, а может быть, и работать с большей энергией — в зависимости от характера.

«Но почему это называется Олимпиадой?» — подумал он вдруг в недоумении. Он не знал. Почему хлеб называют хлебом? В детстве он как-то спросил отца:

— Папа, а что такое Олимпиада?

И отец ответил:

— Олимпиада — значит состязание.

— А когда мы с Коротышкой боремся, это тоже Олимпиада? — поинтересовался Джордж.

— Нет, — ответил Плейтен-старший. — Олимпиада — это особенное состязание. Не задавай глупых вопросов. Когда получишь образование, узнаешь все, что тебе положено знать.

Джордж глубоко вздохнул, вернулся к действительности и уселся поглубже в кресло.

Все, что тебе положено знать!

Странно, как хорошо он помнит эти слова! «Когда ты получишь образование...» Никто никогда не говорил: «Если ты получишь образование...»

Теперь ему казалось, что он всегда задавал глупые вопросы. Как будто его разум инстинктивно предвидел свою неспособность к образованию и придумывал всяческие расспросы, чтобы хоть по обрывкам собрать побольше знаний.

А в приюте поощряли его любознательность, проповедуя то же, к чему инстинктивно стремился его разум. Единственный открытый ему путь!

Внезапно он выпрямился. Черт возьми, что это он? Чуть было не попался на их удочку! Неужели он сдастся только потому, что там перед ним Трев, получивший образование и участвующий в Олимпиаде?

Нет, он не слабоумный! Нет!

И словно в ответ на этот мысленный вопль протеста, зрители вокруг зашумели. Все встали.

В ложу, расположенную в самом центре длинной дуги овала, входили люди, одетые в цвета планеты Новии, и на главном табло над их головами вспыхнуло слово «Новия».

Новия была планетой класса А с большим населением и высокоразвитой цивилизацией, быть может, самой лучшей во всей Галактике. Каждый землянин мечтал когда-нибудь поселиться в таком мире, как Новия, или, если ему это не удастся, увидеть там своих детей. Джордж вспомнил, с какой настойчивостью стремился на Новию Тревельян, и вот теперь он состязается за право уехать туда.

Лампы над головами зрителей погасли, потухли и стены. Поток яркого света хлынул вниз, туда, где находились участники состязания.

Джордж снова попытался рассмотреть Тревельяна.

Но тот был слишком далеко.

— Уважаемые новианские заказчики, уважаемые дамы и господа! — раздался отчетливый, хорошо поставленный голос диктора. — Сейчас начнутся Олимпийские состязания металлургов, специалистов по цветным металлам. В состязании принимают участие...

С добросовестной внятностью диктор прочитал список, приведенный в программе. Фамилии, названия городов, откуда при-

были участники, год получения образования. Зрители встречали каждое имя аплодисментами, и самые громкие доставались на долю жителей Сан-Франциско. Когда очередь дошла до Тревелльяна, Джордж неожиданно для самого себя бешено завопил и замахал руками. Но еще больше его удивило то, что сидевший рядом с ним седой мужчина повел себя точно так же.

Джордж не мог скрыть своего изумления, и его сосед, наклонившись к нему и напрягая голос, чтобы перекрыть шум, произнес:

— У меня здесь нет земляков. Я буду болеть за ваш город. Это ваш знакомый?

Джордж отодвинулся, насколько мог.

— Нет.

— Я заметил, что вы все время смотрите в том направлении. Не хотите ли воспользоваться моим биноклем?

— Нет, благодарю вас. (Почему этот старый дурак сует нос не в свое дело?)

Диктор продолжал сообщать другие официальные сведения, касавшиеся номера состязания, метода хронометрирования и подсчитывания очков. Наконец он дошел до самого главного, и публика замерла, обратившись в слух.

— Каждый участник состязания получит по бруску сплава неизвестного для него состава. От него потребуется произвести количественный анализ этого сплава и сообщить все результаты с точностью до четырех десятых процента. Для этого все соревнующиеся будут пользоваться микроспектрографами Бимена, модель MD-два, каждый из которых в настоящее время неисправен.

Зрители одобрительно зашумели.

— Каждый участник должен будет определить неисправность своего прибора и ликвидировать ее. Для этого им даны инструменты и запасные детали. Среди них может не оказаться нужной детали, и ее надо будет затребовать. Время, которое займет доставка, вычитается из общего времени, затраченного на выполнение задания. Все участники готовы?

На табло над пятым номером вспыхнул тревожный красный сигнал. Номер пять бегом бросился из зала и быстро вернулся. Зрители добродушно рассмеялись.

— Все готовы?

Табло остались темными.

— Есть какие-нибудь вопросы?

По-прежнему ничего.

— Можете начинать!

Разумеется, ни один из зрителей не имел возможности непосредственно определить, как продвигается работа у каждого участника. Некоторое представление об этом могли дать только надписи, вспыхивавшие на табло. Впрочем, это не имело ни малейшего значения. Среди зрителей только металлург, оказавшись он здесь, мог бы разобраться в сущности состязания. Но важно было, кто победит, кто займет второе, а кто — третье место. Для тех, кто ставил на участников (а этому не могли мешать никакие законы), только это было важно. Все прочее их не интересовало.

Джордж следил за состязанием так же жадно, как и остальные, поглядывая то на одного участника, то на другого. Он видел, как вот этот, ловко орудуя каким-то маленьким инструментом, снял крышку со своего микроспектрографа; как тот всматривался в экран аппарата; как спокойно вставлял третий свой брусок сплава в зажим и как четвертый подкручивал верньер, причем настолько осторожно, что, казалось, на мгновение застыл в полной неподвижности.

Тревелиян, как и все остальные участники, был целиком поглощен своей работой. А как идут его дела, Джордж определить не мог.

На табло над семнадцатым номером вспыхнула надпись: «Сдвинута фокусная пластинка».

Зрители бешено заплодировали.

Семнадцатый номер мог быть прав, но мог, конечно, и ошибиться. В этом случае ему пришлось бы позже дать другое заключение, потеряв на этом время. А может быть, он не заметил бы ошибки и не сумел бы сделать анализ. Или же, еще хуже, он мог получить совершенно неверные результаты.

Не важно. А пока зрители ликовали.

Заглись и другие табло. Джордж не спускал глаз с табло номер двенадцать. Наконец оно тоже засветилось:

«Держатель децентрирован. Требуется новый зажим».

К Тревелияну подбежал служитель с новой деталью. Если Трев ошибся, это означает бесполезную задержку, а время, по-

траченное на ожидание детали, не будет вычтено из общего времени. Джордж невольно затаил дыхание.

На семнадцатом табло начали появляться светящиеся буквы результата анализа: «Алюминий — 41,2649, магний — 22,1914, медь — 10,1001».

И на других табло все чаще вспыхивали цифры.

Зрители бесновались.

Джордж недоумевал, как участники могли работать в таком бедламе. Потом ему пришло в голову, что, может быть, это даже хорошо: ведь первоклассный специалист лучше всего работает в напряженной обстановке.

На семнадцатом табло вспыхнула красная рамка, знаменующая окончание работы, и семнадцатый номер поднялся со своего места. Четвертый отстал от него всего лишь на две секунды. Затем кончил еще один и еще.

Тревелиян продолжал работать, определяя последние компоненты своего сплава. Он поднялся, когда почти все состязающиеся уже стояли. Последним встал пятый номер, и публика приветствовала его ироническими возгласами.

Однако это был еще не конец. Заключение жюри, естественно, задерживалось. Время, затраченное на всю операцию, имело определенное значение, но не менее важна была точность результатов. И не все задачи были одинаково трудны. Необходимо было учесть множество факторов.

Наконец раздался голос диктора:

— Победителем состязания, выполнившим задание за четыре минуты двенадцать секунд, правильно определившим неисправность и получившим правильный результат с точностью до семи десятитысячных процента, является участник под номером... семнадцать, Генрих Антон Шмидт из...

Остальное потонуло в бешеном реве. Второе место занял восьмой номер, третье — четвертый, хороший показатель времени которого был испорчен ошибкой в пять сотых процента при определении количественного содержания ниобия. Двенадцатый номер даже не был упомянут, если не считать фразы «...а остальные участники...»

Джордж протолкался к служебному выходу и обнаружил, что здесь уже собралось множество людей — плачущие (кто от радости, кто от горя) родственники, репортеры, намеренные взять

интервью у победителей, земляки, охотники за автографами, любители рекламы и просто любопытные. Были здесь и девушки, надеявшиеся обратить на себя внимание победителя, который почти наверняка отправится на Новию (а может быть, и потерпевшего поражение, который нуждается в утешении и имеет деньги, чтобы позволить себе такую роскошь).

Джордж остановился в сторонке. Он не увидел ни одного знакомого лица. Сан-Франциско был так далеко от их родного города, что вряд ли Трев приехал сюда в сопровождении близких, которые теперь печально поджидали бы его у двери.

Смущенно улыбаясь и кланяясь в ответ на приветствия, появились участники соревнования. Полицейские сдерживали толпу, освобождая им проход. Каждый из набравших большое количество очков увлекал за собой часть людей, подобно магниту, двигающемуся по кучке железных опилок.

Когда вышел Тревельян, у входа уже почти никого не было. (Джордж решил, что он долго выжидал эту минуту.) В его сурово сжатых губах была сигарета. Глядя в землю, он повернулся, чтобы уйти.

Это было первое напоминание о родном доме за без малого полтора года, которые показались Джорджу в десять раз дольше. И он даже удивился, что Тревельян несколько не постарел и остался все тем же Тревом, каким он видел его в последний раз.

Джордж рванулся вперед.

— Трев!

Тревельян в изумлении обернулся. Он с недоумением взглянул на Джорджа и сразу же протянул ему руку.

— Джордж Плейтен! Вот черт...

Появившееся на его лице радостное выражение тут же угасло, а рука опустилась, прежде чем Джордж успел пожать ее.

— Ты был там? — Тревельян мотнул головой в сторону зала.

— Был.

— Чтобы посмотреть на меня?

— Да.

— Я не слишком блеснул, а?

Он бросил сигарету, раздавил ее ногой, глядя в сторону улицы, где медленно рассасывавшаяся толпа окружала скиммеры и уже стояли новые очереди желающих попасть на следующие состязания.

— Ну и что? — угрюмо буркнул Тревельян. — Я проиграл всего во второй раз. А после сегодняшнего Новия может катиться ко всем чертям. Есть планеты, которые просто вцепятся в меня... Но послушай-ка, ведь я не видел тебя со Дня образования. Где ты пропадал? Твои родные сказали, что ты уехал по специальному заданию, но ничего не объяснили подробно. И ты ни разу мне не написал. А мог бы.

— Да, пожалуй, — неловко произнес Джордж. — Но я пришел сказать, как мне жаль, что сейчас все так обернулось.

— Не жалею, — возразил Тревельян. — Я ведь уже говорил тебе, что Новия может убираться к черту... Да я мог бы знать заранее! Все только и говорили, что использован будет прибор Бимена. Никто и не сомневался. А в проклятых лентах, которыми меня зарядили, был предусмотрен спектрограф Хенслера! Кто же теперь пользуется Хенслером? Разве что планеты вроде Гомена, если их вообще можно назвать планетами. Ловко это было подстроено, а?

— Но ты ведь можешь подать жалобу в...

— Не будь дураком. Мне скажут, что мой мозг лучше всего подходил для Хенслера. Пойди поспорь. Да и вообще мне не везло. Ты заметил, что мне одному пришлось послать за запасной частью?

— Но потраченное на это время вычиталось?

— Конечно! Только я, когда заметил, что среди запасных частей нет зажима, подумал, что напутал, и не сразу потребовал его. Это-то время не вычиталось! А будь у меня микроспектрограф Хенслера, я бы знал, что не ошибаюсь. Где мне было тягаться с ними? Первое место занял житель Сан-Франциско, и следующие три — тоже. А пятое занял парень из Лос-Анджелеса. Они получили образование с лент, которыми снабжают большие города. С самых лучших, которые только есть. Там и спектрограф Бимена и все, что хочешь! Куда же мне было до них! Я отправился в такую даль потому, что только эту Олимпиаду по моей профессии заказала Новия, и с тем же успехом мог бы остаться дома. Я заранее знал, что так получится! Но теперь все. На Новии космос клином не сошелся. Из всех проклятых...

Он говорил это не для Джорджа. Он вообще ни к кому не обращался. Джордж понял, что он просто отводит душу.

— Если ты заранее знал, что вам дадут спектрограф Бимена, разве ты не мог ознакомиться с ним? — спросил Джордж.

— Я же говорю тебе, что его не было в моих лентах.

— Ты мог почитать... книги.

Тревелиян вдруг так пронзительно взглянул на него, что он еле выговорил последнее слово.

— Ты что, смеешься? — сказал Тревелиян. — Остришь? Неужели ты думаешь, что, прочитав какую-то книгу, я запомню достаточно, чтобы сравняться с теми, кто действительно знает?

— Я считал...

— А ты попробуй. Попробуй... Кстати, а ты какую получил профессию? — вдруг ехидно спросил Тревелиян.

— Видишь ли...

— Ну, выкладывай. Раз уж ты тут передо мной строишь такого умника, давай-ка посмотрим, кем стал ты. Раз ты все еще на Земле, значит, ты не программист и твое специальное задание не такое уж важное.

— Послушай, Трев,— сказал Джордж,— я опаздываю на свидание...

Он попятился, пытаясь улыбнуться.

— Нет, ты не уйдешь.— Тревелиян в бешенстве бросился к Джорджу и вцепился в его пиджак.— Отвечай! Почему ты боишься сказать мне? Кто ты такой? Ты мне тычешь в нос мое поражение, а сам? Это у тебя не выйдет, слышишь!

Он неистово тряс Джорджа, тот вырывался. Так, отчаянно борясь и чуть не падая, они двигались через зал, но тут Джордж услышал глас Рока — суровый голос полицейского:

— Довольно! Довольно! Прекратите!

Сердце Джорджа мучительно сжалось и превратилось в кусок свинца. Сейчас полицейский спросит их имена и потребует удостоверения личности, а у Джорджа нет никаких документов. После первых же вопросов выяснится, что у него нет и профессии. А Тревелиян, озлобленный своей неудачей, конечно, поспешит рассказать об этом всем знакомым в родном городке, чтобы утешить собственное уязвленное самолюбие.

Этого Джордж не мог вынести. Он вырвался и бросился было бежать, но ему на плечо легла тяжелая рука полицейского.

— Эй, постойте. Покажите-ка ваше удостоверение.

Тревелиян шарил в карманах и говорил отрывисто и зло:

— Я Арманд Тревелиян, металлург, специалист по цветным металлам. Я участвовал в Олимпиаде. А вот его проверьте хорошенько, сержант.

Джордж стоял перед ними, не в силах вымолвить ни слова. Губы его пересохли, горло сжалось.

Вдруг раздался еще один голос, спокойный и вежливый:

— Можно вас на минутку, сержант?

Полицейский шагнул назад:

— Что вам угодно, сэр?

— Этот молодой человек — мой гость. Что случилось?

Джордж оглянулся вне себя от изумления. Это был тот самый седой мужчина, который сидел рядом с ним на Олимпиаде. Седой добродушно кивнул Джорджу.

Его гость? Он что, сошел с ума?

— Эти двое затеяли драку, сэр, — объяснил полицейский.

— Вы предъявляете им какое-нибудь обвинение? Нанесен ущерб?

— Нет, сэр.

— В таком случае всю ответственность я беру на себя.

Он показал полицейскому небольшую карточку, и тот сразу отступил.

— Пойдите... — возмущенно начал Тревельян, но полицейский свирепо перебил его:

— Ну? У вас есть какие-нибудь претензии?

— Я только...

— Проходите! И вы тоже... Расходитесь, расходитесь!

И собравшаяся вокруг толпа начала с неохотой расходиться.

Джордж покорно пошел с Седым к скиммеру, но вдруг решительно остановился.

— Благодарю вас, — сказал он, — но ведь я не ваш гость. (Может быть, по нелепой случайности его приняли за кого-то другого?)

Но Седой улыбнулся и сказал:

— Теперь вы уже мой гость. Разрешите представиться. Я — Ладислас Индженеску, дипломированный историк.

— Но...

— С вами ничего дурного не случится, уверяю вас. Я ведь просто хотел избавить вас от неприятного разговора с полицейским.

— А почему?

— Вы хотите знать причину? Ну, ведь мы с вами, так сказать, почетные земляки. Мы же дружно болели за одного чело-

века. А земляки должны держаться друг друга, даже если они только почетные земляки. Не правда ли?

И Джордж, не доверяя ни Индженеску, ни самому себе, все-таки вошел в скиммер. Они поднялись в воздух, прежде чем он успел передумать.

«Это, наверное, важная птица,— вдруг сообразил он.— Полицейский говорил с ним очень почтительно».

Только теперь он вспомнил, что приехал в Сан-Франциско вовсе не ради Тревельяна, а с целью найти достаточно влиятельного человека, который мог бы добиться переоценки его способностей.

А вдруг этот Индженеску именно тот, кто ему нужен? И его даже не придется искать!

Как знать, не сложилось ли все на редкость удачно... удачно... Но Джордж напрасно убеждал себя. На душе у него было по-прежнему тревожно.

Во время недолгого полета на скиммере Индженеску поддерживал разговор, любезно указывая на достопримечательности города и рассказывая о других Олимпиадах, на которых ему доводилось бывать. Джордж слушал его рассеянно, издавал невнятное хмыканье, когда Индженеску замолкал, а сам с волнением следил за направлением полета.

Вдруг они поднимутся к отверстию в защитном куполе и покинут город?

Но скиммер снижался, и Джордж тихонько вздохнул с облегчением. В городе он чувствовал себя в большей безопасности.

Скиммер опустился на крышу какого-то отеля, прямо у верхней двери, и, когда они вышли, Индженеску спросил:

— Вы не откажетесь пообедать со мной в моем номере?

— С удовольствием,— ответил Джордж и улыбнулся вполне искренне. Время второго завтрака давно прошло, и у него начало сосать под ложечкой.

Они ели молча. Наступили сумерки, и автоматически засветились стены. («Вот уже почти сутки, как я на свободе»,— подумал Джордж.)

За кофе Индженеску наконец заговорил.

— Вы вели себя так, словно подозревали меня в дурных намерениях,— сказал он.

Джордж покраснел и, поставив чашку, попытался что-то возразить, но его собеседник рассмеялся и покачал головой:

— Это так. Я внимательно наблюдал за вами с того момента, как впервые вас увидел, и, мне кажется, теперь я знаю о вас очень многое.

Джордж в ужасе приподнялся с места.

— Сядьте,— сказал Индженеску.— Я ведь только хочу помочь вам.

Джордж сел, но в его голове вихрем кружились мысли. Если старик знал, кто он, то почему он помешал полицейскому? Да и вообще, с какой стати он решил ему помогать?

— Вам хочется знать, почему я захотел помочь вам? — спросил Индженеску.— О, не пугайтесь, я не умею читать мысли. Видите ли, просто моя профессия позволяет мне по самой незначительной внешней реакции судить о мыслях человека. Вам это понятно?

Джордж отрицательно покачал головой.

— Представьте себе, каким я увидел вас,— сказал Индженеску.— Вы стояли в очереди, чтобы посмотреть Олимпиаду, но ваши микрореакции не соответствовали тому, что вы делали. У вас было не то выражение лица, не те движения рук. Отсюда следовало, что у вас какая-то беда, но, что самое интересное, необычная, не лежащая на поверхности. Быть может, вы сами не сознаете, что с вами, решил я. И, не удержавшись, последовал за вами, даже сел рядом. После окончания состязания я опять пошел за вами и подслушал ваш разговор с вашим знакомым. Ну а уж к этому времени вы превратились в такой интересный объект для изучения — простите, если это звучит бессердечно,— что я просто не мог допустить, чтобы вас забрали в полицию... Скажите же, что вас тревожит?

Джордж мучился, не зная, на что решиться. Если это ловушка, то зачем нужно действовать таким окольным путем? Ему же действительно нужна помощь. Ради этого он сюда и приехал. А тут помощь ему прямо предлагают. Пожалуй, именно это его и смущало. Что-то все получается уж очень просто.

— Разумеется, то, что вы сообщите мне как социологу, становится профессиональной тайной,— сказал Индженеску.— Вы понимаете, что это значит?

— Нет, сэр.

— Это значит, что с моей стороны будет бесчестным, если я расскажу о том, что узнаю от вас, с какой бы целью я это ни сделал. Более того, никто не имеет права заставить меня рассказать об этом.

— А я думал, вы историк, — подозрительно сказал Джордж.

— Это верно.

— Но вы же только сейчас сказали, что вы социолог.

Индженеску расхохотался.

— Не сердитесь, молодой человек, — извинился он, когда был в состоянии говорить. — Но, право же, я смеялся не над вами. Я смеялся над Землей, над тем, какое большое значение она придает точным наукам, и над некоторыми практическими следствиями этого увлечения. Держу пари, что вы можете перечислить все разделы строительной технологии или прикладной механики и в то же время даже не слышали о социологии.

— Ну а что же такое социология?

— Социология — это наука, которая занимается изучением человеческого общества и отдельных его ячеек и делится на множество специализированных отраслей, так же как, например, зоология. Так, существуют культурологи, изучающие культуру, ее рост, развитие и упадок. Культура, — добавил он, предупреждая вопрос Джорджа, — это совокупность всех сторон жизни. К культуре относится, например, то, каким путем мы зарабатываем себе на жизнь, от чего получаем удовольствие, во что верим, наши представления о хорошем и плохом и так далее. Вам это понятно?

— Кажется, да.

— Экономист — не специалист по экономической статистике, а именно экономист — специализируется на изучении того, каким образом культура удовлетворяет материальные потребности каждого члена общества. Психолог изучает отдельных членов общества и то влияние, которое это общество на них оказывает. Прогнозист планирует будущий путь развития общества, а историк... Это уже по моей части.

— Да, сэр?

— Историк специализируется на изучении развития нашего общества в прошлом, а также обществ с другими культурами. Джорджу стало интересно.

— А разве в прошлом что-то было по-другому?

— Еще бы! Тысячу лет назад не было образования, то есть образования, как мы понимаем его теперь.

— Знаю,— произнес Джордж.— Люди учились по книгам, собирая знания по крупицам.

— Откуда вы это знаете?

— Слышал,— осторожно ответил Джордж и добавил: — А какой смысл думать о том, что происходило в далеком прошлом? Я хочу сказать, что ведь со всем этим уже покончено, не правда ли?

— С прошлым никогда не бывает покончено, мой друг. Оно объясняет настоящее. Почему, например, у нас существует именно такая система образования?

Джордж беспокойно заерзал. Слишком уж настойчиво его собеседник возвращался к этой теме.

— Потому что она самая лучшая,— отрезал он.

— Да. Но почему она самая лучшая? Послушайте меня минутку, и я попытаюсь объяснить. А потом вы мне скажете, есть ли смысл в изучении истории. Даже до того, как начались межзвездные полеты...— Он внезапно умолк, заметив на лице Джорджа выражение глубочайшего изумления.— Неужели вы считали, что так было всегда?

— Я никогда не задумывался над этим, сэр.

— Вполне естественно. Однако четыре-пять тысяч лет назад человечество было приковано к Земле. Но и тогда уже техника достигла высокого уровня развития, а численность населения увеличилась настолько, что любое торможение техники привело бы к массовому голоду и эпидемиям. Для того чтобы уровень техники не снижался и соответствовал росту населения, нужно было готовить все больше инженеров и ученых. Однако по мере развития науки на их обучение требовалось все больше и больше времени. Когда же впервые были открыты способы межпланетных, а затем и межзвездных полетов, эта проблема стала еще острее. Собственно говоря, из-за недостатка специалистов человечество в течение почти полутора тысяч лет не могло по-настоящему колонизировать планеты, находящиеся за пределами Солнечной системы. Перелом наступил, когда был установлен механизм хранения знаний в человеческом мозгу. Как только это было сделано, появилась возможность создать образовательные ленты на основе этого механизма таким образом, чтобы сразу вкладывать в мозг определенное количество, так сказать,

готовых знаний. Впрочем, это-то вы знаете. Это позволило выпускать тысячи и миллионы специалистов, и мы смогли приступить к тому, что впоследствии назвали «заполнением Вселенной». Сейчас в Галактике уже существует полторы тысячи населенных планет, и число их будет возрастать до бесконечности.

Вы понимаете, что из этого следует? Земля экспортирует образовательные ленты, предназначенные для подготовки специалистов низкой квалификации, и это обеспечивает единство культуры для всей Галактики. Так, например, благодаря лентам чтения мы все говорим на одном языке... Не удивляйтесь. Могут быть и иные языки, и в прошлом люди на них говорили. Их были сотни. Земля, кроме того, экспортирует высококвалифицированных специалистов, и численность ее населения не превышает допустимого уровня. Поскольку при вызове специалистов соблюдается равновесие полов, они образуют самовоспроизводящиеся ячейки, и это способствует росту населения на тех планетах, где в этом есть необходимость. Более того, за ленты и специалистов платят сырьем, в котором мы очень нуждаемся и от которого зависит наша экономика. Теперь вы поняли, почему наша система образования действительно самая лучшая?

— Да, сэр.

— И вам легче понять это, зная, что без нее в течение полтора тысяч лет было невозможно колонизировать планеты других солнечных систем?

— Да, сэр.

— Значит, вы видите, в чем польза истории? — Историк улыбнулся. — А теперь скажите, догадались ли вы, почему я вами интересуюсь?

Джордж мгновенно вернулся из пространства и времени назад к действительности. Видимо, Индженеску неспроста завел этот разговор. Вся его лекция была направлена на то, чтобы атаковать его неожиданно.

— Почему же? — неуверенно спросил он, снова насторожившись.

— Социологи изучают общество, а общество состоит из людей.

— Ясно.

— Но люди не машины. Специалисты в области точных наук работают с машинами. А машина требует строго определенного

количества знаний, и эти специалисты знают о ней все. Более того, все машины данного вида почти одинаковы, так что индивидуальные особенности машины не представляют для них интереса. Но люди... О, они так сложны и так отличаются друг от друга, что социолог никогда не знает о них все или хотя бы значительную часть того, что можно о них знать. Чтобы не утратить квалификации, он должен постоянно изучать людей, особенно необычные экземпляры.

— Вроде меня,— глухо произнес Джордж.

— Конечно, называть вас экземпляром невежливо, но вы человек необычный. Вы стоите того, чтобы вами заняться, и, если вы разрешите мне это, я, в свою очередь, по мере моих возможностей помогу вам в вашей беде.

В мозгу Джорджа кружился смерч. Весь этот разговор о людях и о колонизации, ставшей возможной благодаря образованию... Как будто кто-то разбивал и дробил заскорузлую, спекшуюся корку мыслей.

— Дайте мне подумать,— произнес он, зажав руками уши.

Потом он опустил руки и сказал историку:

— Вы можете оказать мне услугу, сэр?

— Если она в моих силах,— любезно ответил историк.

— Все, что я говорю в этой комнате,— профессиональная тайна? Вы так сказали.

— Так оно и есть.

— Тогда устройте мне свидание с каким-нибудь должностным лицом другой планеты, например с... с новианином.

Индженеску был, по-видимому, крайне удивлен.

— Право же...

— Вы можете сделать это,— убежденно произнес Джордж.— Вы ведь важное должностное лицо. Я видел, какой вид был у полицейского, когда вы показали ему свое удостоверение. Если вы откажетесь сделать это, я... я не позволю вам изучать меня.

Самому Джорджу эта угроза показалась глупой и бессильной. Однако на Индженеску она, очевидно, произвела большое впечатление.

— Ваше условие невыполнимо,— сказал он.— Новианин в месяц Олимпиады...

— Ну хорошо, тогда свяжите меня с каким-нибудь новианином по видеофону, и я сам договорюсь с ним о встрече.

— Вы думаете, вам это удастся?

— Я в этом уверен. Вот увидите.

Индженеску задумчиво посмотрел на Джорджа и протянул руку к видеофону.

Джордж ждал, опьяненный новым осмыслением всей проблемы и тем ощущением силы, которое оно давало. Он не может потерпеть неудачу. Не может. Он все-таки станет новианином. Он покинет Землю победителем вопреки Антонелли и всей компании дураков из приюта (он чуть было не расхохотался вслух) для слабоумных.

Джордж впился взглядом в засветившийся экран, который должен был распахнуть окно в комнату новиан, окно в перенесенный на Землю уголок Новии. И он добился этого за какие-нибудь сутки!

Когда экран прояснился, раздался взрыв смеха, но на нем не появилось ни одного лица, лишь быстро мелькали тени мужчин и женщин. Послышался чей-то голос, отчетливо прозвучавший на фоне общего гомона:

— Индженеску? Спрашивает меня?

И вот на экране появился он. Новианин. Настоящий новианин. (Джордж ни на секунду не усомнился. В нем было что-то совершенно внеземное, нечто такое, что невозможно было точно определить или хоть на миг спутать с чем-либо иным.)

Он был смугл, и его темные волнистые волосы были зачесаны со лба. Он носил тонкие черные усики и остроконечную бородку, которая только-только закрывала узкий подбородок. Но его щеки были такими гладкими, словно с них навсегда была удалена растительность.

Он улыбался:

— Ладислас, это уже слишком. Мы не возражаем, чтобы за нами, пока мы на Земле, следили — в разумных пределах, конечно. Но чтение мыслей в условие не входит!

— Чтение мыслей, почтенный?

— Сознайтесь-ка! Вы ведь знали, что я собирался позвонить вам сегодня. Вы знали, что я думал только допить вот эту рюмку. — На экране появилась его рука, и он посмотрел сквозь рюмку, наполненную бледно-сиреневой жидкостью. — К сожалению, я не могу угостить вас.

Новианин не видел Джорджа, находившегося вне поля зрения видеофона. И Джордж обрадовался передышке. Ему необходимо было время, чтобы прийти в себя. Он словно превратился в сплошные беспокойные пальцы, которые непрерывно отбивали нервную дробь...

Но он все-таки был прав. Он не ошибся. Индженеску действительно занимает важное положение. Новианин называет его по имени.

Отлично! Все устраивается наилучшим образом. То, что Джордж потерял из-за Антонелли, он возместит с лихвой, используя Индженеску. И когда-нибудь он, став наконец самостоятельным, вернется на Землю таким же могущественным новианином, как этот, что небрежно шутит с Индженеску, называя его по имени, а сам оставаясь «достопочтенным», — вот тогда он сведет счеты с Антонелли. Он оплатит ему за эти полтора года, и он...

Увлечшись этими соблазнительными грезами, он чуть не забыл обо всем на свете, но, внезапно спохватившись, заметил, что перестал следить за происходящим, и вернулся к действительности.

— ...не убедительно, — говорил новианин. — Новианская цивилизация так же сложна и так же высокоразвита, как цивилизация Земли. Новия — это все-таки не Зестон. И нам приходится прилетать сюда за отдельными специалистами — это же просто смешно!

— О, только за новыми моделями, — примирительным тоном сказал Индженеску. — А новые модели не всегда находят применение. На приобретение образовательных лент вы потратили бы столько же, сколько вам пришлось бы заплатить за тысячу специалистов, а откуда вы знаете, что вам будет нужно именно такое количество?

Новианин залпом допил свое вино и расхохотался. (Джорджа покорило легкомыслие новианина. Он смущенно подумал, что тому следовало бы обойтись без этой рюмки и даже без двух или трех предыдущих.)

— Это же типичное ханжество, Ладислас, — сказал новианин. — Вы прекрасно знаете, что у нас найдется дело для всех последних моделей специалистов, которые нам удастся заполнить. Сегодня я раздобыл пять металлургов...

— Знаю,— сказал Индженеску.— Я был там.

— Следили за мной! Шпионили! — вскричал новианин.— Ну так слушайте! Эта новая модель металлурга отличается от предыдущих только тем, что умеет обращаться со спектрографом Бимена. Ленты не были модифицированы ни на вот столечко (он показал самый кончик пальца) по сравнению с прошлогодними. Вы выпускаете новые модели только для того, чтобы мы приезжали сюда с протянутой рукой и тратились на их приобретение.

— Мы не заставляем вас их приобретать.

— О, конечно! Только вы продаете специалистов последней модели на Лондонум, а мы ведь не можем отставать. Вы втянули нас в заколдованный круг, вы, лицемерные земляне. Но берегитесь, может быть, где-нибудь есть из него выход.— Его смех прозвучал не слишком естественно и резко оборвался.

— От всей души надеюсь, что он существует,— сказал Индженеску.— Ну а позвонил я потому...

— Да, конечно, ведь это вы мне позвонили. Что ж, я уже высказал свое мнение. Наверное, в будущем году все равно появится новая модель металлурга, чтобы нам было за что платить. И она будет отличаться от нынешней только умением обращаться с каким-нибудь новым приспособлением для анализа ниобия, а еще через год... Но продолжайте. Почему вы позвонили?

— У меня здесь находится один молодой человек, и я бы хотел, чтобы вы с ним побеседовали.

— Что? — Видимо, новианина это не слишком обрадовало.— На какую тему?

— Не знаю. Он мне не сказал. По правде говоря, он даже не назвал мне ни своего имени, ни профессии.

Новианин нахмурился:

— Тогда зачем же отнимать у меня время?

— Он, по-видимому, не сомневается, что вас заинтересует то, что он собирается сообщить вам.

— О, конечно!

— И этим вы сделаете одолжение мне,— сказал Индженеску.

Новианин пожал плечами:

— Давайте его сюда, но предупредите, чтобы он говорил покороче.

Индженеску отступил в сторону и шепнул Джорджу:

— Называйте его «достопочтенным».

Джордж с трудом проглотил слюну. Вот оно!

Джордж почувствовал, что весь вспотел. Хотя эта мысль пришла ему в голову совсем недавно, он был убежден в своей правоте. Она возникла во время разговора с Тревелияном, потом под болтовню Индженеску перебродила и оформилась, а теперь слова новианина, казалось, поставили все на свои места.

— Достопочтенный, я хочу показать вам выход из заколдованного круга, — начал Джордж, используя метафору новианина.

Новианин смерил его взглядом:

— Из какого это заколдованного круга?

— Вы сами упомянули о нем, достопочтенный. Из того заколдованного круга, в который попадает Новия, когда вы прилетаете на Землю за... за специалистами. (Он не в силах был справиться со своими зубами, которые стучали, но не от страха, а от волнения.)

— Вы хотите сказать, что знаете способ, как нам обойтись без земного интеллектуального рынка? Я правильно вас понял?

— Да, сэр. Вы можете создать свою собственную систему образования.

— Гм. Без лент?

— Д-да, достопочтенный.

— Индженеску, подойдите, чтобы я видел и вас, — не спуская глаз с Джорджа, позвал новианин.

Историк встал за плечом Джорджа.

— В чем дело? — спросил новианин. — Не понимаю.

— Даю вам слово, достопочтенный, что бы это ни было, молодой человек поступает так по своей собственной инициативе. Я ему ничего не поручал. Я не имею к этому никакого отношения.

— Тогда кем он вам приходится? Почему вы звоните мне по его просьбе?

— Я его изучаю, достопочтенный. Он представляет для меня определенную ценность, и я исполняю некоторые его прихоти.

— В чем же его ценность?

— Это трудно объяснить. Чисто профессиональный момент.

Новианин усмехнулся:

— Что ж, у каждого своя профессия.

Он кивнул невидимому зрителю или зрителям за экраном.

— Некий молодой человек — по-видимому, протеже Индженеску — собирается объяснить нам, как получать образование, не пользуясь лентами.

Он шелкнул пальцами, и в его руке появилась новая рюмка с бледно-сиреневым напитком.

— Ну, говорите, молодой человек.

На экране теперь появилось множество лиц. Мужчины и женщины отталкивали друг друга, чтобы поглядеть на Джорджа. На их лицах отражались самые разнообразные оттенки веселья и любопытства.

Джордж попытался принять независимый вид. Все они, и новиане, и землянин, каждый по-своему, изучали его, словно жука, насаженного на булавку. Индженеску теперь сидел в углу и не спускал с него пристального взгляда.

«Какие же вы все идиоты», — напряженно подумал Джордж. Но они должны понять. Он заставит их понять.

— Я был сегодня на Олимпиаде металлургов, — сказал он.

— Как, и вы тоже? — вежливо спросил новианин. — По-видимому, там присутствовала вся Земля.

— Нет, достопочтенный, но я там был. В состязании участвовал мой друг, и ему очень не повезло, потому что вы дали участникам состязания прибор Бимена, а он получил специализацию по Хенслеру — очевидно, уже устаревшая модель. Вы же сами сказали, что различие очень незначительно. — Джордж показал кончик пальца, повторяя недавний жест своего собеседника. — И мой друг знал заранее, что потребуется знакомство с прибором Бимена.

— И что же из этого следует?

— Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться...

— А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение?

Лица на заднем плане расплылись в улыбках, которых, по-видимому, от них и ожидали.

— Поэтому-то он и не стал доучиваться, достопочтенный. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без нее он и не пы-

тался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться.

— Да неужели? Так он, пожалуй, даже не захочет летать без скиммера? — Раздался новый взрыв хохота, и новианин слегка улыбнулся. — А он забавен, — сказал он. — Продолжайте. Даю вам еще несколько минут.

— Не думайте, что это шутка, — сказал Джордж горячо. — Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать, вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепитя, человеку можно будет прививать небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул и отхлебнул из рюмки.

— А откуда можно получить знания, помимо лент? Из межзвездного пространства?

— Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая.

— Из книг? Как же можно понять книги, не получив образования?

— Книги состоят из слов, а большую часть слов можно понять. Специальные же термины могут объяснить специалисты, которых вы уже имеете.

— А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

— По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.

— Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки? — спросил новианин.

— Да-да, — подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его.

— А как быть с математикой?

— Это легче всего, сэр... distinguished. Математика отличается от других технических дисциплин. Она начинается с некоторых простых принципов и лишь постепенно усложняется. Можно приступить к изучению математики, ничего о ней не зная. Она практически и предназначена для этого. А познакомившись с соответствующими разделами математики, уже нетрудно разобраться в книгах по технике. Особенно если начать с легких.

— А разве есть легкие книги?

— Безусловно. Но если бы их не было, специалисты, которых вы уже имеете, могут написать их. Наверное, некоторые из них сумеют выразить свои знания с помощью слов и символов.

— Боже мой! — сказал новинин, обращаясь к сгрудившимся вокруг него людям. — У этого чертенка на все есть ответ.

— Да, да! — вскричал Джордж. — Спрашивайте!

— А сами-то вы пробовали учиться по книгам? Или это только ваша теория?

Джордж быстро оглянулся на Индженеску, но историк сохранял полную невозмутимость. Его лицо выражало только легкий интерес.

— Да, — сказал Джордж.

— И вы считаете, что из этого что-нибудь получается?

— Да, distinguished, — заверил Джордж. — Возьмите меня с собой на Новию. Я могу составить программу и руководить...

— Погодите, у меня есть еще несколько вопросов. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнете учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался:

— Ну... может быть, несколько лет.

— Два года? Пять? Десять?

— Еще не знаю, distinguished.

— Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа.

Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

— Думаю, что да.

— Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что все

это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечить жильем и платить ему.

— Но...

— Дайте мне закончить. К тому времени когда он будет готов и сможет пользоваться спектрографом Бимена, пройдет пять лет. Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

— Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усвоение новых деталей будет для него вопросом дней.

— По-вашему, это так. Ладно, предположим, что этот ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

— Может быть, и нет... — начал Джордж.

— То-то же, — сказал новианин.

— Погодите, дайте мне закончить. Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он сможет придумывать новое, на что не способен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению...

— А вы в процессе своей учебы придумали что-нибудь новое? — спросил новианин.

— Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился...

— Да... Ну-с, дамы и господа, мы достаточно позабавились?

— Пойдите! — внезапно испугавшись, крикнул Джордж. — Я хочу договориться с вами о личной встрече. Есть вещи, которые я не могу объяснить по видеофону. Ряд деталей...

Новианин уже не смотрел на Джорджа.

— Индженеску! По-моему, я исполнил вашу просьбу. Право же, завтра у меня очень напряженный день. Всего хорошего.

Экран погас.

Руки Джорджа взметнулись к экрану в бессмысленной попытке вновь его оживить.

— Он не поверил мне! Не поверил!

— Да, Джордж, не поверил. Неужели вы всерьез думали, что он поверит? — спросил Индженеску.

Но Джордж не слушал.

— Почему же? Ведь это правда. Это так для него выгодно. Никакого риска. Только я и еще несколько... Обучение десятка

людей в течение даже многих лет обошлось бы дешевле, чем один готовый специалист... Он был пьян! Пьян! Потому он и не понял меня.

Задыхаясь, Джордж оглянулся.

— Как мне с ним увидеться? Это необходимо. Все получилось не так, как нужно. Я не должен был говорить с ним по видеофону. Мне нужно время. И чтобы лично. Как мне...

— Он откажется принять вас, Джордж, — сказал Индженеску. — А если и согласится, то все равно вам не поверит.

— Нет, поверит, уверяю вас. Когда он будет трезв, он... — Джордж повернулся к историку, и глаза его широко раскрылись. — Почему вы называете меня Джорджем?

— А разве это не ваше имя? Джордж Плейтен?

— Вы знаете, кто я?

— Я знаю о вас все.

Джордж замер, и только его грудь тяжело вздымалась.

— Я хочу помочь вам, Джордж, — сказал Индженеску. — Я уже говорил вам об этом. Я давно изучаю вас и хочу вам помочь.

— Мне не нужна помощь! — крикнул Джордж. — Я не слабоумный! Весь мир выжил из ума, но не я!

Он стремительно повернулся и бросился к двери.

За ней стояли два полицейских, которые его немедленно схватили.

Как Джордж ни вырывался, шприц коснулся его шеи под подбородком. И все кончилось. Последнее, что осталось в его памяти, было лицо Индженеску, который с легкой тревогой наблюдал за происходящим.

Когда Джордж открыл глаза, он увидел белый потолок. Он помнил, что произошло. Но помнил как сквозь туман, словно это произошло с кем-то другим. Он смотрел на потолок до тех пор, пока не наполнился его белизной, казалось освобождавшей его мозг для новых идей, для иных путей мышления.

Он не знал, как долго лежал так, прислушиваясь к течению своих мыслей.

— Ты проснулся? — раздался чей-то голос.

И Джордж впервые услышал свой собственный стон. Неужели он стонал? Он попытался повернуть голову.

— Тебе больно, Джордж? — спросил голос.

— Смешно, — прошептал Джордж. — Я так хотел покинуть Землю. Я же ничего не понимал.

— Ты знаешь, где ты?

— Снова в... в приюте. — Джорджу удалось повернуться. Голос принадлежал Омани.

— Смешно, как я ничего не понимал, — сказал Джордж. Омани ласково улыбнулся:

— Посты еще...

Джордж заснул.

И снова проснулся. Сознание его прояснилось.

У кровати сидел Омани и читал, но, как только Джордж открыл глаза, он отложил книгу.

Джордж с трудом сел.

— Привет, — сказал он.

— Хочешь есть?

— Еще бы! — Джордж с любопытством посмотрел на Омани. — За мной следили, когда я ушел отсюда, так?

Омани кивнул:

— Ты все время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным эмоциям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твое развитие.

— Я был к нему очень несправедлив, — с легким смущением произнес Джордж.

— Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоём прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревелияна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Индженеску, чтобы он занялся тобой сам.

— Он ведь занимает важный пост в правительстве?

— Да.

— И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.

— Ты действительно много значишь, Джордж.

Принесли дымящееся ароматное жаркое. Джордж улыбнулся и откинул простыню, чтобы освободить руки. Омани помог

ему поставить поднос на тумбочку. Некоторое время Джордж молча ел.

— Я уже один раз ненадолго просыпался, — заметил он.

— Знаю, — сказал Омани. — Я был здесь.

— Да, я помню. Ты знаешь, все изменилось. Как будто я так устал, что уже не мог больше чувствовать. Я больше не злился. Я мог только думать. Как будто мне дали наркотик, чтобы заглушить эмоции.

— Нет, — сказал Омани. — Это было просто успокоительное. И ты хорошо отдохнул.

— Ну, во всяком случае, мне все стало ясно, словно я всегда знал это, но не хотел прислушаться к внутреннему голосу. «Чего я ждал от Новии?» — подумал я. Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами:

— Институт высшего образования — вот как точно называются эти заведения.

— Теперь-то я это понимаю, — сказал Джордж, — до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрел спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен. Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперед.

— Совершенно верно.

— А кто создает образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создает ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создает ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.

— Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень бывшего беспокойства.

— Почему мне не сказали об этом с самого начала?

— К сожалению, это невозможно, — ответил Омани. — А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остается, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадает в такое заведение? — спросил Джордж. — Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

— А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит свое место в обществе. Это необходимо.

— А мы? — спросил Джордж. — Мы, исключения? Один на десять тысяч?

— Вам ничего нельзя объяснить. В том-то и дело. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подходящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

— Каким образом?

— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть око-

ло десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям.

Джордж отодвинул пустую тарелку и поднес к губам чашку с кофе.

— А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами. Индженеску — один из них. Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон.

Джордж допил кофе.

— Мне все еще непонятно одно, — сказал он.

— Что же?

Джордж сбросил простыню и встал.

— Почему эти состязания называются Олимпиадой?

ТРУДНО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

Их привязали ремнями, чтобы они не пострадали от ускорения во время старта, окружили хитроумно сконструированные кресла газообразной средой, а тела укрепили специально подобранными наркотиками.

Потом, когда пришла пора отстегнуть ремни, они получили возможность шевелиться — но не намного больше, чем прежде.

Простые, легкие комбинезоны создавали иллюзию свободы, но это была всего лишь иллюзия. Они могли двигать руками как угодно, а вот ногами — лишь до определенной степени. Одну еще можно было выпрямить полностью, обе одновременно не получалось.

Встать они не могли, только откинуться на спинку кресла и сдвинуться чуть влево или вправо. У них не было ничего, кроме кресел. Они ели, спали, выполняли все, что требовали их тела, сидя. И только сидя.

Дело в том, что на целую неделю (на самом деле чуть больше, чем на неделю) они оказались погребенными в этом склепе. В данный момент не имело никакого значения, что их склеп окружал бездонный космос.

С ускорением было покончено, и теперь они безмолвно неслись сквозь пространство, разделяющее Землю и Луну, а в их душах поселился ужас.

Брюс Г. Дейвис-младший спросил глухим голосом:

— О чем будем разговаривать?

— Не знаю, — ответил Марвин Олдбери, и снова наступило молчание.

Они не были друзьями, до недавнего времени даже не знали друг друга. Однако оказались в этом заточении вместе. Каждый

вызвался добровольцем. Каждый прошел все испытания. Холостяки, с отличным здоровьем и высоким уровнем интеллектуального развития.

Более того, оба прошли курс солидной психотерапевтической подготовки, длившейся несколько месяцев.

Главный совет специалистов-психологов был таким — разговаривайте!

«Если нужно, разговаривайте непрерывно, — твердили специалисты в один голос. — Очень важно не почувствовать одиночества».

— Откуда они знают? — спросил Олдбери, крупный сильный парень, который был выше и мощнее своего напарника. Брови у него срослись над переносицей, точно кто-то поставил тире между черными дугами.

У Дейвиса были песочного цвета волосы, множество веснушек, озорная улыбка и легкие тени под глазами. Видимо, они и придавали его лицу мрачноватое выражение.

— Ты про кого? — спросил он.

— Про психологов. Помнишь их совет: разговаривать? А откуда им известно, что от этого будет какой-нибудь прок?

— Им-то, вообще, какое до нас дело? — проговорил Дейвис резко. — Это же эксперимент. Если он провалится, другой паре они посоветуют: «Ни в коем случае не разговаривайте во время полета».

Олдбери вытянул руки, и его пальцы коснулись окружавшей их большой полусферы, где находились приборы, с которых поступала информация. Он мог нажимать на кнопки, регулировать кондиционеры, вытаскивать пластиковые трубочки, через которые поступала безвкусная питательная смесь, избавляться от отходов и касаться клавиш, управляющих видеоскопом.

Мягкий электрический свет давали надежные солнечные батареи, закрепленные на корпусе корабля.

Благодарение небесам, подумал Олдбери, за то, что наш корабль вращается. Возникающая в результате центробежная сила прижимает нас к креслам и создает ощущение веса. Если бы не сила тяжести, равная земной, это вообще было бы невыносимо.

И все равно могли бы построить корабль и побольше, где поместилось бы все необходимое оборудование, а два члена экипажа не сидели друг у друга на головах.

Он облек свою мысль в слова:

— Что им стоило сделать так, чтобы места тут было побольше?

— Зачем? — спросил Дейвис.

— Встать хочется.

Дейвис фыркнул — ничего другого ему не оставалось.

— Почему ты вызвался добровольцем? — спросил Олдбери.

— Тебе следовало спросить меня об этом до того, как мы стартовали. Тогда я знал. Я намеревался стать первым человеком, облетевшим Луну и вернувшимся домой. Героем в двадцать пять лет. Колумб и я. Ты меня понимаешь? — Он сердито покачал головой и попил немного воды из трубочки. — Но последние два месяца я думал только о том, что хочу отказаться от этой затеи. Каждый раз я ложился спать, замирая от ужаса, и давал себе торжественное обещание: утром обязательно скажу, что передумал участвовать в их эксперименте.

— Однако ты этого не сделал.

— Нет, не сделал. Потому что не смог. Я оказался трусом: побоялся признаться в том, что космос меня пугает. В тот момент, когда меня привязывали к этому креслу, я уже был готов крикнуть: «Нет! Поищите кого-нибудь другого!» И не нашел в себе для этого сил — даже тогда!

Улыбка Олдбери получилась совсем невеселой.

— А я и говорить им не собирался. Написал записку, в которой просто сообщал, что никуда не полечу. Хотел отправить ее и затеряться где-нибудь в пустыне. Знаешь, где сейчас эта записка?

— Где?

— В кармане рубашки. Здесь, со мной.

— Не важно, — проговорил Дейвис. — Мы вернемся героями — могучими, покрытыми славой, дрожащими от ужаса героями.

У Ларса Нильссона были грустные глаза, очень бледное лицо и большие костяшки на тонких пальцах. Представителю гражданских властей и главе проекта «Глубокий космос» нравилась его работа во всех отношениях, нравилось даже напряжение и минуты, когда они терпели неудачи. До сих пор. До того момента, когда двоих людей наконец привязали к креслам и оставили в утробе летательного аппарата.

— Я чувствую себя так, будто подвергаю их вивисекции. Не знаю почему, — сказал он.

— Мы должны рискнуть людьми, мы же рисковали машинами, — с обиженным видом ответил ему возглавлявший группу психологов доктор Годфри Мэйер. — Мы сделали все, что в человеческих силах, чтобы подготовить их к полету и обеспечить безопасность. В конце концов, они же добровольцы.

— Я не забыл, — бесцветным голосом проговорил Нильссон, которого это знание явно не утешало.

Глядя на панель управления, Олдбери раздумывал о том, когда же — если это вообще произойдет — какая-нибудь из кнопок загорится красным светом и прозвучит тревожный сигнал, сообщающий об опасности.

Их заверили, что, скорее всего, ничего подобного не случится, однако каждого тщательно подготовили к возникновению критической ситуации и объяснили функции всех кнопок и приборов на панели, чтобы они смогли взять управление кораблем на себя.

И не без причины. Автоматизация достигла такого уровня, когда корабль превратился в саморегулирующийся организм, стал почти живым существом. Однако трижды беспилотные корабли, почти такие же сложные, как и этот, внутри которого они отбывали заключение, словно два преступника в тюремной камере, должны были облететь вокруг Луны... но не вернулись.

Далее — каждый раз устройства, передающие на Землю информацию, переставали работать еще до того, как летательные аппараты выходили на орбиту вокруг Луны.

Общественное мнение проявляло нетерпение, и все, кто работал над проектом «Глубокий космос», дружно проголосовали за то, что не следует ждать успешного возвращения беспилотного корабля и лишь потом рисковать людьми. Было решено, что настала пора привлечь к участию в эксперименте людей, которые смогут отрегулировать приборы в случае небольших неполадок в работе несовершенных автоматов.

Команда должна состоять из двух космонавтов — к такому выводу пришли руководители проекта, которые опасались, что рассудок одного человека, оказавшегося в космосе, не выдержит столь серьезного испытания.

— Дейвис! Эй, Дейвис! — позвал Олдбери.

Дейвис пошевелился, словно возвращаясь издалека.

— Что?

— Давай посмотрим на Землю.
— Зачем? — поинтересовался Дейвис.
— А почему бы нам на нее не взглянуть? Она, наверное, ужасно красивая.

Олдбери откинулся на спинку кресла. Видеоскоп был одним из примеров автоматизации. Соприкосновение с коротковолновым излучением выключало его. Ни при каких обстоятельствах не могли бы астронавты увидеть Солнце. Если не считать этого, видеоскоп всегда поворачивался в сторону самого яркого источника света в космическом пространстве, учитывая направление движения корабля, — будто между прочим, объяснили космонавтам инженеры. Маленькие фотоэлементы, установленные с четырех сторон корабля, постоянно вращались, изучая небо. А если в самом ярком источнике света не возникало нужды, всегда можно было отключить видеоскоп вручную.

Нажатие на кнопку — и видеоскоп засветился, словно ожил. Дейвис погасил в каюте свет, и картинка стала ярче.

Ничего похожего на глобус с континентами они, естественно, не увидели. Их глазам предстало переплетение размытых белых и сине-голубых пятен, заполнивших экран.

Прибор, путем расчета значения гравитационной константы определявший, на какое расстояние корабль удалился от Земли, утверждал, что они пролетели уже около тридцати тысяч миль.

— Настрою-ка получше, — сказал Дейвис, протянул руку, чтобы отрегулировать картинку, и она сдвинулась.

На экране появилась черная тень. И ни единой звезды.

— Это ночь, — сказал Олдбери.

Изображение резко вернулось на место. Мрак подступал с другой стороны, на этот раз сквозь него просвечивали звезды.

— Хотел бы я там сейчас оказаться, — сглотнув, проговорил Олдбери.

— По крайней мере, теперь мы точно знаем, что Земля круглая, — заявил Дейвис.

— Какое замечательное открытие!

Дейвиса, казалось, возмутил тон Олдбери.

— Да, это потрясающее открытие, если угодно. Только небольшой процент жителей Земли твердо знает, что она именно такая.

Он выключил видеоскоп, нахмурился, а через несколько мгновений в каюте загорелся свет.

— Все, кто родился после тысяча пятисотого года,— напомнил ему Олдбери.

— Да будет тебе известно, что некоторые племена, живущие в Новой Гвинее, до тысяча девятьсот пятидесятого года верили в то, что Земля плоская. Еще в тысяча девятьсот тридцатых годах в Америке существовали религиозные секты, проповедники которых утверждали, что Земля круглой быть не может. Они даже предложили награду тому, кто сможет им доказать, что они ошибаются. От иллюзий трудно отказаться!

— Психи, и все тут,— проворчал Олдбери.

Дейвис начал распаляться.

— А ты можешь доказать, что наша Земля круглая? Ну, если не считать того факта, что ты видел ее сейчас на экране видеоскопа...

— Послушай, это же смешно.

— Смешно? А может быть, до сих пор ты просто верил своей учительнице из начальной школы так, словно она изрекала прописные истины? Какие доказательства тебе были тогда представлены? Что во время лунного затмения Земля отбрасывает на поверхность Луны круглую тень — следовательно, она является сферическим объектом? Полнейшая чепуха! Круглый диск тоже отбрасывает круглую тень. И яйцо, и любой предмет любой другой формы, пусть даже и самой необычной, имеющий хотя бы одно круговое сечение. Ты скажешь, что многим людям удалось совершить кругосветное путешествие. Но они могли, проходя определенное расстояние, просто кружить по центральному району плоской части Земли. Эффект был бы точно таким же. Разве корабли возникают на горизонте кверху дном? Оптическая иллюзия, не более того? Есть и более диковинные вещи.

— А маятник Фуко? — быстро спросил Олдбери, которого поразили напряженный голос и лихорадочные доводы Дейвиса.

— Ты имеешь в виду маятник, который остается в одной плоскости, а эта плоскость вращается по мере того, как под ней вращается Земля со скоростью, зависящей от широты того места, где проводится эксперимент,— усмехнулся Дейвис.— Ясное дело! Если маятник остается в одной плоскости. Если эта теория верна. А как к этому отнесется самый обычный прохожий на улице, если только не поверит физикам на слово? Вот что я тебе скажу: пока космические корабли не поднялись достаточно вы-

соко и не сделали снимки Земли, не было никаких серьезных доказательств того, что она круглая!

— Глупости,— заявил Олдбери.— Как бы выглядела Аргентина, если бы Земля была плоской, а Северный полюс находился по центру? Да и любое другое место, оказавшись центром, изменило бы внешний вид других районов. Поверхность Земли имела бы совсем иную форму, если бы она была не сферической. Уж против этого-то ты спорить не будешь!

Дейвис замолчал на некоторое время и мрачно произнес:

— Слушай, а какого черта мы тут с тобой спорим? Да провались оно все пропадом!

Олдбери охватило невыносимое чувство тоски после того, как он взглянул на Землю и поговорил о ней. И тогда он принялся очень тихо рассказывать про свой дом, про юность в Трентоне, штат Нью-Джерси, вспомнил старые банальные анекдоты про родственников — ему казалось, что он давно их забыл. Он смеялся над тем, что и смешным-то не было, и снова почувствовал детскую боль, от которой, как он думал, давно излечился.

В какой-то момент Олдбери задремал, потом неожиданно проснулся и испугался, обнаружив, что его тело заливают холодный голубоватый свет. Инстинктивно он попытался вскочить на ноги, но тут же со стоном опустился в кресло, потому что больно ударился локтем обо что-то металлическое.

Видеоскоп снова был включен. Голубоватый свет, испугавший Олдбери, когда он проснулся, отражался от Земли.

Теперь изгиб края Земли был гораздо заметнее.

Сейчас Земля находилась от них в пятидесяти тысячах миль.

Дейвис повернулся, когда его напарник неудачно попытался встать, и ядовито проговорил:

— Тот факт, что Земля круглая, не подвергается сомнению. В конце концов, человек может проползти по ее поверхности и понять, какой она формы, по географическим признакам — ты ведь так сказал? Но существуют другие вопросы, в которых мы ведем себя так, будто уверены, что обладаем истинным знанием, а это вовсе не так уж и однозначно.

Олдбери потер разбитый локоть и сказал:

— Да ладно тебе, ладно.

Однако Дейвис не унимался.

— Вот наша Земля. Посмотри на нее. Сколько ей лет?

— Я полагаю, несколько миллиардов,— осторожно ответил Олдбери.

— Ты полагаешь? А какое право ты имеешь полагать? Почему бы не сказать, что Земле несколько тысяч лет? Твой прапрадедушка, видимо, считал, что Земле шесть тысяч лет, если взять за истину то, что написано в Книге Бытия. Насколько мне известно, мой дед именно так и думал. С какой стати ты уверен, что они ошибались?

— Существует множество доказательств — с точки зрения геологии.

— Время, которое требуется на то, чтобы океан стал таким соленым, как сейчас? Время, которое требуется на то, чтобы скалы из осадочных пород стали такими, как сейчас? Время, которое требуется на то, чтобы в урановой руде образовалось определенное количество свинца?

Олдбери откинулся на спинку кресла и как-то отстраненно принялся разглядывать Землю. Он почти не слышал того, что говорил Дейвис. Еще немного, и они увидят ее всю. Уже и сейчас в одном углу экрана видеоскопа можно было разглядеть ее изгиб на темном фоне космического пространства, в то время как ночная тень наползала с другой стороны.

Конечно, ночная тень не изменила своего положения. Земля вращалась, и людям в космическом корабле казалось, что она купается в свете.

— Ну? — потребовал ответа Дейвис.

— Что? — удивленно спросил Олдбери.

— Как насчет твоих идиотских доказательств с точки зрения геологии?

— А... распад урана, например.

— Я уже об этом говорил. Ты дурак.

Прежде чем ответить, Олдбери сосчитал до десяти.

— Я так не думаю.

— В таком случае послушай. Предположим, Земля возникла шесть тысяч лет назад, как говорится в Библии. Почему она не могла быть рождена таким образом, чтобы в уране уже содержался определенный процент свинца? Если можно сделать уран, почему бы не засунуть в него свинец? Почему бы не сделать океан соленым, а скалы из осадочных пород именно такими, ка-

кие они сейчас? Почему бы не наштапковать почву известными нам ископаемыми?

— Иными словами, почему бы не создать Землю с полным набором свидетельств, доказывающих, что ей миллиард лет?

— Точно,— согласился Дейвис,— почему бы и нет?

— Позволь мне задать тебе другой вопрос: а зачем?

— Мне наплевать на причины, я пытаюсь объяснить тебе: так называемые доказательства возраста Земли вовсе не отрицают того, что она родилась шесть тысяч лет назад.

— Мне кажется, тебе все это представляется чем-то вроде игры,— проговорил Олдбери.— Научная загадка для проверки умственных способностей человечества. Или заданная людям намеренно — чтобы они отточили свое логическое мышление. Похоже на хитроумную погремушку, подвешенную над интеллектуальной колыбелью.

— Пытаешься пошутить, да, Олдбери? А на самом деле что невозможного в твоих предположениях? Может быть, в них содержится правда. Ты же не в состоянии доказать, что это не так.

— А я и не пытаюсь ничего доказывать.

— Нет, тебя вполне устраивает, что можно принимать все на веру. Именно поэтому я и сказал, что ты дурак. Если бы мы могли отправиться в прошлое и увидеть все собственными глазами, вот тогда другое дело. Если бы могли попасть в какой-нибудь период времени до четырехсотого года до нашей эры и посмотреть на Древний Египет или даже в еще более раннюю эпоху и словить саблезубого тигра...

— А еще хорошо было бы поймать тираннозавра.

— Конечно тираннозавра. Просто отлично. До тех же пор мы имеем право только предполагать — и у нас нет никакой возможности доказать, в каком месте наши предположения правильны, а где мы ошибаемся. Вся наука основана на вере в стартовые постулаты и в значение методов дедукции и индукции.

— Тут нет никакого преступления.

— Тут есть преступление! — с возмущением воскликнул Дейвис.— Ты начинаешь им верить, и, как только это происходит, твой разум погружается в спячку. У тебя уже возникли определенные представления, и ты ни за что не захочешь поменять их. Галилей знал, что людям трудно отказаться от иллюзий.

— Колумб тоже,— сонно проговорил Олдбери.

Голубоватая Земля, мимо которой проносились клубящиеся облака, усыпляла его.

Дейвис ухватился за этот аргумент с явным ликованием.

— Колумб! Ты, видимо, думаешь, будто он считал Землю круглой, в то время как все остальные были уверены в том, что она плоская.

— Ну, до определенной степени.

— Вот к чему приводит вера во всезнание учительницы начальной школы. Каждый разумный и образованный человек, живший во времена Колумба, был готов признать, что Земля круглая, а спорили они по поводу ее размера.

— Точно?

— Абсолютно! Колумб пользовался картами итальянского географа, из которых следовало, что в окружности Земля составляет пятнадцать тысяч миль, а восточная граница Азии находится на расстоянии четырех тысяч миль от Европы. Придворные географы короля Иоанна Португальского утверждали, что это неверно. По их расчетам, Земля составляла около двадцати пяти тысяч миль в окружности, а восточная граница Азии находилась на расстоянии двенадцати тысяч миль к западу от западной границы Европы, поэтому они советовали королю Иоанну не оставлять попыток объехать вокруг Африки. Португальские географы были, естественно, на сто процентов правы, а Колумб на все сто ошибался. Португальцы добрались до Индии, а Колумб — нет.

— И тем не менее он открыл Америку, — возразил Олдбери. — Вряд ли ты станешь отрицать этот факт.

— Это не имело никакого отношения к его представлениям. Он открыл Америку по чистой случайности. Колумб был самым настоящим интеллектуальным мошенником: когда во время путешествия выяснилось, что его карты неверны, он просто взял и подделал записи в судовом журнале, но ни за что не пожелал расстаться со своими заблуждениями. Ему было очень трудно отказаться от своих иллюзий — они умерли вместе с ним. Так и с нами происходит. Я могу до посинения пытаться убедить тебя в собственной правоте, но ты все равно будешь продолжать считать Колумба великим человеком, поскольку он верил в то, что Земля круглая, в то время как все остальные представляли ее себе плоской.

— Пусть будет по-твоему, — проворчал Олдбери.

Его охватила апатия. Вдруг вспомнился куриный суп, который готовила его мать, когда он был ребенком. С ячменем. Он не забыл запахи, наполнявшие кухню в субботу утром, когда к завтраку подавали поджаренный французский хлеб, и то, как выглядели улицы после дождя, и...

Ларс Нильссон держал в руках расшифровки, в которых психологи поместили наиболее важные места.

— Мы по-прежнему слышим их четко и ясно?

Его заверили, что приемники работают безупречно.

— Мне не нравится, что мы подслушиваем разговоры Дейвиса и Олдбери без их ведома, — заявил он. — Наверное, это глупо с моей стороны.

Годфри Мэйер не посчитал нужным спорить с диагнозом, который выставил себе Нильссон.

— Конечно, — согласился психолог, — очень глупо. Ты должен рассматривать их разговоры как дополнительную информацию, необходимую для изучения реакции человека на космическое пространство. Когда мы проверяли, как человек реагирует на ускорение выше чем одно «же», ты испытывал смущение из-за того, что занимался сравнительным анализом кровяного давления?

— Что скажешь о Дейвисе и его весьма необычных теориях? Он меня беспокоит.

Мэйер покачал головой:

— Пока еще мы не знаем, по какому поводу следует испытывать беспокойство. Дейвис выпускает наружу свою ненависть к науке, из-за которой он оказался в таком положении.

— Ты так думаешь?

— Одно из предположений. Не держать в себе возмущение и злобу иногда бывает очень полезно. Именно благодаря этому он может сохранить стабильность. Впрочем, вполне возможно, что Дейвис зайдет слишком далеко. Еще рано делать выводы. Я думаю, Олдбери грозит более серьезная опасность. Он становится все пассивнее и пассивнее.

— Слушай, Мэйер, а вдруг окажется, что человек — человеческое существо вообще — не в состоянии переносить космос?

— Если мы построим корабли, внутри которых все будет как на Земле и они смогут взять на борт сотню человек, у нас не

возникнет никаких проблем. А пока речь идет о посудинах вроде этой...— он показал пальцем куда-то себе за спину,— нужно быть готовым к разного рода неприятностям.

Нильссон почувствовал легкое разочарование.

— Ну, сейчас идет третий день полета, и до сих пор ничего непредвиденного не произошло,— напомнил он.

— Идет третий день,— резко сказал Дейвис.— Мы уже пролетели полпути.

— Угу. У меня был двоюродный брат, хозяин лесопилки. Его звали Реймонд. Иногда по дороге из школы домой я заходил к нему,— заговорил Олдбери.

Каким-то совершенно необъяснимым образом он вдруг вспомнил стихотворение Лонгфелло* «Деревенский кузнец», а потом в памяти всплыла строчка про «детей, возвращающихся домой из школы», и он подумал о том, сколько людей, с выражением произносивших слова: «Под раскидистым каштаном деревенская кузница стоит», знает, что кузница и кузнец — не одно и то же?

— О чем я говорил? — спросил он.

— Не знаю,— раздраженно ответил Дейвис.— Я сказал, что мы пролетели уже больше половины пути и еще ни разу не посмотрели на Луну.

— В таком случае давай на нее поглядим.

— Ладно, только видеоскоп будешь настраивать ты. Мне уже надоело этим заниматься. Черт подери, у меня на заднице образовались мозоли! — Он поерзал в ограниченном пространстве своего кресла, стараясь устроиться как-нибудь по-другому.— Знаешь, я думаю, что идея заставить корабль вращаться, чтобы гравитация вдавливала нас в эти сиденья, была не очень-то удачной. Хорошо было бы немного полетать в невесомости, чтобы расслабиться.

— Здесь места нет, чтобы летать,— вздохнул Олдбери,— а в состоянии свободного падения ты бы обязательно стал жаловаться, что тебя тошнит.

Олдбери занимался настройкой видеоскопа и говорил одновременно. Мимо проплыли звезды.

---

* Генри Уордсуорт Лонгфелло (1807–1882) — американский поэт. (Прим. перев.)

То, что он делал, было совсем просто. Инженеры дома, в Трентоне — нет, на самом деле в Нью-Мексико; ну хорошо, на Земле... — инженеры прекрасно выполнили свою задачу, научили Дейвиса и Олдбери управляться с приборами, которыми был оборудован корабль. Видеоскоп нужно повернуть на сто восемьдесят градусов от Земли. Потом за дело возьмется автоматика. Луна окажется самым ярким объектом в данной области. Приборам понадобится несколько секунд для того, чтобы обследовать небо и повернуть видеоскоп в сторону Земли, однако этих нескольких секунд будет достаточно, чтобы переключиться на ручное управление — и прямо в яблочко!

Они увидели лунный серп. Луна должна находиться в противофазе относительно Земли, поскольку корабль мчался курсом, который почти прямой линией соединял две планеты.

Но полумесяц был какой-то распухший, словно сошел с картинки дешевого календаря. Олдбери подумал, что надеялся увидеть две головы, прижавшиеся друг к другу, короткие прямые волосы и длинные вьющиеся на фоне Луны. Полной Луны.

— По крайней мере, она на месте, — фыркнул Дейвис.

— А ты предполагал, что ее там не окажется?

— Я ничего не предполагаю, когда речь идет о космосе. Ничего определенного. Никому еще не довелось тут побывать, так что никто ничего не знает наверняка. Но во всяком случае Луну я вижу собственными глазами.

— Если уж на то пошло, ты ее и с Земли видишь.

— А почему ты так уверен, что видишь ее с Земли? Тот, кто находится на Земле, может лишь утверждать, что Луна — раскрашенная желтая заплатка на голубом фоне, которая точно по расписанию прячется в тень.

— Звезды и планеты тоже подчиняются расписанию?

— Совсем как в планетарии. Почему бы и нет? А телескоп показывает больше звезд, нарисованных на...

— Со встроенным моторчиком, чтобы они двигались?

— Вполне возможно, — с вызовом проговорил Дейвис. — Только вот мы уже на полпути к Луне, и она становится все больше и больше. Может быть, мы все-таки убедимся, что она и в самом деле существует. По поводу планет и звезд я пока не стану делать никаких выводов.

Олдбери взглянул на Луну и вздохнул. Через несколько дней они приблизятся к ней, облетят вокруг и увидят ту часть, что спрятана от глаз землян.

— Я никогда не верил в истории о человеке, живущем на Луне,— сказал он.— Мне ни разу не довелось его разглядеть. Зато я видел женское лицо — глаза, немного асимметричные и очень грустные. Я смотрел на полную Луну из окна своей спальни, и она всегда была доброй и одновременно вызывала во мне грусть. Когда мимо проносились облака, мне казалось, что в движении находится Луна, а не облака, но при этом она никогда не уходила от моего окна. А еще Луну можно увидеть сквозь облака, Солнце — никогда, даже если облака совсем маленькие. Луна такая яркая, она намного ярче Солнца. Почему так, папа... хм-м-м, Дейвис?

— Что с твоим голосом? — спросил Дейвис.

— С моим голосом все в порядке.

— Ты пищишь.

Олдбери усилием воли заставил свой голос звучать на октаву ниже.

— Я не пишу!

На панели управления было две пары часов, и его глаза частенько останавливались на их циферблатах. Впрочем, одни часы показывали обычное время, Олдбери оно не интересовало. А вот другие, отмерявшие время, прошедшее с момента старта, завораживали его. Выходило, что Олдбери с Дейвисом провели в полете шестьдесят четыре часа с небольшим; красными цифрами в обратном порядке обозначалось время, остающееся до того момента, когда они снова окажутся на Земле. Эта цифра в данный момент равнялась ста сорока четырем с небольшим.

Олдбери жалел, что им известно, сколько часов они должны провести в космосе. Он с радостью вычислил бы сам. В школе Олдбери обычно считал, сколько времени осталось до летних каникул. Он делал вычисления в уме — и это было невероятно трудно — во время уроков географии, всегда почему-то географии; у него получалось много дней и страшно много часов. Он записывал полученный результат крошечными цифрами в своей тетрадке. И каждый день эта цифра уменьшалась. Частично удовольствие от приближающихся каникул заключалось в наблюдении за тем, как медленно, медленно сокращается число дней до вожаделенного мига.

Но сейчас их количество уменьшалось по воле часов, когда секундная стрелка проходила круг за кругом, кромсая время на минуты, едва заметные, тонкие, точно папиросная бумага, кусочки, прозрачные, совсем как ломтики солонины, которую нарезал автомат в магазине деликатесов.

Неожиданно в его размышления ворвался голос Дейвиса:

— Пока все идет хорошо.

— А ничего плохого и не произойдет,— спокойно заявил Олдбери.

— С какой стати ты так уверен?

— Потому что числа становятся меньше.

— Что? Повтори-ка.

Олдбери смутился на одно короткое мгновение, а потом сказал:

— Да ладно, ничего особенного.

В корабле царил полумрак, внутрь проникал лишь свет лунного полумесяца. Олдбери снова погрузился в сон, словно нырнул в воду. Ему приснилась полная Луна в окне его комнаты — грустное женское лицо, которое пытается и не может сдвинуть с места ветер. А может, оно все-таки не так неподвижно, как ему кажется?

— Двести тысяч миль,— сказал Дейвис.— Мы проделали почти восемьдесят пять процентов пути туда.

Освещенная часть Луны была словно покрыта крапинками или угрями и теперь уже не помещалась на экране. Море Кризиса темнело слегка искаженным овальным пятном, достаточно большим, чтобы просунуть туда кулак.

— И ничего плохого не произошло,— продолжал Дейвис.— Ни один красный огонек не зажегся на панели управления.

— Хорошо,— сказал Олдбери.

— Хорошо? — Дейвис уставился на Олдбери, подозрительно прищурившись.— Во время всех предыдущих попыток неприятности начинались как раз в этом месте, следовательно, пока нельзя говорить, что все хорошо.

— Я не думаю, что у нас что-нибудь выйдет из строя.

— А я уверен: обязательно случится какая-нибудь мерзость. Предполагается, что Земля не должна знать.

— Чего не должна знать?

Дейвис рассмеялся, и Олдбери устало посмотрел на товарища. Его немного пугала усиливающаяся мания Дейвиса, который совсем не был похож на отца Олдбери — таким, каким он его помнил (только тогда отец был моложе, чем сейчас, со здоровым сердцем и роскошной шапкой волос).

Профиль Дейвиса резко вырисовывался в лунном свете.

— Возможно, в космосе есть много вещей, о которых нам знать не полагается, — сказал он. — Перед нами пространства размерами в миллиарды световых лет. А может быть — откуда нам знать, что это не так? — другая сторона Луны — всего лишь сплошная черная стена, на которой нарисованы звезды и планеты, а всякие там умники на Земле придумывают разные теории и рассчитывают хитроумные орбиты, глядя на них.

— Этакая игра для проверки нашей сообразительности? — спросил Олдбери.

Он вспомнил, как Дейвис уже говорил что-то похожее... или говорил он сам? Все, что было связано с кораблем, казалось, ушло куда-то далеко-далеко.

— А почему бы и нет?

— Все хорошо, — принялся успокаивать товарища Олдбери. — Пока все идет хорошо. Наступит день, вот увидишь, когда все это кончится.

— В таком случае почему записывающие устройства выходят из строя, когда корабль проходит первые двести тысяч миль? Почему? Отвечай!

— Ну, сейчас мы находимся в корабле. Мы все исправим.

— Нет, ничего мы не исправим, — заявил Дейвис.

Неожиданно Олдбери разволновался, потому что вспомнил рассказ, который читал в юности.

— Знаешь, мне однажды попалась книга про Луну. Марсиане построили свою базу на обратной стороне Луны. И мы их не видели, понимаешь. Они спрятались, а сами за нами наблюдали...

— Каким образом? — язвительно поинтересовался Дейвис. — Между Землей и ними было две тысячи миль лунной почвы.

— Нет. Давай я начну с самого начала. — Олдбери снова заметил, что его голос стал пронзительным, но ему было все равно. Хотелось встать и попрыгать, потому что одно воспоминание об этом рассказе подняло настроение. Только по какой-то причине он не мог тронуться с места. — Видишь ли, все это происходило в будущем, а земляне не знали...

— Может быть, заткнешься?

Олдбери сразу смолк. Ему стало обидно, и тогда он смущенно сказал:

— Ты говорил, что предполагается, будто Земля не должна узнать, именно поэтому выходят из строя приборы, а мы увидим только обратную сторону Луны, и если марсиане...

— Ты оставишь в покое своих идиотских марсиан?!

Олдбери замолчал. Он разозлился на Дейвиса. Если Дейвис взрослый, это еще не значит, что ему можно так кричать. Он снова посмотрел на часы. До летних каникул оставалось сто десять часов.

Теперь они падали прямо на Луну. Свободное падение. Стремительно снижались, набирая скорость. Лунное притяжение было слабым, но они падали с большой высоты. И теперь наконец их глазам предстали новые кратеры.

Конечно же, корабль промчится мимо и на огромной скорости благополучно облетит вокруг Луны, за час покроет расстояние в три тысячи миль, а потом повернет назад, к Земле.

Однако Олдбери с грустью подумал, что не видит знакомого женского лица. Так близко его рассмотреть было невозможно, перед глазами возникла только неровная поверхность Луны. Он почувствовал, как слезы потекли по щекам.

А потом вдруг маленькая тесная каюта корабля наполнилась громким жужжанием, на панели управления вспыхнули красные лампочки — сигнал тревоги.

Олдбери съехал в своем кресле, а Дейвис торжествующе крикнул:

— Я же тебе говорил! Все испортилось!

Он начал бессмысленно нажимать на кнопки приборов.

— Никакая информация не доберется до Земли! Тайны! Тайны!

Но Олдбери по-прежнему не сводил глаз с Луны. Теперь она была уже совсем близко, и ее поверхность находилась в постоянном движении. Корабль мчался вперед, собираясь, как и было запланировано, облететь вокруг Луны. И вдруг Олдбери пронзительно взвизгнул:

— Смотри! Посмотри на это! — Палец, которым он показывал на поразившую его картину, был напряжен от ужаса.

Дейвис поднял голову и только и смог сказать:

— О господи! О господи! — Он повторял это снова и снова, пока экран видеоскопа не потемнел, а на приборе, контролирующем его работу, не вспыхнула красная лампочка.

Ларс Нильссон не мог стать еще бледнее, чем был, но руки у него дрожали, когда он попытался сжать их в кулаки.

— Снова! Проклятие какое-то! В течение десяти лет автоматы не срабатывают — на кораблях без экипажа. А сейчас? Кто в этом виноват?

Не было никакого смысла искать виноватых. Нильссон вско-ре со стоном и сам признал: никто не виноват в том, что произошло. Просто в критический момент — в очередной раз — эксперимент провалился.

— Нужно каким-то образом помочь им выбраться, — сказал он, зная, что это весьма проблематично.

Однако они принялись делать все возможное.

— Ты тоже видел, верно? — спросил Дейвис.

— Я боюсь, — хныкал Олдбери.

— Ты видел. Ты видел обратную сторону Луны, когда мы промчались мимо, ты видел, что там ничего нет! Господи, только палки — большие перекладки, на которых натянуто шесть миллионов квадратных миль полотна. Клянусь, это самое настоящее полотно!

Дейвис дико рассмеялся, а в следующее мгновение задохнулся от собственного хохота.

И тогда он сказал хриплым голосом:

— Целый миллион лет человечество смотрело на самый большой фальшивый фасад, когда-либо существовавший на свете. Влюбленные встречались под натянутым над Землей куском полотна и называли его Луной. Звезды нарисованы, иначе просто не может быть. Если бы нам удалось подобраться немного ближе, мы бы соскребли парочку и привезли домой в качестве сувениров. О, это ужасно смешно. — Он снова расхохотался.

Олдбери страшно хотелось спросить, почему этот взрослый дяденька так весело смеется. Но ему удавалось произнести только: «Зачем, зачем...» Смех Дейвиса был таким отчаянным, что все слова застревали у Олдбери в глотке — так страшно ему становилось.

— Зачем? — повторил его вопрос Дейвис. — А мне-то, черт подери, почем знать? Зачем телевизионные студии выстраивают целые улицы фальшивых домов для своих программ? Может быть, все это шоу, а мы с тобой совершенно случайно забрели туда, где стоят декорации, которые кто-то перепутал и не вынес на сцену, где и мы с тобой должны были находиться. Человечество не должно ничего знать про эти декорации. Именно поэтому передатчики выходят из строя через две тысячи миль. А мы с тобой все видели собственными глазами.

Он хитро посмотрел на сидящего рядом здоровяка Олдбери.

— А знаешь, почему не имеет никакого значения, что мы все видели?

Олдбери взглянул на него, по его лицу текли слезы.

— Нет. Почему?

— Потому что не имеет никакого значения, знаем мы правду или нет. Если мы вернемся на Землю и скажем, что Луна — всего лишь большой кусок полотна, натянутый на деревянные, нас просто убьют. Или навсегда запрут в психушку, если решат проявить добросердечие. Именно по этой причине мы никому ничего не скажем. — В его голосе прозвучала угроза. — Ты понял? Ни единого слова!

— Я хочу к маме, — жалобно захныкал Олдбери.

— Ты понял? Мы будем молчать. Только в этом случае с нами будут обращаться как с нормальными людьми. Пусть кто-нибудь другой полетит туда, узнает правду и отдаст за нее жизнь. Поклянись, что будешь молчать! Скажи: «Честное слово, провалиться мне на этом месте!»

Тяжело дыша, Дейвис угрожающе поднял руку.

Олдбери, насколько позволяли ремни, сжался в своем кресле.

— Не бей меня. Не бей!

Однако Дейвиса охватила слепая ярость, и он взревел:

— Есть только один способ. — И ударил испуганного Олдбери, а потом еще раз и еще...

Годфри Мэйер, который сидел у постели Олдбери, спросил:

— Тебе все ясно?

Олдбери находился на излечении вот уже целый месяц. Ларс Нильссон устроился в другом конце комнаты, наблюдая за про-

исходящим и прислушиваясь к разговорам. Он помнил, каким был Олдбери перед тем, как взойти на борт корабля. Его лицо по-прежнему оставалось круглым, но щеки стали впалыми и куда-то подевалась его сила.

— Это был вовсе не корабль. Мы не летали в космос. — Голос Олдбери был ровным, но очень тихим.

— Послушай, мы не просто говорим тебе это. Мы же показали тебе корабль и приборы, которые управляли изображениями Земли и Луны. Ты же все видел.

— Да. Я знаю.

— Это были ходовые испытания, — спокойно и уверенно продолжал Мэйер, — полное дублирование условий для проверки космонавта в стрессовой ситуации. Естественно, мы не могли сказать об этом тебе или Дейвису — это было бы бессмысленно. Мы могли остановить эксперимент в любой момент. Сделать выводы и внести изменения, а потом пригласить новую пару.

Он повторял это снова и снова. Необходимо было заставить Олдбери понять, что с ним на самом деле произошло, в противном случае он не сможет жить дальше.

— А новая пара уже прошла испытание? — грустно спросил Олдбери.

— Нет. Еще нет. Необходимо внести кое-какие изменения.

— Меня постигла неудача.

— Мы узнали много полезного, поэтому эксперимент можно считать успешным. А теперь послушай: приборы на корабле были сконструированы таким образом, что должны были испортиться именно тогда, когда это и произошло. Мы хотели проверить, как вы будете реагировать на критическую ситуацию после нескольких трудных дней, проведенных в космосе. Нарушение работы приборов было запланировано на тот момент, когда вам следовало подлетать к Луне, которую мы намеревались повернуть, чтобы вы посмотрели на нее под другим углом на обратном пути. Мы не построили обратную сторону, поскольку вы не должны были ее увидеть. Можно сказать... из соображений экономии. Эксперимент стоил пятьдесят миллионов долларов, а добывать ассигнования совсем непросто.

— Только вот видеоскоп вовремя не отключился, — с горечью проговорил Нильссон. — Реле не сработало. И вы увидели обрат-

ную сторону недостроенной Луны, а нам пришлось прекратить эксперимент, чтобы...

— Вот,— перебил его Мэйер.— Ну-ка повтори, Олдбери. Повтори все, что ты только что слышал.

Они долго молча шли по коридору, а потом Нильссон сказал:

— Сегодня он почти похож на себя прежнего. Тебе не кажется?

— Да, я заметил определенные улучшения,— признал Мэйер.— Довольно существенные. Но лечение ни в коем случае нельзя прекращать.

— А как насчет Дейвиса? Есть какая-то надежда? — спросил Нильссон.

Мэйер покачал головой:

— Совсем другой случай. Он полностью ушел в себя. Не желает разговаривать. А следовательно, мы не можем до него добраться. Мы уже пробовали алдостерон, спорынью, контрэлектроэнцефалографию и тому подобные штуки. Ничего не выходит. Он думает, что стоит ему заговорить, как мы поместим его в сумасшедший дом или прикончим. Самая настоящая паранойя.

— А ты сказал ему, что мы и сами знаем?

— Если это сделать, у него опять начнется приступ ярости и он попытается кого-нибудь убить — а вдруг нам не повезет так, как Олдбери. Я думаю, он неизлечим. Иногда, когда на небе светит Луна — мне говорил об этом санитар,— Дейвис смотрит на нее и тихонько бормочет: «Полотно».

— Знаешь, я вспомнил, что сказал сам Дейвис в начале полета: «Трудно отказаться от иллюзий». Так ведь, верно?

— Это трагедия нашего мира. Только...— Мэйер заколебался.

— Только что?

— Мы отправили три ракеты без людей на борту — и на каждой передатчики прекратили работать как раз перед тем, как они должны были подлететь к обратной стороне Луны... ни один не вернулся. Иногда я думаю...

— Заткнись! — яростно выкрикнул Нильссон.

СЕРДОВОЛЬНЫЕ СТЕРВЯТНИКИ

Прошло пятнадцать лет, а харриане все еще не покинули своей базы на обратной стороне Луны. Это было просто неслыханно! Невероятно! Ни один харрианин и представить себе не мог такой проволоочки. Специальные отряды находились в состоянии боевой готовности уже целых пятнадцать лет! Они были готовы устремиться вниз сквозь радиоактивные облака и спасти то, что еще возможно, для тех немногих, кто уцелеет... Разумеется, за приличное вознаграждение.

Но планета совершила уже пятнадцать оборотов вокруг своего Солнца, а ее спутник всякий раз делал без малого тринадцать кругов, и за все это время атомная война так и не началась!

Крупные мыслящие приматы, обитатели этой планеты, то тут то там производили атомные взрывы. Стратосфера была до предела насыщена радиоактивными продуктами распада. А войны все нет и нет!

Деви Ен горячо надеялся, что ему пришлют замену. Он был четвертым по счету капитаном, возглавлявшим эту колонизаторскую экспедицию (если ее все еще можно было так назвать после пятнадцати лет бесплодного ожидания), и весьма приветствовал бы появление пятого. Поскольку с родины, из Харрии, должен был прибыть Главный инспектор, чтобы лично ознакомиться с положением, ждать оставалось недолго. И прекрасно!

Деви Ен стоял на Луне, облаченный в скафандр, и думал о Харрии. Его длинные тонкие руки беспокойно двигались, словно стремились, следуя зову далеких предков, ухватиться за ветви деревьев. Ростом он был не более метра. Сквозь прозрачную пла-

стину в передней части шлема можно было видеть черное сморщенное лицо с мясистым подвижным носом. Маленькая бородка кисточкой по контрасту с лицом казалась белоснежной. Сзади, немного ниже пояса, в костюме был мешочек, в котором с удобством покоился короткий, похожий на обрубок хвост.

Деву Ен, естественно, не видел в своей наружности ничего необыкновенного, хотя прекрасно знал, что харриане отличаются от прочих мыслящих существ, населяющих Галактику. Только одни харриане так малы ростом, только у них есть хвост, только они не употребляют в пищу мяса... только они одни избегали неотвратимой атомной войны, которая приносила гибель прочим разновидностям мыслящих особей.

Он стоял на дне низины, похожей на чашу (будь она меньше, на Харрии ее называли бы кратером); она простиралась так далеко, что обрамлявшая ее кольцом высокая гряда терялась за горизонтом. У южного края кольца, лучше всего защищенного от прямых лучей солнца, вырос город. Сначала это, понятно, был лишь временный лагерь, но позднее туда привезли женщин, и появились дети. Теперь здесь были школы, и сложные гидропонные установки, и огромные резервуары, наполненные водой, — словом, все, что полагается иметь городу на спутнике, лишенном атмосферы.

Просто смехотворно! Целый город — и только потому, что какая-то там планета не желает начинать атомную войну, хотя и владеет атомным оружием!

Главный инспектор — его ждали с минуты на минуту, — несомненно, сразу же задаст вопрос, который и сам Деву Ен задавал себе несчетное множество раз.

Почему же все-таки нет атомной войны?

Деву Ен обернулся и стал смотреть, как огромные неуклюжие маувы готовят посадочную площадку, разравнивая почву и покрывая ее слоем керамической массы, которая должна максимально поглотить реактивную отдачу гиператомного поля и избавить от неприятных ощущений пассажиров межзвездного корабля.

Даже скафандры не могли скрыть силу, которую словно источало все существо маувов, но это была чисто физическая сила. Рядом с ними виднелась маленькая фигурка харрианца, отдававшего приказание, и маувы послушно повиновались. А как же иначе?

Раса маувов, единственная из всех крупных мыслящих приматов, платила Харрии самую необычную дань, посылая вместо материальных ценностей определенное число обитателей своей планеты. Это была удивительно выгодная дань, во многих отношениях лучше, чем сталь, алюминий или лекарственные препараты.

Радиотелефон в шлеме Деви Ена вдруг ожил.

— Корабль показался, капитан, — донеслось до него. — Он сядет меньше чем через час.

— Отлично, — сказал Деви Ен. — Пусть мне приготовят машину. Я поеду, как только начнется посадка.

Однако ему вовсе не казалось, что все идет отлично.

Главный инспектор прибыл в сопровождении свиты из пяти маувов. Они вошли вместе с ним в город, два по бокам, три следом. Помогли ему снять скафандр, затем разоблачились сами.

Их тела, на которых почти не росли волосы, крупные лица с грубыми чертами, широкие носы и плоские скулы отталкивали своим уродством, но не внушали страха. Они были в два раза выше харриан и чуть не в три раза массивнее, но глаза их смотрели безучастно, и весь их вид, когда они стояли, слегка склонив мускулистые шеи и апатично уронив тяжелые руки, выражал покорность.

Главный инспектор отпустил маувов, и они один за другим вышли из комнаты. Ему, конечно, вовсе не нужна была охрана, но его положение требовало свиты из пяти маувов, и говорить тут было не о чем.

Ни во время бесконечного приветственного ритуала, ни во время еды Главный инспектор ничего не спрашивал о делах. Лишь когда настало время, куда более подходящее для сна, потерев пальцами бородку, он спросил:

— Сколько нам еще ждать, капитан?

Он был, по-видимому, очень стар. Шерсть у него на руках почти вся поседела, а длинные пучки волос у локтей стали такими же белыми, как борода.

— Не могу сказать, ваше главенство, — смиренно проговорил Деви Ен. — Они сошли с обычного пути.

— Это само собой очевидно. Нас интересует, почему именно они сошли с обычного пути. Совету ясно, что в своих доне-

сениях вы пишете меньше того, что знаете. Вы разводите теории, но не даете никаких фактов. Нам, в Харрии, все это надоело. Если вам что-либо известно, сейчас настало время сообщить об этом.

— Тут, ваше главенство, трудно говорить наверняка. Мы ведь впервые имеем возможность наблюдать за планетой в течение такого долгого периода. До самого последнего времени не обращалось должного внимания на то, что там происходит. Из года в год мы ждали, что атомная война вот-вот начнется, и только когда командование принял я, мы стали более внимательно приглядываться к обитателям планеты. Хотя в одном длительное ожидание пошло нам на пользу — мы изучили несколько их основных языков.

— Как? Даже не спускаясь на планету?

Деви Ен объяснил:

— Наши корабли, проникавшие в атмосферу планеты для наблюдений, записывали радиосигналы. Особенно в первые годы. Я дал их для расшифровки лингвистическим вычислительным машинам и весь этот год потратил на то, что пытался разобраться в их смысле.

Главный инспектор слегка поднял брови. Этого было более чем достаточно, чтобы показать, до какой степени он изумлен.

— И то, что вы узнали, представляет какой-нибудь интерес?

— Возможно, ваше главенство, но сведения, которые мне удалось получить, настолько странны, а материал, из которого они извлечены, так ненадежен, что я не решался писать обо всем этом в своих официальных донесениях.

Главный инспектор понял.

— Надеюсь, вы сочтете возможным изложить свои взгляды неофициально... мне? — немного натянуто произнес он.

— Буду рад это сделать, — тут же ответил Деви Ен. — Обитатели этой планеты, как мы и предполагали, относятся к крупным приматам. Им в полной мере присущ захватнический инстинкт.

Главный инспектор облегченно вздохнул и быстро облизал языком нос.

— Я почему-то вообразил, что они лишены этого инстинкта, и поэтому... но продолжайте, продолжайте.

— Нет, захватнический инстинкт развит у них как раз очень сильно,— заверил его Деви Ен,— куда сильнее даже, чем свойственно обычным крупным приматам.

— Почему же это не привело к должным последствиям?

— Привело, ваше главенство, но не до конца. Как всегда, после длительного инкубационного периода у них началось развитие техники, и обычные у крупных приматов побоища превратились в поистине катастрофические войны. В конце последней войны, охватившей всю планету, у них было изобретено атомное оружие, и войны сразу же прекратились.

Главный инспектор кивнул:

— А дальше?

— Вскоре после этого,— продолжал Деви Ен,— должна была вспыхнуть новая война; атомное оружие стало более смертоносным и все же было бы пущено в ход, как это водится у крупных приматов; в результате планета погибла бы, а из всего населения осталась бы горстка умирающих от голода особей.

— Совершенно верно. Но этого не произошло. Почему?

— Нужно учесть одно обстоятельство,— заметил Деви Ен.— Мне кажется, когда у этих крупных приматов начала развиваться техника, ее развитие пошло необычайно быстро.

— Ну и что же? — возразил собеседник.— Тем скорее они изобрели атомное оружие.

— Верно. Но по окончании самой последней всепланетной войны они продолжали совершенствовать атомное оружие с поразительной быстротой. В том-то и беда. Смертоносный потенциал возрос прежде, чем представился случай начать военные действия, а сейчас он достиг такого уровня, что даже эти крупные приматы не рискуют развязать войну.

Главный инспектор широко раскрыл маленькие черные глазки.

— Ерунда! Одаренность этих особей в области техники ничего не может изменить. Военная наука развивается быстро только во время войны.

— По-видимому, данные приматы — исключение из общего правила. Но дело не в том — они, судя по всему, все-таки ведут войну. Не настоящую войну, но все-таки войну.

— Не настоящую войну, но все-таки войну,— недоуменно повторил инспектор.— Что это значит?

— Я не могу сказать наверняка. — Деви Ен раздраженно повел носом. — Именно в этом пункте мои попытки извлечь смысл из отрывочных материалов, которые нам удалось собрать, оказались наименее успешными. То, что происходит на этой планете, называется «холодной войной». Какова бы ни была сущность этой странной войны, она в бешеном темпе подгоняет жителей планеты вперед, к новым изысканиям, и вместе с тем не приводит к окончательной катастрофе.

— Немыслимо! — воскликнул Главный инспектор.

— Вон она, планета, — возразил Деви Ен. — А мы всё здесь. Мы ждем уже пятнадцать лет.

Главный инспектор поднял длинные руки и, скрестив их за головой, опустил себе на плечи.

— Тогда нам остается только одно. Совет предусмотрел, что планета могла застрять на мертвой точке в состоянии неустойчивого мира, от которого только один шаг до атомной войны. Нечто вроде того, о чем говорите вы, хотя никому, кроме вас, пока не удалось предложить сколько-нибудь разумного объяснения. Но мы не можем этого допустить.

— Не можем, ваше главенство?

— Да. — Казалось, каждое слово причиняет инспектору боль. — Чем дольше данные приматы будут находиться на этой мертвой точке, тем больше вероятность того, что они раскроют тайну межзвездных полетов и со всем присущим им стремлением к захватничеству проникнут в Галактику. Ясно?

— Что из этого следует?

Главный инспектор крепко стиснул голову руками, словно боясь услышать то, что сам сейчас произнесет. Голос его звучал приглушенно.

— Поскольку равновесие, в котором они находятся, неустойчиво, мы должны их слегка подтолкнуть. Да, капитан, слегка подтолкнуть!

Желудок Деви Ена конвульсивно сжался, он вдруг снова ощутил во рту вкус съеденного обеда.

— Подтолкнуть их, ваше главенство? — Он отказывался понимать.

Но Главный инспектор был беспощаден.

— Мы должны помочь им начать атомную войну. — Его, видимо, так же мучило от этой мысли, как и Деви Ена. Он прошептал: — Мы должны.

У Деви Ена чуть не отнялся язык. Он проговорил еле слышно:

— Но как это сделать, ваше главенство?

— Не знаю... И не смотрите на меня так. Это не мое решение. Это решение Совета. Вы сами должны понять, что грозит Галактике, если крупные мыслящие приматы проникнут в космос во всей своей силе, не укрощенные атомной войной.

Деви Ен содрогнулся. Крупные приматы на просторах Галактики! Но он продолжал допытываться:

— А как начинают атомную войну? Как это делается?

— Не знаю, говорю вам. Но какой-нибудь способ должен быть. Ну, к примеру, м-м, направим им послание или, м-м, напустим туч и вызовем ураган. Мы могли бы многого добиться, воздействуя на метеорологические условия планеты.

— Да разве из-за этого вспыхнет война? — спросил Деви Ен, которому слова Главного инспектора показались не очень убедительными.

— Возможно, что и не вспыхнет. Я привел все это в качестве примера. Но крупные приматы должны сами знать. В конце концов, именно они развязывают атомные войны. Инстинкт взаимоистребления у них в крови... Учитывая все это, Совет и принял решение.

Деви Ен почувствовал, что его хвост начал медленно и почти бесшумно постукивать по стулу. Попытался взять себя в руки, но безуспешно.

— Какое же решение, ваше главенство?

— Увезти одного крупного примата с планеты. Похитить его.

— Дикого?

— Других в настоящее время на планете не водится. Конечно дикого.

— А что он, думаете, нам скажет?

— Это не имеет значения. Важно, чтобы он вообще о чем-нибудь говорил, безразлично о чем; психоанализаторы ответят на интересующий нас вопрос.

Деви Ен как можно глубже втянул голову в плечи. От отвращения он весь покрылся гусиной кожей. Дикий крупный примат! Он постарался представить себе, как должна выглядеть особь, которой не коснулись ошеломляющие последствия атомной войны и которую не затронуло цивилизующее воздействие харрианской евгеники.

Главный инспектор и не пытался скрыть, что разделяет отвращение Деви Ена, но, несмотря на это, сказал:

— Вам придется возглавить экспедицию на планету, капитан. Это делается ради блага Галактики.

Деви Ен много раз видел планету, но всегда, как только космический корабль огибал Луну и этот мир открывался его взору, Деви Ена захлестывала волна невыносимой тоски по родине.

Это была прекрасная планета, очень похожая на Харрию по размерам и природным условиям, но более дикая и величественная. Ее вид, после пустынных пейзажей Луны, разил в самое сердце.

«Сколько еще планет, подобных этой, занесено в реестры владений Харрии! — думал Деви Ен. — Сколько планет, на которых после тщательного наблюдения обнаруживали последовательную смену окраски, что могло быть объяснено лишь искусственным разведением пригодных в пищу растений! Сколько еще раз в будущем мы столкнемся с тем, что в один прекрасный день радиоактивность в атмосфере какой-нибудь из этих планет начнет повышаться и туда потребуются немедленно послать колонизационные отряды... Так же, как в свое время они были посланы к этой планете».

Самонадеянность, с которой поначалу действовали харриане, была просто трогательной. Деви Ен смеялся бы, читая первые донесения, не окажись он сам в той же ловушке. Чтобы собрать географические данные и установить местонахождение населенных пунктов, корабли-разведчики харриан спускались чуть ли не на самую планету. Их, конечно, заметили, но какое это имело значение? В самом ближайшем будущем, думали харриане, произойдет окончательный взрыв.

В самом ближайшем будущем... но годы шли, а взрыва все не было, и корабли-разведчики решили, что не мешает, пожалуй, быть поосторожней. Один за другим они вернулись обратно на базу.

Корабль Деви Ена сейчас тоже соблюдал осторожность. Команда волновалась, ей не по душе было полученное задание. Как ни уверял Деви Ен, что крупному примату не причинят никакого вреда, она не успокаивалась. Во всяком случае, нельзя было торопить события. Несколько дней подряд корабль парил на

высоте шестнадцати километров, нарочно выбрав уединенное, дикое холмистое место, — и команда волновалась все больше; только флегматичные маувы, как всегда, сохраняли спокойствие.

Наконец в поле зрения телескопа показался крупный примат. В руке у него была длинная палка, на верхней части задней стороны туловища — какая-то ноша.

Они спустились бесшумно, со сверхзвуковой скоростью. Деви Ен сам, хотя тело его покрылось мурашками, сидел у рычагов управления. В момент похищения крупный примат произнес две фразы, тут же зафиксированные для дальнейшего психоанализа. Первая, сказанная в тот миг, когда он увидел корабль харриан чуть ли не у себя над головой, была схвачена телемикрофоном направленного действия. Вот как она звучала: «Боже! Летающее блюдце!»

Деви Ен понял все, кроме первого слова. Так крупные приматы обычно называли корабли харриан в первые годы их пребывания на Луне, когда они легкомысленно спускались к самой планете.

Вторую фразу он произнес, когда его вталкивали в корабль, — хотя дикарь яростно сопротивлялся, он был беспомощен в железных руках невозмутимых маувов.

Когда Деви Ен, тяжело дыша, подрагивая от возбуждения мясистым носом, сделал несколько шагов ему навстречу, крупный примат (его морда, отталкивающе безволосая, лоснилась от каких-то жидких выделений) воскликнул: «Разрази меня гром, обезьяна!»

Тут Деви Ен понял только последнее слово. «Обезьяна» — так называли мелких приматов на одном из основных языков планеты.

С диким приматом почти невозможно было сладить. Требовалось безграничное терпение, чтобы заставить его слушать разумные речи. Вначале он находился в совершенно невменяемом состоянии. Он сразу понял, что его увозят с Земли, и, к удивлению Деви Ена, вовсе не желал рассматривать это как увлекательное приключение. Напротив, он только и говорил, что о своем детеныше и самке.

(«У них тоже есть жены и дети, — сочувственно подумал Деви Ен, — и хоть они и крупные приматы, а семью по-своему любят».)

Прежде всего надо было довести до его сознания, что маувы, которые сторожили его и в случае необходимости сдерживали его дикие вспышки, вовсе не хотят нанести ему увечье и что вообще ему никоим образом не будет причинено зло.

(Девы Ена приводила в содрогание сама мысль о том, что одно разумное существо может учинить насилие над другим. Обсуждать этот вопрос с приматом было крайне трудно, так как, чтобы отрицать эту возможность, Деви Ен должен был на какое-то мгновение допустить ее, а обитатель планеты даже к минутному колебанию относился с величайшим недоверием. Так уж были устроены крупные приматы.)

На пятый день дикарь, возможно просто от упадка сил, довольно долго оставался спокойным. Они беседовали с Деви Еном в его личном кабинете, и вдруг он снова впал в бешенство, когда Деви Ен впервые упомянул, как о чем-то само собой разумеющемся, что харриане ждут начала атомной войны.

— Ждете?! — воскликнул дикарь. — А почему вы так уверены, что она обязательно будет?

Деви Ен вовсе не был в этом уверен, но ответил:

— Атомная война происходит всегда. Наша цель — помочь вам после нее.

— Помочь нам после нее! — Из рта примата стали вылетать бессвязные звуки; он принялся дико размахивать руками, и маувам, стоящим по обеим сторонам, пришлось осторожно связать его — в который уж раз! — и вывести из комнаты.

Деви Ен вздохнул. Крупный примат наговорил уже достаточно много; возможно, психоанализаторы извлекут из этого какую-нибудь пользу. Сам Деви Ен не видел в словах дикаря никакого смысла.

А примат понемногу хирел. На теле его почти не было растительности; это не удавалось обнаружить раньше, при наблюдении с далекого расстояния, так как приматы носили искусственные шкуры, то ли для тепла, то ли из бессознательного отвращения к безволосой коже. (Интересно было бы побеседовать с ним на эту тему; психоанализаторам ведь безразлично, о чем идет разговор.)

А на лице примата, как это ни странно, стали прорастать волосы, в большем количестве даже, чем у харриан, и более темного цвета.

Но главное — с каждым днем он все больше хирел. Он исхудал, так как почти ничего не брал в рот, и дальнейшее пребывание на корабле могло пагубно отразиться на его здоровье. Деви Ену вовсе не хотелось, чтобы это лежало у него на совести.

На следующий день примат казался вполне спокойным. Чуть ли не сразу сам перевел разговор на атомную войну. («Видимо, вопрос этот имеет для крупных приматов особую притягательную силу», — подумал Деви Ен.)

— Вы упомянули, — начал дикарь, — что атомные войны неизбежны. Значит ли это, что существуют другие мыслящие существа, кроме вас, нас и... их? — Он указал на стоящих неподалеку маувов.

— Существуют тысячи разновидностей мыслящих существ, живущих на тысячах различных миров. Много тысяч, — пояснил Деви Ен.

— И у всех бывают атомные войны?

— У всех, кто достиг определенного уровня развития техники. У всех, кроме нас. Мы иные. Мы лишены захватнического инстинкта. Нам присущ инстинкт сотрудничества.

— Вы хотите сказать, что знаете об угрозе атомной войны и все же сидите сложа руки?

— Как это сидим сложа руки? — обиделся Деви Ен. — Мы стараемся помочь. На заре нашей истории, когда только начали осваивать космос, мы еще не понимали природы крупных приматов. Они отвергали все наши попытки завязать с ними дружбу, и в конце концов мы отступились. Затем мы обнаружили миры, лежащие в радиоактивных руинах. И наконец натолкнулись на планету, где атомная война была в разгаре. Мы пришли в ужас, но ничего не могли сделать. Мало-помалу мы становились умнее, и теперь, когда находим какой-нибудь мир в стадии овладения атомной энергией, у нас все наготове — и спасательное противорадиоактивное снаряжение, и генетикоанализаторы.

— Что такое генетикоанализаторы?

При беседе с крупным приматом Деви Ен строил фразы по законам его языка. Он сказал, осторожно выбирая слова:

— Мы держим под своим контролем спаривание и производим стерилизацию, чтобы, насколько возможно, вытравить захватнический инстинкт у немногих оставшихся в живых после атомного взрыва.

Какую-то секунду Деви Ен думал, что дикарь снова взбесится.

Однако тот лишь произнес сдавленным голосом:

— Вы хотите сказать, что делаете их покорными вам вроде этих? — Он снова указал на маувов.

— Нет-нет. С этими другое дело. Мы просто хотим, чтобы уцелевшие после войны не стремились к захватам и жили в мире и согласии под нашим руководством. Без нас они сами себя уничтожали и снова дошли бы до самоуничтожения.

— А что это дает вам?

Деви Ен в сомнении посмотрел на дикаря. Неужели ему надо объяснять, в чем состоит главное наслаждение в жизни? Он спросил:

— А разве вам неприятно оказывать другим помощь?

— Бросьте. Не об этом речь. Какую выгоду из этой помощи извлекаете вы?

— Ну, понятно, Харрия получает определенную контрибуцию.

— Ха-ха!

— Разве получить плату за спасение целого биологического рода несправедливо? — запротестовал Деви Ен. — Кроме того, мы должны покрывать издержки.

Контрибуция невелика и соответствует природным условиям каждого данного мира. С одной планеты, к примеру, мы ежегодно получаем запас леса, с другой — марганцевые руды. Мир этих маувов беден природными ресурсами, и они сами предложили нам поставлять определенное число своих жителей для услуг — они очень сильны физически даже для крупных приматов. Мы безболезненно вводим им определенные антицеребральные препараты, чтобы...

— Чтобы сделать из них кретинов!

Деви Ен догадался, что значит слово, и сказал с негодованием:

— Ничего подобного. Просто для того, чтобы они не тяготились своей ролью слуг и не скучали по дому. Мы хотим, чтобы они были счастливы — ведь они разумные существа.

— А как бы вы поступили с Землей, если бы произошла война?

— У нас было пятнадцать лет, чтобы решить это. Ваш мир богат железом, и у вас хорошо развита технология производства

стали. Я думаю, вы платили бы свою контрибуцию сталью. — Он вздохнул. — Но в данном случае, мне кажется, контрибуция не покроет издержек. Мы пересидели здесь по крайней мере десять лишних лет.

— И сколько народов вы облагаете таким налогом? — спросил примат.

— Не знаю точно, но наверняка не меньше тысячи.

— Значит, вы — маленькие повелители Галактики, да? Тысячи миров доводят себя до гибели, чтобы способствовать вашему благоденствию. Но вас можно назвать и иначе... — Дикарь пронзительно закричал: — Вы — стервятники!

— Стервятники? — переспросил Деви Ен, стараясь соотнести это слово с чем-нибудь знакомым.

— Пожиратели падали. Птицы, живущие в пустыне, которые ждут, пока какая-нибудь несчастная тварь не погибнет от жажды, а потом опускаются и пожирают ее.

От нарисованной картины Деви Ену чуть не стало худо, к горлу подступила тошнота.

— Нет-нет, мы помогаем всему живому, — едва слышно прошептал он.

— Вы, как стервятники, ждете, пока разразится война. Если хотите помочь — предотвратите войну. Не спасайте горсточку выживших. Спасите всех.

Хвост у Деви Ена задергался от внезапного волнения.

— А как предотвратить войну? Вы можете сказать мне это? Что такое предотвращение войны, как не противоположность развязыванию войны? Чтобы узнать одно, необходимо понять другое.

Но дикарь медлил. Наконец неуверенно сказал:

— Высадитесь на планету. Объясните положение вещей.

Деви Ен почувствовал острое разочарование. Из этого много не извлечешь. К тому же...

— Приземлиться среди вас? — воскликнул он. — Об этом не может быть и речи.

При мысли о том, что он вдруг очутится среди миллионов неприрученных крупных приматов, по телу его пробежала дрожь.

Возможно, отвращение так ясно отразилось на физиономии Деви Ена, что, несмотря на разделявший их биологический барьер-

ер, дикарь понял это. Он попытался кинуться на харрианина, но был буквально пойман в воздухе одним из маувов, которому стоило лишь чуть-чуть напрячь мускулы, чтобы сделать дикаря недвижимым.

Однако он успел крикнуть:

— Так сидите и ждите. Стервятник! Стервятник!

Прошло немало дней, прежде чем Деви Ен смог заставить себя вновь повидать дикаря.

Он чуть было не забыл проявить должную почтительность по отношению к Главному инспектору, когда тот потребовал дополнительных данных, необходимых для полного анализа психики диких крупных приматов.

— Я не сомневаюсь, — осмелился сказать Деви Ен, — что материала для ответа на наш вопрос более чем достаточно.

Нос Главного инспектора задержался; он задумчиво облизал его розовым языком.

— Для приблизительного ответа, возможно, да, но я не могу полагаться на такой ответ. Мы имеем дело с очень своеобразным видом крупных приматов. Это мы знаем. И не можем позволить себе ошибаться... Ясно одно: мы случайно напали на дикаря с высоким уровнем умственного развития. Если... если только это не норма для данной разновидности. — Мысль эта, видимо, привела Главного инспектора в расстройство.

Деви Ен заметил:

— Дикарь нарисовал мне ужасную картину... этот... эта птица... этот...

— Стервятник, — подсказал Главный инспектор.

— Если так рассуждать, вся наша миссия здесь предстает в совершенно ложном свете. С тех пор я почти ничего не ем и не сплю. Боюсь, мне придется просить отставки.

— Не раньше, чем мы окончим дело, которое на нас возложено, — твердо заявил Главный инспектор. — Полагаете, мне доставляет удовольствие думать об этом... этом пожирателе пад... Вы должны, вы обязаны получить больше данных.

Деви Ен кивнул. Он все прекрасно понимал. Главному инспектору, как и любому другому харрианину, не очень-то улыбалась мысль искусственно развязать атомную войну. Вот он и оттягивал решение, насколько возможно.

Деви Ен свылся с мыслью, что он должен еще раз увидеть крупного примата. Свидание это оказалось совершенно невыносимым и было последним.

На щеке дикаря красовался кровоподтек, словно он снова сопротивлялся маувам. Так оно и было. Он делал это бесчисленное множество раз, и как ни старались маувы не причинять ему вреда, время от времени они случайно задевали его. Казалось бы, видя, как его оберегают, дикарь должен был утихомириться. А вместо этого уверенность в своей безопасности словно толкала его на дальнейшее сопротивление.

«Эти крупные приматы злы, злы», — печально думал Деви Ен.

Больше часа разговор вертелся вокруг малоинтересных предметов, и вдруг дикарь произнес воинственным тоном:

- Сколько времени, говорите, вы, макаки, пробыли здесь?
- Пятнадцать лет по вашему календарю.
- Подходит. Первые летающие блюда были замечены сразу после Второй мировой войны. Сколько еще осталось до атомной?

Деви Ен машинально сказал правду:

- Мы бы и сами хотели это знать... — и вдруг остановился. Дикарь произнес:
- Я думал, атомная война неизбежна. В прошлый раз вы сказали, что ждете лишних десять лет. Значит, вы уже десять лет назад надеялись, что война начнется?

— Я не могу обсуждать с вами этот вопрос.

— Да? — Дикарь снова кричал. — Что же вы намерены предпринять? Сколько вы еще будете дожидаться? А почему бы вам не ускорить события? Вы не ждите, стервятник, вы сами начните войну.

Деви Ен вскочил на ноги.

— Что вы сказали?

— А почему же тогда вы еще здесь, чертовы... — Он проглотил совершенно непонятное Деви Ену бранное слово, затем продолжал: — Разве не так поступают стервятники, когда несчастное животное, а иногда и человек никак не могут расстаться с жизнью? Им некогда мешкать. Они кружат над своей жертвой и выклеывают у нее глаза. Они дожидаются, пока она окончательно

но не обессилит, а потом помогают ей побыстрее сделать последний шаг.

Деви Ен приказал немедленно увести его, а сам удалился в свою спальню. Его мутило. Всю ночь он не спал. В ушах у него пронзительно звучало слово «стервятник», а перед глазами неотступно стояла нарисованная приматом картина.

— Ваше главенство, — твердо сказал Деви Ен, — я больше не могу иметь дело с дикарем. Если вам нужна еще информация, обратитесь к кому-нибудь другому.

Главный инспектор заметно осунулся.

— Я знаю. Вся эта история насчет стервятников... Ее трудно переварить. А ему, вы заметили, хоть бы что. Для крупных приматов все это в порядке вещей. Они бесчувственны, бессердечны. Таков, видно, склад их ума. Ужасно!

— Я больше не могу предоставлять вам данные.

— Успокойтесь. Я вас понимаю... Кроме того, все дополнительные данные только подкрепляют первоначальный ответ, ответ, который я считал предварительным, от всего сердца надеялся, что он лишь предварительный. — Он обхватил голову поросшими седой шерстью руками. — Мы уже выяснили, как помочь им развязать атомную войну.

— О! Что же для этого нужно?

— Все так просто, так примитивно. Мне никогда не пришлось бы это в голову. И вам тоже.

— Что же это, ваше главенство? — Деви Ена уже заранее билась дрожь.

— Почему они не начинают войну? А потому что ни одна из почти равных по силе сторон не решается взять на себя ответственность за нарушение мира. Однако, если бы одна сторона начала, другая — будем глядеть правде в глаза — отплатила бы ей той же монетой.

Деви Ен кивнул.

Главный инспектор продолжал:

— Если одна-единственная атомная бомба упадет на территорию любой из враждующих сторон, пострадавшие предположат, что сбросила ее другая сторона. Вряд ли они станут дожидаться дальнейших атак; не пройдет и часа, как последует мощный удар. Другая сторона ответит тем же. И через несколько недель все будет кончено.

- Но как же мы заставим их бросить первую бомбу?
- Это вовсе не обязательно, капитан. В том-то и штука. Мы сами бросим эту первую бомбу.
- Что?! — У Деви Ена подкосились ноги.
- Это единственный выход. Проанализируйте склад ума крупных приматов, и вы увидите, что иного и ждать нельзя.
- Но как это осуществить?
- Мы изготовим бомбу. Это нетрудно. Затем наш корабль спустится вниз и сбросит ее над каким-нибудь населенным пунктом.
- Населенным?!!

Главный инспектор отвел глаза и виновато сказал:

- В противном случае это не даст нужного эффекта.
- Да, конечно, — пробормотал Деви Ен.

Перед его глазами парили стервятники; он ничего не мог с этим поделать. Он представлял их себе в виде огромных чешуйчатых птиц (вроде маленьких безвредных летающих созданий в Харрии, но во много раз больше), с крыльями, которые обтянуты кожей, напоминающей резину, с длинными, острыми клювами. Они кругами спускались вниз и выклевывали глаза у умирающих животных.

Он прикрыл руками лицо и сказал дрожащим голосом:

- Кто поведет корабль? Кто сбросит бомбу?

Голос Главного инспектора дрожал не меньше, чем у Деви Ена.

- Не знаю.
- Только не я, — прошептал Деви Ен. — Я не могу. И ни один харрианин не согласится на это. Ни за что на свете!

Главный инспектор стал раскачиваться взад и вперед. На него жалко было смотреть.

- Может быть, дать приказ маувам...
- Кто решится дать им такой приказ?

Главный инспектор тяжело вздохнул:

- Я вызову Совет. Сообщу им все данные. Пусть они что-нибудь придумают.

И вот, пробыв на Луне без малого пятнадцать лет, харриане демонтировали свою базу.

Ничего так и не было сделано. Крупные приматы Земли так и не начали атомную войну. Возможно, они ее никогда и не начнут.

И несмотря на то что ему предстояло пережить, Деви Ен был вне себя от счастья. К чему думать о будущем, когда сейчас, в настоящем, он улетал все дальше от этого самого жуткого из всех жутких миров.

Он смотрел, как Луна остается позади и превращается в сверкающую крупинку, а затем и планета и само солнце этой системы, пока вся она не затерялась среди остальных созвездий.

И только тогда в душе его проснулись и другие чувства, помимо чувства облегчения. И только тогда в уме его шевельнулась мысль о том, что все могло быть иначе.

— А вдруг все бы еще кончилось хорошо, если бы мы проявили побольше терпения, — сказал он Главному инспектору. — Как знать, возможно, они все-таки начали бы атомную войну.

— Сомневаюсь, — ответил Главный инспектор. — Психоанализ...

Он остановился, и Деви Ен понял, что он имел в виду. Дикаря спустили на планету, постаравшись причинить ему при этом как можно меньше вреда. События последних недель были стерты из его памяти. Его оставили возле небольшого населенного пункта, неподалеку от того места, где его похитили. Его соотечественники решат, что он заблудился, и сочтут, что он исхудал и потерял память из-за лишений, которые ему пришлось испытать.

Но какой вред причинил он сам!

Если бы они только не привозили его на Луну! Быть может, они примирились бы с мыслью, что им придется начать войну. Быть может, сами додумались бы сбросить бомбу и разработали бы для этого какую-нибудь сложную систему, пригодную для дальних расстояний.

Но картина, нарисованная перед ними диким приматом, особенно одно слово, всему положило конец. Когда все сведения были отосланы домой, в Харрию, впечатление, произведенное на Совет, было настолько сильным, что приказ демонтировать базу не заставил себя ждать.

Деви Ен сказал:

— Я никогда больше не буду принимать участие в колонизации.

— Боюсь, никому из нас не придется этого делать, — мрачно заметил Главный инспектор. — Дикари этой планеты выйдут в

космос, а если крупные приматы, при их образе мышления, окажутся на свободе в Галактике, это будет конец... конец...

Нос Деви Ена передернула судорога. Конец всему: всем тем благодеяниям, которые Харрия уже совершила в Галактике, всем благодеяниям, которые она продолжала бы оказывать в будущем.

Он произнес: «Мы должны были сбросить...» — и не кончил.

Какой смысл было говорить это? Они не могли сбросить бомбу даже ради блага всей Галактики. Иначе они сами уподобились бы крупным приматам, а есть вещи похуже, чем просто конец всему.

Деви Ен думал о стервятниках.

Маршалл Жебатински чувствовал себя полнейшим идиотом. У него было такое ощущение, что тысячи глаз разглядывают его сквозь грязное стекло лавки, нахально пялятся из-за шербатой деревянной загородки. Ему было ужасно не по себе в старом костюме, который он вытащил из шкафа, и в шляпе с опущенными полями — он в жизни не надел бы ее в любой другой ситуации. Да еще очки — Маршалл решил обойтись без них и не стал вынимать из футляра.

Жебатински чувствовал себя полнейшим идиотом, и от этого морщины у него на лбу стали глубже, а неопределенного возраста лицо слегка побледнело.

Вряд ли он смог бы объяснить кому-нибудь, почему физик-ядерщик решил посетить «специалиста» по магическим числам — нумеролога. («Никогда, — думал он. — Ни за что на свете».) Проклятье, он и себе-то не мог это объяснить. Разве что поддался на уговоры жены?

Нумеролог сидел за старым столом, наверняка купленным в магазине подержанных вещей. Никакой стол не может прийти в такое состояние, будучи собственностью одного человека. То же самое можно было сказать и про одежду невысокого темно-волосого человечка, который рассматривал Жебатински живыми черными глазками.

— Среди моих клиентов еще ни разу не попадались физики, доктор Жебатински, — произнес он.

— Надеюсь, вы понимаете, что никто не должен знать о моем визите, — вспыхнув, быстро проговорил Жебатински.

Нумеролог улыбнулся, возле рта появились морщинки, а кожа на подбородке натянулась.

— Я работаю строго конфиденциально.

— Знаете, полагаю, мне нужно вам сразу кое-что сказать. Я не верю в нумерологию и не рассчитываю поверить после визита к вам, — заявил Жебатински.

— В таком случае что вы тут делаете?

— Моя жена думает, что вы чем-то там обладаете, не знаю уж чем именно... Я пообещал ей — вот и пришел. — Он пожал плечами, и ощущение идиотизма всего происходящего стало почти невыносимым.

— А чего вы хотите? Денег? Безопасности? Более долгой жизни?

Жебатински долго сидел молча, пока нумеролог разглядывал его — спокойно, без признаков нетерпения, не стараясь подтолкнуть клиента, заставить заговорить поскорее.

«Интересно, — думал Жебатински, — и что же я ему скажу? Что мне тридцать четыре года и никаких перспектив, никакого будущего?»

— Я мечтаю об успехе, — ответил он наконец. — Мне нужно признание.

— Лучшая работа?

— Другая работа. Другой тип работы. Сейчас я являюсь членом команды и мной руководят. Команда!.. Исследовательская работа, субсидированная правительством, всегда делается командами. Ты превращаешься в скрипача, затерянного в огромном симфоническом оркестре.

— А вы мечтаете солировать?

— У меня больше нет желания быть членом команды, я хочу стать собой. — Жебатински вдруг охватило невероятное волнение, у него даже немного закружилась голова — ведь впервые в жизни он рассказывал о своих сокровенных мыслях не жене, а другому, совершенно чужому человеку. Он продолжал: — Двадцать пять лет назад с моим образованием и способностями я получил бы работу на одном из первых заводов, где применяется атомная энергия. Сегодня я бы руководил таким заводом или возглавлял бы исследовательскую группу в университете. А что ждет меня через двадцать пять лет? Ничего. Я по-прежнему останусь членом команды — который приносит пользы примерно

на два процента. Я тону в безымянной толпе физиков-ядерщиков! Мне просто необходимо выбраться на сушу, если вы понимаете, о чем я говорю.

Нумеролог кивнул:

— Надеюсь, вы сознаете, доктор Жебатински, что я не гарантирую успех.

Несмотря на то что Жебатински не верил в затею жены, его охватило разочарование.

— Не гарантируете успех? А что же тогда, черт побери, вы гарантируете?

— Иные возможности. В основе моего метода лежит статистика. Вы ведь имеете дело с атомами, следовательно, как мне кажется, должны понимать законы статистики.

— Вам так кажется? — ядовито переспросил физик.

— По правде говоря, именно так я и думаю. Я математик и имею дело с математикой. И говорю вам это вовсе не потому, что намерен повесить плату за свои услуги. Она стандартна. Пятьдесят долларов. Однако будучи ученым, вы лучше других моих клиентов сможете понять суть того, что я делаю. Если честно, я даже рад, что смогу вам все объяснить.

— Вот этого, честно говоря, не хотелось бы, — сказал Жебатински. — Числовое значение букв, их мистический смысл и тому подобные вещи меня не интересуют. Давайте перейдем к делу...

— Значит, я должен вам помочь, но не обременять ваше сознание всякими ненаучными глупостями и рассказывать, каким образом действует моя система, — так, что ли?

— Вот именно. Вы все правильно понимаете.

— И вы считаете, что я нумеролог... Однако я таковым не являюсь. Просто не хочу, чтобы меня беспокоила полиция и, — маленький человечек сухо рассмеялся, — психиатры. Я математик, и больше ничего.

Жебатински улыбнулся.

— Я занимаюсь компьютерами, — продолжал нумеролог. — И изучаю варианты будущего.

— Что?

— Вы считаете, что это еще хуже, чем нумерология? Почему? Если есть достаточно информации и компьютер, способный производить некоторое количество операций за определенное время, можно предсказывать будущее — по крайней мере, с точ-

ки зрения теории вероятности. Когда вы вводите в компьютер данные о передвижении ракеты, чтобы запустить противоракету, разве в этом случае вы не предсказываете будущее? Ракета-перехватчик не встретится с целью, если ваше предсказание окажется ошибочным. Я занимаюсь тем же самым. Поскольку я имею дело с большим количеством переменных величин, результаты моих исследований менее точны.

— Иными словами, вы собираетесь предсказать мое будущее?

— Весьма приблизительно. Сделав это, я модифицирую данные, изменив только ваше имя, и больше ничего. После этого запущу новую информацию в операционную систему. Потом попробую проделать то же самое с другими именами. Изучу все полученные варианты будущего и постараюсь отыскать тот, в котором для вас имеется возможность стать знаменитым. Нет-нет, подождите, я попытаюсь объяснить иначе. Я отыщу вариант будущего, в котором возможность признания ваших способностей будет выше, чем в настоящем.

— А зачем менять имя?

— По нескольким причинам. Во-первых, это совсем простое изменение. Ведь если я внесу какие-нибудь серьезные модификации или их будет слишком много, мне придется иметь дело с таким количеством переменных величин, что я буду не в состоянии интерпретировать результат. У меня не очень мощный компьютер. Во-вторых, это вполне разумный подход к решению проблемы. Ведь я же не в состоянии изменить ваш рост, цвет глаз или темперамент, правда? В-третьих, изменение имени — достаточно серьезная вещь. Имена играют исключительно важную роль в жизни людей. И наконец, в-четвертых, в наше время многие берут себе новые имена.

— А если вам не удастся найти для меня лучшего будущего? — спросил Жебатински.

— Хуже-то вам не станет, друг мой.

— Я не верю ни единому вашему слову. Скорее я готов проникнуться уважением к нумерологии. — Жебатински с сомнением посмотрел на маленького человечка.

— Мне казалось, — вздохнув, проговорил нумеролог, — что физик будет чувствовать себя спокойнее, если узнает правду. Я очень хочу помочь, и вам предстоит еще немало сделать. Если

бы вы считали меня нумерологом, у нас бы ничего не получилось. Я не сомневался, что, узнав правду, вы позволите мне оказать вам помощь.

— Если вы можете увидеть будущее... — начал Жебатински.

— Почему я тогда не самый богатый человек на свете? Вас это интересует? Знаете, я очень богат — у меня есть все, что нужно. Вы нуждаетесь в признании, а я люблю одиночество. Я делаю свою работу. Меня никто не трогает. И от этого я чувствую себя миллиардером. Денег мне нужно совсем немного, и я их получаю от людей вроде вас. Помогать другим приятно — психиатр, вероятно, сказал бы, что моя деятельность дает мне ощущение власти над людьми и тешит самолюбие. Итак, вы хотите, чтобы я вам помог?

— Сколько, вы сказали, это будет стоить?

— Пятьдесят долларов. Мне понадобятся ваши подробные биографические данные; я подготовил список вопросов, который облегчит вашу задачу. Он достаточно длинный, но тут уж ничего не поделаешь. Однако если вы сможете послать ответы почтой к концу этой недели, мы получим результат к... — Нумеролог выставил вперед нижнюю губу и нахмурился, производя устные расчеты, — к двадцатому числу следующего месяца.

— Пять недель? Так долго?

— У меня ведь есть и другая работа, друг мой, вы не единственный клиент. Если бы я был мошенником, то проделал бы все гораздо быстрее. Ну, договорились?

Жебатински встал.

— Хорошо, договорились... Строго между нами.

— Не сомневайтесь. Вы получите назад все свои анкеты, когда я сообщу вам, какие изменения необходимо внести. И еще — даю честное слово, что не стану использовать полученные сведения в собственных интересах.

Физик остановился в дверях.

— А вы не боитесь, что я вас разоблачу?

— А кто вам поверит, друг мой? — покачав головой, ответил нумеролог. — Даже если на минуточку представить себе, что вы кому-нибудь расскажете о своем визите ко мне.

Двадцатого Маршалл Жебатински стоял у облезлой двери, искоса поглядывая на маленькую табличку, гласившую: «Нумерология»; сквозь толстый слой пыли буквы были едва разли-

чимы. Жебатински осторожно заглянул внутрь, тайно надеясь, что там окажется какой-нибудь посетитель и тогда можно будет со спокойной совестью отправиться домой.

Он несколько раз пытался выбросить из головы мысли о своем первом визите сюда. Несколько раз принимался за анкету и откладывал ее в сторону. Почему-то это занятие его раздражало. Он чувствовал себя как-то глупо, переписывая имена друзей, отвечая на вопросы о том, сколько стоил дом и были ли у его жены выкидыши, а если были, то когда. Да, Маршалл Жебатински несколько раз откладывал анкету в сторону.

Но и забыть о ней окончательно и бесповоротно тоже не мог. И возвращался к ее дурацким вопросам каждый вечер.

Возможно, дело было в компьютере; в том, что наглый маленький человечек утверждал, будто у него есть компьютер. Жебатински не удержался перед соблазном рискнуть и посмотреть, что из всего этого получится.

В конце концов он послал сведения о себе почтой, решив, не взвешивая конверт, наклеить на него марок на девять центов. «Если письмо вернется, — решил он, — больше ничего делать не буду».

Письмо не вернулось.

А сейчас Жебатински стоял и заглядывал в лавку — там было пусто. Не оставалось ничего иного, как войти. Звякнул звонок.

Из-за занавески, прикрывавшей какую-то внутреннюю дверь, появился нумеролог.

— Да? Ах, это вы, доктор Жебатински.

— Вы меня помните? — Жебатински попытался улыбнуться.

— Конечно.

— Ну и каков приговор?

Старик потер руки с неровными шишковатыми пальцами.

— Прежде... сэр, одно маленькое дельце...

— Вы имеете в виду плату?

— Я же сделал работу, сэр. И заработал деньги.

Жебатински не стал возражать. Он был готов заплатить. Уж если он так далеко зашел, нет смысла поворачивать назад из-за денег.

Он достал пять десятидолларовых купюр и положил их на прилавок.

— Ну?

Нумеролог тщательно пересчитал деньги, а потом засунул их в ящичек кассы, стоявшей на прилавке.

— Ваш случай оказался невероятно интересным, — сказал он. — Я советую вам поменять имя на Себатински.

— Себа... Как это пишется?

— С-е-б-а-т-и-н-с-к-и.

Жебатински был искренне возмущен.

— Что, поменять первую, букву? Изменить «Ж» на «С»? И все?

— Да. Если такой маленькой замены оказывается достаточно, это просто замечательно, потому что вносить небольшие изменения всегда безопаснее.

— Послушайте, как может такая замена хоть на что-нибудь повлиять?

— А как вообще имя влияет на судьбу человека? — тихо спросил нумеролог. — Не знаю. И тем не менее это вполне возможно, больше мне нечего вам сказать. Я же вас предупреждал, что не даю никаких гарантий, не забыли? Естественно, если вы не хотите менять имя, оставьте все как есть. Но в этом случае я не верну вам ваших денег.

— И что же мне делать? — поинтересовался Жебатински. — Заявить всем, что теперь мое имя пишется с буквы «С»?

— Я бы посоветовал обратиться к адвокату. Измените имя законным путем. Адвокат посоветует, как это сделать.

— И сколько уйдет времени? Я имею в виду... ну, прежде чем моя жизнь станет другой?

— Откуда мне знать? Может быть, этого никогда не произойдет. А может быть, все изменится завтра.

— Но ведь вы же видели будущее. Вы утверждаете, что видели его.

— Ну, совсем не так, как вы думаете, — будто ваше будущее предстало передо мной в мерцающем хрустальном шаре. Нет, нет, доктор Жебатински. Мой компьютер выдал серию закодированных цифр. Я могу сообщить вам о возможных вариантах, но никаких красочных картин я не видел.

Жебатински повернулся и быстро вышел из лавки. Пятьдесят долларов за то, чтобы поменять одну букву в фамилии! Пятьдесят долларов за «Себатински»! Господи, ну и имя! Еще хуже, чем Жебатински.

Прошел еще целый месяц, прежде чем Жебатински решил-ся отправиться к адвокату. Он убеждал себя, что всегда сможет еще раз изменить имя, получить свое старое назад.

Нужно попробовать, убеждал он себя.

Черт подери, это ведь не запрещено законом.

Генри Бренд просматривал папку страницу за страницей, он был профессионалом и посвятил Службе безопасности четырнадцать лет своей жизни. Ему не требовалось обращать внимание на каждое слово. Любое несоответствие, любая странность сами привлекли бы его внимание.

— Этот парень кажется мне абсолютно чистым,— сказал он.

Генри Бренд тоже был абсолютно чистым: большое симпатичное брюшко, розовое, тщательно выбритое, словно только что умытое, лицо. Точно тот факт, что ему приходится иметь дело с разного рода неблагоприятными поступками, начиная от простого недомыслия и кончая возможным предательством, вынуждает его мыться чаще, чем это принято.

Лейтенант Альберт Квинси, который принес ему папку, был молод и исполнен чувства ответственности — он гордился тем, что является представителем Службы безопасности.

— Но почему Себатински? — настойчиво требовал он ответа.

— А почему бы и нет?

— Потому что это бессмыслица какая-то. Жебатински — иностранное имя, я бы и сам его изменил, но на что-нибудь англосаксонское. Если бы Жебатински сделал так, это было бы понятно, я бы даже и внимания на него не обратил. Но зачем менять «Ж» на «С»? Мне кажется, мы должны это выяснить.

— А его самого кто-нибудь спрашивал?

— Конечно. Естественно, в частной беседе. Я за этим проследил. Он говорил только, что ему ужасно надоело носить фамилию, которая начинается на последнюю букву алфавита*.

— Почему бы и нет, лейтенант?

— Это возможно, но ведь он мог поменять имя на Сэндс или Смит, если ему уж так хотелось, чтобы его фамилия началась с «С». И вообще, коли парень так утомился от буквы

---

* Z (Zebatinsky) — последняя буква английского алфавита.

«Ж», почему бы не изменить имя совсем и не взять букву «А»? Например... ну... Ааронс?

— Я бы сказал, что это не очень англосаксонское имя,— проворчал Бренд, а потом добавил: — Но ведь у нас ничего на него нет. Вряд ли мы можем предъявить ему обвинение только на том основании, что он хочет изменить фамилию, каким бы странным ни казалось нам его поведение.

У лейтенанта Квинси сделался ужасно несчастный вид.

— Ну-ка, выкладывайте, лейтенант,— проговорил Бренд,— у меня такое ощущение, что вас беспокоит что-то конкретное. Какие-то идеи? У вас есть теория относительно Жебатински? Признавайтесь, в чем дело?

Лейтенант нахмурился, светлые брови сошлись у переносицы, губы превратились в тонкую ниточку.

— Ну... проклятье, сэр, он же русский.

— Все нет,— возразил Бренд.— Он американец в третьем поколении.

— Я хотел сказать, что у него русское имя.

Обманчиво мягкое выражение покинуло лицо Бренда.

— И снова ошибка, лейтенант. Это польское имя.

Лейтенант сердито вскинул руки, ладонями вверх.

— Какая разница!

Девичья фамилия матери Бренда была Вишевская, поэтому он повысил голос:

— Никогда не говорите этого поляку, лейтенант,— и, немного подумав, добавил: — Или русскому.

— Я только имел в виду, сэр,— лейтенант покраснел,— что поляки и русские находятся по другую сторону «железного занавеса».

— Кто же этого не знает?

— А у Жебатински или Себатински, не важно, как мы станем его называть, там могут быть родственники.

— Уже три поколения Жебатински живут в нашей стране. У него, конечно, могут быть там какие-нибудь троюродные братья. Ну и что из того?

— Само по себе это ничего не значит. Многие имеют там дальних родственников. Только вот Жебатински решил изменить имя.

— Продолжайте.

— Может быть, он хочет отвлечь внимание. Может быть, какой-нибудь троюродный брат Жебатински стал там слишком знаменит, и наш боится, что это помешает ему здесь, лишит его возможности продвижения по службе или еще что-нибудь в таком же духе.

— Изменение имени тут не поможет. Они же все равно останутся родственниками.

— Конечно, но он, возможно, думает, что это не будет так бросаться в глаза.

— Вы что-нибудь слышали о каком-нибудь Жебатински на той стороне?

— Нет, сэр.

— В таком случае вряд ли он очень знаменит. И откуда может наш Жебатински знать о нем?

— А почему бы ему не поддерживать связи со своими родственниками? Это, конечно, выглядело бы весьма подозрительно — он же физик-ядерщик.

Бренд снова и весьма методично просмотрел папку.

— По-моему, все это притянута за уши, лейтенант. Очень маловероятно.

— А у вас есть какое-нибудь другое объяснение, сэр, почему он решил изменить свою фамилию именно таким образом?

— Нет. Согласен, я не могу этого никак объяснить.

— В таком случае, сэр, я считаю, нам следует немножко покопаться в этом деле. Поищем человека по имени Жебатински там, у них, и посмотрим, можно ли как-нибудь связать его с нашим. — Лейтенанту пришла новая идея, и он заговорил немножго громче: — Возможно, парень решил изменить фамилию, чтобы отвлечь наше внимание от них. Ну, чтобы защитить их.

— Мне кажется, он добился прямо противоположного результата.

— Может быть, он этого не понимает, и все же такой мотив нельзя сбрасывать со счетов.

— Ладно, — вздохнул Бренд, — займемся этими Жебатински. Но если нам не удастся отыскать ничего определенного, закроем дело, лейтенант. Оставьте мне папку.

Когда информация наконец добралась до Бренда, он успел забыть о лейтенанте с его теориями. Получив список польских и русских граждан, носящих фамилию Жебатински, и их подроб-

ные биографии, он первым делом подумал: «А это еще что такое, черт возьми?»

Потом вспомнил, выругался про себя и принялся читать.

Начиналось все с американского Жебатински: Маршалл Жебатински (отпечатки пальцев прилагаются) родился в Буффало, штат Нью-Йорк (дата рождения, выписка из больничной карты). Его отец тоже родился в Буффало, мать в Осуиго, штат Нью-Йорк. Родители его отца родились в Белостоке, Польша (дата въезда в Соединенные Штаты, дата получения гражданства, фотографии).

Семнадцать русских и польских граждан по фамилии Жебатински все до единого были потомками людей, которые примерно полвека назад жили неподалеку от Белостока. Можно предположить, что все они родственники, но ни в одном случае это не доказано определенно. (Статистические данные в Восточной Европе после Первой мировой войны собирались и хранились весьма недобросовестно, если вообще кто-нибудь этим занимался.)

Бренд просмотрел истории жизни современных Жебатински, мужчин и женщин (просто потрясающе, с какой тщательностью была проделана работа; наверное, русская служба безопасности работает так же). Бренда заинтересовала одна биография — брови тут же полезли вверх, он нахмурился. Отложил папку в сторону и продолжил изучение остальных. В конце концов сложил все папки в стопку, все, кроме той, которая заинтересовала его, и, задумчиво глядя вдаль, долго постукивал аккуратным, ухоженным ногтем по своему столу. Потом неохотно отправился звонить доктору Полу Кристову из Комиссии по атомной энергии.

Доктор Кристов слушал его с каменным выражением на лице. Только время от времени касался мизинцем носа, напоминающего огромную картофелину, словно хотел смахнуть крошечную пылинку. У него были стального цвета седые волосы, коротко стриженные и весьма немногочисленные.

— Нет, я ничего не слышал о русском Жебатински. Впрочем, я и об американском ничего не слышал, — признался он.

— Ну, — Бренд почесал висок, — лично я не думаю, что в этом что-то есть, но мне не хочется откладывать в сторону расследование. На меня насаждает один молодой лейтенант — вы же зна-

ете, они бывают весьма настырными. В мои планы совсем не входит отчитываться перед комиссией Конгресса. Кроме того, один из русских Жебатински, Михаил Андреевич, является физиком-ядерщиком. Вы уверены, что никогда о нем не слышали?

— Михаил Андреевич Жебатински? Нет... нет, никогда.

— Можно было бы посчитать все это простым совпадением, но выглядит оно как-то странно. Один Жебатински здесь и еще один Жебатински там, оба физики-ядерщики, а наш вдруг решает поменять фамилию на Себатински, причем ведет себя чрезвычайно настойчиво. Ни за что не соглашается на другое написание. Требуем: «Пишите мое имя через “С”». Этого вполне достаточно, чтобы некий подозрительный лейтенант, которому всюду мерещатся шпионы, оказался на минуточку прав... И вот еще что странно: русский Жебатински около года назад неожиданно куда-то исчез.

— Его казнили! — уверенно проговорил доктор Кристов.

— Может быть. При обычных обстоятельствах я бы именно так и подумал, хотя русские не глупее нас и не убивают физиков-ядерщиков в ситуациях, когда тем можно сохранить жизнь. Существует другая причина, по которой физик может неожиданно пропасть из виду. Надеюсь, нет необходимости объяснять вам, что это за причина.

— Исследования, сверхсекретные. Вы это имеете в виду?

— Если рассматривать все в совокупности, добавить сюда интуицию лейтенанта... Знаете, у меня появились определенные сомнения.

— Ну-ка, дайте мне эту биографию! — Доктор Кристов потянулся за листком бумаги и дважды внимательно прочитал написанное. Покачал головой, а потом сказал: — Нужно проверить в «Статьях по ядерным исследованиям».

«Статьи по ядерным исследованиям» занимали целую стенку в кабинете доктора Кристова, где микрофильмы лежали в аккуратных маленьких ящичках.

Представитель Комитета по атомным исследованиям занялся проектором, а Бренд призвал на помощь все терпение, которое только имелось у него в наличии.

— Некий Михаил Жебатински был автором и соавтором дюжины статей, напечатанных в советских журналах за последние

шесть лет. Сейчас найдем эти статьи и посмотрим, что можно из них извлечь. Вряд ли это что-нибудь серьезное.

Селекторное устройство отобрало нужные микрофильмы. Доктор Кристов сложил их, потом запустил в проектор, и вдруг у него на лице появилось удивление:

— Как странно...

— Что странно? — спросил Бренд.

Доктор Кристов откинулся на спинку кресла.

— Пока еще рано что-либо говорить, но не могли бы вы достать мне список имен других физиков-ядерщиков, пропавших из виду в Советском Союзе за последний год?

— Иными словами, вам удалось кое-что нащупать?

— Не совсем. По крайней мере, сами эти статьи мне ни о чем не говорят. Только вот если рассматривать их с точки зрения секретного исследования и учесть подозрения, которые вы во мне поселили своими вопросами... — Он пожал плечами. — Пока ничего конкретного.

— Может, расскажете, что у вас на уме? — серьезно проговорил Бренд. — Я ведь могу составить вам компанию — будем вдвоем чувствовать себя идиотами.

— Ну, если вам так хочется... Существует возможность, что этот человек заинтересовался гамма-излучением.

— Разъясните.

— Если удастся создать экран против гамма-лучей, можно будет построить индивидуальные убежища, которые будут защищать от радиоактивных осадков. Вы же должны знать, что главную опасность представляют именно радиоактивные осадки. Водородная бомба может уничтожить город, а вот осадки в состоянии покончить с населением на огромных территориях.

— А мы занимаемся подобными исследованиями? — быстро спросил Бренд.

— Нет.

— И если они получают такой экран, а мы нет, они смогут уничтожить Соединенные Штаты, потеряв, скажем, всего десять городов?

— Ну, это дело далекого будущего... Кроме того, на чем основаны наши с вами подозрения? На том, что какой-то человек решил изменить одну букву в своей фамилии.

— Ну хорошо, предположим, я спятил,— согласился Бренд.— Но я не собираюсь закрывать это дело на данном этапе. Только не на данном этапе. Я достану вам список исчезнувших физиков, даже если мне придется слетать за ним в Москву.

Бренд достал список. Они с доктором Кристовым внимательно просмотрели работы этих физиков. Собрали всех членов Комиссии, а потом лучших физиков-ядерщиков страны. Доктор Кристов ушел с ночного заседания, которое посетил сам президент.

Его поджидал Бренд. У обоих был измученный вид, в последнее время они явно недосыпали.

— Ну? — спросил Бренд.

— Большинство с нами согласны,— кивнул Кристов.— Кое-кто еще сомневается, но большинство согласны.

— А вы? Вы уверены?

— Я ни в чем не уверен, но вот что я вам скажу: гораздо легче поверить в то, что русские работают над защитой от гамма-лучей, чем в то, что все обнаруженные нами данные никак не связаны между собой.

— Приняли решение, что и мы должны заняться такими же исследованиями?

— Да.— Кристов попытался пригладить свои короткие, похожие на щетину волосы.— Мы собираемся уделить этой проблеме самое серьезное внимание. Изучив работы тех физиков, что исчезли с горизонта, мы сможем быстро догнать русских. Может быть, нам даже удастся их обойти... Они, естественно, узнают о том, чем мы занимаемся.

— Ну и отлично,— сказал Бренд.— Пусть узнают. Тогда не станут на нас нападать. Не думаю, что будет правильно отдать им десять наших городов, чтобы взамен получить десять их; если им станет известно, что мы изобрели защитный экран,— замечательно.

— Только не слишком рано. Мы же не хотим, чтобы они обо всем узнали слишком рано. А как насчет американского Жебатински-Себатински?

Бренд покачал головой:

— Он никак со всем этим не связан, мы ничего не нашли — пока. О господи, мы искали, тут вы можете не сомневаться! Я, ес-

тественно, с вами согласен. Сейчас он находится в весьма неподходящем месте, и мы не можем себе позволить, чтобы он там оставался, даже если он и абсолютно чист.

— Но и выбросить его с работы просто так, без причины, мы тоже не можем, потому что тогда у русских возникнут подозрения.

— У вас есть какие-нибудь идеи?

Они шли по пустому, длинному коридору в сторону лифта, было четыре часа утра.

— Я интересовался его деятельностью, — сказал доктор Кристов. — Жебатински хороший работник, лучше многих, но недоволен своим положением. Он не создан для работы в команде.

— И что?

— Этот человек скорее подходит для академической карьеры. Если мы сможем устроить так, что какой-нибудь большой университет предложит ему преподавать физику, он с удовольствием согласится. Там он будет занят интересным делом, а мы вытащим его из «неподходящего» места. Кроме того, мы сможем за ним присматривать, да и вообще, это будет настоящее продвижение по службе. И русские ничего не заподозрят. Ну как?

— Отличная идея, — согласился Бренд. — Звучит великолепно. Доложу шефу.

Они вошли в лифт, и только тут Бренд подумал о том, к какому забавному повороту событий привело желание человека поменять одну букву в своей фамилии.

Маршалл Себатински был так взволнован, что с трудом мог говорить.

— Клянусь, понятия не имею, как все это произошло, — сказал он жене. — Я был уверен, что меня и не замечают... О господи, Софи, адъюнкт-профессор, преподаватель физики в Принстоне. Ты только подумай!

— Может быть, это благодаря твоему выступлению на заседании Американской ассоциации физиков? — предположила Софи.

— Сомневаюсь. Доклад стал таким тоскливым после того, как его раскритиковали все, кому не лень, в нашей группе. — Он шелкнул пальцами. — Это, наверное, Принстон меня проверял. Вот именно. Знаешь, за последние полгода мне пришлось запол-

нить целое море анкет; да и разные интервью, о целях которых мне не говорили. Честно говоря, я уже решил, что попал под подозрение и меня вот-вот обвинят в шпионаже... а на самом деле мной заинтересовался Принстон! Надо сказать, они делают свою работу весьма тщательно.

— А может, дело в твоём имени,— сказала Софи.— Я имею в виду, что ты поменял фамилию.

— Ну вот теперь ты увидишь. Наконец-то моя профессиональная жизнь будет принадлежать только мне. Уж я развёлся! Как только у меня появится возможность работать без...— Он неожиданно замолчал и повернулся к жене: — Имя! Ты имела в виду «С»?

— Ты ведь получил это предложение после того, как поменял фамилию, разве не так?

— Ну, по правде говоря, далеко не сразу. Нет, это наверняка лишь совпадение. Я и раньше тебе говорил, что выбросил на ветер пятьдесят долларов исключительно ради того, чтобы ублажить тебя. Господи, каким идиотом я себя чувствовал последнее время, настаивая на том, чтобы мою фамилию теперь писали с этой дурацкой буквы «С».

Софи немедленно бросилась в атаку:

— Я не заставляла тебя, Маршалл. Просто предложила, и все, я ни на чем не настаивала. И не надо утверждать, что это все из-за меня. Кроме того, получилось-то как нельзя лучше. Я не сомневаюсь, что дело в твоём имени.

— По-моему, это предрассудки,— снисходительно улыбнулся Себастьянски.

— А мне наплевать, как ты это называешь, ты ведь не собираешься менять фамилию назад?

— Ну нет, зачем? Мне с таким трудом удалось приучить всех писать её с буквы «С», что я даже боюсь подумать о том, что придется возвращать все назад и, следовательно, подвергнуться новым страданиям. Может быть, следовало взять фамилию Джонс, а? — Он истерично рассмеялся.

Но Софи была совершенно серьёзна.

— И думать забудь.

— Да ладно, ладно, я пошутил. Знаешь, зайду-ка я к тому старикашке как-нибудь на днях, скажу, что все получилось, и дам ему ещё десятку. Ну, довольна?

Себатински был настолько счастлив, что на следующей неделе отправился выполнять свое обещание. На этот раз он не стал одеваться так, чтобы его никто не узнал. Был в очках, своем обычном костюме и без шляпы.

Подходя к лавке, он даже что-то тихонько мурлыкал себе под нос, а увидев женщину с измученным тоскливым лицом, толкающую перед собой коляску с близнецами, галантно отошел в сторону и уступил ей дорогу.

Положил ладонь на ручку двери, но она почему-то не поддавалась — дверь была закрыта на замок. Пыльная, потускневшая табличка с надписью «Нумеролог» исчезла, Себатински заметил это только сейчас, когда принялся разглядывать дверь, на которой теперь красовалась другая надпись на бумажке, уже слегка пожелтевшей на солнце и истрепанной ветром: «Сдается».

Себатински пожал плечами. Ну что же, он ведь попытался.

Хэраунд был счастлив, что наконец избавился от телесной оболочки, и весело резвился, а его энергетическое облако бледно-пурпурным сиянием освещало кубические гипермили.

— Я победил? Я победил?

Местак был задумчив, его облако напоминало яркую сферу в гиперпространстве.

— Я еще не сделал всех необходимых расчетов.

— Так давай, не тяни. Результат не изменится, сколько ни считай. Ох, приятно все-таки снова оказаться в чистой энергии. Конечно, я находился в телесной оболочке всего микроцикл, но эта оболочка была такой старой, почти негодной. Зато я тебе доказал, что был прав, так что стоило и помучиться немного!

— Ну хорошо, я готов признать, что ты предотвратил ядерную войну на этой планете,— согласился Местак.

— Разве это не эффект класса А?

— Это эффект класса А. Я и не спорю.

— Отлично. А теперь тебе придется согласиться, что мне удалось получить эффект класса А при помощи стимула класса Р. Я изменил одну букву всего в одной фамилии.

— Что?

— А, да ладно. Вот оно все здесь, перед тобой. Посмотри, я сделал это специально для тебя.

— Сдаюсь,— неохотно сказал Местак.— Стимул класса Р.

— Значит, я победил. Ну же, признай!

— Как только Наблюдателю об этом станет известно, нам обоим не поздоровится.

Хэраунд, который изображал старого нумеролога на Земле и еще не очень пришел в себя от облегчения, что перестал им быть, сказал:

— Когда ты заключал со мной пари, тебя это не очень беспокоило.

— Ну, я был уверен, что ты не настолько глуп, чтобы заниматься подобными вещами.

— Фу, кончай расходовать энергию попусту! Кроме того, чего беспокоиться? Наблюдатель в жизни не заметит стимул класса Р.

— Может, и не заметит, зато он обязательно обратит внимание на эффект класса А. Эти телесные будут тут и через дюжину микроциклов. Наблюдатель обязательно обратит на них внимание.

— Проблема заключается в том, Местак, что ты не хочешь платить. Вот и придумываешь всякие причины.

— Да заплачу я тебе! Вот посмотришь, что будет, когда Наблюдатель узнает, что мы с тобой взяли за проблему, решать которую нам никто не поручал, да еще и внесли недозволенное изменение. Конечно, если бы мы...— Он замолчал.

— Ладно,— сказал Хэраунд,— вернем все обратно. Он ничего и не узнает.

Энергетическое облако Местака засветилось ярче, в нем появился плутоватый блеск.

— Тебе понадобится другой стимул класса Р, если ты хочешь, чтобы он ничего не заметил.

— Ну и что, с этим я справлюсь без особых проблем,— не совсем уверенно проговорил Хэраунд.

— Сомневаюсь.

— А вот и справлюсь.

— Давай заключим пари? — В сиянии Местака появилось ликование.

— Почему бы и нет? — Хэраунда раззадорил спор.— Я сделаю так, что эти телесные окажутся ровно там, где были, а Наблюдатель ничего и не заподозрит.

— В таком случае,— Местак решил воспользоваться своей победой по максимуму,— давай забудем о первом пари. Устроим ставку за второе.

Возбуждение охватило Хэраунда.

— Отлично, согласен. Ставка утроена.

— Значит, договорились?

— Договорились.

ЧУВСТВО СИЛЫ

Джехан Шуман привык иметь дело с высокопоставленными людьми, руководящими раздираемой распрями планетой. Он был штатским, но составлял программы для автоматических счетных машин самого высшего порядка. Поэтому генералы прислушивались к нему. Председатели комитетов Конгресса — тоже.

Сейчас в отдельном зале Нового Пентагона было по одному представителю тех и других. Генерал Уэйдер был темен от космического загара, и его маленький ротик сжимался кружочком. У конгрессмена Бранта было гладко выбритое лицо и светлые глаза. Он курил денебианский табак с видом человека, патриотизм которого достаточно известен, чтобы он мог позволить себе такую вольность.

Высокий, изящный Шуман, программист I класса, глядел на них без страха.

— Джентльмены,— произнес он,— это Майрон Ауб.

— Человек с необычайными способностями, открытый вами случайно,— безмятежно сказал Брант.— Помню.

Он разглядывал маленького лысого человечка с выражением снисходительного любопытства.

Человечек беспокойно шевелил пальцами и то и дело переплетал их. Ему никогда еще не приходилось сталкиваться со столь великими людьми. Он был всего лишь пожилым техником низшего разряда; когда-то он проваливался на всех экзаменах, призванных обнаружить в человечестве наиболее одаренных, и с тех пор застрял в колее неквалифицированной работы.

У него была одна страстишка, о которой пронюхал великий программист и вокруг которой поднимал такую страшную шумиху.

Генерал Колдер сказал:

— Я нахожу эту атмосферу таинственности детской.

— Сейчас вы увидите, — возразил Шуман. — Это не такое дело, чтобы рассказывать первому встречному. Ауб! — В том, как он бросил это односложное имя, было что-то повелительное, но так подобало говорить великому программисту с простым техником. — Ауб, сколько будет, если девять умножить на семь?

Ауб поколебался; в его бледных глазах появилась тревога.

— Шестьдесят три, — сказал он.

Конгрессмен Брант поднял брови:

— Это верно?

— Проверьте сами, сэр.

Конгрессмен достал из кармана счетную машинку, дважды передвинул ее рычажки, поглядел на циферблат у себя на ладони, потом сунул машинку обратно.

— Это вы и хотели нам показать? — спросил он. — Фокусника?

— Больше чем фокусника, сэр. Ауб запомнил несколько простых операций и с их помощью ведет расчеты на бумаге.

— Бумажный счетчик, — вставил генерал со скучающим видом.

— Нет, сэр, — терпеливо возразил Шуман. — Совсем не то. Просто листок бумаги. Генерал, будьте любезны задать число!

— Семнадцать, — сказал генерал.

— А вы, конгрессмен?

— Двадцать три.

— Хорошо! Ауб, перемножьте эти числа и покажите джентльменам, как вы это делаете.

— Да, программист, — сказал Ауб, втянув голову в плечи. Из одного кармана он извлек блокнотик, из другого — тонкий автоматический карандаш. Лоб у него собрался складками, когда он выводил на бумаге затейливые значки.

Генерал Уэйдер резко бросил ему:

— Покажите, что там.

Ауб подал ему листок, и Уэйдер сказал:

— Да, это число похоже на семнадцать.

Брант кивнул головой:

— Верно, но, мне кажется, скопировать цифры со счетчика сможет всякий. Думаю, что мне и самому удастся нарисовать семнадцать, даже без практики.

— Разрешите Аубу продолжать, джентльмены, — бесстрастно произнес Шуман.

Ауб снова взялся за работу, руки у него слегка дрожали. Наконец он произнес тихо:

— Это будет триста девяносто один.

Конгрессмен Брант снова достал свой счетчик и защелкал рычажками.

— Черт возьми, верно! Как он угадал?

— Он не угадывает, джентльмены, — возразил Шуман. — Он рассчитал результат. Он сделал это на листке бумаги.

— Чепуха, — нетерпеливо произнес генерал. — Счетчик — это одно, а значки на бумаге — другое.

— Объясните, Ауб, — приказал Шуман.

— Да, программист. Ну вот, джентльмены, я пишу семнадцать, а под ним двадцать три. Потом я говорю себе: семь умножить на три.

Конгрессмен прервал мягко:

— Нет, Ауб, задача была умножить семнадцать на двадцать три.

— Да, я знаю, — серьезно ответил маленький техник, — но я начинаю с того, что умножаю семь на три, потому что так получается. А семь умножить на три — это двадцать один.

— Откуда вы это знаете? — спросил конгрессмен.

— Просто запомнил. На счетчике всегда получается двадцать один. Я проверял много раз.

— Это значит, что так будет получаться всегда, не правда ли? — заметил конгрессмен.

— Не знаю, — пробормотал Ауб. — Я не математик. Но, видите ли, у меня всегда получаются правильные ответы.

— Продолжайте.

— Три умножить на семь — это двадцать один, так что я и пишу двадцать один. Потом трижды один — три, так что я пишу тройку под двойкой...

— Почему под двойкой? — прервал вдруг Брант.

— Потому что... — Ауб обратил беспомощный взгляд к своему начальнику. — Это трудно объяснить.

Шуман вмешался:

— Если вы примете его работу, как она есть, то подробно-сти можно будет поручить математикам.

Брант согласился.

Ауб продолжал:

— Два да три — пять, так что из двадцати одного получается пятьдесят один. Теперь оставим это на время и начнем заново. Перемножим семь на два, будет четырнадцать, потом один и два, это будет два. Сложим, как раньше, и получим тридцать четыре. И вот, если написать тридцать четыре вот так под пятью-десятью одним и сложить их, то получится триста девяносто один. Это и будет ответ.

Наступило минутное молчание, потом генерал Уэйдер ска-зал:

— Не верю. Он городит чепуху, складывает числа и умно-жает их так и этак, но я ему не верю. Это слишком сложно, чтобы могло быть разумным.

— О нет, сэр, — смятенно возразил Ауб. — Это только кажет-ся сложным, потому что вы не привыкли. В действительности же правила довольно просты и годятся для любых чисел.

— Для любых? — переспросил генерал. — Ну так вот. — Он достал свой счетчик (военную модель строгого стиля) и поставил его наугад. — Помножьте на бумажке — пять, семь, три, восемь. Это значит... Это значит пять тысяч семьсот тридцать восемь.

— Да, сэр, — сказал Ауб и взял новый листок бумаги.

— Теперь... — Генерал снова заработал счетчиком. — Пиши-те: семь, два, три, девять. Число семь тысяч двести тридцать де-вять.

— Да, сэр.

— А теперь перемножьте их.

— Это займет много времени, — прошептал Ауб.

— Не важно.

— Валяйте, Ауб, — весело сказал Шуман.

Ауб принялся за дело. Он брал один листок за другим. Гене-рал достал часы и засек время.

— Ну что, кончили колдовать, техник? — спросил он.

— Сейчас кончу, сэр... Готово: сорок один миллион пятьсот тридцать семь тысяч триста восемьдесят два. — Ауб показал записанный результат.

Генерал Уэйдер недоверчиво улыбнулся, передвинул контакты умножения на своем счетчике и подождал, пока цифры останятся. А потом взглянул и сказал с величайшим изумлением:

— Великая Галактика, это верно!

Президент Всепланетной Федерации позволил подвижным чертам своего лица принять выражение глубокой меланхолии. Денебианская война, начавшаяся как широкое, популярное движение, выродилась в скучное маневрирование и контрманеврирование, сопровождавшееся постоянно растущим на Земле недовольством. Вероятно, оно росло и на Денебе.

А тут конгрессмен Брант, глава важного военного комитета, беспечно тратит свою получасовую аудиенцию на разговоры о чепухе.

— Расчеты без счетчика, — нетерпеливо произнес президент, — это противоречие понятий.

— Расчеты, — возразил конгрессмен, — это только система обработки данных. Их может сделать машина, может сделать и человеческий мозг. Позвольте привести пример. — И, пользуясь недавно приобретенными знаниями, он получал суммы и произведения, пока президент не заинтересовался против своей воли.

— И это всегда выходит?

— Каждый раз, сэр. Это абсолютно надежно.

— Трудно ли этому научиться?

— Мне понадобилась неделя, чтобы понять по-настоящему. Думаю, что дальше будет легче.

— Хорошо, — сказал президент, подумав, — это интересная салонная игра, но какая от нее польза?

— Какая польза от новорожденного ребенка, дорогой президент? В данный момент пользы нет, но разве вы не видите, что это указывает нам путь к освобождению от машины? Подумайте, сэр. — Конгрессмен встал, и в его звучном голосе автоматически появились интонации, к которым он прибегал в публичных дебатах. — Денебианская война — это война между вычислительными машинами. Денебианские счетчики создают непрони-

цаемый заслон против нашего обстрела, наши счетчики — против их обстрела. Как только мы улучшаем работу своих счетчиков, другая сторона делает то же, и такое жалкое, бесцельное равновесие держится уже пять лет. А теперь у нас есть способ, позволяющий обойтись без счетчика, перепрыгнуть через него, обогнать его. Мы можем сочетать механику расчетов с человеческой мыслью; мы можем получить эквивалент счетчикам, миллионам их. Я не могу предсказать все последствия в точности, но они будут неисчислимыми. А если Денеб будет продолжать упрямиться, они могут стать катастрофическими.

Президент смутился:

— Чего вы от меня хотите?

— Чтобы вы поддержали в административном отношении секретный проект, касающийся людей-счетчиков. Назовем его проект «Число», если хотите. Я могу поручиться за свой комитет, но мне нужна административная поддержка.

— Но каковы пределы возможностей для людей-счетчиков?

— Пределов нет. По словам программиста Шумана, познакомившего меня с этим открытием...

— Я слышал о Шумане.

— Да. Так вот, доктор Шуман говорит, что теоретически счетная машина не может делать ничего такого, чего не мог бы сделать человеческий мозг. Машина попросту берет некоторое количество данных и производит с ними конечное количество операций. Человек может воспроизвести этот процесс.

Президент долго обдумывал слова Бранта, потом сказал:

— Если Шуман говорит, что это так, то я готов поверить ему — теоретически. Но практически: может ли кто-нибудь знать, как счетная машина работает?

Брант вежливо засмеялся:

— Да, господин президент, я тоже спрашивал об этом. По-видимому, было время, когда счетные машины проектировались людьми. Конечно, эти машины были очень простыми — ведь это было еще до того, как были разработаны способы использования одних счетчиков для проектирования других, более совершенных.

— Да-да, продолжайте.

— Очевидно, техник Ауб в свободное время занимался восстановлением некоторых старых устройств; в процессе работы

он изучал их действия и решил, что может воспроизвести их. Умножение, проделанное мною сейчас, — это только воспроизведение работы счетной машины.

— Поразительно!

Конгрессмен слегка откашлялся.

— Разрешите мне указать еще на одну сторону вопроса. Чем больше мы будем развивать это дело, тем меньше усилий нам потребуется на производство счетных машин и их обслуживание. Их работу возьмет на себя человек, а мы сможем использовать все больше энергии на мирные цели, и средний человек будет все меньше ощущать гнет войны. А это, конечно, полезно для правящей партии.

— Вот как, — сказал президент, — теперь я вижу, к чему вы клоните. Хорошо, садитесь, сэр, садитесь. Мне нужно подумать обо всем этом... А сейчас покажите-ка мне еще раз фокус с умножением. Посмотрим, сумею ли я разобраться в нем и повторить.

Программист Шуман не пытался торопить события. Лессер был консервативен, очень консервативен и любил работать с вычислительными машинами, как работали его отец и дед. Кроме того, он контролировал концерн по производству вычислительных машин, и если его удастся убедить примкнуть к проекту «Число», то это откроет большие возможности.

Но Лессер упирался. Он сказал:

— Я не уверен, что мне понравится идея отказаться от вычислительных машин. Человеческий ум — капризная штука. А машина дает на одну и ту же задачу всегда один и тот же ответ. Кто поручится, что человек будет делать то же?

— Разум человека, расчетчик Лессер, только манипулирует фактами. Делает ли это он или машина — не важно. То и другое — только орудия.

— Да-да. Я проследил за вашим остроумным доказательством того, что человек может воспроизвести работу машины, но мне это кажется несколько неопределенным. Я могу согласиться с теорией, но есть ли у нас основания думать, что теорию можно превращать в практику?

— Думаю, сэр, что есть. В конце концов, вычислительные машины существовали не всегда. У пещерных людей, с их греб-

ными судами, каменными топорами и железными дорогами, таких машин не было.

— Должно быть, они и не вели расчетов.

— Можете не сомневаться. Даже для строительства железной дороги или пирамиды нужно уметь рассчитывать, а они это делали без тех вычислительных машин, какими пользуемся мы.

— Вы хотите сказать — они считали так, как вы мне показали?

— Может быть, и не так. Этот способ — мы назвали его «графитикой», от древнего слова «графо», то есть «пишу», — разработан на основе счетчиков, так что он не мог предшествовать им. Но все-таки у древних людей должен был быть какой-то способ, верно?

— Забытое искусство! Если вы говорите о забытых искусствах...

— Нет-нет. Я не сторонник этой теории, хотя и не скажу, что она невероятна. В конце концов, человек питался зернами злаков до введения гидропоники, и если первобытные народы ели зерно, то должны были выращивать злаки в почве. Как иначе они могли это делать?

— Не знаю, но поверю в выращивание из почвы, когда увижу, что кто-нибудь вырастил так что-либо. И поверю в добывание огня путем трения двух кремней друг о друга, если увижу, что кому-то это удалось.

Шуман заговорил примирительно:

— Давайте будем держаться графитики. Это только часть процесса эфемеризации. Транспорт с его громоздкими приспособлениями уступает место непосредственному телекинезу. Средства связи становятся все менее массивными и более надежными. А сравните свой карманный счетчик с неуклюжими машинами тысячелетней давности. Почему бы не сделать еще один шаг и не отказаться от счетчиков совсем? Послушайте, сэр, проект «Число» — верное дело; прогресс налицо. Но нам нужна ваша помощь. Если вас не трогает патриотизм, то подумайте об интеллектуальной романтике!

Лессер возразил скептически:

— Какой прогресс?.. Что вы умеете делать, кроме умножения? Сумеете вы проинтегрировать трансцендентную функцию?

— Со временем сумею, сэр. Со временем. С месяц назад я научился производить деление. Я могу находить, и находить правильно, частное в целых и десятичных.

— В десятичных? До какого знака?

Программист Шуман постарался сохранить небрежный тон:

— До какого угодно.

Лицо у Лессера вытянулось.

— Без счетчика?

— Можете проверить.

— Разделите двадцать семь на тринадцать. С точностью до шестого знака.

Через пять минут Шуман сказал:

— 2,076923.

Лессер проверил.

— Поразительно! Умножение не слишком меня впечатлило, оно относится, в сущности, к целым числам, и я думал, что это просто фокус. Но десятичные...

— И это не все. Есть еще одно достижение, пока что сверхсекретное, о котором, строго говоря, я не должен был бы упоминать. Но все же... Возможно, что нам удастся овладеть квадратными корнями.

— Квадратными корнями?

— Там есть кое-какие занозы, которые мы еще не сумели выровнять, но техник Ауб — человек, изобретший эту науку и обладающий большой интуицией, — говорит, что почти решил эту проблему. И он только техник. А для такого человека, как вы, опытного и талантливого математика, здесь не должно быть ничего трудного.

— Квадратные корни, — пробормотал заинтересованный Лессер.

— И кубические тоже. Так вы с нами?

Рука Лессера вдруг протянулась к нему.

— Рассчитывайте на меня!

Генерал Уэйдер расхаживал по комнате взад-вперед и обращался к своим слушателям так, как вспылчивый учитель обращается к упрямым ученикам. Генерал не задумывался о том, что его слушателями были ученые, стоящие во главе проекта «Чис-

ло». Он был их главным начальником и помнил об этом каждый момент, когда не спал.

Он говорил:

— Ну, с квадратными корнями все в порядке. Я не умею их извлекать и не понимаю метода, но это замечательно. И все-таки нельзя уводить проект в сторону, к тому, что некоторые из вас называют основной теорией. Можете забавляться с графитикой, как вам угодно, по окончании войны, но в данную минуту нам нужно решать специфические и весьма практические задачи.

Техник Ауб, сидевший в дальнем углу, слушал его с напряженным вниманием. Правда, он больше не был техником: его причислили к проекту, дав ему звучный титул и хороший оклад. Но социальное различие осталось, и высокопоставленные ученые мужи никак не могли заставить себя смотреть на него как на равного. Надо отдать Аубу справедливость: он не добивался этого. Им было с ним так же неловко, как и ему с ними.

Генерал продолжал:

— Наша цель, джентльмены, проста: мы должны заменить счетную машину. Звездолет без счетчика можно построить в пять-десять раз быстрее и вдесятеро дешевле, чем со счетчиком. Если нам удастся обойтись без счетчиков, то мы сможем построить флот в пять — десять раз мощнее денебианского. И я вижу еще кое-что в перспективе. Сейчас это может показаться фантастикой, простой мечтой, но в будущем я предвижу боевые ракеты с людьми на борту!

По аудитории пронесся шепот.

Генерал продолжал:

— В настоящий момент нас больше всего лимитирует тот факт, что боевые ракеты недостаточно «разумны». Вычислительная машина для управления ими должна быть слишком большой, и потому они очень плохо приспособляются к меняющемуся характеру противоракетной защиты. Лишь очень немногие из ракет достигают цели, и ракетная война заходит в тупик — для неприятеля, к счастью, так же, как и для нас. С другой стороны, ракета с одним-двумя человеками на борту, контролируемая в полете с помощью графитики, будет легче, маневреннее, разумнее. Это даст нам такое преимущество, которое вполне может привести нас к победе. Кроме того, джентльмены, условия войны заставляют нас думать еще об одном: человеческий ма-

териал гораздо доступнее вычислительной машины. Ракеты с людьми можно будет направлять в таких количествах и в таких условиях, в каких никакой военачальник не решился бы рисковать, имея он в распоряжении только ракеты со счетчиками.

Генерал говорил еще о многом другом, но техник Ауб больше не слушал.

Потом в тишине своего жилища он долго трудился над письмом, которое хотел оставить, и в конце концов после долгих сомнений и раздумий написал следующее:

«Когда я начал работать над тем, что сейчас называется графитикой, это было только развлечением. Я не видел в этом ничего, кроме интересной забавы, умственной гимнастики.

Когда же был создан проект “Число”, то я подумал, что другие окажутся умнее меня; что графитику можно будет использовать на благо человечества — быть может, для разработки практических телекинетических приспособлений. Но теперь я вижу, что она будет использована только для смерти и уничтожения. Я не в силах нести ответственность за то, что изобрел графитику».

Окончив писать, техник Ауб тщательно навел на себя фокус белкового деполяризатора. Его смерть была мгновенной и безболезненной.

Они стояли над могилой маленького техника, пока его откритию воздавалась должная честь.

Программист Шуман склонял голову вместе с остальными, но внутренне оставался спокойным. Ауб сделал свое, и нужды в нем больше не было. Может быть, он и изобрел графитику, но, раз появившись, она будет развиваться самостоятельно, приведет к созданию ракет с экипажем и к прочим чудесам.

«Семь, умноженное на девять, дает шестьдесят три, — подумал Шуман с глубоким удовлетворением, — и, чтобы узнать это, мне не нужно вычислительной машины. Вычислительная машина — у меня в голове». И от этой мысли он преисполнился чувства гордости и ощущения собственной силы.

ОНИ НЕ ПРИЛЕТЯТ

Нарон, представитель умудренной жизнью ригеллианской расы, был галактическим летописцем в четвертом поколении.

У него было две книги — большая, содержащая перечень многочисленных разумных рас из всех галактик, и поменьше, куда заносились лишь цивилизации, достигшие зрелости и мастерства в той степени, которая позволяла им вступить в Галактическую Федерацию.

Из большой книги были вычеркнуты те расы, которые в силу разных причин потерпели крушение: невезение, биохимические или биофизические несовершенства и социальная несправедливость взимали свою дань.

Зато ни один из членов Федерации, внесенных в малую книгу, не был оттуда вычеркнут.

Грузный и неправдоподобно древний Нарон поднял глаза на подошедшего гонца.

— Нарон! — воскликнул тот. — Единственный Великий...

— Ну-ну, поменьше церемоний. Что такое?

— Еще одна группа организмов достигла зрелости.

— Превосходно. Превосходно. Быстро же они теперь взрослеют, года не проходит без новичков. Кто это на сей раз?

Гонец назвал код галактики и внутригалактические координаты планеты.

— Да-да, — проговорил Нарон. — Я знаю этот мир.

Гладким почерком вписал он имя планеты в первую книгу и перенес его во вторую, по традиции используя то наименова-

ние, под которым планета была известна большей части своих обитателей. Он написал: Earth.

— Эти юные создания поставили рекорд,— сказал он.— Никто другой не проходил путь от зарождения разума до зрелости с такой быстротой. Надеюсь, здесь нет ошибки?

— Нет, сэр,— сказал гонец.

— Они получили термоядерную энергию, не так ли?

— Да, сэр.

— Ведь это главный критерий.— Нарон усмехнулся.— Скоро их корабли начнут разведку пространства и вступят в контакт с Федерацией.

— Дело в том, Единственный Великий,— неохотно проговорил гонец,— что, по сообщениям Наблюдателей, они еще не проникли в пространство.

— Как? — изумился Нарон.— Так-таки и не проникли? Даже на уровне космических станций?

— Пока нет, сэр.

— Но если у них есть термоядерная энергия, где они проводят испытания и мирные взрывы?

— На своей планете, сэр.

Нарон выпрямился во весь свой двадцатифутовый рост и загремел:

— На своей планете?!

— Да, сэр.

Нарон медленно вытащил свой стилос и перечеркнул последнюю запись в малой книге. Такого прежде не бывало, но ведь Нарон был очень мудр и, подобно любому другому жителю Галактики, мог видеть неизбежное.

— Глупые ослы,— пробормотал он.

ПОКУПАЕМ ЮПИТЕР

Хотя он и был симулакрум*, однако быстро сообразил, почему люди не торопятся с переговорами. Давно отказавшись от надежды овладеть реальной сущностью энергии, они теперь поджидают его в своей убогой скорлупке, окруженной белым пламенем защитного поля, в нескольких десятках километров над поверхностью Земли.

— Нам понятны ваши нерешительность и сомнения, — мягко говорил симулакрум с окладистой золотой бородой и широко расставленными темно-оранжевыми глазами, — нам остается только уверять вас, что мы не причиним вам никакого вреда. Мы можем представить веские доказательства, что наша древняя раса обитает на кольце вокруг звезды спектрального класса G0, так что ваше Солнце излучает слишком мало энергии для нас, а ваши планеты слишком массивны и не подходят для нашей расы.

Представитель Земли (который был министром по делам науки и по поручению правительства выполнял функции полномочного представителя Земли на переговорах с инопланетянами) возразил:

— Но ведь вы сами недавно сообщили, что теперь мы находимся на одном из ваших главных торговых путей.

— Да, новая колония Киммоношек культивирует недавно заложенные поля текучих протонов.

— Прекрасно, но ведь не исключена опасность использования торговых маршрутов в военных целях. Могу только повто-

---

© Перевод И. Мартынова.

* Биоробот. (Прим. перев.)

рить, что вы получите наше согласие лишь в том случае, если честно и правдиво объясните, зачем вам нужен Юпитер.

Как только был задан этот вопрос, симулякрум, как всегда, начал темнить:

— Если народ Ламбержа...

— Ясно, — сурово ответил министр, — для нас это звучит объявлением войны. Вы и те, кого вы называете народом Ламбержа...

— Но мы предлагаем вам выгодный вариант, — сказал симулякрум поспешно. — Вы осваиваете только внутренние планеты вашей системы, на них мы не претендуем. Нас интересует лишь одна планета, называемая Юпитером, которую, я полагаю, ваша раса не только не сможет никогда приспособить для жизни, но даже посетить. Размеры Юпитера, — он снисходительно усмехнулся, — для вас чуть-чуть великоваты.

Министр, которому не понравился тон гостя, чопорно заявил:

— Все это так, однако спутники Юпитера — отличные объекты для колонизации, и мы намереваемся вскоре их заселить.

— Наша сделка этому не помешает. Спутники — ваши в любом случае. Мы просим только сам Юпитер, совершенно бесполезную газообразную планету. Вы, конечно, понимаете, что мы можем преспокойно присвоить Юпитер, не спрашивая вашего согласия. Однако мы пошли на переговоры, так как предпочитаем покупать, а не захватывать. Такое решение позволит избежать конфликтов в будущем. Как видите, я с вами совершенно откровенен.

— Так зачем вам нужен Юпитер? — упрямо переспросил министр.

— Ламберж...

— У вас война с Ламбержем?

— Это не важно.

— Да ведь если вы и вправду затеваете войну и с нашей помощью создадите на Юпитере укрепленную базу, народ Ламбержа может расценить нас как ваших союзников и обрушить на нас свою мощь. Земляне не могут позволить втянуть себя в такую неприятную историю.

— Я не собираюсь вас ни во что втягивать. Даю честное слово, что вашей расе не будет причинено никакого вреда. Конечно, — тут симулякрум снова попытался припугнуть собеседника, — в обмен на ваше понимание и великодушие. Наши супер-

генераторы будут ежегодно снабжать планеты вашей системы любым необходимым количеством энергии.

— Можно ли истолковать это так,— сказал министр,— что будущий прирост энергии легко удовлетворит любую потребность в ней, которая может возникнуть?

— Да, возможности возрастут в пять раз по сравнению с вашим нынешним максимальным потреблением энергии.

— Что ж, как вы уже могли понять, наше правительство наделило меня довольно широкими полномочиями для ведения переговоров, но все-таки я должен провести ряд консультаций. Лично я склонен доверять вам, однако не могу принять решение, точно не уяснив, зачем вам нужен Юпитер. Если аргументы будут достаточно правдоподобными и убедительными, я, вероятно, смогу доказать правительству и народу необходимость подписать с вами взаимовыгодное соглашение. Если же я попытаюсь подписать соглашение без объяснений, правительство и население Земли просто-напросто вынудят меня расторгнуть его. В таком случае вы сможете, как уже было сказано, завладеть Юпитером силой. Но ведь это будет захватом чужой собственности, чего, судя по всему, вам бы не хотелось.

Симулакрум нетерпеливо прищелкнул языком:

— Я не могу продолжать до бесконечности эту маленькую распря. Ламберж...

Он прервал поток слов, подумал и продолжил:

— Можете ли вы дать честное слово, что ваша неуступчивость — это не уловка, инспирированная Ламбержем, чтобы задержать наше...

— Клянусь! — заверил министр.

Министр по делам науки бодро вошел в зал заседаний правительства, энергично массируя выпуклый лоб. Он выглядел сейчас лет на десять моложе, чем раньше, когда начинал долгие и бесплодные переговоры с симулакрумом.

— Я сообщил ему,— начал он сдержанно,— что его народ может получить желаемое, как только я заручусь формальным согласием Президента. Надеюсь, Президент и Конгресс не станут возражать. Слава богу, пекущемуся о нас, мы, господа, получаем в свое распоряжение невероятную мощь взамен никуда не годной планеты, которую нам все равно никогда не освоить.

— Но ведь мы пришли к выводу, что только война Миццаретта с Ламбержем может объяснить их посягательства на Юпитер,— прорычал министр обороны, багровея от возмущения.— В этих обстоятельствах, если сопоставить их военный потенциал с нашим, нам абсолютно необходим строгий нейтралитет.

— Но, коллега, речь идет не о войне,— возразил министр по делам науки.— Симулакрум представил нам объяснение причин, побуждающих его народ колонизировать Юпитер,— с моей точки зрения весьма убедительное и рациональное.

Полагаю, Президент будет полностью согласен с моим мнением, так же как и вы, господа, когда во всем разберетесь. У меня с собой их планы строительства Нового Юпитера...

Члены правительства возбужденно зашумели.

— Новый Юпитер? — судорожно выдохнул министр обороны.

— Не слишком отличающийся от старого, господа,— пояснил министр по делам науки.— Мне переданы эскизы — оригинал можно будет увидеть из Глубокого Космоса.

Он положил репродукции на стол. На одном из них была изображена целая вереница разноцветных планет: желтая, светло-зеленая, светло-коричневая, с узорчатыми лентами белоснежных турбулентных завихрений. Все они сверкали, подобно крапинкам драгоценных камней на бархатном фоне космоса. Между ними протянулись странные полосы тьмы, темно-бархатные, как и их космический фон, украшенные причудливыми узорами.

— Это,— сказал министр по делам науки,— дневная сторона планеты. Ночную сторону можно посмотреть на другом эскизе.

Здесь Юпитер выглядел тонким полумесяцем, окруженным космической тьмой, однако во тьме проступали какие-то полосы, украшенные сходным с предыдущим орнаментом, который флуоресцировал ярко-оранжевым цветом.

— Насколько я понимаю,— пояснил министр по делам науки,— это обычный оптический феномен, светящийся газ, который не вращается вместе с планетой, а зафиксирован на границе ее атмосферы и космоса.

— И что это означает? — спросил министр торговли.

— Как вы уже поняли,— продолжал министр по делам науки,— через нашу Солнечную систему теперь проходит один из их важнейших торговых путей. Не менее семи кораблей с Миц-

царетта побывали в последнее время в нашей Солнечной системе, и каждый энергично проводит телескопические наблюдения Земли и других важнейших планет. Любопытство туристов, которое так легко понять... Массивные планеты — редкостная экзотика для пришельцев из эфемерных миров.

— И что же означают эти таинственные знаки?

— Да просто реклама. В переводе текст звучит примерно так: «Покупайте миццареттский эргон, незаменимый для поддержания внутреннего тепла и сохранения вашего здоровья. Дешево! Гарантированно! Эффективно!»

— Вы имеете в виду, что Юпитер нужен им всего лишь как рекламный щит у дороги? — вспыхнул темпераментный министр обороны.

— Совершенно верно. Как мне представляется, Ламберж тоже производит таблетки эргона, конкурирующие с миццареттскими. Это и вызывает у Миццаретта горячее желание заполучить Юпитер навеки в свое полное распоряжение, причем только легальным путем, на случай будущей тяжбы с Ламбержем. К счастью, для нас миццареттцы явные новички в такого рода торговых сделках.

— Почему вы так считаете? — спросил министр внутренних дел.

— Да потому, что они легкомысленно пренебрегают получением определенных привилегий на других наших планетах. Щит на Юпитере будет столь же успешно рекламировать Солнечную систему, как и их собственную продукцию. Так что, когда их конкуренты с Ламбержа появятся у нас, чтобы добиваться уничтожения миццареттской рекламы на Юпитере, мы спокойно предложим им купить Сатурн со всеми его кольцами. Думаю, будет легко разъяснить ламбержцам, что кольца придают Сатурну несравненно более эффектный вид из космоса.

— А потому, — подхватил, внезапно просияв, министр финансов, — он и обойдется им значительно дороже.

И все собравшиеся от души, как дети, развеселились.

Меня всегда удивляло, что Николас Найтли, будучи мировым судьей, оставался холостяком. Атмосфера его профессии просто предполагала супружество, даже не верилось, как ему до сих пор удавалось избежать сладких уз Гименея.

Несколько дней назад я высказал это соображение в клубе за бокалом джина с тоником, и Николас со вздохом ответил:

— Совсем недавно я едва не попался.

— Вот как?

— Очаровательная молодая девушка, ласковая, умная, чистая и поразительно страстная, способная разжечь огонь в сердце даже такого старого пня, как я.

— Как же вы могли ее упустить? — спросил я.

— У меня не было выбора, — кротко улыбнулся он, и его мягкая розовая физиономия, мягкие седые волосы и мягкие голубые глаза придали ему почти святое выражение. — Видите ли, это была скорее вина ее жениха...

— Вот оно что. Она была помолвлена с другим?

— ...и профессора Веллингтона Джонса, который, будучи эндокринологом, являлся также современным волшебником. По сути дела, вышло так... — Николас вздохнул, пригубил свой напиток и улыбнулся широко и добродушно, как человек, собирающийся сменить тему разговора.

— Подождите, старина Найтли, — твердо сказал я. — Вы не можете так просто махнуть рукой на то, что юная соблазнительница сделала вам ручкой.

Он поморщился моему каламбуру (который, должен признать-ся, стоил мне немалых усилий) и заказал еще порцию спиртного.

— Некоторые детали,— произнес он наконец,— я узнал гораздо позже.

Профессор Веллингтон Джонс обладал выдающимся носом, искренними глазами и удивительным даром заставлять одежду казаться на нем слишком большой.

— Любовь, дорогие мои дети,— изрек он,— дело химии.

Дорогие его дети на самом деле детьми ему вовсе не приходились, а были его студентами по имени Александр Декстер и Алиса Сэнгер. Судя по тому, как они прижимались друг к другу и держались за руки, Александр и Алиса приняли добрую порцию химикатов. На двоих им было около сорока пяти, количество прожитых лет распределялось почти поровну.

Александр Декстер воскликнул:

— *Vive la chemie!**

Профессор Веллингтон осуждающе улыбнулся и добавил:

— Или эндокринологии. В конечном итоге наши эмоции зависят от гормонов, поэтому неудивительно, что следует особо стимулировать чувство, которое мы называем любовью.

— Это так неромантично,— пробормотала Алиса.— Я уверена, что мне не нужна никакая стимуляция.— Она преданно посмотрела на Александра.

— Дорогая моя,— произнес профессор,— гормоны проникли в ваш кровеносный поток, и вы, как принято говорить, влюбились. А выделение оных было стимулировано...— будучи высокоморальным человеком, профессор запнулся, подбирая нужное слово,— факторами окружающей среды и прежде всего присутствием вашего молодого человека. Дальше все пошло по инерции. Я могу легко продублировать этот эффект.

— Отлично, профессор! — с мягкой нежностью воскликнула Алиса.— Мне будет очень приятно, если вам это удастся.— При этих словах она игриво стиснула руку Александра.

— Я не собираюсь,— профессор кашлянул, скрывая смущение,— лично воспроизводить или дублировать условия, которые привели к образованию гормона. Я хотел сказать, что могу ввести

---

* Да здравствует химия! (фр.)

вам уже готовый гормон. Хотите подкожно, хотите орально. Гормон является стероидом. Мне, видите ли, — тут профессор снял очки и гордо протер стеклышки, — удалось получить его в чистом виде.

— Вот это да! — Александр резко выпрямился. — И вы ничего никому не сказали?

— Вначале я должен сам все изучить.

— Выходит, — пролепетала Алиса, и ее очаровательные карие глазки засветились радостью, — вы можете заставить людей испытать неземное наслаждение и божественную нежность истинной любви при помощи... таблеток?

— Да, я легко могу вызвать эмоции, которые вы описали столь слащавыми терминами.

— Тогда почему вы этого не делаете?

— Подожди, дорогая, — поднял руку Александр. — Тебе мешает твоя страстность. Наше счастье и предстоящая свадьба заставили тебя забыть о некоторых особенностях человеческого существования. Представь, что по ошибке этот гормон примет женатый человек...

— Позвольте мне сразу объяснить, — несколько высокопарно провозгласил профессор, — мой гормон, или, как я его называю, аматогенический состав... (Профессор, как и многие практические ученые, весьма ценил изысканную красоту классической филологии.)

— Назовите его лучше любовным зельем, — томно вздохнула Алиса.

— Мой кортикальный аматогенический состав, — строго повторил профессор Джонс, — не действует на женатых людей. Гормон теряет свои свойства, если на него влияют посторонние факторы, а семейное положение является, безусловно, фактором, отрицательно воздействующим на любовь.

— Я тоже об этом слышал, — мрачно произнес Александр, — но намерен оспорить это грубое утверждение в отношении Алисы.

— Александр, — прошептала Алиса. — Любовь моя.

— Я имел в виду, — уточнил профессор, — что семейная жизнь отрицательно влияет на внебрачные чувства.

— Как сказать, — проворчал Александр, — мне приходилось слышать и обратное.

— Александр! — возмущенно воскликнула Алиса.

— В исключительно редких случаях, дорогая, среди людей, никогда не посещавших колледж.

— Женитьба,— произнес профессор,— не в состоянии повлиять на поверхностное половое влечение или легкий флирт, но истинная любовь, как называет эту эмоцию мисс Сэнгер, не может расцвести, если над подсознанием довлеют воспоминания о ворчливой жене и противных, крикливых детях.

— Другими словами,— сказал Александр,— если вы дадите свое любовное зелье... простите, аматогенический состав произвольно выбранным пациентам, то он подействует только на неженатых?

— Правильно. Я провел серию экспериментов над животными, которые, хотя и не вступают в сознательные браки, тем не менее живут устойчивыми моногамными парами. Так вот, на тех, кто уже сформировал свой союз, препарат не действует.

— В таком случае, профессор, у меня есть великолепная идея. Завтра в колледже состоится вечер танцев для старшекурсников. Ожидается около пятидесяти неженатых пар. Давайте добавим ваш состав в прохладительные напитки!

— Что? Вы с ума сошли!

Но Алиса уже загорелась:

— Это божественная идея, профессор. Подумать только, мои друзья испытают то же, что и я! Вы явитесь для них ангелом с неба! Но... Александр, разве ты не боишься, что чувства могут выйти из-под контроля? Среди наших друзей немало людей... необузданных, и если, распалившись любовью, они решат, например, поцеловаться...

— Дорогая мисс Сэнгер! — с негодованием произнес профессор.— Прежде всего не позволяйте распляться собственному воображению. Мой гормон стимулирует только те чувства, которые ведут к заключению законного брака, и не имеет ничего общего со стимуляторами неприличного поведения.

— Простите,— смущенно пробормотала Алиса.— Мне не следовало забывать, что вы самый высокоморальный человек из всех, кого я знаю,— разумеется, за исключением дорогого Александра,— и ни одно ваше открытие не может оказаться аморальным.

На личике Алисы было написано такое горе, что профессор простил ее немедленно.

— Значит, вы это сделаете, профессор? — настаивал Александр. — На случай массового стремления вступить в брак я могу пригласить под благовидным предлогом доброго старого друга семьи Николаса Найтли. Он мировой судья и быстро уладит все проблемы с регистрацией и получением брачных лицензий.

— Я вряд ли соглашусь, — произнес профессор уже не так уверенно, — проводить эксперимент без согласия его участников. Это неэтично.

— Но вы же доставите людям огромную радость. Вы значительно улучшите моральную атмосферу колледжа. Не секрет, что в условиях постоянной близости и при отсутствии должной тяги к супружеству даже в колледже может возникнуть опасность... ну...

— Да, понимаю, — торопливо кивнул профессор. — Хорошо, я сделаю очень слабый раствор. В конце концов результаты могут существенно расширить границы наших познаний и, как вы заметили, улучшить моральную атмосферу.

— Разумеется, мы с Алисой тоже отведаем напиток, — улыбнулся Александр.

— О, дорогой, я уверена, что наша любовь не нуждается в искусственной стимуляции.

— А ничего искусственного и не будет, радость моя. Как сказал профессор, твоя любовь зародилась под воздействием точно таких же гормонов, правда, вызванных более привычным способом.

Алиса залилась розовой краской.

— В таком случае, любовь моей жизни, зачем же повторять?

— Чтобы подстраховаться от всех превратностей судьбы, счастье мое.

— Надеюсь, обожаемый, ты не сомневаешься в моих чувствах?

— Нет, моя прелесть, но...

— Но? Ты что, не веришь мне, Александр?

— Ну конечно же, я тебе верю, Алиса, но...

— Но? Снова «но»! — Алиса в негодовании поднялась с кресла. — Если вы мне не доверяете, сэр, то, может быть, мне лучше вас оставить...

С этими словами девушка действительно выскочила из комнаты. Опешившие мужчины растерянно смотрели ей вслед.

— Боюсь, что мой гормон совершенно неожиданно явился поводом не для заключения, а для разрыва брака,— произнес профессор.

Александр с несчастным видом сглотнул, но гордость пересилила, и он торжественно произнес:

— Она вернется. Такую любовь разрушить нелегко.

Выпускной бал, конечно, был событием года. Юноши сияли, девушки сверкали. Переливалась музыка, и танцоры парили в воздухе, едва прикасаясь к полу ногами. Повсюду царило безудержное веселье.

Во всяком случае, почти повсюду. В дальнем углу зала стоял Александр Декстер. Лицо его было бесцветным, как лед, а в суровых глазах застыла решимость. Несмотря на его стройную фигуру и красивую наружность, ни одна девушка к нему не подходила. Все знали, что он принадлежит Алисе Сэнгер, в чьи владения студентки колледжа вторгаться не рисковали. Кстати, где же Алиса?

Она приехала отдельно от Александра, и гордость не позволяла ему отправиться на поиски. Он лишь надменно шурился и пристально следил за кружащимися в танце парами.

К молодому человеку подошел профессор Джонс. Официальный костюм ученого был пошит строго по его меркам, но сидел все равно ужасно.

— Я добавлю гормон в бокалы перед ночным тостом,— сказал он.— Мистер Найтли еще здесь?

— Видел судью минуту назад. Он взял на себя обязанности мажордома и следит, чтобы пары соблюдали положенную дистанцию. Решено, что менее чем на четыре пальца сближаться не следует. Мистер Найтли самым тщательным образом делает необходимые замеры.

— Отлично. Да, я забыл спросить: содержится ли в пунше алкоголь? Спирт может отрицательно повлиять на действие аматогенического состава.

Несмотря на разбитое сердце, Александр нашел в себе силы защитить честь своего сословия.

— Этот пунш, профессор, изготовлен согласно рецептам, которым строго следуют все студенты колледжа. Он содержит чистейший фруктовый сок, рафинированный сахар и немного лимонной кожуры — наш пунш взбадривает, но не опьяняет.

— Отлично,— сказал профессор.— Я добавил в состав успокоительных капель, они усыпят участников эксперимента на тот период, пока гормон не начнет действовать. Как только подопытные проснутся, первый же человек, кого они увидят,— противоположного, разумеется, пола,— воспламенит в их душе чистый и благородный порыв, который неизбежно приведет к свадьбе.

Время приближалось к полуночи, и профессор поспешил к огромной чаше с пуншем, пробираясь между танцующими на расстоянии четырех пальцев друг от друга студентами.

Расстроенный до слез Александр вышел на балкон. При этом он не заметил Алису, которая вошла в зал с соседнего балкона.

— Полночь! — выкрикнул чей-то счастливый голос.— Тост! Тост! Тост за жизнь, которая у нас впереди!

Все столпились вокруг чаши с пуншем, передние передавали назад наполненные бокалы.

— За жизнь, которая впереди!

С энтузиазмом, присущим молодым студентам колледжа, гости опрокидывали бокалы с волшебной смесью чистого фруктового сока, рафинированного сахара, лимонной кожуры и ама-тогенического состава с успокаивающими каплями.

Как только состав достигал мозга, студенты один за другим медленно опускались на пол.

Алиса замерла посередине зала, в руке ее дрожал невыпитый бокал, а в глазах застыли непролитые слезы.

— О, Александр, Александр, хоть ты во мне и усомнился, ты моя единственная любовь. Ты хотел, чтобы я это выпила, и я выпью.

Затем, как и все остальные, она грациозно опустилась на пол.

Николас Найтли отправился на поиски Александра, о котором тревожился всем своим добрым сердцем. Он видел, что Александр приехал без Алисы, из чего заключил, что между влюбленными произошла ссора. Мистер Найтли с легкой душой покинул танцевальный зал, поскольку в нем собрались не дикие юнцы, а посещающие колледж юноши и девушки из благополучных и порядочных семей. Можно было верить, что они не нарушат установленную дистанцию в четыре пальца.

Судья нашел Александра на балконе. Юноша вглядывался в усыпанное звездами небо.

— Александр, мальчик мой...— Он положил руку на плечо молодого человека.— Это на тебя не похоже. Нельзя поддаваться отчаянию, Взбодрись, друг мой, взбодрись.

При звуках доброго старого голоса Александр опустил голову.

— Я знаю, это не по-мужски, но я обожаю Алису. Я был с ней жесток и теперь получаю по заслугам. И все же, мистер Найтли, если бы вы только знали...

Юноша ткнул себя кулаком в левую сторону груди. Больше он не мог произнести ни слова.

— Хотя я и не женат, мне знакомы нежные чувства,— печально произнес Найтли.— В былые дни и я знал любовь и сердечные терзания. Только не надо делать так, как поступил в свое время я, когда позволил гордыне воспрепятствовать примирению. Ищи ее, ищи, мой мальчик, а когда найдешь, извинись. Нельзя допустить, чтобы ты, как и я, стал одиноким старым холостяком. Но я не хочу тебя заставлять...

Александр резко выпрямился:

— Я готов последовать вашему совету, мистер Найтли. Я найду ее и...

— Иди. Я видел ее буквально минуту назад.

Сердце Александра оборвалось.

— Наверное, она тоже меня ищет. Я пойду... нет. Вначале идите вы, мистер Найтли. Мне надо прийти в себя. Не хочу, чтобы она заметила мои слезы.

— Конечно, мой мальчик.

Найтли застыл в дверях балкона, пораженный представшим перед его глазами зрелищем. Неужели произошла вселенская катастрофа? На полу в разных, в том числе и весьма неприглядных, позах валялось пятьдесят пар.

Прежде чем судья решил осмотреть ближайшие тела и вызвать полицию, доктора или пожарных, люди дружно зашевелились и принялись подниматься.

Лишь одна девушка в белом платье осталась лежать на полу, грациозно закинув руку за белокурую голову. Это была Алиса Сэнгер. Найтли устремился к ней, не обращая внимания на нарастающий вокруг него ропот.

Старик опустился на колени:

— Мисс Сэнгер, дорогая моя мисс Сэнгер! Вы не ушиблись?

Она медленно приоткрыла свои очаровательные глазки и пролепетала:

— Мистер Найтли! Вы — воплощение красоты. Почему я не замечала этого раньше?

— Я? — в ужасе отшатнулся Найтли, но девушка уже поднялась на ноги, и в глазах ее зажегся огонь, которого Найтли не видел лет тридцать.

Хотя, положа руку на сердце, такого огня он не видел и тридцать лет назад.

— Мистер Найтли, вы ведь никогда меня не покинете?

— Нет, что вы, — смущенно пробормотал он, — если я вам нужен, я побуду с вами.

— Вы мне нужны. Вы нужны моему сердцу и моей душе. Вы мне нужны, как утренняя роса засыхающему цветку. Вы мне нужны, как Приам Фисбе.

Найтли попытлся, испуганно оглядываясь, но никто не обращал на них ни малейшего внимания. Со всех сторон слышались аналогичные признания, причем многие звучали гораздо энергичнее и убедительнее.

Спина его уперлась в стену, Алиса продолжала наступать, и вскоре от дистанции в четыре пальца не осталось и следа. Наступил момент, когда между их телами не пролез бы и один палец. В результате взаимного соприкосновения внутри Найтли прорнулось нечто не поддающееся описанию.

— Мисс Сэнгер. Умоляю вас...

— Мисс Сэнгер? Разве я для вас мисс Сэнгер? — страстно воскликнула Алиса. — Мистер Найтли! Николас! Я ваша Алиса, возьмите меня!.. Возьмите меня замуж! Умоляю!

Со всех сторон раздавались крики: «Женись на мне! Возьми меня замуж!» Вокруг мистера Найтли собралась толпа, ибо все хорошо знали, что он является мировым судьей.

— Пожените нас, мистер Найтли! Пожените нас!

— Я должен сходить за брачными лицензиями! — выкрикнул он в ответ, и студенты расступились, отпуская его за нужными бумагами.

Алиса устремилась за ним следом.

В дверях балкона Найтли столкнулся с Александром и тут же выпихнул его на свежий воздух. В этот момент к ним присоединился профессор Джонс.

— Александр! Профессор Джонс! — взволнованно воскликнул Найтли. — Произошло невероятное...

— Я знаю. — Лицо профессора лучилось счастливой улыбкой. — Эксперимент прошел успешно. Средство действует на людей гораздо сильнее, чем на животных.

Видя замешательство Найтли, он в нескольких предложениях объяснил, что случилось.

— Странно, странно, — растерянно пробормотал судья. — Я смутно припоминаю нечто подобное. — Он сдвинул лоб двумя руками, но это не помогло.

Александр приблизился к Алисе, намереваясь прижать ее к своей широкой груди, сознавая в душе, что ни одна благовоспитанная девушка не допустит такой вольности по отношению к непрошенному человеку.

— Алиса, утраченная любовь моя, — произнес он, — если в глубинах твоего сердца...

Но она увернулась от его протянутых с мольбой рук.

— Я выпила пунш, Александр, — сказала она. — Ты так хотел.

— Не надо было этого делать. Я был не прав. Не прав.

— Но я его выпила, Александр, и теперь никогда не буду твоей.

— Не будешь моей? Что это значит?

Алиса схватила мистера Найтли за руку и страстно ее стиснула.

— Моя душа неразрывно слита с душой мистера Найтли, я имею в виду Николаса. Мое влечение — я имею в виду влечение к браку — непреодолимо. Оно перевернуло меня всю.

— Ты шутишь? — недоверчиво воскликнул Александр.

— Как ты можешь так говорить, жестокий? — задыхаясь от рыданий, произнесла Алиса. — Я ничего не могу с собой поделать.

— Действительно, — подтвердил профессор Джонс, слушавший с чрезвычайным вниманием. — Она ничего не может с собой поделать. Типичная эндокринологическая реакция.

— Поистине это так, — пробормотал Найтли, безуспешно пытавшийся справиться с собственными эндокринологическими реакциями. — Ну-ну, дорогая, — добавил он и чисто по-отцовски погладил Алису по волосам.

Девушка тут же вскинула голову, и ее очаровательное личико оказалось совсем рядом. В этот момент судье вдруг захотелось совсем не по-отцовски и даже не по-дружески впиться в ее губки.

Потрясенный до глубины души Александр отчаянно выкрикнул:

— Ты фальшива, насквозь фальшива!

С этими словами юноша выбежал вон.

Найтли наладился было следом, но Алиса схватила его за шею и запечатлела на тающих губах судьи поцелуй, который менее всего можно было назвать дочерним.

И дружеским тоже.

Они прибыли в маленький холостяцкий домик Найтли, на дверях которого красовалась целомудренная вывеска «МИРОВОЙ СУДЬЯ», выполненная в староанглийском стиле. Здесь царили меланхолический мир, покой и чистота. Левой рукой Найтли поставил на маленькую плиту маленький чайник (правую его руку Алиса не выпускала ни на секунду, зная, что только так она может застраховаться от неожиданного бегства своего пленника).

Из открытой двери столовой виднелся кабинет Найтли. Вдоль стен стояли стеллажи с мудрыми и веселыми книгами.

Рука Найтли (левая) в очередной раз поднялась к бровям.

— Дорогая моя,— обратился он к Алисе,— просто поразительно... нельзя ли хоть чуть-чуть ослабить захват, чтобы восстановилось кровообращение... поразительно, но я не могу отделаться от мысли, что все это уже было.

— Никогда, никогда такого не было, дорогой Николас,— прошептала Алиса, склоняя белокурую головку на его плечо и улыбаясь ему с такой застенчивой нежностью, что ее красота засияла, как лунный свет на поверхности ночного озера.— Потому что не было на свете такого прекрасного мага и чародея, как наш мудрый профессор Джонс. Он настоящий современный волшебник.

— Современный...— Найтли вздрогнул так основательно, что приподнял Алису на целый дюйм от пола.— Ну да, конечно! Так и есть! Черт бы меня побрал, если я ошибаюсь! (В редких случаях, а также под воздействием нахлынувших эмоций Найтли мог употребить крепкое словечко.)

— Николас, что с тобой? Ты испугал меня, мой ангел!

Но Найтли решительно зашагал в кабинет, и Алисе ничего не оставалось, как побежать следом за ним. С побелевшим лицом мировой судья снял с полки томик и благоговейно сдул с него пыль.

— Ах! — сокрушенно воскликнул он. — Почему я пренебрегал невинными радостями юных лет?! Дитя мое, ввиду продолжающейся неспособности моей правой руки к действиям, не окажете ли вы мне любезность полистать страницы, пока я не скажу вам остановиться?

Они являли собой невиданную доселе картинку добрачной идиллии: он удерживал книгу левой рукой, а она медленно переворачивала страницы правой.

— Так я и знал! — с неожиданной энергией провозгласил вдруг Найтли. — Профессор Джонс, мой добрый друг, идите же сюда! Это самое потрясающее совпадение... пример загадочной, мистической силы, которая временами играет нами, не раскрывая своей истинной природы и цели.

Приехавший вместе с ними профессор Джонс сам приготовил себе чай и, как подобает воспитанному человеку, оказавшемуся в обществе двух страстно влюбленных, удалился в соседнюю комнату. Услышав слова Найтли, он откликнулся:

— Вы уверены, что я не помешаю?

— Совсем наоборот. У меня важные сведения по поводу одного из ваших научных достижений.

— Но вы же заняты...

— Профессор! — воскликнула Алиса.

— Тысяча извинений, дорогая, — сказал профессор Джонс, входя в комнату. — Мой старый замшелый ум полон причудливых фантазий. Вы даже не представляете, как давно я... — Он сделал внушительный глоток чая (который заварил очень крепким), сразу же успокоился и замолчал.

— Профессор, — сказал Найтли. — Это милое дитя назвало вас современным волшебником, что тут же напомнило мне о «Волшебнике» Гилберта и Салливана.

— Кто такие, — любезно поинтересовался профессор Джонс, — Гилберт и Салливан?

Найтли испуганно поднял голову, словно желая проследить направление карающего удара молнии и успеть от него увернуться. Затем хриплым шепотом ответил:

— Сэр Уильям Швенк Гилберт и сэр Артур Салливан писали соответственно слова и музыку к величайшим музыкальным комедиям мира. Одна из пьес называлась «Волшебник». В ней тоже применялось высокоморальное снадобье. На женатых людей оно не влияло, но было способно вырвать героиню из рук молодого и красивого возлюбленного и бросить ее в объятия старика.

— Тем и закончилось? — поинтересовался профессор Джонс.

— Э-э... Нет... Послушайте, дорогая, когда вы так поглаживаете мою шею, у меня возникают, безусловно, самые приятные ощущения, но, должен признать, это меня отвлекает. Так вот, все закончилось воссоединением юных возлюбленных, профессор.

— Ага, — произнес профессор Джонс. — Тогда, может быть, учитывая близость вымышленного сюжета к реальной жизни, мы попытаемся устроить воссоединение Алисы и Александра? Во всяком случае я не хочу, чтобы вы на всю жизнь остались без руки.

— Я ни с кем не собираюсь воссоединяться, — решительно произнесла Алиса. — Мне нужен мой Николас.

— Ваш неожиданный подход к этой ситуации вызывает неоднозначные мнения, — сказал Найтли, — но об этом после. В пьесе есть решение, и я бы хотел обсудить его с вами, профессор. — Он мягко и добродушно улыбнулся. — Эффект снадобья в пьесе нейтрализуется действиями господина, который его изобрел. Другими словами, вашего прототипа, профессор.

— Что же он сделал?

— Покончил с собой! Всего-навсего. Произведенный его самоубийством эффект разрушил ча...

Профессор Джонс не дал ему закончить. Самым мрачным и загробным голосом, какой только можно представить, он изрек:

— Дорогой сэр, позвольте сразу же заявить, что, несмотря на мою привязанность к молодым людям, оказавшимся втянутыми в эту историю, я ни при каких обстоятельствах не соглашусь на самоустранение. Подобная процедура может оказаться чрезвычайно эффективной при использовании традиционного зелья, но на изобретенный мною амаотогенический состав, уверяю вас, она не подействует.

Найтли вздохнул:

— Этого я и боялся. Между нами, я считаю, что это худшая из всех возможных концовок в пьесе. — Он замолк и быстро взглянул вверх, словно извиняясь перед духом Уильяма С. Гилберта. — Она притянута за уши. Она не предусматривалась развитием сюжета. Получилось, что наказание понес человек, его не заслуживший. Другими словами, эта концовка не достойна мощного гения Гилберта.

— А вдруг ваш Гилберт тут ни при чем? — предположил профессор Джонс. — Вмешался какой-нибудь ремесленник и испортил всю работу.

— Об этом ничего не известно.

Но острый ум профессора Джонса уже увлекся новой головоломкой.

— Мы можем проверить, — воскликнул он. — Давайте изучим стиль мышления этого вашего... Гилберта. Он ведь много чего написал, так?

— В сотрудничестве с Салливаном Гилберт создал четырнадцать произведений.

— Разрешались ли в них ситуации более разумными средствами?

— Во всяком случае, в одном, — кивнул Найтли. — В «Радигоре».

— Кто это?

— Радигор — это место. Главный герой оказывается истинным баронетом Радигора, и, разумеется, над ним тяготеет проклятие.

— Как водится, — пробормотал профессор Джонс. Он знал, что подобное несчастье почти всегда сопутствует баронетам, и даже склонялся к мысли, что так им и надо.

— Проклятие вынуждало его совершать по одному или более преступлений в день. Случись ему пропустить хоть один день, как его ждала неминуемая гибель в страшных муках.

— Какой ужас! — пролепетала мягкосердечная Алиса.

— Разумеется, никому не под силу совершать каждый день по преступлению, и нашему герою требовалось любой ценой перехитрить злые чары.

— Каким образом?

— Он рассудил так: отказываясь от совершения преступления, он призывает тем самым свою смерть. Другими словами,

совершает самоубийство. Но самоубийство само по себе является преступлением, а значит, он выполнил условия проклятия.

— Ясно,— задумчиво произнес профессор Джонс.— Похоже, Гилберт любит решать проблемы, доводя их до логического завершения.— Он прикрыл глаза, и его благородный лоб задвигался от кипящих внутри мыслей.— Скажите, старина Найтли, когда впервые был поставлен «Волшебник»?

— В тысяча восемьсот семьдесят седьмом году.

— Теперь понятно, друг мой. Это был самый расцвет Викторианской эпохи. Считалось непозволительным смеяться со сцены над священным институтом брака. Супружество рассматривалось как истинное таинство, духовная святость, воплощение...

— Достаточно,— остановил его Найтли.— К чему вы клоните?

— К свадьбе. Женитесь на этой девочке, Найтли. Пожените все страждущие пары, немедленно. Уверен, что в этом и заключался первоначальный замысел Гилберта.

— Но именно этого мы и стремимся избежать,— растерянно пробормотал Найтли, почувствовавший неожиданную привлекательность подобной перспективы.

— Я не стремлюсь,— весело заявила Алиса (хотя на самом деле была очаровательно гибкой и стройной девушкой).

— Неужели не понятно? — воскликнул профессор Джонс.— Как только все пары переженятся, амагогенический состав, влияющий на женатых людей, перестанет на них действовать. Те, кто любил бы друг друга и так, останутся влюбленными; остальные, соответственно, потребуют расторжения брачных контрактов.

— Боже милосердный! — воскликнул Найтли.— До чего же просто! Я восхищен! Ну конечно! Наверняка Гилберт так все себе и представлял, в то время как шокированный режиссер, ремесленник, по вашему выражению, требовал изменений.

— Сработало? — спросил я.— Вы ведь говорили, что, по словам профессора, на женатые пары средство оказывало только один эффект — предотвращало внебрачные отноше...

— Сработало,— проворчал Найтли, не обращая внимания на мою фразу. На ресницах судьи блеснула слеза, но я не сумел

определить, что ее вызвало: воспоминания или четвертый бокал джина с тоником.

— Сработало,— повторил он.— Алиса и я поженились, однако по взаимному согласию брак был мгновенно расторгнут на основании того, что был заключен под недопустимым принуждением. Между тем, поскольку вокруг нас постоянно толкались какие-то люди, недопустимое принуждение, которому мы оказались подвергнуты, так ни к чему и не привело.— Он тяжело вздохнул.— Ну, в общем, Алиса и Александр вскоре поженились, и, как я понимаю, вследствие сопутствующих этому событию действий сейчас она ожидает ребенка.

Найтли с трудом оторвал взгляд от остатков джина в бокале и вдруг содрогнулся от ужаса.

— Господи! Снова она!

Я испуганно поднял голову. В дверях застыло видение в пастельно-голубых тонах. Представьте, если сумеете, очаровательное личико, созданное для поцелуев, и изумительное тело, созданное для любви.

— Николас! Подожди! — воскликнула она.

— Это Алиса? — спросил я.

— Нет. Нет. Это совершенно другая женщина; эта история не имеет никакого отношения к Алисе... Но мне нельзя здесь оставаться.

С редкой для его возраста резвостью мистер Найтли выскочил в окно. Соблазнительное привидение устремилось за ним со столь же впечатляющим проворством.

Я покачал головой с жалостью и сочувствием. Очевидно, беднягу преследовали влюбленные в него волшебные красавицы. Представив его ужасную судьбу, я одним глотком осушил свой бокал и подумал, что вот со мной ничего подобного не случилось.

При этой странной мысли я решительно потребовал наполнить мой бокал, и с губ моих едва не сорвалось неприличное восклицание.

УРОДЛИВЫЙ МАЛЬЧУГАН

Как всегда, прежде чем открыть тщательно запертую дверь, Эдит Феллоуз поправила свой рабочий халат и только после этого переступила ту невидимую линию, что отделяла реальный мир от несуществующего. При ней были ее записная книжка и авторучка, хотя она с некоторого времени не вела больше систематических записей, прибегая к ним только в случае крайней необходимости.

На этот раз она несла с собой чемодан. «Это игры для мальчиков», — улыбнувшись, объяснила она охраннику, который давным-давно уже перестал задавать ей какие бы то ни было вопросы и лишь махнул рукой, пропуская ее.

Как всегда, уродливый мальчуган сразу же почувствовал ее присутствие и, плача, бросился ей навстречу.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, — бормотал он, произнося слова мягко и слегка невнятно, в свойственной одному ему манере.

— Что случилось, Тимми? — спросила она, проводя рукой по его бесформенной головке, поросшей густыми коричневыми космами.

— Джерри вернется, чтобы опять играть со мной? Мне очень совестно за то, что произошло.

— Не думай больше об этом, Тимми. Из-за этого ты и плачешь?

Он отвернулся:

— Не совсем, мисс Феллоуз. Дело в том, что я снова видел сон.

— Опять тот же сон? — Мисс Феллоуз стиснула зубы.

Конечно же, эта история с Джерри должна была вызвать у мальчика старое сновидение.

Он кивнул, пытаясь улыбнуться, и его широко растянувшиеся, выдающиеся вперед губы обнажили слишком большие зубы.

— Когда же я наконец достаточно подрасту, чтобы выйти отсюда, мисс Феллоуз?

— Скоро, — мягко ответила она, чувствуя, как сжимается ее сердце, — скоро.

Мисс Феллоуз позволила Тимми взять себя за руку и с удовольствием ощутила теплое прикосновение грубой сухой кожи его ладони. Он повел ее через комнаты, которые составляли Первую секцию Стасиса, комнаты, несомненно, достаточно комфортабельные, но тем не менее являвшиеся для семилетнего (семилетнего ли?) уродца местом вечного заключения.

Он подвел ее к одному из окон, выходившему на покрытую низкорослым кустарником лесистую местность (скрытую сейчас от взоров ночной мглой). Прикрепленные к забору специальные объявления запрещали кому бы то ни было находиться поблизости без особого на то разрешения.

Он прижался носом к оконному стеклу:

— Я смогу выйти туда, мисс Феллоуз?

— Ты увидишь места гораздо лучше, красивее, чем это, — грустно ответила она, глядя на несчастное лицо маленького заключенного.

На его низкий скошенный лоб пучками свисали спутанные пряди волос. Затылочная часть черепа образовывала большой выступ, голова ребенка казалась непомерно тяжелой и склонялась вперед, заставляя его сутулиться. Уже начали разрастаться, растягивая кожу, надбровные дуги. Его массивный рот гораздо больше выдавался вперед, чем широкий приплюснутый нос, а подбородка не было и в помине, только челюстная кость, мягко уходившая вниз. Он был слишком мал для своего возраста, неуклюж и кривоног.

Это был невероятно уродливый мальчик, и Эдит Феллоуз очень любила его.

Губы ее задрожали — она могла позволить себе сейчас такую роскошь, ее собственное лицо находилось вне поля зрения ребенка.

Нет, они не убьют его. Она пойдет на все, чтобы воспрепятствовать этому. На все. Она открыла чемодан и начала вынимать оттуда одежду для мальчика.

Эдит Феллоуз впервые переступила порог акционерного общества «Стасис инкорпорейтед» немногим более трех лет назад. Тогда у нее не было ни малейшего представления о том, что крылось за этим названием. Впрочем, этого в то время не знал никто, за исключением тех, кто там работал. И действительно, ошеломляющее известие потрясло мир только на следующий день после ее поступления. А незадолго до этого они дали лишь лаконичное объявление, в котором приглашали на работу женщину, обладающую знаниями в области физиологии, опытом в медицинской химии и любящую детей. Эдит Феллоуз работала сестрой в родильном отделении и посему пришла к выводу, что отвечает всем этим требованиям.

Джеральд Хоскинс, доктор физических наук, о чем свидетельствовала укрепленная на его письменном столе пластинка с соответствующей надписью, потер щеку большим пальцем и принялся внимательно ее разглядывать.

Инстинктивно сжавшись, мисс Феллоуз почувствовала, что у нее начинает подергиваться лицо.

Сам-то он отнюдь не красавец, с обидой подумала она, лысает, начинает полнеть, да вдобавок выражение губ у него какое-то угрюмое, замкнутое... Но так как сумма, предложенная за работу, оказалась значительно выше той, на которую она рассчитывала, мисс Феллоуз решила не торопиться с выводами...

— Итак, значит, вы действительно любите детей? — спросил Хоскинс.

— В противном случае я не стала бы притворяться.

— А может быть, вы любите только хорошеньких детей? Этих прелестных сюсюкающих херувимчиков с крошечными носиками?

— Дети всегда остаются детьми, доктор Хоскинс, — ответила мисс Феллоуз, — и случается, что именно некрасивые дети больше других нуждаются в поддержке.

— Предположим, что мы возьмем вас...

— Вы хотите сказать, что согласны нанять меня?

На его широком лице мелькнула улыбка, придав ему на какой-то миг странную привлекательность.

— Я быстро принимаю решения,— сказал он.— Пока что я еще ничего не предлагаю вам и вполне могу отпустить вас ни с чем. А сами-то вы готовы принять мое предложение?

Стиснув руками сумочку, мисс Феллоуз со всей быстротой, на которую она была способна, стала подсчитывать в уме те выгоды, которые сулила ей новая работа, но, повинувшись внезапному импульсу, отбросила вдруг все расчеты.

— Да.

— Прекрасно. Сегодня вечером мы собираемся пустить Стасис в ход, и я думаю, что вам следует присутствовать при этом, чтобы сразу же приступить к своим обязанностям. Это произойдет в восемь часов вечера, и я надеюсь, что увижу вас здесь в семь тридцать.

— Но что...

— Ладно, ладно. Пока все.

По сигналу вошла улыбающаяся секретарша и выпроводила ее из кабинета.

Выйдя, мисс Феллоуз какое-то время молча смотрела на закрытую дверь, за которой остался мистер Хоскинс. Что такое Стасис? Какое отношение к детям имеет это огромное, напоминающее сарай здание, служащие с прикрепленными к одежде непонятными значками, длинные коридоры и та характерная атмосфера технического производства, которую невозможно ни с чем спутать?

Она спрашивала себя, стоит ли ей возвращаться сюда вечером или же лучше не приходить совсем, проучив тем самым этого человека за его высокомерную снисходительность. Но в то же время она не сомневалась, что вернется, хотя бы только из чувства неудовлетворенного любопытства. Она должна выяснить, при чем же здесь все-таки дети.

Когда ровно в половине восьмого она снова пришла туда, она сразу обратила внимание на то, что ей не понадобилось ничего о себе сообщать. Все, кто попадался ей на пути, как мужчины, так и женщины, казалось, отлично знали не только кто она, но и характер ее будущей работы. Ее немедленно провели внутрь здания.

Она увидела доктора Хоскинса, но он, рассеянно взглянув на нее и невнятно произнеся ее имя, даже не предложил ей сесть. Она сама спокойно пододвинула стул к перилам и села.

Они находились на балконе, с которого открывался вид на обширную шахту, заполненную какими-то приборами, представлявшими собой на первый взгляд нечто среднее между пультом управления космического корабля и контрольной панелью электронной счетной машины.

В другой части шахты высились перегородки, служившие стенами для лишенной потолка квартиры. Это был как бы гигантский кукольный домик, внутреннее убранство которого просматривалось как на ладони с того места, где сидела мисс Феллоуз.

Ей ясно были видны стоявшие в одной из комнат электронная плита и холодильная установка и расположенное в другом помещении оборудование ванной. А предмет, который ей удалось рассмотреть в третьей комнате, мог быть только частью кровати, маленькой кровати...

Хоскинс разговаривал с каким-то мужчиной. Вместе с мисс Феллоуз на балконе их было трое. Хоскинс не представил ей незнакомца, и мисс Феллоуз оставалось лишь исподтишка разглядывать его. Это был худой мужчина средних лет, довольно приятной наружности, у него были маленькие усики и живые глаза, казалось, ничего не упускающие из виду.

— Я отнюдь не собираюсь, доктор Хоскинс, делать вид, что мне все это понятно, — говорил он. — Я хочу сказать, что понимаю кое-что лишь в тех пределах, которые доступны достаточно интеллигентному неспециалисту. Но даже учитывая границы моей компетенции, я хочу заметить, что одна сторона проблемы мне менее ясна, чем другая. Я имею в виду выборочность. Вы в состоянии проникнуть очень далеко; допустим, это можно понять. Чем дальше вы продвигаетесь, тем туманнее, расплывчатее становятся объекты, а это требует большей затраты энергии. Хорошо. Но в то же время вы не можете достичь более близкого объекта. Вот что является загадкой для меня.

— Если вы позволите мне воспользоваться аналогией, Девеней, я постараюсь представить вам проблему в таком свете, чтобы она казалась менее парадоксальной.

Проскользнувшее в разговоре имя незнакомца помимо ее воли произвело на мисс Феллоуз впечатление, и ей тут же стало ясно, кто он. Это, видимо, был сам Кандид Девеней, писавший для телевизионных новостей очерки на научные темы, тот

Кандид Девеней, личным присутствием которого были отмечены все крупнейшие события в научном мире. Теперь его лицо даже показалось ей знакомым. Конечно же, именно его видела она на экране, когда объявили о посадке космического корабля на Марс. А если это действительно тот самый Девеней, то это могло означать только то, что доктор Хоскинс собирается сейчас продемонстрировать нечто очень важное.

— Если вы считаете, что это поможет, то почему бы вам и не воспользоваться аналогией? — спросил Девеней.

— Ну хорошо. Итак, вам, конечно, известно, что вы не в состоянии читать книгу со шрифтом обычного формата, если эта книга находится от вас на расстоянии шести футов, но это сразу же становится возможным, как только расстояние между вашими глазами и книгой сократится до одного фута. Как вы видите, в данном случае пока действует правило «чем ближе, тем лучше». Но если вы приблизите книгу настолько, что между нею и вашими глазами останется всего лишь один дюйм, вы снова потеряете способность читать ее. Отсюда вам должно быть ясно, что существует такое препятствие, как слишком большая близость.

— Хм, — произнес Девеней.

— А вот вам другой пример. Расстояние от вашего правого плеча до кончика указательного пальца правой руки составляет примерно тридцать дюймов, и вы можете свободно коснуться этим пальцем правого плеча. Расстояние же от вашего правого локтя до кончика указательного пальца той же руки вполтину меньше, и если руководствоваться простейшей логикой, то получается, что коснуться правым указательным пальцем правого локтя легче, чем правого плеча, однако же вы этого сделать не можете. И снова мешает та же слишком большая близость.

— Вы разрешите использовать эти аналогии в моем рассказе? — спросил Девеней.

— Пожалуйста. Я только буду рад, ведь я достаточно долго ждал кого-нибудь вроде вас, кто написал бы о нашей работе. Я дам все необходимые вам сведения. Наконец-то наступило время, когда мы можем разрешить всему миру заглянуть через наше плечо. И мир кое-что увидит.

(Мисс Феллоуз поймала себя на том, что вопреки собственному желанию восхищается его спокойствием и уверенностью. В нем угадывалась огромная сила.)

— Каков предел ваших возможностей? — спросил Девеней.

— Сорок тысяч лет.

У мисс Феллоуз перехватило дыхание.

Лет?!

Казалось, сам воздух застыл в напряжении. Люди у приборов управления почти не двигались. Кто-то монотонно бросал в микрофон короткие фразы, смысл которых мисс Феллоуз не могла уловить.

Перегнувшись через перила балкона, Девеней внимательно всматривался в то, что происходило внизу.

— Мы увидим что-нибудь, доктор Хоскинс? — спросил он.

— Что вы сказали? Нет, мы ничего не увидим до тех пор, пока все не свершится. Мы обнаруживаем объект косвенно, как бы по принципу радарной установки, с той разницей, что вместо электромагнитных волн предпочитаем пользоваться мезонами. При наличии соответствующих условий мезоны возвращаются, причем некоторая часть их отражается от каких-либо объектов, и наша задача состоит в исследовании характера этих отражений.

— Должно быть, это довольно трудная задача.

На лице Хоскинса промелькнула его обычная улыбка.

— Перед вами результат пятидесяти лет упорных исканий. Лично я занялся этой проблемой десять лет назад. Да, все это действительно очень нелегко.

Человек у микрофона поднял руку.

— Уже несколько недель,— сказал Хоскинс,— мы фиксируем один определенный момент, удаленный от нас во времени. Предварительно рассчитав наши собственные перемещения во времени, мы то прекращаем опыт, то воссоздаем его заново, еще и еще раз проверяя нашу способность с достаточной точностью ориентироваться во времени. Теперь это должно сработать безотказно.

Но лоб его блестел от пота.

Эдит Феллоуз вдруг заметила, что она машинально оставила свой стул и тоже стоит у перил, но смотреть пока было не на что.

— Сейчас,— спокойно произнес человек у микрофона.

Наступила тишина, продолжавшаяся ровно столько, сколько требуется времени на один вздох, и из кукольного домика раздался пронзительный вопль смертельно испуганного ребенка. Ужас! Непередаваемый ужас!

Мисс Феллоуз резко повернула голову в направлении крика. Она забыла, что во всем этом был замешан ребенок.

А Хоскинс, стукнув кулаком по перилам, произнес голосом, изменившимся и дрожащим от торжества:

— Сработало.

Подталкиваемая в спину твердой рукой Хоскинса, который не соизволил даже заговорить с ней, мисс Феллоуз спустилась по короткой винтовой лестнице в шахту.

Те, кто до этого момента находился у приборов управления, собрались теперь здесь. Они курили и, улыбаясь, наблюдали за появившейся в главном помещении троичей. Со стороны кукольного домика доносилось слабое жужжание.

— Вхождение в Стасис не представляет ни малейшей опасности, — обратился Хоскинс к Девенею. — Я сам проделывал это множество раз. На какой-то миг у вас появится странное ощущение, которое не оказывает абсолютно никакого влияния на организм.

Как бы желая продемонстрировать правильность своих слов, он вошел в открытую дверь. Напряженно улыбаясь и почему-то сделав глубокий вдох, за ним последовал Девеней.

— Идите же сюда, мисс Феллоуз! — нетерпеливо воскликнул Хоскинс, поманив ее пальцем.

Мисс Феллоуз кивнула и неловко переступила порог. Ей показалось, что тело ее потрясла какая-то внутренняя дрожь, но как только она очутилась внутри дома, это ощущение полностью исчезло. В доме пахло свежей древесины и влажной почвой.

Теперь здесь было тихо, во всяком случае, не слышно было больше голоса ребенка, но зато откуда-то раздавалось шарканье ног и шорох, будто кто-то проводил рукой по дереву. Потом послышался стон.

— Где же он? — в отчаянии воскликнула мисс Феллоуз. Неужели этим глупцам безразлично, что там происходит?

Мальчик находился в спальне или, вернее, в комнате, где стояла кровать.

Он был совершенно обнажен, и его забрызганная грязью грудь неровно вздымалась. Охапка смешанной с грязью жесткой травы рассыпалась по полу у его босых коричневых ног. От этой травы исходил запах земли с примесью какого-то зловония.

Хоскинс прочел нескрываемый ужас в ее устремленных на ребенка глазах и с раздражением произнес:

— Не было никакой возможности, мисс Феллоуз, вытащить мальчишку чистым из такой глубины веков. Мы вынуждены были захватить для безопасности кое-что из того, что его окружало. Может, вы предпочли бы, чтоб он явился сюда без ноги или части черепа?

— Прошу вас, не надо! — воскликнула мисс Феллоуз, изнемогая от желания прекратить этот разговор. — Почему мы бездействуем? Бедный ребенок испуган. И он грязный.

Она была права. Мальчик был покрыт кусками засохшей грязи и какого-то жира, а его бедро пересекала воспаленная царапина.

Когда Хоскинс приблизился к нему, ребенок, которому на вид было немногим более трех лет, низко пригнулся и быстро отскочил назад. Его верхняя губа оттопырилась, и он издал какой-то странный звук, нечто среднее между ворчанием и кошачьим шипением.

Хоскинс быстрым движением схватил за руки и оторвал отчаянно кричащего и извивающегося ребенка от пола.

— Держите его так, — сказала мисс Феллоуз. — Прежде всего ему необходима теплая ванна. Его нужно как следует отмыть. У вас есть здесь все необходимое? Если да, то попросите принести вещи сюда и хотя бы вначале помогите мне с ним управиться. Кроме того, ради всех святых, распорядитесь, чтобы отсюда убрали всю эту грязь и мусор.

Теперь настал ее черед отдавать приказания, и чувствовала она себя в новой роли прекрасно. И поскольку растерянная наблюдательница уступила место опытной медицинской сестре, она взглянула на ребенка уже другими глазами, с профессиональной точки зрения, и на какой-то миг замерла в замешательстве. Грязь, которой он был покрыт, его вопли, извивающееся в тщетной борьбе тело — все это куда-то отступило. Она рассмотрела самого ребенка.

Это был самый уродливый мальчуган из всех, которых ей приходилось когда-либо видеть. Он весь был невероятно безобразен — от макушки бесформенной головы до изогнутых колесом ног.

С помощью трех мужчин ей удалось выкупать мальчика. Остальные в это время пытались очистить помещение от мусора. Она работала молча, с чувством оскорбленного достоинства, раздраженная ни на минуту не прекращающимися криками и сопротивлением.

Доктор Хоскинс намекнул ей, что ребенок будет некрасивым, но кто мог предположить, что он окажется столь уродливым. И ни мыло, ни вода не в состоянии были до конца уничтожить исходивший от него отвратительный запах, он лишь постепенно становился слабее.

Ей вдруг страстно захотелось швырнуть намыленного мальчишку Хоскинсу на руки и уйти, но ее удержала от этого профессиональная гордость. В конце концов, ведь она сама согласилась на эту работу... А кроме того, она представила, какими глазами посмотрит на нее доктор Хоскинс, его холодный взгляд, в котором она прочтет неизбежный вопрос: «Так значит, вы все-таки любите только красивых детей, мисс Феллоуз?»

Он стоял в некотором отдалении, с холодной улыбкой наблюдая за ними. Когда она встретила с ним взглядом, ей показалось, что кипевшее в ее душе чувство оскорбленного достоинства забавляет его.

Она тут же решила, что немного повременит с уходом. Сейчас это только унизило бы ее.

Когда кожа ребенка приняла наконец вполне сносный розовый оттенок и запахла душистым мылом, она, несмотря на все переживания, почувствовала себя лучше. Кричать мальчик уже был не в состоянии; он лишь устало скулил, в то время как его испуганный, настороженный взгляд быстро перебегал с одного лица на другое, не упуская из виду никого из тех, кто находился в комнате. То, что он был теперь чист, только подчеркивало худобу его обнаженного, дрожащего от холода после ванны тела.

— Дайте же наконец ночную рубашку для ребенка! — резко сказала мисс Феллоуз.

В тот же миг откуда-то появилась ночная рубашка.казалось, что все было подготовлено заранее, однако никто не трогался с места до ее приказа, как будто умышленно оставляя за ней право распоряжаться и тем самым испытывая ее.

— Я подержу его, мисс, — подойдя к ней, сказал Девеней. — Одна вы не справитесь.

— Благодарю вас.

Прежде чем удалось надеть на ребенка рубашку, им пришлось выдержать настоящую битву, а когда мальчик попытался сорвать ее, мисс Феллоуз сильно ударила его по руке.

Ребенок покраснел, но не заплакал. Он во все глаза уставился на нее, ощупывая неловкими пальцами фланель рубашки, как бы исследуя этот неведомый ему предмет.

«А теперь что?» — в отчаянии подумала мисс Феллоуз.

Все они, даже уродливый мальчуган, замерли, как бы ожидая, что она будет делать дальше.

— Вы позаботились о пище, о молоке? — решительно спросила мисс Феллоуз.

Они предусмотрели и это. В комнату вкатили специальный передвижной агрегат, состоявший из холодильного отделения, в котором стояло три кварты молока, и нагревательного устройства; в нем имелось также значительное количество укрепляющих средств: витаминизированные капли, медно-кобальтово-железистый сироп и много других препаратов, рассмотреть которые она не успела. Кроме того, там находился набор самосогревающегося детского питания.

Для начала она взяла одно только молоко. Электронное устройство за каких-нибудь десять секунд согрело его до необходимой температуры и автоматически выключилось. Она налила немного молока в блюдце, не сомневаясь в том, что уровень развития ребенка очень низок и он не умеет обращаться с чашкой.

Мисс Феллоуз кивнула мальчику и, обращаясь к нему, произнесла:

— Пей, ну пей же.

Она жестом показала ему, как поднести блюдце ко рту. Глаза ребенка следили за ее движениями, но он не шевельнулся.

Внезапно она решилась. Схватив мальчика за руку повыше локтя, она опустила свою свободную руку в молоко и затем провела ею по его губам, так что капли жидкости потекли по его щекам и подбородку.

Он отчаянно завопил, но вдруг умолк и начал облизывать свои влажные губы. Мисс Феллоуз отступила назад.

Мальчик приблизился к блюдцу, наклонился к нему и затем, быстро оглянувшись по сторонам, как бы высматривая притаившегося врага, снова нагнулся к молоку и начал его жадно лакать,

как кошка, издавая при этом какой-то неопределенный звук. Он даже не попытался приподнять блюдце руками.

Мисс Феллоуз не в силах была до конца скрыть охватившее ее при виде этого чувство, и, видимо, кое-что отразилось на ее лице, потому что Девеней, взглянув на нее, сказал:

— Доктор Хоскинс, а сестра в курсе того, что происходит?

— В курсе чего? — поинтересовалась мисс Феллоуз.

Девеней заколебался, но Хоскинс, по выражению лица которого снова можно было заподозрить, что все это втайне его забавляет, произнес:

— Ну что ж, можете ей сказать.

— Вы, по всей вероятности, даже не подозреваете, — обратился Девеней к мисс Феллоуз, — что волею случая вы — первая в истории цивилизованная женщина, которой пришлось ухаживать за ребенком-неандертальцем.

Сдерживая охвативший ее гнев, мисс Феллоуз повернулась к Хоскинсу:

— Вы могли бы предупредить меня заранее, доктор.

— А зачем? Какая вам разница?

— Речь шла о ребенке.

— А разве это не ребенок? У вас когда-нибудь был щенок или котенок, мисс Феллоуз? Неужели в них больше человеческого? А если бы это оказался детеныш шимпанзе, вы бы почувствовали к нему отвращение? Вы медицинская сестра, мисс Феллоуз. Судя по вашим документам, вы работали три года в родильном отделении. Вы когда-нибудь отказывались ухаживать за ребенком-уродом?

— Вы все-таки могли бы сказать мне это раньше, — уже менее решительно произнесла она.

— Для того, чтобы вы вовремя успели отказаться от этой работы? Не следует ли из этого, что вы хотите это сделать теперь?

Он холодно посмотрел ей прямо в глаза. С другого конца комнаты за ними наблюдал Девеней, а маленький неандерталец, покончив с молоком и вылизав начисто блюдце, поднял к ней мокрое лицо с широко раскрытыми, о чем-то молящими глазами.

Мальчик жестом указал на молоко, и вдруг из его рта посыпались все время повторяющиеся одни и те же отрывистые гор-

танные звуки попеременно с искусным прищелкиванием языком.

— А ведь он говорит! — удивленно воскликнула мисс Феллоуз.

— Конечно,— сказал Хоскинс.— *Homo neanderthalensis* в действительности является не отдельным видом, а скорее разновидностью *Homo sapiens*. Так почему бы ему не уметь говорить? Вполне возможно, что он просит еще молока.

Мисс Феллоуз машинально потянулась за бутылкой, но Хоскинс схватил ее за руку:

— А теперь, мисс Феллоуз, прежде чем вы сделаете еще хоть одно движение, вы должны сказать, остаетесь вы или нет.

Мисс Феллоуз раздраженно высвободила руку.

— А если я уйду, вы что, не собираетесь в этом случае кормить его? Я побуду с ним... некоторое время.

Она налила ребенку молока.

— Мы намереемся оставить вас здесь с мальчиком, мисс Феллоуз,— сказал Хоскинс.— Это единственный вход в Первую секцию Стасиса. Дверь тщательно запирается и охраняется снаружи. Я хотел бы, чтобы вы изучили систему замка, который будет, конечно, соответствующе настроен на отпечатки ваших пальцев, так же как он настроен на отпечатки моих собственных. Пространство наверху (он поднял взгляд к несуществующему потолку кукольного домика) охраняется тоже, и мы будем предупреждены в любом случае, если здесь произойдет что-либо необычное.

— Вы хотите сказать, что я все время буду находиться под наблюдением? — возмущенно воскликнула мисс Феллоуз, вдруг вспомнив, как она сама рассматривала с балкона внутреннюю часть помещения.

— О нет,— серьезно заверил ее Хоскинс,— мы гарантируем, что ни один посторонний наблюдатель не будет свидетелем вашей частной жизни. Все объекты в виде электронных символов передаются вычислительной машине, и только она будет иметь с ними дело. Вы проведете с ним эту ночь, мисс Феллоуз, а также все последующие, впредь до особого распоряжения. Мы предоставим вам несколько свободных часов в дневное время и дадим вам возможность самой составить их расписание в соответствии с вашими личными потребностями.

Мисс Феллоуз в недоумении окинула взглядом кукольный домик:

— А для чего все это, доктор Хоскинс? Разве мальчик представляет собой какую-нибудь опасность?

— Видите ли, мисс Феллоуз, все дело в энергии. Он никогда не должен покидать это помещение. Никогда. Ни на секунду. Ни по какой причине, даже если от этого зависит его жизнь. Даже для того, чтобы спасти вашу жизнь, мисс Феллоуз. Вы поняли меня?

Мисс Феллоуз гордо вскинула голову:

— Я знаю, что такое приказ, доктор Хоскинс. Медицинская сестра привыкает к тому, чтобы во имя долга жертвовать собственной безопасностью.

— Отлично. Вы всегда можете просигнализировать, если вам что-нибудь понадобится.

И двое мужчин покинули Стасис.

Обернувшись, мисс Феллоуз увидела, что мальчик, не притрагиваясь к молоку, по-прежнему не спускает с нее настороженного взгляда. Она попыталась жестами показать ему, как поднять блюдце ко рту. Он не последовал ее примеру, однако на этот раз, когда она прикоснулась к нему, он уже не закричал.

Его испуганные глаза ни на секунду не переставали следить за ней, подстерегая малейшее неверное движение. Она вдруг заметила, что инстинктивно пытается успокоить его, медленно приближая руку к его волосам, стараясь, однако, чтобы рука эта была все время в поле его зрения. Тем самым она давала ему понять, что в этом жесте не кроется никакой для него опасности.

И ей удалось погладить его по голове.

— Я хочу показать тебе, как пользоваться туалетом, — произнесла она. — Как ты считаешь, сможешь ты этому научиться?

Она говорила очень мягко и осторожно, отлично сознавая, что он не поймет ни одного слова, однако надеясь на то, что сам звук ее голоса успокаивающе повлияет на него.

Мальчик снова защелкал языком.

— Можно взять тебя за руку? — спросила она.

Она протянула ему обе руки и замерла в ожидании. Рука ребенка медленно двинулась навстречу ее руке.

— Правильно, — кивнула она.

Когда рука мальчика была уже в каком-нибудь дюйме от ее собственных рук, смелость оставила его и он отдернул свою руку назад.

— Ну что ж, — спокойно сказала мисс Феллоуз, — позже мы попробуем еще раз. Не хочется ли тебе посидеть? — Она похлопала рукой по кровати.

Медленно текло время, еще медленнее продвигалось воспитание ребенка. Ей не удалось приучить его ни к туалету, ни к кровати. Когда мальчику явно захотелось спать, он опустился на ничем не покрытый пол и быстрым движением юркнул под кровать.

Мисс Феллоуз нагнулась, чтобы взглянуть на него, и из темноты на нее уставились два горящих глаза и она услышала знакомое прищелкивание.

— Ладно, — сказала она, — если ты чувствуешь себя там в большей безопасности, можешь спать под кроватью.

Она прикрыла дверь спальни и удалилась в самую большую из трех комнат, где для нее была приготовлена койка, над которой по ее требованию натянули временный тент.

«Если эти глупцы хотят, чтобы я здесь ночевала, — подумала она, — они должны повесить в этой комнате зеркало, заменить шкаф более вместительным и оборудовать отдельный туалет».

Она никак не могла заснуть, помимо своей воли напрягая слух, чтобы не упустить ни одного звука, который мог раздаться из соседней комнаты. Она убеждала себя в том, что ребенок не в состоянии выбраться из дома, но, несмотря на это, ее грызли сомнения. Совершенно гладкие стены были, безусловно, очень высоки, ну а вдруг мальчишка лазает, как обезьяна? Впрочем, Хоскинс заверил ее, что за всем происходящим внизу следят специальные наблюдательные устройства.

Неожиданно ей пришла в голову новая мысль: а что, если мальчик все-таки опасен? Опасен в самом прямом смысле этого слова? Нет, Хоскинс не скрыл бы это от нее, не оставил бы ее с ним одну, если бы...

Мисс Феллоуз попыталась разубедить себя, внутренне смеясь над своими страхами. Ведь это был всего лишь трех- или четырехлетний ребенок. Однако ей, несмотря на все усилия, не удалось обрезать ему ногти. А что, если, когда она заснет, он вздумает напасть на нее, пустив в ход зубы и ногти...

У нее участилось дыхание. Это просто смешно, и все же... Она мучительно напрягла слух, и на этот раз ей удалось уловить какой-то звук.

Мальчик плакал.

Не кричал от страха или злобы, не выл и не визжал, а именно тихо плакал, как убитый горем, глубоко несчастный одинокий ребенок.

«Бедняжка», — подумала мисс Феллоуз, и впервые с момента встречи с ним сердце ее пронзила острая жалость.

Ведь это настоящий ребенок, так какое же, по сути дела, значение имеет форма его головы? И это не просто ребенок, а ребенок осиротевший, как ни одно дитя за всю историю человечества. Тысячи лет назад не только умерли его родители, но безвозвратно исчезло все, что его когда-то окружало. Грубо выхваченный из давно ушедшего времени, он был теперь единственным во всем мире существом такого рода. Последним и единственным.

Она почувствовала, как ее все больше охватывает глубокое сострадание и стыд за собственное бессердечие. Тщательно поправив ночную рубашку, постаравшись, чтобы она по возможности лучше прикрывала ей ноги (ловя себя в то же время на совершенно неуместной мысли о том, что завтра же необходимо принести сюда халат), она встала с постели и направилась в соседнюю комнату.

— Мальчик, а мальчик! — шепотом позвала она.

Она совсем уж было собралась просунуть под кровать руку, но, сообразив, что он может укунить ее, решила не делать этого. Она зажгла ночник и отодвинула кровать.

Несчастный ребенок, прижав колени к подбородку, комочком свернулся в углу, глядя на нее заплаканными, полными страха глазами.

В полумраке его внешность показалась ей менее отталкивающей.

— Ах ты, бедняга, бедняга, — произнесла мисс Феллоуз, осторожно глядя его по голове, чувствуя, как мгновенно напряглось, а потом постепенно расслабилось его тело. — Бедный мальчуган. Можно мне побыть с тобой?

Она села рядом с ним на пол и начала медленно и ритмично гладить его волосы, щеку, руку, тихо напевая какую-то ласковую песенку.

Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь разглядеть при слабом свете ночника ее губы, как бы заинтересовавшись этим совершенно новым для него звуком.

Воспользовавшись этим, она притянула его поближе, и ласковым, но решительным движением ей удалось постепенно приблизить его голову к своему плечу. Она просунула руку под его ноги и не спеша, плавно подняла его к себе на колени. Снова и снова повторяя все тот же один несложный куплет и не выпуская из рук ребенка, она медленно качалась вперед и назад, баюкая его. Он постепенно успокоился, и вскоре по его ровному дыханию она поняла, что мальчик заснул.

Очень осторожно, стараясь не шуметь, мисс Феллоуз подвинула на место кровать и положила на нее ребенка. Укрыв спящего, она внимательно посмотрела на него. Во сне его лицо казалось таким мирным, таким ребячьим, что, право же, его безобразие как-то меньше бросалось в глаза.

Уже направившись на цыпочках к двери, она вдруг подумала: «А что, если он вдруг проснется?» — и повернула назад.

Преодолев внутреннее сопротивление и справившись с охватившими ее разноречивыми чувствами, она вздохнула и медленно опустилась на кровать рядом с ребенком.

Кровать была для нее слишком мала, и ей пришлось скорчиться, чтобы как-то улечься на ней. Кроме того, она не могла избавиться от чувства неловкости, причиной которого было отсутствие над кроватью тента. Но рука ребенка робко скользнула в ее ладонь, и через некоторое время ей все-таки удалось задремать.

Она проснулась как от внезапного толчка и с трудом сдержала чуть было не сорвавшийся с ее губ крик ужаса. Мальчик смотрел на нее в упор широко раскрытыми глазами, и ей понадобилось довольно много времени, чтобы вспомнить, как она очутилась на его кровати. Медленно, не отрывая от него взгляда, она спустила на пол сначала одну, потом другую ногу.

Бросив быстрый испуганный взгляд в сторону лишенного покрытия потолка, она напрягла мускулы для последнего решительного движения, собираясь окончательно выбраться из кровати.

Но в этот момент мальчик, вытянув руку, коснулся ее губ своими похожими на обрубки пальцами и что-то произнес.

Это прикосновение заставило ее отпрянуть. При дневном освещении он был непередаваемо безобразен.

Мальчик опять повторил какую-то фразу, а затем, открыв широко рот, движением руки пытался показать, будто что-то вытекает у него изо рта.

Мисс Феллоуз задумалась, стараясь отгадать значение этого жеста, и вдруг взволнованно воскликнула:

— Ты хочешь, чтобы я пела?

Мальчик молча продолжал смотреть на ее губы.

Несколько фальшивя от напряжения, мисс Феллоуз начала ту самую песенку, что пела ему накануне ночью, и маленький урод улыбнулся, неуклюже раскачиваясь в такт музыке и издавая при этом какой-то булькающий звук, который можно было истолковать как смех.

Мисс Феллоуз незаметно вздохнула. Да, правильно говорят, что музыка умиряет сердце дикаря. Она может помочь...

— Подожди немного, — сказала она, — дай мне привести себя в порядок, это займет не больше минуты. А потом я приготовлю тебе завтрак.

Ни на секунду не забывая об отсутствии потолка, она быстро покончила со своими делами. Мальчик оставался в постели, внимательно наблюдая за ней, когда она появлялась в поле его зрения. И каждый раз в эти моменты она улыбалась и махала ему рукой. В конце концов он тоже помахал ей в ответ, и она нашла этот жест очаровательным.

— Ты хочешь молочную овсяную кашу? — спросила она, покончив со своими делами.

Приготовление каши было делом нескольких секунд, и когда еда была на столе, она поманила его рукой.

Неизвестно, понял ли он значение ее жеста или же его привлёк запах пищи, но мальчик тут же вылез из кровати.

Мисс Феллоуз попыталась показать ему, как пользоваться ложкой, но он в страхе отпрянул. («Ничего, у нас впереди еще много времени», — подумала она.) Однако она настояла на том, чтобы он руками поднял миску ко рту. Он повиновался, но действовал так неловко, что страшно испачкался, хотя большая часть каши все-таки попала по назначению.

На этот раз она дала ему молоко в стакане, и мальчуган, обнаружив, что отверстие сосуда слишком мало, чтобы просунуть

в него лицо, жалобно захныкал. Мисс Феллоуз взяла его за руку и, прижав его пальцы к стакану, заставила поднести стакан ко рту.

Снова все было облито и испачкано, но, как и в первый раз, большая часть молока все-таки попала ребенку в рот, а что касается беспорядка, то она привыкла и не к такому.

К ее удивлению, освоить туалет оказалось более простой задачей, что принесло ей немалое облегчение. На этот раз он довольно быстро понял, чего она ждет от него. Она поймала себя на том, что гладит его по голове, приговаривая:

— Вот это хороший мальчик, вот это умица!

И ребенок улыбнулся, доставив ей неожиданное удовольствие.

«Когда он улыбается, он, право же, вполне сношен»,— подумала она.

В этот же день после полудня прибыли представители прессы. Пока они устанавливали в дверях свою аппаратуру, мисс Феллоуз взяла мальчика на руки, и он крепко прижался к ней. Суэта пугала его, и он громко заплакал, но, несмотря на это, прошло не менее десяти минут, пока ей разрешили унести ребенка в соседнюю комнату.

Она вскоре вернулась, покраснев от возмущения, и в первый раз за восемнадцать часов вышла из домика, плотно закрыв за собой дверь.

— Я думаю, что с вас на сегодня хватит. Теперь мне понадобится бог знает сколько времени, чтобы успокоить его. Уходите.

— Ладно, ладно,— произнес джентльмен из «Таймс геральд».— А это действительно неандерталец или какое-нибудь жульничество?

— Уверяю вас, что это не мистификация,— раздался откуда-то сзади голос Хоскинса.— Ребенок — настоящий Номо neanderthalensis.

— Это мальчик или девочка?

— Это мальчик-обезьяна,— вмешался джентльмен из «Ньюс».— Нам сейчас показывают не что иное, как мальчика-обезьяну. Как он себя ведет, сестра?

— Он ведет себя точно так же, как любой другой маленький мальчик,— отрезала мисс Феллоуз. Раздражение заставило ее стать на защиту ребенка.— И он вовсе не мальчик-обезьяна. Его

зовут... Тимоти, Тимми, и он абсолютно нормален в своих действиях.

Имя Тимоти было выбрано ею совершенно случайно — оно просто первым пришло ей в голову.

— Тимми — мальчик-обезьяна, — изрек джентльмен из «Ньюс», и, как оказалось впоследствии, именно под этой кличкой ребенок впервые стал известен всему миру.

— Скажите, док, что вы собираетесь делать с этим мальчиком-обезьяной? — спросил, обращаясь к Хоскинсу, джентльмен из «Глоба».

Хоскинс пожал плечами:

— Видите ли, моя первоначальная задача заключалась в том, чтобы доказать возможность перенесения его в наше время. Однако я полагаю, что он заинтересует антропологов и физиологов. Ведь перед нами находится существо, по своему развитию стоящее на грани между животным и человеком. Нам представляется возможность узнать многое о нас самих и о наших предках.

— Как долго намерены вы держать его здесь?

— Сколько нам понадобится на его изучение плюс еще какой-то период после завершения исследований. Не исключено, что на это потребуются довольно много времени.

— Не могли бы вы вывести его из дома? Тогда нам удалось бы установить телевизионную аппаратуру и состряпать настоящее зрелище.

— Очень сожалею, но ребенок не может покинуть пределы Стасиса.

— А что такое Стасис?

— Боюсь, джентльмены, что объяснение займет слишком много времени. — Хоскинс позволил себе улыбнуться. — А вкратце суть дела заключается в том, что времени, каким мы его себе представляем, в Стасисе не существует. Эти комнаты как бы покрыты невидимой оболочкой и не являются в полном смысле частью нашего мира. Именно благодаря этому и удалось извлечь, так сказать, ребенка из времени.

— Постойте-ка, — перебил джентльмен из «Ньюс», которого явно не удовлетворило объяснение Хоскинса, — что это вы там болтаете? Ведь сестра свободно входит и выходит из помещения.

— Это может сделать любой из вас, — небрежно ответил Хоскинс. — Вы будете двигаться параллельно временным силовым линиям, и это не повлечет за собой сколько-нибудь значительной потери или притока энергии. Ребенок же был доставлен сюда из далекого прошлого. Его движение происходило поперек силовых линий, и он получил временной потенциал. Для того чтобы переместить его в наш мир, в наше время, потребуется израсходовать всю энергию, накопленную нашим акционерным обществом, а также, возможно, и все запасы энергии города Вашингтона. Мы были вынуждены сохранить доставленный сюда вместе с мальчиком мусор, и нам придется лишь постепенно, по крупницам удалять его отсюда.

Пока Хоскинс давал объяснения, корреспонденты что-то деловито строчили в своих блокнотах. Из всего сказанного они ровным счетом ничего не поняли и были убеждены в том, что их читателей постигнет та же участь; однако все звучало очень научно, а именно это и требовалось.

— Вы сможете дать сегодня вечером интервью? — спросил представитель «Таймс геральд». — Оно будет передаваться по всем каналам.

— Думаю, что смогу, — быстро ответил Хоскинс, и корреспонденты удалились.

Мисс Феллоуз молча смотрела им вслед. Все, что было сказано о Стасисе и о временных силовых линиях, она поняла не лучше, чем корреспонденты. Но одно усвоила твердо. Тимми (она поймала себя на том, что уже думает о мальчике как о Тимми) был действительно приговорен к вечному заключению в стенах Стасиса, причем это вовсе не было простым капризом Хоскинса. Видимо, и вправду невозможно было выпустить его отсюда. Никогда.

Бедный ребенок. Бедный ребенок.

Внезапно до ее сознания дошло, что он все еще плачет, и она поспешила назад, чтобы успокоить его.

Мисс Феллоуз не удалось увидеть выступление Хоскинса; хотя его интервью передавалось не только в самых отдаленных уголках Земли, но даже на станции на Луне, оно не проникло в маленькую квартирку, где жили теперь мисс Феллоуз и уродливый мальчуган.

На следующее утро Хоскинс спустился к ним, сияя от торжества.

— Интервью прошло удачно? — спросила мисс Феллоуз.

— Исключительно удачно. А как поживает... Тимми?

Услышав, что он назвал мальчика по имени, мисс Феллоуз была приятно удивлена.

— Все в порядке. Иди сюда, Тимми, это добрый дядя, он тебя не обидит.

Но Тимми не пожелал выйти из другой комнаты, и из-за дверей виднелся только клок его спутанных волос да время от времени робко показывался один блестящий глаз.

— Мальчик удивительно быстро привыкает к обстановке, право же, он весьма сообразителен.

— Вас это удивляет?

— Да. Боюсь, что вначале я приняла его за детеныша обезьяны, — секунду поколебавшись, ответила она.

— Кем бы он там ни был, а пока что он очень много для нас сделал. Ведь он создал славу «Стасис инкорпорейтед». Мы теперь на коне, да, мы на коне.

Видимо, ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своим торжеством, пусть даже с ней, с мисс Феллоуз.

— Каким же образом удалось ему это сделать? — спросила она, тем самым давая Хоскинсу возможность высказаться.

Засунув руки в карманы, Хоскинс продолжал:

— Десять лет мы работали, имея в своем распоряжении крайне ограниченные средства, добывая где только можно буквально по пенсу. Мы просто обязаны были создать сразу нечто очень эффектное, пусть нам для этого пришлось все поставить на карту. Уверяю вас, это был каторжный труд. Попытка вызвать из глубины времени этого неандертальца стоила нам всех денег, которые удалось сколотить, где одалживая, а где и воруя, да-да, именно воруя. На осуществление этого эксперимента пошли средства, ассигнованные на другие цели. Их мы использовали без разрешения. Если бы опыт не удался, со мною было бы покончено.

— Поэтому-то у домика нет потолка? — прервала его мисс Феллоуз.

— Что вы сказали? — переспросил Хоскинс.

— Вам не хватило денег на потолок?

— А! Видите ли, это было не единственной причиной. По правде говоря, мы не в состоянии были угадать точный возраст неандертальца. Наши возможности четкого определения особенностей объекта, столь удаленного во времени, пока ограничены, и он вполне мог оказаться существом огромного роста и дикого нрава, а в этом случае нам пришлось бы общаться с ним на расстоянии, как с посаженным в клетку животным.

— Но поскольку ваши опасения не оправдались, вы могли бы теперь, мне кажется, достроить потолок.

— Теперь да. У нас теперь много денег. Все это великолепно, мисс Феллоуз.— Улыбка не сходила с его широкого лица, и, когда он повернулся, чтобы уйти, казалось, даже спина его улыбалась.

«Он довольно приятный человек, когда забывается и сбрасывает маску отрешенного от всего земного ученого»,— подумала мисс Феллоуз.

Ей вдруг захотелось узнать, женат ли он, но, спохватившись, она постаралась отогнать от себя эту мысль.

— Тимми,— позвала она,— иди сюда, Тимми!

За протекшие с того дня месяцы мисс Феллоуз все больше и больше начинала чувствовать себя неотъемлемой частью компании «Стасис инкорпорейтед». Ей был предоставлен отдельный маленький кабинет, на двери которого красовалась табличка с ее именем и который находился довольно близко от кукольного домика (как она продолжала называть служившую для Тимми жильем камеру Стасиса). Ей теперь платили намного больше, чем вначале, а у кукольного домика был наконец достроен потолок и улучшено внутреннее оборудование: была выстроена вторая туалетная комната. И мало того, она получила собственную квартиру на территории Стасиса, и иногда ей даже удавалось там ночевать. Между кукольным домиком и этой ее новой квартирой провели внутренний телефон, и Тимми научился им пользоваться.

Мисс Феллоуз привыкла к Тимми настолько, что даже меньше стала замечать его безобразие. Однажды на улице она поймала себя на том, что какой-то встретившийся на пути обыкновенный мальчик показался ей крайне непривлекательным — у него был высокий выпуклый лоб и выступающий вперед резко очерчен-

ный подбородок. Ей пришлось сделать над собою усилие, чтобы избавиться от этого наваждения.

Гораздо приятнее было привыкать к случайным посещениям Хоскинса. Было совершенно очевидно, что он с удовольствием расставался на время со своей становившейся все более утомительной ролью главы акционерного общества «Стасис инкорпорейтед» и что ребенок, с появлением которого было связано нынешнее процветание общества, будил в нем какие-то особые чувства, граничащие с сентиментальностью. Но мисс Феллоуз казалось, что ему было приятно беседовать и с ней. (За это время ей удалось узнать, что Хоскинс разработал метод анализа отражения мезонного луча, проникающего в прошлое; его изобретением был и сам Стасис. Холодность его была чисто внешней, ею он пытался замаскировать природную доброту, и, о да, он был женат.)

К чему мисс Феллоуз никак не могла привыкнуть, так это к мысли, что она участвует в научном эксперименте. Несмотря на все усилия, она все больше чувствовала себя лично связанной со всем происходящим, и дело подчас доходило до прямых стычек с физиологами.

Однажды, спустившись к ним, Хоскинс нашел ее в таком гневе, что, казалось, она способна была в этот момент совершить убийство. Они не имели права, они не имели права... Даже если он неандерталец, все равно он человек, а не животное.

Она следила за ними через открытую дверь. Почти ослепнув от охватившей ее ярости, она прислушивалась к всхлипываниям Тимми и вдруг заметила стоящего рядом Хоскинса. Возможно, он уже давно находился здесь.

— Можно войти? — спросил он.

Коротко кивнув, она поспешила к Тимми, который тесно прижался к ней, обвив ее своими маленькими кривыми и все еще такими худыми ножками.

Хоскинс какое-то время наблюдал за ними, потом мрачно сказал:

— Он выглядит несчастным.

— И это не его вина, — ответила мисс Феллоуз. — Они каждый день вьются вокруг него со своими пробами крови и прочими исследованиями. Его держат на синтетической пище, которой я не стала бы кормить даже свинью.

— Вы ведь знаете, что они не имеют права проделывать подобные опыты над человеком, — сказал Хоскинс.

— А я решительно заявляю, доктор Хоскинс, что они не имеют права проделывать это и над Тимми. Вы когда-то сказали мне, что именно появление Тимми дало жизнь «Стасис инкорпорейтед». Если вы чувствуете хоть каплю благодарности, вы должны избавить беднягу от этих людей, по крайней мере до той поры, пока он не подрастет настолько, что начнет хоть немного больше понимать. После их манипуляций он не может спать, его душат кошмары. Я предупреждаю вас, — ярость ее вдруг достигла кульминации, — что я их больше сюда не впусу!

До ее сознания дошло, что под конец она перешла на крик, но она уже не владела собой.

— Я знаю, что он неандерталец, — несколько успокоившись, продолжала она, — но мы их во многом недооцениваем. Я читала о неандертальцах. У них была своя культура, и некоторые из величайших человеческих открытий, такие, как, например, одомашнивание животных, изобретение колеса и различных типов каменных жерновов, были сделаны именно в их эпоху. У них, несомненно, были даже духовные потребности. Это видно из того, что при погребении они клали вместе с умершим его личные вещи, — следовательно, они верили в загробную жизнь, может быть, у них уже была какая-то религия. Неужели все это не дает Тимми права на человеческое отношение?

Она ласково похлопала мальчика по спине и отослала его играть в комнату. Когда открылась дверь, взору Хоскинса представилось огромное количество разнообразных игрушек.

Он улыбнулся.

— Несчастный ребенок заслужил эти игрушки, — поспешно заняв оборонительную позицию, сказала мисс Феллоуз. — Это все, что у него есть, и он зарабатывает их теми мучениями, которым его здесь подвергают.

— Нет-нет, уверяю вас, я ничего не имею против этого. Я только подумал о том, как изменились вы сами с того первого дня, ведь вы были весьма недовольны тем, что я подсунул вам неандертальца.

— Мне кажется, что я не была до такой уж степени недовольна, — тихо возразила мисс Феллоуз, но тут же умолкла.

— Как вы считаете, мисс Феллоуз, сколько ему может быть лет? — переменял тему Хоскинс.

— Я не могу вам этого сказать с достаточной точностью, ведь мы не знаем, как развивались неандертальцы, — ответила мисс Феллоуз. — Если исходить из его роста, то ему не более трех лет, но неандертальцы вообще были низкорослыми, а если учесть характер проделываемых над ним опытов, то он, быть может, вовсе перестал расти. А исходя из того, как он усваивает английский язык, можно заключить, что ему гораздо больше четырех.

— Это правда? Я что-то не заметил в докладах ни слова о том, что он учится говорить.

— Он не станет говорить ни с кем, кроме меня, во всяком случае в настоящее время. Он всех ужасно боится, и это неудивительно. Он может, например, попросить какую-нибудь определенную пищу. Более того, он в состоянии высказать любое свое желание и понимает почти все, что я говорю ему. Впрочем, не исключено, что его развитие приостановится.

Произнося последнюю фразу, мисс Феллоуз напряженно следила за выражением его лица, стараясь определить, насколько вовремя коснулась она этого вопроса.

— Почему?

— Каждому ребенку нужна определенная стимуляция, а Тимми живет здесь как в одиночном заключении. Я делаю для него все, что в моих силах, но ведь я не все время нахожусь подле него, а кроме того, я не в состоянии дать ему все, в чем он нуждается. Я хочу сказать, доктор Хоскинс, что ему необходимо играть с каким-нибудь другим мальчиком.

Хоскинс медленно наклонил голову:

— К сожалению, у нас имеется всего лишь один такой ребенок. Бедное дитя!

Услышав это, мисс Феллоуз сразу смягчилась.

— Ведь вы любите Тимми, не правда ли? — Было так приятно сознавать, что еще кто-то испытывает к ребенку теплые чувства.

— О да, — ответил Хоскинс, на секунду теряя самоконтроль, и за этот краткий миг ей удалось заметить в его глазах усталость.

Мисс Феллоуз тут же оставила намерение довести свой план до конца.

— Вы выглядите очень утомленным, доктор Хоскинс, — с искренним участием произнесла она.

— Вы так думаете? Мне придется сделать над собой усилие, чтобы иметь более бодрый вид.

— Мне кажется, что «Стасис инкорпорейтед» не дает вам ни минуты покоя.

Хоскинс пожал плечами:

— Вы правы. В равной степени в этом повинны еще находящиеся у нас в настоящее время животные, растения и минералы. Кстати, мисс Феллоуз, вы, наверное, еще не видели наших экспонатов.

— По правде говоря, нет... Но вовсе не потому, что это меня не интересует. Я ведь была очень занята все это время.

— Ну теперь-то вы уже более свободны,— повинувшись какому-то внезапно принятому решению, сказал Хоскинс.— Я зайду за вами завтра утром в одиннадцать и сам все покажу вам. Вас это устраивает?

— Вполне, доктор Хоскинс, я буду очень рада,— улыбнувшись, ответила она.

Он кивнул и ушел, улыбнувшись в ответ.

Весь остаток дня мисс Феллоуз в свободное от работы время что-то про себя напевала. И в самом деле, хотя, безусловно, даже сама мысль об этом казалась ей в высшей степени странной, но ведь все это было похоже... почти похоже на то, что он назначил ей свидание.

Обаятельный и улыбающийся, он явился на следующий день точно в назначенное время. Вместо привычного рабочего халата мисс Феллоуз надела на этот раз платье. Кстати сказать, весьма старомодного покроя, но тем не менее уже много лет она не чувствовала себя столь женственной.

Хоскинс сделал ей несколько сдержанных комплиментов, и она приняла его похвалы в столь же сдержанной манере, подумав, что это прекрасное начало. Однако тут же ей пришла в голову другая мысль: «А собственно говоря, начало чего?»

Чтобы отогнать от себя эти мысли, она поспешила попрощаться с Тимми, пообещав ему, что скоро вернется.

Хоскинс повел ее в новое крыло здания, где она до сих пор ни разу не была. Здесь еще сохранился запах, свойственный новым, только что выстроенным помещениям. Доносившиеся откуда-то приглушенные звуки достаточно красноречиво свидетельствовали о том, что строительные работы еще не закончены.

— Животные, растения и минералы, — снова, как накануне, произнес Хоскинс. — Животные находятся здесь — это наиболее живописные из наших экспонатов.

Вся внутренняя часть здания была разделена на несколько помещений, каждое из которых представляло собой отдельную камеру Стасиса. Хоскинс подвел мисс Феллоуз к смотровому стеклу одной из камер, и она заглянула внутрь. Существо, представившееся ее взору, показалось ей вначале чем-то вроде покрытой чешуей хвостатой курицы. Покачиваясь на двух тощих лапках, оно бегало по камере, быстро поворачивая из стороны в сторону изящную птичью голову. На небольшой голове странного существа был костный нарост, напоминающий петушинный гребень. Пальцеобразные отростки коротких передних конечностей непрерывно сжимались и разжимались.

— Это наш динозавр, — сказал Хоскинс. — Он находится здесь уже несколько месяцев, и я не знаю, когда мы сможем расстаться с ним.

— Динозавр?

— А вы ожидали увидеть гиганта?

Она улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки.

— Мне кажется, что некоторые именно так их себе и представляют. Я знаю, что существовали динозавры небольшого размера.

— Уверю вас, что мы старались достать именно маленького динозавра. Как правило, он все время подвергается исследованиям, но сейчас, по-видимому, ему дали передышку. С его помощью удалось сделать кое-какие интересные открытия. Так, например, он не является полностью холоднокровным животным. Он обладает способностью, правда несовершенной, поддерживать внутреннюю температуру тела выше температуры окружающей среды. К сожалению, это самец. С того самого времени, когда он появился здесь, мы не прекращаем попыток зафиксировать другого динозавра, который может оказаться самкой, но до сих пор нам с этим не везло.

— А для чего нужна именно самка?

В его глазах промелькнула откровенная насмешка:

— В этом случае у нас появилась бы вполне реальная возможность получить оплодотворенные яйца, а следовательно, и детенышей динозавра.

— Ах да.

Он повел ее к отделению трилобитов.

— Перед вами профессор Дуэйн из Вашингтонского университета, — сказал Хоскинс. — Он специалист по ядерной химии. Если мне не изменяет память, он занимается определением изотопного состава кислорода воды.

— С какой целью?

— Это доисторическая вода; во всяком случае, возраст ее исчисляется по крайней мере полумиллиардом лет. Изотопный состав позволяет определить температуру океана в ту эпоху. Самого Дуэйна трилобиты не интересуют, их анатомированием занимаются другие ученые. Им повезло: ведь им нужны только скальпели и микроскопы, тогда как Дуэйну приходится для каждого опыта устанавливать сложный масс-спектрограф.

— Но почему же? Разве он не может?..

— Нет, не может. Ему нельзя ничего выносить из этого помещения до тех пор, пока существует хоть какая-то возможность избежать этого.

Здесь были также собраны образцы первобытной растительности и обломки скал — это и были растения и минералы, о которых ранее упоминал Хоскинс. У каждого экспоната имелся свой исследователь. Все это напоминало музей, оживший музей, ставший центром активной научной деятельности.

— И все это находится под вашим непосредственным руководством, доктор Хоскинс?

— О нет, мисс Феллоуз, слава богу, в моем распоряжении большой штат сотрудников. Меня интересует только теоретическая сторона вопроса: сущность времени, техника мезонного обнаружения удаленных во времени объектов и так далее. Все это я охотно променял бы на метод обнаружения объектов, удаленных во времени менее чем на десять тысяч лет. Если бы нам удалось проникнуть в историческую эпоху...

Его прервал какой-то шум у одной из отдаленных камер, откуда донесся до них чей-то высокий раздраженный голос. Хоскинс нахмурился и, коротко извинившись, поспешно направился туда.

Со всей быстротой, на которую она была способна, мисс Феллоуз почти бегом бросилась за ним.

— Неужели вы не можете понять, что мне необходимо закончить очень важную часть моих исследований? — крикливо во-

прошал пожилой мужчина с красным, обрамленным жидкой бородкой лицом.

Одетый в форму служащий, на лабораторном халате которого были вышиты буквы «СИ» («Стасис инкорпорейтед»), сказал, обращаясь к Хоскинсу:

— Профессор Адемевский с самого начала был поставлен в известность, что этот экспонат будет находиться здесь только две недели.

— Я тогда еще не знал, сколько времени займут мои исследования, я не пророк! — возбужденно выкрикнул Адемевский.

— Вы ведь понимаете, профессор, что мы располагаем весьма ограниченным пространством, — сказал Хоскинс. — Поэтому мы вынуждены время от времени менять имеющиеся у нас образцы. Этот обломок халкопирита должен вернуться туда, откуда он к нам прибыл. Ученые ждут новых экспонатов.

— Почему же я не могу получить его в личное пользование? Разрешите мне унести его отсюда.

— Вы знаете, что это невозможно.

— Вам жалко отдать мне кусок халкопирита, этот несчастный пятикилограммовый обломок? Но почему?

— Нам не по карману связанная с этим утечка энергии! — раздраженно воскликнул Хоскинс. — И вам это отлично известно.

— Дело в том, доктор Хоскинс, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, а я как раз собирался прорвать Стасис, не зная, что профессор находится внутри.

На мгновение все умолкли. Повернувшись к ученому, Хоскинс холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемевский неловко кашлянул:

— Видите ли, я не думал, что это нанесет какой-либо ущерб...

Хоскинс протянул руку и дернул за шнур, свободно висевший на наружной стене камеры, о которой в данный момент шла речь.

У мисс Феллоуз, которая как раз в это время разглядывала этот ничем не примечательный, но вызвавший столь горячий спор кусок камня, перехватило дыхание — на ее глазах камень мгновенно исчез. Камера была пуста.

— Я очень сожалею, профессор,— сказал Хоскинс,— но выданное вам разрешение на исследование различных объектов, находящихся в Стасисе, аннулируется навсегда.

— Но погодите...

— Я еще раз очень сожалею. Вы нарушили одно из наших самых важных правил.

— Я подам жалобу в Международную ассоциацию...

— Жалуйтесь кому угодно. Вы только убедитесь в том, что в случаях, подобных этому, никто не заставит меня отступить.

Он демонстративно отвернулся от продолжавшего протестовать профессора и, все еще бледный от гнева, сказал, обращаясь к мисс Феллоуз:

— Вы не откажетесь позавтракать со мной?

Хоскинс провел ее в ту часть кафетерия, которая была отведена для членов администрации. Он поздоровался с сидевшими за столиками знакомыми и спокойно представил им мисс Феллоуз, испытывавшую в этот момент мучительную неловкость. «Что они подумают?» — эта мысль не давала ей покоя, и она изо всех сил старалась принять по возможности деловой вид.

— Доктор Хоскинс, у вас часто случаются подобные неприятности? — спросила она, взяв вилку и принимаясь за еду. — Я имею в виду это происшествие с профессором.

— Нет,— с усилием ответил Хоскинс,— такое произошло впервые. Мне, правда, частенько приходилось спорить с желающими вынести из Стасиса тот или иной экспонат, но до сегодняшнего дня никто еще не пытался сделать это.

— Мне помнится, что вы однажды говорили о том, что с этим связан большой расход энергии.

— Совершенно верно. Мы, конечно, постарались учесть такую возможность, так как подобные случаи будут повторяться, и у нас имеется теперь специальный запас энергии, рассчитанный на покрытие утечки при непредусмотренном выносе из Стасиса какого-нибудь предмета. Но это вовсе не означает, что нам доставит удовольствие за полсекунды потерять годовой запас энергии. Ведь ущерб, нанесенный нашим средствам потерей такого количества энергии, заставил бы нас на долгие годы отложить дальнейшее претворение в жизнь планов проникновения в глубины времени... Кроме того, вы можете себе предста-

вить, что случилось бы, находишься профессор в камере в тот момент, когда собирались прорвать Стасис?

— А что бы с ним в этом случае произошло?

— Видите ли, мы экспериментировали на неодушевленных предметах и на мышах — они бесследно исчезают. Мы полагаем, что они отправляются назад, в глубину времени, как бы захватываемые объектом, который мгновенно переносится в то время, из которого его извлекли. Поэтому нам приходится закреплять те предметы, исчезновение которых из Стасиса нам нежелательно. Что касается профессора, то он отправился бы прямо в плиоцен вместе с исчезнувшим куском камня и очутился бы там в то самое время, из которого мы этот камень извлекли, плюс те две недели, что он находился у нас.

— Как это было бы ужасно!

— Уверяю вас, что судьба самого профессора меня мало беспокоит. Если бы он был настолько глуп, чтобы совершить подобный поступок, то туда ему и дорога, это послужило бы ему хорошим уроком. Но вы только представьте себе, какое это произвело бы впечатление на публику, если бы факт его исчезновения стал широко известен. Достаточно только людям узнать, что нашим опытам сопутствует столь большая опасность, как нас мгновенно лишат средств.

Хоскинс выразительно шелкнул пальцами и принялся мрачно ковырять вилкой стоявшую перед ним еду.

— А вы не могли бы вернуть его назад? — спросила мисс Феллоуз. — Тем же способом, каким вы вначале получили этот камень?

— Нет, потому что, как только предмет отправляется обратно, он уже больше не фиксируется, если только дальнейшая связь с ним не предусматривается заранее, а в данном случае у нас не было для этого никаких оснований. Да и вообще мы никогда к этому не прибегаем. Для того чтобы найти профессора, нужно было бы восстановить первоначальное направление поисков, а это все равно что забросить удочку в океан с целью поймать одну определенную рыбу. О господи, когда я думаю о всех мерах предосторожности, принимаемых нами, чтобы избежать несчастных случаев, это сводит меня с ума. Каждая отдельная камера Стасиса имеет свое прорывающее устройство — без этого нельзя, так как все они фиксируют различные предметы и должны пре-

крашать свои функции независимо друг от друга. Кроме того, ни одно прорывающее устройство не вводится в действие до последней минуты, причем мы тщательно разработали единственно возможный способ прорыва потенциального поля Стасиса — для этого необходимо дернуть за шнур, осторожно выведенный за пределы камеры. А чтобы устройство сработало, нужно приложить значительную физическую силу, так что для этого недостаточно случайного движения.

— Скажите, а... не влияет ли на ход истории подобное перемещение объектов из прошлого в настоящее время и обратно? — спросила мисс Феллоуз.

Хоскинс пожал плечами:

— Если подходить к этому с точки зрения теории, то на ваш вопрос можно ответить утвердительно, но в действительности, если исключить из ряда вон выходящие случаи, это не имеет для развития истории никакого значения. Мы все время что-то удаляем из Стасиса — молекулы воздуха, бактерии, пыль. Около десяти процентов потребляемой энергии тратится на возмещение связанной с этим утечки. Но даже изменения, вызванные перемещением во времени сравнительно больших предметов, быстро сходят на нет. Возьмите хотя бы этот халкопирит из плиоцена. За его двухнедельное отсутствие какое-нибудь насекомое могло остаться без крова и погибнуть, что, в свою очередь, могло повлечь за собой целую серию изменений. Наши математические расчеты указывают на то, что это самозатухающие изменения, которые со временем становятся все менее значительными, и постепенно все опять приходит в первоначальную норму.

— Вы хотите сказать, что природа сама восполняет нанесенный ей ущерб?

— До известной степени. Если вы перенесете человека из другой эпохи в настоящее время или, наоборот, отправите его назад в прошлое, то нанесете более существенный ущерб. Если проделать это с обычным рядовым человеком, то рана все же может залечиться сама. Мы ежедневно получаем множество писем с просьбой перенести в нынешнее время Авраама Линкольна, или Магомета, или Ленина. Это, конечно, осуществить невозможно. Даже если бы нам удалось их обнаружить, то в этом случае перемещение во времени одного из творцов истории человечества нанесло бы такой колоссальный ущерб действитель-

ности, который невозможно было бы ничем компенсировать. Существуют методы, помогающие нам делать соответствующие расчеты, которые, в свою очередь, определяют, не слишком ли велики будут изменения в развитии при перемещении того или иного объекта во времени, и мы делаем все, чтобы даже не приближаться к этому пределу.

— Значит, Тимми... — начала было мисс Феллоуз.

— Нет, в этом отношении с ним все обстоит благополучно. Действительность находится в полной безопасности. Но... — Он бросил быстрый пронизывающий взгляд в ее сторону. — Нет, ничего. Вчера вы сказали мне, что Тимми необходимо общаться с детьми.

— Да. — Мисс Феллоуз радостно улыбнулась. — Я не думала, что вы обратили внимание на мою просьбу.

— Но почему же? Я питаю к ребенку самые теплые чувства и ценю ваше к нему отношение. Все это меня достаточно интересует, и я вовсе не собирался замалчивать этот вопрос, не объяснив вам, как обстоит дело. Теперь я выполнил эту задачу, вы видели, чем мы занимаемся, вам известны до некоторой степени те трудности, которые нам приходится преодолевать, и вы должны понять, почему при всем желании мы не можем обеспечить Тимми общество его сверстников.

— Не можете? — растерявшись, воскликнула мисс Феллоуз.

— Но ведь я только что вам все объяснил. У нас не было бы ни малейшей надежды найти другого неандертальца его возраста — на такую невероятную удачу не приходится даже рассчитывать. А если б нам и повезло, то совершенно неразумно было бы умножать риск, содержа в Стасисе еще одно человеческое существо.

— Но вы меня неправильно поняли, доктор Хоскинс, — отложив в сторону ложку, решительно сказала мисс Феллоуз. — Я вовсе не хочу, чтобы вы перенесли в настоящее время еще одного неандертальца. Я знаю, что это невозможно. Но зато ведь можно привести в Стасис другого ребенка, чтобы он играл с Тимми.

— Ребенка человека? — Хоскинс был потрясен.

— Другого ребенка, — отрезала мисс Феллоуз, чувствуя, как мгновенно все ее расположение к Хоскинсу сменилось враждебностью. — Тимми — человек!

— Мне это даже в голову не пришло.

— Почему? Почему вы не подумали именно об этом? Что в этом дурного? Вы вырвали ребенка из его эпохи, обрекли его на вечное заключение, так неужели вы не чувствуете себя в долгу перед ним? Доктор Хоскинс, если есть в этом мире человек, который по всем показателям, кроме биологического, может считаться отцом этого ребенка, то это — вы. Почему же вы не хотите сделать для него такую малость?

— Я — его отец? — спросил Хоскинс, как-то неловко поднимаясь из-за стола. — Если вы не возражаете, мисс Феллоуз, я провожу вас обратно в Стасис.

Они молча возвратились в кукольный домик. Никто из них не произнес больше ни слова.

Если не считать случайных, мимоходом брошенных взглядов, прошло много времени, пока ей снова удалось встретиться с Хоскинсом. Иногда она жалела об этом, но, когда Тимми бывал особенно грустен или молча стоял часами у окна, за которым почти ничего не было видно, она с возмущением думала: «Как же он глуп, этот человек!»

Тимми говорил с каждым днем все свободнее и правильнее. Правда, он так и не смог полностью избавиться от присущей ему с самого начала некоторой невнятности в произношении, в которой мисс Феллоуз находила даже своеобразную привлекательность. В минуты волнения он иногда по-прежнему прищелкивал, но это случалось все реже. Должно быть, он постепенно забывал те далекие дни, что предшествовали его появлению в нынешнем времени...

По мере того как Тимми подрастал, интерес к нему физиологов шел на убыль, зато теперь им стали больше заниматься психологи. Мисс Феллоуз не была уверена в том, кто из них вызывал в ней большую неприязнь. Со шприцами было покончено — уколы и выкачивания из организма жидкости прекратились; Тимми перестали кормить согласно специально составленной диете. Но зато теперь ему, чтобы получить пищу и воду, приходилось преодолевать препятствия. Он должен был поднимать половицы, отодвигать нарочно установленные решетки, дергать за шнуры. Удары слабого электрического тока доводили его до истерики, и это приводило мисс Феллоуз в отчаяние.

Она не желала больше обращаться к Хоскинсу: каждый раз, когда она думала о нем, перед ней всплывало его лицо, каким

оно было в то утро за завтраком. Глаза ее наполнялись слезами, и она опять не могла удержаться, чтобы не подумать: «Глупый, глупый человек!»

И вот однажды возле кукольного домика совершенно неожиданно раздался его голос — он звал ее.

Поправляя на ходу свой форменный халат, она не спеша вышла из дома и, внезапно смутившись, остановилась, увидев перед собой стройную женщину среднего роста. Благодаря светлым волосам и бледному цвету лица незнакомка казалась очень хрупкой. За ее спиной, крепко уцепившись за ее юбку, стоял круглолицый большеглазый мальчуган лет четырех.

— Дорогая, это мисс Феллоуз, сестра, наблюдающая за мальчиком. Мисс Феллоуз, познакомьтесь с моей женой.

Неужели это его жена? Мисс Феллоуз представляла ее совсем другой. Хотя почему бы и нет? Такой человек, как Хоскинс, вполне мог для контраста выбрать себе в жены слабое существо. Возможно, это было именно то, что ему требовалось...

Она заставила себя непринужденно поздороваться.

— Добрый день, миссис Хоскинс. Это ваш... ваш малыш?

Это было для нее полной неожиданностью. Она могла представить себе Хоскинса в роли мужа, но не отца, за исключением, конечно, того... Она вдруг поймала на себе мрачный взгляд Хоскинса и покраснела.

— Да, это мой сын Джерри, — сказал Хоскинс. — Джерри, поздоровайся с мисс Феллоуз.

Не подчеркнул ли он слегка слово «это»? Не хотел ли он дать ей понять, что *это* его сын, а не...

Джерри немного подался вперед, не расставаясь, однако, с материнской юбкой, и пробормотал приветствие. Миссис Хоскинс явно пыталась заглянуть через плечо мисс Феллоуз в комнату, как бы ожидая найти там нечто весьма ее интересовавшее.

— Ну что ж, зайдем в Стасис, — сказал Хоскинс. — Входи, дорогая. На пороге тебя ждет несколько неприятное ощущение, но это быстро пройдет.

— Вы хотите, чтобы Джерри тоже вошел туда? — спросила мисс Феллоуз.

— Конечно. Он будет играть с Тимми. Вы ведь говорили, что Тимми нужен товарищ для игр. Может быть, вы уже забыли об этом?

— Но... — В ее взгляде, брошенном на него, отразилось глубочайшее удивление. — Ваш мальчик?

— А чей же еще? — раздраженно сказал он. — Разве не этого вы добивались? Идем, дорогая. Входи же.

С явным усилием подняв Джерри на руки, миссис Хоскинс переступила через порог. Джерри захныкал — видимо, ему не понравилось испытываемое при входе в Стасис ощущение.

— Где же это существо? — тонким голосом спросила миссис Хоскинс. — Я не вижу его.

— Иди сюда, Тимми! — позвала мисс Феллоуз.

Тимми выглянул из-за двери, во все глаза уставившись на пожаловавшего к нему в гости мальчика. Мускулы на руках миссис Хоскинс заметно напряглись.

Обернувшись к мужу, она спросила:

— Ты уверен, Джеральд, что он не опасен?

— Если вы имеете в виду Тимми, то он не представляет никакой опасности, — тут же вмешалась мисс Феллоуз. — Он спокойный и послушный мальчик.

— Но ведь он ди... дикарь.

(Вот результат газетных историй о мальчике-обезьяне!)

— Он вовсе не дикарь, — с ударением произнесла мисс Феллоуз. — Он спокоен и рассудителен именно в той степени, в какой этого можно ожидать от пятилетнего ребенка. Очень великодушно с вашей стороны, миссис Хоскинс, разрешить вашему мальчику играть с Тимми, и я убедительно прошу вас не беспокоиться.

— Я не уверена, что соглашусь на это, — раздраженно произнесла миссис Хоскинс.

— Мы ведь уже обсудили этот вопрос, дорогая, — сказал Хоскинс, — и я думаю, что не стоит возобновлять наш спор. Спусти Джерри на пол.

Миссис Хоскинс повиновалась. Мальчик прижался к ней спиной и уставился на находившегося в соседней комнате ребенка, в свою очередь не спускавшего с него глаз.

— Тимми, иди-ка сюда, — сказала мисс Феллоуз, — иди, не бойся.

Тимми медленно вошел в комнату. Хоскинс наклонился, чтобы отцепить пальцы Джерри от материнской юбки.

— Отойди немного назад, дорогая, дай детям возможность познакомиться.

Мальчики очутились лицом к лицу. Несмотря на то что Джерри был младше, он был выше Тимми на целый дюйм, и на фоне его стройной фигурки и красиво посаженной пропорциональной головы гротескность облика Тимми вдруг бросилась в глаза, почти как в первые дни.

У мисс Феллоуз задрожали губы.

Первым заговорил маленький неандерталец.

— Как тебя зовут? — дискантом спросил он, быстро приблизив к Джерри свое лицо, как бы желая получше рассмотреть его.

Вздрогнув от неожиданности, Джерри вместо ответа дал Тимми сильного тумака. Тимми, отлетев назад и не удержавшись на ногах, упал на пол. Оба громко заревели, и миссис Хоскинс поспешила схватить Джерри на руки, в то время как мисс Феллоуз, покраснев от сдерживаемого гнева, подняла Тимми, стараясь успокоить его.

— Они инстинктивно невзлюбили друг друга, — заявила миссис Хоскинс.

— Они инстинктивно относятся друг к другу точно так же, как любые другие дети, будь они на их месте, — устало сказал Хоскинс. — А теперь спусти Джерри с рук и дай ему привыкнуть к обстановке. По правде говоря, нам лучше сейчас уйти. Мисс Феллоуз может через некоторое время привести Джерри ко мне в кабинет, и я позабочусь, чтобы его доставили домой.

В последовавший за этим час дети ни на минуту не упускали друг друга из виду. Джерри плакал и звал мать, боясь отойти от мисс Феллоуз, и только спустя некоторое время позволил наконец себя утешить леденцом. Тимми тоже получил леденец, и через час мисс Феллоуз удалось добиться того, что оба они сели играть в кубики, правда, в разных концах комнаты.

Когда мисс Феллоуз в этот день повела Джерри к отцу, она до такой степени была исполнена благодарности Хоскинсу, что с трудом сдерживала слезы.

Мисс Феллоуз искала слова, чтобы выразить свои чувства, но подчеркнутая сдержанность Хоскинса помешала ей высказаться. Может быть, он до сих пор не простил ей того, что она заставила прочувствовать жестокость его отношения к Тимми. А может быть, он в конце концов привел собственного сына, чтобы доказать ей, как хорошо он относится к Тимми, и одновре-

менно дать понять, что он вовсе не его отец. Да, именно это он и имел в виду!

Так что она ограничилась лишь несколькими словами:

— Спасибо, большое спасибо, доктор Хоскинс.

На что ему оставалось лишь ответить:

— Не за что, мисс Феллоуз. Все идет как нужно.

Постепенно это вошло в обычай. Два раза в неделю Джерри приводили на час поиграть с Тимми, потом этот срок был продлен до двух часов. Дети познакомились, постепенно изучили привычки друг друга и стали играть вместе.

И теперь, когда схлынула первая волна благодарности, мисс Феллоуз обнаружила, что Джерри ей явно не нравится. Физически он был значительно крупнее Тимми, да и вообще превосходил его во всех отношениях: он властвовал над Тимми, отводя ему во всем второстепенную роль. С создавшимся положением ее примиряло только то, что, несмотря на все трудности, Тимми все более нетерпеливо ждал очередного прихода своего товарища по играм.

«Это все, что у него есть в жизни», — с грустью говорила она себе.

И однажды, наблюдая за ними, она вдруг подумала: эти двое мальчиков — оба дети Хоскинса, один от жены, другой — от Стасиса. В то время как у нее самой...

«О господи, — сжав кулаками виски, со стыдом подумала она, — ведь я ревную!»

— Мисс Феллоуз, — спросил однажды Тимми (она никогда не разрешала ему иначе называть себя), — когда я пойду в школу?

Она взглянула в его карие глаза, умоляюще смотревшие на нее в ожидании ответа, и мягко провела рукой по его густым волосам. Это была самая неаккуратная часть его наружности: она стригла его сама, и мальчик, не переставая, вертелся под ножницами и мешал ей. Мисс Феллоуз никогда не просила прислать для этой цели парикмахера, ибо эта ее неумелая стрижка удачно помогала маскировать низкий покатый лоб ребенка и чрезмерно выпуклый затылок.

— Откуда ты узнал о школе? — спросила она.

— Джерри ходит в школу. В детский сад, — старательно выговаривая слоги, ответил он. — Джерри бывает во многих местах там, на воле. Когда же я выйду отсюда на волю, мисс Феллоуз?

У мисс Феллоуз мучительно сжалось сердце. Она, конечно, понимала: ничто не сможет помешать тому, что Тимми неизбежно будет узнавать все больше и больше о внешнем мире, о том мире, в который ему никогда не суждено вступить.

Постаравшись придать своему голосу побольше бодрости, она спросила:

— А что бы ты стал делать в детском саду, Тимми?

— Джерри говорит, что они играют там в разные игры, что им показывают ленты с движущимися картинками. Он говорит, что там много-много детей. Он рассказывает...— Тимми на мгновение задумался, потом торжествующе развел в стороны обе руки с растопыренными пальцами и только тогда кончил фразу: — Вот как много он рассказывает!

— Тебе хотелось бы посмотреть движущиеся картинки? — спросила мисс Феллоуз.— Я принесу тебе эти ленты и ленты с записью музыки.

Так удалось на какое-то время успокоить Тимми.

В отсутствие Джерри он жадно рассматривал движущиеся картинки, а мисс Феллоуз часами читала ему вслух книжки.

В самом простом рассказике содержалось столько для него непонятного, ему приходилось объяснять сущность самых обычных вещей, находившихся за пределами трех комнат Стасиса. Теперь, когда в его мысли вторгся внешний мир, он все чаще стал видеть сны.

Ему снилось всегда одно и то же — тот неведомый мир, что находился за пределами его домика. Тимми неумело пытался рассказать мисс Феллоуз содержание своих сновидений, в которых он всегда переносился в огромное пустое пространство, где, кроме него, были еще дети и какие-то странные, непонятные предметы, созданные его воображением на основе далеко не до конца понятых им книжных образов. Иногда ему снились картины из его полузабытого далекого прошлого, когда он жил еще среди неандертальцев.

Снившиеся ему дети и неведомые предметы не замечали его, и хотя он чувствовал, что находится с ними за пределами Стасиса, он в то же время понимал, что не принадлежит внешнему миру, и оставался всегда в страшном одиночестве, как будто и не покидал своей комнаты. Он всегда просыпался в слезах.

Пытаясь успокоить Тимми, мисс Феллоуз старалась обратить его рассказы в шутку, смеялась над ними, но сколько ночей она сама проплакала в своей квартире!

Однажды, когда мисс Феллоуз читала вслух, Тимми протянул руку к ее подбородку и, осторожно приподняв ее лицо от книги, заставил ее взглянуть себе в глаза.

— Мисс Феллоуз, откуда вы узнаете, что нужно говорить? — спросил он.

— Ты видишь эти значки? Они-то и говорят мне о том, что я потом уже рассказываю тебе. Из этих значков составляются слова.

Взяв из ее рук книгу, Тимми долго с любопытством рассматривал буквы.

— Некоторые из значков совсем одинаковые, — произнес он наконец.

Она рассмеялась от радости, которую ей доставила его сообразительность.

— Правильно. Хочешь, я покажу тебе, как писать эти значки?

— Хорошо, покажите. Это будет интересная игра.

Мисс Феллоуз даже в голову не пришла, что он может научиться читать. До того самого момента, когда он прочел ей вслух книжку, она отказывалась верить в это. Через несколько недель она внезапно осознала всю огромную важность этого события и была ошеломлена. Сидя у нее на коленях, Тимми читал ей вслух детскую книжку, не пропуская ни одного слова. Он читал!

Потрясенная, она поднялась со стула и сказала:

— Я скоро вернусь, Тимми. Мне необходимо повидать доктора Хоскинса.

Ее охватило граничащее с безумием возбуждение. Ей показалось, что теперь ей удастся наконец найти средство сделать Тимми в какой-то степени счастливым. Если Тимми нельзя войти в современную жизнь, то эта жизнь сама должна прийти к нему в его трехкомнатную тюрьму, запечатленная в книгах, фильмах и звуках.

Ему необходимо дать образование, используя все его природные способности. Этим человечество могло бы как-то возместить то зло, которое оно ему причинило.

Она нашла Хоскинса в настроении, странно сходном с ее собственным; все его существо излучало неприкрытую радость и торжество. В правлении царило необычное оживление, и мисс Феллоуз, когда она растерянно остановилась в приемной, даже подумала, что ей не удастся сегодня поговорить с Хоскинсом.

Но он заметил ее, и его широкое лицо расплылось в улыбке.

— Идите сюда, мисс Феллоуз,— позвал он.

Он быстро договорил что-то по интеркому и выключил его.

— Вы уже слышали?.. Ну конечно нет, вы еще ничего не можете знать. Мы таки добились своего! Нам удалось наконец совершить это! Мы теперь можем фиксировать объекты из не-далекого прошлого.

— Вы хотите сказать, что теперь вы в состоянии перенести в настоящее время человека, жившего уже в историческую эпоху? — спросила мисс Феллоуз.

— Вы меня абсолютно правильно поняли. И в данный момент мы как раз зафиксировали одного индивидуума, жившего в четырнадцатом веке. Вы только представьте себе всю важность этого события! Если бы вы знали, как я буду счастлив избавиться наконец от этой концентрации всех сил на мезозойской эре, которой, казалось, не будет конца; какое я получу удовольствие от замены палеонтологов историками... Вы, кажется, что-то хотели сообщить мне? Ну, давайте выкладывайте, что там у вас. Говорите же. Вы застали меня в хорошем настроении и можете получить все, что пожелаете.

— Я очень рада,— улыбнулась мисс Феллоуз.— Меня как раз интересует один вопрос: не могли бы мы разработать систему образования для Тимми?

— Образование? Какого еще образования?

— Ну, общего образования. Я имею в виду школу. Надо дать ему возможность учиться.

— Но может ли он учиться?

— Конечно, ведь он уже учится. Он умеет читать, этому я научила его сама.

Ей показалось, что настроение Хоскинса вдруг резко ухудшилось.

— Я, право, не знаю, что вам на это сказать, мисс Феллоуз,— произнес он.

— Но ведь вы только что пообещали, что исполните любую мою просьбу...

— Я это помню. К сожалению, в данном случае я поступил опрометчиво. Видите ли, мисс Феллоуз, я думаю, вы прекрасно понимаете, что мы не можем продолжать эксперимент с Тимми до бесконечности.

Охваченная внезапным ужасом, она в упор взглянула на него, еще до конца не осознав весь смысл сказанных только что слов. Что он подразумевал под этим «не можем продолжать»? Ее сознание вдруг озарила яркая вспышка: она вспомнила о профессоре Адемевском и минерале, отправленном назад после двухнедельного пребывания в Стасисе.

— Но сейчас ведь речь идет о мальчике, а не о куске камня... Хоскинс явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— В случаях, подобных этому, даже ребенку нельзя придавать слишком большое значение. Теперь, когда мы надеемся заполучить сюда людей, живших в историческую эпоху, нам понадобятся все помещения Стасиса.

Она все еще ничего не понимала.

— Но вы не сделаете этого. Тимми... Тимми...

— Ну-ну, не принимайте все так близко к сердцу, мисс Феллоуз. Быть может, Тимми пробудет здесь еще несколько месяцев, и за это время мы постараемся сделать для него все, что в наших силах.

Она продолжала молча смотреть на него.

— Не хотите ли вы выпить чего-нибудь, мисс Феллоуз?

— Нет,— прошептала она.— Мне ничего не нужно.

Едва сознавая, что делает, она с трудом поднялась на ноги и, словно во власти кошмара, вышла из комнаты.

«Ты не умрешь, Тимми,— думала она.— Ты не умрешь».

С той поры ее неотступно преследовала мысль о необходимости как-то предотвратить гибель Тимми. Но одно дело думать, а другое — осуществить задуманное. Первое время мисс Феллоуз упорно цеплялась за надежду, что попытка перенести кого-либо из XIV века в настоящее время потерпит полную неудачу. Хоскинс мог допустить ошибку с точки зрения теории эксперимента, могли также обнаружиться недостатки в методе его осуществления. И тогда все останется по-старому.

Остальная часть человечества, конечно, надеялась на противоположный исход, и мисс Феллоуз вопреки рассудку возненавидела за это весь мир. Ажиотаж, поднявшийся вокруг проекта

«Средневековье», достиг предельного накала. Печать и общественность изголодались по чему-либо из ряда вон выходящему. Акционерное общество «Стасис инкорпорейтед» давно уже не производило подобной сенсации. Какой-нибудь новый камень или ископаемая рыба уже никого не волновали. А *это* было как раз то, что требовалось.

Человек, живший уже в историческую эпоху, взрослый индивид, говорящий на понятном и теперь языке, тот, кто поможет ученым воссоздать неведомую поныне страницу истории.

Решительный час приближался, и на сей раз уже не только трое на балконе должны были стать свидетелями столь важного события. Теперь весь мир превращался в гигантскую аудиторию, а техническому персоналу Стасиса предстояло играть свою роль на глазах почти у всего человечества.

Среди чувств, кипевших в душе мисс Феллоуз, отсутствовало лишь одно: она отнюдь не была охвачена всеобщим психозом радостного ожидания.

Когда Джерри пришел, как обычно, играть с Тимми, она едва узнала его. Секретарша, которая привела его, небрежно кивнув мисс Феллоуз, поспешила удалиться. Она торопилась занять хорошее место, откуда ей удастся без помех следить за воплощением в жизнь проекта «Средневековье». Мисс Феллоуз с горечью подумала, что, если б наконец пришла эта глупая девчонка, она тоже уже могла бы быть там, причем у нее была более веская, чем простое любопытство, причина присутствовать при опыте.

— Мисс Феллоуз,— смущенно произнес Джерри, неуверенно, бочком приближаясь к ней и доставая из кармана какой-то обрывок газеты.

— Да! Что это там у тебя, Джерри?

— Это фотография Тимми.

Мисс Феллоуз пристально посмотрела на ребенка и затем быстро выхватила из его рук клочок газеты. Всеобщее возбуждение, вызванное проектом «Средневековье», возродило в печати некоторый интерес к личности Тимми.

Джерри внимательно следил за выражением ее лица.

— Тут говорится, что Тимми — мальчик-обезьяна. Что это значит, мисс Феллоуз?

Мисс Феллоуз схватила мальчишку за руку, с трудом подавив желание как следует встряхнуть его.

— Никогда не говори этого, Джерри. Никогда, ты понимаешь? Это гадкое слово, и ты не должен употреблять его.

Перепуганный Джерри отчаянно старался освободиться от ее руки.

Мисс Феллоуз с яростью разорвала бумагу.

— А теперь иди в дом и играй с Тимми. Он покажет тебе свою новую книжку.

Наконец появилась девушка. Мисс Феллоуз никогда раньше не видела ее. Дело в том, что никто из постоянных служащих Стасиса, иногда замещавших ее, когда ей необходимо было отлучиться по делу, сейчас, в связи с приближением момента осуществления проекта «Средневековье», не мог помочь. Однако секретарша Хоскинса обещала найти какую-нибудь девушку.

— Вы и есть та девушка, которую прикрепили к Первой секции Стасиса? — стараясь сдержать дрожь в голосе, спросила мисс Феллоуз.

— Да, это я. Меня зовут Мэнди Террис. А вы мисс Феллоуз, да?

— Совершенно верно.

— Простите, что я немного опоздала. Везде такая суматоха.

— Я знаю. Итак, я хочу, чтобы вы...

— Вы ведь будете смотреть, правда? — перебила ее Мэнди. На ее хорошеньком, тонком, но каком-то пустом лице отразилась жгучая зависть.

— Это не имеет значения. Я хочу, чтобы вы вошли в дом и познакомились с Тимми и Джерри. Они будут играть часа два и не причинят вам никакого беспокойства. Им оставлено молоко, у них много игрушек. Будет даже лучше, если вы по возможности предоставите их самим себе. А теперь я покажу вам, где что находится и...

— Этот Тимми — мальчик-обез...

— Тимми — ребенок, который живет в Стасисе, — резко перебила ее мисс Феллоуз.

— Я хотела сказать, что Тимми — это тот, кому нельзя выходить из дома, не так ли?

— Да. А теперь заходите, у нас мало времени.

И когда ей наконец удалось уйти, ей вслед раздался пронзительный голос Мэнди Террис:

— Надеюсь, вам достанется хорошее местечко. Ей-богу, мне так хочется, чтобы опыт удался.

Не будучи уверенной в том, что, если она попытается ответить Мэнди, ей удастся сохранить самообладание, мисс Феллоуз, даже не оглянувшись, поспешила поскорей уйти.

Но из-за того, что она задержалась, ей не удалось занять хорошее место. Она с трудом протолкалась только до экрана в Зале собраний. Если бы ей повезло очутиться поблизости от места, где проводился эксперимент, если бы она только могла подойти к какому-нибудь чувствительному прибору, если бы она как-нибудь ухитрилась сорвать опыт...

Она нашла в себе силы совладать с охватившим ее безумием. Ведь простое разрушение прибора ни к чему бы не привело. Они бы все равно исправили его и поставили бы эксперимент заново... А ей никогда бы не разрешили вернуться к Тимми.

Ничто не могло ей помочь. Ничто, за исключением естественного и притом непоправимого провала опыта.

И в те мгновения, когда отсчитывались последние секунды, ей оставалось только ждать, напряженно следя за каждым движением на огромном экране, внимательно всматриваясь в лица занятых в опыте сотрудников, когда то один, то другой из них попадал в фокус; она старалась уловить в их взглядах выражение беспокойства и неуверенности, указывающих на возникновение неожиданных затруднений в осуществлении опыта; она ни на секунду не отрывала взгляд от экрана...

Но ее надежды не оправдались. Была отсчитана последняя секунда, и очень спокойно, без лишнего шума, опыт был благополучно завершен!

В недавно отстроенном новом помещении Стасиса стоял бородатый сутулый крестьянин неопределенного возраста, в рваной, грязной одежде и деревянных башмаках; он с тупым ужасом озирался по сторонам, его сознание не в состоянии было воспринять внезапно обрушившуюся на него невероятную перемену обстановки.

И в тот момент, когда весь мир обезумел от восторга, мисс Феллоуз, застывшая от горя, одна стояла неподвижно в поднявшейся сутолоке. Ее толкали, пинали, швыряли, только что не топтали ногами, она стояла в гуще ликующей толпы, вся сжавшись под бременем рухнувших надежд.

И когда скрипучий голос громкоговорителя назвал ее имя, это дошло до ее сознания только после троекратного повторения.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, вас требуют в Первую секцию Стасиса. Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз...

— Пропустите меня! — задыхаясь, крикнула она, в то время как громкоговоритель, ни на секунду не останавливаясь, продолжал повторять все ту же фразу. Собрав все свои силы, она стала отчаянно пробиваться через толпу, расталкивая окружающих ее людей. Не останавливаясь ни перед чем, пустив в ход даже кулаки, раздавая направо и налево удары и поминутно застревая в людском водовороте, она медленно, как в кошмаре, но все же продвигалась к выходу.

Мэнди Террис рыдала.

— Я просто не могу себе представить, как это произошло. Я отлучилась всего лишь на одну минутку, чтобы взглянуть на тот маленький экран, который они установили в начале коридора. Только на одну минуту. И вдруг, прежде чем я успела что-либо сделать... Вы сами сказали мне, что они не причинят никакого беспокойства, вы сами посоветовали оставить их одних! — выкрикнула вдруг Мэнди, переходя в наступление.

— Где Тимми? — глядя на нее непонимающими глазами, спросила мисс Феллоуз, не замечая сотрясавшей ее тело нервной дрожи.

Одна сестра протирала плачущему Джерри руку дезинфицирующим средством, другая готовила шприц с противостолбнячной сывороткой.

— Он укусил меня, мисс Феллоуз! — задыхаясь от злости, крикнул Джерри. — Он укусил меня!

Но мисс Феллоуз даже не заметила его.

— Что вы сделали с Тимми? — закричала она.

— Я заперла его в ванной комнате, — ответила Мэнди. — Я просто-напросто швырнула туда это маленькое чудовище и заперла его там.

Мисс Феллоуз бегом ринулась в кукольный домик. Она задержалась у дверей ванной. Казалось, прошла целая вечность, пока ей удалось наконец открыть дверь и отыскать забившегося в угол уродливого мальчугана.

— Не бейте меня, мисс Феллоуз, — прошептал он. Глаза его покраснели, губы дрожали. — Я не хотел делать это.

— О Тимми, откуда ты взял, что я буду тебя бить? — Подхватив ребенка на руки, она крепко прижала его к себе.

— Она сказала, что вы выпорете меня длинной веревкой. Она сказала, что вы будете меня бить, бить, бить...— взволнованно ответил Тимми.

— Никто тебя не будет бить. С ее стороны очень дурно было говорить это. Но что случилось? Что случилось?

— Он назвал меня мальчиком-обезьяной. Он сказал, что я не настоящий мальчик, что я животное.— Из глаз Тимми хлынули слезы.— Он сказал, что не хочет больше играть с обезьяной. А я сказал, что я не обезьяна. Я не обезьяна! Потом он сказал, что я очень смешно выгляжу, что я ужасно безобразен. Он повторил это много-много раз, и я укусил его.

Теперь они плакали оба.

— Но ведь ты же знаешь, Тимми, что это неправда,— всхлипывая, сказала мисс Феллоуз,— ты настоящий мальчик. Ты самый настоящий и самый хороший мальчик на свете. И никто, никто никогда тебя у меня не отнимет.

Теперь ей легко было решиться. Она наконец знала, что делать. Но действовать нужно было быстро, Хоскинс не станет больше ждать, ведь пострадал его собственный ребенок..

Нет, это должно произойти ночью, сегодня ночью, когда почти все служащие Стасиса будут либо спать, либо веселиться в связи с успешным претворением в жизнь проекта «Средневековье».

Она вернется в Стасис в необычное время, но это случалось и раньше. Охранник хорошо знал ее, и ему даже в голову не придет требовать от нее каких-либо объяснений. Он и внимания не обратит на то, что у нее в руках будет чемодан. Она несколько раз прорепетировала эту простую фразу: «Игры для мальчиков» — и последующую за ней спокойную улыбку.

И он поверил.

Когда она снова появилась в кукольном домике, Тимми еще не спал, и она изо всех сил старалась вести себя как обычно, чтобы не испугать его. Она поговорила с ним о его снах и выслушала его вопросы о Джерри.

Потом ее увидят немногие, и никому не будет никакого дела до узла, который она будет нести. Тимми поведет себя очень спокойно, а затем все уже станет *fait accompli**. Задуманное свер-

---

* Свершившийся факт (*фр.*).

шится, и что толку пытаться исправить то, что уже произошло. Ей дадут возможность существовать. Им обоим будет дарована жизнь.

Она открыла чемодан и вытащила из него пальто, шерстяную шапку с наушниками и еще кое-что.

— Мисс Феллоуз, почему вы надеваете на меня все эти вещи? — встревожившись, спросил Тимми.

— Я хочу вынести тебя отсюда, Тимми. Мы отправимся в страну твоих снов, — ответила мисс Феллоуз.

— Моих снов?

Его лицо загорелось радостью, но он еще не мог полностью избавиться от страха.

— Не бойся, ты будешь со мной. Ты не должен бояться, когда ты со мной, не так ли, Тимми?

— Конечно, мисс Феллоуз.

Он прижался к ней своей бесформенной головкой, и, обняв его, она ощутила под рукой биение его маленького сердца.

Наступила полночь. Мисс Феллоуз взяла ребенка на руки, выключила сигнализацию и осторожно открыла дверь.

И тут из ее груди вырвался крик ужаса: она очутилась лицом к лицу со стоявшим на пороге Хоскинсом!

С ним были еще двое, и, увидев ее, он был поражен в не меньшей степени, чем она сама.

Мисс Феллоуз пришла в себя на какую-то долю секунды раньше и попыталась быстро проскочить мимо него, но, несмотря на этот выигрыш во времени, он все же опередил ее. Он грубо схватил ее и оттолкнул назад в глубину комнаты по направлению к шкафу, а затем знаком приказал остальным войти в помещение и сам встал у выхода, загородив дверь.

— Этого я не ожидал. Вы окончательно сошли с ума?

Когда Хоскинс толкнул ее, она успела повернуться так, что ударилась о шкаф плечом и Тимми почти не ушибся.

— Что случится, если я возьму его с собой, доктор Хоскинс? — умоляюще произнесла она. — Неужели потеря энергии для вас важнее, чем человеческая жизнь?

Хоскинс решительно вырвал из ее рук Тимми.

— Потеря энергии в таком размере привела бы к утечке многих миллионов долларов из карманов вкладчиков. Это катастро-

фически затормозило бы работы, ведущиеся акционерным обществом «Стасис инкорпорейтед». Это означало бы то, что всем и каждому стала бы известна история чувствительной сестры, которая нанесла колоссальный ущерб обществу во имя спасения мальчика-обезьяны.

— Мальчика-обезьяны! — в бессильной ярости воскликнула мисс Феллоуз.

— Под таким именем он фигурировал бы в описаниях этого события.

Между тем один из пришедших с Хоскинсом мужчин начал протягивать через отверстия в верхней части стены нейлоновый шнур. Мисс Феллоуз вспомнила шнур, висевший на наружной стене камеры, где находился обломок камня профессора Адемевского, тот шнур, за который дернул в свое время Хоскинс.

— Нет! — вскричала она.

Но Хоскинс спустил Тимми на пол и, осторожно сняв с него пальто, сказал:

— Оставайся здесь, Тимми, с тобой ничего не случится. Мы только выйдем на минутку из комнаты. Хорошо?

Побледневший и лишившийся дара речи, Тимми нашел в себе силы утвердительно кивнуть головой. Хоскинс вывел мисс Феллоуз из кукольного домика, держа её на всякий случай позади нее. На какой-то миг мисс Феллоуз утратила способность к сопротивлению. Она тупо следила за тем, как укрепляли снаружи конец шнура.

— Мне очень жаль, мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс, — я охотно избавил бы вас от этого зрелища. Я намеревался сделать это ночью, чтобы вы узнали обо всем уже потом.

— И все из-за того, что пострадал ваш сын, который замучил этого ребенка до такой степени, что он уже не смог совладать с собой и поранил его?

— Поверьте мне, что дело не в этом. Мне понятна причина того, что здесь сегодня произошло, и я знаю, что во всем виноват Джерри. Но эта история уже получила огласку, да иначе и не могло быть при том количестве корреспондентов, которые собрались здесь в такой день. Я не могу пойти на риск и допустить, чтобы появившиеся в печати ложные слухи о нашей небрежности и о так называемых диких неандертальцах умалили значение успеха проекта «Средневековье». Так или иначе Тимми

все равно должен скоро исчезнуть, так почему бы ему не исчезнуть сейчас, умерив тем самым пыл любителей сенсаций и сократив то количество грязи, которое они постараются на нас вылить?

— Но ведь это не то же самое, что отправить назад в прошлое осколок камня. Вы убьете человеческое существо.

— Это не убийство. Он ничего не почувствует, он просто опять станет мальчиком-неандертальцем и попадет в свою привычную среду. Он не будет больше чужаком, обреченным на вечное заключение. Ему представится возможность жить свободной жизнью.

— Какая же это возможность? Ему всего лишь семь лет, и он привык, чтоб о нем заботились, чтобы его кормили, одевали, оберегали. Он будет одинок, ведь за эти четыре года его племя могло уйти из тех мест, где он его покинул. А если даже племя еще там, ребенка никто не узнает, он должен будет сам о себе заботиться, а ведь ему нигде было научиться этому.

Хоскинс беспомощно покачал головой:

— О господи, неужели вы считаете, мисс Феллоуз, что мы не думали об этом? Разве вы не понимаете, что мы вызвали из прошлого ребенка только потому, что это было первое человеческое или, вернее, получеловеческое существо, которое нам удалось зафиксировать, и мы боялись отказать от этого, так как не были уверены, что нам удастся столь же удачно повторить эту попытку? Как вы думаете, неужели мы держали бы здесь Тимми так долго, если б нас не смущала необходимость отослать его обратно в прошлое? Мы делаем это сейчас потому, — в его голосе зазвучала решимость отчаяния, — что мы не в состоянии больше ждать. Тимми может послужить причиной компрометирующей нас шумихи. Мы находимся сейчас на пороге великих открытий, и мне очень жаль, мисс Феллоуз, но мы не можем допустить, чтобы Тимми помешал нам. Не можем. Я очень сожалею, мисс Феллоуз, но это так.

— Ну что ж, — грустно произнесла мисс Феллоуз. — Разрешите мне по крайней мере попрощаться с ним. Дайте мне пять минут, я не прошу ничего больше.

— Идите, — после некоторого колебания сказал Хоскинс.

Тимми бросился ей навстречу. В последний раз он подбежал к ней, и она в последний раз прижала его к себе.

Какое-то мгновение она молча сжимала его в своих объятиях. Потом она ногой пододвинула к стене стул и села.

— Не бойся, Тимми.

— Я ничего не боюсь, когда вы со мной, мисс Феллоуз. Этот человек очень сердит на меня, тот, что остался за дверью?

— Нет. Он просто нас с тобой не понимает... Тимми, ты знаешь, что такое мать?

— Это как мама Джерри?

— Он рассказывал тебе о своей матери?

— Иногда. Мне кажется, что мать — это женщина, которая о тебе заботится, которая очень добра к тебе и делает для тебя много хорошего.

— Правильно. А тебе когда-нибудь хотелось иметь мать, Тимми?

Тимми откинул голову, чтобы увидеть ее лицо. Он медленно протянул руку и стал гладить ее по щеке и волосам, как давным-давно, в первый день его появления в Стасисе, она сама гладила его.

— А разве вы не моя мать? — спросил он.

— О Тимми!

— Вы сердитесь, что я так спросил?

— Нет, что ты, конечно нет.

— Я знаю, что вас зовут мисс Феллоуз, но... иногда я про себя называю вас «мама». В этом нет ничего дурного?

— Нет-нет. Я никогда не покину тебя, и с тобой ничего не случится. Я всегда буду с тобой, всегда буду заботиться о тебе. Скажи мне «мама», но так, чтобы я слышала.

— Мама,— удовлетворенно произнес Тимми, прижавшись щекой к ее лицу.

Она поднялась и, не выпуская его из рук, взобралась на стул. Она уже не слышала внезапно поднявшегося за дверью шума и криков. Свободной рукой она ухватила за протянутый между двумя отверстиями в стене шнур и всей своей тяжестью повисла на нем.

Стасис был прорван, и комната опустела.

ПАМЯТИ ОТЦА

Невероятно! Неужели не слышали? Быть такого не может. Я думал, все знают.

Ну, если вы настаиваете, я, конечно, расскажу. Мне самому эта история очень по душе, да только слушатели не всегда находят. Представляете, мне даже посоветовали держать язык за зубами, потому что, говорят, мой рассказ не совпадает с легендами, которые слагают о моем отце.

И все-таки правда дороже, не говоря уже о нравственности, верно? Иной раз тратишь время вроде бы на то, чтобы удовлетворить собственное любопытство, и вдруг совершенно неожиданно, без всякого на то усилия, обнаруживаешь себя благодетелем человечества...

Мой отец был физиком-теоретиком, и, сколько я его помню, он вечно занимался проблемой путешествий во времени. Не думаю, чтобы он когда-нибудь задавался вопросом, что значат эти хронопутешествия для простого смертного. На мой взгляд, его просто интересовали математические связи, управляющие Вселенной.

Проголодались? Ну и прекрасно. Ждать придется не более получаса. Для такого гостя, как вы, все будет приготовлено наилучшим образом, это дело чести.

Отец был беден, что, собственно, немудрено для университетского профессора. Разбогател он случайно. В последние годы своей жизни он был так баснословно богат, что, можете не сомневаться, хватит и мне, и моим детям, и внукам, всем хватит.

В честь отца поставили несколько памятников. Самый старый — на холме, там, где было сделано открытие. Кстати, из окна он виден. Разобрали надпись? Вы не совсем удачно встали. Впрочем, не важно.

Так вот, когда отец занялся путешествиями во времени, почти все ученые эту затею отвергли как совершенно безнадежную. А началось все с того всплеска, когда впервые стали устанавливать хроноколонки.

Там вообще-то не на что смотреть, воронки эти совершенно вне логики и контроля. То, что вы увидите, искажено и зыбко: фута два в поперечнике и исчезает обычно в мгновение ока. Настраиваться на прошлое, по моему разумению, — это вроде того как следить за пушинкой в самый разгар урагана.

Некоторые пытались выудить что-нибудь из прошлого, проталкивая в воронку такую железную кошку. Иногда, при особом упорстве, это получалось, но на секунды, не больше того. А чаще ничего не выходило. Из прошлого ничего не удавалось вытащить, до тех самых пор... Я еще скажу об этом.

И вот после пятидесяти лет бесплодных поисков физики потеряли всякий интерес к проблеме. Дело, казалось, зашло в тупик. Оглядываясь назад, я, честно говоря, не могу их винить, хотя кое-кто оспаривал даже самый факт проникновения воронок в прошлое. Это при том, что сквозь воронки случалось видеть и таких животных, которые давно вымерли.

Как бы то ни было, отец объявился тогда, когда про хронопутешествия успели забыть. Он убедил правительство выдать ему заем на постройку воронки и начал все сызнова.

Я ему помогал. Был я тогда свежее испеченным доктором физики. Год спустя или что-то около того наши совместные усилия обернулись серьезной неудачей. Отцу не хотели возобновить кредит: в университете решили, что он, исследователь-одиночка, да к тому же в совершенно безнадежной области, только подмачивает их репутацию, а промышленности и вовсе было безразлично. Декан, который смыслил только в финансах, вначале намекал, что, мол, неплохо бы переключиться на что-либо более обнадеживающее, а кончил тем, что попросту вышвырнул его вон.

Конечно же, после смерти отца этот господин — он все еще здравствует и занимается своими расчетами — выглядел доволь-

но глупо, так как отец в своем завещании отвалил факультету миллион долларов звонкой монетой, но заодно упомянул со злорадством, что из-за недальновидности декана отказывает в недвижимом имуществе. Это было похоже на посмертную месть. Но еще задолго до того...

Я не смею настаивать, но, пожалуй, лучше не есть больше соломки. Чтобы утолить острое чувство голода, достаточно чистого бульона, только ешьте не торопясь.

И все же мы как-то выкрутились. Отец забрал из университета купленное в кредит оборудование и установил его на этом самом месте.

Те годы были для нас очень нелегкими, и я упрашивал отца отступить. Но он не сдавался и каждый раз ухитрялся добыть где-то недостающую тысячу.

Жизнь текла своим чередом, и ничто не могло помешать его исследованиям. Умерла мать; отец пережил это и вернулся к работе. Я женился, у меня родился сын, а потом и дочь; я не мог уже, как прежде, заниматься только его делами. Он продолжал без меня. Как-то он сломал ногу, но даже в гипсе продолжал работать.

Да, я воздаю ему должное. Конечно, я помогал ему — вел переговоры с Вашингтоном, консультировался. Но душой предпочтения был он.

Несмотря на все наши усилия, мы топтались на месте. Милостыню, которую мы насобирали, с таким же успехом можно было взять да и спустить в воронку — понятно, при условии, что она туда проскочит.

Нам так и не удавалось пропихнуть туда кошку. Только единственный раз мы были близки к этому — протолкнули ее на два фута по ту сторону. И вдруг фокус изменился, видимость появилась ненадолго, и где-то там, в мезозое, мы разглядели самодельную железку, ржавеющую на берегу реки.

Но в один день, поистине знаменательный, видимость продержалась десять долгих минут — поверьте, это шанс из миллиона. Боже мой! Мы ужасно волновались, в спешке устанавливая камеры. По ту сторону воронки появлялись, двигались и исчезали странные, загадочные твари. А в довершение всего воронка оказалась настолько проницаемой, что, клянусь, между

нами и прошлым не было уже ничего, кроме воздуха. Наверное, это было следствием долгой настройки, но мы тогда не могли этого доказать.

Как и следовало ожидать, в самый нужный момент кошки под руками не оказалось. Но проницаемость воронки, видимо, была уже вполне достаточной — что-то стремительно пролетело сквозь нее, двигаясь из прошлого в настоящее. Я рванулся инстинктивно и схватил это нечто.

В тот же момент видимость исчезла, но это нас уже не беспокоило. Мы с некоторой опаской уставились на то, что я держал в руках. Это был плотный ком ила, гладко срезанный в местах удара о края воронки, и на нем несколько яиц, похожих на утиные.

— Яйца динозавра! — закричал я. — Разве не так?

— Сразу не скажешь... — растерянно ответил отец.

— Пока из них кто-нибудь не вылупится, — выпалил я, плохо справляясь с внезапным волнением. Я укладывал яйца так, будто они были драгоценными. Они еще хранили тепло жаркого доисторического солнца.

— Если нам повезет, — сказал я, — мы станем обладателями тварей, которые жили сотни миллионов лет назад. Это же единственный случай, когда что-то действительно добыто из прошлого. Если объявить во всеуслышание...

Я размечтался о рекламе и о возможных кредитах, представлял себе, какую мину скорчит декан... Но отец рассудил иначе.

— Никому ни слова! — твердо сказал он. — Если это обнаружится, десятки исследовательских групп выйдут на след и обставят меня. Объявляй, как тебе вздумается, но только после того, как я разгадаю этот фокус с воронками. А пока надо молчать. Да не смотри ты на меня так, через год все будет в порядке!

Вся надежда была на яйца — они должны дать нам твердые доказательства. Я положил их в термостат, задал температуру и приладил сигнальное устройство — на тот случай, если будут хоть какие-нибудь признаки жизни.

Они вылупились через девятнадцать дней, в три часа ночи — четырнадцать крошечных кенгуру с зеленоватыми чешуйками, когтистыми задними лапками, маленькими пушистыми боками и тонкими, словно плеть, хвостиками.

Вначале я решил, что это тираннозавры, но они оказались слишком маленькими. Месяц спустя стало ясно, что ростом они будут не больше собаки.

Отец казался разочарованным, но я не унывал и по-прежнему надеялся, что когда-нибудь возьму свое на рекламе. Двое из них погибли в юном возрасте, но остальные двенадцать выжили — пять самцов и семь самочек. Я кормил их рубленой морковью, вареными яйцами и молоком и очень к ним привязался. Были они чудовищно тупы, но ласковы. И поразительно красивы. Их чешуйки... Впрочем, надо ли описывать? Их фотографии довольно популярны.

Должен признать, что понадобилось немало времени, прежде чем фотографии оказали должное впечатление на публику. Я не говорю о виде с натуры, так сказать. Что же касается отца, он был по-прежнему невозмутим. Прошел год, другой, третий, а от исследований все не было толку. Единственный прорыв не повторялся, но отец не отступал.

Пять самок тем временем отложили яйца, и вскоре у нас было уже с полсотни детенышей.

Генри, разве еще не готово? Ну хорошо.

Так вот, это случилось, когда у нас вышли последние доллары, а добыть новые было невозможно. Куда только я не совался — всюду терпел неудачу. Правда, втайне я даже радовался этому — в надежде, что отец наконец-то сдастся. Но с выражением решительным и неумолимым он принимался за очередной эксперимент.

Честное слово, если бы не случайность, человечество лишилось бы одного из самых замечательных открытий. Знаете, как это бывает — Ремзен проводит по губам испачканным пальцем и открывает сахарин, Гудьир роняет смесь на плиту и раскрывает секрет вулканизации...

У нас было так: в лабораторию случайно забрел маленький динозавр. Они к тому времени так расплодились, что я не успевал за ними углядеть.

Конечно, такое бывает не часто, может быть, раз в сто лет. Сами посудите: два контакта случайно оказались открытыми, и как раз между ними протиснулся динозавр. Короткое замыкание, яркая вспышка — и новенькая воронка, буквально на днях установленная, исчезла в потоке искр.

В тот момент мы не поняли всей важности происшедшего. Мы знали только одно: злосчастная тварь устроила замыкание и угробила установку ценой в двести тысяч долларов. Мы были окончательно разорены, а взамен нам достался хорошо зажаренный динозавр. Нас только слегка опалило, зато он, бедняга, получил полную порцию электроэнергии. Мы сразу почувствовали это, такой аромат носился в воздухе. Я осторожно ткнул динозавра щипцами. Обугленная кожа от прикосновения сместилась, обнажив белую, как у цыпленка, сочную плоть.

Я не удержался и попробовал. Это было потрясающе вкусно, мне и сейчас трудно передать словами то, что я тогда ощущал.

Даже не верится, но так оно и было: сидя у разбитого корыта, мы были на седьмом небе, когда уплетали динозавра за обе щеки. И не могли остановиться, пока не обглодали дочиста, хотя он не был даже приправлен. И только потом я сказал:

— Слушай, может, будем разводить их для еды? Помногу и систематически!

Отец согласился, да и что ему оставалось делать: ведь мы были вконец разорены.

Вскоре я получил солидный заем — после того, как пригласил президента на обед и угостил его обещанным динозавром.

С тех пор это срабатывало безукоризненно. Каждый, кто хоть раз попробовал то, что сейчас зовут динокурятиной, не мог уже довольствоваться привычными блюдами. Невозможно и представить себе приличное меню без динокурятины — если, конечно, вы не погибаете с голоду. А единственные поставщики этого чуда во все рестораны — это мы...

Бедный отец! Никогда он не был счастлив, разве что в те незабываемые минуты, когда впервые попробовал динокурятину. Он все колдовал над своими воронками, а вслед за ним — добрый десяток исследовательских групп: как он предсказывал, так и случилось. Но никакого толку, за исключением динозавров, из этого и до сих пор не вышло.

Благодарю вас, Пьер. Все сделано как нельзя лучше. А теперь, сэр, с вашего разрешения я ее разрежу. Нет, соли не нужно, только чуточку соуса. Ну вот, наконец-то у вас на лице то самое выражение — как у человека, впервые познавшего блаженство!

Благодарное человечество собрало пятьдесят тысяч долларов и поставило ему памятник, но даже это не успокоило отца. Он

видел только надпись на пьедестале: «Человек, подаривший миру динокурятину».

Понимаете, до последнего вздоха он мечтал лишь об одном — раскрыть тайну путешествий во времени. Он скончался благоделем человечества, но любопытство его так и осталось неудовлетворенным.

В десять часов утра Сэм Мартен выбрался из такси, как всегда пытаясь одной рукой открыть дверь, второй придержать портфель, а третьей вытащить бумажник. Поскольку у него было всего две руки, задача была трудновыполнимой. Он уперся в дверь коленом и беспомощно захлопал себя по карманам, пытаясь найти бумажник.

По Мэдисон-авеню непрерывным потоком неслись автомобили. Красный грузовик неохотно притормозил на перекрестке и, как только сигнал светофора сменился, рывком дернулся вперед. Надпись на его боку извещала безразличный мир:

**«Ф. ЛЕФКВИЦ И СЫНОВЬЯ.
ОПТОВАЯ ТОРГОВАЯ ОДЕЖДОЙ».**

«Левкович», — рассеянно подумал Мартен и вытащил наконец бумажник. Запихивая портфель под мышку, он бросил взгляд на счетчик. Доллар шестьдесят пять, а у него три бумажки по одному доллару. Две отдать — останется одна. Нет, так не пойдет. Бог с ним, разбить пятерку и дать двадцать центов на чай.

— Ладно, дружище, — сказал он. — Бери доллар восемьдесят пять.

— Спасибо, — бросил водитель с профессиональным равнодушием и дал сдачу.

Мартен запихал три доллара в бумажник, положил его в карман, подхватил портфель и влился в людской поток, понесший его к стеклянным дверям.

«Левкович?» — подумал он неожиданно и остановился. Прохожий едва увернулся от его локтя.

— Простите, — пробормотал Мартен и снова двинулся к дверям.

Левкович? На грузовике было написано по-другому. Там было Леуковиц. Почему он подумал «Левкович»? Ну, допустим, менять «У» на «В» он приучился на уроках немецкого в колледже, но откуда взялось окончание «ич»?

Левкович? Он постарался отделаться от глупых мыслей. Стоит расслабиться, и эта фамилия привяжется к тебе, как назойливая мелодия.

Думай о делах! Он пришел сюда переговорить за утренней чашкой кофе с этим типом, Нэйлором. Он пришел, чтобы добиться перечисления денег по договору и начать плавный финансовый подъем, который позволит ему через два года жениться на Элизабет, а через десять лет перебраться в пригород и стать состоятельным отцом семейства. Сейчас ему двадцать три. Будущее рисовалось Мартену в радужном свете.

С выражением суровой уверенности на лице он вошел в холл и направился к кабинкам лифта, краем глаза следя за белыми буквами указателей.

У него была странная привычка разглядывать надписи и номера кабинетов на ходу. Он всеми силами старался не замедлять движения и уж не дай бог совсем остановиться. Читая на ходу, уверял себя Мартен, он поддерживает впечатление человека знающего и уверенного в себе, а это чрезвычайно важно для того, кто работает с людьми.

Ему была нужна компания «Кулинэттс» — удивительное, странное слово. Фирма специализировалась на мелких купонных принадлежностях, и им очень хотелось, чтобы название было значительным, женственным и игривым одновременно.

Глаза его пробежали по всем «М» и пошли дальше: Мандел, Ласк, «Липперт Пабблишинг» (целых два этажа), Лафковиц, Кулинэттс. Вот они — 1204. Десятый этаж. Отлично.

Затем он все-таки остановился, потоптался на месте и вернулся к указателю, словно последний приезжий.

Лафковиц?

Странное написание.

Он не ошибся. Лафковиц, Генри Дж., комната 701. Через «А». Нет, так не пойдет. Бесполезно.

Бесполезно? Что бесполезно? Мартен решительно потряс головой, словно желая ее прочистить. Черт, да какое ему дело, как они пишутся!.. Он нахмурился, развернулся и торопливо зашагал к лифту, который захлопнулся перед самым его носом.

Открылась соседняя дверь, и Мартен быстро заскочил в кабину. Сунув портфель под мышку, постарался придать себе живой и энергичный вид. Вот он — молодой, способный, исполнительный. Надо произвести впечатление на этого Алекса Нэйлора, с которым он общался только по телефону. Если убиваться по поводу всяких там Левковицев и Лафковицев...

Лифт бесшумно остановился на седьмом этаже. Молодой человек в рубашке с коротким рукавом вышел из кабинки, удерживая в руках поднос с тремя чашками кофе и тремя сэндвичами.

Когда двери начали закрываться, в глаза Мартену бросилась надпись на рифленом стекле кабинета:

«701 — ГЕНРИ ДЖ. ЛЕФКОВИЧ. ИМПОРТЕР».

В следующую секунду дверцы лифта отсекали его от седьмого этажа.

Мартен непроизвольно дернулся и едва не крикнул: «Мне тоже на седьмой!»

Кричать, однако, было некому. В кабинке остался он один. Да и никаких причин высказывать на седьмом этаже у него не было.

Тем не менее Мартен почувствовал странное, звенящее возбуждение. В указателе все-таки была ошибка. Фамилия писалась через «Е», а не через «А». Безграмотному кретину дали пакетик с буквами, и он налепил их задней ногой.

Левковиц. Все равно неправильно.

Он снова потряс головой. Второй раз. А как правильно?

Лифт остановился на десятом, и Мартен вышел.

Алекс Нэйлор из «Кулинэттс» оказался добродушным красноречивым мужчиной средних лет с копной белых волос и широкой улыбкой. Сухой, шершавой ладонью он крепко потряс руку Мартена, левую руку он положил ему на плечо, выражая тем самым искреннее дружелюбие.

— Оставляю вас буквально на две минуты. Хотите перекусить прямо здесь? У нас отличный рестораник, а бармен сделает превосходный martini. Согласны?

— Отлично, отлично.— Мартен подкачал энтузиазма из потайного резервуара.

Две минуты растянулись до десяти, Мартен ждал, испытывая обычную неловкость, которую всегда чувствуют люди в чужом кабинете. Он разглядывал обивку на мебели, картины на стенах и даже попытался полистать лежащий на столике рекламный проспект.

Зато он не думал о Лев...

Он о нем не думал.

Ресторан оказался хорошим; вернее, был бы хорошим, если бы Мартен чувствовал себя свободнее. К счастью, он был освобожден от необходимости поддерживать разговор. Нэйлор говорил быстро и громко, наметанным глазом оценил меню и порекомендовал «яйца по-бенедиктински», прокомментировал погоду и посоветовал на заторы на дорогах.

Пользуясь случаем, Мартен пытался стряхнуть с себя странную рассеянность. Но беспокойство неизменно возвращалось. Что-то было не так. Неправильное имя. Оно мешало ему делать то, что он должен делать.

Мартен отчаянно попытался прекратить это безумие. Перебив собеседника, перевел разговор на деловые рельсы. Это было неосмотрительно — без необходимой подготовки получилось слишком резко.

Еда, однако, оказалась великолепной, подали десерт, и Нэйлор ответил ему вежливой улыбкой. Он признал, что существующее соглашение его не удовлетворяет. Да, он изучал фирму Мартена, и ему кажется, что возможность, безусловно, есть, и...

На плечо Нэйлора опустилась чья-то рука, и остановившийся за его спиной человек сказал:

— Привет, Алекс, как мальчишка?

Нэйлор обернулся, на лице его уже сияла готовая улыбка.

— Привет, Лефк, как дела?

— Не жалуюсь. Увидимся на...— Незнакомец отошел, и голос его потонул в общем шуме.

Мартен ничего не слышал. Он попытался встать, колени его дрожали.

— Кто этот человек? — напряженно спросил он. Вопрос прозвучал резко и безапелляционно.

— Кто, Лефк? Джерри Лефковиц. Вы его знаете? — Нэйлор удивленно уставился на собеседника.

— Нет. Как пишется его имя?

— Думаю, Л-Е-Ф-К-О-В-И-Ц. А что?

— Через «В»?

— Через «Ф»... Поймите, «В» там тоже есть. — Добродушное выражение на лице Нэйлора почти сошло на нет.

— В этом здании есть один Лефкович, его фамилия заканчивается на «Ч». Понимаете? Лефкович.

— Вот как?

— Комната семьсот один. Это он?

— Джерри не работает в нашем здании, его контора на противоположной стороне улицы. Другого я не знаю. Здание у нас очень большое. И я не веду картотеку на всех, кто здесь трудится. К чему все это, простите?

Мартен покачал головой и откинулся на спинку стула. Он и сам не знал к чему. А если и знал, не рискнул бы объяснить. Не мог же он сказать: «Меня сегодня преследуют всевозможные Лефковицы».

Вместо этого он произнес:

— Мы говорили о перспективах...

— Да,— откликнулся Нэйлор.— Как я уже сказал, я изучал вашу фирму. Знаете, мне необходимо вначале переговорить с парнями из производственного отдела. Я вам дам знать.

— Конечно,— пробормотал Мартен убитым голосом. Нэйлор никогда не даст ему знать. Дело окончательно провалилось.

Но под отчаянием и досадой по-прежнему шевелилась непонятная тревога.

К черту Нэйлора. Теперь Мартену хотелось одного: поскорее со всем разделаться и продолжать дальше. (Что продолжать?.. Но вопрос был задан едва слышным шепотом. Тот, кто его задал, уже умирал внутри его, затухал и растворялся...)

Обед наконец-то закончился. Если при встрече Мартен и Нэйлор вели себя как добрые старые приятели, то расстались они как чужие люди.

Мартен почувствовал облегчение.

В висках у него стучало, когда он пробирался между столиков, а потом вон из призрачного здания на призрачную улицу.

Призрачную? Мэдисон-авеню в час двадцать дня, ранней осенью, когда ярко сияет солнце и десять тысяч мужчин и женщин прогуливаются по ее тротуарам.

Но Мартен чувствовал неладное. Сунув портфель под мышку, он угрюмо зашагал в северном направлении. Последний проблеск сознания напомнил ему, что в три часа у него деловая встреча на Тридцать шестой авеню. Ничего. Обойдется. Он шел к окраине. На север.

На пересечении с Пятьдесят четвертой он перешел через Мэдисон и пошел на запад, потом резко остановился и посмотрел вверх.

На высоте третьего этажа в одном из окон виднелась вывеска:

**«А. С. ЛЕФКОЙЧ, ЛИЦЕНЗИЯ
НА БУХГАЛТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ».**

Фамилия писалась через «Ф» и оканчивалась на «Ч».

Мартен снова повернул на север и вышел на Пятую авеню. Он несся по нереальным улицам нереального города, задыхаясь от погони за неведомой целью и не замечая, как толпы народа вокруг него начали редеть.

Вот и надпись в витрине первого этажа:

«М. Р. ЛЕФКОУИЧ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ».

Золотистый полукруг буковок конфетного магазина гласил:

«ЯКОВ ЛЕВКОУ».

(Половина имени, со злостью подумал Мартен. Зачем он дергает меня неполными именами?)

Улицы окончательно опустели, образовавшийся вакуум заполняли лишь разные кланы Лефковицов, Левковицев, Лефкойчей...

Мартен смутно сознавал, что где-то впереди находится парк — намалеванная, неподвижная зелень. Он повернул на запад. На глаза ему попался кусок газеты, единственный шевелящийся

предмет в умершем мире. Он повернул, наклонился и поднял его, не замедляя шага.

Порванная страница оказалась на идише.

Он не умел читать на этом языке. Он не мог разобрать сливающихся еврейских букв, он не прочел бы этих букв, даже если бы они не сливались. Только одно слово было написано четко и ясно. Оно было набрано черным шрифтом посреди страницы, каждая буква резко выделялась всеми своими хвостиками. Он знал, что там написано «Левковиц».

Он выкинул газету и вошел в пустой парк.

Деревья не шевелились, листья застыли в причудливых, подвешенных позах. Солнце давило мертвым грузом, не согревая.

Он бежал, но пыль не поднималась под его ногами, и не пригибалась трава.

На скамейке пустынной аллеи сидел старик, единственный человек в вымершем парке. На нем была темная фетровая кепка, козырек прикрывал глаза от солнца. Из-под кепки торчали пакли седых волос. Грязная борода доставала до верхней пуговицы грубой куртки. Старые брюки пестрели заплатами, а подошвы растоптанных, бесформенных штиблет были перехвачены пеньковой веревкой.

Мартен остановился. Дышать было трудно. Он мог произнести только одно слово и с его помощью задал вопрос:

— Левкович?

Он застыл перед скамейкой, ожидая, пока старик медленно поднимется на ноги, буравя его темными слезящимися глазами.

— Мартен, — вздохнул старик. — Самюэл Мартен. Вот ты и пришел.

Слова звучали как будто с двойной выдержкой, под английским слышалось дыхание другого языка. Так, под «Самуэлем» Мартен уловил невнятную тень «Шму-эля».

Старик вытянул морщинистые руки с перекрученными венами, но потом опустил их, словно опасаясь дотронуться до Мартена.

— Я искал тебя, однако в диких просторах города, который только еще будет, слишком много людей. Слишком много Мартенсов и Мартинесов и Мортонсов и Мертонов. Я остановился, только когда добрался до зелени, и то на мгновение. Я не впаду в грех и не перестану верить. И вот ты пришел.

— Это я,— сказал Мартен и понял, что это так.— А ты — Финеас Левкович. Почему ты здесь?

— Я Финеас бен Иегуда, получивший имя Левкович по указу царя, который всем нам присвоил имена. А здесь мы,— тихо продолжал старик,— потому что я молился. Когда я был уже стар, Лия, единственная моя дочь, дитя моих преклонных лет, уехала с мужем в Америку, оставив заботы прошлого ради надежд на будущее. Сыновья мои умерли, жена моя Сара, отрада моей души, умерла еще раньше, и я остался один. Пришло время и мне умереть. Но я не видел Лию с тех пор, как она уехала, а весточки от нее приходили так редко. Душа моя стремилась повидать сыновей ее плоти, продолжение моего семени, сыновей, в которых моя душа могла бы жить дальше и не умереть.

Голос старика был тверд, а под его словами перекачивалась беззвучная тень древнего языка.

— И был мне ответ. Я получил два часа, чтобы увидеть первого сына по моей линии, родившегося в новой стране и в новое время. Сын дочери дочери моей дочери, нашел ли я тебя среди роскоши города?

— Но зачем был нужен этот поиск? Почему бы не свести нас всех вместе?

— Потому что в надежде поиска заключена радость, мой сын,— торжественно провозгласил старик,— и обретение исполнено сладости. Мне дали два часа, чтобы я искал, два часа, чтобы я нашел... и вот ты предстал предо мной, тот, кого я не искал при жизни.— Голос его был стар и спокоен.— С тобой все хорошо, сын мой?

— Теперь, когда я нашел тебя, со мной все хорошо,— ответил Мартен и опустил на колени.— Благослови меня, отец, чтобы мне было хорошо во все дни моей жизни с девушкой, которую я хочу взять в жены, и с малышами, которые родятся от моего семени и от твоего.

Он почувствовал, как на его голову легко опустилась старческая рука, после чего послышался лишь безмолвный шепот.

Мартен поднялся.

Глаза старика с мольбой вглядывались в его лицо. Мартену показалось, что взгляд их терял резкость.

— Теперь я спокойно вернусь к отцам моим, сын мой,— произнес старик, и Мартен остался один в пустом парке.

Неожиданно мир качнулся и ожил. Солнце возобновило прерванный бег, подул ветер, и вместе с этим ощущением все скользнуло обратно...

В десять часов утра Сэм Мартен выбрался из такси, безуспешно пытаясь нащупать бумажник, в то время как мимо неслись другие машины.

Красный грузовик притормозил, потом снова поехал. Белая надпись на его борту извещала:

«Ф. ЛЕФКОВИЦ И СЫНОВЬЯ,
ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ОДЕЖДОЙ».

Мартен ее не заметил. Тем не менее он каким-то образом знал, что все с ним будет хорошо. Знал, как никогда раньше...

ДОЖДИК, ДОЖДИК, ПЕРЕСТАНЬ!

— А вот и она,— сказала Лилиан Райт, натягивая шнур жалюзи, чтобы лучше видеть происходящее в соседнем дворе.

— Ты это о ком? — Ее муж Джордж в предвкушении трансляции бейсбольного матча крутил ручку настройки — пытался сделать изображение контрастнее.

— О миссис Саккарос,— ответила Лилиан и, опережая обычное мужнино «А кто это?», пояснила: — Боже мой, Саккаросы — наши новые соседи.

— Понятно.

— Собирается загорать. Она без конца загорает. Интересно, где ее мальчик? В такую погоду он всегда стоит посреди их огромного двора и лупит мячом в стену. Ты его когда-нибудь видел, Джордж?

— Нет, но я его постоянно слышу. Это похоже на китайскую пытку водой. Хлоп об землю, хлоп об стену, хлоп об землю, хлоп об стену...

— Он славный мальчик, спокойный и воспитанный. Я бы хотела, чтобы наш Томми с ним подружился. И возраст у него подходящий. На вид ему лет десять.

— Не замечал, чтобы у Томми возникали трудности при знакомстве.

— С нашими новыми соседями познакомиться непросто. Они такие замкнутые. Я до сих пор не знаю, чем занимается мистер Саккарос.

— А зачем тебе знать? Не твое это дело.

— Но все-таки странно: я никогда не видела, как он уходит на работу.

— Соседи могли бы сказать то же самое про меня.

— Ты работаешь дома.

— Смею тебя уверить, мистер Саккарос держит супругу в курсе относительно рода своих занятий.

— Джордж,— Лилиан отошла от окна и с отвращением посмотрела на экран телевизора (Шондиест готовился бить по мячу),— я считаю, что мы должны сделать первый шаг.

— Первый шаг? Что ты имеешь в виду? — Откупорив большую запотевшую бутылку кока-колы, Джордж поудобнее устроился в кресле.

— Мы должны с ними познакомиться.

— Разве ты этого еще не сделала? Ты же разговаривала с ней, когда они въезжали.

— Я с ней поздоровалась, она мне ответила, но тем дело и кончилось. Ей было не до меня, у них в доме все тогда стояло вверх дном. Однако прошло уже два месяца, а мы по-прежнему только здороваемся. Она довольно-таки странная.

— Странная?

— Вот она лежит, загорает, а сама то и дело поглядывает на небо. Я замечала это за ней тысячу раз. И никогда не выходит из дому, если день облачный. Однажды ее мальчик играл, как обычно, с мячом, и вдруг она ему кричит, чтобы он немедленно шел в дом, потому что начинается дождь. Я тоже ее услышала и думаю: «Боже милостивый, у меня же белье во дворе сушится!», выскочила на крыльцо — и что ты думаешь? Небо было совершенно чистое. Нет, ползли какие-то тучки на горизонте, но и только.

— Но потом все-таки пошел дождь?

— В том-то и дело, что нет. Не было никаких причин для беспокойства.

Две подачи подряд, затем непростительный промах и перебежка... Джордж и не заметил, как Лилиан ушла в кухню. Когда игра немного выровнялась, он крикнул:

— Это все потому, что они из Аризоны и не разбираются, какие тучи дождевые, а какие нет!

Лилиан, громко стуча высокими каблуками, вбежала в гостиную:

— Из Аризоны?

— Так сказал Томми.

— А ему откуда это известно?

— Томми разговаривал с их парнем. Вероятно, этот малый все-таки делает перерывы в своих тренировках. Они приехали из Аризоны. Или из Алабамы. В общем, откуда-то с юга. На память нашего сына особенно полагаться не следует, но скорее всего они из Аризоны. Тамошние жители не способны оценить прелесть влажного климата.

— Почему же ты молчал до сих пор?

— Потому что Томми сказал мне об этом только сегодня утром. Кроме того, я был уверен, что тебе он сообщает подобные новости в первую очередь. Клянусь, не предполагал, что для тебя это вопрос жизни и смерти. Ого!..— Мяч летел к зрителям на трибуну справа, и питчеру уже больше не на что было рассчитывать.

Лириан снова подошла к окну:

— Обязательно с ней познакомлюсь. Она ужасно милая... О боже, нет, ты только погляди, Джордж!

Джордж не отрывал глаз от экрана.

— Понятно,— сказала Лириан,— заметила вон то облачко. И сразу побежала домой. Ну и дела.

Двумя днями позже, когда Джордж вернулся из библиотеки, где делал необходимые для работы выписки, Лириан встретила его, ликуя:

— Не планируй никаких дел на завтра.

— Это звучит как приказ.

— Это и есть приказ. Мы отправляемся вместе с Саккаросами в Мерфи-парк.

— С кем?

— С нашими новыми соседями, Джордж. Неужели так сложно запомнить их фамилию?

— Я в восторге. Но каким образом ты это устроила?

— Сегодня утром я подошла к их двери и позвонила.

— И все? Так просто?

— Нет, это было довольно трудно. Я вся тряслась и никак не могла решиться нажать на звонок, пока не сообразила, что, если кто-нибудь из них в этот момент выйдет из дома, я буду выглядеть крайне глупо.

— И она тебя не выставила?

— Она была невероятно любезна. Узнала меня и пригласила в дом. Сказала, что очень рада со мной познакомиться. Представляешь?

— И тогда ты предложила поехать с детьми в Мерфи-парк?

— Ну да, мне пришлось в голову, что она вряд ли захочет лишить своего мальчика такого удовольствия.

— Психология матери.

— Но видел бы ты их гнездышко!

— Вот, оказывается, в чем дело. Тебе же всегда любопытно, как живут другие люди. Агентство Кука теряет в твоём лице благодарного клиента. Только умоляю, избавь меня от рассказов о том, какие у наших соседей постельные покрывала. И размеры их платяных шкафов мне знать тоже совсем необязательно.

Тайна счастливой семейной жизни супругов Райт заключалась в том, что Лилиан пропускала мимо ушей вечное подтрунивание мужа. Как ни в чем не бывало она принялась описывать именно постельные покрывала в доме Саккаросов, а размеры платяных шкафов сообщила с точностью до дюйма.

— И такая везде чистота! Просто поразительно.

— Давай-давай, ходи к ней почаще. Очень скоро выяснится, что тебе за этой чистюлей не угнаться, и тогда ты ее возненавидишь.

— У нее в кухне, — Лилиан в очередной раз сделала вид, будто не слышала реплики Джорджа, — все блесит. Даже не верится, что она когда-нибудь готовит. Мне захотелось пить, и она, наливая воду, пустила такую тоненькую струйку, что ни одна капля не пролилась в раковину. И это вышло у нее совершенно естественно, как будто она всегда так делает. А стакан она подала мне, обернув его накрахмаленной салфеткой. Прямо как в больнице.

— Похоже, эти Саккаросы из тех, кто сами себе создают лишние трудности. Она сразу приняла твоё предложение?

— О нет, далеко не сразу. Она спросила у мужа, знает ли он прогноз погоды на завтра. Мистер Саккарос ответил, что все газеты обещают погожий денек, однако следует дожидаться, что скажет радио.

— Он так и сказал: все газеты?

— Я тоже обратила на это внимание. Как будто ему неизвестно, что в газетах печатается одна и та же официальная метеосводка. Но вообще мне показалось, что они действительно выписывают все газеты. Во всяком случае, я видела какие-то невероятные кипы...

— Короче, ничто не ускользнуло от твоего внимания.

— Тогда,— невозмутимо продолжала Лилиан,— миссис Саккарос позвонила в бюро погоды и узнала самую последнюю сводку. Они посоветовались и решили принять мое предложение. Но если погода изменится к худшему, они нам перезвонят.

— Ну что же, раз такое дело, поехали.

Уже издали чета Саккаросов произвела на Джорджа приятное впечатление: молодые, статные, с улыбками на смуглых лицах. Пока они шествовали по длинной садовой дорожке от своего дома к машине Райтов, он успел шепнуть Лилиан:

— Теперь мне все понятно. Это с ним тебе хотелось познакомиться, а не с...

— А хоть бы и так. Что за чемоданчик у него в руке?

— Портативный радиоприемник. Держу пари, парень прихватил его, чтобы слушать метеосводки.

Саккарос-младший бежал следом за родителями, размахивая каким-то предметом,— при ближайшем рассмотрении Джордж определил, что это барометр. Саккаросы разместились на заднем сиденье, машина тронулась, и завязался непринужденный разговор, который не прерывался на протяжении всего пути до Мерфи-парка. Саккарос-младший был столь воспитан и рассудителен, что Райт-младший, впечатленный его положительным примером, тоже старался держаться в рамках приличия. Лилиан не могла припомнить, когда последний раз она выбиралась на природу в таком чудесном настроении, которое не мог испортить даже тот факт, что фоном для их оживленной беседы служила негромкая, но непрерывная воркотня радиоприемника. Она умела не обращать внимания на подобные пустяки.

Лучшей погоды для поездки в Мерфи-парк и пожелать было невозможно: солнечно, сухо и умеренно жарко. Даже мистер Саккарос (он придирчиво изучал каждый квадрат ярко-синего неба и отвлекался от этого занятия лишь для того, чтобы взглянуть на барометр) был, казалось, доволен.

Лириан отвела обоих мальчиков на площадку аттракционов и купила каждому билеты на все виды головокружительных развлечений, какими только располагал Мерфи-парк.

— Пожалуйста,— сказала она миссис Саккарос, когда та полезла в сумочку за деньгами,— позвольте мне сделать им приятное. Вы заплатите в следующий раз.

Вернувшись к машине, Лириан застала Джорджа в одиночестве.

— А где...— начала она.

— У киоска со сладостями. Я сказал им, что подожду тебя здесь, а потом мы к ним присоединимся,— угрюмо объяснил Джордж.

— Почему ты такой мрачный? Что-нибудь случилось?

— Да ничего особенного. Просто у меня создалось впечатление, что эти Саккаросы чертовски богаты.

— Почему ты так решил?

— Действительно непонятно, чем он занимается. Я попробовал это выяснить...

— Ну и кто из нас любопытный — ты или я?

— Я же для тебя старался. И знаешь, что он мне ответил? Что «изучает жизнь»!

— Очень глубокомысленно. Вот почему у них дома так много газет.

— Да, но иметь красивого и богатого соседа мне вовсе не улыбается.

— Не говори ерунды.

— Между прочим, они не из Аризоны.

— Вот как?

— Я спросил его, из каких они мест. Наверное, говорю, вы из Аризоны. Он так на меня вытаращился, а потом засмеялся и спрашивает: «Разве у меня аризонский выговор?»

Лириан сказала задумчиво:

— Выговор у него в самом деле странный. Впрочем, на юго-западе у многих испанские предки, а Саккарос — фамилия, конечно, испанская.

— По-моему, она больше смахивает на японскую. Пойдем, они нам машут. Ого, погляди, чем задумали нас угостить наши друзья!

Каждый из Саккаросов держал в руках по дюжине порций сахарной ваты — лакомства, представлявшего собой насаженный на палочку пышный ком взбитого в центрифуге и застывшего сиропа. Эта розовая волокнистая масса начинала таять уже на губах и оставляла во рту тошнотворный приторный вкус.

Райты получили по две порции и горячо поблагодарили за угощение. Потом они вчетвером гуляли по парку, метали в мисень дротики, клюшками закатывали шары в лунки, сбивали с пьедесталов деревянные чурки, сфотографировались и записали на фотокарточки собственные голоса. Когда они зашли за детьми на площадку аттракционов, Томми и Саккарос-младший от избытка острых ощущений пребывали уже в полуобморочном состоянии.

Саккаросы немедленно повели своего отпрыска к киоску со сладостями. Томми выразил страстное желание съесть что-нибудь посущественнее и, получив от Джорджа четверть доллара, отправился покупать сосиску в тесте.

— Давай постоим здесь, — сказал Джордж жене. — Кажется, они снова собрались полакомиться сахарной ватой. Если я ошибаюсь, готов затолкать в себя дюжину порций в качестве извинения. Правда, боюсь, что от одного ее вида меня вывернет наизнанку.

— Очень хорошо тебя понимаю. Смотри, они и своего мальчика пичкают этой дрянью.

— Я предложил Саккаросу гамбургер, но он соорудил брезгливую гримасу и отказался. Конечно, гамбургерами сыт не будешь, но после сахарной ваты — это же пища богов!

— Да уж, сахарной они теперь сыты на всю оставшуюся жизнь. А я хотела угостить ее апельсиновым соком, и она отскочила от меня с таким испуганным видом, как будто я собиралась выплеснуть ей этот сок в лицо. Можно подумать, что они никогда не бывали в парке и все им здесь в новинку.

— Возможно. — Джордж и Лилиан медленно шли вслед за Саккаросами. — Смотри, Лил, собираются тучи.

Мистер Саккарос, приложив к уху приемник, озабоченно смотрел на небо.

— Ага, — сказал Джордж, — он тоже это заметил. Доллар против пятидесяти, что сейчас наши милые соседи запросятся домой.

Не успел он договорить, как Саккаросы обступили его с трех сторон, вежливые, но явно взволнованные. О да, они замечательно отдохнули и в самое ближайшее время непременно пригласят Райтов к себе, но сейчас, к сожалению, им нужно срочно вернуться домой, потому что надвигается гроза.

Миссис Саккарос была чрезвычайно огорчена, что столь многообещающий прогноз погоды не оправдался.

Джордж попытался их успокоить:

— В нашем климате трудно предсказать погоду с абсолютной точностью. Но даже если начнется гроза, а этого, кстати, может и не случиться, она продлится не более получаса.

Его увещевания не действовали — миссис Саккарос, нервно комкая в руке носовой платок, вся дрожала, а у Саккаросамладшего в глазах уже стояли слезы.

— Ну хорошо, хорошо, поехали домой,— покорно сказал Джордж.

Дорога назад показалась Джорджу бесконечной. Все молчали, зато оглушительно верещал радиоприемник. Мистер Саккарос то и дело щелкал переключателем — бюро погоды по всем станциям предвещало кратковременные грозы с ливнями.

Саккарос-младший вдруг громко объявил, что барометр падает. Его мать, обхватив ладонью подбородок, устремила скорбный взгляд в небеса, а потом спросила у Джорджа, нельзя ли прибавить скорость.

— Погода и в самом деле портится,— откликнулась Лилиан, желая показать своей новой подруге, что разделяет ее озабоченность. Джордж, впрочем, услышал, как она хмыкнула себе под нос: «Ну и дела!»

Ветер клубил пыль над проезжей частью, когда машина влетела в улицу, на которой они жили. Кроны деревьев шелестели зловеще. Блеснула молния.

— Друзья, через пару минут вы будете дома,— сказал Джордж.

Он остановил машину возле дома Саккаросов и открыл заднюю дверцу. На щеку ему упала первая капля. Да, они вернулись как раз вовремя.

Саккаросы, бледные, бормоча слова благодарности, выбрались из машины и что есть мочи припустили по длинной садовой дорожке.

— Ну и дела,— сказала Лилиан.— Можно подумать, что они...

И тут небеса разверзлись, и хлынул такой ливень, как будто там, наверху, прорвало плотину. По крыше машины забарабанили мириады увесистых капель. Не добежав до своего дома, Саккаросы остановились и в отчаянии запрокинули головы. С каждой секундой их лица под водяными струями теряли очертания. Саккаросы на глазах уменьшались в росте, сморщивались, у них подкашивались ноги. Еще миг — и на садовой дорожке ничего от них не осталось, кроме трех кучек мокрой слипшейся одежды.

Райты в ужасе взирали на происшедшее. Наконец Лилиан нашла в себе силы закончить начатую фразу:

— ...они сахарные и боятся растаять!

ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА — ЛЮБОВЬ?

— Два совершенно разных вида! — настаивал капитан Гарм, пристально рассматривая доставленных на корабль созданий. Его оптические органы выдвинулись далеко вперед, обеспечивая максимальную контрастность.

Проведя месяц на планете в тесной шпионской капсуле, Ботакс наконец блаженно расслабился.

— Не два вида, — возразил он, — а две формы одного вида.

— Чепуха! Между ними нет никакого сходства. Благодарение Вечности, внешне они не так мерзки, как многие обитатели Вселенной. Разумный размер, различимые члены... У них есть речь?

— Да, капитан, — ответил Ботакс, меняя окраску глаз. — Мой рапорт описывает все детально. Эти существа создают звуковые волны при помощи горла и рта — что-то вроде сложного кашля. Я и сам научился. — Он был горд. — Это очень трудно.

— Так вот отчего у них такие невыразительные глаза... Однако почему вы настаиваете, что они принадлежат к одному виду? Смотрите: у того, что слева, длиннее усики или что там у него, и само оно меньше и по-другому сложено, а в верхней части туловища выпирает что-то, чего нет у того, справа... Они живы?

— Живы, но без сознания — прошли курс психолечения для подавления страха. Так будет проще изучать их поведение.

— А стоит ли изучать? Мы и так не укладываемся в сроки, а нам нужно исследовать еще по крайней мере пять миров большего значения, чем этот. Кроме того, трудно поддерживать Временной Стасис, и я бы хотел вернуть их и продолжать...

Влажное веретенчатое тело Ботакса даже завибрировало от возмущения. Его трубчатый язык облизал мягкий нос. Скошенная трехпалая рука качнулась в отрицательном жесте, а глаза перевели спектр беседы целиком в красный свет.

— Спаси нас Вечность, капитан! Ни один мир не имеет большего значения, чем этот. Мы стоим перед серьезнейшим кризисом. Эти создания могут оказаться самыми опасными в Галактике — именно потому, что их две формы.

— Не понимаю.

— Капитан, планета уникальна. Она настолько уникальна, что я сам еще не в состоянии осознать все последствия. Например, почти все виды представлены в двух формах. Если позволите употребить их звуки, то первая, меньшая, называется «женской», а вторая — «мужской», так что они-то сознают разницу.

Гарм мигнул:

— Какое отвратительное средство связи...

— И, капитан, чтобы оставить потомство, эти две формы должны сотрудничать.

Капитан, который, наклонившись, со смесью любопытства и отвращения разглядывал пленников, резко выпрямился:

— Сотрудничать? Что за чепуха? Самый фундаментальный закон жизни: каждое существо приносит потомство в глубочайшем и сокровенном общении с собой. Что же еще делает жизненные формы жизненными?

— Чтобы одна форма произвела потомство, другая должна принимать участие,— упрямо повторил Ботакс.

— Каким образом?

— Очень трудно выяснить. Эта процедура считается у аборигенов интимной. В местной литературе я не мог найти точного и исчерпывающего описания. Но мне удалось вывести кое-какие разумные заключения.

Гарм покачал головой:

— Нелепо... Почкование — священнейший, самый интимный процесс на десятках тысяч планет. Как сказал великий фотобард Левуллин: «Во время почкования, во время почкования, в то самое прекрасное мгновение, когда...»

— Капитан, вы не поняли. Это сотрудничество между формами приводит, не знаю точно как, к рекомбинации генов. Таким образом, в каждом поколении осуществляются новые варианты. Они развиваются в тысячи раз быстрее нас!

— Вы хотите сказать, что гены одного индивидуума могут комбинироваться с генами другого? Вы понимаете, насколько это смешотворно с точки зрения физиологии клетки?

— И все же,— нервно произнес Ботакс под тяжелым взглядом капитана,— эволюция ускоряется. Это просто мир разгула видов: их здесь миллион с четвертью.

— Двенадцать с четвертью будет ближе к истине! Не стоит принимать на веру то, что написано в туземной литературе.

— Я сам видел в очень маленьком регионе сотни различных видов. Говорю вам, капитан, дайте им время, и они разовьются в расу, способную превзойти нас и править Галактикой.

— Докажите, что сотрудничество, о котором вы ведете речь, имеет место, и я рассмотрю ваши предложения. В противном случае я сочту ваши фантазии нелепыми, и мы полетим дальше.

— Докажу! — Глаза Ботакса засверкали ярким желтым огнем.— Обитатели этого мира уникальны еще и в другом отношении. Они предвидят достижения, которых пока не добились,— очевидно, это следствие веры в быстрое развитие. Я перевел их термин для такой литературы, как «научная фантастика». И читал я почти исключительно научную фантастику, потому что уверен: в своих мечтах они ярче выражают себя и свою угрозу нам. И именно из научной фантастики я вывел метод их сотрудничества.

— Как вам это удалось?

— У аборигенов есть периодическое издание, которое иногда публикует научную фантастику, полностью посвященную разнообразным аспектам этого сотрудничества. Его название звучит приблизительно так: «Плейбой». Там не выражаются ясно, что весьма раздражает, но отпускают прозрачные намеки. Очевидно, существо, подбирающее рассказы для издания, только этой темой и интересуется. Отсюда я и знаю, как все происходит... Капитан, после того как на наших глазах появится молодежь, умоляю: прикажите развеять эту планету на атомы!

— Ладно,— утомленно согласился капитан Гарм.— Приведите их в сознание и делайте свое дело.

Мардж Скидмор неожиданно осознала, где находится. Она отчетливо вспомнила перрон в сгущающихся сумерках; перрон был почти пуст — один мужчина стоял рядом с ней, другой — на другом конце. Уже слышался шум подходящего поезда.

Затем — вспышка, ощущение, будто тебя выворачивают наизнанку, и полуиллюзорное видение какого-то тонкого существа, покрытого слизью, и...

— О боже,— простонала Мардж,— я все еще здесь.

Она чувствовала слабое отвращение, но не страх. Она была почти горда, что не чувствует страха. Тут же стоял мужчина — тот самый, что был рядом с ней на платформе.

— Вас они тоже прихватили? — спросила Мардж.— Кого еще?

Чарли Гримвольд попытался поднять руку, чтобы снять шляпу и пригладить волосы, но не сумел и пальцем шевельнуть — что-то мешало, словно все тело стягивал резиновый кокон. Чарли посмотрел на узолицую женщину напротив — лет за тридцать, отметил он, и довольно привлекательная. Но в данных обстоятельствах ему просто хотелось очутиться отсюда подальше, и даже женское общество его не утешало.

— Не знаю, мадам. Я стоял на платформе...

— Я тоже.

— Потом увидел вспышку и... Это, наверное, марсиане.

Мардж энергично кивнула:

— И я так думаю. Вы боитесь?

— Как ни странно, нет.

— Я тоже не испугана. Удивительно, правда? О боже, одно из них подходит!.. Если эта тварь коснется меня, я закричу. Посмотрите на его кожу — вся в слизи! Меня тошнит.

Ботакс приблизился и, как можно тщательнее выговаривая слова, произнес:

— Создания! Мы не причиним вам вреда. Мы только просим показать ваше сотрудничество.

— Э, да оно разговаривает! — удивился Чарли.— Что значит «сотрудничество»?

— Оба. Друг с другом,— пояснил Ботакс.

— Вы понимаете, что он хочет сказать? — Чарли вопросительно посмотрел на Мардж.

— Понятия не имею,— надменно бросила она.

Ботакс сказал:

— Я имею в виду...— и употребил короткий термин, никогда не попадавший ему в литературе, но встречающийся в устной речи как синоним искомой процедуры.

Мардж залилась краской и громовым голосом воскликнула:

— Что?!

Ботакс и капитан Гарм в ужасе заткнули слуховые отверстия и болезненно задрожали.

— Какая наглость! — яростно кричала Мардж. — Я замужняя женщина... О, если бы мой Эд был здесь... А вы, умник, — она повернулась к Чарли, преодолевая резиновое сопротивление, — кем бы вы ни были, если думаете...

— Мадам, мадам! — в отчаянии взмолился Чарли. — Это не моя идея, клянусь вам. Поверьте, я не такой человек... Я тоже женат. У меня трое детей! Послушайте...

Капитан Гарм был недоволен:

— Что происходит, исследователь Ботакс? Я не намерен слушать эту какофонию.

Ботакс сверкнул багряной краской смущения:

— Видите ли, ритуал весьма сложен. Они обязаны сперва выказывать признаки нерасположения, нежелания — как я понял, для улучшения результата. После этой начальной стадии должны быть удалены кожи.

— Они свежуются?!

— Нет, это у них искусственные кожи, которые снимаются безболезненно. Снятие кожи особенно необходимо для меньшей формы.

— Ну ладно, велите им снять кожи. Честное слово, Ботакс, я не нахожу это приятным...

— Пожалуй, мне не стоит просить меньшую форму удалить кожу. Думаю, нам следует точно придерживаться ритуала. Я привхватил с собой экземпляр этого издания — «Плейбой», и здесь везде кожи удаляются насильственно. Например: «...грубо сорвав одежду с ее стройного тела, он ощутил теплую упругость ее груди...» — и дальше в том же духе. Видите: срывание, насильственное удаление служит сильнейшим стимулом.

— Грудь?... — переспросил капитан. — Я не разобрал вашей вспышки.

— Мне пришлось ввести ее для обозначения термина, относящегося к двум выпуклостям в верхней части меньшей формы.

— Понимаю, понимаю... Ну, скажите большему, чтобы он удалил кожи меньшего... Что за отвратительная процедура!..

Ботакс повернулся к Чарли.

— Сэр, — произнес он, — не будете ли вы так любезны сорвать одежду с ее стройного тела? Я выпущу вас для этой цели.

Глаза Мардж расширились, и она в ярости обернулась к Чарли:

— Не смейте! Не прикасайтесь ко мне, вы слышите, сексуальный маньяк!

— Я? — жалобно запричитал Чарли. — Мадам, я тут ни при чем! Думаете, я лишь тем и занимаюсь, что срываю платья?.. Послушайте, — повернулся он к Ботаксу, — у меня трое детей и жена. Узнай она только, что меня подозревают в том, что я срываю, понимаете ли, платья, — и мне придется несладко. Вы знаете, что делает моя жена, заметив, что я просто взглянул на какую-нибудь женщину? Она...

— Он все еще не расположен? — нетерпеливо спросил капитан.

— Очевидно, — произнес Ботакс. — Непривычная обстановка может продлить данную стадию. Так как я знаю, что вам это было бы неприятно, эту часть ритуала я выполняю сам. В космических рассказах часто описывается, как с делом справляются существа с других миров. Например, здесь, — он покопался в своих записках, — действует совершенно омерзительное создание! Они не могли себе даже представить таких красавцев, как мы.

— Продолжайте, продолжайте! Не тяните время! — приказал капитан.

— Да... Вот: «Чудовище ринулось к девушке. Заливаясь слезами и отчаянно крича, она оказалась в объятиях монстра. Когти проскребли по ее трепещущему телу, лохмотьями сдирая юбку». Видите, туземное существо кричит от возбуждения, ощущая удаление покровов.

— Тогда действуйте, Ботакс! Только, пожалуйста, не допускайте визгов. Я весь дрожу от этих звуковых волн.

Ботакс вежливо обратился к Мардж:

— Если вы не возражаете...

Мардж скверно выругалась.

— Не прикасайся! Не прикасайся, мерзкая тварь! Ты испачкаешь мне платье! А оно стоит двадцать четыре доллара... Отойди, чудовище! — Она отчаянно пыталась защититься от непрошенных рук. — Ладно, я сама сниму его.

Мардж потянула молнию и бросила гордый взгляд на Чарли:

— Не смейте глядеть!

Чарли пожал плечами и закрыл глаза. Мардж сняла платье.

— Ну, хорошо? Вы довольны?

Капитан Гарм недоуменно постукивал пальцами по столу.

— Это и есть грудь? А почему другое создание отвернуло голову?

— Нерасположение... Нерасположение,— уверенно заявил Ботакс.— Кроме того, грудь еще закрыта. Нужно удалить и другие кожи. Обнаженная грудь служит сильнейшим стимулятором. Ее постоянно описывают в виде шаров цвета слоновой кости или матовых сфер. Вот у меня здесь рисунки из этих фантастических рассказов. Обратите внимание: на каждом изображено существо с более или менее обнаженной грудью.

Капитан задумчиво переводил взгляд с иллюстрации на Мардж и обратно.

— Что такое «слоновая кость»?

— Вещество, из которого состоят клыки одного большого животного.

— Ага! — Капитан Гарм залился зеленым светом удовлетворения.— Теперь все ясно. Меньшая форма принадлежит к воинственной секте, а выпуклости являются оружием, которым она сокрушает врага!

— Нет-нет, они, как я понимаю, мягкие.

Маленькая коричневая рука Ботакса скользнула в направлении объекта разговора; Мардж взвизгнула и отпрянула.

— Какое же тогда у них назначение?

— Мне кажется,— произнес Ботакс с некоторым сомнением,— что они используются для кормления молоди.

— Молодняк их съедает?! — воскликнул ошеломленный капитан.

— Не совсем так. Эти объекты выделяют жидкость, потребляемую молодью.

— Потребляют жидкость, выделяемую из живого тела? Нда-а-а...

Капитан страдальчески закрыл голову всеми тремя руками.

— Трехрукое, скользкое, пучеглазое чудовище,— сказала Мардж.

— Верно,— согласился Чарли.

— Ладно, ладно, бесстыдник. Побольше следите за своими глазами!

— Поверьте, я стараюсь не смотреть...

Ботакс вновь приблизился:

— Мадам, не могли бы вы снять все остальное?

Мардж сжалась:

— Никогда!

— В таком случае это сделаю я, если позволите.

— Не прикасайтесь! О боже, боже... Хорошо, сама сниму.

Делая то, что обещала, она бормотала себе под нос и бросала в сторону Чарли гневные взгляды.

— Ничего не происходит, — заметил капитан в глубоком разочаровании. — Это, должно быть, бракованный экземпляр.

Ботакс принял реплику на свой счет.

— Сэр!

— Но грудь этого создания вовсе не похожа на шары или сферы. Мы с вами отлично знаем, что такое шары и сферы, и на рисунках, которые вы мне показывали, изображены действительно большие сферы. А у данного экземпляра мы видим какие-то провислые нащепки. Кроме того, они почти бесцветны.

— Ерунда, — возразил Ботакс. — Надо считаться с возможностью естественных отклонений. Впрочем, сейчас мы спросим у самого существа. — Он повернулся к Мардж: — Мадам, с вашей грудью все в порядке?

Глаза Мардж широко раскрылись, и некоторое время она не могла дышать.

— Вот уж... — наконец проговорила она. — Может, я не Джина Лоллобриджида и не Анита Экберг, но у меня все в порядке, благодарю вас... О-о, если бы Эд был здесь! — Она повернулась к Чарли: — Эй вы, скажите этому пучеглазому чудовищу, что я вполне развита!

— Э-э... — осмелился заметить Чарли, — вы забываете, что я не смотрю.

— О да, вы уж не смотрите... Такие типы только и знают, что глазеть похотливо на женщин. Можете чуть-чуть взглянуть, но не больше, если в вас есть хоть что-то от джентльмена, чему я, разумеется, не верю.

— Ну, — промолвил Чарли, — я не хотел бы оказаться замешанным в таком деликатном деле, но у вас все в норме, я полагаю.

— Полагаете?! Вы что, слепой? К вашему сведению, я однажды была претенденткой на звание Мисс Бруклин, и где я проигрывала, так это линия талии, а не...

— Конечно, конечно... Грудь восхитительна, честно.— Чарли энергично кивнул Ботаксу: — В полном порядке. Я не специалист, вы понимаете, но по мне она хороша.

Мардж успокоилась.

Ботакс почувствовал прилив сил.

— Большая форма проявляет интерес, капитан. Стимул работает. Теперь — последняя стадия.

— В чем она заключается?

— Сущность ее состоит в том, что аппарат речи и поглощения пищи одного существа накладывается на аналогичный аппарат другого. Позвольте мне для этого процесса ввести такую вспышку: «поцелуй».

— Меня тошнит от этой мерзости...— простонал капитан.

— Это кульминация. Во всех историях, после того как кожи удалены, формы обхватывают друг друга конечностями и предаются горячим поцелуям. Вот один пример, взятый наугад: «Он схватил девушку и жадно приник к ее пылающим губам».

— Может быть, одно существо пожирает другое? — предположил капитан.

— Ничего подобного,— нетерпеливо возразил Ботакс.— Это жгучие поцелуи.

— Жгучие? Происходит сгорание?

— Очевидно, нет. Тут, вероятно, подчеркивается факт повышения температуры. Чем выше температура, тем успешнее, надо полагать, происходит производство молодежи. Без этой ступени потомство получить невозможно. Это и есть сотрудничество, о котором я говорил.

— И все?

— Все,— подтвердил Ботакс.— Ни в одном из рассказов, даже в тех, что печатаются в «Плейбое», я не нашел описания какой-либо дальнейшей активности, связанной с детопроизводством. Иногда описание завершают серией точек, но я полагаю, что это обозначает просто большее число поцелуев. Один поцелуй на каждую точку — когда хотят произвести целое множество молодых.

— Только одного, пожалуйста, и немедленно.

— Разумеется, капитан.

Ботакс торжественно произнес:

— Сэр, поцелуйте, пожалуйста, леди.

— Послушайте, я не могу двинуться,— сказал Чарли.

— Я освобожу вас, конечно.

— Леди это может не понравиться.

— Уж будьте уверены, мне это не понравится! Держись от меня подальше,— прошипела Мардж.

— Мадам, может, не стоит их сердить? Мы можем... ну... только сделать вид.

Она колебалась, сознавая справедливость опасения.

— Ну ладно... Но чтобы без всяких штук! Я не привыкла целоваться с каждым встречным!

— Разумеется, мадам. Уверяю вас, это не моя затея.

Мардж сердито бормотала:

— Гадкие чудовища! Ишь...

Чарли приблизился, смущенно положил руки на голые плечи Мардж и, сморщившись, выгнулся дугой. Мардж так напряглась, что на шее появились складки. Их губы встретились.

Капитан Гарм раздраженно вспыхнул:

— Я не чувствую повышения температуры.

Его тепловоспринимающие усики полностью распрямились и дрожали на голове.

— Я тоже,— растерянно признался Ботакс.— Но мы все делали в точности, как написано в этих историях. Пожалуй, его конечности должны быть более распростертыми... О, вот так... Смотрите, действует!

Почти случайно рука Чарли соскользнула вдоль мягкого обнаженного торса Мардж. На миг она, казалось, приникла к нему, затем внезапно отдернулась.

— Отпустите! — прошипела Мардж. Неожиданно она сжала зубы, и Чарли с диким криком отскочил в сторону, зализывая кровоточащую нижнюю губу.

— За что, мадам?! — воскликнул он жалобно.

— Мы договорились только делать вид. Что на меня уставились? Господи, ну и в компанию я попала!

Капитан Гарм быстро засиял голубым и желтым.

— Все закончено? Сколько теперь нужно ждать?

— Мне кажется, это происходит сразу. Сами знаете, когда вы почкуетесь — вы почкуетесь.

— Да?.. После всего того, что я здесь видел, не думаю, что когда-нибудь смогу почковаться... Пожалуйста, заканчивайте побыстрее.

— Один момент, капитан.

Однако время шло, и сияние капитана медленно становилось мрачно-оранжевым, а Ботакс почти угас. Наконец Ботакс спросил:

— Простите, мадам, когда вы будете почковаться?

— Когда я буду... что?

— Производить потомство.

— У меня уже есть ребенок.

— Я имею в виду, производить потомство сейчас.

— Но... я еще не готова для другого ребенка.

— Что? Что? — потребовал капитан. — Что она говорит?

— Кажется, — чуть слышно произнес Ботакс, — пока она не намерена иметь маленького.

Капитан яростно вспыхнул всеми цветами радуги.

— Вы знаете, что я думаю, Исследователь? Я думаю, что у вас болезненное, извращенное мышление. С этими существами ничего не происходит. Между ними нет никакого сотрудничества, и не появляется никакая молодежь. Я думаю, что это два разных вида, а вы валяете со мной дурака!

— Но, капитан... — начал Ботакс.

— Молчать! — рявкнул Гарм. — Не спорьте со мной. С меня достаточно. Вы потратили мое время и вызвали у меня тошноту, описывая свои омерзительные домыслы о почковании. Вы домогались личной славы и наград, и я позабочусь, чтобы вы их не получили. Немедленно избавьтесь от этих созданий. Отдайте им их кожи и верните на место, откуда взяли. Все расходы, связанные с поддержанием Временного Стасиса, будут вычтены из вашей зарплаты.

— Но, капитан...

— Это приказ! — Гарм метнул на Ботакса испепеляющий взгляд. — Один вид, две формы, груди, поцелуи, сотрудничество... Вы болван, Исследователь, извращенное и болезненное, да, да, болезненное существо!

Дрожа всеми членами, Ботакс стал настраивать приборы.

Они стояли на пустынном перроне, дико озираясь по сторонам. Уже сгущались сумерки, и подходящий поезд давал о себе знать приближающимся гулом.

— Неужели все это на самом деле было? — неожиданно спросила Мардж.

Чарли кивнул:

— Отчетливо помню.

— Нам никто не поверит.

— Послушайте, я сожалею, что вы были поставлены в неловкое положение. Это не моя вина.

— Конечно понимаю...

Мардж, потупившись, изучала деревянную платформу под ногами. Поезд приближался.

— Э-э... Вы вовсе не были плохи. То есть вы были изумительны, только я не решался вам сказать.

Она улыбнулась:

— О, что вы...

— Может, не откажетесь выпить со мной чашечку кофе для успокоения? Моя жена... ее пока нет.

— Правда?! И Эд уехал за город на уик-энд, так что меня ждет только пустая квартира. Наш мальчик у моей мамы, — пояснила Мардж.

— Тогда пойдемте. Мы ведь немного знакомы.

— Чуть-чуть! — рассмеялась Мардж.

Прибыл поезд, но они уже шли по улице.

В баре они позволили себе чуть-чуть выпить, а потом Чарли, конечно, не мог отпустить ее одну в темноте и проводил домой. Естественно, Мардж была обязана пригласить его зайти.

Тем временем в космическом корабле несчастный Ботакс предпринимал последнюю попытку доказать свою правоту. Пока Гарм готовил корабль к отлету, Ботакс торопливо установил узколучевой видеоэкран. Он сфокусировал луч на Чарли и Мардж в ее квартире. Усики Ботакса напряглись, а глаза засияли переливчатым светом.

— Капитан Гарм! Капитан! Посмотрите, что они делают сейчас!

Но в это мгновение корабль вышел из Временного Стасиса.

Грэму Дорну уже не раз приходило в голову, что обещать девушке, пусть даже и самой любимой, пойти за ней в огонь и в воду — шаг довольно опрометчивый. Она ведь, чего доброго, и на слове поймает.

Что, в общем-то, и произошло с ним, когда он поддался напору, нажиму и натиску своей невесты и согласился выступить в литературном кружке ее престарелой незамужней тетушки. И нечего смеяться! На месте докладчика вам бы точно было не до смеха. Чего стоят одни только лица кое-кого из слушателей, на которые волей-неволей приходится смотреть!

Одним словом, Грэма Дорна вытащили на сцену и заставили не сутулиться. Речь о «Роли детективного романа в американской литературе» он читал с таким видом, будто только что проглотил лягушку. Даже то, что написала доклад его бесценная Джун собственной персоной (иначе черта с два он дал бы себя уговорить на подобную затею), не затмевало того факта, что все это была полнейшая чушь.

А потом, когда рассудок его, фигурально выражаясь, обливался кровью, на него налетела стая гарпий, ибо — трепещите! — настал черед свободной дискуссии и дамы принялись наперебой забрасывать его вопросами.

— Скажите, мистер Дорн, правда ли, что все ваши труды написаны в минуты вдохновения? Ну, то есть, вот вы сидите, и тут вам в голову приходит какая-нибудь идея — совершенно неожиданно? И вам приходится писать ночи напролет и пить крепкий кофе, чтобы не спать, пока вдохновение не покинуло вас.

— О да. Истинная правда.

(Он работал с двух до четырех через день и предпочитал молоко.)

— Скажите, мистер Дорн, вам, должно быть, приходится проделывать массу предварительных изысканий, чтобы описать все эти зловещие убийства. Сколько примерно времени проходит, прежде чем вы можете сесть за книгу?

— Как правило, месяцев шесть.

(Вся его справочная литература ограничивалась шеститомной энциклопедией и позапрошлогодним выпуском «Всемирного альманаха».)

— Ах, мистер Дорн, признайтесь, ваш Реджинальд де Мейстер списан с реального человека? Не может быть, чтобы он был полностью выдуман. Он вышел у вас ну совершенно как живой, во всех мелочах.

— Его прообразом послужил один друг моего детства.

(Дорн никогда не встречал никого хотя бы отдаленно похожего на де Мейстера и жил в постоянном страхе, что подобный человек когда-нибудь все-таки ему встретится. На такой случай он даже носил хитрым образом сконструированный перстень с восточным ядом замедленного действия. Вот вам и де Мейстер.)

Джун Биллингс сидела на своем месте в стороне от восторженной толпы женщин и улыбалась горделивой собственнической улыбкой.

Грэм провел ладонью по горлу и как можно незаметнее изобразил, что готов повеситься. Джун с улыбкой кивнула и послала ему воздушный поцелуй. Этим все и ограничилось.

Грэм клятвенно пообещал себе, что остаток жизни проведет в трудах и одиночестве и на пушечный выстрел не приблизится ни к одной женщине, а в своих романах будет изображать их исключительно как злодеек.

Он односложно отвечал на вопросы, чередуя «да» и «нет». Да, время от времени он балуется кокаином. Это стимулирует творческий процесс. Нет, на потребу Голливуду он своего де Мейстера не отдаст. Кино, по его мнению, не имеет ничего общего с настоящим искусством. К тому же у него нет будущего. Да, он прочтет рукописи мисс Крэм, если она принесет их ему. С превеликой радостью. Что может быть увлекательнее, чем читать творения начинающих авторов? А редакторы и впрямь бездушные создания, все до одного.

Тут подали закуски, и дам как ветром сдуло. Грэм опомнился не сразу. Толпа женщин слилась и превратилась в одну-единственную. Она была примерно четырех футов десяти дюймов ростом и весила фунтов восемьдесят пять. В Грэме было шесть футов два дюйма роста и добрых двести десять фунтов веса. Он, скорее всего, в два счета бы с ней справился, тем более что обе руки у нее были заняты слоновьих размеров сумкой. И все же мысль отправить ее в нокдаун казалась ему несколько негуманной, если не сказать жестокой. Такой поступок казался ему не вполне достойным.

Она надвигалась на него с восторженным пылом, который до отвращения явственно читался в ее глазах, и Грэм понял, что отступать некуда. Двери в пределах досягаемости не наблюдались.

— О, мистер де Мейстер, заклиная вас, позвольте мне звать вас этим именем. Ваш герой кажется мне настолько реальным, что я просто не в состоянии думать о вас просто как о Грэме Дорне. Вы ведь не возражаете, правда же?

— Нет-нет, что вы,— булькнул Грэм сквозь тридцать два плотно стиснутых зуба.— Иной раз я и впрямь развлекаюсь, воображая себя Реджинальдом.

— Благодарю вас. Вы не представляете, дорогой мистер де Мейстер, с каким нетерпением я ждала встречи с вами. Я прочла все ваши произведения и считаю, что они великолепны.

— Польщен столь высокой оценкой.— Он по привычке натянул на себя маску скромности.— Право же, в них нет ничего особенного. Ха-ха-ха! Я рад, что читателям нравится, но мне еще совершенствоваться и совершенствоваться. Ха-ха-ха!

— Да нет же, вы правда такой. Ну, то есть хороший писатель, правда. По-моему, это замечательно, быть писателем. Наверное, это почти как быть богом.

Грэм сделал непроницаемое лицо.

— Только не для редакторов, сестра.

«Сестра» намек не поняла.

— Создавать живых персонажей из ничего, выстраивать картины и творить миры! Мне частенько кажется, что писатели — самые счастливые люди на свете. Лучше быть вдохновенным писателем, который еле-еле сводит концы с концами в своей мансарде, нежели королем во дворце. Вы согласны?

— Безусловно,— покривил душой Грэм.

— Что такое низменные материальные блага этого мира по сравнению с возможностью вдохнуть жизнь в свой маленький мир?

— И впрямь!

— А благодарные потомки? Подумайте только о потомках!

— Да-да. Я только и делаю, что думаю о них.

Миниатюрная дама схватила его за руку.

— У меня к вам всего одна маленькая просьба. Вы не могли бы,— она слабо зарделась,— вы не могли бы дать несчастному Реджинальду — если вы позволите мне так его назвать — шанс жениться на Летиции Рейнольдс. Она слишком жестока к нему. О, сколько слез я пролила из-за этого! Но для меня он совсем, совсем как живой...

Откуда-то, словно по волшебству, появился кружевной платочек и был поднесен к глазам. Затем она спрятала его, храбро улыбнулась и поспешила прочь. Грэм Дорн сделал глубокий вдох, закрыл глаза и аккуратно упал в объятия Джун.

Его глаза распахнулись.

— К твоему сведению,— строго сказал он ей,— наша помолвка была на грани разрыва. Только мое уважение к твоим несчастным престарелым родителям помешало тебе стать бывшей невестой Грэма Дорна.

— Милый, это так благородно с твоей стороны.— Она потерлась щекой о его рукав.— Идем, я отвезу тебя домой и омою твои раны.

— Ну ладно, только тебе придется вынести меня с поля боя. У этой славной старушки, твоей драгоценной тетушки, случайно нет топора?

— А что?

— Во-первых, у нее хватило дерзости представить меня как, прости господи, литературного отца знаменитого Реджинальда де Мейстера.

— А что, это не так?

— Давай-ка выбираться из этого гадюшника. И заруби себе на носу: я не состою с этим типом в родстве, ни в литературном, ни в каком-либо еще. Я отрекаюсь от него. Пропади он пропадом. Плевать мне на него. Я объявляю его незаконнорожденным сыном, гнусным выродком, собачьим отродьем, и прова-

литься мне на этом месте, если он когда-нибудь еще сунет свой поганый аристократический нос в мои замыслы.

Они сидели в такси, и Джун поправила ему галстук.

— Ладно, котик, давай посмотрим, что там в письме.

— В каком еще письме?

Она протянула руку.

— От издателя.

Грэм досадливо крикнул и вытащил из кармана пиджака конверт.

— Пожалуй, стоит напроситься к нему на чаепитие. Шепотка стрихнину пошла бы этому бездушному негодяю только на пользу.

— Злобствовать будешь потом. Что он пишет? Гм... ага, вот оно: «Это не совсем то, чего я ожидал... как мне кажется, де Мейстер не в самой лучшей форме... пожалуй, сюжет не мешало бы немного пересмотреть в сторону... роман, безусловно, можно доработать... возвращаю отдельным пакетом...»

Она отбросила письмо в сторону.

— Говорила я тебе, зря ты убил Санчу Родригес. Она была бы тут как раз к месту. Любовная линия у тебя совсем захирела.

— Вот сама ее и пиши! Хватит с меня де Мейстера! Дошло до того, что окололитературные дамы иначе как «мистер де Мейстер» меня не зовут и фотографии мои в газетах тоже печатаются с подписью «мистер де Мейстер». Я сам по себе ничего не значу. Кто слышал о Грэме Дорне? Вечно одно и то же: «Дорн, Дорн, ну, знаете, это тот малый, который пишет про де Мейстера».

— Глупыш! — визгливо воскликнула Джун. — Ты завидуешь своему же собственному герою.

— Да никому я не завидую. Послушай! Я терпеть не могу детективы. Ни разу не брал их в руки с тех пор, как освоил двухсложные слова. Самый первый роман был задуман как тонкая, едкая, язвительная пародия. Я намеревался разнести в пух и прах всю шайку этих писаек, которые подвизаются на детективном поприще. Вот зачем я придумал де Мейстера. Он должен был покончить со всеми сыщиками. «Дурак набитый», автор: Грэм Дорн. Так что читатели вместе со змеями и прочими неблагодарными детьми пригрели на своей груди и это ничтожество. Я пишу роман за романом, пытаюсь заставить читателей одуматься...

Грэм Дорн поник от сознания безнадежности своей затеи.

— А, ладно.— Он слабо улыбнулся, и величие его духа возобладало над тяготами жизни.— Как ты не понимаешь? Я должен писать совсем о другом! Не могу же я всю жизнь потратить неизвестно на что? Вот только кто станет читать серьезный роман Грэма Дорна, когда теперь в глазах всех мое имя неразрывно связано с де Мейстером?

— Можно взять псевдоним.

— Не стану я брать псевдоним. Я горжусь своим именем.

— Но не можешь же ты вот так взять и бросить де Мейстера! Не глупи, дорогой.

— Любая нормальная невеста,— с горечью упрекнул Грэм,— была бы только рада, если бы ее будущий муж написал что-то по-настоящему стоящее и прославился.

— Так я и буду рада, Грэм. Но это же не мешает тебе время от времени возвращаться к де Мейстеру, чтобы обеспечить себе кусок хлеба.

— Ха! — Грэм надвинул на глаза шляпу, чтобы скрыть муку, которая терзала его несгибаемый дух.— Ну вот, теперь ты говоришь, что мне никогда не добиться известности, если я не соглашусь променять высокое искусство на эту похабщину. Приехали. Вылезай. А я поеду домой писать письмо на песочке. Пропесочу хорошенько нашего дряхлого мистера Макданлопа.

— Поступай как хочешь, мой голубок,— проворковала Джун.— А завтра, когда тебе полегчает, приходи, поплачешь у меня на плече, а потом мы с тобой вдвоем подумаем, как нам переработать «Смерть на третьей палубе», хорошо?

— Наша помолвка,— высокомерно заявил Грэм,— расторгнута.

— Как скажешь, милый. Я буду дома завтра в восемь.

— Мне это совершенно безразлично. Всего доброго!

Издатели и редакторы, безусловно, избранная каста. Их удел — протянутая для рукопожатия рука, улыбка в тридцать два зуба, кивок головой и хлопок по спине.

Однако по вечерам авторы разбегаются по своим норкам, и вот тут-то и наступает время для маленькой мести. Вслух произносятся фразы, которых никто не может услышать, пишутся письма, отправлять которые нет нужды, а над пишущими ма-

шинками, возможно, водружаются портреты редакторов с задумчивой улыбкой на лицах, чтобы послужить мишенью для метания дротиков.

Портрет Макданлопа, используемый именно таким образом, украшал и комнату Дорна. Между тем сам Грэм Дорн в своей неизменной писательской экипировке (уличная одежда и пишущая машинка) сидел и хмуро созерцал пятый по счету лист бумаги, заправленный в машинку. Предыдущие четыре торчали из мусорной корзины, забракованные за слюнтяйскую мягкость изложения.

«Дорогой сэръ», — начал Дорн. А потом продолжил, медленно и мстительно: — «...или мадам, в зависимости от обстоятельств».

На него вдруг нашло вдохновение, и он бешено застрочил, не обращая внимания на голубоватый дымок, выходящий над перегретыми клавишами.

«Вы пишете, что остались не слишком высокого мнения о де Мейстере в этом романе. Ну а я вообще не слишком высокого о нем мнения. Точка. Можете прыгнуть с Бруклинского моста с ним в обнимку. И надеюсь, что в Ист-ривер ровно за секунду до вашего прыжка сбросят канализационные стоки.

Впредь я намерен придерживаться в своем творчестве куда более высоких планок, чем ставит ваше паршивое издательство. И настанет день, когда я смогу оглянуться назад на этот период моей карьеры и с отвращением сказать себе, что это было просто...»

Пока Грэм печатал этот абзац, кто-то настойчиво похлопывал его по плечу. Когда нужно было нажать пробел, Грэм досадливо и безрезультатно пытался отмахнуться.

Теперь он прервался, обернулся и учтиво обратился к незнакомцу, неведь откуда взявшемуся в его комнате:

— А вы, черт побери, кто такой? Впрочем, можете проваливать, не утруждая себя ответом. Я не обижусь на вашу невежливость.

Незнакомец любезно улыбнулся и кивнул. До Грэма донесся тонкий аромат какого-то неброского бриолина. Четко очерченный волевой подбородок гостя сильно выдавался вперед.

— Меня зовут де Мейстер. Реджинальд де Мейстер, — произнес он хорошо поставленным голосом.

Грэм был потрясен до глубины души и услышал, как в ней что-то дзенькнуло.

— Эгхм,— прохрипел он.

— Прошу прощения?

Грэм пришел в себя.

— Я сказал «эгхм», короткое кодовое слово, которое означает «какой именно де Мейстер».

— Тот самый,— услужливо пояснил де Мейстер.

— Герой моих детективов? Сыщик?

Де Мейстер уселся, не дожидаясь приглашения, и на его породистом лице застыло выражение любезной скуки, столь высоко ценимое в высшем свете. Он закурил турецкую сигарету, в которой Грэм тотчас же узнал любимую марку своего героя, предварительно медленно и осторожно постучав ею по тыльной стороне ладони — еще один фирменный жест.

— Совершенно верно, старина,— сказал де Мейстер.— Это и в самом деле страшно смешно. Наверное, я действительно герой твоих детективов, но давай не будем сейчас об этом. Это неудобно.

— Эгхм,— повторил Грэм еще раз вместо ответа.

Он лихорадочно перебирал в уме возможные варианты. Ничего такого он — к сожалению — непил, следовательно, пьян быть не мог. У него был луженый желудок, перегреваться он тоже не перегревался, так что галлюцинации также исключались. Ему никогда не снились сны, а его фантазия — как и полагается ценному имуществу — находилась под строгим контролем. И поскольку его, как и всех писателей, повсеместно считали наполовину чокнутым, о безумии не могло быть и речи.

Оставался единственный вариант: Мейстера нет и быть не может, и Грэм вздохнул с облегчением. Что это за автор, если он не постиг в совершенстве высокое искусство при написании книги закрывать глаза на то, что чего-то нет и быть не может?

— У меня тут где-то завалилась моя последняя книга,— проговорил он как ни в чем не бывало.— Будь так добр, припомни свою страницу и возвращайся на нее обратно. Я человек занятой, и, бог свидетель, ты и без того успел изрядно мне надоест за то время, что я сочиняю всю эту чепуху о твоих похождениях.

— Но я здесь по делу, приятель. Сначала мне нужно заключить с тобой дружеское соглашение. Мое положение становится чертовски неудобным.

— Послушай, ты понимаешь, что отрываешь меня от дел? Я не имею обыкновения беседовать с вымышленными персо-

нажами. Как правило, я не вожу с ними дружбу. Кроме того, разве мама не говорила тебе в детстве, что тебя не существует?

— Дорогой друг, я существовал всегда. Существование — такая субъективная штука. Все, что представляется существующим, существует. К примеру, я существовал в твоём воображении с тех самых пор, как ты меня выдумал.

Грэм поежился.

— Вот я и хотел бы знать, что ты делаешь вне моего воображения? Что, тесновато стало? Развернуться негде?

— Нет, отнюдь. Воображение как воображение, неплохое в своём роде, но я обрел более реальное существование только с сегодняшнего дня, ну и воспользовался подвернувшейся возможностью лично обратиться к тебе с уже упомянутым деловым предложением. Видишь ли, та тощая сентиментальная дама из твоего кружка...

— Из какого кружка? — задал бессмысленный вопрос Грэм. На самом деле он уже понял все с ужасающей ясностью.

— Из того, на котором ты произносил речь, — тут де Мейстер тоже поежился, — о роли детектива. Она верит в моё существование, значит, я существую.

Он докурил и небрежным движением загасил сигарету.

— Железная логика, — заявил Грэм. — Ну, выкладывай, что тебе от меня нужно, и мой ответ будет «нет».

— Отдаешь ли ты себе отчет, старина, что, если ты прекратишь писать романы о де Мейстере, я стану скучным призраком, как и все вышедшие в тираж вымышленные сыщики? Мне останется лишь бродить в сером тумане между явью и небытием вместе с Холмсом, Лекококом и Дюпеном*.

— А что, я не против. Туда тебе и дорога.

Взгляд глаз Реджинальда де Мейстера стал ледяным, и Грэму внезапно вспомнился один эпизод со сто двадцать третьей страницы «Дела о разбитой пепельнице».

«Взгляд его, до сих пор ленивый и рассеянный, вдруг стал острым, глаза превратились в два озера голубого льда и впились в дворецкого, и тот со сдавленным криком отшатнулся».

---

* Лекокок — искаженное «Лекок», персонаж детективного романа «Господин Лекок» французского писателя Эмиля Габорио. Дюпен — персонаж нескольких рассказов Эдгара По, сыщик-любитель. (Прим. перев.)

По всей видимости, де Мейстер не утратил ни одного из своих качеств, которыми обладал в романах.

Грэм со сдавленным криком отшатнулся.

— В твоих же собственных интересах, чтобы детективы о де Мейстере продолжали выходить. Ты меня понял?

Грэм взял себя в руки и слабо возмутился.

— Эй, постой-ка. Что-то ты совсем от рук отбился! Не забывай, я в каком-то смысле твой отец. Да. Твой литературный отец. Ты не можешь предъявлять ультиматумы и угрожать мне. Дети так себя не ведут. Ты должен относиться ко мне с сыновней почтительностью и любовью.

— И еще кое-что, — не поведя и ухом, продолжал де Мейстер. — Нужно как-то исправлять ситуацию с Летицией Рейнольдс. Это уже начинает мне надоедать.

— Ну, не глупи. Всем известно, что мои любовные сцены таят в себе бездну страсти и нежности, каких не встретишь на страницах даже одного детективного романа из тысячи. Подожди, сейчас покажу тебе рецензии. Пожалуйста, можешь пытаться руководить моими действиями, я не возражаю, но черт меня побери, если я позволю тебе критиковать мои романы.

— К дьяволу рецензии. Терпеть не могу нежность и всю эту прочую шелуху. Я на протяжении вот уже пяти романов волочусь за этой неприступной дамой и веду себя как полный болван. Пора положить этому конец.

— И каким же образом?

— В следующей же книге я должен на ней жениться. Ну или в крайнем случае сделать ее своей любовницей, всеми уважаемой и респектабельной. Да, и прекрати делать из меня такого джентльмена по отношению к дамам. Сейчас не времена королевы Виктории, старина, а я всего лишь человек.

— Нет уж! — заявил Грэм. — К твоему последнему утверждению это тоже относится.

Взгляд де Мейстера стал язвительным.

— Право же, старина, для писателя ты проявляешь просто возмутительное равнодушие к благополучию персонажа, который столько лет тебя кормил.

Грэм картинно задохнулся.

— Кормил? Меня? Иными словами, ты хочешь сказать, что мои серьезные романы никто и покупать не станет, да? Ну, по-

годи у меня. Я не стану писать еще один роман о де Мейстере даже за миллион долларов. Даже за пятьдесят процентов авторских и все права на экранизацию.

Де Мейстер нахмурился и произнес слова, которые звучали для многочисленных преступников как глас судьбы:

— Еще увидим. Но так просто ты от меня не отделаешься.

И удалился, гордо вздернув волевым подбородок.

Перекошенное лицо Грэма мало-помалу приняло нормальное выражение, и он медленно, очень медленно взялся руками за голову и ощупал ее.

Впервые за свою долгую и умеренно разгульную сознательную жизнь он понял, что его недруги были правы и ему совсем не помешало бы основательно прочистить мозги.

Его воображение жило самостоятельной жизнью!

Грэм Дорн еще раз нажал локтем кнопку звонка. Он отчетливо помнил, как она говорила, что будет дома в восемь.

В глазок посмотрели.

— Привет!

— Привет!

Молчание.

— На улице дождь, — жалобно сообщил Грэм. — Можно зайти обсушиться?

— Не знаю. Мы еще обручены, мистер Дорн?

— Если нет, — ответил он сухо, — значит, я отвергал авансы сотен обезумевших от любви девушек — причем, прошу заметить, все они были красавицы как на подбор, — совершенно напрасно.

— Но вчера ты говорил...

— Ай, больше слушай, что я говорю. У всех свои странности. Смотри, я принес тебе букетик. — Он помахал цветами перед глазком.

Джун открыла дверь.

— Розы! Какое плебейство. Входи, милый, и заваливайся на диван. Эй, эй, погоди-ка, а что это у тебя под мышкой? Не рукопись «Смерти на третьей палубе»?

— Угадала. Там не эта растянутая писанина. Там что-то совершенно другое.

В голосе Джун прозвучал холодок.

— Только не говори, что это твой драгоценный роман.

Грэм вскинул голову.

— Откуда ты знаешь?

— Ты все уши прожужжал мне рассказами о нем на серебряной свадьбе у Данлопов.

— Не помню такого. Разве что я был пьян.

— Ты именно что был пьян. Мертвецки, я бы сказала. После двух коктейлей.

— Нет, если я был пьян, я, должно быть, рассказал тебе что-нибудь не то.

— Действие происходит в шахтерском районе?

— Э-э... да.

— А действующие лица — настоящие, земные, неприкрашенные обычные люди, которые говорят и думают точно так же, как мы с тобой? Это история об основополагающих экономических факторах? И персонажи испытывают взлеты и падения и оказываются втянутыми в головокружительный водоворот событий, вынужденные один на один противостоять администрации шахты и бездушной современной промышленности?

— Э-э... да.

Она задумчиво кивнула головой.

— Я отлично все помню. Сначала ты напился и тебе стало плохо. Потом тебе полегчало и ты пересказал мне первые несколько глав. Тогда плохо стало мне.

Джун подошла к рассерженному писателю.

— Грэм.— Она склонила свою золотоволосую головку ему на плечо и негромко промурлыкала: — Ну почему ты не хочешь продолжать писать о де Мейстере? Он приносит тебе такие солидные деньги.

Грэм вывернулся из ее объятий.

— Ты меркантильная особа, не способная понять тонкую писательскую душу. Можешь считать нашу помолвку разорванной.

Он с размаху уселся на диван и сложил руки на груди.

— Впрочем, если ты согласишься прочитать рукопись моего романа и разобрать его, как обычно, я, так и быть, сжалюсь над тобой.

— А можно, мы сначала разберем «Смерть на третьей палубе»?

— Нет.

— Прекрасно! Во-первых, любовная линия никуда не годится.

— Годится.— Грэм возмущенно вскинул палец.— Она проникнута нежностью и сентиментальностью, как в старые добрые времена. Вот, у меня есть рецензия.— Он принялся рыться в папке.

— Чушь на постном масле. Ты что, собираешься процитировать мне того писаку из «Пиллсборо клэрион»? Он, небось, твой родственник. Ты знаешь, что последние два романа принесли тебе денег с гулькин нос? А «Третью палубу» издатель и вовсе завернул.

— Тем лучше! Ай! — Он с силой потер голову.— Зачем ты это сделала?

— Потому что единственное место, по которому я могла тебя ударить, не нанеся при этом тебе серьезного ущерба, это твоя голова. Послушай меня! Эта деревяшка Летиция Рейнольдс до смерти надоела читателям. Почему бы тебе не устроить так, чтобы «сияющая копна ее золотистых кудрей» вымокла в керосине, а где-нибудь рядом по чистой случайности оказалась зажженная спичка?

— Но, Джун, эта героиня списана с натуры. С тебя!

— Грэм Дорн! Я здесь не затем, чтобы выслушивать оскорбления! Сейчас на рынке детективов спросом пользуется лихо закрученный сюжет и горячая искренняя любовь, а ты как пять лет назад писал затянутые слащавые и сентиментальные повествования, так до сих пор и пишешь.

— Но у Реджинальда де Мейстера такой характер.

— Ну так измени его. Послушай! Вот ты вводишь Санчу Родригес. Это прекрасно. Я ее одобряю. Она мексиканка, пылкая, страстная, необузданная и до безумия в него влюбленная. И что же ты делаешь? Сначала он разыгрывает из себя безупречного джентльмена, а потом ты — бац! — и прямо посередине романа ее убиваешь.

— Гм, дай-ка подумать... Ты в самом деле считаешь, что будет неплохо, если де Мейстер забудется? Поцелуй-другой...

Джун стиснула свои хорошенькие зубки и столь же хорошенькие кулачки.

— Ох, милый, какое счастье, что любовь слепа! Я не пережила бы, если бы она хотя бы на миг прозрела. Послушай, это же готовый сюжет. Де Мейстер и Родригес влюбятся друг в друга. У них начнется роман, и ты сможешь с чистой совестью отправить эту кошмарную Летицию в монастырь. Судя по тому, как ты ее описываешь, ей там самое место.

— Ты далеко не все знаешь, лапочка. Так уж получилось, что Реджинальд де Мейстер влюблен в Летицию Рейнольдс и жаждет жениться на ней, а не на твоей Родригес.

— С чего ты взял?

— Он сам мне сказал.

— Кто «он»?

— Реджинальд де Мейстер.

— Какой Реджинальд де Мейстер?

— Мой Реджинальд де Мейстер.

— То есть как это — Реджинальд де Мейстер?

— Герой моих произведений, Реджинальд де Мейстер.

Джун вскочила, сделала несколько глубоких вдохов, потом проговорила очень спокойным голосом:

— Давай-ка начнем все с самого начала.

Она ненадолго отлучилась и вернулась с аспирином.

— Значит, твой Реджинальд де Мейстер, персонаж твоих книг, сказал тебе, собственной персоной, что он влюблен в Летицию Рейнольдс?

— Совершенно верно.

Джун проглотила таблетку.

— погоди, Джун, я объясню все так, как он объяснил мне. Все персонажи действительно существуют — во всяком случае, в воображении авторов. Но когда люди начинают по-настоящему верить в них, они начинают существовать в реальности, потому что то, во что люди верят, для них существует, да и вообще, что такое существование?

У Джун задрожали губы.

— Ох, Грэми, пожалуйста, не надо. Мама никогда не позволит мне выйти за тебя замуж, если тебя укут в психушку.

— Ради бога, Джун, не называй меня Грэми. Говорю тебе, он приходил ко мне и пытался внушить, что писать и как писать. Почти прямо как ты. Да ну же, золотко, не плачь!

— Не могу. Я всегда думала, что ты ненормальный, но никогда не думала, что ты ненормальный!

— Ну и в чем разница? Давай не будем об этом. Я не намерен больше писать детективы. В конце концов, — он подпустил в голос капельку возмущения, — когда твой собственный персонаж — мой собственный персонаж — пытается поучать меня, что делать, а чего не делать, это уж слишком.

Джун выглянула из-за носового платка.

— Откуда ты узнал, что это был настоящий де Мейстер?

— Ах ты господи! Как только он вытащил турецкую сигарету и постучал ею по тыльной стороне ладони, а потом принялся через слово повторять «чертовски» и «старина», я сразу понял, что дело худо.

Зазвонил телефон. Джун подскочила.

— Не подходи к телефону, Грэм. Это, наверное, из сумасшедшего дома. Я скажу им, что тебя здесь нет. Алло. Алло! А, мистер Макданлоп. — Она вздохнула с облегчением, потом прикрыла трубку ладонью и хрипло прошептала: — Не исключено, что это ловушка. Слушаю вас, мистер Макданлоп!.. Нет, его здесь нет... Да, думаю, я смогу с ним связаться... Завтра в полдень в «Мартине»... Хорошо, я передам... С кем?... С кем, с кем? — Она неожиданно повесила трубку. — Грэм, ты завтра обедаешь с Макданлопом. За его счет! Целиком за его счет! — Ее огромные голубые глаза стали еще более огромными и голубыми. — И Реджинальд де Мейстер тоже там будет.

— Какой Реджинальд де Мейстер?

— Твой Реджинальд де Мейстер.

— Мой Реджи...

— Ох, Грэми, не надо. — Глаза Джун затуманились. — Неужели ты не понимаешь, они хотят упечь в психушку нас обоих — и мистер Макданлоп с ними заодно. Наверное, нас посадят в одну палату, обитую войлоком. Ох, Грэми, три человека — это целая толпа.

И она залилась слезами.

Когда Грэм Дорн вошел, Грю Т. Макданлоп («Т», как голословно утверждали злые языки, якобы было сокращением от слова «типчик») сидел за столиком в одиночестве. Факт этот доставил Грэму мимолетное удовольствие.

Источником этого удовольствия, как вы понимаете, послужило не столько присутствие Макданлопа, сколько отсутствие де Мейстера.

Макданлоп взглянул на него поверх очков и проглотил пилюлю от печени — он поглощал их как конфеты.

— Ага. Вот и вы. Что за скверную шутку вы со мной сыграли? Вы не имели права подсылать ко мне этого типа, де Мейстера, не предупредив, что он реален. Я мог бы принять меры предосторожности. Нанял бы телохранителя. Револьвер бы купил.

— Нет никакого де Мейстера! Черт побери! Он наполовину ваша идея.

— Это клевета, — с жаром заявил Макданлоп. — И потом, как это нет? Когда он представился, я принял три пилюли от печени, но он все равно не исчез. Вы представляете себе, что такое три пилюли? Три такие пилюли, которые я принимаю (мой доктор упал бы в обморок), способны заставить испариться целого слона — если он, конечно, не существует. Уж я-то знаю.

— Опять двадцать пять, — устало протянул Грэм. — Он существует только в моем воображении.

— Я знаю, что он существует в вашем воображении. Ваше воображение опасно для общества!

Несколько вежливых возражений, которые одновременно пришли Грэму на ум, он по непродолжительном размышлении отбросил из-за чрезмерного содержания в них крепких англосаксонских выражений. В конце концов — ха-ха! — издатель есть издатель, пусть даже с англосаксонскими корнями.

Вместо этого Грэм сказал:

— Тогда возникает вопрос, как нам избавиться от де Мейстера.

— Избавиться от де Мейстера? — Макданлоп так резко вздрогнул, что очки слетели у него с носа, но он успел подхватить их одной рукой. От волнения у него сорвался голос. — Кто собирается от него избавляться?

— Вы хотите, чтобы он ошивался вокруг?

— Боже упаси, — в промежутке между двумя приступами дрожи сказал Макданлоп. — По сравнению с ним мой шурин — сущий ангел.

— Нечего ему делать за пределами моих книг.

— Как по мне, ему и в ваших книгах делать нечего. После того как я начал читать ваши рукописи, моему врачу пришлось прописать мне вдобавок ко всем моим лекарствам почечные пилюли и сироп от кашля. — Он взглянул на часы и принял почечную пилюлю. — Да я своему злейшему врагу не пожелаю быть книгоиздателем.

— Почему же тогда, — терпеливо спросил Грэм, — вы не хотите избавиться от де Мейстера?

— Потому что он — это имя.

Грэм недоуменно захлопал глазами.

— Смотрите! Кто еще из авторов создал настоящего сыщика? Все остальные — вымышленные. Все это знают. Но ваш — ваш настоящий. Он расследует свои дела, а мы получаем хвалебные рецензии в газетах. Полицейские по сравнению с ним — малые дети. Он...

— Это, — решительно перебил издателя Грэм, — бесспорно, самое непристойное предложение, которое когда-либо оскверняло мой слух.

— Он принесет нам большие деньги.

— Деньги — это еще не все.

— Ну назовите хотя бы одну вещь, которую можно получить без денег... Ш-ш! — Он так пнул Грэма по ноге, что едва не раздробил ему левую лодыжку, и с судорожной улыбкой поднялся. — Мистер де Мейстер!

— Простите, старина, — послышался сонный голос. — На силу вырвался, представляете. Масса дел. Вы, небось, совсем уже заскучали.

По ушам Грэма Дорна побежали колючие мурашки. Он оглянулся через плечо и шарахнулся, насколько вообще может шарахнуться сидящий человек. Со времени своего последнего появления Реджинальд де Мейстер обзавелся моноклем, и от его одногозлого взгляда в жилах должна была стынуть кровь.

Де Мейстер небрежно приветствовал его.

— Мой дорогой Ватсон! Рад вас видеть. Чертовски счастлив.

— Почему бы тебе не убраться к дьяволу? — поинтересовался Грэм.

— Мальчик мой. Ох, мой мальчик.

— Вот это мне по вкусу, — просипел Макданлоп. — Шутки! Веселье! Сразу на душе радостно становится. Ну, перейдем к делу?

— Непременно. Надеюсь, обед уже на подходе? Тогда я ограничусь только бутылкой вина. Мне как обычно, Генри.

Официант, маячивший неподалеку, стрелой метнулся прочь и вернулся с бутылкой. Пробка была откупорена, и содержимое бутылки с бульканьем полилось в бокал.

Де Мейстер изящно пригубил напиток.

— Как это мило с твоей стороны, приятель, сделать меня завсегдатаем этого славного местечка. Это действует даже сейчас, и это весьма удобно. Все официанты меня знают. Мистер Макданлоп, я так понимаю, вы убедили мистера Дорна в необходимости продолжать серию романов о де Мейстере.

— Да,— сказал Макданлоп.

— Нет,— сказал Грэм.

— Не обращайтесь на него внимания,— сказал Макданлоп.— Он упрямец. Вы же знаете этих авторов.

— Не обращайтесь на него внимания,— сказал Грэм.— Он микроцефал. Вы же знаете этих издателей.

— Послушай, дружище. Я так понимаю, Макданлоп не пояснил тебе, чем чревато твое упрямство?

— И чем же оно чревато, остолопище?

— Скажи, твою жизнь никогда не превращали в кошмар?

— Ты имеешь в виду, все время подкрадывались со спины и пугали?

— Дорогой мой мальчик, вот что я тебе скажу. Я совсем не так прост. Я в состоянии превратить жизнь человека в кошмар современными, передовыми методами. К примеру, тебя никогда не оттесняли на второй план?

Он гаденько хихикнул.

Этот смешок показался Дорну очень знакомым. Ну, точно. Страница сто три, «Убийство на выгоне».

«Его ленивые веки сомкнулись и разомкнулись. Он рассмеялся, легкомысленно и звонко, и, хотя он не произнес ни слова, Хэнк Марслау съехался. В этом легкомысленном смешке таилась скрытая угроза и скрытая сила, и дюжий хозяин ранчо почему-то не осмелился потянуться за оружием».

Грэму его смех все еще продолжал казаться гаденьким смешком, но он все равно съехался и не осмелился потянуться за оружием.

В образовавшуюся паузу поспешно вклинился Макданлоп.

— Поймите, Грэм. Зачем шутить с призраками? Призраки не соображают. Они — не люди! Если вы хотите, чтобы вам повысили гонорар...

— Может, хватит уже о деньгах? — вспыхнул Грэм. — С сегодняшнего дня я намерен писать исключительно великие романы о сильных человеческих чувствах.

Макданлоп неожиданно изменился в лице.

— Нет, — заявил он.

— Между прочим, — сладким, прямо-таки медоточивым голосом заметил Грэм, — у меня тут при себе рукопись. Можете на нее взглянуть.

Он крепко ухватил взмокшего Макданлопа за лацкан пиджака.

— Этот роман — невиданное по силе воздействия произведение. Роман, который потрясет вас до глубины души. Роман, который распахнет перед вами новый мир.

— Нет, — отрезал Макданлоп.

— Роман, который обличает лживость этого мира. Роман, который вскроет правду. Роман...

Макданлоп, который был не в состоянии протянуть руку еще выше, взял рукопись.

— Нет, — повторил он.

— Почему бы, черт вас раздери, вам не прочитать его? — спросил Грэм.

— Прямо сейчас?

— Хотя бы начните.

— Послушайте, а что, если я прочитаю его завтра или даже послезавтра? Сейчас мне нужно принять сироп от кашля.

— За все время, что я здесь, вы ни разу не кашлянули.

— Я немедленно свяжусь с вами...

— Вот, — сказал Грэм, — первая страница. Почему бы вам не начать читать? Мой роман захватит вас в одно мгновение.

Макданлоп пробежал глазами два абзаца и спросил:

— Действие что, происходит в шахтерском городке?

— Да.

— Тогда мне нельзя это читать. У меня аллергия на угольную пыль.

— Но это же не настоящая угольная пыль, Макостолоп.

— То же самое, — напомнил ему издатель, — вы говорили и о де Мейстере.

Знаменитый сыщик осторожно постучал сигаретой по тыльной стороне ладони тем особым жестом, который выдавал незапную решимость.

— Все эти ваши разговоры — скука смертная. Ходите вокруг да около, как вы выражаетесь. Давайте, мистер Макданлоп, сейчас не время для полумер.

Макданлоп перепоясал воображаемые чресла и произнес:

— Ну ладно, мистер Дорн. Я вижу, вы не цените доброго отношения. Вместо де Мейстера я получаю угольную пыль. Вместо самой широкой известности за последние пятьдесят лет я получаю общественную значимость. Ладно, мистер Умник Дорн. Если через неделю вы не придете со мной к соглашению — замечу, к выгодному соглашению, — то окажетесь в черном списке во всех приличных издательских фирмах Соединенных Штатов и зарубежных стран. — Он погрозил пальцем и зачем-то добавил, сорвавшись на крик: — Включая скандинавские!

Грэм Дорн пренебрежительно рассмеялся.

— Ба! — сказал он. — Напугали! Я состою в Союзе писателей, и если вы только попробуете мной командовать, вы сами у меня в два счета угодите в черный список. Ну, как вам такая перспектива?

— Мне — прекрасно! А вот как запоете вы, когда я докажу, что вы плагиатор?

— Я? — выдохнул Грэм, когда закончил давиться хохотом. — Это я-то, самый оригинальный писатель десятилетия?

— Да неужели? Тогда, может быть, вы припомните, что в каждом вашем романе вы вскользь упоминаете о записных книжках де Мейстера, в которых хранятся его записи по предыдущим делам?

— И что?

— А то, что они у него есть. Реджинальд, мальчик мой, покажите мистеру Дорну вашу записную книжку по вашему последнему делу. Видите? Это «Загадка дорожных столбов», и в ней досконально, во всех подробностях, описано каждое событие вашего романа — и датированы эти записи годом раньше, чем вышла книга. Весьма убедительно.

— Опять-таки, и что?

— Может быть, вы получили право воспроизводить его записную книжку и издавать ее под видом оригинального детективного романа?

— Вы, жертва полиомиелита мозга, эта записная книжка — плод моего воображения.

— Кто это вам сказал? Почерк принадлежит де Мейстеру, это вам любой эксперт подтвердит. Может быть, у вас есть какая-нибудь бумажка, какой-нибудь договор или соглашение, ну, понимаете, что-нибудь, что давало бы вам право пользоваться его записными книжками?

— Как я, по вашему мнению, должен был заключить договор с вымышленным персонажем?

— С каким вымышленным персонажем?

— Мы с вами оба отлично знаем, что никакого де Мейстера не существует.

— Да, но знают ли об этом присяжные? Когда я дам показания, что принял три сильнодействующие печеночные пилюли, а он все равно не исчез, по-вашему, двенадцать человек скажут, что его не существует?

— Это шантаж.

— Несомненно. Даю вам неделю сроку. Или, иными словами, семь дней.

Грэм Дорн в отчаянии обратился к де Мейстеру:

— Ты с ним заодно! Я создал тебя человеком кристальной честности. Это, по-твоему, честно?

Де Мейстер пожал плечами.

— Мой дорогой мальчик. Все это — и вдобавок еще ваша жизнь, превращенная в кошмар.

Грэм поднялся.

— Куда вы?

— Домой, писать вам письмо. — Брови Дорна вызывающе сошлись на переносице. — И на этот раз я его отправлю, будьте уверены. Я не сдамся. Я буду сражаться до последнего человека. А ты, де Мейстер, только попробуй сунуться ко мне со своими привидениями, и я оторву тебе башку и залью кровью весь новый костюм Макданлопа.

Он решительно зашагал к выходу и исчез за дверью, а де Мейстер исчез просто так.

Макданлоп негромко хрюкнул, потом принял печеночную пилюлю, почечную пилюлю и столовую ложку сиропа от кашля — и все это единым духом.

Грэм Дорн сидел в гостиной у Джун; ногти на руках он давным-давно сгрыз и теперь подбирался к костяшкам пальцев.

Джун куда-то вышла, и Грэм был этому рад. Чудесная девушка, просто замечательная, прекрасная девушка. Но в данный момент ему было не до нее.

Сейчас его мысли занимали дурнопахнущие события последних шести дней.

«Слушай, Грэм, я тут вчера столкнулся в клубе с твоим корешем. Ну с этим, де Мейстером. Меня чуть удар не хватил. Я-то всегда считал, что он — выдумка вроде Шерлока Холмса и на самом деле не существует. Один-ноль в твою пользу. Не знал, что... Эй, куда ты?»

«Эй, Дорн, слышал, ваш босс де Мейстер вернулся? Что, скоро можно ждать новых книг? Повезло вам, что есть откуда черпать готовые сюжеты... Э-э... Ладно, до свидания».

«Грэм, дорогой, куда вы запропастились вчера вечером? Вечеринка у Энн забуксовала — вернее, забуксовала бы, если бы не Реджи де Мейстер. Он справлялся о вас; впрочем, думаю, ему было неуютно без своего Ватсона. Наверное, это замечательно — быть Ватсоном при таком... мистер Дорн! И вам всего доброго, сэр!»

«Да, провел ты меня. Я-то думал, ты сам все это выдумал. Что ж, правда иной раз удивительней всякого вымысла, ха-ха!»

«Полицейские чиновники отказываются подтвердить слухи о том, что знаменитый криминолог-любитель Реджинальд де Мейстер заинтересовался этим делом. Связаться с самим де Мейстером, чтобы получить какие-либо комментарии, нашим журналистам не удалось. Мистер де Мейстер стал известен широкой публике, блестяще раскрыв более десятка преступлений, хронику которых запечатлел в виде детективных романов его личный доктор Ватсон, мистер Грэйл Дун».

Грэм содрогнулся; кулаки у него чесались расквасить кому-нибудь нос. Де Мейстер превратил его жизнь в кошмар, и еще в какой! Грэм Дорн потихоньку оказывался в тени своего собственного детища, в точности как тот и пообещал.

Постепенно до Грэма дошло, что настойчивый звон, который он слышит, раздается не у него в голове, а, совсем наоборот, от входной двери. Судя по всему, точно такого же мнения придерживалась и мисс Джун Биллингс, поскольку откуда-то сверху донесся ее пронзительный окрик, больно ударивший Грэма по ушам.

— Эй, бестолочь, открой дверь, пока от этого трезвона не рухнули стены! Я спущусь через полчаса.

— Хорошо, милая!

Грэм прошаркал к двери и открыл ее.

— А, вот ты где. Приветствую,— сказал де Мейстер и протиснулся в переднюю.

Погасшие глаза Грэма зажглись огнем, с губ сорвался звериный рык. Он принял позу гориллы, столь успокоительную для горячих американских мужчин в подобные минуты, и принялся кружить перед слегка озадаченным сыщиком.

— Мой мальчик, ты не заболел?

— Я,— пояснил Грэм,— не заболел, а вот от тебя скоро останутся одни воспоминания, потому что я намерен омыть руки в твоей крови!

— Только не забудь потом хорошенько помыть их с мылом. Иначе они выдадут тебя с головой, верно?

— Хватит острить. Хочешь сказать последнее слово?

— Не особенно.

— Тем лучше. Твое последнее слово меня не интересует.

С этими словами он набросился на злополучного де Мейстера, точно впавший в буйство слон. Де Мейстер плавно переместился влево, выставил вперед руку и ногу, и Грэм описал параболическую дугу, которая завершилась полным разгромом столика, вазы с цветами, аквариума и пятифутового участка стены.

Грэм захлопал глазами и стряхнул с левой брови чересчур любопытную золотую рыбку.

— Мой мальчик,— пробормотал де Мейстер,— ох, мой дорогой мальчик.

Грэм запоздало вспомнил один эпизод из «Парада пистолетов».

«Руки де Мейстера замелькали с головокружительной быстротой, и двумя уверенными молниеносными ударами он сшиб

обоих головорезов с ног. Он уложил их наземь благодаря не грубой силе, а своему непревзойденному знанию дзюдо, с такой легкостью, что его дыхание даже не стало ни на йоту чаще. Головорезы застонали от боли».

Грэм застонал от боли.

Он чуть приподнял правое колено, чтобы бедренная кость вернулась на место.

— Может, лучше поднимешься, старина?

— Я останусь здесь, — с достоинством проговорил Грэм, — и буду рассматривать пол с близкого расстояния до тех пор, пока не сочту нужным встать, или до тех пор, пока не буду в состоянии шевельнуть хотя бы одним мускулом. В зависимости от того, что будет раньше. А теперь, пока я не принял к тебе дальнейшие меры, какого дьявола тебе здесь нужно?

Реджинальд де Мейстер отточенным движением поправил монокль.

— Полагаю, тебе известно, что срок ультиматума Макданлопа истекает завтра?

— Надеюсь, и ваш с Макданлопом срок тоже.

— Ты не передумашь?

— Ха!

— Право, — вздохнул де Мейстер, — все это скучища смертная. Ты позаботился о том, чтобы мне в этом мире было удобно. Ведь в твоих книгах меня прекрасно знают во всех клубах и лучших ресторанах, я закадычный друг мэра и комиссара полиции, владелец роскошных апартаментов на Парк-авеню и великолепной художественной коллекции. И в реальном мире это волшебство никуда не исчезает. Это очень мило с твоей стороны.

— Поразительно, — задумчиво протянул Грэм, — с каким вниманием я тебя не слушаю и как отчетливо не слышу ни единого слова из того, что ты говоришь.

— И все же, — продолжал де Мейстер, — мой книжный мир, без сомнения, подходит мне куда лучше. Он более пленителен, в нем нет скучной логики, и нужды, и житейских невзгод. Словом, нужно вернуть меня обратно, и притом к активной жизни. Сроку тебе до завтра!

Грэм принялся мурлыкать какой-то веселенький мотивчик, время от времени фальшивя.

— Это что, новая угроза, де Мейстер?

— Нет, это старая угроза, только серьезней. Я лишу тебя последних остатков личности. И в конце концов под давлением общественного мнения тебе придется стать, выражаясь твоими же собственными словами, «бессловесной марионеткой де Мейстера». Видел, как эти ребята газетчики сегодня переврали твое имя?

— Я-то видел, мистер Скотина де Мейстер, а вот ты читал статейку на полколонки на десятой странице той же самой газеты? Вот, послушай: «Знаменитый криминалист подлежит призыву на военную службу без ограничений. Призывная комиссия утверждает, что Реджинальд де Мейстер в самом скором времени встанет под ружье».

Некоторое время де Мейстер был молчалив и неподвижен. Затем он последовательно произвел следующие действия: медленно вытащил из глаза монокль, грузно уселся на диван, рассеянно потер подбородок и закурил после долгого и вдумчивого похлопывания сигаретой по тыльной стороне ладони. Зоркое авторское око Грэма Дорна немедленно опознало в каждом из этих телодвижений по отдельности признак глубокого волнения и душевного разлада со стороны его персонажа.

Но никогда, ни в одной из книг на памяти Грэма де Мейстер не проделывал все четыре действия одно за другим.

Наконец де Мейстер заговорил.

— Не понимаю, зачем в последней книге тебе вообще понадобилось ставить меня на воинский учет. Эта тяга вечно и во всем следовать веяниям времени, это дьявольское желание писать на злобу дня — проклятие детективного жанра. Истинный детектив — вне времени, он не должен иметь никакой связи с текущими событиями, не должен...

— Есть только один способ избежать призыва, — перебил его Грэм.

— Если тебе непременно хотелось впихнуть туда что-то про призыв в армию, мог хотя бы написать, что я не годен к службе по какой-нибудь уважительной причине.

— Есть только один способ избежать призыва, — гнул свое Грэм.

— Это преступная халатность, — продолжал де Мейстер.

— Послушай! Возвращайся обратно в книги и можешь не опасаться, что тебя наспигуют свинцом.

— Напиши эти книги, и я вернусь.

— Подумай о войне.

— Подумай о своем «я».

Два нестигаемых человека сошлись лицом к лицу в поединке характеров (вернее, сошлись бы, если бы Грэм до сих пор не находился в горизонтальном положении), и ни один не желал уступать.

Тупик!

Тут раздался нежный голосок Джун Биллингс и разрядил напряжение:

— Могу я узнать, Грэм Дорн, что вы делаете на полу? Сегодня я уже подметала, и ваши попытки переделать после меня мою работу меня не радуют.

— Я вовсе не подметаю. Если бы ты посмотрела хорошенько,— кротко отвечал Грэм,— то увидела бы, что твой обожаемый жених лежит здесь, жестоко избитый, страдая от невыносимой боли.

— Ты испортил мой диванный столик!

— Я сломал ногу.

— И мою любимую лампу.

— И два ребра.

— И аквариум.

— И кадык.

— И не представил своего друга.

— И шейный позвонок... Какого друга?

— Вот этого.

— Друга! Ха! — Его глаза затуманились. Она слишком юна, слишком хрупка, чтобы сталкиваться с суровой и неприглядной правдой жизни.— Это,— пробормотал он отрывисто,— Реджинальд де Мейстер.

При этих словах де Мейстер ожесточенно переломил сигарету пополам — жест, выдающий глубочайшее волнение.

— Вы... вы совсем не такой, каким я вас себе представляла,— проговорила Джун медленно.

— И каким же вы ожидали меня увидеть? — мягким, берущим за душу голосом осведомился де Мейстер.

— Не знаю. Просто... не таким — судя по тем историям, что я слышала.

— Вы, мисс Биллингс, чем-то напоминаете мне Летицию Рейнольдс.

— Надо полагать. Грэм говорит, он списал ее с меня.

— Жалкое подобие, мисс Биллингс. Поразительно жалкое.

Теперь они стояли почти вплотную, взгляды их были прикованы друг к другу, и Грэм пронзительно вскрикнул. Убийственное воспоминание вдруг всплыло из глубин его памяти, и он подскочил как ужаленный.

Перед глазами у него пронеслись слова из «Дела о запачканной галоше». И из «Убийства в примулах». И из «Трагедии в поместье Хартли», «Смерти охотника», «Белого скорпиона», да и, чтобы не вдаваться в перечисление, из всех прочих его книг.

Эти слова гласили:

«Де Мейстер обладал бесспорным обаянием, которое неотразимо действовало на женщин».

А Джун Биллингс совершенно определенно была женщиной.

И упомянутое обаяние буквально сочилось у нее из ушей и толстым слоем покрывало пол.

— Выйди из комнаты, Джун, — приказал он.

— Не выйду.

— Мне нужно кое о чем потолковать с мистером де Мейстером, наедине, как мужчина с женщиной.

— Прошу вас, уйдите, мисс Биллингс, — сказал де Мейстер.

Джун поколебалась, потом тонким голосом сказала:

— Ну, хорошо.

— Стой! — крикнул Грэм. — Что это он вдруг раскомандовался тобой? Я требую, чтобы ты осталась!

Она очень аккуратно закрыла за собой дверь.

Двое сошлись лицом к лицу. В глазах обоих сквозило выражение сильного человека, загнанного в угол. То было упорное, смертельное противостояние, без пощады, без компромисса. Именно такими ситуациями Грэм Дорн всегда потчевал своих читателей: двое сильных мужчин, соперничающих за одну руку, одно сердце, одну девушку.

— Давай заключим сделку! — произнесли оба хором.

— Ты убедил меня, Реджи, — сказал Грэм. — Мы нужны нашим читателям. Завтра же я начну следующий роман о де Мейстере. Давай пожмем друг другу руки и забудем былые обиды.

Де Мейстера раздирали противоречивые чувства. Он положил руку на лацкан пиджака Грэма.

— Мой дорогой мальчик, твои доводы убедили меня. Я не могу позволить тебе принести себя в жертву ради меня. Ты полон великих замыслов, которые необходимо воплотить в жизнь. Пиши свои шахтерские романы. Вот что действительно важно, а я — нет.

— Не могу, старина. Ты так много для меня сделал и так много для меня значил. Завтра мы с тобой начнем все сначала.

— Грэм, мой... мой литературный отец, я не могу этого позволить. Неужели ты считаешь, что я бессердечный, что я не испытываю к тебе никаких сыновних чувств — в литературном смысле?

— Но война, не забывай о войне. Искореженные тела. Кровь. Все такое.

— Мой долг велит мне остаться. Я нужен моей стране.

— Но если я перестану писать, ты в конце концов прекратишь свое существование. Я не могу этого допустить.

— Ах, это! — Де Мейстер с небрежным изяществом рассмеялся. — С недавних пор многое изменилось. Теперь в мое существование верит столько народу, что я крепко утвердился в реальном мире и уже не исчезну. Мне больше не о чем тревожиться.

— Ах вот как! — Грэм стиснул зубы и яростно прошипел: — Так значит, вот что ты затеял, змея подколотная. Думаешь, я не вижу, что ты собрался приударить за Джун?

— Вот что, старина, — высокомерно проговорил де Мейстер. — Я не могу позволить тебе говорить об искренней и чистой любви в таких пренебрежительных выражениях. Я люблю Джун, а она любит меня — я это знаю. И если ты со своими закорючатыми викторианскими взглядами имеешь что-то против, можешь принять побольше нитроглицерина и ударить себя по животу.

— Я тебе покажу нитроглицерин! Я иду домой и сажусь за следующий роман о де Мейстере. Ты будешь в нем главным действующим лицом, и тебе придется в него вернуться. Ну, что ты на это скажешь?

— Ничего, потому что ты не сможешь написать следующий роман о де Мейстере. Теперь я слишком реален и ты больше не властен надо мной, как прежде. И что ты на это скажешь?

Чтобы решить, что он на это скажет, у Грэма Дорна ушла неделя, и результаты этих размышлений, к полному его изумлению, оказались совершенно непечатными.

Их вообще невозможно было каким-либо образом перенести на бумагу.

Нет, его переполняли замыслы великих романов, берущих за душу драм, эпических поэм, блестящих эссе — но о Реджинальде де Мейстере он не мог написать ни слова.

С его пишущей машинки просто-напросто сбежала заглавная «Р».

Грэм плакал, бранился, рвал на себе волосы и мазал кончики пальцев мазью. Он пробовал пустить в ход пишущую машинку, ручку, карандаш, фломастер, уголь и кровь.

Все без толку.

В дверь позвонили, и Грэм распахнул ее.

В переднюю ввалился Макданлоп, запнулся о залежи рваной бумаги и полетел прямо в объятия Грэма.

Дорн не стал его ловить.

— Ха! — с ледяным достоинством сказал он.

— Сердце! — прохрипел Макданлоп и потянулся за печеночными пилюлями.

— Только не вздумайте отдать здесь концы, — любезно предупредил Грэм. — Управдом меня не поймет, если я начну сбрасывать трупы в мусоросжигатель.

— Грэм, мальчик мой, — горячо начал Макданлоп, — больше никаких ультиматумов! Никаких угроз. Я пришел воззвать к вашим лучшим чувствам, Грэм. — Он на миг умолк, сражаясь с одышкой. — Я люблю вас как сына. Этот негодяй де Мейстер должен исчезнуть. Вы должны написать новую книгу о де Мейстере, ради меня. Грэм... я должен кое-что рассказать вам, только между нами. Моя жена влюбилась в этого пройдоху. Она говорит, что я неромантичный. Я! Неромантичный! Можете себе представить?

— Могу, — последовал исполненный трагизма ответ. — Все женщины без ума от него.

— С его-то лицом? С этим моноклем?

— Так написано во всех моих книгах.

Макданлоп вскинулся.

— Ага! Опять вы. Бестолочь! Надо же хотя бы иногда думать, что сочиняете!

— Вы сами настаивали. Говорили, что читательницы будут без ума.

Грэму было все равно. Ох уж эти женщины! Он горько усмехнулся. Обаяшку им подавай!

Макданлоп вздохнул.

— Да, читательницы. Куда же без них? Но, Грэм, мне-то как быть? Дело не только в моей жене. Ей принадлежит половина акций «Макданлоп, инк.». Если она уйдет от меня, я потеряю контрольный пакет. Подумайте об этом, Грэм. Это катастрофа для издательского мира.

— Грю, старина.— Грэм издал глубочайший вздох, даже ногти у него на ногах сочувственно завибрировали.— Мы с вами товарищи по несчастью. Представляете, Джун, моя невеста, полюбила этого слизняка. И он тоже полюбил ее, потому что она — прототип Летиции Рейнольдс.

— Какой-какой тип? — переспросил Макданлоп, смутно подзревая какое-то оскорбление.

— Не важно. Моя жизнь погублена.— Он отважно улыбнулся и проглотил недостойные настоящего мужчины слезы; впрочем, первые две слезинки все же успели сорваться с кончика его носа.

— Мой бедный мальчик! — Издатель судорожно стиснул руки Дорна.

— Загнанный в угол этим бездушным чудовищем, — сказал Грэм.

— Угодивший в капкан, как немцы в России, — подхватил Макданлоп.

— Жертва адского коварства, — всхлипнул Грэм.

— Именно.— Макданлоп оглаживал Грэму руку такими движениями, как будто доил корову.— Вы должны продолжить писать книги о де Мейстере, чтобы он вернулся обратно в ад, где ему самое место. Верно?

— Верно! Но тут есть одна загвоздка.

— Какая?

— Я не могу писать. Теперь он настолько реален, что я не могу затолкать его обратно в книгу.

Тут-то Макданлоп понял, откуда на полу взялись груды изорванной бумаги. Он схватился за голову и простонал:

— Моя жена! Моя корпорация!

— Остается еще армия, — напомнил Грэм.

Макданлоп поднял глаза.

— А «Смерть на третьей палубе», рукопись, которую я отправил вам на доработку три недели назад?

— Не считается. Это в прошлом. Она уже повлияла на него.

— Но она же не была опубликована?

— Все равно. Именно в ней я упомянул о призывной комиссии. Ну, там, где они признали, что он может идти в армию.

— О, у меня бы он пошел куда подальше.

— Макданлоп! — Грэм Дорн подскочил и ухватил издателя за лацканы. — Может быть, у меня получится внести в рукопись кое-какие исправления.

Макданлоп надрывно закашлялся и слабо захрипел.

— Можно вставить в рукопись что угодно.

Макданлоп начал задыхаться.

— Мы еще можем все исправить.

Макданлоп посинел.

Грэм тряхнул лацкан и все прочее, что к нему прилагалось.

— Может, скажете хотя бы что-нибудь?

Макданлоп вырвался и проглотил ложку сиропа от кашля. Потом прижал руку к сердцу и слегка похлопал по груди. Потом покачал головой и пошевелил бровями.

Грэм пожал плечами.

— Ладно, не хотите разговаривать — не разговаривайте. Я сам все исправлю, без вас.

Он отыскал рукопись и опасливо примерился к пишущей машинке. Пальцы исправно шевелились и почти не скрипели в суставах. Грэм застучал по клавишам быстрее, еще быстрее, пока не набрал свою обычную скорость. Машинка весело стрекотала, над ней вилось привычное облачко беловатого дыма.

— Получается! — воскликнул он. — Я не могу писать новые книги, но могу вносить исправления в старые, неопубликованные!

Макданлоп склонился над его плечом. Он то и дело забывал дышать.

— Быстрее, — подгонял его Макданлоп, — быстрее!

— Я и так еду тридцать пять миль в час, — строго сказал Грэм. — Быстрее не положено. Еще пять минут.

— А он точно там будет?

— Он постоянно у нее торчит. На этой неделе ни одного вечера не пропустил. — Дорн сплюнул мелкое крошево, в которое уже стер все передние зубы от постоянного ими скрежетания. — Но помогите вам бог, если ваша секретарша не оправдает наших надежд.

— Мальчик мой, уж на мою-то секретаршу ты можешь положиться.

— Исправленную рукопись нужно прочесть до девяти часов.

— Если ее не настигнет скоропостижная смерть, она ее прочтет.

— С моей-то везучестью скоропостижная смерть непременно ее настигнет. А она поверит?

— Каждому слову. Она же видела де Мейстера. Она знает, что он существует.

Взвизгнули тормоза, и сердце у Грэма облилось кровью от жалости к каждой молекуле резины, которая стерлась с шин.

Он взбежал по лестнице. Макданлоп поковылял следом.

Дорн нажал на кнопку звонка и ворвался в дом. Реджинальд де Мейстер, который стоял прямо за дверью, едва не получил указующим перстом своего создателя прямо в глаз, и лишь скорость реакции спасла его от превращения в мифического одногоглазого героя.

Чуть поодаль стояла Джун Биллингс, молчаливая и смущенная.

— Реджинальд де Мейстер, — зловещим тоном пророкотал Грэм, — настал ваш последний час.

— Ох, мальчик мой, — сказал Макданлоп, — у вас все получается.

— Чем, — поинтересовался де Мейстер, — я обязан столь драматическому, хотя и туманному заявлению? Я, знаете ли, в недоумении.

Он изящным жестом закурил и улыбнулся.

— Привет, Грэми, — боязливо поздоровалась Джун.

— Изыди, коварная.

Джун засопела. Она чувствовала себя будто какая-нибудь книжная героиня, раздираемая противоречивыми чувствами. Естественно, она упивалась всем происходящим.

Поэтому она дала волю слезам и сделала несчастное лицо.

— Возвращаясь к нашему разговору, — устало спросил де Мейстер, — из-за чего весь сыр-бор?

— Я переписал «Смерть на третьей палубе».

— И?

— Исправленный вариант, — продолжал Грэм, — в настоящее время находится в руках секретарши Макданлопа, девушки в стиле мисс Биллингс, моей бывшей невесты. То есть она из тех девушек, которые стремятся к состоянию идиотки, но пока еще его не достигли. Она поверит в каждое слово.

— И?

Голос Грэма стал угрожающим.

— Возможно, ты припомнишь некую Санчу Родригес?

Впервые за все время Реджинальд де Мейстер содрогнулся. Сигарета выпала у него изо рта, но он поймал ее.

— Ее убил Сэм Блейк в шестой главе. Она была в меня влюблена. Право же, старина, вечно ты втравливаешь меня во всякие переделки.

— Погоди, ты еще узнаешь, что такое настоящая переделка, приятель. В исправленном варианте Санча Родригес не умерла.

— Умерла?! — послышался пронзительный, но отчетливый женский голос. — Я ему покажу «умерла»! Где тебя носило целый месяц, ты, изменный коварщик?

На этот раз де Мейстер не поймал свою сигарету. Даже не попытался. Он узнал гостью. Для стороннего наблюдателя, возможно, это и была обычная грациозная латиноамериканка с темными сверкающими глазами и длинными поблескивающими ногтями, но для де Мейстера это была Санча Родригес — восставшая из мертвых!

Секретарша Макданлопа прочла и поверила.

— Мисс Родригес, — залепетал де Мейстер, — как восхитительно вас видеть.

— Я тебе не мисс Родригес, а миссис де Мейстер, ты, изменный коварщик, подонный презренник, грязная сколопендра! И кто эта женщина?

Джун с достоинством отступила за ближайший стул.

— Миссис де Мейстер, — жалобно протянул Реджинальд и беспомощно обернулся к Грэму Дорну.

— Ах, ты уже и думать обо мне забыл, да, вероломный оболститель, подлая собака? Я покажу тебе, как обманывать слабую женщину! Я тебя своими руками в порошок сотру!

Де Мейстер принялся яростно отпираться.

— Но, золотко...

— Какое я тебе золотко? Что ты делаешь с этой женщиной?

— Но, золотко...

— Я не желаю слушать твои оправдания. Что ты делаешь с этой женщиной?

— Но, золотко...

— Заткнись! Что ты делаешь с этой женщиной?

Реджинальд де Мейстер был загнан в угол, и миссис де Мейстер погрозила ему кулаком.

— Отвечай!

Де Мейстер исчез.

Миссис де Мейстер исчезла сразу же после него.

Джун Биллингс залилась настоящими слезами.

Грэм Дорн скрестил руки на груди и строго посмотрел на нее.

Макданлоп потер ручки и принял почечную пилюлю.

— Я ни в чем не виновата, Грэми, — сказала Джун. — Ты сам писал в своих книжках, что все женщины от него млели, так что я ничего не могла поделать. В глубине души я все это время ненавидела его. Ты ведь веришь мне, правда?

— Поверил я тебе, как же! — проворчал Грэм и уселся рядом с ней на диван. — Как же. Но я прощаю тебя, так и быть.

Макданлоп проговорил срывающимся голосом:

— Мой мальчик, ты спас мои акции. И мою жену, разумеется. И не забудь — ты обещал мне писать по одному роману о де Мейстере в год.

Грэм скрипнул зубами.

— Всего по одному, и его жена будет запиливать его до смерти, а я всегда буду держать про запас одну неопубликованную книгу — на всякий случай. Да, и вы ведь издадите мой роман, правда, старина Грю?

— Гхм, — сказал Макданлоп.

— Издадите?

— Да, Грэм. Конечно, Грэм. Разумеется, Грэм. Безусловно, Грэм.

— А теперь оставьте нас. Я намерен обсудить с моей невестой важные дела.

Макданлоп улыбнулся и на цыпочках вышел за дверь.

«Ах, любовь, любовь», — вздохнул он про себя и, проглотив свою печеночную пилюлю, запил ее сиропом от кашля.

ГЛАЗАМ ДАНО НЕ ТОЛЬКО ВИДЕТЬ

После сотен миллиардов лет он вдруг вообразил себя Амисом. Не комбинацией волн фиксированной длины, которая все это время в целой Вселенной была эквивалентом Амиса, а звучанием имени. В память осторожно, несмело закрадывалось воспоминание о колебаниях звука, давно им не слышанного и больше ему не слышного.

Новое увлечение вызволило из глубины памяти еще множество вещей, таких же древних-предревных, чей возраст измерялся эрами, эпохами, вечностью. Амис выровнял энерговихрь, стусток своей индивидуальности в безбрежной всеобщности, и его силовые линии пролегли меж звезд.

От Брок пришел ответный сигнал.

Конечно, решил Амис, нужно сообщить Брок. И он почувствовал ее слегка трепещущий нежный энергоимпульс:

— Амис, ты идешь?

— Разумеется, иду.

— И в состязании будешь участвовать?

— Да! — Силовые линии Амиса пронизала дрожь волнения. — Абсолютно точно. Я придумал совершенно новый вид искусства. Что-то в самом деле невероятное.

— Зачем ты впустую тратишь энергию? Неужели ты думаешь, что после двухсот миллиардов лет можно изобрести нечто новое?

На какой-то миг импульс Брок вышел из фазы и связь пропала. Амису пришлось спешно корректировать свои силовые линии. Он отдался течению других мыслей, созерцая стремительное

движение опущенных звездами галактик по бархату небытия, и, охватив сознанием межгалактическое пространство, ощущал биение силовых линий в бесконечном множестве проявлений энергожизни.

Амис воззвал:

— Брок, прошу, впитай мои мысли. Не экранируйся. Я хочу использовать материю. Представляешь: симфония материи! Что толку биться над энергией? Согласен, в энергии нет ничего нового — откуда в ней быть новому?! Но разве это не указывает на то, что следует взяться за материю?

— Материя! — В энергоколебаниях Брок возникли волны отращения.

— Почему бы и нет? — возразил он. — Мы сами когда-то были материей... Кажется, триллион лет тому назад! Так почему бы посредством материи не создавать фигуры, или абстрактные формы, или... слушай, Брок... почему бы не воплотить в материи — имитационно, конечно, — нас самих, какими мы были когда-то?

— Не помню я, как это было. И никто не помнит, — отвечала Брок.

— Я помню! — горячо возразил Амис. — Я думаю только об этом, ни о чем кроме, и уже начинаю припоминать. Брок, позволь, я тебе покажу. Если я прав, если так и было — скажи. Прошу тебя, скажи!

— Нет. Все это мерзко и глупо.

— Брок, прошу, позволь мне попробовать. Мы же старые друзья, с самого начала... мы же вместе стали излучать энергию... с того самого мгновения, как сделались теми, кто мы есть. Брок, пожалуйста!

— Хорошо. Только быстро.

Такого возбуждения в собственных силовых линиях Амис не ощущал уже... сколько? Если его попытка удастся, у него достанет сил использовать материю перед ассамблеей энерго-сущностей, уже которую эпоху столь безотрадно ждущих чего-либо нового.

Материю разметало меж галактик, но Амис, отбирая все атомные крохи с каждого кубического светового года, собрал ее, сбил ком в пластичную массу и придал ему форму сужающегося конуса яйца-овоида.

— Брок, неужели ты не помнишь? — осторожно спросил он. — Разве это ни на что не похоже?

Вихрь Брок судорожно вибрировал в фазе.

— Не заставляй меня вспоминать. Я не хочу.

— Это было головой. Ее называли: голова. Мне это помнится настолько отчетливо, что так и подмывает произнести. Я имею в виду — звуками. — Амис подождал, потом попросил: — Взгляни.

У овоида в верхней части появилось: «ГОЛОВА».

— Что это? — У Брок, казалось, затеплился интерес.

— Слово, обозначающее голову. Символ звукового выражения слова. Брок, ну скажи, что ты вспомнила!

— Вот тут, посредине, кажется, что-то было, — донеслись неуверенные мысли Брок.

Образовалась вертикальная выпуклость.

Амис воскликнул:

— Да! Нос — вот что это такое! — Появилась надпись: «НОС». — А это, с каждой стороны, глаза. — «ЛЕВЫЙ ГЛАЗ — ПРАВЫЙ ГЛАЗ».

Амис любовался своим творением, пульс его силовых линий обрел торжественность. Но можно ли с уверенностью сказать, что ему самому это нравилось?

— Рот, — называл он, дрожа от нетерпения, — подбородок, адамово яблоко, ключицы. Слова возвращаются ко мне. — И все слова обозначились на его создании.

— А у меня уже сотни миллиардов лет их и в мыслях не было, — упрекнула Брок. — Зачем ты напомнил? Зачем?

На какой-то миг Амис сбился:

— Что-то еще. Органы слуха... нечто для приема звуковых волн. Уши! Но куда их приткнуть? Не помню, где они были?

От Брок уже исходило неистовство:

— Оставь это! Брось! И уши свои дурацкие, и все остальное! Не помню!

Амис, слегка озадаченный, спросил:

— Что плохого в том, чтобы помнить?

— Что?! Да разве тогда все это было таким вот грубым и холодным? Куда подевались упругость и теплота? Разве такими были глаза, которые жили, источая нежность? А губы? Разве сравнить те, что ты сделал, и те, что дрожали, мягко прижимаясь к моим? — Силовые линии Брок бились и вибрировали.

Амис взмолился:

— Прости! Прости меня!

— Ты хочешь напомнить, что когда-то я была женщиной и знала любовь, что глазам дано не только видеть и что не стало никого, кто дал бы мне испытать это, кто заставил бы мои глаза излить печаль сердца.

Резко, будто наотмашь, плеснула она материей на грубо слепленную голову и бросила:

— Пусть вот у этих — получится, пусть они — испытают, — и, сменив полярность, улетучилась.

Некоторое время Амис всматривался, вспоминая, что когда-то и он был мужчиной. Но вот энергия его вихря надвое рассекла яйцевидную голову, и он помчался обратно сквозь галактики по энергоследу Брок, снова туда, к нескончаемому страшному суду бессмертия.

А глаза на рассеченной голове материи так и остались блестящей влагой, которой брызнула Брок, изображая слезы. Голова из материи творила то, что было уже недоступно энергосущностям: она лила слезы, оплакивая все человеческое, нежную красоту тел, от которых они некогда отреклись... Давно — триллион лет тому назад.

Перед вами вымышленная биография одного гения, титана масштаба Леонардо да Винчи или Галилео Галилея.

Для каждого из нас нынешний день является совершенно особым и он останется таким, где бы мы с вами ни находились — в одном из госпиталей Канады, в Луна-Сити кратера Алфонсуса или в Музее изящных искусств, впервые распахнувшим сегодня свои двери. Для посетителя любого из этих мест настоящий день имеет исключительно важное значение. Ибо сегодня — двадцать первое октября две тысячи шестьдесят пятого года и ровно сто лет назад на свет появился Ричард Энтони Хартнетт.

Произошло это событие в городке Леония штата Нью-Джерси. Как отличался мир прежних времен от нынешнего, трудно представить. Разница между ними столь разительна, что мы даже понятия не имеем, каково приходилось детям, выросшим в двадцатом веке. Люди, жившие в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, были разобщены на враждующие племена, многие из них не ладили даже со своими соседями. К тому времени уже изобрели атомную бомбу, и над миром нависла угроза войны, в ходе которой мощность атомной энергии могла послужить для тотального разрушения.

Но разумеется, уже тогда стали рождаться и некоторые обнадеживающие явления. Организация Объединенных Наций, предшественница Всемирного Правительства, не обладала значительной властью, но уже существовала. Люди стояли на пороге космоса, готовились совершить прыжок на Луну, и скоро мно-

гим из них стало очевидным, что только объединенными усилиями всего человечества есть шанс достигнуть все эти великие цели. А значит, необходимо проявить мудрость и объединить все нации в одну для сотрудничества в деле освоения космоса.

Действительно, когда мы читаем написанные сто лет назад строки, то видим, что уровень научного прогресса, достигнутого к тому времени, вселял в современников чувство огромного удовлетворения. Людям казалось, будто они достигли невообразимо многого, сотворили почти чудеса. Они научились использовать атомную энергию, вывели на околоземную орбиту космические корабли, работали над созданием сложных компьютеров и чудотворных лекарств.

Но злокачественные и сердечные заболевания убивали миллионы землян. Едва ли не половина населения земного шара голодала. Морские воды и атмосфера были загрязнены, океанские глубины оставались почти не исследованными. Такие явления, как душевные болезни или изменения погоды, оставались загадкой.

Социальной динамики, науки о том, как людям следует жить в условиях вечного мира, еще не существовало.

Но человечеству сложно осознавать беспредельность будущего, особенно когда оно начинает понимать, как много достигнуто в прошлом. В автобиографической книге «Двадцатый век принадлежал мне» Ричард Хартнетт описывает эти чувства.

На дворе стоит тысяча девятьсот восьмидесятый год, мальчику только что исполнилось пятнадцать, он посещает старшие классы школы. Совместная советско-американская экспедиция, целью которой стало основание первого поселения на Луне, только что прилунилась в кратере Алфонсуса. Послушайте, как пишет об этом сам Хартнетт:

«Для всего мира настал счастливый день. В школе отменили занятия, чтобы все мы могли принять участие в празднике. Люди говорили, что холодной войне пришел конец, что будет создано мировое правительство и что совсем скоро мы отправимся на Марс. Они оказались правы, мечты исполнились.

Я же, помню, испытывал противоречивые чувства. Все шло хорошо, на мой взгляд даже слишком. Что же останется на мою долю? Мне всего пятнадцать, а Луна уже покорена, на Земле нет

белых пятен, человечество добралось до самых глубоких подводных впадин. Даже мантия Земли пробурена в трех различных местах на глубину десяти миль. Без меня покорят Марс, без меня мировое правительство станет управлять Землей. Что же придется на долю моего поколения?

Всеобщее празднование показалось мне грустным, и я отправился домой. В ту ночь я решил, что мне предстоит скучное, бесцветное существование. И даже не был уверен в том, что хочу жить».

К счастью для нас, этому юноше предстояла долгая жизнь. Может, двадцатый век, как он объявил в своей книге, и принадлежал ему, но именно Ричард Хартнетт скорее, чем кто-либо другой, покончил с его стереотипами. Если существовал некто, о котором можно сказать, что он создал двадцать первый век, то этот человек звался Ричард Хартнетт. Конечно, в далеком тысяча девятьсот восьмидесятом году такая мысль никому не могла прийти в голову. Существуют люди, которые несут печать гениальности с детства, но есть и другие, из тех, кто поздно добивается признания. К числу последних принадлежал и Хартнетт.

Юношей он питал острый интерес ко многим проблемам. Нам всем хорошо известна, например, история о том, как он самостоятельно построил двигатель внутреннего сгорания и целыми неделями гонял по городу на собранном собственными руками мотороллере до тех пор, пока ему не запретили на том основании, что по молодости лет он не имеет водительских прав. Было и несколько других инцидентов, но в целом юность его прошла без заметных событий, школу юноша окончил в числе не самых успешных выпускников, отдавая предпочтение занятиям легкой атлетикой, а не физикой.

В более поздние годы преподаватель физики в высшей школе так говорил о нем: «У меня оставалось чувство, что в этом молодом человеке дремлют какие-то силы, но пробудить их мне не удалось».

Это удалось, по воспоминаниям самого Р. Хартнетта, университетскому микрокомпьютеру, встреча с которым произошла, когда молодой человек обучался на младшем курсе Колумбийского университета, в тысяча девятьсот восемьдесят четвер-

том году. Колумбийский микрокомпьютер был первым, в нем в качестве коммутационного устройства были использованы псевдоячейки, и, следовательно, он оказался первой настольной моделью, способной конкурировать с огромными вычислительными машинами, выпускавшимися в предыдущей четверти века. Впоследствии Хартнетт не мог точно припомнить, что именно привело его в лабораторию. Впечатление, произведенное компьютером, как он сказал, вытеснило у него из головы все несущественное.

Он попросил специалиста, работавшего с прибором, объяснить, чем сейчас занят микрокомпьютер, и получил ответ, что он проводит анализ экономических тенденций следующего года.

— Машина, должно быть, чертовски сообразительна по сравнению с нами, — заметил юноша.

— Куда там, — ответил оператор. — Всего лишь быстрее думает. Но о чем ей думать, она узнает от нас. Без наших приказаний она полная дура, не может сделать и шага.

В тот день Хартнетт не вернулся к обычным занятиям. В своей книге он вспоминает:

«Весь день я провел у себя в комнате. «От нас она узнает, о чем ей думать», — вспоминал я слова оператора. А откуда мы узнаем, о чем думать нам? У каждого из нас имеется в голове собственный компьютер, который мы называем мозгом. Никто не говорит, о чем надо думать, мы сами решаем этот вопрос. Но как это происходит?»

Так в юноше пробудился интерес к тому, что наполнило содержанием его последующую жизнь, интерес к деятельности человеческого мозга. Решение пришло мгновенно. Он бросился изучать математику, дисциплину, которая прежде едва ли привлекала его внимание. Став же старшекурсником, Ричард оставил изучение английской литературы, доминирующей среди его пристрастий, и выбрал курс, насыщенный лекциями по физике и математике, посещая кроме того лекции по нейроанатомии и нейрофизиологии.

Безусловно, Хартнетт был человеком нового типа, ибо в самом скором времени овладел наиболее сложными для понимания аспектами изучаемых предметов. Его захватил тот же все-

поглощающий интерес, который десятью годами ранее заставил его собственноручно собрать мотороллер. Но теперь этот интерес был более устойчивым и привел к несравненно более блестящим результатам.

После окончания университета Ричард Хартнетт продолжал упорно заниматься, и к тысяча девятьсот восемьдесят седьмому году ушел с головой в работу на соискание ученой степени. Специалиста, который мог бы направлять его усилия, не нашлось, ибо ни один профессор тех лет не в состоянии был понять, над чем трудится этот молодой человек.

Теперь нам все, конечно, известно. Он бился над возможностью расшифровки электроэнцефалографической регистрации волн, создаваемых деятельностью мозга. Эти волны открыты в двадцатых годах двадцатого века, и с тех пор психологами предпринималось немало попыток интерпретировать их. Некоторых успехов удалось достичь, в частности, при изучении таких заболеваний, как эпилепсия, но суть этого явления оставалась неизвестной.

Р. Хартнетт с доскональной проницательностью проанализировал ситуацию и разработал направление и метод исследований, невообразимо сложных как по характеру, так и по исполнению. Но молодой ученый не намеревался выполнять необходимые расчеты вручную. Вместо этого он детально разработал программу, по которой колумбийский микрокомпьютер смог произвести все анализы самостоятельно, следуя подробнейшим инструкциям, составленным для него Хартнеттом.

«Мысленно я уже решил — именно мне предстоит отдавать приказы компьютеру».

Для себя же он отвел роль подопытного объекта. В двадцати пяти местах к его голове присоединили электроды, а снятые электроэнцефалограммы поступали прямо на компьютер. И вместо нерегулярных кривых с флуктуирующими величинами напряжения микрокомпьютер выдал точнейшее математическое описание пятидесяти трех компонентов полной диаграммы деятельности различных участков мозга. Впервые человек смог подробно изучить работу мозга, исследовать реакции каждого его участка в отдельности.

Научный труд Хартнетта, включавший полученные результаты, явился самым сенсационным открытием за целое столе-

тие, прошедшее после опубликования докторской диссертации Марии Кюри, где она описывала выделение радия.

Нельзя переоценить важность его открытия. Впервые умственные расстройства были описаны как дисфункции того или другого участка мозга, и описание это приводилось в корректных математических терминах. Предрасположенность к подобным заболеваниям теперь могла выявляться с раннего детства, а методы излечения разработаны с высочайшей точностью. Психиатрия становилась наукой в полном смысле слова.

Но широкие горизонты раскрывались не только перед медициной. Специалисты, изучавшие языки, а также формы и методы общения людей, получили возможность проводить исследования с учетом мозговой деятельности. Переводы текстов с одного языка на другой обрели беспрецедентную точность. Неизмеримые преимущества открылись перед дипломатией, литературой, торговлей. Использование метода «анализ Хартнетта» в залах суда не только положило конец попыткам обмана органов правосудия, но и выявило искренние заблуждения или непонимание реальных событий отдельными людьми. Отправление правосудия потеряло свойственную ему подчас неопределенность.

Можно найти возражения утверждениям, будто деятельность Всемирного Правительства оказалась успешной только потому, что люди наконец научились понимать друг друга. Утверждениям, что изучение деятельности мозга привело к созданию социальной динамики, как и тому, что этот раздел науки стал условием существования здорового общества, а братство всех людей земли — не только прекрасной мечтой.

В тысяча девятьсот девяносто третьем году Ричард Хартнетт был награжден Нобелевской премией в области медицины и психологии, но к тому времени сфера собственных интересов ученого резко изменилась. В период с восемьдесят седьмого по девяностый год этот человек в буквальном смысле слова становится художником. Занимаясь проблемой световых излучений, он приходит к выводу, что, как известно, большую часть информации мозг получает с помощью зрения, значит, влияние на деятельность мозга возможно, а исходить оно должно из нервного центра зрительной системы.

Им была создана оптическая установка, фокусирующая свет различных по длине волн, то есть разных цветов, таким образом, что получалась иллюзорная трехмерная структура, цвет и форма которой могли произвольно изменяться.

Хартнетт, бывало, говорил: «...мой интерес к световым излучениям так велик, что временами я забываю о цели этих исследований». Неудивительно, что из этого интереса родился такой важный жанр искусства, как светоскульптура. За истекшую с тех пор половину века миру подарены замечательные шедевры, принадлежащие этой форме изобразительного искусства, но цветные фильмы, запечатлевшие ранние опыты самого Ричарда Хартнетта, показывают, каким усердным тружеником в развитии жанра светоскульптуры явился он сам еще на раннем этапе.

Но главная цель трудов была иной, автор преследовал медицинские, терапевтические цели. Опять он ставил эксперименты над собой, теперь его целью стала попытка уловить изменения, происходящие в его собственном мозгу при воздействии на зрительные нервы фигур разных цветов и форм. Затем Хартнетт, в то время он работал в качестве адъюнкт-профессора в Калифорнийском университете, продолжил опыты на своих коллегах.

В докладе, опубликованном в тысяча девятьсот девяносто первом году, он впервые заговорил о научном методе, позволяющем использовать формы интерпретации фигур отдельными людьми для изучения их человеческих характеристик и темперамента. В наши дни нет, пожалуй, ни одного психиатра, который не имел бы в своем распоряжении «проектор Хартнетта», прибор, продуцирующий три дюжины цветных фигур (со стандартными цветными штифтами), получивших название «фигуры Хартнетта». Как и найдется не так уж много взрослых, которые не подвергались бы медицинскому обследованию при посредстве этих фигур.

Хартнеттом также были предприняты первые шаги по фототерапии — кропотливому и скрупулезному изменению электромагнитного излучения клеток мозга в результате воздействия на последний контролируемых светоощущений. Высказывались возражения со стороны людей, опасавшихся подобных мер, считая их формой «промывки мозгов», и опасность эта, надо признать, существует. Но человеческое общество, будем надеяться,

достигло уже той степени просвещенности, которая гарантирует использование фототерапии исключительно в благих целях лечения больных.

Многие утверждают, что важность вклада Хартнетта в этой области заключается не в том, что делается для больных, а в том, что делается для всего мира в целом. Создан новый жанр искусства, миру подарена красота нового типа. Сейчас трудно поверить в то, что еще в двухтысячном году в домах даже с пышным убранством не имелось ни одной композиции светоскульптуры. Поверить, что эта вечно меняющаяся красота не была известна людям.

Вы знаете, в честь Ричарда Хартнетта именно сегодня перед посетителями Музей изобразительных искусств в Чикаго распахнул двери, музей, посвященный исключительно произведениям светоскульптуры.

К двухтысячному году Хартнетт, без сомнения, стал самым известным в мире ученым. Его работы по исследованию деятельности мозга возымели важные последствия в других областях знания. Трудно переоценить его вклад в развитие таких дисциплин, как математика, электрохимия или исследование природы античастиц. И факт создания в наши дни миниатюрных компьютеров — неизмеримо меньших, чем компьютер, когда-то так поразивший воображение юного Ричарда Хартнетта, — действие которых основано на использовании чрезвычайно кратких вспышек позитронов, стал возможен благодаря теории, впервые разработанной им в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году.

Но уже к двухтысячному году великий человек утратил интерес к теоретическим штудиям и обратился к прикладным отраслям, к производству различных технических приборов. Им произведен ряд гениальных усовершенствований в глубоководных аппаратах и ракетных установках. «Видоискатель Хартнетта», впервые получивший применение в ракетопланах, до сих пор находит использование в радиотелескопах.

Но самое поразительное из достижений навсегда останется связанным с его путешествием на Луну в две тысячи девятом году.

В конце двадцатого века и в течение первых лет двадцать первого данный маршрут был единственно возможным космическим путешествием, при этом редким и доступным лишь избранным. Хартнетт был к тому времени уже немолод, и испытание жесткими ускорениями могло быть сопряжено с опасностью для его здоровья. К тому же как раз в те дни он вступил в брак: «Прежде у меня не хватало времени на это», — шутил он, — и миссис Хартнетт решительно возражала против разлуки с мужем.

Тем не менее он решился на это предприятие и нашел убедительные доводы, чтобы настоять на своем. Во время же пребывания на Луне Ричард Хартнетт совершил открытие такой важности, что, достойное его гениальности, оно навсегда оставило память о нем в истории нашего спутника.

В ту пору первых экспедиций на Луну самой серьезной из подстерегавших путешественников опасностей была низкая гравитация спутника нашей планеты. Все шло замечательно, пока вы оставались на Луне, но когда приходило время возвращения на Землю, начинались сложности. Привыкшие за несколько недель к низкой гравитации мускулы теряли упругость, а костная ткань претерпевала изменения. Приспособиться к земным условиям становилось очень нелегко, и в тысяча девятьсот девяносто третьем году, когда во время его возвращения на Землю астронавт Джон Стейси погиб вследствие того, что его организм, ослабленный высоким ускорением, не нашел сил сопротивляться возросшей нагрузке, было решено предпринять серьезные шаги для решения этой проблемы.

С тысяча девятьсот девяносто пятого года на Луне установили крупные центрифуги, и земляне должны были упражняться на них не менее двух часов ежедневно для восстановления упругости мышц и реабилитации костной структуры. Занятия эти были утомительными и неприятными, но они позволяли людям оставаться на Луне в течение многих месяцев, не нанося вреда своему организму.

Хартнетт, проведенный на Луне не менее двух месяцев, отчаянно досадовал на упражнения в центрифуге.

«Довольно скоро я понял, — пишет ученый в своей книге воспоминаний, — что раз уж природа одарила меня способностью размышлять, я должен ею воспользоваться, чтобы избавиться

от этой ужасной центрифуги. Пусть мне это изобретение уже не пригодится, я окажу услугу всем будущим путешественникам».

Суть изобретения Р. Хартнетта заключается в следующем. Ученый предложил выдолбить глубоко под поверхностью Луны огромную пещеру и наполнить ее воздухом. После чего, нагнетая давление, подвергнуть воздух в ней довольно высокой компрессии, создав таким образом атмосферу более плотную, чем существующая на Земле.

Наконец обрела жизнь долгожданная мечта человечества! На Земле полеты силою мышц неосуществимы вследствие высокой силы тяготения и разреженности атмосферы. На Луне же, при ее низкой гравитации, существование огромного пространства с плотным слоем воздуха дало человеку возможность парить без всяких усилий с помощью крыльев, сделанных из натянутого на каркас пластика. И действительно, на крыльях продуманной конструкции и после небольшой подготовки люди получили возможность летать в пещере, как птицы.

Пещеру оснастили, и астронавты приступили к тренировкам, осуществляя полеты силою мышц. Необходимые мускульные усилия и внутренние напряжения при виражах или изменении курса помогали сохранять костную и мышечную структуры в идеальном состоянии, человек оставался здоровым и крепким. И к тому же получал удовольствие! Люди не хотели отрываться от этого занятия через положенные два часа тренировок, скорее напротив, их едва удавалось удержать более двух часов вне этой тренировочной пещеры и в вертикальном положении.

Теперь путешествия на Луну стали общим достоянием, и на Земле не найдется человека, не умеющего летать. На Луне существуют тщательно и продуманно сконструированные «пещеры Хартнетта» — сейчас их порядка семи, — и они являются едва ли не самым привлекательным аттракционом нашего спутника.

Вот так оказалось, что великий ученый изобрел не только новую отрасль науки, но и новый жанр искусства и новый вид спорта.

Однажды Ричарда Хартнетта спросили, как ему в голову пришла эта идея. С характерной для него искренностью он ответил:

— *Она не мне первому пришла в голову. Я прочел о чем-то подобном в научно-фантастической книге писателя Р. А. Хейнлейна, написанной еще до моего рождения.*

Ричард Хартнетт был искренним почитателем научной фантастики, и вполне возможно, что происшедшее на Луне побудило его попробовать себя на писательском поприще.

«Я был немолодым отцом, — (в две тысячи двенадцатом году у него родился сын, в две тысячи пятнадцатом — дочь), рассказывал Хартнетт, — и боялся, что умру прежде, чем мои дети станут взрослыми. Мне хотелось оставить после себя что-то материальное».

Ученый выбрал жанр научной фантастики, и его надолго отложенный интерес к английской литературе был наконец реализован. В течение десяти лет автор через год выпускал по одному роману и примерно около дюжины небольших рассказов под своим собственным именем. Возможно, это не самые величайшие из когда-либо написанных произведений данного жанра, но они талантливы и интересны, как согласно утверждают критики всего мира, и даже без имени знаменитого автора на обложке привлекли бы читателя.

Самая известная книжка Ричарда Хартнетта «Полет к Арктуру» была экранизирована в две тысячи двадцать пятом году. Автор посетил премьерный показ и на вопрос о впечатлении от фильма с некоторым смущением ответил: «Это не совсем то, что написал я».

Лента действительно вышла не очень удачной. Но важно, что написание этой книги ознаменовало начало еще одного и последнего увлечения Хартнетта — изучение возможности межзвездных путешествий. К две тысячи двадцать пятому году космическое пространство, занимаемое Солнечной системой, оказалось вполне изучено. Кроме того, были достигнуты лежащие вблизи границ Галактики как некоторые из астероидов, так и спутники Юпитера. Планировалась экспедиция на Плутон.

Но сами звезды оставались недосягаемыми. Ближайшая из них находилась на расстоянии четырех с третьей световых лет, а это означало, что, даже перемещаясь с максимальной скоростью — скоростью света, — астронавт мог возвратиться на Землю не ранее чем через девять лет по земному счету.

Хартнетт предвидел, что световой барьер может быть преодолен, что границы скорости света перестанут являться препятствием для путешествий.

«В научной фантастике, — говорил он, — о таких предметах, как внеинерциальное движение и гиперпространственные перелеты, писали еще со времен Е. Е. Смита и А. Азимова. Может быть, нам удастся воплотить в реальность их вымысел?»

Хартнетт работал над этой проблемой, правда к тому времени, когда он скончался — шестнадцатого августа две тысячи сорок седьмого года, — его мечта еще не осуществилась.

Именно этот человек сделал возможными достижения двадцать первого века. Именно он дал миру науку о деятельности человеческого мозга. Именно он заложил основы создания Всемирного Правительства, сделал возможным существование и развитие социальной динамики через изучение умственной деятельности человека. Он же разработал принцип создания шедевров светоскульптуры, подарил нам замечательный вид спорта, уникальные приборы и книги. Он никогда не переставал совершенствоваться.

В письме, написанном пятнадцатилетнему корреспонденту всего за несколько месяцев до своей смерти, Ричард Хартнетт признавался:

«Дорогой Стивен, нет, я еще не все сделал. А к самому важному мне даже не удалось приступить. Примерно полсотни лет назад я начал изучать волны, излучаемые человеческим мозгом, и до сих пор никто не сумел осуществить передачу мыслей на расстоянии. Кому-то еще предстоит отработать и практическую сторону проблемы телепатии, ибо к этому еще не приступали.

Мы достигли мантии Земли, но не более чем на глубину булавочной головки; когда-нибудь нам потребуется исследовать пути к самому ее центру. Мы должны создать роботов, которым будет поручен самый рутинный и тяжелый физический труд, роботов более эффективных, чем те примитивные механизмы, которые выполняют его сейчас. Мы должны подчинить силу гравитации и обернуть ее себе на пользу таким образом, чтоб нам не приходилось бороться с ней при каждом космическом путешествии. Нам предстоит отыскать дорогу к звездам, туда, где нас, возможно, ждут миры, подобные нашему. Мы должны понять механизмы создания, которые не являются людьми.

Так много предстоит сделать, возможно, именно ты этим и займешься».

Таким был Ричард Хартнетт! Из множества его открытий самым великим является то, что он первым осознал, какие невообразимые горизонты простираются перед человечеством, каких вершин еще предстоит достичь. А также он понимал — как бы далеко человечество ни уходило вперед в техническом прогрессе, в изучении тайн природы, познать Вселенную до конца невозможно.

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Первоначальное стечение катастрофических обстоятельств произошло пять лет назад, то есть с тех пор безымянная планета, обозначенная на картах аббревиатурой ХС-12549Д, совершила пять оборотов, что соответствовало одиннадцати годам по земному летоисчислению.

Впрочем, ни у кого из пятерых членов экипажа «Странника Джона» не возникало желания производить эти подсчеты.

Если бы на Земле знали, чем они здесь занимаются, их деятельность была бы названа героической, достойной упоминания в анналах Космической службы. Еще бы, на протяжении пяти лет (по земному летоисчислению — одиннадцати!) они вели отчаянную борьбу с атмосферой планеты.

И вот трое умерли, у четвертого уже желтели белки, что являлось несомненным признаком смертельного заболевания, и только пятый еще держался на ногах.

Никакого героизма тут не было. На самом деле они боролись с тоской, с ощущением полнейшей безысходности и создали в своем металлическом пузыре-бункере подобие земного образа жизни лишь по той единственной причине, что ничего другого им просто не оставалось.

Если кто-нибудь из пятерых и вдохновлялся возвышенными идеями, то предпочитал об этом помалкивать. Возможность возвращения на Землю они перестали обсуждать уже через год, а к исходу второго и само слово «Земля» исключили из речевого обихода.

Зато другое слово постоянно присутствовало в их разговорах. Даже когда они молчали, каждый мысленно повторял его по несколько раз на дню. И это слово было «аммиак».

Впервые оно прозвучало тогда, когда их заботило только одно: как посадить свою раздолбанную жестянку на поверхность ХС-12549Д и при этом остаться в живых.

Да, можно предусмотреть любую аварию, любую из возможных поломок и ошибок. Можно предполагать, что их будет несколько. Но предусмотреть такое?..

Из-за вспышки сверхновой спеклась электроника. Ладно, это дело поправимое — было бы время. Метеорит угодил в клапан фидера — тоже не смертельно: клапан можно заменить, было бы время. Рассчитали траекторию с недостаточной поправкой на действие гравитационных сил, в результате корабль получил такое ускорение, что полетела к чертям гиперантенна, а все пятеро потеряли сознание... Но, придя в себя, они сумели бы поставить новую гиперантенну — было бы время!

Кажется невероятным, чтобы вышеперечисленные беды могли обрушиться на экипаж «Странника Джона» одновременно. Еще труднее вообразить, что весь этот кошмар случится в момент фантастического по трудности приземления, когда им будет не хватать как раз самого необходимого для устранения любой неполадки — времени.

Экипаж «Странника» попал именно в такой переплет и все-таки ухитрился совершить посадку на планету ХС-12549Д. Правда, лишь для того, чтобы уже больше никогда не подняться с ее поверхности.

Собственно, тот факт, что им удалось приземлиться, сам по себе являлся чудом. Судьба, однако, подарила каждому из них (словно в насмешку) еще по пять лет жизни.

Обнаружить их здесь мог только сбившийся с курса корабль, но шансов на это было мало. Вернее, вообще никаких. После такого количества приключившихся с ними бед рассчитывать на счастливую случайность уже не приходилось.

Да, плохи были дела у экипажа «Странника Джона». Но главная причина бедственного их положения объяснялась одним коротким словом «аммиак»

...Глядя, как приближается по спирали поверхность планеты, глядя в лицо смерти, каковая была так близко, как никогда

прежде, и явилась бы для них воистину проявлением милосердия со стороны судьбы (если бы наступила мгновенно, а не растянулась на годы), Чоу успел-таки краем глаза заметить, что абсорбционный спектрограф зашкаливает.

— Аммиак! — воскликнул он.

Остальные слышали его, но им было некогда задумываться над тем, что означает восклицание, перед ними стояла задача посадить корабль, посадить хотя бы лишь для того, чтобы мгновенная гибель превратилась для них в медленное умирание.

Но когда они наконец сели на песчаный грунт, поросший скудной голубоватой (голубоватой?) растительностью: травой, похожей на осоку, и чахлыми безлистными деревцами, — и увидели над собой зеленоватое (зеленоватое?) небо, покрытое перистыми облачками, это слово прозвучало вновь.

— Аммиак? — с трудом выдавил Петерсен.

— Четыре процента, — ответил Чоу.

— Не может быть!

Но так было. И справочники подтверждали, что это возможно. В справочниках Космической службы говорилось, что на планете с определенной массой, объемом и температурой при наличии на ее поверхности океана возможен один из двух видов атмосферы: либо азотно-кислородная, либо состоящая из азота и двуокиси углерода. В первом случае жизнь на такой планете способна развиваться, во втором — остается на примитивном уровне.

Увы, о планетах типа ХС-12549Д ничего не было известно, кроме трех параметров — массы, объема и температуры. Предполагалось, что атмосфера на них либо азотно-кислородная, либо состоит из азота и двуокиси углерода. Правда, в справочниках не указывалось, что на ХС-12549Д должен быть обязательно один из этих двух видов атмосферы. Просто на ранее открытых планетах было так, но с точки зрения термодинамики допускались отклонения. То есть теоретически они были возможны, практически же — маловероятны.

И вот экипажу «Странника» суждено было остаток своих дней провести на планете с атмосферой, о которой в справочниках не было ни слова.

Они переоборудовали корабль в бункер и постарались максимально приблизить условия жизни к земным. Взлететь они

не могли, не могли даже послать через гиперпространство сигнал о помощи, но в остальном дела обстояли несколько лучше. Например, используя фильтры, им удавалось за счет воды и воздуха планеты компенсировать неизбежные потери, возникающие при замкнутых циклах очистки.

Они выходили из бункера — скафандры, слава богу, остались целы. Надо же было хоть чем-то себя занять. На планете отсутствовала какая бы то ни было фауна, поэтому выход на поверхность не грозил опасностью встречи с хищными животными. Куда ни кинь взгляд — одни лишь синие кустарники. Аммонизированный хлорофилл, аммонизированный протеин.

Они подвергали местную растительность лабораторному анализу, изучали микроскопические компоненты, тщательно фиксируя результаты своих исследований. Затем попытались выращивать эти растения в искусственной атмосфере, лишенной аммиака, и потерпели неудачу. На некоторое время им пришлось стать геологами — они исследовали поверхностные отложения и состав почвы. Также им потребовалось применить свои познания в астрономии, чтобы сделать спектральный анализ солнца, сиявшего над ХС-12549Д.

Барэр говорил:

— Когда-нибудь люди вспомнят об этой планете, и тогда собранные нами материалы пригодятся. Что ни говори, а она уникальна, эта ХС-12549Д. Во всей Галактике не найти аналога...

— Нам повезло,— горько усмехаясь, откликнулся Сандропулос. Он просчитал термодинамическую ситуацию и объяснил товарищам: — В этой сверхстабильной системе происходит постоянная геохимическая реакция окисления аммиака, в результате которой он разлагается, возникает азот. Растительность усваивает азот, и аммиак восстанавливается. Эти растения адаптировались к его присутствию в атмосфере. Если уровень восстановления аммиака упадет до двух процентов, то содержание его в атмосфере будет экспоненциально убывать. А когда здешняя растительная жизнь зачахнет, тогда восстановление аммиака вообще прекратится.

— Так ты предлагаешь уничтожить растительность, чтобы избавиться от аммиака? — спросил Власов.

— Будь у нас какое-нибудь воздушное средство передвижения и запас мощной взрывчатки, мы могли бы попытаться это

сделать, — ответил Сандропулос. — Нет, я имею в виду другое. Вот если здесь приживутся земные саженцы, тогда благодаря фотосинтезу образование кислорода в атмосфере повысит уровень окисления аммиака, а это, в свою очередь, несколько уменьшит его содержание в атмосфере данного региона. Рост наших растений приведет к задержке роста местной флоры. Восстановление аммиака замедлится — ну и так далее...

И вот с наступлением вегетационного сезона члены экипажа «Странника Джона» сделались огородниками, что, впрочем, обычно в практике Космической службы. На таких планетах, как ХС-12549Д, жизнь возможна только водно-протеинового типа, хотя варианты ее могут быть бесконечны. Пища, которую удастся получить из растений, произрастающих на подобных планетах, малопитательна и неудобоварима. Космическая служба научилась со временем выращивать там земные растения. Часто, хотя далеко не всегда, местную флору удавалось победить. Таким образом земляне сделали несколько десятков планет пригодными для заселения. Существовали уже сотни сортов, способных выживать в экстремальных условиях. Именно они использовались для засеивания новооткрытых планет. Аммиак убил бы обычное земное растение, однако в распоряжении экипажа «Странника Джона» были семена мутированных сортов, способные противостоять воздействию аммиака. Правда, силы им все равно не хватало. Ростки получались хилыми и вскоре погибали.

И все же с растениями дело обстояло не так плохо, как с бактероидами. Бактериальная жизнь планеты несравненно превосходила растительную, каковая представляла собой лишь синие скудные кустарники и безлиственные деревца. Зато местные микроорганизмы своим количеством и разнообразием видов подавляли любые попытки засеять почву образцами земной бактериальной флоры, способными помочь выживанию земных растений.

Власов сокрушенно качал головой:

— Ничего у нас не выйдет. Наши бактерии выживут лишь в том случае, если приспособятся к этой атмосфере.

— Да, от бактерий мало проку, — соглашался Сандропулос. — Только растения создадут систему, производящую кислород.

— Мы и сами можем ее создать, — возразил Петерсен. — Мы можем электролизовать воду.

— Но надолго ли хватит нашего оборудования? Нет, главное, чтобы прижились саженцы, тогда процесс фотосинтеза потихоньку-помаленьку, в течение какого-то количества лет даст желаемые результаты.

— Значит, надо заняться почвой,— сказал Барэр.— В почве разлагаются соли аммония. Мы выпарим их, и она станет пригодной для наших растений.

— А как насчет атмосферы? — спросил Чоу.

— В очищенной от аммония почве саженцы приживутся, несмотря на атмосферу. У них это уже почти получается.

И люди продолжали бороться. Они работали упорно, хотя не слишком верили в то, что их усилия увенчаются успехом. Уж во всяком случае никто из них не надеялся дожить до того дня, когда можно будет отпраздновать победу. Просто за работой время шло незаметнее.

К следующему вегетационному сезону удалось подготовить участок для эксперимента. И снова их ждало разочарование. Растения все равно погибали.

Тогда каждый росток они поместили в стеклянный колпак и закачивали туда очищенный от аммиака воздух. Но это лишь незначительно помогало растениям.

Люди перепробовали разнообразные составы почвы и в самых различных комбинациях. Все было тщетно. Ростки выделяли так мало кислорода, что его не хватало даже на то, чтобы бороться с тем количеством аммиачной атмосферы, которое все же просачивалось внутрь стеклянных колпаков.

— Еще одно усилие,— говорил Сандропулос.— Еще чуть-чуть. Мы почти добились своего. Осталось немного.

Но их инструменты все больше приходили в негодность, а отпущенное время стремительно сокращалось. С каждым месяцем его становилось все меньше.

И внезапная смерть явилась для них облегчением. Они не могли понять, откуда эта слабость и отчего у них кружится голова. Никто из членов экипажа не подозревал, что возможно аммиачное отравление. Ведь все эти годы пищей им служили водоросли, которые они выращивали в уцелевших после кораблекрушения узлах гидропонной установки. И вот то ли свойства водорослей из-за проникновения аммиака в питательный раствор изменились, то ли в них попали какие-то местные бакте-

рии... Также не исключалась вероятность, что земные бактерии в новых условиях мутировали и сделались опасными для жизни людей.

Итак, трое умерли — к счастью, без мук. Они приняли смерть почти с радостью, ибо устали от бесплодной борьбы.

А потом пришел день, когда и Чоу прошептал еле слышно:

— Какая глупая и жалкая смерть.

Петерсен — он оказался наименее восприимчив к болезни — повернул к товарищу залитое слезами лицо.

— Не умирай,— сказал он.— Не оставляй меня одного.

Чоу слабо улыбнулся:

— Это от меня не зависит. Но ведь ты можешь пойти со мной, старина. Дальше бороться бессмысленно. Оборудование вышло из строя, и надежды победить у нас нет, если она вообще была когда-нибудь.

Но даже теперь Петерсену была нестерпима мысль о поражении. Он думал только о том, как завершить начатое.

Он тоже очень устал, у него болело сердце, и, когда Чоу умер, Петерсену впервые пришлось в голову, что ему и впрямь осталось единственное: заняться погребением четырех бездыханных тел.

Он смотрел на эти тела, и впервые за одиннадцать лет вспоминал Землю. Теперь он был один, ему некого было стесняться, и он плакал.

Да, он похоронит их. Он срубит несколько чахлах синих деревьев и сколотит из них четыре креста. На верхушку каждого повесит шлем, а в подножие поставит кислородный баллон. Пустой кислородный баллон. Как символ их поражения.

Конечно, все это глупые сантименты. Мертвым безразлично, помнят о них или нет. Кроме него, никто никогда эти кресты не увидит.

Но он сделает это, чтобы отдать дань уважения своим товарищам. А также из чувства собственного достоинства, ибо он не из тех, кто бросает тела друзей непогребенными, пока еще способен держаться на ногах. А помимо всего прочего...

Некоторое время Петерсен сидел неподвижно, предаваясь раздумьям. Пока он еще жив, он будет бороться, пусть даже теми инструментами, какие у него остались. И друзей своих похоронит, чего бы это ему ни стоило.

Он похоронил их на подопытном участке. Земля, которую он вместе с товарищами обрабатывал так долго и мучительно, приняла нагие тела. Он похоронил друзей нагими для того, чтобы микроорганизмы, содержащиеся в их телах, успели начать процесс разложения, прежде чем их неизбежно победит местная микрофлора.

Он сделал все, как задумал: на верхушке каждого креста — шлем, у подножия — баллон. Укрепил кресты камнями и, безутешный, вернулся на корабль, где ему предстояло жить уже в одиночестве.

Петерсен продолжал работать и работал ежедневно, но в конце концов почувствовал зловещие симптомы болезни.

В этот день он с трудом поднялся на ноги. Он облачался в скафандр, уже понимая, что этот его выход на поверхность — последний.

Придя на подопытный участок, он упал на колени и... и вдруг увидел, что земные саженцы живы! Да-да, на этот раз они жили дольше обычного и выглядели свежими и сочными. Они зелеными пятнами тут и там покрывали почву. Они все-таки победили атмосферу планеты.

Тогда Петерсен посыпал почву подопытного участка удобрениями. Больше у него уже ни на что сил не оставалось.

Разлагающаяся человеческая плоть выделила питательные вещества, необходимые для роста саженцев. Именно они, эти вещества, довершили работу, начатую людьми. Живыми людьми.

Саженьцы вырабатывали теперь кислород в таком количестве, что Петерсен не сомневался: планета ХС-12549Д выйдет в конце концов из эволюционного тупика, в котором пребывала донныне.

Если когда-нибудь сюда прилетят земляне (когда? через миллион лет?), они обнаружат здесь пригодную для жизни атмосферу и растительность, удивительно напоминающую земную.

Со временем кресты, конечно, сгниют и рассыплются в прах, проржавеет насквозь и станет пылью металл баллонов и шлемов, а кости превратятся в окаменелости. Земляне, которые заселят планету, будут лишь смутно догадываться о том, что здесь когда-то произошло. Может быть, для потомков сохранятся только материалы исследований, которые экипаж «Странника Джона» вел до последнего дня.

Но не в этом главное. Даже если вообще ни следа от них не останется, сама планета отныне и навсегда будет им памятником.

Умиравший Петерсен лежал среди зеленых растений, как бы осененный лаврами их общей победы.

ССЫЛКА В АД

— Русские,— сказал Даулинг сухо,— ссылали каторжников в Сибирь. Французы отправляли их на остров Дьявола, а англичане — в Австралию. Это было давно, задолго до освоения космического пространства.

Он в задумчивости посмотрел на шахматную доску, его рука неуверенно повисла над столом.

Паркинсон, по другую сторону доски, тоже смотрел на фигуры, но шахматы, профессиональное хобби всех программистов, сейчас несколько его не занимали.

«Ей-богу,— думал он с раздражением,— я бы на месте Даулинга чувствовал себя не в своей тарелке. Как-никак именно ему было поручено разрабатывать программу обвинения».

Известно, что программисты, постоянно имея дело с компьютером, в конце концов начинают напоминать его иными чертами характера, в частности своей бесстрастностью, невосприимчивостью к любым доводам, за исключением логических.

У Даулинга это проявлялось также в его безукоризненном проборе и сдержанно элегантном костюме. А вот Паркинсон, предпочитавший на судебных процессах разрабатывать программу защиты, был, напротив, всегда нарочито небрежен в деталях одежды.

— Ты хочешь сказать,— откликнулся он,— что ссылка — наказание столь древнее, что никого уже не пугает?

— Как раз наоборот. Это проверенная временем мера, а в наши дни она сделалась просто-таки эффективнейшим средством

устрашения, — ответил Даулинг, не отрывая взгляда от доски. Он все-таки двинул вперед слона.

Паркинсон непроизвольно поднял голову и посмотрел вверх. Разумеется, ничего, кроме потолка, он не увидел, ведь они находились в помещении. Все здесь было наилучшим образом приспособлено для того, чтобы удовлетворить любые человеческие потребности и максимально защитить людей от воздействия внешней среды. Ведь там, снаружи, полыхала звездным огнем космическая ночь.

Когда он последний раз видел ту планету? Не так уж и давно. Интересно, в какой она сейчас фазе? В первой четверти? Или сияет во всей своей красе? Или, подобная голубоватому ногтю, низко висит над горизонтом? Ничего не скажешь, смотрится она красиво. Вернее, смотрелась когда-то, несколько столетий назад, когда космические путешествия стоили дорого и совершались крайне редко, а условия жизни на планетах еще не были связаны с использованием сложнейшего технического оборудования и не контролировались столь тщательно. В настоящее время один вид той планеты наполняет душу ужасом, словно в небесах вращается тот самый пресловутый остров Дьявола. Из отвращения никто не называет ее по имени. Когда о ней заходит речь, говорят просто «она» или молча поднимают голову и многозначительно смотрят в потолок.

— Ты мог бы позволить мне разработать аргументацию против ссылки как единственно возможной меры...

— Зачем? На решение суда это все равно не повлияло бы.

— Сегодня, может, и не повлияло бы. Но в будущем? В будущем наказания за подобные преступления, несомненно, должны стать менее суровыми. Ссылку будут заменять смертной казнью.

— За порчу оборудования? И не мечтай.

— Но ведь он действовал в состоянии аффекта. Не спорю, налицо попытка нанести вред человеческому существу. Однако намерения портить оборудование у него не было.

— Это ничего не меняет. В данном случае отсутствие намерения не является смягчающим обстоятельством.

— А я считаю, что является, и именно эту точку зрения заложил в программу.

Паркинсон, двинув пешку, защитил своего коня. Даулинг задумался.

— Ты все-таки решил атаковать ферзя. Нет, я тебе этого не позволю. Посмотрим, кто кого,— размышлял он вслух, а потом вернулся к предмету их разговора: — Мы не в каменном веке, Паркинсон. Мы живем в перенаселенном мире, и даже такой, по видимости, пустяк, как поломка консистора, может поставить под угрозу жизнь значительной части населения. Да, он действовал в состоянии аффекта, но в результате отключилась линия энергопитания, а это уже не шутка.

— Я же его не оправдываю.

— Судя по тому, как ты разработал свою программу, у меня складывается обратное впечатление.

— Ничего подобного. Послушай, когда по вине Дженкинса лазерный луч нарушил структуру поля, я подвергался такой же опасности, как и остальные. Еще пятнадцать минут — и всем нам была бы крышка. Я прекрасно это понимаю и все же настаиваю на том, что ссылка — наказание чрезмерное.

Для вящей убедительности Паркинсон постучал пальцами по доске — Даулинг придержал ферзя, чтобы тот не упал.

— Не считай это ходом,— предупредил он, переводя в нерешительности взгляд с фигуры на фигуру. — Нет, Паркинсон, ты ошибаешься. Именно такое наказание в полной мере соответствует преступлению, хуже которого и быть ничего не может. Сам посуди, наша жизнь здесь зависит от чрезвычайно хрупкой технологии. Авария могла всех нас обречь на гибель, и не важно, произошла она вследствие злого умысла, из-за недостатка опыта или по небрежности. Общество хочет чувствовать себя в безопасности и поэтому требует, чтобы подобные преступления карались предельно сурово. Страх перед смертной казнью преступника не остановит.

— Смерти все боятся.

— Но ссылка еще страшнее. Вот почему столь тяжкое преступление случилось за десять лет впервые. А ну-ка, что ты на это скажешь? — Даулинг переставил свою ладью на одно поле вправо от ферзя.

Замигал сигнальный свет. Паркинсон вскочил из-за стола.

— Конец программы! Сейчас компьютер вынесет решение! Даулинг невозмутимо взглянул на него:

— Ты все еще надеешься, что Дженкинсу смягчат приговор? Не убирай фигуры, после доиграем.

Паркинсон и не думал продолжать игру. Ноги сами понесли его по коридору в направлении зала судебных заседаний. Когда они вошли, судья уже занял свое место. Через минуту два охранника привели обвиняемого.

С того момента, когда Дженкинс в приступе слепой ярости набросился с кулаками на сослуживца и при этом локтем зацепил рубильник — отключилась линия энергоснабжения всего сектора! — у него не было иллюзий относительно последствий, каковые повлечет за собой это тягчайшее из всех преступлений. Он был явно подавлен, хотя изо всех сил старался не подавать виду.

А вот Паркинсон не умел скрыть своего волнения. Он боялся встретиться с Дженкинсом взглядом. Ему даже представить было страшно, что сейчас творится у того на душе. Быть может, бедняга пытается всеми своими пятью чувствами воспринять напоследок прелесть этого уютного мира, с жадностью вдыхая ароматизированный воздух, наслаждаясь мягким, ласкающим глаз освещением? Быть может, ему хочется запомнить навсегда все блага и преимущества технократической цивилизации (ровная комнатная температура, чистейшая вода по первому требованию и так далее и тому подобное), предназначенные поддерживать прирученное человечество в состоянии эмоциональной спячки? Ведь на той планете...

Судья нажал на кнопку, и специальное устройство в компьютере произнесло официально-бесстрастным, но вполне человеческим голосом:

— Суд рассмотрел обстоятельства дела. На основании имеющихся прецедентов и в соответствии с законами данного региона Энтони Дженкинс признан виновным по всем пунктам обвинения и приговаривается к высшей мере наказания.

В зале находились только шестеро, но телевидение, разумеется, транслировало процесс для всего населения.

Теперь, используя предписанную терминологию, говорил уже сам судья:

— Осужденного доставят в космопорт, откуда он первым же транспортом будет отправлен в пожизненную ссылку.

Дженкинс вздрогнул, но не произнес ни слова.

Паркинсон содрогнулся. «Многие ли из нас, — подумал он, — сознают чудовищную несоразмерность этой кары по сравнению

с проступком Дженкинса? Когда же люди станут настолько человечны, чтобы отменить наказание ссылкой? Неужели кто-то из телезрителей способен сейчас без угрызений совести смотреть на несчастного, которому до конца своих дней суждено мыкаться на той планете среди странных, злобных существ и вдобавок в совершенно кошмарных условиях: ярко-синее, даже глазам больно, небо и ядовито-зеленая трава, днем невыносимая жара, ночью лютый холод, и бурные порывы пыльного ветра, и всегда беспокойный океан?.. И вечная тяжесть в ногах, руках, во всем теле, обусловленная силой притяжения! Нет, невозможно смириться с этим ужасным приговором, обрекшим одного из нас, какова бы ни была его вина, покинуть Луну, ставшую обжитым и уютным домом, и жить отныне в аду».

То есть на планете Земля.

ГЛУБОКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

— Для демонстрации все готово, — тихо, будто обращаясь преимущественно к самому себе, произнес Оскар Хардинг, когда ему сообщили по телефону, что генерал уже поднимается наверх.

Бен Файф — молодой сотрудник Хардинга — еще глубже засунул крепко сжатые кулаки в карманы лабораторного халата.

— Ничего у нас не выйдет! — сказал он. — Генерал все равно мнения не изменит.

Он искоса бросил взгляд на резкий профиль своего более пожилого товарища, на его провалившиеся щеки и заметно редющие волосы. Мало ли что Хардинг просто волшебник по части электронного оборудования! В данном случае он просто, видимо, не понимает, что за тип их генерал.

Хардинг мягко возразил:

— Ну разве можно что-нибудь утверждать заранее?

Генерал стукнул в дверь только раз, да и то лишь ради приличия. Вошел он быстро, даже не дождавшись приглашения. Двое солдат тут же заняли пост в коридоре, встав на часах по обе стороны двери, и, не моргая, уставились прямо перед собой, с винтовками наперевес.

Генерал Грюнвальд бросил: «Добрый день, профессор Хардинг!», небрежно кивнул в сторону Файфа, а затем в течение нескольких секунд вглядывался в третьего находившегося в комнате человека. То был мужчина с ничего не выражающим лицом, сидевший в некотором отдалении в кресле с высокой прямой спинкой, частично скрываясь за лабораторным оборудованием.

Отличительной чертой генерала была решительность — именно она определяла его походку, его осанку и его манеру разговаривать. Он весь состоял как бы из одних прямых линий и углов и во всем неуклонно придерживался этикета, принятого среди настоящих вояк.

— Не угодно ли присесть, генерал, — пробормотал Хардинг. — Я вам очень признателен. С вашей стороны так мило посетить нас. Я сам уже неоднократно пытался с вами встретиться. Прекрасно понимаю, что вы человек чрезвычайно занятой.

— Ну а поскольку я занят, — ответил генерал, — то давайте держаться ближе к делу.

— Я постараюсь быть как можно более кратким. Предполагаю, что вы знакомы с нашим проектом. Вам ведь известно о нейрофотоскопе?

— О вашем сверхсекретном проекте? Разумеется, мои помощники по науке стараются, насколько это в их силах, держать меня в курсе. Но я не буду возражать против некоторых дополнительных разъяснений. Что вам нужно?

От неожиданного вопроса Хардинг часто-часто заморгал. Потом выдохнул:

— Если коротко... то снятия грифа «секретно». Я хочу, чтобы весь мир узнал...

— А зачем вам надо, чтоб об этом узнали?

— Нейрофотоскопия, сэр, очень важная проблема и невероятно сложная. Я бы хотел, чтобы ученые всего мира могли над ней как следует поработать.

— Нет, нет и нет! Мы об этом уже несколько раз говорили. Открытие — наше, и им будем пользоваться только мы.

— Тогда, боюсь, оно останется незначительным. Разрешите мне объяснить все еще раз.

Генерал нетерпеливо взглянул на часы:

— Время будет потеряно совершенно впустую.

— У меня есть новые аргументы. Я хочу их вам продемонстрировать. Уж раз вы все равно здесь, генерал, то не сможете ли вы уделить нам еще чуточку времени и выслушать меня? Я постараюсь опустить все научные детали и напому лишь, что различные электрические потенциалы клеток головного мозга могут быть записаны в виде слабых и нерегулярных волновых колебаний.

— Энцефалограммы. Да, мне это известно. По-моему, ими занимаются уже больше сотни лет. И еще я знаю то, что вы с ними делаете.

— Э-э... да.— Хардинг стал еще серьезнее.— Излучения мозга несут заложенную в них информацию в очень компактной форме. Они одновременно дают нам целый комплекс сигналов из сотни миллиардов клеток. Я же открыл практический метод, который позволяет преобразовывать их в видимые цветные узоры.

— С помощью вашего нейрофотоскопа,— сказал генерал, указывая на аппарат.— Как видите, мне этот прибор знаком.

Ленточки за все кампании, в которых участвовал генерал, и ордена на его груди с точностью до миллиметра соответствовали предписаниям и правилам ношения наград.

— Совершенно верно. Этот прибор преобразует волны в красочные узоры, в изображения, которые заполняют собой пространство и быстро сменяют друг друга. Их можно фотографировать, и они очень красивы.

— Я видел фотографии,— холодно отозвался генерал.

— А приходилось ли вам видеть аппарат в действии?

— Раза два. Впрочем, вы сами тогда присутствовали.

— Ах да! — Профессор явно смутился, но тут же продолжил: — Зато вы не видели этого человека,— и Хардинг жестом указал на мужчину с остреньким подбородком, длинным носом, без малейшего намека на шевелюру и с каким-то странным отсутствующим выражением глаз, сидевшего в кресле.— Он наш новый подопытный.

— Кто такой? — спросил генерал.

— Мы зовем его просто Стивом. Он умственно отсталый, но дает самые яркие изображения из всех, какие нам когда-либо приходилось получать. Почему так, мы не знаем. Возможно, это как-то связано с его менталитетом.

— Вы что, намерены демонстрировать мне его возможности? — взорвался генерал.

— С вашего позволения, генерал.— Хардинг кивнул Файфу, который мгновенно приступил к делу.

Подопытный с обычным для него незаинтересованным видом наблюдал за действиями Файфа, апатично подчиняясь его распоряжениям. Легкий пластиковый шлем точно пришелся на

его бритый череп, а каждый из электродов весьма сложной конфигурации сам собой оказался на нужном месте. Файф старался работать спокойно и без ошибок, несмотря на нервность обстановки. Он до смерти боялся, что генерал вдруг взглянет на часы, встанет и уйдет. Наконец, тяжело дыша, Файф отступил в сторону.

— Приступать к активации, профессор Хардинг?

— Да. Начинайте!

Файф осторожно подсоединил контакты, и воздух над головой Стива тут же начал светиться, причем интенсивность свечения непрерывно возрастала. Появился разноцветный круг, в нем возникли другие; все они вращались, переплетались и расходились.

У Файфа откуда-то вдруг родилось ощущение острого беспокойства, но он тут же постарался подавить его. Это были эмоции подопытного — Стива, — лично же к Файфу они отношения не имели. Надо полагать, генерал ощутил нечто в том же роде, так как вдруг начал ерзать на своем стуле и пару раз громко кашлянул.

Хардинг возобновил объяснения:

— На самом деле картинки несут несколько не больше информации, чем волновые излучения мозга, записанные в виде графиков, но их легче анализировать. В какой-то степени тут можно провести аналогию с тем, что происходит, когда мы помещаем микроб под окуляр мощного микроскопа. Ничего принципиально нового мы не добавили, но то, что лежит на предметном стеклышке, становится легче изучать.

Нервное состояние Стива непрерывно усиливалось. Файф ощущал, что виной тому неприятное и нерасполагающее к доверию присутствие генерала. Хотя Стив и не изменил своей позы и не выказывал явных признаков страха, краски на узорах, порожденных его мозгом, становились все грубее, а сами круги сталкивались все чаще и все агрессивней.

Генерал поднял руку, будто хотел оттолкнуть от себя прочь мерцающие цветовые вспышки.

— Ну и что вы думаете обо всем этом, профессор?

— Со Стивом мы можем продвигаться вперед гораздо быстрее, чем раньше. Уже за те два года, что прошли с тех пор, как я изготовил первую модель этого прибора, мы узнали о работе

мозга больше, чем за предыдущие пятьдесят. Со Стивом и, возможно, с другими ему подобными, а также с помощью ученых всего мира...

— Мне доложили, что вы способны использовать эту штуковину для коммуникации с другими разумами,— резко оборвал его генерал.

— Коммуникация с разумами? — Хардинг задумался. — Вы имеете в виду телепатию? Ну, это уж слишком сильно сказано. Разумы, знаете ли, тоже разные бывают. Тончайшие особенно-сти вашего мышления отнюдь не сходны с моим или с образами мышления других людей. Грубые зрительные формы мозговой деятельности, весьма возможно, будут плохо контактировать между собой. Нам ведь и самим приходится переводить мысли в слова — очень примитивный способ коммуникации, но даже тут налаживание подлинного контакта между людьми весьма затруднено.

— Я вовсе не имею в виду телепатию! Я имею в виду эмоции! Если подопытный ощущает гнев, то и «принимающий» может испытать наведенное чувство гнева, не так ли?

— Что ж, в некотором смысле так.

Тут генерал разволновался.

— Эти штуки... ну, те, что перед нами... — генерал ткнул пальцем в сторону цветных изображений, которые сейчас крутились настолько бурно, что вряд ли были способны доставить хоть кому-нибудь удовольствие,— их ведь можно использовать для управления эмоциями! Соедини их с трансляцией по телевидению, и пожалуйста — налаживай манипулирование эмоциями населения целых стран! Так можем ли мы отдать такую грозную силу в не те руки?!

— Если это действительно такая сила, то рук, в которые ее можно было бы отдать, в принципе просто не существует.

Файф нахмурился. Опасная реплика. Время от времени Хардинг был склонен забывать, что времена демократии давно прошли.

Но генерал на слова Хардинга не обратил внимания. Он гнул свое:

— Я и понятия не имел, что вы в этом деле продвинулись так далеко. Не знал, что у вас появилось это... этот Стив. Вы полу-

чите еще таких же. А пока армия возьмет контроль над проектом на себя. Полностью!

— Постойте, генерал, потерпите еще десяток секунд! — Хардинг обернулся к Файфу. — Дай-ка Стиву его книжку, Бен.

Файф выполнил распоряжение с особым рвением. Томик оказался одной из тех красочных калейдоскопических книжек, где содержание передается с помощью цветных фотографий, которые медленно двигаются и сменяют друг друга, как только книжку раскрывают, — нечто вроде мультиков, но в твердой обложке. Стив заулыбался, жадно потянувшись к книге.

Почти в то же мгновение изменился и характер цветных узоров, плясавших вокруг пластикового шлема. Кружение замедлилось, краски стали мягче, а сами узоры внутри большой окружности заметно упорядочились.

Файф облегченно вздохнул и позволил себе расслабиться. По всему телу разошлось благодатное тепло.

Хардинг между тем говорил:

— Генерал, пусть возможность контролировать эмоции вас не тревожит. Наш прибор вряд ли способен на подобное. Конечно, есть люди, чьими эмоциями управлять легко, но нейрофотоскоп для этого вовсе не нужен. Такие люди реагируют на ключевые слова, на музыку, на мундиры и еще на многое другое, совершенно без участия мысли. Когда-то Гитлер полностью контролировал положение в Германии, вовсе не имея телевидения, а Наполеон — Францию без радио и без массовых тиражей газет. Так что наш «скоп» ничего нового в этом плане не дает.

— Не верю я этому, — пробормотал генерал, но все же на его лице возникло выражение задумчивости.

Стив между тем продолжал «вчитываться» в свою книжку, и рисунки над его головой почти застыли, образовав изящный узор, выполненный в теплых и нежных тонах.

В голосе Хардинга зазвучали настойчиво-увещательные нотки:

— Однако всегда найдутся лица, которые сопротивляются ортодоксальности и не могут маршировать в общих рядах; эти люди играют в обществе важнейшую роль. Они не подчинятся подобным цветным узорам — так же, как и любой другой форме силового давления. Так зачем же трепетать по поводу жалкого пугала контроля над эмоциями? Давайте вместо этого будем ви-

деть в нейрофотоскопе простой инструмент, с помощью которого мозговые функции человека могут быть подвергнуты глубокому изучению. Вот это-то и должно интересовать нас в первую очередь. Чтобы изучить человечество, надо сначала изучить человека, как когда-то справедливо заметил Александр Поп*; ну а что такое человек, как не мозг?

Генерал продолжал хранить молчание.

— Если бы мы сумели понять, как работает мозг, — говорил тем временем Хардинг, — и узнали бы наконец, что именно делает человека Человеком, мы смогли бы встать на путь понимания самих себя, а ведь нет у нас задачи более трудной... и более важной! Но разве под силу такое одиночке или даже отдельной лаборатории? Тем более в обстановке секретности и страха? Тут необходима кооперация ученых всего мира... Генерал, снимите гриф «секретно» с нашего проекта! Подарите идею всему человечеству!

Генерал медленно кивнул:

— Я думаю... в конце концов, возможно, вы и правы...

— Я тут набросал соответствующий документ... Если вы подпишете его и подтвердите верность подписи отпечатком большого пальца, если вы воспользуетесь двумя часовыми в качестве свидетелей, если обратитесь к Исполнительному Совету по закрытой линии связи и если...

Все так и произошло. Все было сделано именно так под изумленным взором Файфа.

Когда генерал удалился, нейрофотоскоп разобрали, а Стива увели в его помещение, Файфу наконец удалось преодолеть stu-пор удивления настолько, что он спросил:

— Как могло случиться, что генерал легко поддался уговорам, профессор Хардинг? Вы же вдалбливали ему свою точку зрения по меньшей мере в дюжине докладных, но это ничуть не помогло!

— Я никогда не излагал свою точку зрения ни в этом помещении, ни при работающем нейрофотоскопе, — отзывался Хардинг, — и у меня никогда не было столь мощного «передатчика», как Стив.

---

* Поп Александр (1688–1744) — английский поэт.

Есть немало людей, которые, как я говорил, способны противостоять контролю над эмоциями, хотя многие другие просто не в состоянии этого сделать. Тех, кто обладает склонностью к конформизму, очень легко уговорить присоединиться к точке зрения оппонента. Вот я и сделал ставку на то, что каждый человек, который свободно чувствует себя в мундире и привык жить по уставу, легко может быть поколеблен в своих взглядах, каким несокрушимым он бы себе ни представлялся.

— Вы хотите сказать... Стив...

— Разумеется. Я дал генералу возможность сначала ощутить беспокойство и острый дискомфорт, а затем ты вручил Стиву его калейдоскоп, благодаря чему атмосфера обрела чувство спокойствия и счастья. Ты ведь тоже испытал это?

— Да, конечно.

— Я предположил, что генерал не сможет противостоять этой радости бытия, которая так внезапно последовала за тревогой, и он таки не смог! В этот момент что бы ему ни показали, он все воспринял бы как прекрасное и разумное.

— Но он же очнется и свое решение изменит?

— Безусловно, так и произойдет, однако какое это будет иметь значение? Главные результаты, касающиеся нейрофотокопа, в эту самую минуту уже передаются по всему миру средствам массовой информации. Возможно, генералу и удастся запретить публикации в нашей стране, но уж никак не в других. Нет, ему придется сделать хорошую мину при плохой игре. Человечество сумеет наконец подвергнуть себя глубокому изучению!

Сроду не видел, чтоб Майрон Гинкнишк держал себя скромно и сдержанно.

Да и с чего бы ему скромничать? Майк — мы все зовем его просто Майк, хоть в глазах почтительно внимающего ему мира Гинкнишк крупный ученый и Нобелевский лауреат, — типичный продукт двадцать первого столетия. Следовательно, обладает, как многие из нас, немалой долей самоуверенности, хотя, без сомнения, имеет на нее известное право. Ему хорошо известно, чего стоят мир и человечество, и еще лучше — чего стоит он сам.

Родился доктор Гинкнишк первого января 2001 года, так что с абсолютной точностью является ровесником века. Я младше его на десять лет и на бесчисленное число лет дальше от двадцатого, не заслуживающего добрых воспоминаний, века.

Впрочем, иногда я вспоминаю об этом злополучном столетии. Подобно многим незрелым умам, имеющим склонность к причудам, в молодости я тоже обзавелся таковой. Я подцепил своего рода любопытство к ранней истории человечества, о которой так мало известно и так мало, охотно признаю, можно разузнать. Но я по природе своей любопытен.

Спас меня в те дни именно Майк.

— Не играй, — говаривал он, пялясь на девушек, проходивших мимо нас в деловых костюмах с короткими юбками, и по временам даже наклоняясь к ним поближе, чтоб оценить материал по достоинству. — Так вот, не играй, — говорил он, — с прошлым. Древняя история куда ни шло, бог уж с ней. Со средневековьем тоже. Но как только мы подходим к времени зарожде-

ния технологий, все. Забудь и сплюнь! С того момента и пошла сплошная скатология, иначе говоря, всякие пошлости и извращения. Ты — создание двадцать первого века, так будь же свободен! Дыши глубже чистым воздухом нашего столетия! И он сотворит для тебя чудеса. Взгляни, например, на то, что он сделал для той хорошенькой девушки слева от тебя.

Истинная правда. Ее манера глубоко дышать полной грудью выглядела совершенно восхитительно.

Ах, то были великие дни — дни, когда научная мысль пульсировала, когда мы оба были молоды, беззаботны и только ждали удобного случая, чтоб ухватить мир за хвост.

Майк не сомневался в том, что ему предстоит продвинуть науку до небывалых рубежей, и я чувствовал примерно то же самое. И такие мечты обуревали всех нас в те годы, когда этот славный век переживал свою молодость. Казалось, будто нас постоянно подгоняет некий голос, возглашавший: «Вперед! Вперед! Ни шагу назад!»

Лично я подхватил такое восприятие мира у Пола Деррика, калифорнийского мага и волшебника. Теперь его уже нет в живых, но в свое время это был великий человек, вполне достойный упоминания непосредственно после меня. Я числился среди его выпускников и, скажу откровенно, первое время мне приходилось нелегко. В колледже я самым тщательным образом выбирал курсы, на которых читали поменьше математики, но где было побольше девочек, что впоследствии привело к мастерскому овладению искусством вышивки мережкой, но к полному, не скрою, провалу в области точных наук.

Серьезно осмыслив положение вещей, я понял, что вышивка мережкой вряд ли поможет мне достичь сияющих вершин в технологиях двадцать первого века. Спрос на подобных специалистов был не то чтоб очень велик, и свойственная мне проницательность подсказала, что с моей мережкой лавров Нобелевского лауреата не видать. Поэтому я распрощался с девочками и стал посещать семинар Деррика. Поначалу я ровным счетом ничего не понимал, но зато изо всех сил старался задавать вопросы, позволявшие Деррику блеснуть особенно ярко, что вскоре доставило мне звание старосты семинара. Более того, именно мне довелось быть тем инструментом, который привел мэтра к величайшему из его открытий.

Он стоял и курил. Деррик слыл самым что ни на есть заядлым курильщиком, чем и гордился, принадлежа к числу тех, которые между двумя затяжками вынимают сигарету изо рта и любят ее. Курил он сигареты, предназначенные исключительно для мужского пользования, то есть те, на которых изображена обнаженная натура. По моему мнению, такие сигареты, как правило, предпочитают все крупные ученые.

— Попробуйте вообразить, — обращался он к студентам, читая знаменитый курс «Концепции технологий двадцать первого века», — как далеко мы продвинулись по пути прогресса по сравнению с мрачным средневековьем! Возьмем, к примеру, вопрос курения. По достигшим нас слухам, в том злополучном двадцатом веке сигареты считали источником различных заболеваний и загрязнения окружающей среды. Подробности, конечно, теперь неизвестны, да и никому, как я думаю, они не интересны, но имеющиеся сведения весьма убедительны. Тогда как в наши дни при курении высвобождаются воздухоочищающие ингредиенты, которые наполняют атмосферу приятным запахом и улучшают здоровье курильщика. В сущности, у сигарет есть только один недостаток.

Разумеется, нам он был прекрасно известен. Мне нередко доводилось видеть у Деррика на губе волдырь от ожога, и в тот день он тоже имелся, оказав значительное влияние на чистоту дикции.

Подобно многим аналитически настроенным ученым, Пол Деррик охотно уделял пытливые внимание проходящим мимо девушкам и в таких случаях порой запихивал в рот сигарету неправильным концом. От волнения он глубоко затягивался, и кончик ее вспыхивал. Прямо во рту.

В те дни я знал немало маститых ученых, которым приходилось прерывать интимную беседу с секретаршей отчаянным воплем боли, причиненной свеженьким ожогом полости рта или губы.

В данном случае я с мягким юмором заметил:

— Профессор Деррик, почему бы вам не удалить с сигареты горящий кончик прежде, чем поднести ее к губам?

В вопросе таилась бездна юмора, но, как припоминаю, рассмелся я один. Что, на мой взгляд, довольно странно, поскольку

ку представить сигарету без огонька просто смешно! Как же ее курить?

Но глаза Деррика неожиданно сузились.

— Почему бы и нет? Прошу внимания!

На глазах изумленной аудитории Деррик выхватил из рта сигарету, тщательно осмотрел ее — на изделиях его любимого сорта красовалось изображение девушки, выполненное в натуральных тонах, — и оторвал тлеющий кончик.

Зажав его двумя пальцами левой руки и снова воскликнув: «Прошу внимания!», он вложил сигарету обратно в рот. Дрожь пронизала нас, когда мы по положению женского силуэта заметили, что сигарета вставлена не тем концом. Деррик глубоко и резко затянулся и... Естественно, ничего не произошло.

— Сигарета неогнеопасна, — резюмировал ученый.

— Но ее нельзя зажечь, — снова вставил я.

— Вы полагаете? — переспросил он и шикарным жестом поднес тлевший кончик к сигарете.

Это было догадкой гения, ибо тлеющий кончик поджигал сигарету с наружной стороны в любом случае. К какому концу его ни поднеси. Мы затаили дыхание.

Деррик снова глубоко затянулся, огонек ожил, сигарета загорелась и тут же обожгла большой и указательный пальцы Деррика. С воплем он уронил ее, и вся аудитория разразилась искрометным смехом. Поскольку именно я дал повод к этой несчастной демонстрации, Деррик вышвырнул меня с семинара. Навсегда. Что было в высшей степени несправедливо, поскольку именно этот эпизод послужил косвенной причиной получения им Нобелевской премии, хоть никто из нас в то время этого еще не знал.

Видите ли, Пол Деррик совершенно не переносил насмешек над собственной персоной. Они доводили его до бешенства. И теперь он сосредоточил все силы недюжинного дарования на решении проблемы создания необжигающей сигареты. Чтобы добиться этого, он заставил мощный ум заниматься ею почти непрерывно, для чего свел количество вечеров, посвященных представительницам прекрасного пола, до пяти в неделю. Нечто неслыханное для ученого-физика, но Деррик, нужно отметить, всегда слыл суровым аскетом.

И менее чем через год проблема оказалась разрешена. Теперь, когда с нею покончено, задача может показаться очевидной, но в те дни научный мир был потрясен.

Суть проблемы состояла в том, чтоб отделить горящий кончик от самой сигареты и разработать путь безопасного обращения с ним. Долгие месяцы Деррик проводил эксперименты с кончикодержателями разных форм и размеров. Наконец его выбор пал на тонкую деревянную трубочку. Так как удержать на ней кончик сигареты оказалось довольно трудно, Деррик удалил табак и бумагу, как составляющие кончика, и заполнил его некоторыми химикатами, способными к самовозгоранию. Ими он покрыл свою деревянную трубочку и закрепил их на ней.

Затем неутомимый исследователь длительное время работал над первым вариантом кончикодержателя. Предполагалось, что он будет полый, чтобы, подав или перекрыв поток воздуха, поджечь химикатосодержащий кончик деревянной трубочки. Возникающее при этом пламя должно зажечь сигарету. Но версия кончикодержателя возродила первоначальную проблему во всей ее сложности. Что будет, если горящий кончикодержатель, который теперь можно назвать кончикоразжигателем, поднести к неправильному концу сигареты?

И здесь Деррика осеняет самая блестящая из его идей. Необходимо повысить температуру возгорания химического компонента кончикоразжигателя, слегка потеряв им о шершавую поверхность. Курильщику здесь ничего не грозит, даже если в процессе, например, запечатления отеческого поцелуя на губах студентки, вознамерившейся любой ценой получить наивысший балл, — нередкий случай в практике крупного ученого — указанный ученый муж потрет о шершавую поверхность не тем кончиком кончикодержателя. Ибо при этом ровно ничего не произойдет. Изобретенный прибор демонстрировал высшую степень надежности.

Блестящее открытие всколыхнуло весь мир. Кто сегодня, скажите на милость, выходит из дому без коробка кончикоразжигателей, которыми можно в любую минуту и совершенно безопасно воспользоваться? Проблема ожогов на губах или языке отныне навсегда исчезла. Это великое изобретение явилось серьезным соперником любому другому открытию, которое видел

наш великий век. Настолько СЕРьезным соперНИКом, что некоторые острословы предложили назвать кончикоразжигатель коротко и просто: СЕРНИК. Название оказалось удачным.

Деррик получил Нобелевскую премию по физике практически сразу, и мир науки встретил это событие аплодисментами. Я вернулся и попытался снова записаться на семинар Деррика, мотивируя свое решение тем, что, не будь меня, ему бы никогда не видать высокой награды. Он вновь вышвырнул меня, используя при этом недопустимую терминологию и пригрозив применить кончикоразжигатель к моему носу. Разумеется, после подобного события моей единственной целью стало получение Нобелевской премии. Я еще утру этому Деррику его собственный нос. Я, Джон Холмс, ему покажу, почем фунт лиха.

Но как? Как этого добиться?

Мне посчастливилось получить грант на поездку в Англию для изучения на месте одной малоизвестной разновидности ланкаширской мережки, но случилось это не раньше, чем я принял все возможное, чтоб оказаться в Кембридже с его знаменитым выводком красавиц и не менее знаменитым технологическим институтом под названием Чумли-Модли (произносится Чолмондлиэ-Мэгделен).

Девушки показали себя как пикантные, но отзывчивые создания, и мы провели вместе немало вечеров, с удовольствием прокладывая мережку. Значительная часть ученых мужей Кембриджа была поражена очевидной полезностью моих занятий, тем более что раньше им и в голову не приходило интересоваться подобным видом рукоделия. Некоторые из них даже пытались склонить меня научить их искусству прокладывания мережки, но я, следуя первому закону научной мотивации, гласящему: «Что мне это даст?», не поддался на уговоры.

Майк Гинкнишк, однако, наблюдая за мной со значительного расстояния, сумел быстро ухватить процесс движений моих пальцев при прокладывании мережки и присоединился ко мне.

— Это мой талант,— сказал он с милой нескромностью.— Природная ловкость рук.

«Этот-то человек мне и нужен!» — воскликнул я про себя, сразу сообразив, что именно такого масштаба личность помо-

жет получить Нобелевскую премию. Теперь оставалось лишь выбрать подходящее поле деятельности, которое бы снискало нам желанные лавры.

Примерно год объединенных усилий не принес ничего интересного, за исключением одной-двух знойных брюнеток, и в один досужий час я ему сказал:

— Не могу не отметить, Майк, экстраординарную ясность твоих глаз. Ты единственный человек на весь кампус, склера которого не имеет ни одного кровоизлияния.

— Ответ очень прост. Я никогда не смотрю микрофильмы. Сущее проклятие эти микрофильмы.

— В самом деле?

— Я разве тебе не рассказывал об этом?

На лице его появилось выражение искренней боли, и глубокая морщина прорезала ставшее печальным чело. Мне стало совершенно ясно, что я затронул вопрос, память о котором непереносима, но Майк продолжал:

— В один несчастный день мне пришлось смотреть микрофильм, для чего я, естественно, усталился в просмотровую щель. И пока пребывал в таком положении, позади меня прошла совершенно роскошная девушка — создание, которое, должен я уточнить, затем в течение двух лет подряд удерживало звание Мисс Любимица Преподавательского Составы, — а я ее не заметил! Потом мне об этом сообщил Танкред Хилл, гинеколог с кафедры медицины. Он пробыл с ней полных три ночи, мерзавец, объяснив при этом, что проводит полевые исследования. Фотографии, заснятые в качестве доказательства, долго служили предметом всеобщего обсуждения в Кембридже.

Рот Майка искривился в гримасе муки.

— С тех пор, — продолжал он низким, страдающим голосом, — я никогда не смотрю микрофильмов.

От силы охватившего меня вдохновения я чуть не упал в обморок.

— Майк, — сказал я, — разве нельзя изобрести более простой способ просмотра микрофильмов? Обрати внимание на тот факт, что фото пленки покрыты микроскопическим шрифтом. При чем этот шрифт имеет такую величину, чтобы было удобно чи-

тать текст. Что в свою очередь означает — мы должны либо наклониться над неподвижным экраном, либо уткнуться в просмотровую щель.

Но, — я едва дышал от волнения, — что, если материал на пленке увеличить до такой степени, чтобы разобрать невооруженным глазом? А затем сфотографировать этот увеличенный текст! Тогда мы сможем носить фотографии с собой, поглядывая на них в удобное для нас время. Понимаешь, Майк, если ты, например, рассматриваешь какую-нибудь из фотографий, а мимо проплывает интересный объект, то все, что от тебя требуется, это поднять на него глаза. Фотография не лишит тебя поля обзора в такой степени, как щиток проектора.

— Хммм, — задумчиво протянул Майк. Я почти видел, как его блестящий ум вникает в каждую грань проблемы. — Должен признать, подобный вариант действительно не создаст интерференции процессу изучения проплывающих объектов. К тому же, хоть данный аспект и менее важен, он поможет предотвратить случаи кровоизлияния в глазную склеру. Но подожди, все, что ты получишь в данном варианте, это пять-шесть сотен слов, которые ты прочтешь за один день. И что потом?

Следить за его безошибочным проникновением в самую суть вопроса было весьма поучительно. На минуту я растерялся. С этой точки зрения я не обдумывал предмет. Но обдумав, предложил:

— Может быть, придется изготовить целые серии мелких фотографий и затем склеить их в определенном порядке. Правда, в таком случае возникает проблема транспортировки.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим.

Ум Майка лихорадочно заработал.

Он откинулся на спинку стула, сомкнул веки, тут же внезапно выпрямился, открыл глаза и пронизывающим взором окинул оба конца коридора, желая убедиться, что ни одного интересного объекта в пределах видимости не имеется, и снова закрыл их.

— Нет сомнений, что вопрос увеличения размера страницы текста, как и вопрос фотографирования его, не представляет трудностей. Если взять один типичный микрофильм, увеличить его и заснять на фотопленку, то получившаяся в результате данного процесса серия фотографий покроет собой зону площадью...

При этих словах он достал логарифмическую линейку, визирная линия которой делила точно пополам изображение аппетитных округлостей женского силуэта (думаю, нет нужды говорить, что дизайн был разработан Майком самостоятельно), со скрупулезной точностью произвел необходимые вычисления и закончил свою мысль:

— Покроет собой зону площадью в сто пятьдесят квадратных футов, по меньшей мере. Нам придется ползать по листу фотобумаги размером десять футов на пятнадцать.

— Тут нет ничего невозможного,— промямлил я.

— Но недостойно крупного ученого. Разумеется, если он не намерен показать кое-какой фрагмент микрофильма студентке. Но даже в последнем случае, если она увлечется чтением данного фрагмента, такой подход все погубит.

Мы глубоко погрузились в решение проблемы. Разумеется, было ясно, что ее масштаб вполне адекватен Нобелевской премии. Микрофильмы действительно невелики, но таково их единственное достоинство. Эх, если б было возможно держать в руках сложенным лист фотобумаги размером десять на пятнадцать футов. Тогда вам не потребуется ни электронное, ни фотооборудование. Каждый из его фрагментов вы сможете изучать в любой, отдельно взятый момент времени, ходить с ним куда угодно, не будучи привязанным ни к какой аппаратуре. Все, что от вас требуется,— смотреть на лист.

Мысль оказалась очень волнующей. Технологический прорыв, обеспечивающий использование глазных мышц вместо дорогого оборудования, представлялся огромным. Майк сразу указал, что, бегая глазами из одного конца листа в другой, мы сможем развить эти мышцы. Отныне при встречах с особами прекрасного пола он не пропустит ни малейшей детали. Оставалось только выяснить, при каких условиях лист фотобумаги может стать транспортабельным и удобным в обращении.

Я записался на курс топологии, чтоб ознакомиться с техникой складывания предметов, и не раз вечер сменялся утром, заставая меня с подружкой за процессом складывания. Начав с противоположных концов листа бумаги, мы сходились все ближе и ближе, складывая его в соответствии с какой-либо чрезвычайно изощренной формулой, и оказывались лицом к лицу, покрасневшись от умственного и физического возбуждения. Про-

цесс складывания оказывался чрезвычайно волнующим, но называть его результаты удовлетворительными было нельзя.

Как я и намеревался, пришлось плотнее заняться математикой. Я даже подкатился к Прунелле Плаг, нашей скандальной заведующей прачечной, которая умела складывать простыни с апломбом и достоинством. Увы, безуспешно, свой секрет она мне не выдала.

Я, разумеется, сумел бы объяснить ей цель своих расспросов, но не хотелось посвящать эту женщину в подробности. В мои намерения не входило делиться Нобелевкой ни с кем. Знаменитая фраза великого лорда Клинкамора — «Я, видите ли, занимаюсь наукой не ради удовольствия» — набатом звучала в моих ушах.

И однажды утром мне показалось, что я близок к решению! О, это волнение великой минуты! Мне пришлось отправиться на поиски Майка, поскольку только его беспощадный аналитический ум мог бы указать слабые места моей идеи. И я нашел его! В номере одного из отелей, где Майк глубоко погрузился в работу с коллегой или, если выразаться языком науки, в работу над одной красоткой.

Я барабанил в дверь, пока он не открыл. Странно, но мне показалось, что он не шибко обрадовался. Майк сказал:

— Черт подери, Джек, нельзя же прерывать такие ответственные погружения в работу!

Преданность Майка науке поистине беспредельна.

— Подожди, выслушай, что я скажу. Мы пытались решить задачу в условиях двух измерений, так? А не следует ли нам подумать об одном измерении?

— О чем ты? Как это, одно измерение?

— А так. Берем фотографии и раскладываем их в линию!

— Эта линия будет длиной в сотню ярдов.

Он принялся наскоро набрасывать цифры прямо на животе коллеги, и мне пришлось наклониться как можно ниже, отслеживая, чтобы в вычисления не вкралось никакой случайной ошибки.

— Так и есть. Две сотни ярдов длиной. Как-то громоздко, тебе не кажется?

— Но нам же не придется ее складывать, — возразил я. — Потому что мы будем ее скручивать! Прикрепляешь один конец к

одному пластмассовому стержню, а другой — к другому. И скручиваешь их вместе!

— Великий Патрик! — Пораженный масштабом моей идеи Майк позволил себе некоторое богохульство. — Ты вроде как прав!

Но в тот же самый день нас постиг удар. Приглашенный профессор, прибыв из Калифорнии, привез к нам в университет плохие новости. Ходят слухи, рассказал он, что Паул Деррик работает над проблемой неэлектронного микрофильма. Сам он, этот профессор, не совсем понимал, о чем идет речь, но мы поняли прекрасно. И сердца наши опять заныли.

— Наверняка он прослышал о наших опытах, — предположил я. — Мы должны утереть ему нос.

О, как мы старались! Мы сами делали фотографии, сами склеивали их и прицепляли к палочкам. Работа нечеловеческой сложности и тонкости, она, безусловно, требовала искусства опытного художника, но мы поклялись обойтись без посторонних и обошлись.

Система работала, но Майк продолжал испытывать сомнения.

— Что-то я не уверен в ее практичности. Если нужно найти конкретное место на пленке, то приходится крутить ее, крутить и крутить. В одну сторону или в другую. Огромная нагрузка на лучезапястный сустав.

Но других путей не было. Я склонялся к публикации результатов, но Майк оставался неумолим.

— Надо посмотреть, что выдумал Деррик, — уперся он.

— Но если у него такая штука, то он получит приоритет.

Майк покачал головой.

— Если такая, то черт с ним. На Нобелевскую она не тянет. Чего-то тут не хватает. Научное предвидение говорит мне об этом.

И он с такой искренностью положил ладонь на вышитую на кармане его рубашки куколку, что я просто не мог спорить. Майк, в конце концов, прирожденный ученый. А прирожденные ученые нутром чувствуют, за что дают Нобелевскую премию, а за что не дают. Что, собственно, и делает их учеными.

Деррик действительно объявил о своем открытии, но в нем оказалось такое серьезнейшее упущение, что оно сразу стало ясно даже среднестатистическому студенту.

Неэлектронный микрофильм Деррика представлял собой в точности нашу двухмерную простыню и даже не складывался. Просто висел себе сверху вниз на большой стенке, рядом с которой стояла стремянка. Один из студентов семинара Деррика взбирался по этой стремянке и вслух читал то, что видел. С помощью микрофона, разумеется.

Конечно, каждый охал и ахал от того, что микрофильмы, оказывается, можно читать невооруженным глазом, но Майк, наблюдая за происходящим по телевидению, вдруг в восторге хлопнул себя по коленям.

— Идиот! — завопил он. — А если у человека акрофобия, что тогда?

Точно! Как только Майк завопил, мне сразу бросилось в глаза это огромное упущение. Системой Деррика не смогут воспользоваться люди с боязнью высоты!

Но я ухватил его за рукав и прошипел:

— Не суетись, Майк. Над Дерриком все станут потешаться, он рассвирепеет, а это опасно. Как только акрофобия вылезет наружу, Деррик почувствует себя униженным и бросится на нее всеми силами своего величественного разума и наверняка изобретет что-нибудь стоящее. За неделю или две. Мы должны опередить его.

Майк мигом пришел в себя.

— Ты чертовски прав, Джек, — сказал он. — Надо выметаться из города. На природе мы что-нибудь придумаем. А если еще прихватим с собой одну-двух девчонок, то наш мозг заработает в режиме гениальности. Действительно, помогло. Уже на следующее утро нас осенило, и мы вернулись к работе.

Помню, как я ходил взад и вперед, бормоча:

— Мы испробовали два измерения, потом испробовали одно, что же остается?

И тут мой взгляд невольно упал на остроумную вышивку на кармане рубашки Майка. Швы были прострочены так искусно, что все стратегические точки нагой женской фигуры оказались выпуклыми!

— Силы небесные! Мы же не пробовали три измерения!

Я побежал звать Майка. В этот раз я был совершенно уверен, что истина у меня в руках. Я едва мог дышать от волнения, ожидая, что он скажет. Майк молча смотрел на меня заблестевшими глазами.

— Мы сделали это, — сказал он просто.

Теперь, оглядываясь на пройденный путь, я начинаю думать, что никаких трудностей не было. Мы просто свалили все фотографии в кучу.

Эти кучи можно было сохранять самыми разнообразными способами. Например, их можно было скрепить металлическими скрепками. Или прошить нитками. Затем Майк придумал поместить всю кучу между двумя твердыми обложками, чтобы защитить каждую из фотографий от повреждений.

Не прошло и месяца, как мы опубликовались. Мир науки гудел, как пчелиный улей, и все знали, что следующая Нобелевская премия по физике наша.

Деррик, надо отдать ему справедливость, поздравил нас и сказал:

— Теперь каждый сможет читать без всякой электроники и невооруженным глазом. Благодаря устройству Холмса — Гинкнишка. Поздравляю этих двух грязных крыс с открытием.

Лучшая награда в науке сама Наука, разумеется.

Прибор Холмса — Гинкнишка теперь имеется в каждом доме. Популярность его так велика, что благодарное человечество называет его просто и любовно «книшка».

Правда, при этом выпало мое собственное имя, но у меня осталась Нобелевка и контракт на книгу воспоминаний о том, как мы сделали свое великое открытие. Аванс в четверть миллиона долларов уже выплачен.

Мне этого хватит. Ученые — простые парни, и если у них есть вдоволь славы, денежек и женщин, то больше они ничего и не попросят.

Вот так. Теперь у вас есть более-менее полное представление о писательской карьере, которая привела меня к моей сотой книге. Должен сказать, что другим результатом этой карьеры является полученная мной довольно серьезная форма вертиго.

Пока книга рождается на свет, она требует уймы трескотни на пишущей машинке и различных связанных с этим хлопот, но я все-таки еще на солнечной стороне. Мне нет пятидесяти.

И, откровенно говоря, у меня нет намерения останавливаться. Я работаю над огромной книгой о Шекспире, и над историей Византийской империи, и над книгой для подростков о сексе (честное слово!), и еще над многим-многом другим.

Собираюсь ли я написать свою двухсотую книгу? О, даже не знаю. Никто не вечен, знаете ли. Скажу одно — пока я жив, я не намерен бросить писать.

Чарльз Диккенс умер, работая над «Тайной Эдвина Друды», перо, выпав из его руки, оставило на странице скользкую вниз черту, голова писателя упала на рукопись, и, по-моему, это единственный уход из жизни, о котором должен мечтать писатель.

ВОДНЫЙ ГРОМ

Стивен Демерест смотрел на плотную небесную твердь. Смотрел долго и нашел ее голубизну мутной и омерзительной.

Машинально взглянув на солнце — позабыв, что здесь нет никаких затенителей, — он в панике зажмурил глаза. Но его не ослепило, перед глазами просто поплыли светящиеся круги. Даже солнце тут было размытое.

Ему невольно вспомнилась молитва Аякса из гомеровской «Илиады». Греки с троянцами сражались за тело Патрокла в тумане, и Аякс взмолился: «Зевс, наш владыка, избавь аргивян от ужасного мрака! Дневный свет возврати нам, дай нам видеть очами! И при свете губи нас, когда уже так восхотел ты!»*

«И при свете губи нас», — подумал Демерест.

Губи нас при ясном свете Луны, где небо прозрачное и черное, где ярко сияют звезды, где чистый вакуум не размывает очертаний, не то что в этой мутной голубизне.

Его передернуло. Не мысленно, а по-настоящему, физически — содрогнулось все его долговязое тело. Скоро он умрет. Он был уверен в этом. И умрет, кстати говоря, не под голубым сводом, а под черным — только чернота эта будет не та.

Словно услышав его мысли, к нему подошел перевозчик — коренастый, приземистый, с «ежиком» на голове — и спросил:

— Готовы к погружению во тьму, мистер Демерест?

Демерест кивнул. Он возвышался над перевозчиком, как, впрочем, над всеми землянами. Все они были коренастые и с легкостью передвигались короткими и низкими шажками. Де-

---

© Перевод И. Васильевой.

* Песнь 17, пер. Н. Гнедича.

мерест же был вынужден следить за каждым своим шагом, преодолевая ступнями воздушную преграду; даже неосязаемая цепь, привязывавшая его к земле, была тягучей и плотной.

— Я готов,— откликнулся он.

Сделав глубокий вдох, он снова, теперь уже сознательно, взглянул на утреннее солнце. Оно стояло низко над горизонтом, размытое пыльным воздухом, и Демерест знал, что не ослепнет. Он также знал, что вряд ли когда-нибудь еще увидит солнце.

Батискаф он увидел впервые в жизни. Несмотря ни на что, Демерест представлял его в виде продолговатого баллона со сферической гондолой внизу. Он упорно думал о грядущем погружении как о космическом полете, с тоннами топлива, выбрасываемого огненным шлейфом, и неправильной формы модулем, вытягивающим паучьи лапы перед посадкой на Луну.

Батискаф несколько не походил на образ, созданный воображением Демереста. Внутри, возможно, были и гондола, и баллон, но они скрывались под сплошным округлым корпусом.

— Меня зовут Яван,— представился перевозчик.— Омар Яван.

— Яван?

— Странная для вас фамилия? Я иранец по происхождению и землянин по убеждению. Там, внизу, не существует национальностей.— Он улыбнулся, и смуглую кожу оттенила ровная белизна зубов.— Если вы не против, тронемся через минутку. Вы мой единственный пассажир, поэтому я думал, что у вас с собой какой-то груз.

— Да,— сухо ответил Демерест.— По крайней мере на сто фунтов больше, чем я привык.

— Так вы с Луны? То-то мне ваша походка такой странной показалась! Вам тут, должно быть, не очень уютно.

— Не очень, но терпеть можно. Мы специально тренируемся.

— Что ж, добро пожаловать на борт.— Перевозчик посторонился, пропуская Демереста к сходням.— Я бы лично на Луну ни в жизнь не полетел.

— А туда, в Океанскую Впадину, спускались?

— Раз пятьдесят, не меньше. Но это другое дело.

Демерест зашел в гондолу. Там было тесно, но к тесноте ему не привыкать. И вообще, похоже на космический модуль, разве что более... плотный. Опять это слово. Здесь во всем явственно

ощущалось, что масса не имеет значения. Массу принимали как должное, с ней не приходилось бороться.

Батискаф еще не ушел под воду. Толстое стекло придавало голубому небу зеленоватый оттенок.

— Пристегиваться не обязательно,— сказал Яван.— Никаких перегрузок не будет. Пойдем вниз ровненько, как по маслу. Дорога займет не больше часа. Но курить нельзя.

— Я не курю,— сказал Демерест.

— Надеюсь, вы не страдаете клаустрофобией?

— У лунян клаустрофобии не бывает.

— Но у вас же кругом открытое...

— Только не в нашей пещере. Мы живем...— он замешкался, подыскивая слово,— в лунной впадине, на глубине сотни футов.

— Сотни футов! — Перевозчика, похоже, это позабавило, но он не улыбнулся.— Начинаем погружение.

Стены внутри гондолы были с углами, но часть стены за приборами выдавала ее изначальную сферичность. Приборы казались продолжением тела Явана; его глаза и руки порхали над ними легко, почти любовно.

— Все уже проверено,— сказал он,— но я люблю напоследок убедиться. Внизу, как-никак, тысяча атмосфер.

Палец коснулся кнопки, и круглый массивный люк наглухо закрылся, войдя скошенным краем в стенное отверстие.

— Чем больше давление, тем крепче его прижимает,— сообщил Яван.— Бросьте последний взгляд на солнышко, мистер Демерест.

Свет все еще проникал сквозь толстое стекло иллюминатора, только теперь он сделался зыбким: между ними и солнцем уже была вода.

— Последний взгляд? — переспросил Демерест.

Яван хихикнул:

— Ну, не совсем последний. Я имею в виду — до возвращения. Вы никогда еще не путешествовали в батискафе, верно?

— А что, многие путешествуют?

— Да нет, очень немногие,— сказал Яван.— Но вы не волнуйтесь. Это обыкновенный подводный шар. Правда, со времен первого батискафа многое изменилось и усовершенствовалось. У нас есть атомный двигатель, а до определенных пределов мож-

но идти и на водоструйном — но если свести к основным элементам, так это по-прежнему сферическая гондола под поплавком. И нас по-прежнему опускают с борта корабля, чтобы не расходовать зря энергию, которая необходима при погружении вся до капельки. Ну, готовы?

— Готов.

Трос, соединявший батискаф с кораблем, вспорхнул вверх, и подводный аппарат погрузился чуть ниже, потом еще ниже, по мере того как морская вода заполняла поплавок. Несколько мгновений, пойманный поверхностными течениями, батискаф покачался — и перестал, продолжая тихо спускаться в сгущающуюся зелень океана.

Яван расслабился.

— Джон Берген — начальник Океанской Впадины. Вы собираетесь с ним встретиться?

— Совершенно верно.

— Он хороший парень. И жена его там, вместе с ним.

— Вот как?

— Ну конечно. Там, внизу, есть и женщины. А всего на станции человек пятьдесят. Некоторые не вылезают оттуда месяцами.

Демерест коснулся пальцем тонкого, почти незаметного стыка люка со стеной. Потом взглянул на палец.

— Это масло?

— Силикон. Давление выжимает какую-то часть. Специально для... Да вы не волнуйтесь. Система управления автоматизирована и надежна. При первых же признаках неисправности — любой неисправности — балласт будет сброшен и мы поднимемся на поверхность.

— Вы хотите сказать, что с батискафами вообще не бывает несчастных случаев?

— А что с ними может случиться? — Перевозчик искоса глянул на пассажира. — Как только мы окажемся на глубине, недоступной для кашалотов, нам и вовсе ничего не будет угрожать.

— Кашалотов? — Тонкое лицо Демереста нахмурилось.

— Ну да. Они ныряют вниз на полмили. Если кашалот ударит в батискаф — стенки-то у поплавка не очень прочные... Да и не нужна им особая прочность. Камера открыта, и когда бензин, обеспечивающий плавучесть, сжимается, туда проникает морская вода.

Стало темно. Демерест не отрывал взгляда от иллюминатора. В гондоле был свет, но снаружи сгустилась тьма. Не такая, как в космосе, — тьма была густой и плотной.

— Давайте-ка без обиняков, мистер Яван, — резко сказал Демерест. — Ваш батискаф не оборудован для того, чтобы выдерживать атаку кашалотов. Думаю, с гигантскими кальмарами дело обстоит не лучше. Бывали подобные случаи или нет?

— Ну, дело в том, что...

— Только не заговаривайте мне зубы, ладно? Я спрашиваю из профессионального любопытства. Я главный инженер по технике безопасности в Луна-Сити, и я вас спрашиваю, какие меры предосторожности вы в силах принять против потенциальных столкновений с крупными животными?

Яван явно смутился.

— Да не было никаких столкновений, — пробормотал он.

— Но ведь они возможны? Пусть даже маловероятны, так ведь?

— Все возможно. Но кашалоты слишком умны, чтобы нападать на нас, а гигантские кальмары слишком робки.

— Они нас видят?

— Само собой. Мы же освещены.

— А прожекторы у вас есть?

— Мы уже прошли глубину, где водятся крупные животные, но прожекторы есть, и я их включу, если хотите.

В черном иллюминаторе внезапно вспыхнул снегопад — снегопад наоборот, падающий вверх. Мгла ожила, весь ее объем заполнили снежинки, и все они стремились кверху.

— Что это? — спросил Демерест.

— Да так, ничего особенного. Органическая материя. Мелкие организмы. Они плавают себе потихоньку и попадают в лучи прожектора. Мы снижаемся, поэтому чудится, будто они поднимаются вверх.

Демерест, вновь обретая чувство перспективы, поинтересовался:

— А мы не слишком быстро падаем?

— Да нет же. Я мог бы включить атомный двигатель, но зачем зря тратить энергию? К тому же я могу сбросить балласт — и сделаю это, только позже. А пока все нормально. Успокойтесь, мистер Демерест. Сейчас спустимся ниже, и снегопад станет жи-

же. Там, внизу, нет никаких эффектных форм жизни. Лишь маленькие морские чертенята и прочая нечисть, но они нас избегают.

— Сколько пассажиров вы можете взять зараз? — спросил Демерест.

— Бывало, что и четырех, но тогда в гондоле не повернуться. Можно еще соединить два батискафа и перевезти десятерых, хотя такой тандем получается жутко неуклюжим. На самом деле нам нужны поезда из гондол с более мощными атомниками — то есть атомными двигателями — и с большей плавучестью. Говорят, такие поезда проектируются. Правда, так говорят уже несколько лет.

— Стало быть, существуют планы широкомасштабного расширения Океанской Впадины?

— Конечно, а как же! Раз на континентальных шельфах есть города, почему бы им не быть и в океанских глубинах? По-моему, мистер Демерест, если человек в силах куда-то добраться, он туда доберется. И правильно сделает. Земля нам дана для заселения, и мы ее заселим. Все, что нам нужно, чтобы сделать глубоководье обитаемым, — это маневренные батискафы. Камеры-поплавки замедляют движение, делают конструкцию уязвимой и слишком сложной.

— Но они также спасают вас, разве нет? Если все двигатели вдруг разом выйдут из строя, бензин в камерах вынесет вас на поверхность. А что вы будете делать в случае аварии без поплавка?

— Ну, если на то пошло, абсолютно надежных конструкций не существует в природе. Невозможно предусмотреть все случайности, в том числе и фатальные.

— Кто бы спорил, — с горечью сказал Демерест.

Яван сразу посерьезнел. Тон его голоса изменился:

— Извините. Я не хотел вас задеть. Мне жаль, что у вас случилось такое.

— Да, — сказал Демерест.

Погибли пятнадцать мужчин и пять женщин. Одному из «мужчин» было четырнадцать лет. Погибли, как было установлено, по собственной оплошности. Что мог сказать после этого главный инженер, отвечающий за безопасность?

— Да, — сказал он.

Между спутниками повисла тишина, такая же густая и плотная, как сжатая давлением морская вода в иллюминаторе. Как могли все двадцать человек поддаться разом панике, смятению и депрессии? «Лунная хандра» — глупое название, конечно, — поражала людей в самое неподходящее время. Ее приближение не всегда можно было распознать, но когда она наваливалась, люди становились апатичными, а их реакции — замедленными.

Сколько падающих метеоритов удалось успешно отвести, погасить или захватить на лету? Сколько ущерба наносили лунотрясения и сколько разрушений удавалось предотвратить? Сколько человеческих оплошностей не приводило к фатальному исходу благодаря принятым мерам предосторожности? Сколько несчастных случаев *не произошло*?

Но за неслучившееся несчастье ты не отвечаешь. Двадцать жертв...

Яван сказал (сколько долгих минут спустя?):

— А вот и огни Океанской Впадины!

Демерест ничего не увидел. Он не знал, куда смотреть. Дважды до того где-то вдали в иллюминаторе мелькали люминесцентные существа, и, поскольку прожекторы опять были выключены, Демерест принимал их за огни подводной станции. А теперь он вообще ничего не видел.

— Вон там, внизу, — сказал, но не показал Яван, слишком занятый торможением и поворотом батискафа.

Демерест услышал отдаленные вздохи водных струй, выталкиваемых паром, который образовался от тепла моментальных выбросов атомной энергии.

В голове мелькнула смутная мысль: «Топливо у них — дейтерий, а его кругом предостаточно. Воды-то полным-полно, а стало быть, и тяжелого водорода тоже».

Яван сбросил также часть балласта, ведя при этом нечто вроде светской беседы:

— Балластом служила раньше стальная дробь, ее сбрасывали с помощью электромагнитов. При каждом погружении использовалось до пятидесяти тонн балласта. Служба охраны природы забеспокоилась, что дно океана покрывается ржавеющей сталью, поэтому мы перешли на минеральные конкреции, кото-

рые добываем из континентальных шельфов. Покрываем их тонким слоем железа, чтобы можно было сбросить электромагнитами, и в океане не остается никаких чужеродных элементов. Опять же дешевле... Но когда у нас будут настоящие атомные батискафы, нам балласт вообще не понадобится.

Демерест почти не слушал его. Станция была теперь как на ладони. Яван включил прожекторы, и далеко внизу показалось илистое дно пуэрто-риканской впадины. На дне, словно россыпь одинаково мутных жемчужин, покоились сферы станции Океанская Впадина.

Сферы походили на ту, в которой Демерест сейчас спускался, только были гораздо крупнее. Океанская Впадина все расширялась и расширялась — к россыпи то и дело добавлялись новые шары.

«Они всего в пяти с половиной милях от дома — это вам не четверть миллиона», — подумал Демерест.

— И как мы туда попадем? — спросил Демерест.

Стыковка уже произошла. Демерест слышал глухой стук металла о металл, но теперь тишину нарушала лишь сосредоточенная возня Явана с приборами.

— Не волнуйтесь, — отозвался наконец Яван. — Никаких проблем. Я просто проверяю, чтобы убедиться в точности стыковки. Там электромагнитное соединение, образующее правильную окружность. Если показания приборов в норме, значит, мы приклеились точнехонько ко входному люку.

— Который затем откроется?

— Он бы открылся, будь там воздух с той стороны. Но там морская вода, и ее нужно вытеснить. А потом — милости просим!

Демерест слушал, не пропуская ни слова. Он прибыл сюда в последний день своей жизни, дабы придать этой жизни смысл, и не собирался упускать ничего, даже самых мелких деталей.

— Зачем этот дополнительный этап? — спросил он. — Почему бы не сделать воздушный шлюз — настоящий шлюз, постоянно наполненный воздухом?

— Говорят, так безопаснее, — ответил Яван. — Это уже по вашей специальности. В соединительной камере давление с двух

сторон всегда одинаковое, за исключением того времени, когда по ней проходят люди. Этот шлюз — самое слабое звено в системе, потому что он открывается и закрывается; тут и стыки есть, и швы — понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю,— пробормотал Демерест.

Это слабое звено можно будет использовать как щель, через которую... Ладно, всему свое время.

— Чего мы ждем? — спросил он.

— Шлюз опустошается. Из него вытесняют воду.

— Воздухом?

— Да нет же, черт возьми! Они не могут себе позволить так разбазаривать воздух. Чтобы освободить камеру от воды, потребовалось бы не меньше тысячи атмосфер, а заполнять ее воздухом под таким давлением, даже временно,— это безумное расточительство. Шлюз осушают паром.

— Ну да. Конечно.

— Воду как следует разогревают,— оживленно продолжал Яван.— Никакое давление в мире не способно помешать воде превратиться в пар при температуре более трехсот семидесяти четырех градусов по Цельсию. А пар выталкивает воду через односторонний клапан.

— Еще одно слабое звено,— заметил Демерест.

— Наверное. Хотя до сих пор не было никаких накладок. Сейчас из шлюза вытесняют воду. Когда в клапане забулькают струи горячего пара, процесс автоматически прекратится, и шлюз окажется наполнен перегретым паром.

— А потом?

— А потом к нашим услугам целый океан для его охлаждения. Температура начнет падать, пар сконденсируется. В камеру накачают обыкновенный воздух с давлением в одну атмосферу, и тогда люк откроется.

— Долго нам еще ждать?

— Недолго. Если что-то случится, мы услышим вой сирен. По крайней мере, так нас учили. Я их ни разу не слышал.

Несколько минут они сидели в тишине, а затем раздался громовой удар и батискаф тряхнуло.

— Простите, забыл вас предупредить,— сказал Яван.— Для меня это так привычно, что просто вылетело из головы. Когда

люк открывается, давление в тысячу атмосфер с другой стороны резко прижимает батискаф к блоку Океанской Впадины. Никакие электромагниты не в состоянии предотвратить этот последний сдвиг на сотую долю дюйма.

Демерест разжал кулаки и перевел дух.

— Все в порядке? — спросил он.

— Стены не треснули, если вы это имеете в виду. А грохочет как настоящий гром, верно? Кстати, когда я отчалю и шлюз начнет по новой наполняться водой, грохот будет еще сильнее. Так что не пугайтесь.

Но Демересту внезапно все надоело. «Скорей бы покончить с этим, — подумал он. — Сколько можно резину тянуть?»

— Ну теперь-то мы идем наконец?

— Идем.

Отверстие люка было круглое и маленькое — меньше того, через которое они входили на борт. Яван скользнул в него, извиваясь и бормоча, что чувствует себя как пробка в бутылке.

Демерест ни разу не улыбнулся с начала путешествия. Он и теперь не улыбнулся по-настоящему, только дернул уголок рта при мысли о том, что для тощего лунянина это не проблема.

Он пролез в люк и почувствовал, как его подхватили за пояс крепкие руки Явана.

— Здесь темно, — предупредил перевозчик. — Нет смысла дырявить корпус для проводки. На то и существуют фонари.

Демерест обнаружил, что стоит на перфорированном полу, тускло отблескивающим металлом. Сквозь дырочки угадывалась зыбкая поверхность воды.

— Камеру не осушили, — сказал он.

— Все сделано в лучшем виде, мистер Демерест. Раз воду вытесняют паром, ясно, что он остается в камере. А чтобы давление было достаточным для вытеснения, пар сжимают примерно до трети плотности воды. Когда он конденсируется, шлюз на треть заполняется водой — но это вода с давлением всего в одну атмосферу... Пойдемте, мистер Демерест.

Лицо Джона Бергена было знакомо Демересту. Он узнал его сразу. Берген, вот уже почти десятилетие возглавлявший Океанскую Впадину, часто мелькал на телеэкранах Земли — точно так же, как и лидеры Луна-Сити.

Демерест видел начальника станции в плоском изображении и объемном, в черно-белом и цветном. Оригинал мало чем от него отличался.

Подобно Явану, Берген был низкорослым и коренастым — то есть полной противоположностью традиционным (уже традиционным?) лунным стандартам. Значительно светлее Явана, лицо асимметричное, толстый нос слегка свернут вправо.

Не красавец. Ни один лунянин не назвал бы его красивым — но тут лицо Бергена озарилось лучезарной улыбкой, и он протянул большую ладонь.

Демерест вложил в нее свою, тонкую и хрупкую, напрягаясь в ожидании крепкого пожатия. Однако его не последовало. Берген взял его руку и выпустил, а затем сказал:

— Рад вас видеть. Мы не в силах устроить вам роскошный прием. Мы не можем даже объявить выходной в вашу честь, но все равно ваше прибытие для нас праздник. Добро пожаловать.

— Спасибо, — тихо проронил Демерест. Он и теперь не улыбнулся. Он стоял лицом к лицу с врагом и знал это. Берген тоже не мог этого не знать, а потому его улыбка была сплошным притворством.

И вдруг оглушительный металлический лязг потряс помещение. Демерест отпрыгнул назад и прислонился к стене.

Берген не шелохнулся.

— Это батискаф отчалил, и шлюз залило водой, — спокойно проговорил он. — Яван должен был вас предупредить.

Демерест тяжело дышал, силясь унять бешеное сердцебиение.

— Он предупредил. Но я все равно попался.

— В ближайшем будущем таких сюрпризов больше не предвидится. Гости у нас бывают редко. Мы плохо оснащены для приемов, поэтому, как правило, не пускаем к себе всяких сановников, которые считают, что путешествие в глубь океана будет способствовать их карьере. Я говорю в основном о политиках разных мастей. Вы — другое дело, разумеется.

«Ой ли?» — подумал Демерест. Получить разрешение на спуск сюда было достаточно сложно. Сначала пришлось убеждать начальство в Луна-Сити, которое не одобряло его идею и сомневалось, что обмен дипломатическими визитами принесет хоть

какие-то плоды. («Дипломатический визит» — так они это называли!) А когда он их уговорил, Океанская Впадина отнюдь не спешила с разрешением.

Нынешний визит состоялся исключительно благодаря его личной настойчивости. Так почему же он — другое дело?

— Полагаю, у вас в Луна-Сити те же самые проблемы, — сказал Берген.

— Не совсем, — ответил Демерест. — Путешествие длиной в полмиллиона миль не так привлекает политиков, как десяти-мильный спуск и подъем.

— Это верно, — согласился Берген. — К тому же круиз на Луну куда дороже... Кстати говоря, сегодня у нас первая встреча представителей внешнего и внутреннего миров. Ни один океанский житель еще не бывал на Луне, насколько мне известно, а вы — первый лунянин, посетивший глубоководную станцию. Луняне даже в поселениях на шельфах никогда не бывали.

— Значит, нашу встречу можно назвать исторической, — сказал Демерест, стараясь убрать из голоса иронию.

Если она и просочилась, то Берген не подал виду. Он закатал рукава, словно стремясь подчеркнуть свое неформальное отношение (или же тот факт, что он очень занят, а потому не сможет уделить гостю много времени?), и спросил:

— Кофе хотите? Как я понимаю, вы уже позавтракали. Может, отдохнете немного перед экскурсией? Или хотите освежиться — так, по-моему, деликатные хозяева предлагают гостю посетить туалет?

Демереста разобрало любопытство, и совсем не праздное. Все, что касалось взаимодействия Океанской Впадины с внешним миром, могло оказаться важным.

— И как у вас действуют санитарно-гигиенические устройства?

— В основном в виде замкнутого цикла, как и на Луне, наверное. Но мы можем выбрасывать отходы, если захотим или если понадобится. Люди, конечно, порядком загадили окружающую среду, но отходы единственной глубоководной станции вряд ли загрязнили бы океан. Добавили бы в него немного органики, вот и все, — рассмеялся Берген.

Демерест взял это на заметку. Раз отходы можно сбрасывать в океан, значит, существуют трубы для выброса. Их устройство

может оказаться интересным, и он, как инженер по технике безопасности, имеет законное право проявить интерес.

— Нет,— сказал он.— Сейчас мне ничего не нужно. Если вы заняты...

— Не беспокойтесь. Мы все время заняты, но я занят меньше всех. Я покажу вам наши апартаменты. У нас тут больше полусотни сфер, размерами не уступающих этой, а то и превосходящих ее...

Демерест окинул взглядом помещение. Как и в батискафе, здесь были углы, но за мебелью и оборудованием проглядывали признаки неизбежной сферичности внешней стены. Пятьдесят штук!

— ...созданных,— продолжал Берген,— усилиями не одного поколения. Блок, в котором мы находимся, самый старый из всех. Поговаривают о том, что пора его демонтировать и заменить. Кое-кто считает, что мы уже готовы к производству блоков второго поколения, но я не уверен. Это дорого — здесь, на дне, все дорого,— а выбивать деньги из Всемирного совета по проектам — занятие крайне утомительное.

У Демереста непроизвольно раздулись ноздри, и вспышка ярости обьяла все его существо. Это был удар ниже пояса. Берген не мог не знать, какие жалкие крохи выделяет ВСП для Луна-Сити!

Но Берген все говорил и говорил, ничего не замечая:

— А кроме того, я поклонник традиций. Это первый созданный людьми глубоководный дом. В нем впервые на океанском дне заночевали двое человек. Они спали здесь без всяких удобств, оснащенные всего лишь переносным атомным блоком питания для аварийного шлюза — я имею в виду воздушный шлюз, но тогда его называли аварийным — и парочкой приборов. Их звали Регера и Тремонт. Ни один из них больше не спускался на дно; всю оставшуюся жизнь оба проработали на суше. Что ж, они сделали свое дело, и сейчас их уже нет в живых. Зато теперь здесь работают пятьдесят человек, несущих вахту как минимум полгода. Я, например, за последние полтора года провел на суше всего пару недель.

Энергично махнув гостю рукой и приглашая следовать за ним, Берген открыл дверь, плавно скользящую в полость стены, и

повел его в следующий блок. Демерест задержался у двери, чтобы обследовать вход. Между смежными блоками не было видно ни единого шва.

Берген заметил его любопытство и пояснил:

— Когда мы пристраиваем новый блок, металл сваривают под давлением, превращая практически в единое целое с предыдущим блоком, а потом еще и упрочняют. Мы не имеем права рисковать — впрочем, вам это вполне понятно, поскольку вы, как мне сказали, главный инженер по технике безо...

— Да, — оборвал его Демерест. — Мы, луняне, восхищаемся вашей статистикой несчастных случаев — вернее, отсутствием таковых.

— Нам везет пока, — пожал плечами Берген. — Кстати, примите мои соболезнования по поводу гибели ваших товарищей. Я имею в виду тот несчастный...

— Да, я понял, — снова прервал его Демерест.

Либо этот Берген болтлив по натуре, решил лунянин, либо он решил заговорить гостя до полусмерти, чтобы поскорее избавиться от него.

— Блоки образуют сильно разветвленную цепочку, — не унился Берген. — Трехмерную цепочку. У нас есть карта — могу вам показать, если интересно. Большинство конечных блоков приспособлены под жилые помещения и спальни. Чтобы люди могли уединиться, понимаете? Рабочие блоки все проходные — это одно из неудобств, с которыми приходится мириться, живя на океанском дне.

Вот тут у нас библиотека. Вернее, часть ее. Она невелика, но здесь хранятся все наши архивы, записанные на компьютерную пленку, так что в этом смысле наша библиотека не только самая большая в мире, но также лучшая и единственная. А еще у нас есть отдельный компьютер, обрабатывающий специальную литературу. Он ее собирает, отбирает, сортирует, оценивает и выдает нам самую суть.

Есть у нас и другая библиотека, с микрофильмами и даже печатными книгами. Но это уже для развлечения.

В оживленный словесный поток вклинился чей-то голос:

— Джон! Я вам не помешаю?

Демерест вздрогнул. Голос раздался у него за спиной.

— Аннет! — воскликнул Берген. — Я как раз направлялся к тебе. Это Стивен Демерест из Луна-Сити. Мистер Демерест, позвольте вам представить мою жену Аннет.

Демерест повернулся, машинально сказал:

— Рад познакомиться, миссис Берген.

И уставился на ее талию.

Аннет Берген было на вид слегка за тридцать. Темные волосы, простая прическа, никакой косметики. Привлекательная, но не красавица, отметил про себя Демерест. А взгляд против его воли возвращался к талии.

— Да, я беременна, мистер Демерест, — сказала она, легонько пожав плечами. — Через пару месяцев буду рожать.

— Простите, — пробормотал Демерест. — Я не хотел быть невежливым... Я не...

Он растерянно умолк, словно удар был нанесен ему по-настоящему, под дых. Он не ожидал встретить здесь женщину, хотя и не мог объяснить почему. Он знал, что в Океанской Впадине есть женщины. И перевозчик тоже упоминал о том, что жена Бергена работает вместе с ним.

— Сколько у вас на станции женщин, мистер Берген? — запынаясь, спросил Демерест.

— Сейчас девять, — ответил Берген. — Все жены. Мы надеемся, что придет такое время, когда соотношение будет нормальным, то есть один к одному, но пока что нам в первую очередь требуются рабочие и исследователи, и если у женщины нет какой-нибудь нужной специальности...

— У них у всех есть какая-нибудь нужная специальность, дорогой, — перебила его миссис Берген. — И мужчины бы работали тут гораздо дольше, если бы ты...

— Моя жена, — со смехом прервал ее Берген, — убежденная феминистка. Но она не считает зазорным пользоваться привилегиями своего пола, чтобы добиться равноправия. Я все твержу ей, что это не феминистский, а чисто женский способ, на что она отвечает: «Потому-то я и беременна». Вы думаете, это любовь, или сексуальная мания, или жажда материнства? Ничего подобного! Она собирается родить ребенка здесь, внизу, исключительно из философских соображений.

— А почему бы и нет? — холодно сказала Аннет. — Океан либо станет для человечества домом, либо не станет. А если ста-

нет, то здесь будут рождаться дети, вот и все. Я хочу родить ребенка в Океанской Впадине. Ведь в Луна-Сити рождаются дети, правда, мистер Демерест?

Демерест глубоко вздохнул:

— Я сам родился в Луна-Сити, миссис Берген.

— И ей это прекрасно известно,— пробормотал Берген.

— А сейчас вам уже где-то под тридцать? — спросила Аннет.

— Мне двадцать девять,— ответил Демерест.

— И это ей прекрасно известно тоже,— сказал Берген с коротким смешком.— Могу поспорить, что она разузнала о вас всю подноготную, как только услышала о вашем визите.

— Это к делу не относится,— заявила Аннет.— К делу относится то, что как минимум двадцать девять лет в Луна-Сити рождаются дети, а в Океанской Впадине не было еще ни одного ребенка.

— Луна-Сити, дорогая моя, основан гораздо раньше,— сказал Берген.— Лунной колонии уже полвека, а нашей нет еще и двадцати лет.

— Двадцати лет вполне достаточно. Чтобы выносить ребенка, нужно всего девять месяцев.

— А сейчас на станции есть дети? — поинтересовался Демерест.

— Нет,— ответил Берген.— Нет. Но когда-нибудь обязательно будут.

— Через два месяца,— безапелляционно заявила Аннет.

Внутреннее напряжение в душе у Демереста все нарастало, и когда они втроем вернулись в первый блок, он с облегчением сел и взял чашечку кофе.

— Скоро пообедаем,— сообщил Берген.— Надеюсь, вы согласны посидеть пока что здесь. Первый блок не так уж часто используется для работы — разве что для приема батискафов, но сейчас мы никого не ждем. Можем поговорить, если хотите.

— Очень даже хочу,— отозвался Демерест.

— Надеюсь, я тоже приглашена принять участие в беседе? — осведомилась Аннет.

Демерест взглянул на нее с сомнением, но Берген сказал:

— Вам придется согласиться. Вы ее очень интересуете — вы и луняне вообще. По ее мнению, они... э-э... то есть *вы* пред-

ставляете собой новую породу людей, и, я думаю, когда ей надоест быть океанской жительницей, она захочет стать лунянкой.

— Ты не даешь мне слова вставить, Джон. Но если позволишь, я бы все-таки хотела услышать мнение мистера Демереста. Что вы о нас думаете, мистер Демерест?

— Я попросил о встрече, миссис Берген,— осторожно сказал Демерест,— потому что я инженер по технике безопасности. В этом смысле у Океанской Впадины завидная статистика...

— Ни одного смертельного исхода за без малого двадцать лет,— весело подхватил Берген.— Всего одна жертва несчастного случая в поселениях на шельфах — и ни одной во время перевозок, будь то на подводных лодках или батискафах. Хотел бы я приписать это нашей мудрости и умению. Мы, конечно, делаем все, что в наших силах, но главным образом нам просто везет.

— Джон! — не выдержала Аннет.— Дай, пожалуйста, сказать мистеру Демересту.

— Как инженер по технике безопасности,— сказал Демерест,— я не могу себе позволить полагаться на везение и удачу. Мы не в состоянии предотвратить лунотрясения или падения на Луну больших метеоритов, но мы обязаны принять меры, чтобы ущерб от них был минимальным. Нет никаких оправданий — да их и не может быть! — человеческим жертвам. Нам в Луна-Сити не удалось без них обойтись; наша статистика в последнее время,— голос у него упал,— очень печальна. Поскольку люди, как известно, несовершенны, необходимо обеспечить их техникой, которая компенсировала бы это несовершенство. Мы потеряли двадцать человек...

— Я знаю. Но население Луна-Сити приближается к тысяче, не так ли? Ваше выживание пока не находится под угрозой.

— Население Луна-Сити сейчас девятьсот семьдесят два человека, считая вместе со мной, но наше выживание тем не менее под угрозой. Мы зависим от Земли буквально во всем, включая предметы первой необходимости. Так не должно продолжаться, и положение можно было бы изменить, если бы Всемирный совет по проектам не погряз в мелочной экономии.

— Тут я с вами полностью согласен, мистер Демерест,— сказал Берген.— Мы тоже зависим от суши, хотя могли бы перейти на самообеспечение. Хуже того: мы не можем расширять стан-

цию, пока не построим атомные батискафы. Эти поплавки нас жутко ограничивают. Сообщение между нами и сушей крайне неудовлетворительно; на перевозку людей, а тем более материалов и оборудования уходит уйма времени. Я попытался выбить из совета...

— Да, и вы скоро получите дополнительные средства, мистер Берген.

— Я надеюсь, но почему вы так уверены?

— Мистер Берген, давайте не будем ходить вокруг да около. Вы прекрасно знаете, что Земля выделяет фиксированную сумму на проекты экспансии — то есть программы по расширению среды обитания человека, — и эта сумма не так уж велика. Население Земли не очень-то щедро расходует свои ресурсы на освоение внешнего или внутреннего пространства, особенно если при этом приходится поступиться комфортом и удобствами первичной среды обитания, то есть земной суши.

— Вы так говорите, будто земляне какие-то жуткие эгоисты, мистер Демерест, — вмешалась Аннет. — Но это несправедливо. Человеку свойственно заботиться о собственной безопасности. Земля перенаселена, и она с трудом оправляется от ран, нанесенных планете в «безумные двадцатые». Естественно, что интересы земной суши должны учитываться прежде всего, прежде интересов Луна-Сити и Океанской Впадины. Бог ты мой, да эта станция для меня все равно что дом родной, но я не хотела бы ее процветания за счет земной суши!

— Вопрос не стоит «или — или», миссис Берген, — убежденно проговорил Демерест. — Если океанское и космическое пространства будут осваиваться с умом, настойчиво и целеустремленно, это пойдет на благо в первую очередь самой Земле. Мелкие инвестиции ничего не дадут, но крупные могли бы вернуться сторицей.

Берген поднял руку:

— Да, я согласен. Вам нет нужды меня в этом убеждать. Вы пытаетесь обратить обращенного. Давайте-ка лучше сделаем перерыв на обед. Вот что я вам скажу: мы пообедаем здесь, а если вы останетесь на ночь или на несколько дней — милости просим! — у вас хватит времени, чтобы познакомиться и поговорить с остальными. А сейчас пора расслабиться и отдохнуть.

— Я не против,— сказал Демерест.— Я с удовольствием останусь... Между прочим, я все хочу спросить: почему в блоках так мало народу?

— Это не секрет,— просто ответил Берген.— Человек пятнадцать сейчас спят и еще примерно столько же смотрят фильмы, или играют в шахматы, или, если они здесь с женами...

— Джон! — сказала Аннет.

— ...то их не принято беспокоить. Жилых помещений у нас мало, так что уединение, насколько оно возможно, дело святое. Несколько человек в океане — трое, по-моему. То есть работающих осталось около дюжины, и вы всех их видели.

— Я принесу обед,— сказала Аннет, вставая.

Она улыбнулась и шагнула за дверь, которая автоматически за ней закрылась.

Берген посмотрел ей вслед:

— Это уступка. Она разыгрывает из себя хозяйку в вашу честь. Иначе за обедом наверняка бы отправился я. Выбор определяется не полом, а чистой случайностью — сегодня ты, завтра я.

— Двери между блоками кажутся мне не очень надежными,— сказал Демерест.

— Вот как?

— Если случится авария и один из блоков будет пробит...

— У нас тут нет метеоритов,— улыбнулся Берген.

— Да, я неправильно выразился. Но если где-то вдруг начнется течь, не важно по какой причине, сможете ли вы изолировать блок или группу блоков так, чтобы они выдержали давление океана?

— Вы имеете в виду — так, как делают у вас в Луна-Сити, когда в случае попадания метеорита пробитый отсек автоматически блокируется, чтобы не пострадали остальные?

— Да,— подтвердил Демерест с еле уловимой горечью.— И что *не было* сделано во время давешней аварии.

— Теоретически это возможно, но вообще-то здесь довольно безопасно. Как я уже говорил, метеоритов у нас нет, как нет и каких-либо сильных подводных течений. Даже землетрясение с эпицентром прямо под нами не может повредить станции, поскольку у нее нет прочного контакта с донной поверхностью. Вода амортизирует удары. Поэтому мы имеем полное право надеяться, что сильные потрясения нам не грозят.

— А если все-таки?

— Тогда мы окажемся беспомощны. Видите ли, здесь не так-то просто заблокировать отдельные сферы или часть конгломерата. На Луне разница давлений составляет всего одну атмосферу: одна атмосфера внутри и нуль снаружи. Тонкой перегородки вполне достаточно. Здесь же, в Океанской Впадине, разница давлений около тысячи атмосфер. Чтобы обеспечить абсолютную надежность при такой разнице, нужно очень много денег, а вы сами знаете, что значит выбивать финансы из ВСП. Поэтому мы рискуем — и пока что нам везет.

— В отличие от нас, — заметил Демерест.

Берген явно смутился, но тут их обоих отвлекла Аннет, появившаяся с обедом.

— Надеюсь, мистер Демерест, — сказала она, — что вы привыкли к спартанскому рациону. Всю еду мы получаем в упаковках, ее остается только разогреть. Наш девиз — простота и отсутствие изысков, так что в сегодняшнем меню цыпленка с морковью и вареной картошкой, а также нечто вроде шоколадных пирожных на десерт. Зато кофе можете пить сколько угодно.

Демерест встал, чтобы взять свой поднос, и попытался улыбнуться.

— Очень похоже на лунное меню, миссис Берген, а я на нем вырос. Мы производим и свою собственную микроорганическую пищу. Есть ее патриотично, но не очень приятно. Впрочем, мы надеемся со временем улучшить качество.

— Я уверена, что вам это удастся.

Демерест, медленно и тщательно пережевывая пищу, продолжал:

— Простите, что опять возвращаюсь к работе, но мне хотелось бы узнать, насколько надежно устройство вашего шлюза.

— Это и впрямь самое слабое место в Океанской Впадине, — сказал Берген. Он уже покончил с едой, значительно опередив остальных, и наполовину осушил первую чашку кофе. — Но без него, увы, не обойтись. Шлюз автоматизирован, насколько это возможно, и довольно надежен. Во-первых, атомные генераторы не начнут нагревать в нем воду, пока не будет электромагнитного контакта вдоль всей окружности внешней стенки люка. Больше того — контакт должен быть металлическим, а металл должен обладать в точности такой же магнитной про-

нищаемостью, как у батискафов. Если какой-либо камень или мифическое глубоководное чудовище свалится на дно и случайно прижмется как раз к месту стыковки, то ничего не произойдет.

А во-вторых, внешний люк не откроется, пока пар не вытеснит воду и не сконденсируется, то есть пока и давление, и температура не упадут ниже определенного уровня. Когда внешний люк начнет открываться, малейшее повышение внутреннего давления, вызванное притоком воды, тут же закроет его.

— Но потом, когда люди пройдут через шлюз, — заметил Демерест, — внутренний люк за ними закроется, и в камеру шлюза вновь хлынет вода. Вы можете впускать ее постепенно, несмотря на давление океана снаружи?

— Не совсем, — улыбнулся Берген. — С океаном не стоит сражаться слишком упорно. Перед его напором все равно не устоять. Мы снижаем скорость потока примерно до одной десятой, и тем не менее вода врывается как выстрел — вернее, как удар грома, или водного грома, если хотите. Внутренний люк способен выдержать напор, к тому же ему приходится это делать не так уж часто. Погодите-ка: вы же слышали водный гром, когда Яван отчалил. Помните?

— Помню, — сказал Демерест. — Но я все равно не совсем понимаю. Вы держите шлюз наполненным водой с высоким давлением, чтобы не подвергать напряжению внешний люк. Но из-за этого под напряжением постоянно находится внутренний люк.

— Да, конечно. Однако, если внешний люк сдаст под напором разницы давлений в тысячу атмосфер, в шлюз устремится весь океан с его миллионами кубических миль воды, и нам придет конец. Но поскольку под напряжением мы держим внутренний люк, то даже если он не выдержит, в блоки станции попадет только та вода, что находится в шлюзе, а так как ее количество ограничено, давление тут же упадет. У нас будет достаточно времени для ремонта, потому что внешний люк продержится довольно долго.

— А если оба не выдержат одновременно?

— Тогда нам каюк. — Берген пожал плечами. — Не мне вам объяснять, что абсолютной надежности и абсолютной безопасности не существует. Жизнь — это риск, а шансы одновремен-

ной двойной аварии настолько малы, что с ними вполне можно мириться.

— Но если все ваши автоматические приспособления выйдут из строя...

— Они надежны,— упрямо заявил Берген.

Демерест кивнул, приканчивая последний кусочек цыпленка. Миссис Берген начала убирать со стола.

— Надеюсь, вы простите мою назойливость, мистер Берген,— сказал Демерест.

— Спрашивайте обо всем, что вас интересует. Вообще-то меня не предупредили о цели вашего визита. «Сбор информации» — слишком расплывчатая формулировка. Но, судя по всему, недавнее несчастье вызвало сильное беспокойство на Луне, и вы, как инженер по технике безопасности, естественно, чувствуете себя ответственным за исправление всех существующих недостатков. Возможно, изучение системы безопасности в Океанской Впадине вам в этом поможет.

— Вот именно. Видите ли, если по какой-то причине, не важно какой, вся ваша автоматика выйдет из строя, вы останетесь живы, но все выходные люки будут наглухо задраены. Вы окажетесь в ловушке и умрете медленной смертью вместо мгновенной.

— Это маловероятно, но я надеюсь, что мы сумели бы в таком случае сделать ремонт до того, как кончится запас воздуха. А потом, у нас есть и ручная система управления.

— Ах вот как!

— Ну конечно. Когда станцию основали, этот блок, где мы сейчас находимся, был единственным, и здесь вообще была только ручная система. Вот она-то и впрямь ненадежна. Кстати, она находится прямо за вами, под крышкой из бьющегося пластика.

— В случае аварии разбейте стекло,— пробормотал Демерест, разглядывая хрупкое покрытие.

— Прошу прощения?

— Просто фраза, которую обычно писали на древних противопожарных устройствах... И эта система действует? Или, покрытая вашим бьющимся пластиком, она за двадцать лет превратилась в бесполезный хлам?

— Ничего подобного. Ее периодически проверяют, как и все остальное оборудование. Это не моя обязанность, но я знаю, что ее выполняют. Если какая-то электрическая или электронная цепь не сработает, замигают лампочки, взрвет сирена — в общем, будет все, кроме атомного взрыва. А знаете, мистер Демерест, Луна-Сити интересуется нас не меньше, чем вас — Океанская Впадина. Надеюсь, вы пригласите к себе одного из наших молодых людей...

— А как насчет одной из молодых женщин? — тут же встряла Аннет.

— Уверен, что ты имеешь в виду себя, дорогая, — сказал Берген. — Могу лишь напомнить, что ты собиралась родить здесь ребенка и нянчить его, а это напрочь исключает твою кандидатуру.

— Мы надеемся, что вы пришлете своих людей в Луна-Сити, — напряженно проговорил Демерест. — Мы заинтересованы в том, чтобы вы поняли наши проблемы.

— Да, взаимный обмен проблемами и рыдания друг у друга на плече сильно облегчили бы нашу жизнь. Между прочим, у вас в Луна-Сити есть одно преимущество, которому я завидую. Слабая гравитация и низкая разница давлений позволяют вам придавать своим жилищам любую неправильную и угловатую форму, которая удовлетворяет вашим эстетическим вкусам или же необходима для удобства. Мы здесь обречены исключительно на сферы, по крайней мере в обозримом будущем, и все наши дизайнеры через какое-то время проникаются лютой ненавистью к округлым формам. Люди просто не выдерживают и уходят, лишь бы не работать больше с шарами.

Берген покачал головой и откинулся назад, прислонив спинку стула к шкафу с микрофильмами.

— Знаете, — продолжил он, — когда в тридцатые годы Уильям Биби соорудил первую подводную камеру в мире, это была просто гондола, которую опускали с корабля на тросе длиной в полмили, без поплавка и двигателей, и если бы трос оборвался — прощайте навсегда! Но он не оборвался... О чем бишь я? Ах да, когда Биби мастерил свою первую подводную камеру, он хотел сделать ее цилиндрической, чтобы человеку было в ней удобно, понимаете? В конце концов, человек — это и есть удлиненный цилиндр с костями. Но друг Уильяма Биби отговорил

его в пользу шара, и у него были веские доводы: ведь шар, как известно, выдерживает давление лучше любой другой формы. И знаете, кем был этот друг?

— Боюсь, что нет.

— Он был в то время президентом Соединенных Штатов. Франклин Рузвельт. Все эти сферы, что вы видели у нас, — правнучки предложения Рузвельта.

Демерест слушал внимательно, но никак не отреагировал. Он вернулся к предыдущей теме разговора.

— Мы бы очень хотели, чтобы кто-нибудь из сотрудников станции посетил Луна-Сити, — сказал он, — потому что это могло бы помочь вам осознать необходимость определенного самопожертвования со стороны Океанской Впадины.

— О-о! — Стул Бергена всеми четырьмя ножками хлопнулся об пол. — Что вы имеете в виду?

— Океанская Впадина — изумительное достижение; я ни в коем случае не хочу его умалять. Я вижу ее потенциал, она способна стать одним из чудес света. И тем не менее...

— Что тем не менее?

— Океан — только часть Земли; большая, но все-таки часть. А впадина — всего лишь часть океана. Это действительно внутреннее пространство: оно направлено внутрь, постепенно сужаясь к точке.

— Как я понимаю, — довольно мрачно перебила его Аннет, — сейчас последует сравнение с Луна-Сити.

— Именно так, — сказал Демерест. — Луна-Сити представляет собой внешнее пространство, расширяющееся до бесконечности. С точки зрения отдаленной перспективы у вас здесь тупик, а у нас там — простор.

— Размеры — это не самый главный критерий, мистер Демерест, — возразил Берген. — Океан и правда всего лишь часть Земли, однако именно поэтому он тесно связан с ее более чем пятимиллиардным населением. Океанская Впадина — станция экспериментальная, но поселения на шельфах уже заслуживают названия городов. Наша станция предлагает человечеству шанс заселить всю планету...

— Загадить всю планету! — возбужденно воскликнул Демерест. — Изнасиловать ее и прикончить! Сосредоточение человеческих усилий только на самой Земле — явление нездоровое

и даже фатальное, если оно не уравновешено расширением границ обитания.

— А что там, за этими границами? Сплошная пустота, — резко бросила Аннет. — Луна всего лишь безжизненный спутник, так же как и другие планеты. Если среди звезд, за световые годы от нас, и есть живые миры, то нам до них не добраться. А океан живой!

— На Луне тоже есть жизнь, миссис Берген, и, если Океанская Впадина нам позволит, Луна станет независимой. И тогда мы, луняне, начнем осваивать другие планеты и вдохнем в них жизнь. А если человечество проявит терпение, мы достигнем также далеких звезд. Мы! Именно мы! Только луняне, привыкшие к космосу, привыкшие к жизни в пещерах, к искусственной среде обитания, смогут провести всю жизнь на борту звездолета, которому, возможно, потребуются столетия, чтобы долететь до звезд.

— Погодите, погодите, Демерест, — сказал Берген, поднимая руку. — Давайте-ка уточним. Что вы имели в виду, говоря «если Океанская Впадина нам позволит»? Какое мы имеем к этому отношение?

— Вы конкурируете с нами, мистер Берген. Всемирный совет по проектам склоняется в вашу сторону. Он выделит вам больше денег, а нам меньше, потому что, как заметила ваша жена, в океане есть жизнь, а на Луне, если не считать тысячи человек, жизни нет; потому что до вас всего полдюжины миль, а до нас — четверть миллиона; потому что до вас можно добраться за час, а до нас — за три дня. А еще потому, что у вас идеальная статистика несчастных случаев, а у нас...

— Ну, последний аргумент просто нелеп. Авария может произойти в любом месте и в любое время.

— Однако нелепость тоже можно использовать, — сердито сказал Демерест, — чтобы манипулировать эмоциями. Для людей, не понимающих цели и важности космических исследований, гибель лунян в авариях — вполне достаточное доказательство того, что Луна опасна и ее колонизация бессмысленна. Почему нет? Под этим предлогом можно сэкономить денежки, а чтобы успокоить свою совесть, совет вложит часть инвестиций в Океанскую Впадину. Потому-то я и считаю, что давешняя авария на Луне представляет угрозу нашему выживанию, несмотря на то что погибло всего двадцать человек из тысячи.

— Я не могу принять ваши доводы. До сих пор денег хватало на оба проекта.

— В том-то и дело, что не хватало! Мизерные капиталовложения не позволили Луне за все эти годы перейти на самообеспечение, а теперь тот факт, что мы не в состоянии себя обеспечивать, используют против нас. Нехватка инвестиций и Океанской Впадине не давала обрести самостоятельность. Зато теперь совет сможет выделить вам достаточно средств, если совсем прикроет наш проект.

— Вы полагаете, совет на такое пойдет?

— Я почти уверен в этом, если только Океанская Впадина не проявит государственный подход к будущему человечества.

— Каким образом?

— Отказавшись от дополнительных фондов. Отказавшись от конкуренции с Луной. Поставив интересы всего человечества выше своих собственных интересов.

— Вы же не думаете, что мы демонтируем...

— Вам не придется этого делать. Неужели вы не понимаете? Поддержите нас, объясните совету, что Луна-Сити важнее, что освоение космоса — главная надежда человечества; скажите, что вы подождете и даже сократите расходы, если потребуются.

Берген, вздернув брови, взглянул на жену. Она сердито помотала головой.

— Сдается мне, у вас довольно романтическое представление о ВСП, — сказал Берген. — Даже если я начну толкать благородные и самоотверженные речи, кто сказал, что к ним прислушаются? На осуществление проекта влияют не только мои мнения и высказывания. Есть еще экономические соображения и общественное мнение. И вообще, зря вы так беспокоитесь, мистер Демерест. Луна-Сити не закроют. Вы получите фонды, это я вам говорю. А теперь давайте лучше покончим с этой...

— Нет, я обязан вас убедить — убедить любыми способами — в том, насколько это серьезно. Океанская Впадина должна быть законсервирована, если ВСП не способен обеспечить оба проекта достаточной суммой денег.

— Это официальное заявление, мистер Демерест? — спросил Берген. — Вы уполномочены говорить от имени Луна-Сити или это ваше личное мнение?

— Личное. Но я думаю, этого вполне достаточно, мистер Берген.

— Сожалею, однако я так не думаю. Боюсь, наш разговор начинает обретать неприятную окраску. Мой вам совет: возвращайтесь-ка вы на сушу с первым же батискафом.

— Нет! Я еще не закончил!

Демерест встал, дико озираясь по сторонам, и прижался спиной к стене. Он был высоковат для этого помещения, и он осознавал, что подошел к последней черте. Еще один шаг — и отступать будет некуда.

Он предупреждал их там, в Луна-Сити, что от переговоров не будет никакого толку. Борьба за деньги должна быть беспощадной, и он никому не позволит загубить Луна-Сити — ни ради Океанской Впадины, ни даже ради самой Земли, потому что интересы человечества и Вселенной превыше всего. Люди должны вырасти из своей колыбели и...

Демерест слышал свое хриплое дыхание и чувствовал, как иступленно мечутся мысли в мозгу. Супружеская пара встретил его, глядела на него. Аннет встала и спросила:

— Вам нехорошо, мистер Демерест?

— Со мной все нормально. Сядьте. Я инженер по технике безопасности, и я намерен преподать вам урок. Сядьте, миссис Берген.

— Садись, Аннет, — сказал Берген. — Я сам приведу его в чувство.

Он встал и шагнул вперед.

— Нет! — крикнул Демерест. — Ни с места! У меня есть кое-что при себе. Вы слишком наивны, мистер Берген: вы приняли меры предосторожности против океана и механических аварий, но недооценили опасность, исходящую от людей. У вас не принято обыскивать гостей, верно? Я вооружен, Берген.

Теперь, когда он сжег за собой мосты, отрезав все пути к отступлению, Демерест был спокоен. Что бы он ни сделал, ему все равно уже не жить.

— Ох, Джон! — выдохнула Аннет, вцепившись в руку мужа. — Он...

Берген заслонил ее собой.

— Вооружен? Эта штука и есть ваше оружие? Спокойно, Демерест, спокойно. Не стоит горячиться. Если хотите поговорить, давайте поговорим. Что это у вас в руках?

— Ничего особенного. Ручной лазерный лучевик.

— И что вы собираетесь делать?

— Разрушить Океанскую Впадину.

— Но вы не сможете, Демерест. Вы сами знаете, что не сможете. У ручного лазера не хватит энергии, чтобы пробить стены.

— Я знаю. Хотя у этой модели запас энергии больше, чем вы думаете. Мой лучевик изготовлен на Луне, а в вакууме заряжать энергией оружие куда удобнее. И все-таки вы правы. Эта штукавина предназначена для мелких работ и нуждается в частой подзарядке. Поэтому я не буду пробивать лучом стальной сплав толщиной в фут с лишним. Но лучевик мне пригодится. Хотя бы для того, чтобы вы двое вели себя спокойно. Убить двоих человек — на это у него энергии хватит.

— Вы не станете нас убивать, — невозмутимо заявил Берген. — У вас нет на то никаких разумных оснований.

— Если вы надеетесь образумить меня, можете не стараться, — сказал Демерест. — У меня есть все основания убить вас, и я вас убью. Если придется, то лазерным лучом, хотя мне этого и не хотелось бы.

— Но что вам даст наша смерть? Объясните. Вы хотите нас убить из-за того, что я отказался пожертвовать фондами Океанской Впадины? Но я не могу поступить иначе. Решение не зависит от меня одного. А если вы меня убьете, это отнюдь не поможет вам склонить мнение совета на свою сторону, скорее наоборот. Если лунянин совершит убийство — как, по-вашему, это отразится на Луна-Сити? Представьте, какая буря возмущения поднимется на Земле!

В диалог вступила Аннет, и лишь отдельные звенящие нотки проскальзывали порой в ее ровном голосе:

— Разве вы не понимаете, что обязательно найдутся люди, которые скажут, будто космическая радиация на Луне оказывает опасное воздействие? Что гениальная инженерия, преобразовавшая ваши кости и мускулы, повлияла на психическую устойчивость? Вспомните значение слова «лунатик», мистер Демерест! Когда-то люди думали, что Луна провоцирует безумие.

— Я не безумец, миссис Берген.

— Это не имеет значения, — сказал Берген, подхватывая идею жены. — Люди назовут вас безумцем. Они решат, что безумны все луняне, и закроют Луна-Сити, возможно навсегда. Вы этого добиваетесь?

— Так могло бы случиться, если бы кто-нибудь узнал, что я убил вас. Но никто не узнает. Это будет несчастный случай. — Левым локтем Демерест разбил пластик, покрывавший ручную систему управления. — Я с такими устройствами знаком, — продолжал он. — Я прекрасно знаю, как они действуют. По идее, когда разбивается пластик, должны замигать аварийные сигнальные лампочки — в конце концов, пластик можно разбить и случайно, — и кто-то должен прийти сюда, чтобы проверить, в чем дело. Хотя возможно, что система сработает сразу и во избежание аварии перекроет шлюз.

Он сделал паузу и продолжил:

— Да только я уверен, что никто не прибежит сюда с проверкой и никакого аварийного предупреждения не будет. Ваша ручная система ненадежна, поскольку в душе вы были уверены, что она вам никогда не понадобится.

— Что вы задумали? — спросил Берген.

Он весь напрягся, и Демерест, не отводя взгляда от его колен, предупредил:

— Если вы попытаетесь прыгнуть, я тут же выстрелю, а потом продолжу делать то, что задумал.

— В таком случае мне просто нечего терять.

— Вы потеряете время. Не мешайте мне, и тогда у вас останется несколько минут на разговоры. Не исключено, что вам даже удастся переубедить меня. Вот мое предложение: вы сидите на месте, а я даю вам шанс поспорить.

— Но что вы собираетесь делать?

— Сейчас увидите! — пообещал Демерест. Не оглядываясь, он сунул под разбитую крышку левую руку и замкнул контакт. — Скоро атомный генератор накачает в шлюз тепло, и пар вытеснит воду. Это займет несколько минут. Потом одна из кнопочек здесь на панели загорится красным светом.

— Вы собираетесь...

— Зачем вы спрашиваете? Вам и так ясно, что я собираюсь затопить Океанскую Впадину.

— Но зачем? Зачем, черт подери?

— Затем, что это будет выглядеть как несчастный случай и сильно подпортит вашу прекрасную статистику. Затем, что это будет полная катастрофа, которая сотрет станцию с лица земли. И тогда ВСП отвернется от вас, и слава Океанской Впадины

померкнет. Мы получим фонды; мы будем продолжать. Если бы я мог достичь этого каким-то другим способом, я был бы только рад, но интересы Луна-Сити и интересы человечества превыше всего.

— Вы тоже погибнете, — с трудом проговорила Аннет.

— Конечно. А зачем мне жить после того, что я вынужден буду сделать? Я не убийца.

— Но вы им станете. Затопив этот блок, вы затопите всю Океанскую Впадину и убьете всех до единого сотрудников станции, а тех, кто сейчас в океане, обречете на более медленную гибель. Пятьдесят человек, включая женщин — и нерожденного ребенка...

— Это не моя вина, — с болью сказал Демерест. — Я не ожидал встретить здесь беременную женщину. Но раз уж так случилось, меня это не остановит.

— И все же вы должны остановиться, — сказал Берген. — Ваш план не сработает, если возникнут хоть какие-то сомнения в том, что произошел несчастный случай. Найдут ваш труп с лазерным лучевиком в руках, увидят разбитый пластик ручной системы управления... Неужели вы думаете, будто никто не поймет, что здесь случилось?

— В вас говорит отчаяние, мистер Берген, — устало сказал Демерест. — Послушайте меня. Когда откроется внешний люк, сюда хлынет вода под давлением в тысячу атмосфер. Этот бешеный поток сметет на своем пути абсолютно все. Стены блоков останутся, но все внутренности будут перекорежены до неузнаваемости. Люди превратятся в кровавые ошметья с перемолотыми костями. Смерть будет мгновенной и безболезненной. Даже если мне придется сжечь вас обоих лазером, никаких подозрений ни у кого не возникнет, поскольку от трупов останется мокрое место. Поэтому, как вы понимаете, я колебаться не стану. А пластиковая крышка ручной системы в любом случае будет разбита потоком. В общем, все следы моих преступлений смоем водой.

— Но останется лазерный лучевик. Даже покореженный, он будет узнаваем, — заметила Аннет.

— Мы пользуемся такими лучевиками на Луне, миссис Берген. Это обыкновенное орудие труда, оптический аналог складного ножа. Я мог бы убить вас и складным ножом, но никому

ведь не придет в голову обвинять в убийстве человека только потому, что в руках у него нож, пусть даже с раскрытым лезвием. А может, он решил заняться резьбой по дереву? Кроме того, лунный лучевик — это вам не реактивная пушка. Он вряд ли выдержит направленный внутрь взрыв. Корпус у него тонкий, механика непрочная. После водного удара от него останутся лишь жалкие обломки.

Демересту не приходилось обдумывать свои доводы. Все они были продуманы в течение нескольких месяцев на Луне, пока он спорил сам с собой.

— Неужели вы надеетесь, что расследованию удастся установить причину аварии? — продолжал он. — Сюда пошлют батискафы, чтобы посмотреть, что осталось от станции, но, чтобы люди проникли внутрь, нужно будет откачать из блоков воду. А для этого потребуются построить новую станцию, что займет массу времени. Да и вряд ли ее будут строить, поскольку общество не захочет зря тратить деньги. Скорее всего, они ограничатся тем, что бросят лавровый венок на мертвые крыши мертвой Океанской Впадины.

— Люди в Луна-Сити узнают о том, что вы натворили, — сказал Берген. — И хоть у одного из них проснется совесть. Правда выплывает наружу.

— Правда в том, — сказал Демерест, — что я не дурак. Никто в Луна-Сити не знает о моих намерениях. Никто ничего не заподозрит. Меня послали сюда для переговоров по поводу финансирования. Я должен был убеждать — и ничего больше. Даже пропавшего лучевика никто не хватится, потому что я сам собрал его из запасных частей. Но он работает. Я проверял.

— По-моему, вы просто не ведаете, что творите, — тихо проговорила Аннет.

— Я прекрасно знаю, что делаю. Я также прекрасно знаю, что вы заметили, как загорелась красным светом эта кнопочка. Я тоже заметил. Шлюз опустел — а значит, ваше время истекло.

Не выпуская из рук нацеленный лучевик, Демерест проворно замкнул еще один контакт. Круглый люк чуть сдвинулся в сторону, образовав узкую серповидную щель, а затем плавно скользнул в стену.

Уголком глаза Демерест видел зияющий темный круг, но в ту сторону не смотрел. Из отверстия потянуло соленой сыростью —

запахом остуженного пара. Демересту почудилось, будто он слышит даже плеск воды на дне шлюза.

— Будь ваша ручная система устроена разумно, — сказал Демерест, — внешний люк сейчас бы заблокировало наглухо. Пока открыт внутренний люк, внешний не должен открываться ни при каких обстоятельствах. Но я подозреваю, что ручную систему соорудили наспех и такой предосторожности не предусмотрели, а потом ее заменили автоматикой, так и не удосужившись исправить огрехи. Думаю, мои подозрения небезосновательны. Вы бы не сидели сейчас с таким напряженным видом, если бы были уверены в том, что внешний люк не откроется. Мне осталось замкнуть всего один контакт — и грянет водный гром. Мы ничего не почувствуем.

— Подождите минутку, — перебила его Аннет. — Я хочу кое-что вам сказать. Вы обещали, что дадите нам время, чтобы вас переубедить.

— Я вам его дал — пока осушался шлюз.

— Позвольте мне все-таки сказать. Подождите минуту. Всего одну минуту. Я говорила, что вы не ведаете, что творите. И это действительно так. Вы ликвидируете космическую — повторяю, космическую — программу! Не глубоководную, а космическую. — Ее голос зазвенел пронзительно и резко.

— О чем вы? — нахмурился Демерест. — Говорите, да не заговаривайтесь, не то я нажму на кнопку. Я устал. Я боюсь. Я хочу, чтобы все поскорее кончилось.

— Вы не являетесь членом ВСП. И мой муж тоже. Но я — член совета. Думаете, если я женщина, так я здесь играю вторую скрипку? Ничуть не бывало. Вы, мистер Демерест, заикнулись исключительно на Луна-Сити. Мой муж — на Океанской Впадине. И ни один из вас ничего не знает.

Куда вы направите свои честолюбивые устремления, мистер Демерест, если получите все деньги, какие хотите? На Марс? На астероиды? На спутники планет-гигантов? Все это мелкие планетки, бесплодные и лишенные атмосферы. Может пройти еще много лет, прежде чем нам станут доступны межзвездные полеты, а до того нам придется довольствоваться карликовыми колониями. Ваши амбиции дальше не простираются, правда ведь?

Амбиции моего мужа тоже ограничены. Он мечтает заселить океанское дно — поверхность не намного большую, чем Луна и астероиды. Что же до нас, членов ВСП, то наши желания простираются гораздо дальше, и если вы нажмете на эту кнопку, мистер Демерест, величайшая мечта человечества обратится в прах.

Демерест невольно заинтересовался, но все же недоверчиво сказал:

— Вы просто болтаете.

Он понимал, что супруги могли каким-то образом предупредить остальных сотрудников станции и что сюда в любой момент может кто-нибудь ворваться и пристрелить его. Но он не сводил глаз с отверстия люка, и ему оставалось замкнуть всего один контакт — не глядя, молниеносным движением руки.

— Я не болтаю, — возразила Аннет. — Вам известно не хуже, чем мне, что для колонизации Луны одних ракет было бы недостаточно. Чтобы основать жизнеспособную колонию, пришлось генетически изменить людей и приспособить их к слабой гравитации. Вы сами — продукт генной инженерии.

— Ну и?..

— А разве генная инженерия не может приспособить людей к более сильной гравитации? Какая планета самая крупная в Солнечной системе, мистер Демерест?

— Юпи...

— Да, Юпитер. Диаметр в одиннадцать раз больше земного и в сорок раз — лунного. Площадь поверхности в сто двадцать раз превышает земную и в тысячу шестьсот раз — лунную. А окружающая среда настолько отличается от привычных человеческому условиям, в том числе и от тех, какие нам могут встретиться на планетах размером с Землю и меньше, что любой ученый отдаст полжизни за возможность изучить их в непосредственной близости.

— Но Юпитер — нереальная цель.

— Вы так думаете? — Аннет удалось выдавить из себя слабую улыбку. — Такая же нереальная, как межзвездный полет? А почему? Генная инженерия способна создать людей с более сильным и плотным скелетом, с более мощной и компактной мускулатурой. Так же как Луна-Сити защищен от вакуума, а Океанская Впадина — от океана, можно будет защитить буду-

щую Юпитерианскую Впадину от насыщенной аммиаком атмосферы.

— Гравитационное поле...

— ...не сможет помешать атомным космическим кораблям, которые уже разрабатываются в конструкторских бюро. Вы об этом не слышали, но я-то в курсе.

— Да ведь мы даже не знаем, какова глубина атмосферы на Юпитере! Давление...

— Давление! Давление! Оглянитесь вокруг, мистер Демерест! Для чего, как вы думаете, на самом деле была построена Океанская Впадина? Чтобы эксплуатировать богатства океана? Поселения на континентальных шельфах прекрасно справляются с этой задачей. Чтобы исследовать океанские глубины? Для этого хватило бы батискафов, и мы могли бы сэкономить сотню миллиардов долларов, вложенных в развитие станции.

Неужели вы не понимаете, мистер Демерест, что у станции куда более важное предназначение? Океанская Впадина была основана для того, чтобы разработать виды транспортных средств и механизмов, которые будут пригодны для освоения и колонизации Юпитера. Посмотрите вокруг — и вы увидите приближительную модель юпитерианской окружающей среды, самую близкую, какая только возможна на Земле. Это всего лишь слабое подобие могучего Юпитера, но это только начало. Уничтожьте станцию, мистер Демерест, и вы уничтожите все надежды на Юпитер. Оставьте нас в живых — и мы вместе освоим ярчайшую жемчужину Солнечной системы. И задолго до того как лимиты Юпитера будут исчерпаны, человечество будет готово к межзвездным полетам, к освоению планет земного — и юпитерианского — типа. Совет не собирается закрывать проект Луна-Сити, ибо для достижения конечной цели необходимы оба проекта.

На мгновение Демерест забыл даже о последней кнопке.

— Никто в Луна-Сити не слышал об этом.

— Вы не слышали. Но кое-кто из Луна-Сити в курсе. Если бы вы сообщили им о своих намерениях, они бы вас остановили. Естественно, мы не можем сделать этот проект достоянием общественности. В него посвящены только избранные. Общество и так скрепя сердце финансирует планетарные проекты. Если ВСП скряжничает, так только потому, что общество огра-

ничивает щедрость совета. Как по-вашему, что скажут люди, если узнают о наших планах насчет Юпитера? Да они завопят, что мы выбрасываем их денежки на ветер! А так мы работаем себе потихоньку, и все средства, которые удастся сэкономить, вкладываем в развитие разных аспектов проекта «Большая планета».

— Проекта «Большая планета»?

— Да,— сказала Аннет.— Теперь вы в курсе, а я совершила серьезный служебный проступок. Но ведь это не имеет значения, верно? Поскольку все мы погибнем, и проект в том числе.

— Погодите-ка, миссис Берген!

— Даже если вы измените свое решение, не вздумайте никому рассказывать о проекте «Большая планета». Это прикончит его так же верно, как затопление станции. А заодно положит конец и вашей карьере, и моей. Не исключено, кстати, что тогда закроют оба проекта — как Луна-Сити, так и Океанскую Впадину. Хотя вам, возможно, это без разницы. Вы по-прежнему можете нажать на кнопку.

— Я сказал — погодите! — Демерест нахмурил брови, гневно сверкая глазами.— Я не знаю...

Глядя, как настороженная готовность противника сменяется нерешительностью, Берген изготовился было к прыжку, но Аннет вцепилась в мужнин рукав.

Последовала бесконечная пауза, которая тянулась около десяти секунд, а затем Демерест протянул свой лучевик.

— Держите,— сказал он.— Считайте, что взяли меня под арест.

— Мы не можем вас арестовать,— возразила Аннет,— иначе вся история выплывет наружу.— Она взяла лучевик и протянула его мужу.— Нас вполне устроит, если вы вернетесь в Луна-Сити и будете хранить молчание. А пока вам придется немного посидеть под стражей.

Берген мгновенно очутился возле ручной системы управления. Внутренний люк закрылся, и вода с оглушительным ревом снова устремилась в шлюз.

Супруги остались наедине. Они не перемолвились ни словечком, пока Демереста не уложили спать под бдительным надзором двух сотрудников станции. Неожиданный удар водного грома поднял на ноги всю команду, и Берген выдал им сильно сокращенную версию происшествия.

Систему ручного управления закрыли на замок, после чего Берген заявил:

— Нужно немедленно сделать ее надежной. И обыскивать при входе всех посетителей.

— Ох, Джон, — сказала Аннет, — по-моему, люди просто безумны. Только что мы глядели смерти в лицо; гибель грозила и нам, и всей Океанской Впадине. И знаешь, о чем я все время думала? «Нужно сохранять спокойствие, — думала я. — Главное, чтобы не было выкидыша!»

— Ты была само спокойствие. Ты была изумительна. Я имею в виду проект «Большая планета». Мне такое даже в голову не приходило, но клянусь... клянусь... Юпитером, это заманчивая идея. Просто великолепная.

— Мне жаль, что пришлось задурить вам головы, Джон. Все это, к сожалению, вранье. Я все придумала. Но Демересту хотелось услышать нечто подобное. Он не убийца и не разрушитель. В своем разгоряченном воображении он видел себя патриотом и наверняка внушал сам себе, что должен разрушить ради того, чтобы спасти, — весьма распространенное заблуждение ограниченных умов. Но он сказал, что даст нам возможность его переубедить, и, по-моему, в душе он жаждал, чтобы нам это удалось. Ему хотелось услышать от нас нечто такое, что позволило бы ему спасти ради спасения, и я дала ему шанс... Жаль, что мне пришлось обмануть и тебя тоже, Джон.

— Ты меня не обманула.

— Ты не поверил?

— А как я мог поверить? Я знаю, что ты не член совета.

— Почему ты в этом так уверен? Потому что я женщина?

— Вовсе нет. Потому что я сам член совета, Аннет, и это действительно должно остаться между нами. Знаешь, если ты не против, я предложу совету твою идею — проект «Большая планета».

— Ну-у... — Аннет задумалась, а потом тихонько улыбнулась. — Ну что ж, я не против. Вот видишь: от женщин тоже порой бывает польза!

— Этого, — тоже улыбаясь, сказал Берген, — я никогда не отрицал.

Меж полночью и восходом, когда сон не приходит и все старые раны начинают ныть, мне нередко является кошмарное видение будущего мира, где живут миллиарды людей и каждый из них пересчитан и перенумерован, где нельзя обрести ни искры гениальности, ни одного неординарного ума, ни единой яркой личности на всем битком набитом земном шарике.

Дж. Б. Пристли

— Он согласился поговорить с нами, — сказал Альварес, когда из дверей появился второй мужчина.

— Отлично, — ответил Бантинг, — давление общественного мнения неизбежно должно на него подействовать. Станный тип. И как ему удалось избежать процесса генетической адаптации, ума не приложу. Но говорить с ним будете вы. Меня он раздражает, я даже забываю о вежливости.

Они свернули в коридор, по которому проходила Административная Тропа и где, как обычно, народу было совсем немного. Можно было воспользоваться двигающимися дорогами, но идти было недалеко — всего мили две, а Альварес обожал пешие прогулки, так что Бантинг не стал спорить.

Высокий и худощавый Альварес обладал той атлетической фигурой, которая бывает у человека, стремящегося побольше упражнять мускулатуру, человека, повседневно пользующегося, например, лестницами и пандусами, что подводило его почти к

тому пределу, за которым его самого уже можно было обвинить в импульсивном характере. Бантинг, более мягкий и округлый, избегал даже ламп солнечного света, а потому был очень бледен.

Бантинг меланхолично заметил:

— Надеюсь, нас двоих будет достаточно.

— Думаю, да. Мы же намерены сохранить это дело в рамках своего сектора, если такая возможность представится.

— Вот именно! Вы знаете, я все время думаю: почему это должно было случиться именно в нашем секторе? Пятьдесят миллионов квадратных миль семисотого уровня жизненного пространства, и вот — нá тебе! Именно в нашем жилом блоке!

— Да, можно сказать, выделились, хотя и в довольно неприятном аспекте, — отозвался Альварес.

Бантинг недовольно фыркнул.

— Но нам с вами это может оказаться на руку, — тихонько добавил Альварес, — особенно если мы сумеем уладить дело без шума. Мы ведь тогда достигнем пика. Достигнем конца. Достигнем цели. Все человечество достигнет. А добьемся этого мы с вами!

Бантинг тут же просветлел:

— Вы полагаете, они могут взглянуть на дело с такой точки зрения?

— Надо позаботиться о том, чтобы случилось именно так.

Их шаги были почти не слышны благодаря пластиковому покрытию на мелко дробленном гравии дорожки. Они проходили пересечения с другими коридорами и видели огромные толпы людей надвигающихся дорогах. Почти повсеместно ощущался легкий запах многочисленных разновидностей планктона. Однажды, почти инстинктивно, они почувствовали, что где-то над ними далеко вверху находится начало одного из гигантских трубопроводов, засасывающих воды океана в глубь города; а где-то поблизости, согласно правилу симметрии, наверняка находится другой, не менее гигантский трубопровод, который далеко-далеко внизу сбрасывает в океан городские стоки.

Целью путешествия Альвареса и Бантинга было жилое помещение где-то на задворках главного туннеля, но казавшееся отличным от тысяч таких же жилищ, мимо которых они проходили. Здесь присутствовало нечто, создававшее трудно уловимое, но тревожное ощущение пространства — вероятно, пото-

му, что по обеим сторонам от двери на протяжении нескольких сот футов стена была совершенно сплошной. И еще тут чем-то пахло.

— Чувствуете? — пробормотал Бантинг.

— Мне уже приходилось с этим встречаться, — ответил Альварес. — Нечто нечеловеческое.

— В самую точку попали, — кивнул Бантинг. — Надеюсь, он не захочет, чтоб мы на них любовались?

— Если и захочет, нам будет нетрудно уклониться.

Они позвонили, а затем ждали в молчании, не обращая внимания на гул непрерывной бурной жизнедеятельности, — к нему они давно привыкли как к неотъемлемой части своего окружения.

Дверь отворилась. Кранвиц ожидал посетителей. Одетый в такую же одежду, что и все, — легкую, простую, серую, он ухитрился выглядеть угрюмым и каким-то подержанным: волосы были слишком длинными, глаза налиты кровью и беспокойно бегали по сторонам.

— Можно нам войти? — спросил Альварес с холодной вежливостью.

Внутри запах был еще сильнее. Кранвиц закрыл дверь, гости сели. Кранвиц же продолжал стоять и до сих пор не проронил ни слова. Заговорил Альварес:

— В роли представителя и в присутствии Бантинга как вице-представителя я обязан задать вам вопрос: согласны ли вы подчиниться общественной необходимости?

Кранвиц, казалось, обдумывал сказанное. Когда он наконец заговорил, его низкий голос звучал хрипло, и ему пришлось несколько раз откашливаться.

— Не желаю, — ответил он. — И не обязан. Существует давнишний контракт с Правительством. Моя семья всегда обладала правом...

— Это нам известно, и вопрос о применении силы не стоит, — возмутился Бантинг. — Мы просим вас согласиться добровольно.

Альварес предостерегающе коснулся колена Бантинга.

— Вы же понимаете, сейчас ситуация совсем не та, что была во времена вашего отца, и фактически даже не та, что была в прошлом году.

Длинный подбородок Кранвица чуть заметно дрогнул.

— Не вижу почему. Рождаемость в этом году упала на величину, соответствующую расчетам, и все остальное изменилось примерно в тех же пропорциях. Так происходит каждый год. Чем же, по-вашему, этот год отличается от других?

Его голосу, однако, не хватало убежденности в правоте. Альварес был уверен, что Кранвиц знает, в чем отличие этого года, а потому ответил совершенно спокойно:

— В этом году мы достигли поставленной цели. Рождаемость теперь точно соответствует смертности; численность населения полностью стабилизирована; строительство лишь компенсирует объем жилья, выходящего из строя. Морские фермы тоже дают неизменное количество пищи. И только вы загораживаете дорогу, мешая человечеству достигнуть Совершенства.

— И все это из-за нескольких мышек?

— Да, из-за нескольких мышек. И из-за других животных тоже. Морских свинок. Кроликов. Птиц и ящериц. Я не производил подсчетов...

— Но ведь это последние животные, которые остались в нашем мире! Какой от них ущерб?

— А какая польза? — вскричал Бантинг.

Кранвиц ответил:

— Польза в том, что ими можно любоваться. В прежние времена...

Альварес все это уже слышал раньше. Он говорил, стараясь вложить в голос как можно больше сожаления и симпатии (к своему удивлению, совершенно искренних):

— Я знаю! Были такие времена! Столетия назад существовало огромное разнообразие форм органической жизни, в частности тех, которых вы так любите. А еще миллионы лет назад жили динозавры. Но у нас о них обо всех сохранились микрофильмы. И человечеству не угрожает опасность начисто их забыть.

— Как можно ставить на одну доску микрофильмы и живые существа?! — воскликнул Кранвиц.

Губы Бантинга искривились усмешкой:

— Действительно, микрофильмы не воняют.

— Наш зоопарк раньше был куда больше, — сказал Кранвиц, — но год за годом нам приходилось от многого отказывать-

ся. От всех крупных зверей. От хищников. От деревьев. Не осталось ничего, кроме небольших растений и маленьких зверюшек. Подарите им жизнь!

— Да к чему они? — ответил Альварес. — Ведь никто их даже видеть не хочет! Человечество против вас.

— Общественное мнение...

— Мы не можем удержать людей от противодействия тем, кто стоит на пути прогресса. Народу не нужны эти ошибки природы. Они вызывают только брезгливость; они и в самом деле отвратительны. Тогда зачем же они? — Голос Альвареса был вкрадчив и убедителен.

Теперь Кранвиц уже сидел. Его щеки покраснели, будто от лихорадки.

— Я мечтал... Когда-нибудь мы выйдем за пределы Земли и человечество приступит к колонизации внешних миров. Ему понадобятся животные. Захочется видеть какие-то другие формы жизни на новых безжизненных планетах. Тогда человечество начнет создавать новую, более разнообразную экологию, оно...

Его слова увядали под враждебными взглядами тех двоих, что сидели рядом. Вмешался Бантинг:

— Какие это миры вы собрались колонизировать?

— Достигли же мы Луны в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, — ответил Кранвиц.

— Разумеется, и даже основали колонию — а затем забили ее. Во всей Солнечной системе нет планеты, которая могла бы поддерживать существование человека без непомерных технических средств и расходов.

— Но существуют же миры вокруг далеких звезд! Сотни миллионов похожих на Землю! Обязаны существовать! — выкрикнул Кранвиц.

Альварес покачал головой:

— Не доберешься. Мы окончательно истощили Землю и заполонили ее человеческими особями. Мы сделали наш выбор, и этот выбор — Земля. У нас нет ресурсов, чтобы осуществить проект строительства космического корабля, способного пересечь безбрежные пространства космоса. Вам никогда не случалось изучать историю двадцатого века?

— Это было последнее столетие открытого мира.

— Именно так, — сухо отозвался Альварес. — Надеюсь, вы не слишком романтизировали его? Мне тоже довелось изучать

это безумие. Мир тогда был пуст — всего лишь несколько миллиардов человек, а им казалось, что он перенаселен, и, в общем-то, не без оснований. Более половины своих ресурсов люди растрачивали на войны и на подготовку к войнам. Они развивали свою экономику без учета будущего, травили среду, слепо растрачивали ресурсы и теряли их безвозвратно, позволяли случаю управлять своим генетическим фондом, безразлично относились к отклонениям людей от нормы во всех отношениях. Разумеется, они опасались того, что называли «популяционным взрывом», и мечтали о достижении новых миров как о средстве бегства от этой опасности. Мы в тех условиях поступали бы точно так же. Мне нет необходимости говорить вам об исторических событиях и научном прогрессе, которые изменили все это, но я все же напому то, что вы, видимо, стараетесь позабыть. Было создано Мировое Правительство, началось развитие ядерной энергетики и генной инженерии. В условиях всепланетного мира и обилия энергии человечество смогло быстро наращивать свою численность, причем наука шла вровень с этим ростом. Было заранее определено, какую численность народонаселения Земля сможет обеспечить. Столько-то калорий солнечной энергии достигает поверхности планеты, столько-то тонн двуокиси углерода поглощают в год растения и столько-то тонн биомассы животных обеспечивает эта растительная масса. Земля могла поддерживать существование лишь двух триллионов тонн массы животного происхождения.

Тут Кранвиц не выдержал:

— И поэтому все два триллиона тонн следовало отвести людям?

— Именно так.

— Даже если это означает уничтожение всех других живых существ?

— Таков путь эволюции,— зло выкрикнул Бантинг.— Выживают лишь наиболее приспособленные.

Альварес снова слегка прикоснулся к его колену.

— Бантинг прав, Кранвиц,— сказал он мягко.— Рыбы с внутренним скелетом сменили панцирных, которые в свою очередь когда-то сменили трилобитов. Рептилии сменили амфибий, а им на смену впоследствии пришли млекопитающие. Теперь наконец эволюция достигла своего пика. Земля обеспечивает жизнь гигантского пятнадцатитриллионного населения людей...

— Но как? — горячо возразил ему Кранвиц. — Они ютятся в колоссальном сверхздании, занимающем всю поверхность суши, на которой больше нет ни растений, ни животных, кроме тех, что прозябают тут у меня. И весь ныне необитаемый океан превратился в планктонную похлебку. Никакой жизни, кроме планктона. Мы бесконечно снимаем с него урожай, чтобы прокормить человечество, и точно так же бесконечно пополняем океан органикой, чтобы прокормить планктон.

— Мы живем очень хорошо, — парировал Альварес. — Войн нет, преступности нет. Наша рождаемость строго регулируется; наша смерть легка. Наши дети генетически адаптированы, и на Земле нынче насчитывается двадцать миллиардов тонн нормального мозгового вещества. Трудно даже вообразить такое количество сложнейшего во всей вселенной органического продукта.

— И что же делает это колоссальное количество мозгов?

Бантинг испустил громкий вздох возмущения, но Альварес, все еще продолжая сохранять спокойствие, ответил:

— Мой друг, вы путаете путешествие с прибытием к месту назначения. Вполне возможно, что это результат вашего общения с животными. Когда Земля только развивалась, природа была вынуждена экспериментировать, опираясь на случайность. Тогда расточительность была оправданна. Земля была в те времена пустынна, свободной территории хоть отбавляй, и эволюция могла экспериментировать с десятью тысячами видов или даже больше, пока она не отобрала наконец нужные ей. Даже когда появилось человечество, ему приходилось идти на ощупь. В процессе обучения оно рисковало, пыталось совершать невозможное, валяло дурака, гибло. Но теперь человечество пришло в свой дом. Люди целиком заняли планету, и им останется лишь наслаждаться Совершенством.

Альварес помолчал, давая собеседнику возможность проникнуться смыслом сказанного, затем продолжил:

— Мы жаждем этого, Кранвиц. Весь мир жаждет Совершенства, достигнутого нашим поколением, и мы хотим получить награду за свои достижения. Ваши животные нам мешают.

Кранвиц упрямо покачал головой:

— Они занимают ничтожно мало места. Потребляют ничтожно мало энергии. Если вы их уничтожите, то какое простран-

ство выгадаете? Еще для двадцати пяти человек? Двадцати пяти при пятнадцати триллионах!..

— Двадцать пять человек — это семьдесят пять фунтов мозга. А что может быть противопоставлено по важности семидесяти пяти фунтам человеческого мозга? — взвизгнул Бантинг.

— У вас и без того миллиарды тонн этих мозгов!

— Знаем, — согласился Альварес, — но разница между Совершенством и неполным совершенством такая же, как между Жизнью и не совсем жизнью. Вся Земля готова отметить год две тысячи четыреста тридцатый от Рождества Христова — год, когда компьютер сообщил нам, что планета наконец заполнена; цель достигнута; труды эволюции увенчались успехом. Неужели же мы должны страдать от нехватки места для двадцати пяти человек даже при пятнадцати триллионах? Это такая ничтожная, такая крохотная недостача... и все-таки это недостача! Думайте, Кранвиц! Пять миллиардов лет Земля ждала, чтобы ее заполнили. Неужели нам снова придется ждать? Мы не вправе заставить вас и не собираемся этого делать, но если вы уступите добровольно, то станете героем в глазах у всех.

— Да, — подхватил Бантинг, — и люди будут помнить, что Кранвиц совершил деяние, благодаря которому было достигнуто Совершенство!

Кранвиц ответил, подражая голосу Бантинга:

— И человечество запомнит, что именно Альварес и Бантинг убедили Кранвица поступить так, а не иначе!

— Если допустить, что нам это удалось, — кивнул Альварес, не позволяя своему раздражению вырваться наружу. — Но скажите мне, Кранвиц, сможете ли вы вечно противостоять объединенной воле пятнадцати триллионов людей? Каковы бы ни были ваши мотивы — а я признаю, что вы в определенном смысле идеалист, — неужели вы посмеете лишить такое огромное количество людей последнего недостающего ему жалкого кусочка Совершенства?

Кранвиц молча смотрел в пол, и рука Альвареса сделала легкое движение в сторону Бантинга, который послушно промолчал. Тишина не нарушалась, пока текли томительные минуты.

И тогда Кранвиц прошептал:

— Могу я еще один день провести с моими животными?

— А потом?

— А потом... потом я больше не буду стоять между человечеством и Совершенством.

Альварес ответил:

— Я извещу об этом. Все будут вас почитать.

Оба гостя покинули комнату.

В огромном, занимающем весь континент, здании пять триллионов из населяющих его людей мирно спали; около двух — мирно закусывали; половина триллиона неспешно занималась любовью. Остальные триллионы либо беседовали без всякой горячности, либо неторопливо общались со своими компьютерами, либо катались на машинах, либо изучали технологию, либо собирали микрофильмовые библиотеки, либо развлекали своих сограждан. Триллионы ложились спать, триллионы вставали с кроватей; это рутинное житье-бытье не нарушалось никакими случайностями.

Работали машины, проверяя собственную надежность и тут же исправляя найденные неполадки. Планктонная похлебка океана грелась под солнцем, и клетки планктона делились снова и снова, тогда как драги бесконечно вычерпывали похлебку ковшами, высушивали и миллионами тонн доставляли к конвейерам и трубопроводам, которые разносили эти тонны по всем уголкам бесконечного здания.

А в других уголках здания собирались отходы жизнедеятельности человека — их подвергали облучению, обрабатывали, высушивали; поступающие трупы размельчали, тоже высушивали и обрабатывали, и все это сбрасывалось в океан.

В течение нескольких часов, пока происходило все сказанное выше, так же как оно происходило множество десятилетий до того и неуклонно будет происходить грядущие тысячелетия, Кранвиц в последний раз покормил своих питомцев, погладил морскую свинку, поднял к лицу черепашку, чтобы встретить ее бессмысленный взгляд, и пропустил меж пальцев живой клинок зеленой травинки.

Он пересчитал их всех — последних живых существ Земли, которые не были ни людьми, ни пищей для людей, затем продезинфицировал почву, в которой росли растения, и убил их. Он затопил клетки и другие помещения, где копошились зве-

рюшки, предназначенными для этой цели газами, и животные перестали копошиться, а вскоре и совсем умерли.

Когда последнее существо погибло, между человечеством и Совершенством остался стоять один лишь Кранвиц, чьи думы все еще мятежно отклонялись от нормы. Но и для Кранвица тоже нашелся газ, так как он не хотел больше жить.

И после этого пришло истинное Совершенство, ибо по всей Земле среди ее пятнадцати триллионов обитателей и двадцати миллиардов тонн человеческих мозгов не было (раз уж Кранвиц помер) ни одной нестандартной идеи, ни единой интересной мысли, которая могла бы возмутить всеобщее спокойствие, а это означало, что изящное ничтожество единообразия наконец-то победило повсеместно.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ДОСТИЖЕНИЙ

Прирученная, выдрессированная Земля представляла собой единый огромный парк.

Лу Тансония печально взирал, как ее диск растет в иллюминаторах лунного челнока. Монументальный нос разделял лицо ученого на две непримечательные, вечно скорбные половинки, выражение которых соответствовало сейчас настроению Лу.

Он никогда прежде не уезжал так надолго — почти на месяц — и уже предвкушал малопрятный период акклиматизации к безжалостному земному тяготению. Но это будет потом. А пока он скорбел над растущей внизу Землей.

Издалека Земля казалась изукрашенным белыми спиралями диском, сверкающим на солнце в своей первозданной красоте. Отдельные бурые и зеленые пятна виднелись через облачный полог. Так планета могла бы выглядеть в любой миг из трехсот миллионов лет, прошедших с той поры, когда жизнь покинула море и покрыла зеленью сушу.

Но корабль опускался все ниже, и начинали проступать следы дрессировки.

Не было дикой природы. Лу никогда не видал ее в жизни; только читал о ней в старых книгах или смотрел не менее древние фильмы.

Леса стояли как на параде, каждое дерево — помечено согласно виду и положению в строю. Злаки росли в полях согласно расписанию, включавшему изредка удобрение и прополку. Немногие сохранившиеся домашние животные были занесены в каталог — как мрачно подозревал Лу вместе с каждой травинкой.

Животные попадались так редко, что увидеть одно и то было чудом. Даже насекомые уменьшились в числе, а крупные животные остались лишь в постепенно исчезающих с лица Земли зоопарках.

Почти пропали даже кошки — если уж хочешь завести зверюшку, намного патриотичнее взять в дом хомяка.

Поправимся! Уменьшилось лишь нечеловеческое население Земли. Масса биосферы оставалась прежней, но теперь три четверти ее составлял единственный вид — *Homo sapiens*. И, несмотря на все усилия Всеземного бюро экологии, эта доля медленно росла год от года.

Лу всегда думал об этом как о величайшей потере. Конечно, присутствие человека было незаметно с орбиты, на которой челнок совершал последние витки перед посадкой. И Лу знал, что даже после входа в атмосферу он не заметит их. Исчезли безобразные города, уродовавшие Землю до Объединения. Дороги прежних веков еще прослеживались с воздуха, но на близком расстоянии утопали в разросшихся лесах. Даже сами человеческие существа редко появлялись на поверхности. Но они были там — под землей. Миллиарды обитателей Земли, вместе с фабриками, пищевыми предприятиями, энергостанциями и вакуумными туннелями. Прирученный мир питался солнечной энергией и был свободен от насилия. Лу ненавидел его.

Но теперь он мог позволить себе забыть. После многих месяцев бесплодных попыток он наконец увидит самого Адраста. Это последняя кнопка, на которую можно нажать.

Ино Адраст занимал должность генерального секретаря Бюро экологии. Пост невыборный и малоизвестный. Просто это был самый важный пост на планете. Генеральный секретарь контролировал все.

Именно эти слова произнес Ян Марли, с тем выражением рассеянного недоумения, которое неизбежно заставляло подумать, что Ян мог бы растолстеть, кабы не строгая диета.

— Ставлю на что угодно, — заметил он, — что ваш пост — самый важный на Земле. И никто об этом даже не знает.

Адраст пожал плечами. Уже поколение неизбежной деталью административной сцены являлись его плотная фигура, копна некогда русских, а теперь седеющих волос, блекло-голубые глаза

с тяжелыми морщинистыми мешками. Он занимал пост генерального секретаря бюро с тех пор, как слияние региональных экосоветов произвело на свет эту организацию. Те, кто имел представление о его существовании, даже не могли представить себе экологию без Ино Адраста.

— Сказать по правде,— ответил он,— я редко принимаю собственные решения. Приказы, которые я подписываю, тоже не мои. Я их заверяю только потому, что было бы неудобно позволить делать это компьютерам. Но знаете, работу-то делают они.

Ежедневно бюро поглощает неимоверное количество данных со всего земного шара — не только о числе рождений, смертей, демографических сдвигах населения, производстве и потреблении, но и обо всех изменениях численности всех видов животных и растений, не говоря уже о состоянии основных сред биосферы — воды, воздуха и почвы. Информация расчленяется, поглощается и заносится в перекрестно связанные базы данных невероятной сложности. А оттуда мы получаем ответы на наши вопросы.

— На все вопросы? — уточнил Марли, покосившись на собеседника.

— Вопросы без ответа мы научились не задавать,— улыбнулся Адраст.

— И в результате мы имеем экологическое равновесие,— заключил Марли.

— Верно, но равновесие особого рода. Баланс поддерживался все время существования жизни, но всегда за счет катастроф. Любое его нарушение восстанавливают голод, эпидемии, изменение климата. Теперь мы поддерживаем равновесие мелкими ежедневными сдвигами, не позволяя нарушениям накапливаться.

— Как-то вы сказали,— напомнил Марли,— «Величайшее из достижений человечества — это сбалансированная экология».

— Говорят, что сказал.

— Это написано на стене за вашим стулом.

— Только первые четыре слова,— сухо уточнил Адраст.

С длинной ленты блестина подмигивали буквы: «ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ДОСТИЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...»

— Концовку и так все знают.

- О чем еще вам рассказать?
- Могу я посидеть здесь немного и посмотреть, как вы трудитесь?
- Бумажная работа под красивой вывеской.
- Мне так не кажется. Не запланированы ли у вас встречи, на которых я мог бы присутствовать?
- Сегодня одна; с юношей по фамилии Тансония, одним из наших селенитов. Посидите.
- Селенитов? Вы хотите сказать?..
- Работников лунных лабораторий. Слава Богу за то, что Он создал Луну. Иначе все их опыты пришлось бы проводить на Земле, а у нас и без того проблем с экологией хватает.
- Вы говорите о ядерной физике и радиационном загрязнении?
- Не только.

Лицо Лу Тансонии выражало попеременно с трудом сдерживаемое возбуждение и с трудом подавляемую нервозность.

— Рад возможности повстречаться с вами, господин секретарь,— выдохнул он, тяжело дыша,— земное тяготение брало свое.

— Простите, что не мог принять вас раньше,— вежливо ответил Адраст.— Я получил несколько весьма похвальных отзывов о вашей работе. Этот господин — Ян Марли, популяризатор науки. Его присутствие вас не должно смущать.

Лу коротко кивнул писателю и вновь обернулся к Адрасту:

— Господин секретарь...

— Сядьте,— прервал его Адраст.

Лу устроился в кресле с неуклюжестью человека, привычного к малой силе тяжести, и выражением лица, подразумевавшим, что тратить время на то, чтобы присесть,— значит тратить его зря.

— Господин секретарь,— начал он снова,— я обращаюсь лично к вам по поводу моего проекта, заявка номер...

— Знаю.

— Вы ее читали, сэр?

— Нет, но читали компьютеры. И отвергли.

— Именно! Я обращаюсь к вам с просьбой отменить их решение.

Адраст, улыбаясь, покачал головой:

— Это трудное решение. Не знаю, хватит ли у меня смелости отменить вердикт компьютера.

— Но вы должны, — взмолился юноша. — Моя специальность — генетическая инженерия.

— Знаю.

— А генетическая инженерия сейчас — служанка медицины, — продолжал Лу, не замечая, что его прервали, — и это недопустимо.

— Странно, что вы это говорите. Вы дипломированный врач, а ваши труды по медицинской генетике меня впечатляют. Мне сообщили, что благодаря вашим исследованиям в течение двух лет можно окончательно уничтожить сахарный диабет.

— Да, но мне это не важно. Я не хочу заканчивать эту работу. Пусть это сделает кто-то другой. Уничтожение сахарного диабета — всего лишь деталь. Немного понизится смертность, немного увеличится прирост населения, чего я как раз хотел бы избежать.

— Вы не верите в ценность человеческой жизни?

— Верю, но не до абсурда. На Земле нас и так слишком много.

— Некоторые так думают.

— И вы в их числе, господин секретарь. Об этом написано в ваших статьях. Любому мыслящему человеку — а вам больше, чем кому бы то ни было, — ясно, что творится в мире. Перенаселение вызывает неудобства, а чтобы избавиться от неудобств, приходится ограничивать личный выбор. Если загнать множество людей на маленькую площадку, то сесть на землю они смогут только все вместе. Соберите толпу, и идти она сможет только в ногу. Это и происходит с человечеством: оно превращается в слепую толпу, не знающую, куда и зачем она движется.

— И долго вы заучивали эту речь, господин Тансония?

Лу порозовел.

— А все прочие формы жизни, кроме сельскохозяйственных растений, исчезают, уменьшается количество видов и их численность. Экология упрощается с каждым годом.

— Оставаясь сбалансированной.

— Теряя разнообразие и красоту. Мы не знаем, во что обходится нам равновесие. Мы принимаем его за неимением лучшего выбора.

— А что предлагаете вы?

— Спросите машину, которая мне отказала! Я предлагаю начать программу генно-инженерных изменений на большом количестве видов — от червей до млекопитающих. Я хочу создать из подручного материала новые виды, пока старые не исчезли окончательно.

— Зачем?

— Для создания искусственных экосистем. Экосистем, образованных из растений и животных, не похожих ни на что существующее на Земле.

— И чего вы намерены добиться?

— Понятия не имею. Если бы я знал, не надо было бы проводить опыты. Но я знаю, чего мы должны добиться. Мы должны выяснить, что движет экологией. Пока что мы взяли созданное природой, разрушили, сломали и обходимся теперь выпотрошенными остатками. Почему бы теперь не научиться создавать?

— Строить вслепую? Наудачу?

— Чтобы строить по плану, мы слишком мало знаем. Основная движущая сила генетической инженерии — случайные мутации. Задача медицины — уничтожить эти случайности в определенных областях. Я же хочу использовать неопределенность генетической инженерии в своих целях.

Адраст нахмурился:

— И как вы собираетесь создать действующую экосистему? Не станет ли она взаимодействовать с существующими, разрушая равновесие? Этого мы не можем себе позволить.

— Я не собирался проводить опыты на Земле, — торопливо ответил Лу. — Ни в коем случае.

— На Луне?

— Нет, еще дальше — на астероидах. Я подумывал об этом с тех пор, как компьютер отверг мой проект. Может быть, это изменит вердикт. Маленькие астероиды, с полостями внутри — по одному на экосистему. Выделить на этот проект нужное число астероидов. Установить энергогенераторы, системы жизнеобеспечения и засеять формами жизни, способными образовать замкнутую систему. А потом наблюдать. Если не получится — изъять какой-то компонент, или добавить, или изменить соотношения видов. Мы создадим новую отрасль науки — прикладную экологию, или, если хотите, экологическую инженерию — на-

уку, на шаг превосходящую генетическую инженерию по сложности и значению.

— Но конкретной выгоды вы пока не обещаете.

— Конкретной — разумеется, нет. Но как можно ее избежать? Мы получим новые знания именно в той области, где больше всего в них нуждаемся. — Лу указал на мерцающие буквы за спиной Адраста. — Вы сами сказали: «Величайшее из достижений человечества — это сбалансированная экология». Я предлагаю вам способ изучить экологию экспериментально — то, чего никому прежде не удавалось.

— И сколько астероидов вам бы потребовалось?

Лу поколебался.

— Десять? — неуверенно произнес он. — Для начала.

— Пятью обойдетесь, — сообщил ему Адраст, подвинул к себе отчет и решительно перечеркнул вердикт компьютера.

— И вы все еще будете меня уверять, что занимаетесь скучной бумажной работой? — спросил Марли, когда Тансония вышел. — Вы только что отказали в доверии компьютеру и подарили парню пять небесных тел.

— Решение еще должно быть одобрено Конгрессом. И будет, обязательно.

— Так вы полагаете, что этот юноша выдвинул хорошую идею?

— Нет. Ничего не выйдет, несмотря на весь его энтузиазм. Проблема так сложна, что, для того чтобы решить ее хоть частично, больше ученых, чем мы можем выделить, должны работать над ней дольше, чем этот юноша проживет.

— Вы уверены?

— Так сказал компьютер. Потому-то его заявку и отвергли.

— Но тогда почему вы отменили вердикт машины?

— Потому что и я, и правительство в целом сохраняем не столько экологию, сколько кое-что куда более важное.

Марли наклонился вперед:

— Не понимаю.

— Это потому, что вы неправильно процитировали мои давние слова. Потому, что их никто не цитировал правильно. Я произнес две фразы, а из них сделали одну. Я так и не сумел их по-

том разделить. Предполагаю, что человеческая раса еще не готова принять мою мудрость во всей ее полноте.

— То есть вы не говорили: «Величайшее из достижений человечества — это сбалансированная экология»?

— Нет, конечно. Я сказал: «Величайшая *потребность* человечества — это сбалансированная экология».

— Но у вас за спиной написано: «Величайшее из достижений человечества...»

— Это начало второй фразы, которую все отказываются вспоминать, а я отказываюсь забыть: «Величайшее из достижений человечества — это свобода мысли». Я не ради экологии отменил решение компьютера. Экология нам нужна, чтобы выжить. Я отменил вердикт, чтобы сохранить и заставить работать мозг, способный мыслить свободно. Это нужно нам, чтобы оставаться людьми, — а это важнее, чем просто выжить.

Марли поднялся.

— Подозреваю, господин секретарь, что вы специально подстроили эту беседу. Вы ведь хотите, чтобы я донес эту мысль до всех, не так ли?

— Скажем иначе, — ответил Адраст. — Я воспользовался возможностью исправить цитату.

ВОЗЬМИТЕ СПИЧКУ

Космос был черным, куда ни глянь — сплошная чернота. Ни единого просвета, ни единой звезды.

Не потому, что не стало звезд...

В сущности, именно мысль, что звезды могут исчезнуть, буквально исчезнуть, леденила Петра Хэнсена. Это был старый кошмар, как его ни подавляй, но дремлющий в подсознании всех космических дальнепроездцев.

Когда совершаешь прыжок через пространство тахионов, как знать, куда попадешь? Можешь с какой угодно точностью рассчитать время и расход горючего, можешь иметь лучшего в мире термоядерщика, но от принципа неопределенности никуда не деться. Промах всегда возможен, больше того — даже неминуем.

А при скоростях, с которыми мчатся тахионы, ошибка на волосок может обернуться тысячью световых лет.

Что, как окажешься без всяких ориентиров, не сможешь определить и найти обратный путь?

Исключено, говорят ученые. Во всей Вселенной, говорят они, нет места, откуда не видны были бы квазары, а уже по ним одним можно сориентироваться. Да и вероятность выскочить при обычном прыжке за пределы Галактики равна одной десяти-миллионной, а за пределы таких, скажем, галактик, как Андромеда или Маффей I, — что-нибудь порядка одной квадриллионной. Выкиньте это из головы, говорят ученые.

Значит, когда корабль возвращается из парадоксального пространства сверхсветовых скоростей в обычный, знакомый мир нормальных физических законов, звезды должны быть видны.

Если же их все-таки не видишь, значит, ты угодил в пылевое облако — вот единственное объяснение.

Если не считать ревниво оберегаемых термоядерщиками тайн, Хэнсен, высокий, угрюмый человек с дубленой кожей, знал все о суперкораблях, вдоль и поперек бороздящих Галактику и ее окрестности. Сейчас он был один в милом его сердцу капитанском отсеке. Отсюда он мог связаться с любым человеком на корабле, взглянуть на показатели любых приборов, и ему нравилась эта возможность незримо присутствовать всюду.

Впрочем, сейчас Хэнсена ничто не радовало. Он нажал клавишу и спросил:

— Что еще, Штраус?

— Мы в рассеянном скоплении, — ответил голос Штрауса. — Во всяком случае, уровень излучения в инфракрасном и микроволновом диапазонах свидетельствует о рассеянном скоплении. Беда в том, что мы не можем сориентироваться. Никакой надежды.

— В обычном свете видимости совсем нет?

— Абсолютно. И в ближнем инфракрасном — тоже. Облако густое, как каша.

— А его размеры?

— Решительно невозможно определить.

— Далеко ли может быть ближайший край?

— Не имею ни малейшего представления. Может, одна земная неделя, а может, десять световых лет.

— Вы разговаривали с Вильюкисом?

— Да! — отрывисто произнес Штраус.

— Что он говорит?

— Почти ничего. Он дуется. Он, конечно, воспринимает все это как личное оскорбление.

— Конечно. — Хэнсен бесшумно вздохнул. Термоядерщики ведут себя как неразумные дети, а особая роль, которую они выполняют в глубоком космосе, заставляет все им прощать. — Полагаю, вы говорили ему, что такие вещи непредсказуемы, что они со всяким могут случиться.

— Я-то говорил. А он, как вы, верно, догадываетесь, возразил: «Только не с Вильюкисом».

— Если забыть, что с ним это уже случилось. Ну, мне говорить с ним нельзя. Что бы я ни сказал, он воспримет это как

попытку давления сверху, а тогда мы вообще ничего от него не добьемся... Он не намерен воспользоваться ковшом?*

— Он говорит, что так можно повредить ковш.

— Повредить магнитное поле?!

— Не говорите ему этого,— предупредил Штраус.— Он заявит, что здесь не столько магнитное поле, сколько термоядерная труба, а потом еще будет обижаться на вас.

— Да. Я знаю... Ладно, пусть все займется этой задачей. Должен же быть какой-то способ узнать направление и расстояние до ближайшего края облака.— Он прекратил разговор и мрачно задумался.

Прыжок они сделали, двигаясь на полусветовой скорости в направлении к центру Галактики, а значит, на такой же скорости снова вернулись в пространство тардионов**. Такая операция всегда содержит элемент риска. Ведь после прыжка корабль мог оказаться вблизи какой-нибудь звезды, устремляясь к ней на полусветовой скорости.

Теоретики отрицали такую возможность. Корабль, говорили они, не может очутиться в опасной близости от массивного небесного тела. Гравитационные силы, действующие на корабль при переходе от тардионов к тахионам и обратно, по самой своей природе являются силами отталкивания. Однако все тот же принцип неопределенности не позволял точно рассчитать эффект от взаимодействия всех таких сил...

Теоретики сказали бы: положитесь на инстинкт термоядерщика. Хороший термоядерщик никогда не ошибается.

Но именно термоядерщик загнал их в это облако.

— ...О, вот вы о чем! Такое всегда возможно. Не беда. Облака чаще всего неплотные. Вы и не заметите, что попали в облако.

(О мудрец, не такое это облако!)

— Вам даже выгодно попасть в облако. Ковши смогут быстрее собрать газ, необходимый для термоядерных двигателей.

(О мудрец, не такое это облако!)

— Ну, тогда предоставьте термоядерщику найти выход.

---

* Имеется в виду ковш для сбора межзвездного газа. (Прим. перев.)

** Чтобы перенестись из одной точки Вселенной в другую, отдаленную на многие световые годы, автор «пользуется» пространством сверхбыстрых тахионов (от греческого «быстрый») в отличие от тардионов (от латинского «медленный»), составляющих привычный для нас мир.

(Но что, если выхода просто нет?)

Хэнсен оборвал этот воображаемый диалог, стараясь прогнать последнюю мысль. Но как не думать о том, что всего сильнее тебя тревожит?

Астроном Генри Штраус был тучным мужчиной с самой заурядной внешностью, и только окрашенные контактные линзы придавали искусственную яркость его глазам. Он тоже был глубоко удручен. Еще с катастрофой иного рода он и смирился бы. Отваживаться на такое путешествие нельзя с закрытыми глазами. Всякий должен быть готов к катастрофе. Но когда она задевает то, чему ты посвятил свою жизнь, а твои профессиональные знания оказываются бесполезны...

Капитан в таком деле бессилен. Он может единовластно командовать всеми другими на корабле, но термоядерщик сам себе хозяин, и этого не изменить. Даже для пассажиров (как это ни огорчительно) термоядерщик — властелин космоса, затмевающий всех и все.

Спрос здесь превышает предложение. Компьютеры могут точно вычислить расход энергии, время, место и направление прыжка (если при переходе от тардионов к тахионам можно говорить о «направлении»), но пределы погрешности огромны и уменьшить их способен лишь талантливый термоядерщик. Что это за талант, никто не знает — термоядерщиками рождаются, стать ими нельзя. Но сами они знают, что у них есть такой талант, и нет термоядерщика, который не извлекал бы выгоды из этого.

Вильюкис в этом смысле еще не самый трудный. Со Штраусом он, во всяком случае, поддерживает добрые отношения, однако не постеснялся увлечь самую хорошенькую девушку на корабле, хоть Штраус и первый обратил на нее внимание. (Это тоже давно стало чем-то вроде королевской привилегии термоядерщика.)

Штраус вызвал Антона Вильюкиса на связь. Прошло немало времени, пока на экране возник взъерошенный и сердитый Вильюкис.

— Как труба? — мягко спросил Штраус.

— Думаю, я вовремя выключил ее. Сейчас осмотрел и повреждений не обнаружил. Теперь, — он глянул на свой костюм, — мне надо привести себя в порядок.

— Хорошо, что труба не повреждена.

— Но пользоваться ею нельзя.

— Может, придется, Вил,— осторожно начал Штраус.— Мы не знаем, что будет дальше. Если бы облако рассеялось...

— Если бы, если бы, если бы... Я скажу вам, что «если бы». Если бы вы, безмозглые астрономы, знали о существовании здесь облака, я сумел бы избежать его.

Сказанное было несправедливо и к делу не относилось. Штраус не поддался на провокацию.

— Облако может рассеяться,— сказал он.

— Как там анализы?

— Анализы скверные, Вил. Это самое плотное из всех когда-либо отмеченных гидроксильных облаков. Я не знаю в Галактике другого места с такой концентрацией гидроксила.

— И совсем нет водорода?

— Немного, конечно, есть. Процентов пять.

— Мало,— решительно заявил Вильюкис.— Но там не только гидроксил. Там есть кое-что похуже гидроксила.

— Да, знаю. Формальдегид. Его больше, чем водорода. Вам понятно, что это значит, Вил? Какой-то процесс вызвал скопление кислорода и углерода настолько огромное, что оно поглотило весь водород в объеме, может быть, нескольких световых лет. Я ни о чем таком прежде и не слыхивал и не представляю, что это за процесс.

— На что вы намекаете, Штраус? Не хотите ли вы сказать, что это единственное в своем роде облако и что только я по своей глупости мог угодить в него?

— Не искажайте моих слов, Вил. Я выражаюсь достаточно ясно. Ничего подобного вы ведь не слышали. Сейчас, Вил, все мы зависим от вас. Я не могу вызвать помощь, потому что, не зная нашего местоположения, не представляю, куда нацелить гиперлуч. А определить местоположение я не могу из-за отсутствия звезд...

— Ну а я не могу использовать термоядерную трубу. Так почему же я виноват? Ведь и вы не можете сделать свое дело, почему же всегда виноват термоядерщик? — кипятился Вильюкис.— Дело за вами, Штраус, за вами. Скажите мне, куда вести корабль, чтобы отыскать водород. Скажите мне, где кончается это обла-

ко... Или ладно, черт с ним, с облаком! Скажите, где кончается это гидроксильно-формальдегидное засилие.

— Я бы рад помочь вам, — сказал Штраус, — но в каждой пробе я нахожу только гидроксил и формальдегид.

— С ними термоядерная реакция не пойдет.

— Я знаю.

— Вот, — бушевал Вильюкис, — видите, к чему приводит перестраховка! Если бы термоядерщик мог сам принимать нужные решения, у нас была бы энергия для двойного прыжка, и мы горя бы не знали.

Штраус понимал, что он имеет в виду. Речь шла о возможности делать второй прыжок сразу вслед за первым. Но неопределенность, имевшая место при одном прыжке, при двух возросла бы во много раз, тут никакой термоядерщик не смог бы ничего поделывать.

Было установлено строгое правило: между прыжками должны пройти сутки, а лучше — три дня. За это время можно подготовиться к следующему прыжку. Чтобы данное правило не нарушали, запас энергии дозировался с таким расчетом, чтобы его хватало лишь на один прыжок. Затем надо было снова собрать ковшами газ, сконденсировать его, накопить энергию и запустить термоядерные двигатели. На все это, как правило, требовалось не меньше суток.

— Сколько у вас осталось энергии, Вил? — спросил Штраус.

— Вот столечко. — Вильюкис на четверть дюйма развел большой и указательный пальцы.

— Скверно, — заметил Штраус.

Расход энергии фиксировался и мог быть проконтролирован, но термоядерщики все же умудрялись создавать некоторый запас. И Штраус спросил:

— Вы уверены, что это все? Если запустить аварийные генераторы, выключить освещение...

— Да. И вентиляцию, и все бытовые приборы, и арматуру гидропоники. Знаю, знаю. Я уже прикидывал. Все равно не выйдет. Этот ваш дурацкий запрет делать двойной прыжок...

Штраус опять сдержался. Он знал, да и все знали, что в действительности о запрете позаботился союз термоядерщиков. На двойном прыжке иногда настаивали капитаны, но именно термоядерщики боялись оказаться несостоятельными. Впрочем,

сейчас известный всем обязательный интервал между прыжками имел и свою положительную сторону. Его можно было при необходимости растянуть на целую неделю, не вызвав у пассажиров никаких подозрений. А за неделю что-нибудь, авось, проявится. Пока еще шли только первые сутки. Штраус сказал:

— Вы уверены, что ничего нельзя сделать с вашей системой? Скажем, отфильтровать примеси?

— Какие примеси?! Это не примеси, это основная масса. Примесь здесь — водород. Поймите, нужна температура в полмиллиарда, если не в миллиард градусов, чтобы атомы кислорода и углерода вступили в термоядерную реакцию. Это невозможно, я и пытаться не стану. Если бы я попытался и ничего не вышло, вся ответственность была бы на мне, а я этого не желаю. Вы должны доставить меня туда, где есть водород, вот и выполните свою работу. Ведите корабль к месту, где есть водород. Мне все равно, сколько вам потребуется для этого времени.

— При такой плотности облака мы не можем увеличить скорость, Вил. А на полусветовой скорости мы можем прокрутиться здесь и два года, и двадцать лет...

— Придумайте выход сами. Или пусть это сделает капитан.

Штраус в отчаянии отключил связь. Термоядерщику разумные доводы недоступны. Существовала даже теория (вполне серьезная), будто повторные прыжки влияют на мозг. При прыжке каждый тардион переходит в тахион, а затем происходит обратное превращение. Если бы при этом возникло малейшее отклонение, оно, естественно, сказалось бы в первую очередь на самом сложном, на мозге. Конечно, прямых доказательств тому пока не наблюдали: офицеры суперкораблей если и изменялись с годами, то лишь в связи с возрастом. Но может быть, особое устройство мозга термоядерщиков, в чем бы оно ни заключалось, не позволяет полностью восстановиться этому исключительно созданию природы.

Чепуха! Не в том дело! Просто термоядерщики донельзя испорчены!

Штраус был в нерешительности. Может, обратиться к Черил? Если кто способен помочь, то только она. Вил — точно избалованное дитя. К нему нужен подход. Тогда он и в такой ситуации сможет что-нибудь придумать.

Верил ли в это Штраус? Или ему просто претило застрять здесь на годы? В принципе суперкорабли приспособлены и для таких экстремальных условий. Но на практике этого еще не случилось, и ни экипаж, ни — тем более — пассажиры к экстремальным условиям не готовы.

Но как обратиться со столь щекотливым предложением к Черил? Что сказать, чтобы это не выглядело прямым подстрекательством к обольщению термоядерщика? Шли только первые сутки, и Штраус еще не чувствовал себя готовым толкнуть Черил в объятия Вильюкиса.

Ждать! Пока, во всяком случае, ждать!

Вильюкис хмурился. От ванны ему стало чуть легче, и он был доволен проявленной в разговоре со Штраусом твердостью. В сущности, Штраус — неплохой малый, но, как все они («они» — капитан, команда, пассажиры, все тупицы, населяющие Вселенную и не являющиеся термоядерщиками), он стремился избежать ответственности. Свалить ее на термоядерщика. Дудки! С Вильюкисом этот номер не пройдет.

Вильюкис встал и потянулся — высокий, с глубоко посаженными глазами, над которыми навесом торчали густые брови.

Эта болтовня, что они могут застрять здесь на годы, — только попытка запугать его. Пусть как следует пораскинут мозгами, авось определят размеры этого облака. Должно же оно где-то кончаться. Едва ли они сидят в самом центре. Конечно, если корабль находится вблизи одного края, а мчится к другому...

А вдруг дело и впрямь затянется на несколько лет? Такого еще не бывало. Самое длительное путешествие в глубоком космосе продолжалось восемьдесят восемь дней и тринадцать часов. Тот корабль попал в диффузную туманность и должен был снизить скорость, а потом наращивать ее до девяти десятых скорости света, чтобы можно было сделать прыжок.

Никто не погиб. Конечно, двадцать лет, например...

Но этого не может быть.

Сигнальная лампочка трижды мигнула, пока он обратил на нее внимание. Ну, если это капитан, он ему покажет!..

— Антон!

Нежный настойчивый голос несколько поубавил досаду. Вильюкис позволил двери на миг открыться, чтобы впустить Черил.

Двадцать пять лет, зеленые глаза, решительный подбородок, матово-рыжие волосы...

— Что-нибудь случилось, Антон? — спросила девушка.

Даже термоядерщик не станет слишком откровенничать с пассажирами, и Вильюкис ответил:

— Вовсе нет. С чего вы взяли?

— Так сказал один пассажир. Некий Мартанд.

— Мартанд? Что он в этом смылит? — Затем подозрительно: — И почему вы слушаете какого-то дурака пассажира? Что он собой представляет?

Черил слабо улыбнулась:

— Просто человек. Ему лет под шестьдесят, и он вполне безобиден, хотя, по-моему, не хочет, чтобы его считали таким. Но не в том суть. Все заметили, что звезд не видно, и Мартанд сказал: это неспроста.

— Вот как? Мы просто пересекаем облако. В Галактике их полно, и суперкорабли постоянно проходят через них.

— Да, но Мартанд говорит, что и в облаке, как правило, видны звезды.

— Что он в этом смылит? — повторил Вильюкис. — Он что, старый космический волк?

— Н-нет, — признала Черил. — Кажется, это вообще первое его путешествие. Но он, видать, очень знающий человек.

— Чувствуется! Ступайте-ка к нему и велите заткнуться, если он не хочет попасть в изолятор. И сами тоже помалкивайте.

Черил склонила набок голову.

— Знаете, Антон, мне начинает казаться, что у нас действительно что-то случилось. Вы так это сказали... А Луис Мартанд — интересная личность. Он школьный учитель. Преподает в старшем классе общий курс наук.

— Школьный учитель! Боже милостивый! Черил...

— Но вам стоило бы его послушать. Он говорит, что учить ребят — одна из немногих профессий, при которых надо иметь некоторое представление обо всем на свете, потому что ребята вечно задают вопросы и легко распознают лпу.

— Вот и вам следовало бы научиться распознавать лпу. В общем, велите ему заткнуться, не то я сам это сделаю.

— Хорошо. Но прежде скажите, верно ли, что мы пересекаем гидроксильное облако и что термоядерная труба выключена?

Вильюкис открыл рот, но тут же закрыл его. Наступила долгая пауза.

— Кто вам это сказал? — спросил он наконец.

— Мартанд. Ну, я пойду.

— Нет, — резко произнес Вильюкис. — Пойдите. Кому еще Мартанд все это рассказывал?

— Никому. Он говорит, что не хочет сеять панику. Должно быть, я просто оказалась рядом, когда это произошло Мартанду в голову, и ему надо было с кем-нибудь поделиться.

— Знает он, что мы с вами знакомы?

Черил чуть сдвинула брови:

— Кажется, в разговоре я об этом упомянула.

Вильюкис фыркнул:

— Не воображайте, что этот старый идиот, которого вы подцепили, лезет из кожи вон ради вас. Это он пытается через ваше посредство произвести впечатление на меня.

— Вот уж нет. Он даже специально просил ничего вам не говорить.

— Зная, конечно, что вы тут же отправитесь ко мне.

— Да зачем ему это?

— Чтобы посадить меня в галошу. Вы знаете, что такое быть термоядерщиком? Все тебя ненавидят, все против тебя. Потому что ты необходим, потому что...

— Но при чем тут это? Если Мартанд ошибается, как он может посадить вас в галошу? А если он прав... Он прав, Антон?

— Что именно он говорил?

— Я не уверена, конечно, что могу все вспомнить, — задумчиво сказала Черил. — Это было через несколько часов после прыжка. В то время все говорили, что звезд не видно, а без них путешествовать в глубоком космосе совершенно неинтересно. В гостиную только и было разговоров, что о следующем прыжке. А потом пришел Мартанд и заговорил со мной... Пожалуй, он мне симпатизирует.

— Пожалуй, я ему не симпатизирую, — угрюмо заметил Вильюкис. — Продолжайте.

— Я сказала, что скучно лететь, когда ничего не видно, а он сказал, что так будет еще некоторое время, и мне показалось, будто он обеспокоен. Естественно, я спросила, почему он так думает, а он ответил, что термоядерная труба выключена.

— С чего он это взял?

— Он говорит, что в одном из мужских туалетов слышалось негромкое гудение, которое теперь смолкло. А в стенном шкафу, где лежат шахматы, одно место всегда нагревалось от трубы. И теперь это место холодное.

— Это все его доводы?

— Он говорит,— продолжала она,— что звезд не видно, так как мы находимся в густом облаке, а термоядерная труба выключена, потому что здесь не хватает водорода. По его словам, нам может не хватить энергии для нового прыжка, и, если мы станем искать водород, мы можем на годы застрять в этом облаке.

Выражение лица Вильюкиса стало свирепым.

— Он паникер. Вы знаете, что за это...

— Он не паникер. Он предупредил, чтобы я никому ничего не говорила, потому что это вызовет панику и еще потому, что ничего такого с нами не случится. Со мной он поделился просто потому, что я оказалась рядом, когда эта мысль пришла ему в голову. Вообще же он сказал, что есть очень легкий выход из положения и термоядерщику это, конечно, известно, так что беспокоиться не о чем... Однако вы ведь термоядерщик, вот я и подумала, что надо спросить у вас, верно ли это все насчет облака и насчет того, что вы уже принимаете какие-то меры.

— Ни черта он не понимает, этот ваш школьный учитель. Держитесь от него подальше... Гм-м... А говорил он, что это за легкий выход из положения?

— Нет. Спросить его?

— Нет. Зачем мне это? Что он может знать? Впрочем... Ладно, спросите. Мне любопытно, что у этого идиота на уме. Спросите.

— Я могу спросить. Но у нас действительно неприятности?

— Предоставьте это мне,— отрезал Вильюкис.— И пока я не сказал, что у нас неприятности, считайте, что их у нас нет.

Он долго глядел на захлопнувшуюся за Черил дверь, сердито и вместе с тем растерянно. Что он намерен предпринять, этот Луис Мартанд, этот школьный учитель, осеняемый идеями?

Если в конечном счете путешествие затянется, пассажиров надо осторожно к этому подготовить. Но кто станет слушать, если Мартанд уже сейчас обо всем раструбит?..

Почти яростно Вильюкис шелкнул тумблером, вызывая капитана.

Мартанд был строен, подтянут. Губы его все время, казалось, готовы сложиться в улыбку, хотя лицо неизменно сохраняло вежливую серьезность и словно бы даже надежду, как будто он постоянно ожидал услышать от собеседника нечто поистине важное.

Черил сказала ему:

— Я разговаривала с мистером Вильюкисом... Он, вы знаете, термоядерщик. Я передала ему ваши слова.

Мартанд с нескрываемым неудовольствием покачал головой:

— Боюсь, вам не следовало этого делать!

— Ему не понравилось...

— Конечно, термоядерщики — народ особый, они не терпят, чтобы посторонние...

— Я это заметила. Но он уверяет, что для беспокойства нет причин.

— Конечно нет. — Мартанд успокоительно погладил ее по руке. — Я ведь сказал вам, что из такого положения есть очень простой выход. Хотя допускаю, что Вильюкис не сразу до него додумается.

— До чего додумается? — Затем мягко: — Почему он не сразу додумается, если вы додумались?

— Но он специалист, милая девушка. Специалисты мыслят привычными для их специальности категориями. Им трудно от этого отрешиться. Мне же нельзя быть косным. Демонстрируя перед классом опыт, я почти всегда должен импровизировать. Я, например, никогда еще не работал в такой школе, где имелся бы миниатюрный атомный реактор; и когда мы проводили занятия в поле, мне пришлось смастерить термоэлектрический генератор, работающий на керосине.

— Что это такое — керосин? — спросила Черил.

Мартанд, явно очень довольный, засмеялся:

— Вот видите? Люди забыли. Керосин — это такая горючая жидкость. Мне случалось нередко пользоваться еще более примитивным способом добычи огня: с помощью трения. Слышали о таком? Вы берете спичку...

Черил тупо смотрела на него, и он снисходительно продолжал:

— Ладно, не важно. Я просто пытаюсь объяснить, почему ваш термоядерщик не сразу найдет выход. Я же привык поль-

зоваться примитивными методами... Например, вы знаете, что это? — Он указал на смотровое окно, за которым фактически ничего не было видно, отчего и в гостиную отсутствовал народ.

— Облако, пылевое облако.

— Да, но какое? Основное вещество, присутствующее всегда и всюду, — водород. Он, можно сказать, заполняет Вселенную, и на этом держится навигация в глубоком космосе. Ни один корабль не может запастись горючим, необходимым для повторных прыжков или для того, чтобы то разогнаться почти до скорости света, то вновь резко замедлять ход. Нам приходится черпать горючее из космоса.

— Знаете, меня всегда это удивляло. Я думала, в космосе ничего нет, он пуст.

— Почти пуст, голубушка, а «почти», как известно, не считается. Делая сотню тысяч миль в секунду, успеваешь собрать и сконденсировать достаточно водорода, даже если в каждом кубическом сантиметре лишь несколько его атомов. А малые количества водорода при постоянно идущей термоядерной реакции дают нужную кораблю энергию. В облаках водорода обычно даже больше, чем нужно, но примеси могут иной раз испортить все дело. И сейчас именно такой случай.

— Откуда вы знаете, что здесь есть примеси?

— Зачем бы иначе мистер Вильюкис выключил термоядерную трубу? После водорода в космосе наиболее часто встречаются гелий, кислород и углерод. Раз трубу выключили, значит, здесь недостает горючего, то есть водорода, и имеются губительные для сложной термоядерной системы вещества. Гелий, тот безвреден. Скорее всего, это гидроксильные группы, образующиеся при соединении кислорода с водородом. Вам понятно?

— Пожалуй. Я проходила в школе этот общий курс наук, и кое-что мне запомнилось. Пыль фактически состоит из гидроксильных групп плюс твердые частицы.

— Собственно гидроксил в умеренных количествах не очень опасен для термоядерной системы, но вот соединения углерода — другое дело. Здесь, скорее всего, есть еще и формальдегид. Теперь понимаете?

— Нет, — откровенно призналась Черил.

— Эти соединения не дадут термоядерной реакции. Если разогреть их до нескольких сот миллионов градусов, они про-

сто распадутся на отдельные атомы. Но почему не использовать их при нормальной температуре? Гидроксил и формальдегид после сжатия вступят в обычную химическую реакцию, и это не причинит никакого вреда. Во всяком случае, я уверен, хороший термоядерщик сможет модифицировать систему и провести химическую реакцию при комнатной температуре. Энергию, которая при этом выделится, можно накопить и спустя какое-то время использовать для прыжка.

Черил сказала:

— Не понимаю, каким образом. Едва ли химические реакции могут заменить термоядерную.

— Вы совершенно правы, дорогая. Но нам ведь много и не надо. После предыдущего прыжка у нас не могло хватить энергии для нового — таков порядок. Но, держу пари, ваш приятель-термоядерщик позаботился снизить расход горючего до минимума. Это обычная тактика всех термоядерщиков. Теперь нам надо лишь восполнить небольшой дефицит, тут достаточно и энергии, которую дадут химические реакции. А потом, когда прыжок вызовет нас из этого облака, мы попутешествуем с неделю в космосе, снова накопим водород и сможем спокойно продолжать путешествие. Конечно... — Мартанд поднял брови и пожал плечами.

— Да?

— Конечно, если мистер Вильюкис по какой-то причине промедлит, положение может стать затруднительным. Ведь с каждым днем запас энергии на корабле будет истощаться, и через какое-то время химические реакции уже не смогут пополнить его настолько, чтобы можно было осуществить прыжок. Надеюсь, мистер Вильюкис не станет слишком долго тянуть.

— Почему бы вам не поговорить с ним? Сейчас.

Мартанд покачал головой:

— Поговорить с термоядерщиком? Это невозможно, дорогая.

— Ну, тогда я сама с ним поговорю.

— О нет. Он наверняка сам до всего додумается. Я даже готов предложить вам пари, дорогая. Вы передадите ему в точности наш разговор и скажете, что я уверен: он уже сам принял такое решение и включил термоядерную трубу. И конечно, если я выиграю... — Мартанд улыбнулся.

Черил тоже улыбнулась:

— Посмотрим...

Мартанд проводил ее задумчивым взглядом, и мысли его были заняты не только тем, как воспримет Вильюкис его идею.

Он не удивился, когда возникший словно из-под земли охранник сказал:

— Прошу вас следовать за мной, мистер Мартанд.

— Спасибо, что дали мне кончить, — спокойно ответил Мартанд. — Я боялся, что и того не позволят.

Прошло больше шести часов, прежде чем Мартанд смог побеседовать с капитаном. Это время он провел в изоляции, но заключение не показалось ему слишком тягостным. И капитан, к которому его наконец допустили, хоть и выглядел усталым, но отнесся к учителю без особой враждебности.

— Мне доложили, — сказал Хэнсен, — что вы распространяете слухи, порождающие панику среди пассажиров. Это серьезное обвинение.

— Я беседовал только с одной пассажиркой, сэр. И умышленно.

— Мы так и поняли. Мы тут же взяли вас под наблюдение, и я получил достаточно полный отчет о вашей беседе с мисс Черил Уинтер. Это была вторая беседа на данную тему.

— Да, сэр.

— Вы явно желали, чтобы содержание разговора было передано мистеру Вильюкису.

— Да, сэр.

— Вы не сочли нужным обратиться лично к мистеру Вильюкису?

— Я сомневался, что он станет меня слушать, сэр.

— Или ко мне.

— Вы, возможно, выслушали бы меня, но как вы передали бы эту информацию мистеру Вильюкису? Пожалуй, вы тоже были бы вынуждены прибегнуть к помощи мисс Уинтер. Термоядерщики — народ нелегкий.

Капитан рассеянно кивнул:

— На что вы рассчитывали, сообщая через мисс Уинтер свои соображения мистеру Вильюкису?

— Моя надежда, сэр, основывалась на том, что мисс Уинтер он выслушает с меньшим неудовольствием, чем любого другого,

и не сочтет это враждебным выпадом с ее стороны. Я надеялся, он со смехом ответит ей, что напрасно она сообщает ему столь элементарные вещи, он сам давно до них додумался и уже запустил ковши для сбора газа. А затем он поспешит отделаться от мисс Уинтер и действительно запустит ковши, после чего доложит вам, сэр, о принятых мерах, не упоминая ни обо мне, ни о мисс Уинтер.

— Вы не подумали, что он может отвергнуть эту идею как несостоятельную?

— Такая возможность была, но этого не произошло.

— Откуда вы знаете?

— В помещении, куда меня заперли, сэр, уже через полчаса заметно померк свет. Я понял, что на корабле максимально снизили подачу тока и Вильюкис, должно быть, старается сберечь остатки горючего, чтобы их вместе с энергией, полученной от химической реакции, хватило для прыжка.

Капитан нахмурился:

— Почему вы вообразили, что сможете найти подход к мистеру Вильюкису? Разве вы имели когда-нибудь дело с термоядерщиками?

— Нет, но я постоянно имею дело с детьми, сэр. Как учителю, мне знакома детская психология.

Лицо капитана медленно расплылось в улыбке.

— Вы мне нравитесь, мистер Мартанд,— сказал он.— Но вам это не поможет. Ваши ожидания и впрямь сбылись. Но знаете вы, что из этого следует?

— Узнаю, если вы мне скажете.

— Мистер Вильюкис должен был оценить вашу идею и сразу решить, осуществима ли она. Он должен был очень тщательно перестроить систему, чтобы химическая реакция не исключила возможности последующей термоядерной. Он должен был с предельной точностью определить надежное соотношение компонентов и количество потребной энергии, а также оптимальный момент включения двигателей, характер и вид прыжка. Все это надо было сделать быстро, и никто, кроме термоядерщика, с этим не справился бы. В сущности, даже не каждый термоядерщик мог бы это сделать. Вильюкис и среди термоядерщиков личность исключительная. Это вам понятно?

— Вполне.

Капитан глянул на стенной хронометр и включил экран. Тот был черен, как все это время — вот уже вторые сутки.

— Мистер Вильюкис информировал меня, когда он намерен попытаться сделать прыжок. Он надеется, что это удастся, и я вполне на него полагаюсь.

— Если он промажет,— угрюмо заметил Мартанд,— мы окажемся в прежнем положении, но лишимся энергии.

— Я сознаю это,— сказал Хэнсен.— И поскольку вы, возможно, чувствуете себя в какой-то мере ответственным за подсаннанную термоядерщику идею, я подумал, что вам захочется присутствовать при ожидаемом событии.

Оба умолкли, глядя на экран. Хэнсен не назвал точного срока, и Мартанд не знал, идет ли все как положено. На лице капитана ничего нельзя было прочесть.

А затем наступило то странное мгновение, когда кажется, что тебя вдруг пронзило током. Прыгнули!..

— Звезды! — с глубоким облегчением прошептал Хэнсен.

Это был счастливейший миг в жизни Мартанда.

— И с точностью до секунды,— сказал Хэнсен.— Замечательная работа. Мы лишились энергии, но через пару недель у нас ее снова будет полно, и все это время пассажиры смогут наслаждаться изумительным зрелищем.

Мартанд был еще слишком взволнован, чтобы говорить.

Капитан повернулся к нему:

— Ну вот, мистер Мартанд, ваша идея блестяще оправдалась. Можно спорить, вы ли спасли корабль и всех нас, или мистер Вильюкис достаточно быстро сам додумался бы до этой идеи. Но споров не будет, потому что ваша роль ни при каких обстоятельствах не должна стать известна. Мистер Вильюкис виртуозно выполнил задачу, и не так уж важно, что подсказали ему решение вы. Все почести достанутся ему одному.

— Понимаю. Если хоть чуточку задеть гордость мистера Вильюкиса, он будет для вас потерян, а такая потеря невозполнима. Что ж, согласен. Будь по-вашему. Всего хорошего, капитан!

— Нет. Мы не можем на вас положиться.

— Я буду молчать.

— Вы можете случайно проговориться. Для нас это риск. До конца путешествия вы останетесь под домашним арестом.

— За что? — возмутился Мартанд. — Я спас вас, и ваш проклятый корабль, и даже вашего термоядерщика.

— Именно за то, что вы нас спасли. Такое вот дело...

— Где же справедливость?

Капитан медленно покачал головой:

— Справедливость — вещь редкостная и, признаюсь, слишком дорогая иногда, чтобы решиться на нее. Вам нельзя даже вернуться к себе. До конца путешествия вы не увидите ни одного человека.

Мартанд задумчиво почесал подбородок:

— Но это ведь не надо все же понимать буквально, капитан?

— Боюсь, что именно буквально.

— А есть ведь еще один человек... Мисс Уинтер тоже может случайно проговориться. Посадите уж и ее под арест.

— Чтобы совершить тем самым двойную несправедливость?

— На миру и смерть красна, — сказал Мартанд.

Капитан улыбнулся:

— Что ж, пожалуй, вы правы...

ВОСТОРГ НЕОПЫТНОГО ИЗДАТЕЛЯ*

ПРОЛОГ

Дорогой Айзек!

Прилагаю небольшой рассказ, который, возможно, покажется тебе занятным. Концовка, конечно, далеко не безупречна, но... Если ты, доктор А., отредактируешь, скажем, последние три параграфа, то

*а). Поможешь создать истинную Литературную Диковину
б). Поможешь поклоннику вступить в ряды Изданных Писателей*

в). Поразишь этого поклонника до полного изумления!

Кроме того, ты можешь крайне осчастливить меня, как редактора.

Кстати, твоя статья в форуме для июльского номера «Гэ-лакси» оказалась более совершенной, чем я ожидал!

Всего наилучшего

(подпись) Джим Баен.

Дорогой Джим!

О'кей, прилагаю присланный тобой рассказ с переписанным мной лично окончанием.

Может быть, ты уговоришь переписать окончание и Боба Силверберга или, по крайней мере, сделаешь так, чтобы он не рассердился. (Он не рассердился.— Ред.)

© Перевод Н. Берденникова.

* Рассказ написан в соавторстве с Дж. С. Халсоном.

И еще, каким бы молодым ни был Дж. С. Хадсон, думаю, ты поступил бы правильно, если бы, из вежливости, узнал его мнение.

Естественно, я не ожидаю, что эта работа будет оплачена. Если рассказ будет напечатан, отдай весь гонорар Хадсону.

Искренне твой,

(подпись) Айзек Азимов.

Дорогой Джеф!

Ты не будешь возражать, если твой рассказ будет издан в соавторстве с доктором Айзеком Азимовым?

С наилучшими пожеланиями,

(подпись) Джим Баен.

Дорогой Джим.

ТЫ ШУТИШЬ!!! КОНЕЧНО, ДА!!!

Бессмысленно твой,

(подпись) Джеф Хадсон.

(ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЛОГА)

Бурлящая волна прокатилась по водам Нью-Йоркской бухты. Туманный воздух, закружившись, разошелся, обнажив огромную металлическую дугу, едва выступавшую из воды. В нескольких ярдах от него вода вспенилась, и на поверхности появилась широкая белая полоса. Военно-морской флот, Береговая охрана и Полицейское управление Нью-Йорка поспешили расследовать происшествие. Как только рассеялись последние клубы тумана, Военно-воздушные силы и телевизионные сети сделали фотографии с воздуха.

Блестящая металлическая дуга чуть приподнялась до верхней точки и быстро погрузилась в воды залива. Она была чуть скручена. В целом же напоминала обычную болванку. Рядом не прекращались колебания, иногда над водой возникали небольшие фонтанчики. Полоса оставалась поразительно прямой. Пентагон не смог разобраться в происходившем, но поспешил заверить всех, что русские здесь совершенно ни при чем.

А потом случилось главное. Словно что-то вырвалось из глубин, и дуга, поднявшись над морем, оказалась низкой аркой, нет,

она ни с чем не соединялась ни с одной стороны. Два огромных ограничителя полей подняли головы над волнами, и внезапно появился весь механизм. Вода каскадами падала с валика, волнами билась в каретке, стекала на клавиши, пока гигантская пишущая машинка поднималась из глубин на солнечный свет. Огромные литеры взлетали в небо и били по бумаге, потом была нажата клавиша табулятора, и кнопки высвобождения рычага валика взметнулись в небо и сбили статую Свободы. На задней стенке колоссальной машинки была видна надпись: «Самый плодovitый или халтурный в мире!»

А по клавишам взад и вперед, как по узким трапам, с безумной скоростью метался доктор Айзек Азимов.

Президент пришел в ярость.

Издатель был в восторге.

Читатели впали в истерику.

А добрый доктор тем временем непрерывно печатал на бесконечной полосе бумаги, которая, казалось, просто появлялась внутри машинки. Ни одна из частей не нуждалась в замене, машинка словно самовосстанавливалась. Это относилось и к доктору Азимову. Единственным объяснением таинственной работы машинки был электрический шнур, уходивший в глубины Атлантического океана.

Айзек печатал статьи круглые сутки. Его грандиозные опусы уже забили саму бухту, стали выходить на берег, оборачиваться вокруг доков, упаковывать, как подарки, высотные дома и выстилать улицы, судя по всему, не разрушаемой бумагой. Буквы не расплывались и не выцветали, и скоро толпы увлеченных чтением людей бродили по тротуарам.

Труды были посвящены всем мыслимым и немыслимым предметам. Науке — новой теории относительности. Юмору — жители Нью-Йорка едва не умерли от смеха. Художественной литературе — новая трилогия (научно-фантастическая, конечно).

Мэр вышел в море на шлюпке и попытался уговорить Азимова немного отдохнуть. Айзек выслушал его, прыгнул на «У», и пробежался по клавишам «Х», «О», «Д» и «И», потом прошутил очень смешную шутку и продолжил работу.

Другие официальные лица последовали примеру мэра и умоляли его остановиться, но ничего не добились. Друзья и род-

ственники, ученые и писатели — все пытались уговорить его, но тщетно. Ему предлагали огромные суммы денег, но он, даже не моргнув, отказался.

Писатели-фантасты Америки обещали отказаться от своего ремесла все разом. Никакого эффекта. Всемирное общество научной фантастики обещало наградить его специальной премией «Хьюго» как величайшего и самого плодовитого писателя в мире и самого славного парня в космосе.

«Вздор», — ответил Азимов.

В данное время чудовищные статьи прошли по штату Нью-Йорк огромной белой полосой, оказав довольно занятное влияние на Ниагарский водопад, пересекли озеро Эри (если оно их не остановило, что могло их еще остановить?) и завязало Детройт в узлы в буквальном смысле.

Примерно в это же время раздался жуткий грохот, прокатилась колоссальная волна и из глубин залива Сан-Франциско появилась еще одна гигантская пишущая машинка. Когда рассеялись брызги и туман, все увидели фигуру Роберта Силверберга, устремившего мрачно сверкающие глаза на восток, а с его длинных волос и бороды стекала вода. В руке он держал длинный шест и объяснил (с демонстрацией), что, прыгая при помощи шеста по клавишам, он превзойдет Азимова.

Еще один комплект литер принялся колотить по бумаге круглые сутки, появилась еще одна полоса неразрушаемой бумаги с текстом. На этот раз первым был разрушен мост Бэй-бридж.

Так началась великая гонка. Хэнк Аарон* был мгновенно забыт, и американцы, как спортивная нация, начала делать ставки то на одного, то на другого писателя. Попытки умиротворения больше не предпринимались — как можно было удостоить человека примерно одной и той же чести дважды? Тем не менее были присвоены призы меньшего достоинства, чтобы выразить признательность или уверенность в победе одного или другого автора. Силверберг был избран Самым Стильно Одевающимся Писателем-фантастом. Азимов отверг предложение стать кандидатом в президенты. Никто из них не обращал ни малейшего внимания на менее значимые события, и каждый продолжал

---

* Знаменитый бейсболист.

печатать с умопомрачительной скоростью. Азимов, чтобы повысить производительность, изобрел приспособление, похожее на то, с помощью которого Тарзан прыгал по деревьям, но потерял драгоценное время, потому что Силверберг уже мастерски владел прыжками с шестом.

Труды Азимова пересекли Миссисипи и начали погребение под собой горы Рашмор. Силверберг, испытав незначительные трудности с Гранд-Каньоном, вырвался на просторы Великих равнин.

Затем, по неведомым человеку причинам, два потока трудов сменили направление и пошли курсом на столкновение. Скоро стало очевидным, что это великое событие произойдет в «кукурузном» штате Небраска. Огромные ставки были сделаны на результат столкновения двух могучих умов. Самым важным вопросом был: «Кто сильнее?»

Издатели получали огромные прибыли от бесплатной рекламы, печатая и перепечатывая книги, которые моментально сметали с прилавков магазинов. Образовались многочисленные клубы поклонников, предлагавшие фальшивые бороды и парики (а-ля Силверберг). Поклонники Азимова стремились одеваться как роботы, надевая «уши???» даже на не слишком официальные приемы.

ВАРИАНТ ЗАВЕРШЕНИЯ

«ВОСТОРГА НЕОПЫТНОГО ИЗДАТЕЛЯ»

Великий день наступил. Две бумажные змеи приблизились друг к другу, подняли головы и перевилились в спираль.

Целый день они дрожали, сцепившись в двойную бумажную спираль, а под ними продолжала скапливаться бумага. Потом они разошлись, вернее, расцепились, и молекулы вокруг каждой из них превратились в еще две бумажные спирали. Там, где мгновение назад существовали две двойные спирали, появились еще две их идеально точные копии.

Репортеры выронили микрофоны.

Агенты правительства выронили подслушивающие устройства.

У американского народа отвисла собирательная нижняя челюсть.

На следующий день две двойные спирали снова дрожали, сцепившись вместе, потом разделились, и на их месте появились четыре.

Как в Атлантическом, так и Тихом океане, бесконечные полосы бумаги с жутким треском вырвались из гигантских пишущих машинок. Клавиши зафиксировались на месте с оглушительным грохотом. Азимов, что-то невнятно бормоча, упал навзничь. Силверберг, застонав, упал ничком.

В Небраске бумажные спирали продолжали разделяться и самовоспроизводиться. Чудовище больше не нуждалось в своих франкенштейнах.

НАСА высказало предположение, что примерно через два месяца вся Земля будет покрыта бумагой. Возможно, потом она достигнет Луны.

НЕБЕСНЫЙ ХОЗЯИН

Посвящается Андре Хорицун

1

МАЛЕНЬКОЕ КОЛЕСИКО

Джонатан Деродин с любопытством осматривался на новой планете. Называлась она Андерсон-2 и была по-настоящему новой, по крайней мере для людей. Освоили пока совсем небольшой ее участок, тот, который сейчас зеленел всходами высаженных на нем земных растений.

Похоже, им с мамой придется все-таки задержаться на этой планете и даже провести здесь Рождество, решил мальчик. Ничего с этим не поделать. Мама работала планетарным инспектором, и именно она принимала решения о том, какая из планет является подходящей для освоения людьми, а какая — нет. И поэтому маме приходилось выезжать туда, куда ее звала служба.

Недавно они вдвоем уже почти собрались отправиться на Землю, которую Джонатан даже никогда не видал, хоть, конечно, за свои двенадцать лет читал про нее раз сто, не меньше. Его отец, по профессии горный инженер, уже прилетел туда, и теперь Джонатан с мамой должны были к нему присоединиться.

Как вдруг пришло сообщение, что маме следует отправиться на планету Андерсон-2. В нем также сообщалось, что поездка является срочной и необходимой. И инспектору Деродин пришлось менять планы.

— Ты можешь поехать на Землю самостоятельно, Джонатан,— предложила мама.— Ты уже большой мальчик и вполне способен совершить такое путешествие сам. А ведь Рождество на Земле особенный праздник.

Предложение мамы показалось ужасно заманчивым, но возможность отправиться в «срочно необходимую» поездку на совершенно новую планету с мамой, которая будет принимать важные решения, тоже не ерунда какая-нибудь.

— Мам, а что, если я поеду с тобой? — осторожно спросил он.— Или ты скажешь, что это опасно?

— Нет,— улыбнулась мама.— Не думаю, что поездка на Андерсон-два может оказаться опасной. И в космическом корабле, который должен прибыть за мной, тебе будет отведена отдельная каюта. Я предложила тебе навестить Землю самостоятельно только потому, что праздник Рождества на такой новой планете, как Андерсон-два, может оказаться совсем не таким интересным, каким он был бы на Земле.

— Тогда ладно,— решительно сказал Джонатан.— Выбираю Андерсон-два. А Рождество на Земле я и в другой раз могу отпраздновать.

Пока мама укладывала в чемодан свои красивые платья из пеноткани, которые она купила специально для праздничной поездки на Землю, Джонатан стал гадать, разочарована мама тем, что поездка на Землю откладывается, или нет. Но если она и была разочарована, то виду не показывала. Лицо ее оставалось таким же спокойным, как всегда, из гладкой прически не выбилось ни одного волоска. Мама вела себя так, будто считала, что раз есть задание, то нужно сделать все, чтобы его выполнить.

Когда-то давно, Джонатан тогда был еще довольно маленьким, она сказала ему:

— Представляешь, Джонни, было время, когда все люди жили на одной планете. И этим одним-единственным миром являлась для них Земля. А теперь мы осваиваем сотни и тысячи разных миров, и кто-то должен решать, подходят они для человеческих существ или нет. Согласись, такие решения очень важны.

Джонатан удивлялся, почему какой-то из миров может не подходить для людей. Спрашивать у мамы ему не хотелось. Еще подумает, что у нее глупый сын, если этот вопрос покажется ей дурацким.

Сам Джонатан родился на планете Сети-4, она была расположена очень далеко от Земли и даже вращалась вокруг совсем другого солнца. Джонатан любил свою родину, ведь она такая уютная и дружелюбная. Жалко только, что на Сети-4 никогда не бывало снега, и мальчик иногда гадал, а что это такое, снег, на что он похож. На картинках он видел снег и на Земле, и на других планетах тоже. А на картинках про Рождество снега бывало даже очень много.

Сейчас ему стало очень интересно, бывает снег на Андерсоне-2 или нет. Пока они летели в космическом корабле, он сидел у себя в каюте и читал, что было написано про нее в специальной брошюре-раскладке. Он решил, что снега на ней, наверное, нет, по крайней мере его нет в том месте, которое освоили на Андерсоне-2 люди.

Оказалось, так оно и есть. Как только Джонатан очутился на этой планете, он сразу понял, что снега тут наверняка не бывает. Потому что вокруг было тепло и как-то ужасно приятно, а для снега нужно, чтобы было холодно. Об этом он уже знал.

Джонатана стало разбирать любопытство, какая же она, эта новая планета. Они с мамой прилетели только вчера, и им пришлось выдержать карантин. Это значило, что весь день они провели в одном из служебных помещений, никуда из него не выходили и ни с кем не встречались. Такой карантин проходят, чтоб быть уверенным, что на планету не занесено никаких опасных микробов. Зато, как только Джонатан вышел из карантина, тотчас пошел гулять куда глаза глядят.

Мама сказала:

— Сынок, пожалуйста, держись поближе к Базе.

Но сказала она это как-то рассеянно. Сейчас у мамы набралось слишком много дел, чтоб она стала волноваться из-за него. Она готовилась к важной конференции, где должны были принять участие представители колонии людей на этой планете. И кроме этого, ей вменялось встретиться с мэром Андерсона-2, который, когда Джонатан его увидел, показался ему довольно приветливым коротышкой, и с разными другими членами планетарного совета.

Джонатан даже обрадовался, что остался один, потому что намеревался исследовать планету по-настоящему. В той бро-

бюро-раскладке было написано, что мир ее вовсе не опасен для людей. И оттуда, где мальчик сейчас стоял, он и впрямь казался таким.

Маму и Джонатана пригласили поселиться в просторном доме рядом с космопортом. Ему там понравилось, показалось как-то по-домашнему уютно. Здешние дома выстроили из какого-то блестящего камня, сверкавшего перед глазами в ярко-желтом свете солнца (светило над Андерсоном-2 оказалось немного ярче, чем знакомое Джонатану солнышко над Сети-4). И между домами, и вокруг них вся земля зеленела от травы и многочисленных кустарников; подалее, на склонах невысоких пологих холмов, простирались пшеничные поля. А когда Джонатан забрался на вершину одного из этих холмов, то увидел поблескивавшую вдали ленту реки.

Но стоило ему обернуться и посмотреть в противоположную сторону, как этот зеленый, созданный человеком мир сразу исчезал. Джонатан решил, что вести исследование надо именно в этом направлении, и зашагал по дороге. Она вскоре закончилась, и мальчик увидел, что дальше, там, где дороги уже не видно, вся земля, казалось, состояла из каких-то каменистых выступов. Некоторые из них покрывали серо-коричневые кристаллы, от которых поверхность этих камней казалась острой и блестящей. Джонатан медленно сошел с дороги, направился к одному из таких камней и, нагнувшись, стал разглядывать острые грани кристаллов более внимательно. Заинтересовавшись, он натянул на руки тонкие коллагенитовые перчатки и осторожно, одним пальцем притронулся к небольшому камню. Эти перчатки защищали кожу рук, но в то же время не мешали осязать поверхность так ясно, будто вы касались ее кончиками пальцев. Сейчас мальчик почувствовал нечто, что казалось твердым блестящим кристаллом, но имело структуру плотной тугой резины.

Он провел рукой вдоль острого гребешка и вдруг с едва слышным стеклянным треском верхушка его, состоящая из нескольких кристаллов, хрустнула и отвалилась. Джонатан быстро отдернул руку. Он вовсе не хотел отламывать кристаллы с камушков. В бюро-раскладке было сказано, что эти кристаллы — все равно что земные растения, они тоже поглощают двуокись углерода из воздуха и выделяют в атмосферу кислород, подобно тому, как растения на Земле.

Неожиданно прямо у него на глазах приключилось следующее. Некоторые из камешков, окрашенных в светло-коричневый цвет, начали медленно перетекать в сторону упавших кристаллов, а добравшись до них, накрыли их своей массой. В той же брошюре он прочел, что такие камни на Андерсоне-2 тоже являются аналогами земных существ. Только эти подобны животным, которые обитают на растениях, с той разницей, что здесь животные не употребляют растения в пищу, потому что не нуждаются в этом. Всю необходимую для жизни энергию они получают от солнца.

Джонатан, полный любопытства, отправился дальше, стараясь не задеть ни одного из кристаллических гребешков и не наступить ни на один из светло-коричневых камешков. Потом, заметив, что, когда ему случалось ненароком задеть или наступить на один из них, с ними ровно ничего не делалось, мальчик стал двигаться увереннее.

Обернувшись назад, он увидел, как четко вырисовываются невдалеке зеленые, возделанные людьми поля, и решил, что не будет заходить далеко, опасаясь потерять их из виду.

Как раз в этот момент он и увидел в первый раз живое Колесо, одного из обитателей планеты Андерсон-2.

Сначала, конечно, он и знать не знал, что это Колесо, хоть в книжке и наткнулся на его описание. То, на что случайно упал его взгляд, казалось большой каменной плитой, высотой примерно в восемь футов. Она возвышалась над землей, опираясь на узкое основание, немного напоминая по виду цифру 1. Эта плита не казалась живой, но Джонатан сразу обратил внимание, что поблизости ничего похожего на нее не видно.

Мальчик надумал подобраться к плите поближе, собираясь получше разглядеть ее, но тут неожиданно с другой стороны каменной плиты появился человек. Он тоже глаз с нее не сводил, так что даже не заметил Джонатана. Этот человек сначала медленно приблизился к плите, затем вдруг стал вытягивать вперед правую руку, словно прицеливаясь. И тут Джонатан увидел, что он держит в руке бластер! До мальчика сразу дошло, что каменная плита, наверное, и есть одно из Колес, о которых он читал в книжке, и он, даже не успев ни о чем подумать, громко выкрикнул:

— Не стреляйте в него, мистер!

Человек с бластером резко обернулся и, когда увидел перед собой Джонатана, застыл на месте. Он был так ошеломлен, увидев мальчика, что мгновение стоял как замороженный. У человека был красноватый цвет лица и густые рыжие волосы.

В этот момент как раз и ожило то, что прежде походило на каменную плиту. Существо мгновенно засверкало множеством ярких разноцветных вспышек, быстро сменяющих одна другую. Верхняя и нижняя трети плиты разделились на шесть отростков каждая, и бывшая плита стала похожа на большую руку с шестью пальцами с каждого конца. Эти пальцы быстро растопырились, и она покатила вперед подобно настоящему колесу о двенадцати спицах. Теперь Джонатан понял, почему обитателей планеты Андерсон-2 называли Колесами. Оно катилось так стремительно, что спицы замелькали в воздухе, слившись в один яркий диск.

Рыжий только и успел обернуться, чтобы увидеть, как оно исчезло. Рука его все еще сжимала бластер, когда он длинными хищными шагами направился к Джонатану, ломая и сминая камни-растения. Мальчик с испугом не сводил глаз с его оружия. Этот человек выглядел очень рассерженным.

Он выкрикнул:

— Ты кто такой? И что тут делаешь?

Джонатану сразу захотелось убежать без оглядки, но он поборол страх. У него нет никаких причин бежать, он не сделал ничего плохого. И мальчик ответил:

— Меня зовут Джонатан Деродин. Я просто гуляю.

Глаза рыжеволосого сузились, выражение гнева исчезло с его лица, уступив место любопытству.

— Ты приехал с инспектором?

— Да. Это моя мама,— ответил мальчик.

— Почему же ты не остался с ней?

— Потому что она занята. Мама сейчас на конференции, и я вышел погулять. Мне никто не говорил, что этого нельзя делать.

— На конференции?

Рыжеволосый резко отвернулся и почти бегом направился к зеленым полям, которые виднелись неподалеку. Джонатан подумал, что, может, ему тоже лучше вернуться на Базу. Еще неизвестно, что этот рыжий начнет рассказывать о происшествии.

Он уже повернулся, чтобы отправиться вслед за ним, как вдруг глаз его уловил рядом какое-то движение. Оказалось, что почти вплотную к нему приблизилось еще одно Колесо, только оно было совсем маленькое, всего лишь Колесико. Оно имело не больше трех футов в высоту и его тонюсенькие спицы вращались совсем медленно. Но оно тоже сверкало многими цветами, по большей части разными оттенками оранжевого.

— Я с тобой здороваюсь, — вдруг услышал Джонатан слова. То есть он будто не услышал их, а подумал. Они словно сначала родились у него в уме, а потом он услышал их. Мальчик в полном недоумении огляделся. Тут что, есть еще кто-то из людей?

Затем он снова перевел взгляд на маленькое Колесико, и оно опять засверкало оранжевым, и опять он услышал слова: «Я с тобой здороваюсь». Потом услышал их еще два раза, и оба раза они совпадали с мельканием оранжевых вспышек на маленьком Колесике.

Тогда Джонатан спросил:

— Вы что-то сказали мне, Колесико?

И почувствовал себя ужасно глупо. Но к своему удивлению, получил на вопрос ответ, который долетел до него почти сразу же:

— Да, сказал. Когда вы издаете свои смешные фуканья, я разбираю слова. У себя в уме. Я еще раньше услышал вас, когда вы разговаривали с Рыжеверхим.

— А я разбираю слова, когда вы мигаете разными цветами. Тоже у себя в уме.

И они медленно-премедленно, осторожно-преосторожно стали подходить друг к другу. Обоим было ужасно страшно.

Маленькое Колесико просверкало оранжевым, и Джонатан расслышал:

— Старик Сине-Коричник тоже вас услышал, потому и укашлся. А я слышал, как вы просили Рыжеверхого не применять взрыватель. И сразу понял, что вы друг.

Джонатан переспросил:

— Сине-Коричник — это то большое Колесо, которое куда-то делось?

— Ну да. Он не может слышать и разбирать то, что вы, Звуко-Штуки, думаете. А я могу. Очень даже.

— Можете?

— Потому что я еще маленький. И ваши мысли я слышу гораздо лучше, чем мысли других Звуко-Штуков. Наверное, потому что вы тоже довольно маленький.

— Меня зовут Джонатан. А вас?

— Я не понял этого слова,— протянуло оранжевым цветом маленькое Колесико.

— Джо-на-тан.

Медленно и неуверенно Колесико замигало синим и фиолетовым, и мальчик услышал: «Джонитин».

— Как вы хорошо это сказали,— восхитился он.

— А меня зовут Зелено-Жёлтик.

Именно это слово и промелькнуло в голове у мальчика, когда он увидел мелькание двух оттенков желтого, сменяемых глубоким сине-зеленым цветом.

Джонатан неуверенно повторил:

— Зе-ле-но-Жё-ёл-тик?

Маленькое Колесико радостно замигало яркими белыми вспышками, и Джонатан расслышал веселый смех, а потом слова:

— Вы так странно это произносите, но я все равно понимаю.

И дети еще ближе подошли друг к другу. Теперь Джонатан и Колесико стояли совсем рядом, почти касаясь головами. И Джонатану такие беседы вдруг стали казаться самой естественной вещью в мире.

2

МАМА И СЫН

Розовинка не прекращала настойчивых поисков, не обращая внимания на то, что в этих бесплодных попытках отыскать сынишку уже провела так много времени и израсходовала такое большое количество энергии. Она даже заглядывала в сумрачную тень, которую отбрасывают огромные камни, и освещала ее яркими вспышками, медленно поворачиваясь то в одну сторону, то в другую. Ее сильные радианты легко перемещались по неровной поверхности.

Ах, этот глупый Сине-Коричник!

Вернувшись на их солнечную поляну, он рассказал страшную историю о Звуко-Штуках, этих необычных злых существах, которые не могут светить, но издают такие странные звуки. Один из них хотел его разрушить, сообщил Сине-Коричник. У Звуко-Штука в руках была та вещь, которая взрывается и разрушает.

— Как же вы там оказались? — спросило его одно из Колес. — Почему подошли так близко к зеленому острову этих Звуко-Штуков? Разве вы забыли, до чего это опасно?

Сине-Коричник конфузливо замигал, пытаясь объяснить, что он был так занят поисками самого лучшего солнечного света, что оказался около зеленого острова, сам того не заметив. И только в последнюю минуту увидел, что рядом находится Звуко-Штук.

Розовинка выступила вперед и замигала, спрашивая:

— Как вы вообще умудрились заметить Звуко-Штука? Вы никогда ни на что не обращаете внимания.

Она ужасно сердилась, судя по тому темно-фиолетовому оттенку, который появился в ее вспышках. А сердилась потому, что, шатаясь по своей небрежности вокруг зеленого острова, Сине-Коричник мог разозлить Звуко-Штуков. А разозлившись, они вполне способны собраться все вместе и погубить всех.

— Я почувствовал какое-то предупреждение, — заморгал в ответ Сине-Коричник. Его объяснения-вспышки были сумбурны и тусклы. — Услышал какой-то звук и увидел рядом Рыже-верхого. Тогда я покатился от него как можно быстрее.

Его вспышки устремились в сторону Розовинки и он сердито просверкал:

— Ваш Зелено-Жёлтик тоже был со мной. Он, может, и сейчас там.

Розовинка быстро огляделась. С тех пор как она в последний раз видела своего младшего сынишку, прошло несколько часов. Он был еще так мал, что до сих пор имел крылышки. Сейчас Зелено-Жёлтика нигде не наблюдалось, и она срочно велела себе не волноваться из-за этого.

— Почему он отправился с вами, Сине-Коричник? — строго обратилась она к старику. — Что ему там делать?

— Это вы уж у него сами спросите, — ворчливо промигал тот. — Будто не знаете, до чего он любопытный.

— Где вы находились, когда Звуко-Штук вышел на вас?

— Не знаю,— сверкнул ответ.— Просто бродил везде.— Будто внезапно осознав, какую тревогу он вселил в Розовинку, старик замигал чуть зеленовато: — Сынишка ваш, Зелено-Жёлтик, наверное, спокойно успел убежать, как я.

Розовинке пришлось отправиться на поиски сына, а сейчас, когда солнце начало садиться и энергия его лучей резко уменьшалась с каждой минутой, ей придется искать, освещая себе путь самостоятельно.

Не разрушили ли его Звуко-Штуки своим взрывателем? Или он успел убежать, как думает Сине-Коричник? Но даже если так, это не означает, что он находится в полной безопасности. Он мог задержаться в таком месте, где окажется отрезанным от солнечных лучей. А если ребенок не получит солнечной энергии, он начнет голодать.

Розовинка звала и звала сына короткими призывными вспышками. Сначала они имели золотистый оттенок, постепенно стали темнеть и превратились в оранжево-желтые тона и наконец стали глубокими желто-зелеными. Снова и снова, всеми цветами, на языке которых она обычно обращалась к сыну, Розовинка звала его:

— Зелено-Зелено-Жёлтик, Зелено-Зелено-Жёлтик.— Оттенки сменяли один другой, постепенно обращаясь в цвета и формы его имени.— Зелено-Жёлтик, Зелено-Жёлтик.— Они так быстро вспыхивали, что слились в имя, которым звали ее сынишку все.— Зелено-Жёлтик,— мигала она снова и снова.

В первый момент она не услышала, что он откликается. А потом откуда-то издалека уловила красивое мерцание розового, с которым сынишка всегда обращался к ней. С тех самых пор, как, едва успев родиться, научился издавать свет.

— Мама,— радостно мигал он.— Мама, мама, я тут!

Розовое мерцание доносилось прямо со стороны зеленого островка Звуко-Штуков. Она поспешила туда, катясь так быстро, что ее радианты слились в одно сверкающее колесо, и Розовинка стала похожа на большой скользящий круглый камень.

Вспышки голоса сына догоняли и догоняли ее:

— Мама, мама, у меня все в порядке.

И только она перестала волноваться, как вдруг увидела рядом с сыном Звуко-Штука. Он находился так близко к ребенку, что

мог коснуться его. Этот Звуко-Штук, правда, был поменьше остальных, но обычно разница в величине не имеет большого значения. Это взрыватели, которые носят с собой Звуко-Штуки, делают их смертельно опасными из-за энергии, которая может разрушить все, что Звуко-Штуки захотят.

Розовинке не было видно, есть ли взрыватель в руках того существа, которое сейчас стоит так близко к Зелено-Жёлтику. Она устремилась вперед еще быстрее, пытаясь вклиниться между ними и заслонить собой детеныша.

— Зелено-Жёлтик! Малыш! Катись скорее прочь! Укатывайся отсюда!

Ах, если б его крылья были уже достаточно сильны, он мог бы улететь, но до Праздника Крыльев еще целых три дня, только после него у малышей — ровесников Зелено-Жёлтика — крылья становятся настолько сильными, что они могут летать. Сейчас же, напротив, малыш рискует повредить или поранить свои драгоценные крылышки. Если же это случится, для него никогда не станет великое время полетов.

Но Зелено-Жёлтик стоял не двигаясь.

— Мама, катиться совсем не нужно, — промигал он ей. — Это очень добрый Звуко-Штук. Я разбираю его смешные фуканья и могу превращать их в вспышки. Его зовут Джонитин.

Нет, Розовинку это не могло успокоить. Сейчас она оказалась лицом к лицу с этим существом. Оно было маленькой копией больших Звуко-Штуков, и его четыре корявых радианта висели неподвижно. Она бросилась вперед и хоть не видела ужасного бластера, но ожидала, что в любой момент услышит его страшный грохот и разрушится. Но Звуко-Штук мирно отступил в сторону.

Зелено-Жёлтик тревожно замигал:

— Мама, не прогоняй его, пожалуйста.

Розовинка вспыхнула:

— Ты подверг себя такой страшной опасности, малыш. Как тебе не совестно, я ведь велела держаться подальше от зеленого острова Звуко-Штуков. И теперь, когда Праздник Крыльев совсем близко, ты вдруг ослушался меня.

— Но ведь ничего не случилось, мама.

— Ничего не случилось? Разве он не собирался разрушить этого глупого Сине-Коричника?

— Да нет же, мама. Это был вовсе не он, то был большой Звуко-Штук, Красноверхий. А мой вовсе остановил его, и Сине-Коричник уловил, что он сказал. И потому смог укатиться. Джонитин, наоборот, спас его!

Мама с сыном катились прочь и постепенно оказались достаточно далеко, чтоб Розовинка могла чувствовать себя в безопасности. Теперь они очутились на хорошо освещенной полянке, где ощущалась неяркая ласка заходящего солнца. Зелено-Жёлтик поскорей расправил крылышки, и они с тихим шелестом завибрировали.

Розовинка обратилась к сыну:

— Так ты, малыш, веришь, что этот небольшой Звуко-Штук может телемигать тебе? И что ты его понимаешь? Не рассказывай, пожалуйста, сказок.

— Но это вовсе не сказки. Маленькие и вправду могут телемигать друг другу мысли. Я могу чувствовать, что ты зовешь меня, когда тебя совсем еще не вижу. И ты сама мне много раз рассказывала, что ты могла телемигать, когда была маленькой. Наверное, маленькие Звуко-Штуки тоже могут телемигать. Вернее, они телефукают вместо этого, потому что они так делают слова.

— Ладно, ладно, малыш, грейся лучше на солнышке. И отдыхай.

Розовинка напряженно размышляла. Давно известным фактом было то, что малыши могут телемигать, хоть некоторые из них делают это лучше, чем другие. Сама она, когда была еще маленькой и у нее были крылья, умела делать это довольно хорошо, хоть, конечно, ее Зелено-Жёлтик телемигает не в пример лучше. Никто не умеет телемигать дальше, чем он. Но разве возможно такое, что он сумел разобрать телешумы Звуко-Штука?

И она замигала сыну:

— Ты бы не смог понять его фуканья, если он не был разумным существом. Твои слова означают, что Звуко-Штуки умеют думать.

— Конечно умеют,— рассудительно мигнул Зелено-Жёлтик.— Джонитин ведь тоже разобрал мои вспышки. Конечно, он разумное существо. Совсем как я.

Розовинка пробормотала что-то бледно-белое и задумалась. Как такое может быть? Колесам всегда казалось, что Звуко-Штуки совершенно неразумные существа, созданные лишь для того, чтоб разрушать жизнь. Разве можно разрушать жизнь и быть при этом разумным?

Нет, это просто невероятно, решила она. Ее Зелено-Жёлтик всего-навсего фантазирует. И она сердито сверкнула:

— Он мог тебя разрушить.

Зелено-Жёлтик захихикал, яркие вспышки так и засверкали:

— У Джонитина и взрывателя-то не было. Зато он рассказывал мне, что они с мамой собираются в одно место, которое находится где-то далеко-далеко за звездами. Оно называется Земля.

— Как-как оно называется?

Розовинка не смогла разобрать ту комбинацию синих и зеленых цветов, которую выдал сын.

— Он назвал это место Земля. И он мой друг.

— Нет, малыш. Звуко-Штуки никакие нам не друзья. Они даже не могут быть друзьями. Они явились к нам и стали переделывать наш прекрасный дом. Превращают его в остров чего-то незнакомого. Оно зеленое и шуршит. И с каждым годом они делают этого незнакомого все больше и больше. Вполне возможно, что когда-нибудь наш прекрасный мир целиком покроется этим зеленым и шуршащим и мы все погибнем.

— Нет, мам, этого никогда не будет. Звуко-Штук — мой друг. Значит, они все могут быть нашими друзьями.

Зелено-Жёлтик развел крылышки по обе стороны от своего коричневого толстенького тельца и заставил их чуточку порозоветь.

— Мам, смотри, какими сильными стали уже мои крылья. Я их показывал маленькому Звуко-Штуку. У него таких нет.

— Тебе не следовало этого делать, малыш. Он мог их повредить.

— Он ими восхищался. Сказал, что и сам хотел бы такие. Я рассказал ему про Праздник Крылышек и про все-все.

У Розовинки вырвалось тревожное бледно-оранжевое сияние. Малыши всегда так ждут этого праздника. Конечно, Зелено-Жёлтику хочется поскорей вырасти и стать взрослым, но она бы хотела, чтобы это произошло не столь скоро. Конечно, ду-

мать так довольно эгоистично, и она постаралась прогнать свои мысли. Розовинка замигала:

— Всего три дня осталось до праздника, Зелено-Жёлтик. Тогда ты и другие малыши из твоей группы сможете летать. Вы будете парить высоко-высоко, и кружить, и летать, где захотите, много-много дней. Грядут прекрасные дни.

Зелено-Жёлтик определенно почувствовал грусть в миганиях матери, но он был слишком занят мыслями о полетах и не обратил на это внимания. Серьезно мигнул:

— А потом я стану совсем взрослым.

— Нет, малыш,— тихонько ответила Розовинка,— ты только начнешь постепенно становиться взрослым. Вся энергия солнышка, которую будут получать твои крылья, принесет изменения. Ты станешь расти, становиться темнее и больше, и потом, однажды, у тебя появятся собственные малыши. Вот тогда только ты станешь по-настоящему взрослым.

Зелено-Жёлтик непонимающе замигал:

— Но, мам, когда дни полетов кончатся, неужели у меня опадут крылья?

— Да, малыш. Но так и должно быть. Не бойся этого, крылья опадают совсем не больно.

Оба грелись в последних солнечных лучах.

Розовинка грустно думала: «Вырастет ли мой Зелено-Жёлтик или эти Звуко-Штуки погубят всех нас раньше?»

А ее сынишка с удовольствием мечтал о том, как его новый друг, Джонитин, станет смотреть на него, Зелено-Жёлтика, летающего в небе.

3

ЭТО ОПАСНО ИЛИ НЕТ?

Джонатан совсем не испугался, когда увидел, что к ним с Колесиком быстро приближается большое Колесо. Зелено-Жёлтик сказал:

— Это моя мама. Наверное, беспокоилась за меня.

Тогда Джонатан, стараясь не делать резких движений, отодвинулся от него и громко и отдельно произнес:

— Я не причиню никакого вреда Зелено-Жёлтику, миссис Колесо.

Потом ему послышались слова его нового друга: «Мама, не прогоняй его, пожалуйста», и тогда большое Колесо сразу остановилось. Яркие вспышки, которое оно испускало, были совсем не понятны мальчику, представлялись какими-то хаотичными звуками. Наверное, и вправду обмен мыслями возможен только между совсем юными человеческими существами и маленькими Колесиками.

Он повернулся, собираясь уходить, как вдруг увидел, что со стороны Базы туда, где стоял он с Зелено-Жёлтиком и его мамой, направляется тот рыжеволосый человек, с которым он уже познакомился, и рядом с ним идет мама Джонатана.

— Вы его видите, — говорил рыжий. — И рядом с ним вы можете видеть Колеса.

Джонатан быстро обернулся, но и Зелено-Жёлтик, и его мама быстро укатывались прочь.

А рыжий человек продолжал:

— Вашему сыну не следовало сюда приходить. Здесь он подвергается большой опасности. Эти Колеса довольно крупные существа и способны убить человека.

Джонатан бегом направился к ним, еще на ходу принявшись объяснять:

— Мам, нет тут никакой опасности. Колеса совсем безвредны. А этот человек хотел убить из бластера одного из них, который спокойно стоял вон там и ничего плохого не делал.

Инспектор Деродин сохраняла спокойную сдержанность. Ее приглаженные волосы, аккуратно собранные сзади, ничуть не растрепались от быстрой ходьбы, в глазах не было и следа гнева. Она протянула руку к сыну и положила ее ему на плечо, затем сказала:

— Я ценю ваше беспокойство о моем сыне, господин советник Карадок, но Джонатан рассудительный мальчик. К тому же все известные мне данные об этой планете подчеркивают, что это спокойный и дружелюбный мир. Атмосфера насыщена кислородом, поверхность почвы не таит опасности, отсутствуют крупные животные формы...

— Но назвать Колеса малыми уж никак нельзя, — сердито возразил Карадок. — Вы сами только что в этом убедились. И видели, как они угрожали мальчику.

— Это она просто, чтоб защитить своего... — начал было Джонатан, но мамина рука чуть сжала его плечо, призывая к молчанию. И он послушался.

— Колеса являются не вполне животной формой существования, — продолжала говорить мама, обращаясь к советнику, — поскольку используют энергию солнечного света. Скорей, это растения.

— Какая разница, как вы назовете их, — возражал Карадок. — Факт в том, что они большие и опасные.

— Разница есть, — не согласилась с ним инспектор. — Они не поедают других живых существ, а значит, не выработали привычки использовать когти или клыки. Одним словом, они не являются хищниками. Авторы докладов в один голос утверждают, что эти существа не представляют опасности.

Губы Карадока искривились в насмешливой улыбке:

— Эти ваши доклады написаны людьми, которые, бросив на эту планету мимолетный взгляд, тотчас убрались с нее. А я живу здесь и знаю лучше. Вы видели, как Колесо атаковало вашего ребенка.

— Мама!

Джонатан хотел объяснить, что происходило на самом деле в тот момент, но пожатие маминой руки опять заставило его промолчать.

— Но на этой планете не было ни одного случая нападения на человека, — спокойно сказала инспектор.

Карадок расхохотался.

— У них просто не представилось для этого шанса. Как только они пытаются угрожать нам, мы стреляем в них. И это является самозащитой. За последний год мне пришлось уничтожить четырех, и теперь они избегают к нам приближаться. Если ваш сын будет находиться в запрещенных местах и вмешиваться в наши действия, когда мы пытаемся защитить его, я не отвечаю за последствия.

Теперь инспектор повернулась к сыну:

— Что ты хочешь сказать на этот счет, Джонатан?

— Мама, Колесо вовсе не пыталось убить меня.

— Оно напало на тебя, мальчуган. Мы видели это даже издалека, — стоял на своем Карадок.

— Это была его мама,— стал объяснять Джонатан.— Мама того маленького Колесика, которое стояло рядом со мной, и она беспокоилась о Зелено-Жёлтике. Потому что он ее детеныш. Я отошел в сторонку, и она просто его увела. Вот все.

— Одно из них действительно было значительно меньшего размера, господин советник. Я могу подтвердить это.

— Ну, так что из этого следует? — непреклонно продолжал Карадок.— И что могло подать вашему Джонатану мысль о том, что большее Колесо является матерью меньшего? Это просто сказка, которую он сейчас выдумал. И слушать его нечего.

— Разрешите с вами не согласиться.— Мама тоже говорила очень серьезно.— Не думаю, что мой сын рассказывает нам небылицы. Он и неглупый, и честный мальчик. Джонатан, скажи, с чего ты решил, что рядом с тобой были мать и сын Колёса?

Джонатан минуту заколебался, обдумывая ответ, потом объяснил:

— Мне так сказал Зелено-Жёлтик.

— Кто такой этот Зелено-Жёлтик, Джонатан?

— Маленькое Колесико. Так его зовут.

Карадок громко расхохотался.

Джонатан вспыхнул, но взял себя в руки и продолжал:

— Да, он мне сам так сказал. Зелено-Жёлтик умеет разговаривать. И я могу понимать его, когда он мигает своими цветными вспышками. Я разобрал его имя.

Карадок сокрушенно покачал головой и сказал, обращаясь к инспектору:

— Инспектор Деродин, не зря ли мы тратим время? Я не хотел бы говорить ничего плохого о вашем сыне, но боюсь, что он поверил собственным галлюцинациям. Эти предметы — просто-напросто камни, которые обладают способностью перемещаться с места на место с помощью вращательных движений. Камни не могут иметь имен, кроме тех, конечно, которые изобретет для них какой-нибудь фантазер.

— Ничуть они не камни, которые обладают способностью.— Джонатан уже начал сердиться.— Зелено-Жёлтик еще как со мной разговаривал. И я понимал его, и он понимал меня. Я рассказывал ему о Земле, а он мне рассказывал о крыльях. Он показал мне их и объяснил, что они у него становятся все сильнее и сильнее и скоро он сможет летать. А я рассказывал про Рож-

дество на Земле и о том, что оно скоро настанет, может, придет на другие планеты тоже. Может, даже и сюда, а он...

Инспектор прервала сына:

— Хорошо, Джонатан. — И, обратившись к Карадоку, продолжала: — Это уж, по крайней мере, не фантазии моего сына. То, что Колеса умеют летать, общепризнанный факт.

— Вы правы, — согласился тот. — Они летают. Но это ни для кого не является секретом. Доклады с планеты Андерсон-два упоминают об этом факте, и я уверен, что Управление по колонизации располагает этими данными. Конечно, копии докладов имелись и на борту корабля, доставившего вас на нашу планету, я даже не сомневаюсь в этом, поскольку вы только что пересказали их содержание. Могу предполагать, что и ваш сын ознакомился с ними.

— Ты читал доклады, сын? — обратилась к Джонатану инспектор.

— Да, читал. Но я же не знал, что это секрет.

— Это вовсе не секрет, и ровно ничего плохого нет в том, что ты их прочел.

— Разумеется, ничего плохого, — ехидно продолжал Карадок, — но они послужили источником информации для него.

— Ничего не послужили, — горячо запротестовал Джонатан. — Если я даже и прочел о крыльях, Зелено-Жёлтик все равно рассказывал мне о них. И показывал тоже.

Карадок выглядел чуть раздосадованным, но выдал из себя улыбку и сказал:

— Спорить с ребенком я не собираюсь. Тем более что ему не полагалось нарушать правила поведения, установленные на этой планете. Нашим детям не разрешается заходить за пределы зеленого пространства, и они этого не делают. Ваш сын подает им плохой пример и подвергает их жизни опасности. Надеюсь, этого больше не повторится.

Щеки мамы слегка покраснели, но она все равно говорила очень спокойно.

— Джонатан не знал об этих правилах. Нас никто не предупреждал о них. Но больше он так, разумеется, делать не будет. А сейчас мы вернемся в зал заседаний и продолжим нашу дискуссию.

Она медленно направилась к зеленому полю, по-прежнему держа руку на плече сына. Потом сказала:

— Андерсон-два представляется мне довольно любопытной планетой.

Карадок кивнул.

— Ее можно превратить буквально в рай. Почва здесь отличается чрезвычайным плодородием, на ней можно выращивать любые культуры. Но проблема заключается в том, что мы не можем привлекать иммигрантов, пока не получено официальное подтверждение о пригодности планеты Андерсон-два к заселению людьми. Никто не станет строить для себя дом, пока существует опасность, что его придется покинуть. И если мы не получим разрешения в самое ближайшее время, планы колонии потерпят неудачу.

— Это так,— согласилась с ним инспектор Деродин.— Я вполне разделяю ваше беспокойство. Мэр колонии доложил о создавшейся ситуации Управлению по колонизации и меня прислали сюда с экстренным поручением. Видите, мы понимаем ваши тревоги.

— В таком случае хотелось бы знать, можем ли мы надеяться на получение официального сертификата на заселение планеты Андерсон-два?

— Видите ли, задача состоит в том, что прежде необходимо уточнить, не являются ли ее коренные жители разумными существами. Вам, конечно, известно основное правило, согласно которому мы никогда не начинаем освоения новых миров в Галактической системе, если они уже были заселены разумными существами.

Карадок уверенно заявил:

— На этой планете не существует ни единого мыслящего существа, кроме, конечно, живущих здесь людей.

— Могут ли Колеса не быть разумны?

— Вы так полагаете, потому что ваш сын заявляет, что он с ними общался?

При этих словах голос советника зазвучал очень сердито, а лицо покраснело и стало почти такого же цвета, как его волосы.

— Нет-нет, что вы. Но некоторые из докладов утверждают, что Колеса действительно мыслящие существа. Вспышки, которые они испускают, различаются и по цвету, и по частоте.

— У светлячков на Земле процесс происходит аналогично, — сострил Карадок.

— Тут вы не правы. Процесс свечения земных жуков совершается много проще. Вспышки же, в силу своей сложности, вполне могут быть средством общения. А если это так, значит, следует вывод, что данные существа разумны. И планета должна быть предоставлена им.

— Такие рассуждения я слышал, — раздраженно перебил инспектор советник. — Уже в течение нескольких лет кто-нибудь то и дело заводит об этом разговор. Но серьезных свидетельств разумности по-прежнему не имеется. Никто не может доказать, что вспышки являются средством коммуникации. Как долго наш мир должен дожидаться решения?

— В ваших словах есть доля справедливости, — учтиво ответила инспектор, — но дайте нам несколько дней на то, чтобы прийти к окончательному разрешению вопроса. К тому же скоро праздник Рождества, и нет причин, по которым мы не могли бы дождаться его окончания, прежде чем вынести решение. Мне известно, что вы получили с Земли большую елку, так почему бы не отложить на некоторое время деловые вопросы и не отпраздновать веселое Рождество?

Карадок покачал головой.

— Не вижу причин, почему бы вам не дать нам ответ прямо сейчас, а потом уж праздновать Рождество. Тогда и у нас будет повод веселиться.

— Но в таком случае как бы нам не пришлось радоваться решению, о котором мы потом пожалеем. Нет, уважаемый советник, придется вам обождать три дня, по истечении этого срока я непременно вынесу свой вердикт.

Беседуя таким образом, они дошли до зеленых полей Андерсона-2. Джонатан молча шел рядом. Ему совсем не понравился рыжий Карадок и то, что он заставляет маму торопиться с решением.

Джонатан уже знал достаточно о работе матери, чтоб понимать — если планета становится частью обитаемого человеческого пространства, то все на ней резко изменяется для того, чтобы человеческие существа могли чувствовать себя почти как на Земле. Если Андерсон-2 станет обитаемой планетой, то его земли засадят деревьями, травами, пшеницей, в морях поселят рыбу.

Миллионы людей станут жить на этой планете, и, похоже, советник Карадок мечтает стать одним из их лидеров и править сложившимся обществом.

А в человеческом мире все местные формы жизни, кроме тех, которых сохраняют в особых парках для научного изучения, погибнут. Значит, должны погибнуть и Колеса.

Если же эти существа разумны, тогда, конечно, их планету нельзя колонизировать и приспособлять для существования человеческих созданий. А те люди, которые здесь уже поселились, принуждены будут оставить ее, и Карадоку придется куда-нибудь уехать, туда, где его жизнь станет жизнью заурядного, обычного человека.

Потому, конечно, ему и думать не хочется, что Колеса разумны, потому он и настаивает на том, что Джонатан просто фантазирует, рассказывая о своих разговорах с маленьким Колесиком. Как же Джонатану доказать, что он говорит правду? Как ему убедить всех оказавшихся на Андерсоне-2 людей в том, что Колеса разумны?

Джонатану не разрешили никуда уходить с Базы. Это понятно. Так и Карадок сказал, и мама подтвердила его слова. Но ему обязательно нужно отправиться туда, где заканчивалась вымощенная дорога. Он должен каким-то образом спасти Колеса, и это гораздо важнее, чем то, что его накажут, если узнают, что он убежал за зеленое поле.

Не прошло и пятнадцати минут после того, как мама отвела его в комнату и оставила одного, как мальчик уже снова быстро шагнул по траве к коричневому каменистому участку.

4

КРЫЛЬЯ

Зелено-Жёлтику тоже, конечно, не терпелось увидеться с Джонатаном, и он уже ждал его. Уж больно ему понравилось с ним разговаривать. Мысли у этого Джонатана были такие разные, а рассказы про Звуко-Штуков и их жизнь очень удивительными и даже захватывающими.

Конечно же, Розовинка велела ему не делать этого, но Зелено-Жёлтик просто должен был сюда прикатиться. Осторожно приблизился к поросшему травой островку, все время поглядыва-

вая по сторонам, чтобы знать, не появятся ли большие и опасные Звуко-Штуки. Затем несколько раз мигнул зеленым цветом, выкликая имя своего друга, и постарался думать изо всех-всех сил, чтобы его мысли легче было разобрать. Почти сразу почувствовал ответную мысль Джонатана и смог расслышать далекий звук его слов. Да, оказывается, и вправду, если думать по сильнее, то мысли летят дальше.

И вдруг он в испуге остановился. В мыслях Джонатана слышалось предостережение, опасность: сейчас он думал о том, что Колеса могут разрушиться. Лучики света Зелено-Жёлтика испуганно поникли. Неужели его друг Джонатан... Нет, конечно же нет! Эта опасность для Колес исходит совсем от других Звуко-Штуков, например, от Рыжеверхого.

Зелено-Жёлтик быстро кинулся к месту, откуда доходили до него мысли Джонатана, и, едва прикатившись, сразу замигал:

— Я так рад снова видеть тебя, Джонитин, хоть мне и не разрешили сюда бегать.

— И мне не разрешили, — сокрушенно сказал мальчик. — Но я обязательно должен рассказать тебе одну вещь. Вернее, сначала ты мне расскажи про ваш Праздник Крыльев. Когда он должен быть? Ты говорил, скоро. Когда скоро? Завтра? Когда?

Мысли его друга казались очень тревожными, и Зелено-Жёлтик охотно принялся отвечать. Он с таким радостным нетерпением ждал этого Праздника, что ему хотелось поделиться этой радостью со своим новым другом Звуко-Штуком. И Зелено-Жёлтик объяснил, что малыши растут очень медленно. Крылья тоже растут и растут себе, пока не становятся большими и сильными, подпитываясь энергией солнца. Тогда наступает великий и славный день Праздника и малышам разрешается летать. Они летают и летают с каждым днем все больше и больше, летают, пока их крылья не получают всю необходимую энергию и не усвоят ее. Тогда малыши опускаются на землю. Крылья у них сморщиваются и опадают, и больше они никогда не смогут летать.

— Скажи, а крыльями вы машете? — спросил Джонатан.

— Я не понял тебя. Крыльями мы делаем вот так. Видишь?

Зелено-Жёлтик развернул свои хрупкие крылышки. Сложенные вдоль боков тельца, они были едва заметны, но, расправленные, через мгновение предстали глазам Джонатана большими, пышными, состоящими из множества чуть изогнутых перьев

чистейшего белого цвета. Затем крылья завибрировали, и Зелено-Жёлтик на самую чуточку приподнялся над землей.

Но вскоре опустился и сверкнул:

— Мне пока нельзя их использовать. Они еще не очень пригодны для полетов. Надо три дня подождать.

Мысли его друга выглядели медленными и глубокими. Потом Джонатан задал новый вопрос:

— А таких малышей, как ты, у вас много, Зелено-Жёлтик?

— В нашей семье есть несколько дюжин ребятишек моего возраста, которые ждут Праздника Крыльев.

После этого Джонатан снова надолго замолчал, и его мысли казались тихим, почти неразборчивым шепотом. Потом он сказал:

— Через три дня будет Рождество.

— Я опять что-то не понимаю твоих мыслей,— ответил Зелено-Жёлтик.

Теперь пришел черед Джонатана объяснять. Зелено-Жёлтик его слушал очень внимательно, даже раз или два перебил, чтобы переспросить то, что не сумел разобрать, и тогда мысли мальчика становились яснее и громче. Так двое детей беседовали долго-долго.

День уже клонился к вечеру, когда Джонатан поднял голову и внезапно выкрикнул:

— Зелено-Жёлтик! Беги скорей! Спасайся!

Но предупреждать Колесико было уже не нужно, он почувствовал приближение Звуко-Штуков еще раньше, чем их услышал Джонатан. Зелено-Жёлтик быстро метнулся в сторону и тут же раскатился грохот взрывателя.

5

ОЖИДАНИЕ

Мама Джонатана очень рассердилась, это было сразу понятно по тому, как она строго сказала:

— Ты нарушаешь правила, Джонатан, и ты ослушался меня. Советник Карадок имеет право наказать тебя за это, и я даже не смогу за тебя вступиться.

— Но, мама, мне было совершенно необходимо вернуться к нему. Колеса — мыслящие, мама, ну правда, очень мыслящие.

Инспектор Деродин строго покачала головой.

— Этому нет ни одного свидетельства. Я помню, ты говорил, что общался с ними, и я верю тебе. Но этого недостаточно, Джонатан. То, что, как ты рассказываешь, они сообщали тебе, ты мог узнать и из других источников. Я знаю, ты у меня правдивый мальчик, но другие этого не знают.

— А что будет, если я расскажу тебе о чем-нибудь таком, о чем не мог узнать из других источников?

— Например, о чем?

— В той брошюре-раскладке, которую вы называете докладами, сказано, что маленькие Колесики умеют летать, но там не сказано, когда это случается. А я точно знаю, потому что мне рассказал об этом Зелено-Жёлтик. День полетов будет через три дня, как раз на наше Рождество. Вот увидишь.

Мама задумчиво произнесла:

— Ты прав, Джонатан. Праздник Крыльев выпадает на разные дни года, потому что год на этой планете не такой продолжительности, как наш земной. И в этом году их праздник как раз приходится на наше Рождество. Как же ты об этом узнал?

— Мне рассказал Зелено-Жёлтик.

— Это еще не доказательство, сын. Нам могут возразить, что кто-то из людей здесь, на Базе, сообщил тебе об этом.

— Но это же не так. Ты же знаешь, что это не так, раз я тебе говорю.

— То, что я тебе верю, еще ничего не значит.

— Значит, мама, очень значит. Ты же инспектор, и если ты решишь не давать этой планете сертификат на колонизацию, то люди не приедут на Андерсон-два. Пожалуйста, не давай его.

— Но я не могу отказать им в этом без достаточно уважительной причины, Джонатан. Ты сам прекрасно это знаешь. У меня должны быть серьезные доказательства того, что эта планета обитаема разумными существами.

— Колеса разумные существа.

— Извини, Джонатан, но твои слова — это еще не все. Ты общаешься с Колесами посредством телепатии, но ты единственный, кому это удастся. Если бы нашелся кто-нибудь еще, кто мог бы так же обмениваться с ними мыслями.

— Для того чтобы обмениваться, нужно быть молодым. Так Зелено-Жёлтик сказал. Он и я, мы оба молодые.

— Джонатан, молодые есть и на Андерсоне-два, и их довольно много. Есть ребята даже еще младше, чем ты. И ни один из них не обменивался мыслями с Колесиками.

— Но ни одному из них не позволено к ним приближаться, потому и не обмениваются. Противный Карадок сказал, что ни одному из детей не разрешается покидать Базу и бродить там, где водятся Колеса. Могу спорить, им потому и не разрешают гулять, где им хочется, чтоб они не общались с Колесами.

— Даже если это и так, — вздохнула мама Джонатана, — мы не можем доказать это.

— И пусть не можем, все равно я в этом уверен. В действительности маленькие детишки могли обмениваться мыслями с маленькими Колесиками. Может, кто-нибудь из них и рассказал об этом Карадоку, потому он и настаивает, чтобы ты побыстрее подписала сертификат. Ему требуется бумага, чтобы поубивать все Колесику, пока никто не понял, что они мыслящие существа.

Лицо мамы стало еще более строгим и серьезным.

— Я бы хотела верить тебе, сынок, но доказательств у нас все-таки нет. Может, советник Карадок и вправду стремится сделать этот мир настоящим домом для людей. И нужно признать, желание это справедливо.

— Мама, он не только этого хочет. Я знаю, что Колеса мыслящие создания, и я смогу доказать это, если... если...

— Если что?

Но Джонатан в ответ только покачал головой.

— Сам не знаю. Я пытался объяснить маленькому Колесу про Рождество, но не успел спросить, понял ли он меня. А потом они в него выстрелили, он покатился быстрее прочь, и я даже не знаю, жив ли он сейчас. Вот если он уцелел и понял меня, тогда может быть...

Джонатан чувствовал себя из рук вон плохо и на душе у него скребли кошки. Он не был уверен, понял ли его Зелено-Жёлтик, не знал, сумел ли тот все правильно объяснить другим маленьким Колесикам. Он даже сомневался в том, что его друг сумел укатиться вовремя, и не знал, жив ли он вообще.

Мальчик сказал:

— Мама, ты можешь немного подождать и не подписывать сейчас эти документы на колонизацию, пока я не придумаю что-нибудь еще?

Инспектор Деродин покачала головой.

— Не думаю, что из этого что-либо может выйти, сын. Люди здесь так долго ждут получения разрешительного сертификата, и я пообещала им принять решение сразу после Рождества. Это был бы настоящий рождественский подарок всему здешнему миру, и я не могу отказать им в этом. Если не будет реальных доказательств того, что Колеса разумны, тогда бумаги будут подписаны.

Джонатан опустил голову. В жизни еще он не был так несчастен.

6

КРЫЛЫШКИ ПРИЛЕТАЮТ

На планету Андерсон-2 пришли хлопотливые и счастливые дни, как они пришли в любой из человеческих миров. На планете готовились праздновать Рождество.

В первый раз Джонатан увидел ребятишек, родившихся на Андерсон-2, и тех, кто туда приехал. Погода стояла теплая-теплая, и они пели рождественские хоралы прямо на улице и помогали украшать огромную ель, стоящую на перекрестке главных улиц маленького городка. База была так мала, что все подарки в красивых обертках поместились под одной-единственной елкой в городе.

Джонатан даже, хоть и совсем недолго, испытал чувство вины за то, что он хочет, чтобы человеческие существа поскорей покинули планету. А ведь эти детишки уже, наверное, полюбили ее, это их дом. Почему же их надо увозить отсюда? Но затем ему пришло в голову, что существуют еще тысячи обитаемых миров, которые будут счастливы принять людей и сделать все для их удобства, но для существ, обитающих на планете Андерсон-2, это их единственный родной мир.

Небольшой космический корабль приземлился в тот день на космодроме. Он прибыл за инспектором Деродин и ее сыном, чтоб доставить их на корабль побольше и отвезти на Землю.

Мэр приветствовал примерно дюжину мужчин и женщин, составлявших космический экипаж, и сказал:

— Вы прилетели как раз вовремя, чтоб отпраздновать замечательный праздник вместе с нами.

А советник Карадок добавил:

— Да, и это будет двойной праздник, потому что по окончании его инспектор подпишет разрешительный сертификат.

Он был в прекрасном настроении, и Джонатан был уверен, что знает причину этого. Увидев прилетевший корабль, Карадок, наверное, решил, что инспектор со своим сыном теперь быстро улетят отсюда. «Ему хочется, чтоб мы поскорее убрались и он мог бы без помехи разрушить все Колеса», — угрюмо думал Джонатан.

Весь день напролет Джонатан упорно не сводил глаз с неба, надеясь и надеясь. Иногда ему начинало казаться, что где-то очень-очень высоко в небе он различает маленькое Колесико, и, значит, начинается Праздник Крыльев. Но то, что он видел, каждый раз оказывалось крохотными, едва различимыми блестящими, и он не был уверен, что это летают Колесики.

Если б одной из этих блестящих точек оказался Зелено-Жёлтик, Джонатан мог бы услышать его мысли или мысли кого-нибудь из других Колесиков. Но как ни старался он напрячься и думать ясно-ясно, никаких ответных мыслей не улавливал. Все больше и больше он начинал бояться, что Зелено-Жёлтик погиб, застреленный из бластера, не успев укатиться подальше от зеленого поля.

Наконец праздничный обед окончился. Санта-Клаус прибыл на реактивных санях, которые примчались прямо по воздуху, и вручил игрушки всем детишкам Базы. Праздник подошел к счастливому концу, и все были довольны. Все, кроме Джонатана.

В эту минуту послышался голос Карадока:

— Мистер мэр, я полагаю, что наступил самый подходящий момент для того, чтоб уважаемый инспектор Деродин подписала разрешительный сертификат.

Инспектор Деродин бросила взгляд на сына, и он быстро зашевелил губами, произнося слово «нет», но совершенно беззвучно.

Инспектор заколебалась, но потом все-таки сказала:

— Хорошо, я готова их подписать.

Мэр положил папку с бумагами на стол, и Карадок снова заговорил:

— Думаю, что всем мужчинам и женщинам, входящим в экипаж этого космического корабля, следует подойти поближе, что-

бы они могли засвидетельствовать подпись инспектора. Ни для кого из людей не может быть безразличен момент, когда одна из далеких планет, Андерсон-два, становится членом большой семьи их миров.

Инспектор Деродин взяла в руку специальное перо, которое было снабжено особым кодом, и только успела поднести его к документу, когда вдруг услышала гул взволнованных голосов, и рука ее замерла. Она удивленно подняла глаза.

Джонатан закричал:

— Это же летающие Колесики!

И стал махать руками и указывать всем на небо. Зелено-Жёлтика не убили! И Колесико все понял и замечательно все устроил!

Сначала они казались просто точками, кружащимися высоко в небе, ослепительно белыми, сверкающими точками. Они светились, испуская понемножку ту солнечную энергию, которую впитывали весь долгий день. Джонатан попытался подсчитать, сколько их. Двадцать, нет, больше, даже тридцать. Их было почти пятьдесят!

Теперь Колесики кружились почти над головами людей. И спускались ниже и ниже.

Все смотрели на них. Мужчины, женщины, дети, все смотрели в небо, подняв головы вверх.

Теперь летающие Колесики спустились еще ниже. Все они, каждый из них, были совершенно белоснежного цвета. Сейчас все они распростерли крылья, и мягкий шум, с которым те колебались, стал прекрасно слышен. И кто-то из людей воскликнул:

— О, они похожи на ангелов!

Колесики перемещались с места на место, они занимали определенные позиции, выстраивались. И вдруг все они застыли, паря в воздухе в сотне футов над рождественской елкой. Умные Колесики сформировали сверкающую, белоснежную, красивую звезду — Вифлеемскую. Живую звезду Вифлеема!

Когда инспектор Деродин сумела перевести дух от удивления, она громко произнесла:

— Итак, обитатели здешнего мира оказались разумными существами, советник Карадок. Теперь все это отчетливо видят. Вы видите, мистер мэр, не так ли? Как и все члены космического экипажа. Этот мир не будет колонизован людьми.

И она разорвала сертификат пополам. А потом сложила и опять разорвала пополам. И все это время мама не сводила глаз с парящей над ней звезды белоснежных Колесиков.

— Подождите, подождите,— вдруг нашелся Карадок,— но вы же не станете отрицать, что ваш сынок подучил их проделать это?

Джонатан воскликнул:

— Конечно, я научил их. Но как бы они могли хоть что-нибудь понять, если б не были разумными?

Губы Карадока зло шевелились, произнося какие-то слова, но ничего не было слышно.

Инспектор Деродин, все еще не сводя глаз с неба, тихо сказала:

— И сонм ангелов в небесах восславил Господа и запел: «Слава Господу в вышине, миру на земле и добрым людям».

Никогда еще Джонатан не был так счастлив. Зелено-Жёлтик и все его друзья спасены! Их родная планета по-прежнему принадлежит им.

— И миру во всей Вселенной и всем добрым мыслящим существам,— прошептал он совсем тихо.

Ничего бы этого не произошло — семья не была бы опозорена, а ошеломленный мир Гаммера не пришел бы в ужас, — если бы Чокер Младший не отправился в Большой Тур. В Большом Туре не было ничего противозаконного, по крайней мере на Гаммере, но всегда считалось, что всякий, кто решается предпринять это путешествие, поступает не слишком разумно. Чокер Старейший с самого начала был против, но, когда Леди Чокер приняла сторону своего младшего сына — как это нередко случается в жизни, — предпочел не возражать. У нее было всего два ребенка (так уж распорядилась судьба, что оба оказались мальчиками), на большее Леди Чокер рассчитывать уже не могла, поэтому никого не удивляло, что она частенько баловала младшего.

А младший сын хотел увидеть другие миры и обещал, что его отсутствие не продлится больше года. Леди Чокер разрыдалась, ужасно огорчилась, несколько дней не разговаривала со своим любимцем, а потом решительно вытерла слезы и жестко поговорила с Чокером Старейшим — и Чокер Младший получил то, что желал.

Теперь, ровно год спустя (а Чокер Младший всегда держал свое слово; впрочем, денежная поддержка Чокера Старейшего кончилась тогда же, тут уж можете не сомневаться), он вернулся, и вся семья собралась отпраздновать это событие.

Старейший надел новую блестящую черную рубашку, однако его лицо сохраняло холодное выражение, и он не задал сыну

ни одного вопроса. У него не было интереса к другим мирам с их странными обычаями и примитивным питанием (ничуть не лучше, чем на Земле, о которой жители Гаммера никогда не говорили).

— У тебя ужасно грязное лицо, Чокер Младший. — Использование полного имени явно указывало на его неудовольствие.

Чокер рассмеялся, и на чистой коже его худого лица появились морщины.

— Я старался держаться подальше от солнца — насколько это было возможно, мой Старейший, но обитатели других миров не соблюдают этого обычая.

Леди Чокер не могла не вмешаться.

— И совсем он не грязный, Старейший. Его лицо дышит теплом.

— Теплом солнца, — проворчал Старейший. — Наверное, он постоянно копался в грязи — они же просто обожают это делать.

— Нет, фермерством я не занимался, Старейший. Это трудная работа. Впрочем, я несколько раз посещал грибные плантации.

Чокера Старшего, который родился на три года раньше Младшего и сильно походил на него, хотя был выше ростом и заметно шире в плечах, раздирали противоречивые чувства: зависть к младшему брату, повидавшему разные миры орбиты, и отвращение при одной только мысли об этом.

— Ты ел их Блюда, Младший? — спросил он.

— Должен же я был что-то есть, — ответил Чокер Младший. — Конечно, у меня были ваши подарки, моя Леди. Иногда они оказывались настоящим спасением.

— Я полагаю, — презрительно бросил Чокер Старейший, — что Блюдо там абсолютно несъедобное. В него наверняка попадает столько всякой пакости.

— Да ладно вам, мой Старейший. — Чокер Младший помолчал, словно старался найти подходящие слова, а потом пожал плечами. — Ну, во всяком случае, я там не умер с голода. Ко всему привыкаешь. Я больше не буду говорить об этом. Но, моя Леди, я так рад снова оказаться дома. Свет здесь такой теплый и мягкий.

— Похоже, ты сыт солнцем по горло,— сказал Старейший.— А ведь сам прямо рвался в поездку... Ну, добро пожаловать обратно во внутренний мир, где свет и тепло находятся под контролем и не зависят от капризов горячего светила. Добро пожаловать в колыбель человечества, как гласит известная поговорка.

— И все же я рад, что побывал там,— сказал Чокер Младший.— Восемь разных миров, вы понимаете. Появляется новый взгляд на вещи.

— Лучше бы его не иметь,— усмехнулся Старейший.

— Не уверен,— возразил Чокер Младший, и его правое веко дрогнуло, когда он бросил быстрый взгляд на Старшего.

Чокер Старший поджал губы, но ничего не сказал.

2

В честь его возвращения устроили самый настоящий пир. Все вынуждены были это признать, а в конце и сам Чокер Младший, которому не терпелось начать и который был вынужден первым отодвинуть в сторону тарелку. У него не было выбора — в противном случае Леди продолжала бы накладывать ему все новые и новые угощения из своих обширных кладовых.

— Моя Леди,— с любовью проговорил он,— мой язык устал. Я больше не ощущаю вкуса.

— Ты утратил вкус? — переспросила Леди.— Это еще что за глупости? Ты обладаешь искусством самого Великого Старейшего. В возрасте шести лет ты уже был Дегустатором, у нас есть тому бесчисленные доказательства. Не было такой добавки, которую ты не смог бы узнать, хотя иногда и не умел правильно произнести название.

— Вкусовые рецепторы теряют остроту, когда ими перестают пользоваться,— мрачно заявил Чокер Старейший,— а беготня по другим мирам может окончательно испортить человека.

— Вот как? Ну, давай проверим,— сказала Леди.— Мой Младший, расскажи своему впадшему в сомнения Старейшему, что ты сегодня ел.

— По порядку? — уточнил Чокер Младший.

— Да. Покажи ему, что ты не забыл.

Чокер Младший закрыл глаза.

— Ну, это не очень-то честное испытание,— заявил он,— я так наслаждался вкусом, что не делал пауз, чтобы проанализировать Блюда, к тому же прошло много времени.

— Он придумывает себе оправдания. Видишь, Леди? — мрачно усмехнулся Старейший.

— Но я попытаюсь,— поспешно проговорил Чокер Младший.— Ну, во-первых, основа всех Блюд взята из грибковых цистерн, находящихся в тринадцатом коридоре Восточной секции, так мне кажется — если только в мое отсутствие не произошло существенных перемен.

— Нет, ты прав,— с удовлетворением сказала Леди.

— И это стоило нам немалых денег,— добавил Старейший.

— Возвращение Блудного Сына,— не без яда заметил Чокер Старший.— Мы должны подать на стол упитанный грибок, так говорится в известной пословице. А как насчет добавок, Младший?

— Ну,— задумчиво протянул Чокер Младший,— первая состояла из «Весеннего Утра» с легкой примесью свежих листьев А и побегов спара.

— Совершенно верно,— заявила Леди, расплываясь в счастливой улыбке.

Чокер Младший, так и не открывая глаз, продолжал комментировать меню, полностью положившись на свои вкусовые рецепторы. Он пропустил восьмое блюдо, но потом вернулся к нему.

— А вот это,— признался он,— поставило меня в тупик.

— Ты что, совсем его не попробовал? — усмехнулся Чокер Старший.

— Конечно попробовал. Я его почти все съел. Пожалуй, это был «Резвящийся Ягненок» — нет, не Скачущий. Впрочем, что-то в нем чувствовалось и от Скачущего.

— Да ладно тебе, не выдумывай всяких сложностей. Это совсем просто,— заявил Чокер Старший.— Что там в нем еще было?

— Зеленая мята с небольшим количеством горькой мяты и щепотка «Сверкающей Крови». И еще что-то незнакомое.

— Тебе понравилось? — поинтересовался Чокер Старший.

— Понравилось? Сегодня не самый подходящий день для таких вопросов. Мне все понравилось. А то, что я не могу опре-

делить, мне показалось очень удачным. Близко к «Цветущему Шиповнику», но лучше.

— Лучше? — довольно переспросил Чокер Старший. — Это мое!

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Чокер Младший.

— Мой оставшийся дома сын, — с одобрением заявил Старейший, — не терял времени даром. Он написал программу для компьютера, при помощи которой создал три новые совместимые вкусовые молекулы, весьма многообещающие. Сам Великий Старейший Томас попробовал блюдо, о котором ты сейчас говорил, мой беспокойный Младший, и одобрил его.

— На самом деле он ничего не сказал, мой Старейший, — возразил Старший.

— Но выражение его лица не требовало комментариев, — с улыбкой добавила Леди.

— Получилось здорово, — сказал Чокер Младший, несколько разочарованный тем, что перестал быть центром всеобщего внимания. — Ты собираешься претендовать на Приз?

— Да, подумывал, — кивнул Чокер Старший, стараясь говорить небрежно. — Но не с этим Блюдом — кстати, я назвал его «Пурпурный Свет». Мне удалось создать нечто более удачное, с чем можно будет принять участие в соревновании.

Чокер Младший нахмурился:

— Я считал, что...

— Да?

— Что я уже созрел для отдыха. Но сначала я хочу попробовать еще немного изобретения Старшего, постараюсь определить химическую структуру «Пурпурного Света».

3

С неделю в доме Чокеров царила праздничная атмосфера. Чокер Старейший пользовался известностью на Гаммере, поэтому создалось впечатление, что чуть ли не половина обитателей сектора побывала у них в гостях, чтобы удовлетворить свое любопытство и убедиться в том, что Чокер Младший вернулся домой живым и здоровым. Большинство обращало внимание на цвет его лица, и не одна молодая женщина просила разрешения

дотронуться до его щеки, словно легкий загар можно было пощупать пальцами.

Чокер Младший благородно соглашался, но Леди явно не одобряла подобной фамильярности, о чем и не преминула тут же сообщить.

Даже Великий Старейший Томас, округлый и упитанный, как это может позволить себе только истинный обитатель Гаммера, покинул свой уединенный угол. Время не имело над ним власти: ни морщины, ни седина не испортили его царственной внешности и не притупили талантов. Он был замечательным Мастером Дегустатором, с ним мог сравниться лишь Великий Старейший Фарой, живший более полувека назад. Все, что пробовал Томас, мгновенно открывало перед ними свою структуру.

Чокер Младший, никогда не страдавший от недооценки собственных способностей, охотно признавал, что даже и близко не может подойти к удивительным возможностям опытного Мастера.

Великий Старейший, который вот уже больше двадцати лет возглавлял комиссию по присуждению Приза на ежегодном фестивале, подробно расспросил Младшего о других мирах — ведь Томас их, конечно же, никогда не видел.

Однако вел он себя снисходительно и даже улыбнулся Леди Чокер.

— Нет нужды беспокоиться, Леди, — сказал он. — В наши дни молодые люди страдают от порока по имени любопытство. В мое время молодежь довольствовалась нашим собственным цилиндром достоинств, как гласит поговорка, но теперь все изменилось, и многие совершают так называемый Большой Тур. Возможно, это совсем неплохо. Увидеть другие миры — легкомысленные, пропитанные солнцем, без царя в голове, лишенные вкусовых рецепторов... Подобные путешествия должны лишь увеличить уважение к старшему брату, как гласит поговорка.

Великий Старейший Томас был единственным жителем Гаммера, который говорил о Гаммере как о «старшем брате», хотя на видеокассетах подобные слова встречались часто. Гаммер был третьей колонией, основанной на лунной орбите, но первые две — Альфер и Бейтер — оказались непригодными с экологической точки зрения. В отличие от Гаммера.

— Люди на других мирах не уставали повторять, сколь многим они обязаны опыту Гаммера,— тщательно подбирая слова, говорил Чокер Младший.— Они все учились, глядя на Гаммер.

Томас сиял:

— Конечно. Конечно. Хорошо сказано.

— Однако люди склонны к самоутверждению,— еще с большей осторожностью продолжал Чокер Младший.— Некоторые считают, что они смогли улучшить то, что изобрели на Гаммере.

Великий Старейший Томас выдохнул через нос (старайтесь как можно меньше дышать ртом, повторял он снова и снова, потому что это притупляет чувствительность языка Дегустатора) и пристально посмотрел на Чокера своими темно-синими глазами, цвет которых прекрасно оттеняли снежно-белые брови.

— В каком смысле улучшили? Они говорили о чем-то определенном?

Чокер Младший, который шел теперь по тонкому льду, не мог не заметить, что Томас нахмурил лоб.

— В тех вопросах, которые для них важны,— боюсь, впрочем, что я не могу об этом судить.

— В вопросах, которые для них важны... Ты нашел мир, где больше нас знают о химии производства продуктов питания?

— Нет! Конечно нет, Великий Старейший. Никого это не волнует, насколько я успел заметить. Всюду пользуются нашими достижениями. Они прямо говорят об этом.

— Да, они могут на нас рассчитывать, мы знаем все побочные действия сотен тысяч молекул; каждый год мы находим, определяем и изучаем тысячи новых. Они пользуются результатами нашей работы — в том, что касается диеты и употребления витаминов. А что до Дегустации, то без нас им никак не обойтись. Верно?

— Они признают это без колебаний.

— А где можно найти компьютеры более сложные и надежные, чем наши?

— Нигде, если речь идет об их применении в нашем деле.

— И что они подают в качестве основного Блюда? — поинтересовался Томас и с сарказмом добавил: — Или они полагают, что молодой житель Гаммера будет питаться травкой?

— Нет, Великий Старейший, у них есть Блюдо. На всех мирах, которые мне довелось посетить, есть Блюдо; и на всех, что

мне не довелось посетить — так говорят, — оно тоже есть. Даже на мире, где Блюдо считается прерогативой низших классов...

Томас побагровел.

— Идиоты! — пробормотал он.

— Разные миры, разные обычаи, — торопливо заговорил Чокер Младший. — Но даже и там, Великий Старейший, Блюдо популярно, когда кто-то хочет поесть чего-нибудь недорогого и питательного. Они позаимствовали Блюдо у нас. Повсюду оно происходит от грибковой популяции, выведенной на Гаммере.

— Какой популяции?

— А-пять, — виноватым голосом ответил Чокер Младший. — Самая стойкая и энергосберегающая.

— И самая грубая, — с удовлетворением проговорил Томас. — А какими вкусовыми добавками они пользуются?

— Очень немногими, — ответил Чокер Младший. Он чуть подумал и промолвил вслед: — На Каппере есть одна интересная добавка — очень перспективная. Конечно, она совершенно не разработана, а когда я показал им то, что прислала мне моя Леди, они вынуждены были признать, что их добавка не идет ни в какое сравнение с нашей.

— Ты не рассказывал мне об этом, — заметила Леди Чокер, которая до этого момента не осмеливалась вступить в разговор с Великим Старейшим. — Значит, на других мирах понравились мои заготовки?

— Я не слишком часто делился ими, — признался Чокер Младший. — Мне хотелось сохранить их для себя, но все были в восторге, если я давал им их попробовать, моя Леди.

4

Только через несколько дней у братьев появилась возможность спокойно поговорить.

— А на Ки тебе удалось побывать? — поинтересовался Старший.

Чокер Младший понизил голос:

— Да. Всего пару дней. Там слишком дорого, чтобы оставаться надолго.

— Не сомневаюсь, Старейший не одобрил бы и двух дней.

— Я не собираюсь этим с ним делиться. А ты?

— Глупое замечание. Расскажи мне о Ки.

Немного смушаясь, Чокер Младший поведал брату о своих приключениях, а в конце сказал:

— Все дело в том, Старший, что для них это является нормой. Они даже и не думают об этом. Знаешь, у меня возникла совершенно новая мысль: не существует ничего истинно верного или ложного. То, к чему ты привык, и является правильным. А то, к чему не привык,— ложно.

— Попробуй скажи это Старейшему.

— То, что он думает,— верно, а то, к чему привык, тоже верно. Ты не можешь не признать этого.

— Какая разница, признаю я или нет? Старейший считает, что все правила поведения определены создателями Гаммера и записаны в книгу, единственный экземпляр которой есть неизблемый образец для подражания, так что другие миры заведомо обречены на бесконечные ошибки. Я, конечно, говорю в метафорическом смысле.

— Я с тобой согласен, Старший,— в метафорическом смысле. Но меня потрясло то, как спокойно люди других миров это воспринимают. Я видел, как они паслись.

На лице Старшего появилась гримаса неудовольствия.

— Словно животные, ты хочешь сказать?

— Они совсем не походили на животных. В этом-то все и дело.

— Значит, ты наблюдал, как убивают, разделяют...

— Нет,— быстро перебил его Младший.— Я просто видел это, когда все было закончено. Они едят нечто похожее на некоторые виды Блюд, да и запах такой же. Наверное, на вкус...

На лице Чокера Старшего возникло выражение полнейшего отвращения, и Чокер Младший виновато сказал:

— Но пасться там — главнейшее дело, ты же знаешь. Я хочу сказать — на Земле. Вполне возможно, что, когда на Гаммере было изобретено первое Блюдо, по вкусу оно должно было напоминать выращенную, живую пищу.

— Я предпочитаю в это не верить,— заявил Чокер Старший.

— Твои предпочтения не имеют никакого значения.

— Послушай,— сказал Чокер Старший,— меня не волнует, чем они там питаются. Если бы у них был шанс попробовать на-

стоящее Блюдо — не популяцию А-пять, а упитанный грибок, — если бы у них были изощренные вкусовые добавки, а не та примитивная дрянь, которую они используют, им бы и в голову не пришло есть тех, которые пасутся. Если бы они могли попробовать то, что я придумал и еще придумаю...

— Ты что, действительно собираешься принять участие в соревновании, Старший? — задумчиво поинтересовался Чокер Младший.

Чокер Старший немного помолчал, а потом ответил:

— Да, пожалуй, да. Я принял решение. Даже если мне сейчас не удастся победить, рано или поздно я добьюсь успеха. Я придумал совершенно новую программу. — Чокер Старший был явно возбужден. — Никогда ранее мне не приходилось видеть ничего похожего, и она работает! Все дело... — Тут он оборвал себя и с некоторым смущением продолжил: — Надеюсь, Младший, ты не обидишься, если я не стану посвящать тебя в подробности? Я ни с кем ими не делился.

Чокер Младший пожал плечами:

— Было бы глупо об этом рассказывать. Если у тебя действительно хорошая программа, ты сможешь получить за нее целое состояние. Ты и сам это прекрасно понимаешь. Взять хотя бы Великого Старейшего Томаса. Прошло не меньше тридцати пяти лет с тех пор, как он сотворил «Песнь Туннеля», но формулу до сих пор не опубликовал.

— Да, но существует весьма правдоподобное предположение о том, как он это сделал, — сказал Чокер Старший. — И, по моему мнению, Песнь не такая уж... — Он с сомнением покачал головой, не желая произносить вслух крамольные слова.

— Я спросил о твоём возможном участии в соревнованиях потому... — начал Чокер Младший.

— Да?

— Потому что и сам хотел бы испытать судьбу.

— В самом деле? Ты еще слишком молод.

— Мне уже исполнилось двадцать два года. У тебя нет возражений?

— Тебе не хватает знаний, Младший. Ты с компьютером-то умеешь обращаться?

— Какая разница? Компьютер тут ни при чем.

— Правда? А что же тогда важно?

— Вкусовые рецепторы.

— Все-решают-вкусовые-рецепторы-от-них-зависит-удача-или-поражение. Мы все знаем эту песню, и я готов в один прыжок преодолеть нулевую ось, как гласит поговорка.

— Но я совершенно серьезно, Старший. Компьютер дает начальные импульсы, верно? А решает все язык.

— И естественно, Мастер Дегустатор вроде нашего Младшего с этим справится лучше всех.

Чокер Младший покраснел — его загар был не настолько сильным, чтобы это скрыть.

— Может быть, и не Мастер Дегустатор — но Дегустатор, и ты это прекрасно знаешь. Дело в том, что за год, проведенный вдаль от дома, я сумел оценить достоинства хорошего Блюда и часто думал о том, что можно с ним сделать. Я кое-чему научился... Понимаешь, Старший, мой язык — все, что у меня есть, и я бы хотел вернуть деньги, которые Старейший и Леди на меня потратили. Ты не против моего участия? Не боишься конкуренции?

Чокер Старший напрягся. Он был выше и крепче Чокера Младшего, к тому же на его лице появилось совсем не дружелюбное выражение.

— Я не боюсь конкуренции. Если хочешь участвовать — давай, Младшенький. Только не приходи ко мне поплакать, когда опозоришься. И могу сказать тебе заранее, что Старейшему совсем не понравится, когда ты будешь выглядеть как дурачок, лишенный всякого вкуса, как гласит поговорка.

— Никто не обязан побеждать с первого раза. Рано или поздно победа достанется мне, как гласит твоя поговорка, — с этими словами Чокер Младший повернулся и ушел.

Он и сам немного обиделся.

5

Прошло время. Все, похоже, были сыты по горло рассказами о других мирах. Чокер Младший в пятнадцатый раз описал живых животных и в сотый заявил, что никогда не видел, как их убивают. Он нарисовал словесные картины полей с пшеницей и по-

пытался объяснить, как выглядит солнечный свет, отражающийся от мужчин и женщин, зданий и долин, как на открытых пространствах появляется голубоватая дымка. Он в двухсотый раз повторил, что солнечный свет на других мирах совсем не похож на то, что можно наблюдать во внешних отсеках Гаммера (которые уже давно никто не посещал).

И теперь, когда все это закончилось, ему даже немного не хватало всеобщего внимания. Чокеру Младшему понравилось быть знаменитостью. Он чувствовал себя странно, когда просматривал фильмы, привезенные с собой, и старался не сердиться на Леди.

— Что с вами, моя Леди? Вы ни разу не улыбнулись за весь день.

Мать задумчиво посмотрела на него:

— Очень огорчительно видеть разногласия между Старшим и Младшим.

— О, ничего страшного.— Чокер Младший вскочил на ноги и подошел к вентилятору.

Это был день жасмина, и он любил его запах — каждый раз, совершенно автоматически, Чокер Младший задумывался над тем, как его улучшить. Конечно, аромат был очень слабым, потому что всем известно, что сильные цветочные запахи притупляют чувствительность языка.

— Леди, нет ничего плохого в том, что я буду участвовать в соревновании за Приз. Каждый гражданин Гаммера, которому исполнился двадцать один год, имеет на это право.

— Но хороший вкус запрещает конкурировать со старшим братом.

— Хороший вкус? А почему бы и нет? Я буду конкурировать со всеми. Как и он. Да, и при этом мы будем соперничать между собой. Ну и что из того? Почему вас не беспокоит, что он будет моим соперником?

— Он на три года старше тебя, мой Младший.

— И очень может быть, что он победит, моя Леди. У него есть компьютер. Старший просил вас уговорить меня оставить эту затею?

— Нет, не просил. Не нужно плохо думать о своем брате.— Леди говорила искренне, но в глаза Младшему старалась не смотреть.

— Ну, значит, он вел себя таким образом, что вы сделали этот вывод самостоятельно. И все из-за того, что я прошел квалификационный тур — Старший на это явно не рассчитывал.

— Любой может пройти квалификацию, — заявил с порога Чокер Старший.

Чокер Младший резко повернулся к нему:

— Почему же тогда ты так огорчился? И почему сотни людей не в состоянии этого сделать?

— Слова тех, у кого и вкуса-то нет, мало меня занимают, Младший. Подожди момента, когда придет время финальных состязаний.

— Поскольку ты тоже прошел квалификацию, Старший, нет никакого смысла убеждать меня в том, что это решение приняли люди, у которых нет никакого...

— Мой Младший, — решительно вмешалась Леди. — Прекрати! Возможно, вам пора вспомнить, что это весьма редкий случай, когда Старший и Младший из одной семьи одновременно прошли квалификацию.

Никто из них не посмел нарушить молчание в присутствии Леди — но их физиономии так и остались мрачными.

6

Шли дни, и Чокер Младший увлекся созданием своего Блюда с особыми вкусовыми добавками — с нетерпением дожидаясь того момента, когда его собственные вкусовые рецепторы не скажут, что ему удалось придумать нечто уникальное, еще никогда не попадавшее на язык строгим Дегустаторам Гаммера.

Теперь он сам посещал Центральные Цистерны, где в идеальных условиях с удивительной скоростью размножались грибки — всего их было три дюжины видов, каждый из которых разделялся на подвиды.

Мастер Дегустатор, отведав Блюдо без добавок — грибок неизменный, как гласит пословица, — мог указать его источник с точностью до номера секции и коридора. Великий Старейший Томас многократно публично заявлял, что может определить цистерну, а иногда даже ее конкретную часть, хотя никто ни разу не решился проверить, так ли это.

Чокер Младший не делал вида, что обладает умениями Томаса, но пробовал чистые Блюда до тех пор, пока не решил, какую именно разновидность грибка ему следует выбрать для того, чтобы смешать его с ингредиентами, которые он собирался использовать для нового Блюда. Хороший Дегустатор, говорил Великий Старейший Томас, может мысленно соединить ингредиенты и ощутить их вкус в своем воображении. Для Томаса — насколько было известно Чокеру Младшему — это были просто красивые слова, но сам он не сомневался, что в состоянии проделывать такой фокус.

Он снял в аренду кухню (дополнительные расходы для несчастного Старейшего) и не роптал на свою судьбу — ведь он не умел работать с компьютером, поэтому пришлось обходиться без него. Смесители, нагреватели, кипятильники, миксеры и подобные приспособления занимали не слишком много места. Кроме того, в кухне имелась отличная вытяжка, позволявшая скрывать запахи. (Всем известны истории про Дегустаторов, которые не уберегли запах своего изобретения, а потом оказывалось, что их новое Блюдо подается на стол в обычных домах еще до того, как они успели представить его на суд жюри. Украсть чужой продукт считалось, конечно, дурным вкусом, но бороться с этим было достаточно сложно.)

Загорелся сигнальный огонек — код Чокер Младший узнал без труда, им пользовался только Чокер Старейший. И Младшего охватило знакомое ощущение стыда — нечто похожее он испытывал, когда без разрешения пробовал главное Блюдо, приготовленное для гостей.

— Одну минутку, мой Старейший, — пропел он, быстро убрав на место все ингредиенты, вышел из кухни и плотно закрыл за собой дверь. — Сожалею, но искусство дегустации имеет первостепенное значение.

— Я понимаю, — напряженно ответил Старейший, хотя его ноздри на миг широко раскрылись, словно он попытался поймать неуловимый аромат. — Последнее время ты так мало бываешь дома — едва ли больше, чем во время своего Большого Тура, а мне нужно поговорить с тобой.

— Никаких проблем, Старейший, мы можем посидеть в холле.

Холл находился совсем рядом, к счастью, там никого не было. Чокер Младший внутренне сжался — он понял, что ему предстоит выслушать очередную лекцию.

— Младший, ты мой сын, — наконец заговорил Старейший, — и я должен выполнять обязательства, которые у меня есть по отношению к тебе. Однако они состоят не только в том, чтобы оплачивать твои расходы и дать возможность устроить самостоятельную жизнь. Иногда приходит время для поучений. Тот, кто хочет создать достойное Блюдо, не должен гнушаться грязной работы, как гласит пословица.

Чокер Младший опустил глаза. Он, вместе с братом, оказался среди тридцати финалистов, которые через неделю должны были разыграть Приз. По слухам, рейтинг у Чокера Младшего был выше, чем у Старшего.

— Старейший, — сказал Чокер Младший, — не хотите ли вы попросить меня, чтобы я не слишком старался и отдал победу моему брату?

Чокер Старейший удивленно заморгал, и рот Младшего со стуком захлопнулся. Похоже, он сказал глупость.

— Мне и в голову это не приходило, — сердито сказал Старейший, — как раз наоборот, я хотел попросить тебя выдать все, на что ты способен. Вспомни о позоре, который ты навлек на нашу семью во время столкновения со Стенс Старшей на прошлой неделе.

Некоторое время Чокер Младший никак не мог понять, о чем идет речь. Он не имел никакого отношения к Стенс Старшей — глупой молодой женщине, с которой перебросился несколькими ничего не значащими фразами.

— Стенс Старшая? Опозорил? Каким образом?

— Только не говори мне, что не помнишь слов, которые ты ей сказал. Стенс повторила их своим родителям, они друзья нашей семьи, а теперь об этом болтают по всей нашей секции. Что побудило тебя, Младший, нарушить традиции Гаммера?

— Я ничего подобного не делал. Она спросила меня о Большом Туре, и я рассказал ей примерно то же самое, что и трем сотням других наших знакомых.

— А разве ты не говорил ей, что женщинам следовало бы разрешить участие в Большом Туре?

— Ах вот оно что.

— Да.

— Но, Старейший, я просто сказал ей, что если бы она сама отправилась в Большой Тур, то ей бы не пришлось задавать во-

просы; а когда она сделала вид, что шокирована моим предложением, я заявил, что, по моему мнению, будет только лучше, если многие обитатели Гаммера побывают на других мирах. Мне кажется, Старейший, что наше общество слишком замкнуто — и не я единственный так считаю.

— Да, я слышал о радикалах, высказывающих аналогичную точку зрения, но не в нашей секции и не в нашей семье. Мы имеем солидный опыт, в отличие от других миров. У нас сбалансированное и стабильное общество, а у них множество проблем. Разве у нас есть преступность? Или коррупция?

— Но, Старейший, мы платим за это застоем. Мы так закрыты, наша жизнь однообразна!

— Чему могут научить нас другие миры? Разве ты сам не радовался, когда вернулся в наш замкнутый и комфортабельный мир? И вновь смог бродить по коридорам Гаммера, залитым золотистым светом?

— Да, но я увидел немало интересного и полезного. Есть очень многие вещи на других мирах, к которым я бы с удовольствием привык.

— И что же конкретно ты имеешь в виду, мой безумный Младший?

Чокер Младший был готов проглотить свой слишком длинный язык. После паузы он пробормотал:

— Зачем делать голословные утверждения? Вот когда я смогу доказать, что какие-то вещи на других мирах лучше, чем на Гаммере, тогда я о них и расскажу. А до тех пор какой смысл напрасно сотрясать воздух?

— Ты и так попусту тратишь время на дурацкие рассказы, Младший, и никакой пользы тебе это не принесло, а вот вреда — немало. Младший, если у тебя после Большого Тура — деньги за который меня заставила заплатить Леди — осталась хоть капля уважения ко мне и если ты ценишь то, что я и сейчас ни в чем тебе не отказываю, ты будешь с этих пор держать рот на замке.

— Как скажете, Старейший, — тихо проговорил Чокер Младший. — С этого момента я буду говорить только тогда, когда у меня появятся доказательства.

— А поскольку у тебя их никогда не будет, — мрачно подытожил Старейший, — меня очень порадует, если ты сдержишь свое слово.

Финалы, которые проводились ежегодно, считались самым крупным праздником, величайшим событием года. Финалисты готовили свой вариант Блюда. Каждый из тридцати членов жюри пробовал каждое Блюдо по прошествии необходимого для восстановления чувствительности языка промежутка. Процедура занимала целый день.

Честно говоря, обитателям Гаммера приходилось признать, что почти из сотни победителей ежегодных финалов далеко не всякому удавалось создать Блюдо, которое впоследствии стало бы классическим. Некоторые были просто забыты, а другие теперь считались самыми заурядными. С другой стороны, по меньшей мере два из любимейших Блюд обитателей Гаммера были настоящими бестселлерами в ресторанах в течение двух десятков лет, хотя и не являлись победителями состязаний. А «Черный Бархат» — необычная комбинация шоколада и цветущей вишни, самые любимые конфеты всех времен — даже не вышел в финал.

У Чокера Младшего не было сомнений относительно исхода состязаний. Он был настолько уверен, что с удивлением обнаружил: ему даже скучно. Он продолжал наблюдать за лицами членов жюри, когда время от времени один из них набирал в ложку немного очередного Блюда и производил Дегустацию. Каждый старался сохранять невозмутимость, прикрывая глаза. Ни один настоящий судья не позволит себе удивленного восклицания или удовлетворенного вздоха — не говоря уже о гримасе отвращения. Они просто фиксировали свои впечатления в маленьких компьютерных карточках.

Чокер Младший размышлял о том, смогут ли они скрыть удовольствие, когда попробуют его Блюдо. В последнюю неделю оно стало великолепным, достигло таких вершин, превзойти которые невозможно...

— Уже считаешь барыши? — произнес Чокер Старший прямо ему в ухо.

Чокер Младший вздрогнул и быстро повернулся к брату. Чокер Старший выглядел просто великолепно.

— Да перестань, мой Старший, я желаю тебе всего самого лучшего, — проговорил Чокер Младший. — Честное слово. Я хочу, чтобы ты занял как можно более высокое место.

- Второе, если победишь ты, верно?
- А ты бы отказался от второго места, если бы победил я?
- Ты не можешь победить. Я кое-что выяснил. Мне известно, какой популяцией ты пользовался; и все ингредиенты...
- Ты своей-то работой занимался или потратил все время на игры в детектива?
- Обо мне не беспокойся. На то, чтобы понять, что из таких составляющих нельзя сделать ничего путного, много времени не понадобилось.
- Ты проверил это с помощью компьютера?
- Совершенно верно.
- Как же я в таком случае дошел до финала? Вдруг тебе не все известно о моих ингредиентах? Послушай, Старший, количество возможных комбинаций даже из нескольких составляющих необычайно велико, а если еще учесть разные пропорции и типы обработки до и после смешивания, порядок смешивания и...
- Я не нуждаюсь в твоих лекциях, Младший.
- Тогда ты должен знать, что ни один компьютер не может заменить тонко чувствующий язык. Можно добавлять некоторые ингредиенты в неуловимо малых количествах, однако общий вкус и аромат Блюда существенно изменится.
- Ты научился этому на других мирах, Малыш?
- Я научился этому сам.— И Чокер Младший ушел прочь, опасаясь наговорить лишнего.

8

Не вызывало сомнений, что Великий Старейший Томас в этом году, как и во все предшествующие годы, держал жюри на кончике языка — как гласит поговорка. Судьи расселись за длинным столом, оставив посередине место для самого Томаса. Результаты были отосланы в главный компьютер; Томас получил ответ. В зале, где собрались соревнующиеся, их друзья и семьи, наступила гробовая тишина. Они ждали мига славы или, в худшем случае, утешения в том, что каждому доведется попробовать тридцать новых Блюд.

Остальное население Гаммера, все без исключения, наблюдало за происходящим по головизорам. Когда все будет законче-

но, на рассмотрение публики вынесут дополнительные порции тридцати новых Блюд; пир будет продолжаться целую неделю — далеко не всегда общественное мнение совпадало с решением жюри; впрочем, это никак не влияло на определение победителя.

— Я не помню другого случая, — заявил Томас, — когда между членами жюри царило бы такое полное согласие.

И судьи закивали, удовлетворенно улыбаясь.

Чокер Младший подумал: «Они искренне рады, что едины во мнении с Великим Старейшим. Значит, они присудили пальму первенства мне».

— В этом году, — продолжал Томас, — нам удалось попробовать Блюдо, обладающее столь тонким вкусом и изумительным ароматом, какого за долгие годы моего председательства мне встречать не доводилось. Оно лучше всех. Я не могу себе представить, что его можно превзойти. — Он поднял вверх компьютерные карточки судей. — Мнение жюри единодушно, и компьютер нам понадобился только для того, чтобы расставить по порядку остальных претендентов. Победителем признан... — Томас сделал эффектную паузу, ведь его следующие слова будут с изумлением встречены всеми, кроме победителя, — ...Чокер Младший, за Блюдо, названное «Вершина Горы».

Чокер Младший подошел к столу, чтобы получить ленту, значок, диплом и рукопожатие; в это время остальные внимательно слушали Томаса Старейшего, чтобы не пропустить свой порядковый номер и узнать, какое место в списке финалистов досталось им. Чокер Старший получил пятое.

9

Немного погодя Великий Старейший Томас отыскал в толпе Чокера Младшего, взял под руку и отвел в сторону.

— Ну, Чокер Младший, сегодня замечательный день для тебя и для всех нас. Я не преувеличиваю. Никогда еще мой язык не прикасался к такому изумительному Блюду. И все же меня не оставляет любопытство. Я сумел определить все ингредиенты, но не понимаю, как их комбинация смогла произвести такой поразительный эффект. Готов ли ты поделиться со мной своим секретом? Я не стал бы винить тебя в случае отказа, но, учиты-

вая, что ты достиг такого невероятного успеха в столь юном возрасте...

— Я отвечу на ваш вопрос, Великий Старейший. Я собираюсь поведать об этом всем. Я сказал своему Старейшему, что буду молчать до тех пор, пока у меня не появятся доказательства. Теперь вы обеспечили меня этими доказательствами!

— Что? — с удивлением спросил Томас. — Какими доказательствами?

— Идея этого Блюда пришла мне в голову, когда я находился на других мирах. Каппер — так назывался тот мир, именно поэтому я и назвал свое Блюдо в его честь: «Вершина Горы». Я действительно использовал обычные ингредиенты, Великий Старейший, тщательно смешанные — все, кроме одного. Я полагаю, вы заметили «Садовый Запах»?

— Да, заметил, но там было легкое изменение, так кажется, до конца мне не удалось понять. Какое к этому отношение имеет тот другой мир, о котором ты говорил?

— Потому что это не «Садовый Запах», Великий Старейший, он не химического происхождения. Я использовал сложную смесь вместо «Садового Запаха», смесь, происхождение которой мне не до конца известно.

Томас сурово нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что не можешь создать это Блюдо еще раз?

— Конечно, я могу воспроизвести его, не сомневайтесь, Великий Старейший. Ингредиент, о котором я говорю, называется чеснок.

— Но это же вульгарное название «Горного Запаха»! — нетерпеливо воскликнул Томас.

— Нет, это не «Горный Запах», который является химическим соединением. Я говорю о дольке растения.

Глаза и рот Великого Старейшего Томаса широко открылись.

— Никакая смесь не может заменить неповторимый вкус натурального продукта, Великий Старейший, — продолжал Чокер Младший со все возрастающим энтузиазмом. — На Каппере выращивают замечательную разновидность этого растения, и оно употребляется в качестве приправы к Блюду. Аборигены используют его бездарно, не понимая заложенного в чеснок по-

тенциала. Я сразу сообразил, что истинный житель Гаммера сможет достичь несравненно лучших результатов, поэтому и привез с собой это замечательное растение и применил его во время приготовления Блюда. Вы сказали, что это лучшее Блюдо, к которому когда-либо прикасался ваш язык за долгие годы, и я не могу себе представить более весомого доказательства преимуществ открытого общества...

Тут он споткнулся и замолчал, с удивлением и беспокойством глядя на Томаса. Томас быстро отходил от него.

— Я ел растение... из грязи... — В горле Великого Старейшего что-то забулькало.

Томас часто хвастался, что он обладает удивительной крепостью желудка и его никогда не рвало, даже в детстве. И уж можно не сомневаться, что никого и никогда не рвало в Зале Жюри. Великий Старейший установил сразу два прецедента.

10

Чокер Младший так и не оправился. Он никогда не оправится. Если Чокер Старейший приговорил его к ссылке, значит, так тому и быть. Он никогда не вернется.

Старейший не пришел его проводить. Как и Старший, конечно. Это не имело значения; Чокер Младший поклялся, что справится с трудностями без их помощи, даже если ему придется работать на Каппере поваром.

Однако Леди пришла его проводить; единственная из всех, кто осмелился иметь дело с парией. Она вздрогнула и с такой тоской посмотрела на Чокера Младшего, что тому захотелось оправдаться в глазах матери.

— Моя Леди,— заговорил Чокер, которого переполняла жалость к себе,— это нечестно! Я создал лучшее Блюдо, которое когда-либо готовили на Гаммере. Великий Старейший сам это сказал. Лучшее. Если в нем была долька растения, из этого не следует, что Блюдо никуда не годится. Любой сообразит, что это может означать лишь одно: чеснок очень хорош. Неужели не понятно?.. Послушайте, мне пора подниматься на борт корабля. Скажите, что вы понимаете. Неужели не ясно, как важно, чтобы Гаммер стал открытым обществом и не только учил остальных, но и сам учился у них? Иначе нас ждет неизбежный упадок.

Платформа уже начала подниматься к кораблю. Леди печально смотрела на сына, словно понимала, что больше никогда не увидит своего Младшего.

Он наклонился над перилами.

— Что я сделал не так, моя Леди?

— Неужели ты не понял, мой Младший, — она говорила тихо и грустно, — то, что ты сделал, дурной...

Грохот закрывающегося люка заглушил ее последнее слово. Чокер Младший сделал шаг вперед и постарался забыть о Гаммере навсегда.

СТАРЫЙ-ПРЕСТАРЫЙ СПОСОБ

Бен Эстес знал, что скоро умрет, и чувствовал себя ни на йоту не лучше от сознания того, что смерть вот уже несколько лет была его постоянным спутником. Такая уж у звездных старателей работа — их жизнь никогда не бывает легкой. Короткой — почти наверняка, а вот долгой и радостной — дудки!

Конечно, всегда есть шанс откопать что-то интересное, даже нарваться на месторождение драгоценных камней или металлов и обеспечить себя до конца дней, но такое случалось редко, очень редко. А вот то, с чем столкнулся он, Бен Эстес, наверняка превратит его в мертвеца.

Харви Фюнарелли тихо застонал на своей койке, и Эстес, поморщившись от боли в противно скрипнувших мышцах, обернулся. Да, туговато им пришлось. То, что он, Бен, не получил таких тяжелых травм, как Харви, было чистой случайностью. Просто Фюнарелли оказался ближе к точке удара, вот и расшибся почти в лепешку. Бен с угрюмым состраданием посмотрел на приятеля и спросил:

— Ну как ты, старина?

Фюнарелли снова застонал, пытаясь подняться.

— Кажется, все суставы вывернуло наизнанку, — проворчал он. — Не удивлюсь, если теперь смогу ходить только коленками назад. Во что это мы врезались?

Слегка прихрамывая, Эстес подошел к другу.

— Не вставай, Харви, не надо, — попросил он, видя, что тот собирается спустить ноги с койки.

— Ничего,— кряхтя, ответил Фюнарелли.— Я, кажется, смогу подняться. Дай только руку. О! Больно, черт! Наверное, ребро треснуло. Потрогай-ка вот здесь, только осторожно. Так что все-таки случилось, Бен?

Эстес махнул в сторону главного иллюминатора. Фюнарелли, опираясь на плечо друга, с трудом подошел к нему и выглянул наружу. Вокруг мерцали бесчисленные звезды, но астронавт не удостоил их даже беглого взгляда. То, что его интересовало, находилось гораздо ближе и было скоплением каменных глыб разных размеров, плававших в пространстве подобно рою сонных ленивых пчел.

— Ну и ну! — произнес Фюнарелли.— Такого я еще не видел. Что они тут делают?

— Плавают себе в аквариуме, что же еще? Должно быть, это осколки крупного астероида. Видишь, они все еще кружатся вокруг разрушившего этот астероид объекта. А теперь и мы вместе с ними.

— А что это за объект?

— Вот, смотри! — Эстес указал рукой туда, где в крошечной тьме изредка вспыхивали мелкие голубые искорки.

— Ничего не вижу.

— Неудивительно. Это «черная дыра».

— Да ты, видно, спятил, старик! — дрожащим голосом воскликнул он.

— Ни капельки. Ты же знаешь, что «черные дыры» могут быть самой разной величины. Масса этой, например, приблизительно равна массе большого астероида. Так я, по крайней мере, предполагаю. Мы ведь крутимся вокруг нее, как на веревочке. А кроме «черных дыр», в космосе нет ничего, что способно удерживать крупные предметы на орбитах и при этом оставаться невидимым.

— Но ведь никаких сообщений...

— Знаю. Эту дрянь можно обнаружить, только напоровшись на нее. Так что мы открыли первую во Вселенной «черную дыру», с которой человек реально рискует войти в прямое взаимодействие. Прими мои поздравления. Вот только лавров нам пожать не удастся. Разве что посмертно...

— Скажи наконец, что стряслось?

— Мы подлетели слишком близко, и нас раздавило приливным эффектом.

— Каким еще приливным эффектом?

— Я, знаешь ли, не астроном и поэтоу могу объяснить, лишь как сам понимаю, согласен?

— Валяй, объясняй...

— Тут все дело в гравитации. Даже если общая сила притяжения такой штуки, как эта, мала, к ней нельзя подходить слишком близко, потому что тяготение приобретает интенсивный характер. Интенсивность его убывает с увеличением расстояния так быстро, что если к «дыре» подходит, например, корабль, то его нос притягивается гораздо сильнее, чем кормовые отсеки, и корабль как бы растягивается. Чем ближе и больше объект, тем эффект сильнее, ясно? Даже твои мускулы — и те растянулись. Хоть кости-то, слава богу, целы...

— Я в этом вовсе не уверен, — пробормотал Фюнарелли с гримасой боли на разбитом лице. — Ну, чем еще порадуешь?

— Все топливо до грамма ушло на экстренное торможение. Корабль хоть и отошел немного от «дыры», но все равно прилипли мы намертво.

— И не можем попросить помощи?

— Не можем. Аппаратура связи поломана.

— Ну и что нам теперь делать?

— Ждать. Ждать смерти, дружище. Больше ничего...

— Да... хорошенькое дело.

— У нас есть пилюли, — задумчиво произнес Эстес. — Так что можно и не дожидаться. Это, наверное, не так уж трудно... Плохо только, что мы так никому и не сообщим об этой штуке.

— О «дыре»?

— Да. «Дыра» в этой части системы представляет серьезную опасность. Хоть она и крутится вокруг Солнца, но никакой гарантии того, что ее орбита стабильна, нет. А если и стабильна, все равно эта дрянь наверняка будет расширяться.

— И проглотит кучу народу...

— Еще бы! Видишь, как космическую пыль засасывает? Омут, да и только.

Несколько минут оба молча смотрели в иллюминатор. Потом Эстес сказал:

— А ведь если прямо сейчас ребята с Земли смогут направить сюда большой астероид и заставят его пройти мимо «дыры» по определенной траектории, то есть шанс сбить ее с орбиты.

Притяжение астероида вытащит ее из Солнечной системы, если найдется чем подтолкнуть сзади... Если оставить все как есть, то она может разрастись настолько, что проглотит все, начиная с Солнца и кончая Плутоном.

— Интересно, почему ее до сих пор не обнаружили?

— Потому что не пытались. Кому придет в голову искать «черную дыру» в поясе астероидов? Заметить ее нельзя. Масса пока небольшая, радиация слабая. Единственный способ — расквасить о нее нос, что мы и сделали.

— Ты уверен, что у нас нет никаких средств связи, Бен?

— Уверен.

— А сколько от нас до Весты? Может, оттуда придет помощь? Как-никак, самая крупная наша база...

Эстес покачал головой.

— Я не знаю, где в данный момент находится Веста, — мрачно сказал он. — Компьютеру тоже крышка.

— Господи! Есть у нас что-нибудь целое?

— Кондиционеры и водоочистители. У нас до черта пищи, так что недели две протянем. Может, и больше...

— Послушай, — сказал Фюнарелли после нескольких минут тяжелого молчания, — пусть мы не знаем точно, где Веста, но зато мы твердо уверены в том, что до нее не может быть больше двух-трех миллионов километров. Если придумать какой-нибудь сигнал, они смогут прислать беспилотного спасателя уже через неделю.

— Беспилотного, говоришь? Возможно...

Это действительно было бы довольно просто. Беспилотный корабль мог лететь со скоростью, втрое превышающей скорость спасателя с экипажем на борту. Железо и пластик не боятся перегрузок.

— Возможно... — задумчиво повторил Эстес. — Только мы все равно не сможем послать сигнал. Просто нет такого способа. Даже кричать — и то бесполезно, потому что крутом вакуум.

— Если хорошенько пораскинуть мозгами, то способ можно найти, — упрямо сказал Фюнарелли. — Не верю, чтобы ты не мог ничего придумать. Особенно если от этого зависит твоя жизнь.

— Не только моя, Харви. В скором будущем и жизнь всего человечества. Но это ничего не меняет, старина. Попробуй ты, может, что и придет в голову.

Фюнарелли тяжело поднялся, схватившись за поручень на стене.

— Я уже попробовал, — сказал он.

— Выкладывай.

— Почему бы не отключить гравитацию? Тогда мы сможем сэкономить силы.

— Что ж, это, пожалуй, мысль...

Эстес поднялся и, подойдя к панели приборов, выключил гравитацию. Фюнарелли беспомощно повис в воздухе и, сокрушенно вздохнув, пробормотал:

— Мне все еще больно, старик. Если так и дальше пойдет, то придется проглотить твои пилюли, черт бы их побрал!

— Эй!

— Что?

— Ты знаешь, я, кажется, вижу выход. Надо попытаться заставить саму «дыру» работать на нас.

— Это каким же таким образом?

— А вот каким. Когда в нее попадает какой-нибудь предмет, начинается интенсивное излучение...

— Стоп! А ты уверен, что на Весте его засекут?

— На Весте вряд ли, а вот на Земле почти наверняка. Там есть станции постоянного слежения за всеми радиационными изменениями в космосе. Они улавливают даже мизерные потоки частиц.

— Тогда все в порядке, Бен! Четверть часа, и Земля нас обнаружит. Еще пятнадцать минут, и на Весту дойдет их радиоприказ узнать, в чем дело. Максимум через два часа они отправят спасателей!

— Мне бы твою уверенность. Но нам нечего забросить в эту чертову «дыру». У нас нет даже ракет-зондов. Впрочем... Что, если направить в «дыру» наш корабль? Пусть мы сдохнем, но на Земле будут знать... Хотя нет, не пойдет. Одной вспышкой ничего не добьешься.

— Я, знаешь ли, не гожусь в герои, — быстро проговорил Фюнарелли. — У меня вот такая мысль. Вокруг плавают тучи самых разных валунов. Давай поймаем два из них, смонтируем на них двигатели от скафандров и пустим в «дыру». Тогда будет две вспышки вместо одной. А если пустить их с суточным интервалом, на Земле сразу же заинтересуются.

— А вдруг не заинтересуются? Кроме того, я очень сомневаюсь, что к гранитной глыбе можно прикрепить двигатель. Другое дело — наши скафандры... Интересно, целы ли они?

— Хочешь воспользоваться их передатчиками?

— Шутник! Их радиус не превышает нескольких километров.

— Тогда зачем тебе скафандры?

— Думаю пойти прогуляться.

Эстес подплыл к багажному отсеку и вытащил два скафандра:

— Смотри-ка, целы!

— Целы-то целы, только зачем тебе понадобилось выходить?

— Ты сам сказал, что неплохо бы иметь несколько ракет.

— Ну и что? У нас же нет ни одной...

— Тогда почему бы нам не заменить ракеты камнями?

— Я тебя что-то никак не пойму. Сперва говоришь, что это невозможно, потом предлагаешь...

— Но это же просто, Харви! Мы в абсолютном вакууме. «Дыра» довольно далеко, и ее притяжение нам пока не страшно. Я не слишком здорово ударился и способен шевелиться. В условиях невесомости брошенный предмет пролетает сколь угодно большое расстояние, так? А если так, то мне не составит труда швырнуть в «дыру» несколько камней. Надо только прицелиться точнее, чтобы угодить в самое жерло. Как только камень попадет куда надо, из «дыры» вырвется пучок лучей и его засекут на Земле.

— Думаешь, получится?

— Получится, если люк не заклинило.

— Ну, попробуй. Только, боюсь, мы потеряем часть воздуха.

— Все равно на две недели как-нибудь хватит.

— Ладно, давай попытаемся, чем черт не шутит. Терять-то нечего.

Все звездные старатели рано или поздно сталкиваются с необходимостью выхода в открытый космос. Иногда кораблю требуется ремонт, и тогда один из членов экипажа, надев скафандр, отправляется приводить в порядок внешние узлы или приборы. Кое-когда в пространстве попадаются интересные объекты, и старатель, вновь облачившись в легкий и надежный костюм, вооружается танталовой сетью и вылавливает эти объекты, если они летят параллельно кораблю и имеют одинаковую с ним ско-

рость. Выход в открытый космос — настоящий праздник для экипажа, потому что он разнообразит полет и нарушает его унылую монотонность.

Но сегодня Эстес не чувствовал особого энтузиазма. Вместо радостного возбуждения им овладели беспокойство и страх. Идея его была, по сути дела, примитивной, и он уже почти жалел, что высказал ее.

Он вышел в черное бездонное пространство. Вокруг мерцали миллиарды звезд, а бесчисленные осколки разбитого астероида, образовавшие вокруг «черной дыры» кольцо, подобное кольцу Сатурна, тускло отражали слабые лучи далекого Солнца.

Эстес сориентировался. Он знал, что корабль, так же как и обломки астероида, медленно движется в направлении, противоположном направлению звездного круговорота. Если бросить камень параллельно движению звезд, то часть его скорости относительно «черной дыры» нейтрализуется. Все будет зависеть от того, насколько большой окажется эта часть и как точно ему удастся рассчитать силу броска. Надо было швырнуть камень так, чтобы он приблизился к «дыре» на расстояние, обеспечивающее действие приливного эффекта на мелкие предметы. Тогда его засосет и произойдет интенсивная радиоактивная эмиссия.

Орудя своей танталовой сетью, Эстес стал тщательно выбирать подходящие камни. Ему нужны были только маленькие, не больше кулака, обломки. Слава богу, скафандр позволял свободно двигаться, и Эстес с благодарностью подумал о его создателях.

Набрав побольше камней, он тщательно прицелился и бросил один из них. Камень сверкнул в слабом солнечном свете и растаял во мгле. Эстес даже приблизительно не знал, сколько времени нужно валуну, чтобы долететь до цели, и поэтому, сосчитав до шестисот, швырнул второй булыжник, потом третий, четвертый... Наконец впереди сверкнула ослепительная вспышка, и он понял, что попал. Тогда Эстес, набрав еще два десятка камней, стал один за другим посылать их в жерло «черной дыры». Теперь почти каждый бросок достигал цели. Очевидно, на самом деле «дыра» была больше, чем он рассчитывал, но это значило, что она способна засасывать довольно массивные предметы и что опасность ее они поначалу недооценили. Но с уве-

личением опасности возрастали и шансы на спасение, потому что обеспечить точность попадания становилось гораздо легче. Эстес немного воспрянул духом и с удвоенной энергией стал швырять камни в ненасытную черную пасть.

Наконец он, совершенно измотанный, вернулся в кабину корабля. Правое плечо онемело от постоянного напряжения, мышцы рук тупо ныли. Фюнарелли помог другу снять скафандр, и Эстес в изнеможении распластался на койке.

— Вот это был фейерверк! — восхищенно произнес Харви. — Мне даже страшно стало.

— А мне, думаешь, не страшно? Молю Бога, чтобы скафандры оказались достаточно устойчивыми против этих чертовых лучей!

— Ты думаешь, на Земле нас заметят?

— Наверняка. Вот только обратят ли внимание? Может ведь так случиться, что они поудивляются немного, поломают головы, да и разойдутся по домам. Необходимо придумать что-нибудь такое, чтобы они обязательно послали корабль. Кажется, у меня есть идея. Надо только отдохнуть немножко, а то я совсем уже с ног валюсь...

Через час он надел второй скафандр. Подзаряжать батареи в первом не имело смысла.

Эстес снова набрал полную сеть камней и начал бросать их в направлении «черной дыры». Теперь попадать в цель стало еще легче, потому что каждый камень, вызывая ответную реакцию, значительно увеличивал размеры «дыры». Эстесу стало не по себе. Ему вдруг показалось, что «дыра» неумолимо надвигается на него и скоро проглотит корабль. Страх ни на мгновение не оставлял его, и хотя Эстес понимал, что все это лишь игра воображения, он почувствовал огромное облегчение, когда камни кончились. Совершенно разбитый и изможденный, он еле добрался до входного люка и мешком ввалился внутрь корабля.

— Все, — едва ворочая языком, произнес он, как только выкарабкался из скафандра. — Все, Харви... Больше ничего сделать не могу...

— Того, что сделано, уже должно быть достаточно, — стараясь подбодрить его, сказал Фюнарелли. — Вспышки были такие, словно эта «дыра» строчила из пулемета.

— И их наверняка заметят, старина. Теперь надо просто ждать. Они должны прилететь...

— Ты серьезно в это веришь, Бен?

— Я думаю, они должны, Харви. Да, должны.

— Почему?

— Потому что я с ними связался, — почти весело ответил Эстес. — Связался, понимаешь? Мы не только первые люди, столкнувшиеся с «черной дырой», Харви. Мы первые, кто догадался воспользоваться ею как средством связи. Ты понимаешь или нет? Теперь можно будет, почти не тратя энергии, посылать сообщения из одной галактики в другую! Можно будет черпать из этой «дыры» сколько угодно энергии, знай только швыряй в нее камни. Ты представляешь, какое открытие мы с тобой сделали?

— Не очень...

— Это старый-престарый способ связи, Харви, но его еще помнят. Я воспользовался им, хотя он вышел из употребления еще сто лет назад. Раньше для передачи сообщений применяли ток, идущий по проводам...

— Ясно! Ты имеешь в виду этот, как его...

— Телеграф, Харви! Наши вспышки регистрируют и запишут. Представляешь, какой поднимется переполох, когда на Земле увидят, что источник рентгеновского излучения передает сигнал бедствий? Я же бросал камни в определенном ритме, понятно? Три с короткими промежутками, потом три с длинными и опять с короткими! Ну а уж если «черная дыра» начинает звать на помощь, то они обязательно прилетят. Обязательно!

Теперь им оставалось только ждать. Разбитые и измученные, друзья привязались к своим койкам и погрузились в тяжелый, спокойный сон.

Беспилотный спасатель пришел ровно через пять земных суток.

Пять лет возводилась стена секретности вокруг работ доктора Эрона Родмана, становясь год от года все крепче, пока не сомкнулась в кольцо.

«Это для вашей же собственной защиты», — объясняли ему.

«В грязных руках негодяев...» — предупреждали его.

В чистых руках (его собственных, например, как с горечью думал порой доктор Родман) открытие, несомненно, представляло собой величайший вклад в борьбу за здоровье человечества со времен пастеровской вирусной теории и величайший ключ к пониманию механизма жизни со времен ее возникновения.

Но вскоре после речи, произнесенной Родманом в Нью-Йоркской академии медицины по случаю его пятидесятилетнего юбилея, в первый день двадцать первого века (что-то было в этом совпадении!), доктору наложили на уста печать и разрешили общаться лишь с избранными официальными лицами. Печатать — естественно, тоже запретили.

Правда, правительство не переставало о нем заботиться. Денег давали сколько хочешь, лабораторию оборудовали компьютерами и предоставили их в полное распоряжение ученого. Работа продвигалась быстрыми темпами. К Родману то и дело навывали за разъяснениями правительственные чиновники.

«Доктор Родман! Как может вирус, передающийся из клетки в клетку внутри организма, оставаться в то же время не заразным для других организмов?» — спрашивали они.

Родман устало повторял вновь и вновь, что он не знает всех ответов. Он не любил слово «вирус». «Это не вирус, — говорил

он, — потому что в нем нет молекулы нуклеиновой кислоты. Это совсем другая штука — липопротеин».

Было легче, когда вопросы задавали не медики. Тогда он мог попытаться объяснить в общих чертах, не вдаваясь в бесконечные подробности, в которых можно было увязнуть навек.

«Каждая живая клетка и каждая часть внутри клетки окружены мембранами. Деятельность клетки зависит от того, какие молекулы могут проникать через мембрану в обоих направлениях и с какой скоростью. Ничтожное изменение мембраны влечет за собой значительное изменение природы потока, а следовательно, и химического состава клетки, и ее жизнедеятельности.

Все болезни возникают из-за изменений мембранной активности. Посредством таких изменений можно вызвать любые мутации. Любая методика, контролирующая мембраны, контролирует жизнь. Гормоны управляют жизнью организма потому, что воздействуют на мембраны, и мой липопротеин — скорее искусственный гормон, чем вирус. Липопротеин внедряется в мембрану и индуцирует производство точно таких же липопротеиновых молекул. Как он это делает — я и сам не понимаю.

Но мембранные структуры в организмах не идентичны. Они различаются не только у разных видов живых существ, но и внутри одного вида. Один и тот же липопротеин может оказать разное воздействие на два организма. То, что откроет клетки одного организма для глюкозы и вылечит диабет, закроет клетки другого организма для лизина и убьет его».

Именно это вызывало у них наибольший интерес. «Так значит, ваш липопротеин — это яд?»

«Избирательный яд, — отвечал Родман. — Без тщательного компьютерного изучения биохимии мембран определенного индивида невозможно сказать, какое воздействие окажет на него определенный липопротеин».

Со временем петля вокруг доктора сжималась все туже, ограничивая его свободу, однако оставляя комфорт, — в мире, где и свобода, и комфорт исчезали с одинаковой скоростью, а перед отчаявшимся человечеством уже разверзлась пасть преисподней.

Наступил 2005 год. Население Земли выросло до шести миллиардов. Оно бы выросло до семи, если бы не голод. Миллиард жизней выкосил он в предыдущем поколении, и в будущем его жатва грозила стать еще обильнее.

Питер Аффер, председатель Всемирной продовольственной организации, частенько заходил в лаборатории Родмана сыграть партию в шахматы и покаякать. Как-то он с гордостью заявил, что первым понял значимость речи, произнесенной Родманом в академии, и это помогло ему стать председателем. Доктор подумал, что суть его речи понять было несложно, но промолчал.

Аффер был на десять лет моложе Родмана, но пламя волос на его голове уже потускнело. Он часто улыбался, хотя тема беседы редко давала повод для улыбки, поскольку любой председатель организации, имеющей дело с мировым продовольствием, неизбежно заводил разговор о мировом голоде.

— Если бы запасы продовольствия распределялись поровну между жителями планеты, все мы вымерли бы от голода.

— Если бы запасы распределялись поровну, — заметил Родман, — этот справедливый пример мог бы в конце концов привести к разумной мировой политике. А сейчас миром владеют отчаяние и ярость из-за эгоизма и процветания избранных, и люди в отместку совершают всяческие безрассудства.

— И тем не менее вы сами не отказались от дополнительной пайки, — поддел его Аффер.

— Я человек, а значит, эгоист. К тому же от моего поведения ничего не зависит. Даже захоти я, мне не позволят отказаться. У меня нет права выбора.

— Вы романтик, — заявил Аффер. — Неужели вы не видите, что Земля — та же спасательная шлюпка? Если запасы пищи делятся на всех поровну, все погибают. Но если некоторых выбросить за борт, остальные могут спастись. Вопрос не в том, погибнут ли некоторые, потому что кто-то обязательно погибнет; вопрос в том, удастся ли кому-нибудь выжить.

— То есть вы официально проповедуете отсеб — принесение в жертву некоторых ради остальных?

— Увы, мы не можем. Люди в шлюпке вооружены. Кое-какие регионы открыто угрожают применить ядерное оружие, если им не увеличат поставки продовольствия.

— Вы хотите сказать, что в ответ на «Ты умрешь, чтобы я мог жить» они заявляют: «Если я умру, ты тоже умрешь»? Это ту-пик, — насмешливо сказал Родман.

— Не совсем, — возразил Аффер. — На планете есть такие районы, где спасти людей невозможно. Они перенаселили свои

земли, заполонив их ордами голодающих. Что, если им прислать продовольствие, от которого большая часть голодных вымрет? Тогда дальнейших поставок в те районы не потребуются.

Родмана кольнуло недоброе предчувствие.

— Почему это они вымрут, получив продовольствие? — спросил он.

— Можно вычислить средние структурные свойства клеточных мембран определенной части населения. Липопротеины, созданные специально с учетом этих свойств, могут быть введены в поставки продовольствия, которое станет причиной гибели людей.

— Немыслимо! — воскликнул ошеломленный Родман.

— А вы все-таки поразмыслите. Смерть будет безболезненной. Мембраны постепенно закроются, и человек в один прекрасный день заснет и не проснется. Это куда более милосердная смерть, чем от голода или атомного взрыва. К тому же умрут не все, поскольку любое население неоднородно по мембранным свойствам. В худшем случае погибнет семьдесят процентов. Отсев будет производиться только там, где перенаселение совершенно безнадежно, а выживших будет достаточно, чтобы сохранить представителей каждой нации, каждой этнической и культурной группы.

— Сознательно убить миллиарды...

— Мы не будем убивать. Мы просто дадим людям возможность умереть. Кто именно из них погибнет — зависит от биохимии каждого индивида. Это будет перст Господень.

— А когда мир узнает о ваших злодеяниях?

— Нас тогда уже не будет, — сказал Аффер. — А процветающий мир будущего с ограниченным населением объявит нас героями за то, что мы пожертвовали некоторыми, дабы не допустить всеобщей гибели.

Жар бросился в голову доктора, и он почувствовал, что язык повинуется ему с трудом.

— Земля, — сказал он, — большая и очень сложная спасательная шлюпка. Мы до сих пор не знаем, к чему привело бы справедливое распределение ресурсов, и, что характерно, никто не хочет даже попробовать узнать. Во многих районах Земли продукты ежедневно выбрасывают, и это особенно бесит голодающих.

— Я с вами согласен,— холодно проронил Аффер,— но мы не можем переделать мир по своему желанию. Мы вынуждены принимать его таким, какой он есть.

— Тогда принимайте и меня таким, какой я есть. Вы хотите, чтобы я обеспечил вас молекулами липопротеинов, а я этого делать не стану. Даже пальцем не шевельну.

— В таком случае по вашей вине погибнет еще больше народу. Я искренне надеюсь, что вы передумаете, когда поразмыслите как следует.

Доктора Родмана навещали почти ежедневно, один чиновник за другим, все как на подбор откормленные и упитанные. Родману невольно бросалось в глаза, какими сытыми выглядят те, кто рассуждает о необходимости убийства голодных.

Государственный секретарь по сельскому хозяйству вкрадчиво сказал ему во время одного из посещений:

— Разве вы не одобрили бы забой скота, пораженного ящуrom или сибирской язвой, с целью предотвращения распространения заразы на здоровое поголовье?

— Люди не скот,— ответил Родман,— а голод незаразен.

— Вот тут вы ошибаетесь,— возразил секретарь.— В том-то и дело, что заразен. Если мы не проредим перенаселенные районы, голод перекинется на те места, где его еще нет. Вы не должны отказывать нам в помощи.

— И как же вы меня заставите? Пытать будете?

— Мы и волоска на вашей голове не тронем! Ваши таланты в этой области слишком для нас драгоценны. Но продовольственные карточки можем отнять.

— Голод вряд ли пойдет мне на пользу.

— Вы не будете голодать. Но раз уж мы готовы обречь на гибель несколько миллиардов человек ради спасения рода человеческого, то нам не составит труда лишить продовольственных карточек вашу дочь, ее мужа и их ребенка.

Родман молчал, поэтому секретарь продолжил:

— Мы дадим вам время подумать. Мы не горим желанием причинять вред вашей семье, но сделаем это, если потребуются. Даю вам неделю на размышление. В следующий четверг состоится общее собрание комиссии. Тогда вас подключат к проекту, и никакой дальнейшей задержки мы не потерпим.

Охрану увеличили вдвое. Родман окончательно превратился в узника, и этого уже не скрывали. Через неделю к нему в лабораторию прибыли пятнадцать членов Всемирной продовольственной организации вместе с госсекретарем по сельскому хозяйству и представителями законодательных органов. Они уселись за длинным столом в конференц-зале роскошного исследовательского комплекса, построенного на общественные фонды.

Несколько часов они толковали и строили планы, время от времени задавая Родману вопросы по специальности. Никто не спрашивал, согласен ли он сотрудничать; все были уверены в том, что другого выхода у него нет.

— Ваш проект все равно провалится, — сказал в конце концов Родман. — Вскоре после того, как в определенный район придут поставки, люди начнут умирать миллионами. Неужели вы думаете, что уцелевшие не увидят связи между поставками и повальной смертностью? Вы не боитесь, что в отчаянии они таки сбросят вам на головы атомную бомбу?

Аффер, сидевший за столом прямо напротив Родмана, заявил:

— Мы предусмотрели все возможности. Неужели вы думаете, что мы, годами разрабатывая план операции, не учли потенциальную реакцию регионов, выбранных для прорезживания?

— Надеюсь, вы не рассчитываете на их благодарность? — с горечью съязвил Родман.

— Они и не узнают про отсев. Не все поставки зерна будут инфицированы липопротеинами. И мы не станем сосредоточивать их в каком-то одном районе. К тому же мы позаботимся, чтобы местное зерно тоже было частично зараженным. А потом, умрут-то не все и не сразу. Кто-то, лопавший зерно от пуза, вообще не умрет, а кто-то, съевший всего горсточку, скончается немедленно — в зависимости от их мембран. Это будет похоже на чуму. Как будто вернулась Черная Смерть.

— А вы подумали о психологическом воздействии Черной Смерти? Вы подумали о том, какая поднимется паника?

— Ничего, перетопчутся, — бросил секретарь, сидевший в конце стола. — Для них это будет хорошим уроком.

— Мы объявим об открытии противоядия, — пожав плечами, сказал Аффер. — Сделаем поголовные прививки в районах, не подлежащих прорезживанию. Доктор Родман, мир отчаянно болен и нуждается в отчаянных средствах. Человечество стоит на

краю чудовищной гибели, поэтому не пытайтесь оспорить единственный способ, каким его можно спасти.

— В том-то все и дело. Действительно ли это единственный способ — или вы просто выбрали самый легкий путь, не требующий от вас никаких жертв, кроме миллиардов чужих жизней?

Родман прервался, так как в конференц-зал вкатили столик с подносами.

— Я решил, что нам не помешает немного подкрепиться, — сказал доктор. — Может, заключим на время перемирие?

Он потянулся за бутербродом и, прихлебывая из чашечки кофе, заметил:

— Мы обсуждаем величайшее массовое убийство в истории, но сами при том питаемся отменно.

Аффер критическим взором оглядел свой наполовину недоенный бутерброд.

— И это вы называете отменной едой? Яичный салат на кусочке белого хлеба сомнительной свежести — это не бог весть что, и я бы на вашем месте сменил магазин, поставляющий кофе. — Он вздохнул. — Но в мире голода грешно выбрасывать еду.

И он прикончил свой бутерброд.

Родман обвел взглядом остальных и взял последний бутерброд, оставшийся на подносе.

— Я думал, обсуждаемая нами тема хоть кого-то из вас лишит аппетита, но, как видно, ошибся. Все вы поели.

— Включая вас, — огрызнулся Аффер. — Вы до сих пор жуете.

— Да, верно, — согласился Родман, медленно работая челюстями. — Кстати, примите мои извинения за сомнительную свежесть хлеба. Я сам готовил бутерброды прошлым вечером, так что им уже четырнадцать часов.

— Вы сами делали бутерброды? — изумился Аффер.

— Ну да. Я должен был убедиться, что все они инфицированы липопотеином.

— Что вы такое несете?

— Господа, вы утверждаете, будто необходимо убить некоторых, чтобы спасти остальных. Возможно, вы правы. Вы меня убедили. Но чтобы мы как следует представили себе то, что намереемся сделать, необходимо провести эксперимент на самих себе. Я произвел небольшой опытный отсев с помощью вот этих бутербродов.

Несколько чиновников повскакивали с мест.

— Мы отравлены? — выдохнул секретарь.

— Ну, не все, — сказал Родман. — К сожалению, ваша биохимия мне неизвестна, поэтому я не могу гарантировать семидесятипроцентный уровень смертности, о котором вы так мечтали.

Они глядели на него, оцепенев от ужаса, и доктор Родман опустил глаза.

— Однако весьма вероятно, что в течение следующей недели двое или трое из вас умрут. Вам нужно просто подождать, чтобы выяснить, кто это будет. Никаких противоядий не существует, но вы не волнуйтесь. Смерть будет безболезненной. «Перст Господень», как выразился один из вас. Надеюсь, уцелевшим это послужит хорошим уроком, как сказал еще один из вас. Те, кто останется в живых, возможно, изменят свои взгляды на отсев.

— Вы блефуете, — заявил Аффер. — Вы сами тоже ели бутерброды.

— Конечно ел, — сказал Родман. — Я подобрал липопротеины к своей собственной биохимии, так что жить мне осталось недолго. — Он прикрыл глаза. — Вам придется продолжать без меня — тем, кто выживет, разумеется.

Джером Бишоп, композитор и тромбонист, никогда раньше не бывал в психиатрической больнице.

Он вполне готов был допустить, что может когда-нибудь попасть туда в качестве пациента (а кто не может?), но ему и в голову не приходило, что его пригласят как консультанта по вопросу о психическом расстройстве. Как *консультанта!*

Он сидел там в году 2001-м, когда мир был в ужасающем состоянии, хотя и (как утверждали) начинал понемногу оправляться, а потом встал, приветствуя вошедшую женщину средних лет. Волосы ее были тронуты сединой, и Бишоп с благодарностью подумал о собственной пышной и совершенно черной шевелюре.

— Вы мистер Бишоп? — спросила женщина.

— По крайней мере, был с утра.

Она протянула руку:

— Я доктор Крей.

Он пожал ей руку и пошел следом, стараясь не поддаваться унынию, навешиваемому казенными бежевыми халатами, в которые были облачены все, кто встречался им на пути.

Доктор Крей поднесла к губам палец и указала композитору на кресло. Нажав на кнопку, она выключила свет. В темной комнате ярко осветилось окно, выходящее в соседнее помещение. Бишоп увидел в окошке женщину в кресле вроде зубо-врачебного с откинутой назад спинкой. Уйма гибких проводов отходила от ее головы, а за ней от одной оконной рамы до другой

тянулся узкий луч света, и чуть более широкая полоска бумаги ползла, раскручиваясь, вверх.

Свет в комнате зажегся снова; вид за окошком померк.

— Знаете, чем мы там занимаемся? — спросила доктор Крей.

— Записываем энцефалограмму. Это всего лишь догадка, конечно.

— Правильная догадка. Записываем. И это лазерная запись. Вы знаете, как работает лазер?

— Мою музыку тоже записывает лазер, — сказал Бишоп, закинув ногу на ногу, — но это не означает, будто я знаю, как он работает. Такие вещи знают инженеры... Послушайте, док, если вы думаете, что я инженер, то вы ошибаетесь.

— Я вовсе так не думаю, — нетерпеливо прервала его доктор Крей. — Мы пригласили вас по другой причине. Позвольте мне объяснить. Понимаете, лазерный луч поддается очень точной настройке; мы можем изменять его гораздо быстрее и точнее, чем электрический ток или даже электронный луч. Это значит, что сверхсложные биоволны могут быть записаны значительно более подробно, нежели раньше. Микроскопически тонкий лазерный луч записывает волны, а потом мы изучаем их под микроскопом в таких подробностях, каких не увидишь невооруженным глазом и не запишешь никаким из прежних способов.

— Если вы хотели проконсультироваться со мной по этому поводу, тогда я могу сказать, что при записи музыки все эти подробности ничего не дают. Вы просто не в состоянии их услышать. Лазерную запись можно делать сколь угодно изощренной, но после определенного предела это лишь увеличивает затраты, не влияя на качество. Некоторые даже говорят, что появляется какой-то шум, заглушающий музыку. Сам я его не слышу, но могу вас уверить: если вам нужна высококачественная запись, лазерный луч не стоит сужать до бесконечности. Возможно, с энцефалограммами дело обстоит иначе, но я сказал вам все, что знаю, а потому позвольте откланяться. В счет включите только расходы на дорогу.

Он приподнялся, но доктор Крей энергично помотала головой:

— Сядьте, пожалуйста, мистер Бишоп. С записью энцефалограмм дело и правда обстоит иначе. Чем запись детальнее, тем

лучше. Раньше нам удавалось записать лишь невнятные сигналы десяти миллиардов клеток головного мозга, и эти сигналы сливались в общий фон, заглушавший все оттенки, кроме самых выраженных тонов.

— Как будто десять миллионов пианистов играли каждый свою мелодию где-то вдаль?

— Вот именно.

— И вы улавливали только шум?

— Не совсем. Кое-какую информацию мы получали — об эпилепсии, например. Но с лазерной техникой мы начали различать тончайшие оттенки; мы слышим отдельные мелодии, которые играют те самые пианисты; мы можем даже определить, какой из роялей расстроен.

Бишоп вздернул брови:

— Значит, вы можете сказать, в чем причина психического расстройства пациента?

— В каком-то смысле можем. Взгляните-ка сюда. — В другом углу комнаты осветился экран, и по нему побежала тонкая извилистая линия. — Видите, мистер Бишоп?

Доктор Крей нажала на кнопку индикатора, который держала в руках, и одна точка на линии покраснела. Линия двигалась от одного края экрана к другому, и периодически на ней вспыхивали красные точки.

— Это микроснимок, — сказала доктор Крей. — Красные вспышки невозможно увидеть невооруженным глазом и невозможно записать менее точной по сравнению с лазером аппаратурой. Они появляются только в тех случаях, когда у пациента начинается депрессия. Чем сильнее депрессия, тем ярче и заметнее красные точки.

Бишоп обдумал услышанное. А потом сказал:

— И вы можете как-то с ними бороться? Или просто констатируете таким образом наличие у пациента депрессии? Но ведь для этого достаточно просто выслушать больного.

— Все правильно, и тем не менее подробная запись помогает. Мы, например, можем преобразовывать биоволны мозга в слабо мерцающие световые волны и даже в эквивалентные звуковые волны. Мы пользуемся той же лазерной системой, что и вы при записи музыки, и получаем в результате некий смутный

музыкальный фон, соответствующий мерцанию света. Я бы хотела, чтобы вы послушали его в наушниках.

— Музыку той самой пациентки, чьи биоволны отражаются этой линией?

— Да, и поскольку усиление звука невозможно без искажения деталей, я прошу вас надеть наушники.

— Я должен одновременно смотреть на мерцающий свет?

— Необязательно. Вы можете закрыть глаза. Того мерцания, что проникнет сквозь веки, будет вполне достаточно для восприятия.

Бишоп закрыл глаза. Сквозь шум послышался еле уловимый грустный и сложный ритм — ритм, вобравший в себя все печали усталого старого мира. Бишоп слушал, смутно ощущая мигание света, бьющее по глазным яблокам в том же ритме.

И тут он почувствовал, что кто-то настойчиво дергает его за рукав:

— Мистер Бишоп... Мистер Бишоп...

Он глубоко вздохнул.

— Спасибо,— сказал он с легкой дрожью.— Меня это раздражало, но я не мог оторваться.

— Вы слушали энцефалограмму депрессии и поддались ее воздействию. Ваши собственные биоволны подстраивались под ритм. Вы чувствовали себя подавленным, верно?

— Всю дорогу.

— Когда нам удастся определить часть энцефалограммы, характерную для депрессивного состояния или любого другого психического расстройства, мы ее изымаем, а затем прокручиваем больному всю остальную запись, и его биоволны приходят в норму.

— Надолго?

— Увы, нет. После сеанса может пройти несколько дней. Максимум неделя. Потом приходится повторять все сначала.

— Это лучше, чем ничего.

— И все-таки этого недостаточно. Люди рождаются с теми или иными генами, которые определяют ту или иную потенциальную психическую структуру. Люди подвергаются определенным воздействиям окружающей среды. Такие вещи нелегко нейтрализовать, и мы в своей больнице пытаемся найти более эф-

фективные и длительные схемы нейтрализации... Не исключено, что вы сможете нам помочь. Поэтому мы вас и пригласили.

— Но я в этом ничего не понимаю, док. Я даже не знал, что энцефалограммы записывают лазером.— Бишоп развел руки.— Боюсь, я не в силах помочь вам.

Доктор Крей нетерпеливо сунула руки в карманы халата и сказала:

— Вы говорили, что лазер записывает больше деталей, нежели ухо способно воспринять.

— Да, и могу это повторить.

— Я вам верю. Мой коллега прочел ваше интервью в декабрьском номере «Хай Фиделити» за двухтысячный год, в котором вы как раз об этом говорили. Потому-то мы и обратили на вас внимание. Ухо не воспринимает деталей лазерной записи, но глаз воспринимает. Энцефалограмму изменяет и приводит в норму именно мерцающий свет, а не звуковые ритмы. Звук сам по себе ничего изменить не в силах. Однако он может усилить эффект воздействия света.

— Тогда вам просто не на что жаловаться.

— К сожалению, есть на что. Мы не можем добиться стабильного усиления, поскольку тончайшие, бесконечно сложные вариации звука, записанные с помощью лазера, не воспринимаются на слух. Вариаций слишком много, и те из них, что способны усилить воздействие света, тонут в общем фоне.

— А что заставляет вас предполагать, что такие усиливающие вариации вообще существуют?

— Иногда, в основном случайно, нам удается достичь долговременного лечебного эффекта, но мы не понимаем, каким образом. Нам нужен музыкант. Если вы прослушаете записи, сделанные до и после сеанса терапии, возможно, вам интуитивно удастся определить музыкальный ритм, соответствующий нормальной энцефалограмме. Мы записали бы его, и он мог бы усилить воздействие света и повысить эффективность лечения.

— Эй! — обеспокоенно воскликнул Бишоп.— Это слишком большая ответственность. Когда я пишу музыку, я просто ласкаю слух и заставляю сокращаться мускулы. Я не пытаюсь лечить больные мозги.

— Все, о чем мы вас просим,— это ласкать слух и заставлять сокращаться мускулы, но только в такт с музыкой нормальной

энцефалограммы... Поверьте, вам не стоит бояться ответственности, мистер Бишоп. Крайне маловероятно, чтобы ваша музыка могла пойти во вред, зато она может принести большую пользу. Гонорар вы получите в любом случае, даже если ничего не выйдет.

— Что ж,— сказал Бишоп,— я попробую, хотя обещать ничего не могу.

Через два дня он вернулся. Доктор Крей, которую вытащили с совещания, посмотрела на него усталыми припухшими глазами:

— Как успехи?

— Есть кое-что. Думаю, должно получиться.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Просто чувствую... Я прослушал лазерные записи, которые вы мне дали: музыку энцефалограммы пациента в состоянии депрессии и в норме, то есть после сеанса. Вы были правы. Без мерцающего света ни та ни другая запись на меня не действовали. И тем не менее я вычленил вторую запись из первой, чтобы определить, в чем различие.

— У вас есть компьютер? — удивилась доктор Крей.

— Нет, компьютер тут бы не помог. Он выдал бы слишком избыточную информацию. Вы берете сложную лазерную запись, вычитаете из нее другую сложную запись и в результате получаете опять-таки довольно сложную запись. Нет, я вычленил ее мысленно, чтобы посмотреть, какой ритм останется. Этот ритм и будет ритмом депрессии, а стало быть, нужно заменить его контрритмом.

— Как вы могли проделать это мысленно?

Бишоп небрежно пожал плечами:

— Не знаю. А как Бетховен держал в голове Девятую симфонию, прежде чем записал ее? Мозг — довольно-таки хороший компьютер, разве нет?

— Да, наверное,— согласилась, сдаваясь, доктор Крей.— Вам удалось подобрать контрритм?

— Надеюсь. Он записан у меня на обычной пленке, никакой особой техники тут не нужно. Звучит он примерно так: тататаТА-тататаТА-тататаТАТАТАтаТА — и так далее. Я наложил на

него мелодию, и вы можете пустить ее через наушники, пока пациентка будет наблюдать за мерцанием света, соответствующим нормальным биоволнам. Если я не ошибся, звук усилит воздействие света.

— Вы уверены?

— Будь я уверен, вам не нужно было бы проверять, док. Или я не прав?

Доктор Крей подумала немного и согласилась:

— Я договорюсь с пациенткой. А вы пока побудьте здесь.

— Если хотите. Это входит в обязанности консультанта, я полагаю.

— Вам нельзя будет находиться в комнате, где проходит лечение, но я хотела бы, чтобы вы подождали.

— Как скажете.

Пациентка выглядела измученной — глаза потуплены, голос еле слышный и невнятный.

Бишоп бросил на нее осторожный взгляд из угла, где он сидел тихо, как мышка. Женщина вошла в соседнюю комнату. Он терпеливо ждал и думал: а вдруг получится? Почему бы тогда не сопровождать световые волны звуковым аккомпанементом, чтобы излечить обыкновенную хандру? Чтобы повысить жизненный тонус? Усилить любовь? Не только у больных людей, но и у здоровых; это могло бы стать заменителем алкоголя или наркотиков, которыми обычно накачиваются, чтобы привести в порядок чувства, — причем совершенно безопасным заменителем, основанным на биоволнах собственного мозга... И вот наконец, через сорок пять минут, она вышла.

Лицо ее стало безмятежным, угрюмые складки разгладились.

— Я чувствую себя лучше, доктор Крей, — сказала она, улыбаясь. — Гораздо лучше.

— Так всегда бывало после сеансов, — спокойно отозвалась доктор Крей.

— Нет, не так, — возразила женщина. — Совсем не так. На сей раз все иначе. Раньше мне тоже становилось лучше после сеансов, но я всегда ощущала затаившуюся где-то в глубине депрессию, готовую вернуться в любую минуту. Теперь я ее не ощущаю — ее просто нет!

— Мы не можем быть уверены в том, что она не вернется, — сказала доктор Крей. — Вы придете ко мне на прием, скажем, недельки через две. Но если почувствуете что-то неладное раньше, сразу же позвоните, договорились? Скажите, как прошел сеанс? Как обычно?

Женщина задумалась.

— Нет, — сказала она нерешительно. И добавила: — Свет... Он мерцал как-то иначе. Более резко и отчетливо, что ли.

— Вы слышали что-нибудь?

— А я должна была что-то слышать?

Доктор Крей встала:

— Все нормально. Не забудьте записаться у секретаря.

Женщина задержалась в дверях, обернулась и сказала:

— Какое счастье чувствовать себя счастливой!

После ее ухода доктор Крей заметила:

— Она ничего не слышала, мистер Бишоп. Очевидно, ваш контрритм вписался в нормальную энцефалограмму настолько естественно, что звук, так сказать, растворился в свете. Похоже, у вас получилось.

Она повернулась к Бишопу, глядя ему прямо в глаза:

— Мистер Бишоп, согласитесь ли вы проконсультировать нас по поводу других больных? Мы заплатим вам столько, сколько сможем, и, если методика окажется успешной, вся честь открытия будет принадлежать только вам.

— Я буду рад помочь, доктор, но все это не так сложно, как вы думаете. Работа, в сущности, уже сделана.

— Уже сделана?

— На Земле веками жили композиторы. Они ничего не знали об энцефалограммах, но они старались изо всех сил придумать такие мелодии и ритмы, чтобы люди непроизвольно приподнимали ногами, чтобы мускулы у них сокращались, лица расплывались в улыбке, на глаза наворачивались слезы, а сердца бились сильнее. Эти мелодии ждут вас. Как только вы определите контрритм, вам останется лишь подобрать к нему подходящую мелодию.

— Именно так вы и поступили?

— Конечно. Что может вывести вас из депрессии лучше, чем гимн возрождения? Для того их и писали. Их ритмы заражают вас

радостью и энергией. Возможно, это ненадолго, но, если использовать их для усиления нормальных биоритмов мозга, эффект должен быть стократным.

— Гимн возрождения? — Доктор Крей смотрела на него во все глаза.

— Ну конечно. В данном случае я использовал самый лучший. Я прописал ей «Когда святые маршируют».

Он начал тихонько напевать, отбивая пальцами ритм; и с третьего такта доктор Крей подхватила аккомпанемент, постукивая по полу носком туфли.

ОЗАРЕНИЕ

То, что изобретатель первой в мире действующей машины времени был поклонником научной фантастики, отнюдь не случайное совпадение. Иначе и быть не могло. С чего бы иначе вполне нормальному во всех остальных отношениях физику взбрело на ум копаться во всяких безумных теориях, признававших возможность перемещения во времени вопреки самой Теории относительности?

Конечно, машина требовала энергии. Все машины ее требуют. Но Симеон Уэйл был готов заплатить любую цену. Любую (ну почти любую) — лишь бы сбылась его тайная научно-фантастическая мечта.

Загвоздка заключалась в том, что ему никак не удавалось взять под контроль направление и расстояние хронологического броска. Результат целиком и полностью зависел от случайных темпоральных столкновений сверхсветовых частиц — тахионов. Уэйл мог заставить исчезнуть мышей и даже кроликов, но в прошлом или будущем — этого он сказать не мог. Одна мышь вернулась, побывав, очевидно, в недавнем прошлом. Путешествие, похоже, не причинило ей вреда. А другим? Как узнаешь?

Уэйл приспособил к машине автоматический возвратный механизм. Теоретически он должен был изменять изначальное направление броска (каким бы оно ни было) на противоположное и возвращать объект обратно (куда бы его ни занесло). Механизм срабатывал не всегда, но пять кроликов вернулись целыми и невредимыми.

Если бы возвратный механизм был понадежнее, Уэйл испытал бы машину сам. Ему *до смерти* хотелось ее испытать — желание неподобающее для физика-теоретика, зато вполне естественное для фана научной фантастики, который особенно любил произведения середины века, предпочитая их книгам нынешнего 1976 года.

И конечно же, что должно было случиться, то и случилось. Уэйл ни за что не шагнул бы между темподами намеренно. Он знал, что шансы на возвращение не больше трех из пяти. Но ему *до смерти* хотелось испытать машину, поэтому он споткнулся на ровном месте о собственную большую ступню и влетел в пространство между темподами. Совершенно случайно. Только бывают ли на свете совершенные случайности?

Его могло занести и в прошлое, и в будущее. Случилось так, что он очутился в прошлом.

Его могло занести за тысячи лет или за полтора дня. Случилось так, что он очутился в двадцать пятом году нынешнего столетия, когда в стране вовсю кипел скандал под крышкой «чайника»*, хотя народ хранил спокойствие и не скулил под властью Кулиджа**, а также твердо верил в то, что никто в мире не может побить Джека Демпси***.

Но были кое-какие детали, о которых теории не поведали Уэйлу. Так, например, он знал, как ведут себя при перемещении во времени сами частицы, но не мог предсказать, что случится со связями между ними. А где эти связи сложнее всего, если не в мозгу?

Случилось так, что, когда Уэйл переместился во времени назад, извилины у него в мозгах размотались. К счастью, не совсем — иначе, если учесть, что за год до полуторавекового юбилея Америки Уэйл еще не был зачат, мозг с менее чем нулевым развитием явился бы для него досадной помехой.

* Скандал, связанный с коррупцией в высших эшелонах власти и разразившийся в 1924 году, когда общественности стало известно о тайной сдаче в аренду частным компаниям нефтяных земель в Вайоминге и Калифорнии, где нефть должна была сохраняться нетронутой для будущих нужд флота. Своим названием скандал обязан скале, похожей по форме на чайник, находящейся в одном из нефтяных районов Вайоминга. (*Здесь и далее прим. перев.*)

** Калвин Кулидж (1871–1933)— тридцатый президент США (1923–1929).

*** Джек Демпси (1895–1983)— американский боксер, чемпион мира в тяжелом весе с 1919-го по 1926 год.

Извилины размотались частично, но грубо и неуклюже, и когда Уэйл очутился в парке на скамейке неподалеку от своего дома в Манхэттене, где он экспериментировал в 1976 году в сомнительном симбиозе с Нью-Йоркским университетом, то очутился он там в году тысяча девятьсот двадцать пятом с жуткой головной болью и не совсем ясным представлением, на каком он свете.

Он уставился на человека лет сорока с прилизанными волосами, выдающимися скулами и орлиным носом, сидевшего на той же скамейке.

Человек выглядел озадаченным.

— Откуда вы взялись? — спросил он. — Минуту назад вас здесь не было.

Уэйл не знал, что сказать. Он не помнил. Но одно слово, похоже, пробилось сквозь хаос под черепом, хотя значение его осталось для Уэйла довольно туманным.

— Машина времени, — выдохнул он.

Человек насторожился.

— Вы читаете псевдонаучные романы?

— Что? — удивился Уэйл.

— Вы имели в виду «Машину времени» Уэллса?

Повторение этого словосочетания слегка успокоило Уэйла. Головная боль немного утихла. Фамилия Уэллс казалась знакомой — или то была его собственная фамилия? Нет, его фамилия Уэйл.

— Уэллс? — сказал он. — Я Уэйл.

Человек протянул ему руку:

— А я Хьюго Гернсбэк. Я пишу иногда псевдонаучные романы, хотя, конечно, называть их «псевдо» неправильно. Смахивает на какую-то подделку. На самом же деле, если вещь написана как следует, она соединяет в себе и научный подход, и фантастику. Я называю этот жанр, — черные глаза его заблестели, — наукофантастикой.

— Да, — сказал Уэйл, отчаянно стараясь привести в порядок хаотичные проблески познаний и размотавшиеся воспоминания. Но в голове вспыхивали лишь разрозненные образы и впечатления. — Наукофантастика. Лучше, чем «псевдо». Но как-то не совсем...

— Если вещь написана *как следует*. Вы читали мою книгу «Ральф 124C41 + »?

— Хьюго Гернсбэк,— сказал, нахмурясь, Уэйл — Известный...

— Правда, в узком кругу,— кивнул человек.— Я несколько лет издавал журналы об изобретениях в области радио и электричества. Вам не приходилось читать журнал «Наука и изобретение»?

Уэйл ухватился за слово «изобретение», и оно почти прояснило ему, что он подразумевал под машиной времени.

— Да-да,— сказал он, охваченный нетерпением.

— И что вы думаете о наукофантастике, которую я помещаю в каждом номере?

Опять «наукофантастика». Слово действовало на Уэйла успокаивающе, хотя звучало не совсем правильно. Что-то тут не так, решил он. Чего-то тут явно не хватает...

— Явно не хватает...— проговорил он вслух.

— Не хватает? То есть рассказов слишком мало? Да, я тоже об этом думал. Год назад я разослал проспекты с предложением подписаться на журнал, в котором не будет ничего, кроме наукофантастики. Я назвал бы его «Наукофантастика». Но почти никто не откликнулся. Почему, как вы думаете?

Уэйл не слушал его. Он по-прежнему сосредоточенно размышлял о слове «наукофантастика», силясь сообразить, что в нем звучит не так.

— Неправильное слово,— сказал он.

— Вы имеете в виду название? Возможно, вы правы. Я и не думал как следует о названии. Вообще-то нужно что-то броское, способное сразу привлечь внимание читателя и вызвать интерес. Да, в этом все дело. Если бы мне удалось придумать хорошее название, я бы начал издавать журнал и наплевал на проспекты. Я не стал бы задавать вопросы — просто разослал бы журнал по всем киоскам Соединенных Штатов будущей весной, вот и все.

Уэйл непонимающе уставился на него.

— Мне, конечно, хотелось бы,— продолжал тот,— чтобы истории, помещенные в журнале, просвещали читателей в научном плане и в то же время развлекали. Они должны открыть перед людьми широкие перспективы мира будущего. Аэропланы будут совершать беспосадочные перелеты через Атлантику...

— Аэропланы? — В голове Уэйла возник мимолетный образ большого стального кита, взлетающего с помощью собственных

испражнений. Мгновение — и образ поблек. — Большие, — сказал Уэйл, — с сотнями пассажиров на борту, летят быстрее звука.

— Конечно. Почему бы и нет? А связь с землей поддерживают по радио.

— Спутники.

— Что? — пришел черед удивляться собеседнику Уэйла.

— Радиоволны отражаются от искусственных космических спутников.

Человек энергично закивал:

— Я предсказал использование радиоволн для определения расстояния в «Ральфе 124С41 + ». Космические отражатели? Я их тоже предсказал. И телевидение, конечно. И энергию атома тоже.

Уэйл оживился. Образы беспорядочно вспыхивали у него в мозгу один за другим.

— Атом, — сказал он. — Да. Атомная бомба.

— Радий, — самодовольно заявил человек.

— Плутоний, — возразил Уэйл.

— Что?

— Плутоний. И термоядерная реакция. Имитирующая Солнце. Нейлон и пластмасса. Пестициды для избавления от насекомых. Компьютеры для избавления от проблем.

— Компьютеры? Вы имеете в виду роботов?

— Карманные компьютеры, — с воодушевлением продолжал Уэйл — Такие маленькие штучки. Берешь его в руки и решаешь все проблемы. Маленькие радиоприемники, тоже переносные. Фотоаппараты, проявляющие снимки прямо в камерах голограммы. Трехмерные изображения.

— Вы тоже пишете наукофантастику? — спросил человек.

Уэйл не слушал его. Он пытался уловить и удержать в памяти мысленные образы, которые становились все более четкими.

— Небоскребы, — сказал он. — Стекло и алюминий. Скоростные автостреды. Цветные телевизоры. Человек на Луне. Зонды на Юпитере.

— Человек на Луне, — повторил Хьюго Гернсбэк. — Жюль Верн. Вы читаете Жюль Верна?

Уэйл затряс головой. В ней почти уже прояснилось. Мозг определенно выздоравливал.

— По телевизору. Все смотрели по телевизору, как он ступил на поверхность Луны. И снимки Марса. На Марсе нет каналов.

— Нет каналов? — изумился его собеседник. — Но их же видели!

— Это не каналы, — твердо сказал Уэйл. — Кратеры вулканов. Самый большой из них — Каньон. Транзисторы, лазеры, тахионы. Обуздать тахионы. Заставить их двигаться против течения времени. Перемещение во времени. Перемещение во времени. У-ди-ви...

Черты Уэйла начали расплываться, голос стал еле слышным. Случилось так, что его собеседник в этот момент не смотрел на Уэйла; он уставился в голубое небо, бормоча себе под нос:

— Тахионы? Что он такое болтает?

Гернсбэк думал о том, что неподдельный интерес, проявляемый к наукофантастике случайно встреченным в парке незнакомцем, — это добрый знак: стало быть, пора издавать журнал. Но тут он вспомнил, что так и не придумал названия, и с сожалением оборвал свои мечты.

Он оглянулся как раз вовремя, чтобы услышать последние слова Уэйла:

— Путешествия во времени... Тахионы... Удивительная история-я...

И Уэйл исчез, вернувшись в свое собственное время.

Хьюго Гернсбэк с ужасом воззрился на пустое место, где только что сидел человек. Он не видел ни его появления, ни ухода, но разум отказывался поверить в мгновенное исчезновение. И вообще — странный он какой-то, этот парень, и одежда у него странная, и, если задуматься, говорил он тоже как-то странно. Бессвязно и почти безумно.

Да, незнакомец правильно сказал — удивительная история. Его последние слова.

И тут Гернсбэк, затаив дыхание, еле слышно прошептал:

— Удивительная история... *«Удивительные истории»?*

И улыбка приподняла уголки его губ.

ДУМАЙТЕ!

Женевьева Реншо, доктор медицины, говорила спокойно, хотя руки ее, глубоко засунутые в карманы халата, были крепко сжаты в кулаки.

— Дело в том, — сказала она, — что я уже почти готова, но мне нужна помощь.

Джеймс Беркович, физик, который к врачам относился снисходительно только в тех случаях, когда они были хороши собой, а всех остальных просто презирал, наедине называл ее Дженни Рен. Он считал, что у Дженни Рен классический профиль и красивая линия бровей, признавая при этом, что за столь прекрасной оболочкой прячется острый ум. Однако свои восторги он предпочитал держать при себе — то есть относительно классического профиля и тому подобного, говорить об этом было бы старомодно, так он думал. Проще и естественней было бы выразить свое восхищение умом Женевьевы, но и этого он не делал, по крайней мере в ее присутствии.

Подперев большим пальцем едва наметившийся второй подбородок, он сказал:

— Сомневаюсь, чтобы директорат дал тебе время на подготовку. Мне кажется, тебя вызовут на ковер еще до конца недели.

— Вот поэтому-то мне и нужна ваша помощь.

— Сомневаюсь, что могу быть тебе полезен.

Он неожиданно поймал в зеркале свое отражение и поразился тому, как красиво уложены его волнистые черные волосы.

— Тем не менее, — твердо сказала Женевьева, — мне нужна и твоя помощь, и помощь Адама.

Адам, который лениво потягивал кофе и до сих пор в разговоре не участвовал, воскликнул, будто на него внезапно напали сзади:

— А я тут при чем?

И его пухлые губы задрожали. Адам Орсино терпеть не мог неожиданностей.

— Потому что вы оба занимаетесь лазерами — Джим теоретик, а ты инженер... а я пытаюсь применить лазер в такой области, что вам даже трудно это себе представить. Мне вряд ли удастся убедить остальных, а вот у вас двоих это наверняка получится.

— С тем условием, — процедил Беркович, — что для начала тебе удастся убедить нас.

— Идет. Если вы будете столь любезны уделить мне час вашего драгоценного времени и если вы не боитесь узнать нечто совершенно новое о лазерах... В общем, я вас задержу не больше чем на время обеденного перерыва.

В лаборатории Реншо царил ее компьютер. Не то чтобы компьютер оказался так уж велик, но все же он был тут главным. Реншо изучила компьютерную технологию самостоятельно и ухитрилась таким образом модифицировать свой компьютер, что только она и могла работать с ним (правда, Берковичу порой казалось, что ей самой это удавалось не всегда).

Не говоря ни слова, она закрыла дверь и жестом указала мужчинам на стулья. Беркович с неудовольствием ощутил в воздухе неприятный запах. Орсино тоже наморщил нос.

Реншо невозмутимо начала:

— Позвольте, для начала я расскажу вам кое-что о применении лазера и прошу прощения за то, что для вас это будут азбучные истины. Принцип действия лазера основан на когерентном излучении, при этом все испускаемые лучи имеют одинаковую длину волны, распространяются без помех, плотным пучком, и могут быть применены в голографии. Модулируя форму волн, мы можем запечатлевать информацию с высочайшей степенью точности. Что еще более важно, так это то, что длина световых волн составляет всего лишь миллионную долю от длины радиоволн, за счет чего лазерный луч может быть носителем в миллион раз большего объема информации по сравнению с радиоволной.

Беркович был искренне удивлен:

— Разве ты работаешь над лазерной системой связи, Дженни?

— Ничего подобного, — ответила она. — Такого рода достижения я оставляю физикам и инженерам... Лазеры способны концентрировать колоссальную энергию на микроскопической площади. В крупном масштабе это означает принципиальную возможность контролируемой плавки...

— Я точно знаю, что ты этим не занимаешься, — сказал Орсино, лысина которого сверкала в лучах света, исходявшего от многочисленных лампочек компьютера.

— Нет. И не пыталась... В более скромных масштабах это означает возможность сверления отверстий в самых прочных материалах, резания отрезков заданного размера, их теплообработки, сварки и разметки. Можно удалять и сплавлять столь крошечные участки материи при столь быстрой подаче тепла, что окружающие место обработки участки не успеют нагреться до окончания процесса, что позволяет производить операции на сетчатке глаза, на зубной эмали и так далее. И конечно, нельзя не упомянуть о том, что лазер может служить колоссальным по мощи усилителем, способным с прицельной точностью увеличивать мощность слабых сигналов.

— Зачем ты рассказываешь все это? — удивленно спросил Беркович.

— Чтобы подчеркнуть: все эти свойства лазера могут быть применены в той области, где я работаю, — в нейрофизиологии.

Тут она, видимо, занервничала и резким движением пригладила пышные каштановые волосы.

— В течение десятилетий, — сказала она, — мы имели возможность замерять тончайшие, зыбкие потенциалы мозга и регистрировать их в виде энцефалограмм. Мы умеем различать альфа-волны, бета-волны, дельта-волны, тета-волны; мы регистрируем различные их варианты в разное время, в зависимости от того, закрыты или открыты глаза обследуемого, спит он или бодрствует. Но информация, получаемая нами при таком обследовании, крайне ограничена. Беда в том, что мы принимаем сигналы десяти миллиардов нейронов в самых разнообразных комбинациях. Это равносильно тому, чтобы слушать разговоры всех обитателей Земли одновременно, причем на громадном расстоянии, и пытаться при этом понять смысл отдельных слов.

Что невозможно. Мы в состоянии уловить только самые основные, кардинальные процессы типа мировой войны, если продолжить сравнение с земным шаром, судить о которых можем лишь по изменению общей картины. Но не более того и не точнее. Таким же образом энцефалография указывает нам лишь на самые серьезные изменения мозговой функции типа эпилепсии. А теперь давайте предположим, что есть возможность ощупать мозг тончайшим пучком лучей лазера, клетку за клеткой, и так быстро, что ни одна из клеток не успеет ощутить подъема температуры. Микроскопические потенциалы каждой клетки при обратной связи могут быть приняты лучом лазера, усилены и зарегистрированы. Вследствие этого мы станем обладать новым методом исследования — лазероэнцефалографией, которая принесет нам в миллионы раз больше информации, чем обычная энцефалограмма.

— Неплохая мысль,— кивнул Беркович.— Но всего лишь мысль.

— Больше чем мысль, Джим. Я уже пять лет работаю над этим, вначале только в свободное время, а теперь я ничем другим и не занимаюсь. Именно это беспокоит наш директорат, поскольку я давным-давно не отчитываюсь о проделанной работе.

— И почему же?

— Потому что я добралась до точки, где результаты выглядят... просто безумными.

Она отодвинула в сторону ширму, за которой оказалась клетка, а в ней сидела пара очаровательных мартышек с печальными глазками.

Беркович и Орсино переглянулись. Беркович коснулся пальцем кончика носа.

— То-то мне показалось, что тут чем-то пахнет.

— На что они тебе, Дженни? — поинтересовался Орсино.

Беркович сказал:

— Я, кажется, догадываюсь. Ты сканировала мозг мартышек, Дженни?

— Начала я не с них, а с гораздо более низкоорганизованных животных.

Дженни открыла дверцу клетки и взяла на руки одну из мартышек, похожую на маленького старичка, родившегося с врожденными дефектами.

Она пощелкала языком, нежно погладила мартышку и бережно застегнула на ней тонкий ошейник.

Орсино спросил:

— Что это ты делаешь?

— Она не должна двигаться во время обследования, а если я дам ей наркоз, это снизит точность эксперимента. В мозг мартышки введено несколько электродов, и я собираюсь подсоединить их к моей системе, к тому лазеру, которым я пользуюсь. Думаю, вам знакома эта модель, и мне не нужно объяснять вам принцип действия.

— Модель знакома,— сказал Беркович.— Но будь так добра, объясни, что ты собираешься показать нам.

— Проще будет посмотреть. Смотрите на экран.

Она подсоединила провода к электродам — быстро, уверенно, а затем щелкнула рычажком выключателя. Комната погрузилась в темноту. На экране возникла сложная картина пересекающихся ломаных линий. Медленно, постепенно в ней стали наблюдаться кое-какие изменения, затем на их фоне неожиданно возникли вспышки. Казалось, графики на экране живут своей особой жизнью.

— Это,— сообщила Реншо,— по сути дела, та же информация, что мы получаем при электроэнцефалографии, но гораздо более детальная.

— Достаточно ли она подробна,— поинтересовался Орсино,— чтобы понять, что же происходит с каждой отдельной клеткой?

— Теоретически — да. Практически — нет. Пока нет. Но у нас есть возможность разделить общую лазероэнцефалограмму на составные части — микролазерограммы. Смотрите!

Она включила пульт компьютера, и линия немедленно изменилась. Теперь она бежала маленькой ровной волной, колеблясь вверх-вниз. Потом изображение показало похожие на зубья пилы пики, которые тут же разредились, а затем линия стала почти плоской — вся эта сюрреалистическая геометрия менялась с огромной скоростью.

Беркович сказал:

— Ты хочешь сказать, что каждый маленький участок мозга дает свою собственную картину, не похожую на другую?

— Нет,— ответила Реншо,— не совсем так. Мозг в большей степени имеет однородное устройство, но от участка к участку

отмечаются сдвиги показателей, и Майк может их регистрировать и использовать систему лазероэнцефалографии для усиления этих сигналов. Мощность усиления можно варьировать. Лазерная система позволяет работать без помех.

— А Майк — это кто? — поинтересовался Орсино.

— Майк? — рассеянно переспросила Реншо. Скулы ее тронул едва заметный румянец. — Я разве не сказала... Ну, я его иногда так зову. Это просто сокращение. Мой компьютер. Майк. Кстати, он имеет превосходный набор программ.

Беркович понимающе кивнул и сказал:

— Отлично, Дженни, только к чему все это? Ты разработала новое устройство для исследования мозговой активности с помощью лазера. Прекрасно. Очень интересная область применения, согласен, мне такое и в голову не приходило, я, в конце концов, не нейрофизиолог. Но почему бы тебе не написать отчет? Мне кажется, директорат поддержит...

— Это только начало.

Женевьева повернулась и сунула в ротик мартышки дольку апельсина. Мартышка, судя по всему чувствовавшая себя уютно и спокойно, принялась медленно и с упоением жевать сочную дольку. Реншо отсоединила провода, но ошейник не отстегнула.

— Итак, — продолжала она, — я могу выделить отдельно микролазероэнцефалограммы. Одни из них связаны с ощущениями, другие — со зрительными реакциями, третьи — с разнообразными эмоциями. Это, конечно, очень интересно и познавательно, но мне не хотелось на этом останавливаться. Интереснее изучать те лазерограммы, которые отражают абстрактные мысли.

Пухлая физиономия Орсино удивленно и недоверчиво сморщилась.

— Но... как ты можешь это определить?

— Есть особый, ярко выраженный вид лазерограмм. Он появляется при обследовании представителей животного царства со сложной организацией умственной деятельности. И потом... — Она умолкла, а затем, будто собрав все силы для финального удара, сказала твердо и уверенно: — Эти лазерограммы я подвергла предельному увеличению. И мне кажется, что можно утверждать... что это... именно мысли...

— О боже! — воскликнул Беркович. — Телепатия!

— Да,— сказала она вызывающе.— Именно!

— Тогда неудивительно, что ты не подаешь отчетов. Давай дальше, Дженни!

— Почему бы и нет? — так же резко сказала Реншо.— Считается, что телепатии не существует, причем только потому, что неусильные потенциалы человеческого мозга уловить невозможно. Но точно так же невозможно различить детали поверхности Марса невооруженным глазом. Однако когда появились инструменты для такого исследования, телескопы,— пожалуй-ста, сколько угодно.

— Тогда объяви об этом директорату.

— Нет,— покачала головой Реншо.— Они мне не поверят. Они попытаются помешать мне. Но вас — тебя, Джим, и тебя, Адам,— они примут всерьез.

— Как ты думаешь, что я должен им сказать? — поинтересовался Беркович ехидно.

— Ты можешь рассказать им о том, что видел собственными глазами. Сейчас я снова подсоединю мартышку к сканеру, и Майк, мой компьютер, выделит лазерограмму абстрактной мысли. Много времени на это не уйдет. В последнее время я только этим и занимаюсь, и компьютер моментально выделяет соответствующую лазерограмму, если только я не ввожу другую команду.

— Почему? Потому что компьютер тоже думает? — рассмеялся Беркович.

— И ничего смешного,— резко возразила Реншо.— Я подозреваю, что возникает что-то вроде резонанса. Этот компьютер достаточно сложен, чтобы излучать электромагнитные волны с элементами, сходными с лазерограммой абстрактной мысли. Во всяком случае...

На экране снова появилось изображение мозговых волн мартышки. Но картина, которую наблюдали Адам и Джим, была совершенно иной, чем прежде. Теперь пиков было такое множество, что линия казалась просто-таки пушистой, и она все время менялась.

— Я ничего тут не понимаю,— пробурчал Орсино.

— Чтобы понять, ты должен быть помещен в приемное устройство. Внутрь цепи.

— То есть... Как это? Ты хочешь сказать, что нам в мозг нужно ввести электроды?

— Нет, не в мозг. Только на кожу. Этого вполне достаточно. Я бы предпочла тебя, Адам, поскольку у тебя волос... поменьше. О, не бойся, это не больно, поверь.

Орсино повиновался, но явно без особой радости. Он ежил-ся, когда Женевьева укрепляла электроды на его лысине.

— Ощущаешь что-нибудь? — спросила Реншо.

Орсино запрокинул голову, как будто прислушиваясь к чему-то. Похоже, он заинтересовался происходящим. Он сказал:

— Слышу что-то вроде постукивания... и... и еще что-то вроде попискивания — тонкое такое попискивание... и... ой, как потешно... как будто кто-то хихикает!

Беркович высказал предположение:

— Вероятно, мартышка думает не словами.

— Конечно, — подтвердила Реншо.

— Почему же ты решила, что это мысли? Все эти писки, трески и постукивание?

Реншо была невозмутима:

— А теперь поднимемся еще выше по лестнице разума.

Она осторожно освободила мартышку от проводов, сняла с нее ошейник и отнесла в клетку.

— Ты хочешь сказать, что объектом будет человек? — недоверчиво спросил Орсино.

— Объектом буду я, лично.

— У тебя что, электроды имплантированы...

— Нет-нет. В данном случае меня будет представлять мой компьютер. Мой мозг по массе в десять раз превышает мозг мартышки. Майк может вычленять мои лазерограммы, обозначающие мысли, и без вживления электродов в мозг, при простом наложении их снаружи.

— Откуда ты знаешь? — упорствовал Беркович.

— А ты думаешь, я еще не попробовала все это на себе? Ну-ка, помоги мне приладить... Вот так. Отлично.

Ее пальцы быстро пробежали по клавишам пульта компьютера, и на экране тут же загорелась извилистая линия, такая замысловатая, что было невозможно выделить ее отдельные элементы.

— Сам справишься со своими электродами, Адам? — спросила Реншо.

Орсино приладил электроды на место с помощью, не слишком ловкой, Берковича.

— Я слышу слова,— сообщил он вскоре.— Но они разрозненные, накладываются одно на другое, будто одновременно говорят несколько человек.

— Я просто не пытаюсь говорить сознательно,— объяснила Реншо.

— А вот когда ты заговорила, я услышал твои слова, как эхо. Беркович сердито посоветовал:

— Не разговаривай, Дженни. Попробуй упорядочить свои мысли, пусть он услышит то, что ты хочешь ему передать.

Орсино возразил:

— А вот когда говоришь ты, Джим, я никакого эха не слышу.

Беркович буркнул:

— Если ты не заткнешься, вообще ничего не услышишь.

Наступило долгое, тяжелое молчание. Потом Орсино понимающе кивнул, потянулся за ручкой и что-то написал на бумаге.

Реншо встала, нажала рычажок выключателя и сняла электроды со своей красивой головки. Поправила прическу и, не глядя на Орсино, объявила:

— Надеюсь, записанное тобой звучит так: «Адам, советую замолвить за меня словечко на директорате, а Джим пускай утрется».

Орсино пробормотал:

— Да... я записал именно это, слово в слово!

— Ну, вот вам и результат,— довольной улыбнулась Реншо.— Телепатия в действии, хотя совсем не обязательно пользоваться ею для передачи таких глупых предложений. Подумайте о том, как можно применить ее в психиатрии, в лечении душевнобольных. Представьте, как можно ее применить в обучении людей и машин. Подумайте, сколь велика будет польза от ее применения в криминалистике.

Орсино, широко раскрыв глаза, прошептал:

— Честно говоря, просто уму непостижимо — столько открывается возможностей! Но... я не уверен, что позволят...

— Если все будет на законном основании, почему бы и нет? — пожала плечами Реншо.— И если мы втроем, объединенными усилиями попробуем сдвинуть это дело с места, если вы не против того, чтобы присоединиться ко мне, не за горами Нобелевская премия...

Беркович угрюмо покачал головой.

— Я не могу. Нет. Пока — нет.

— Что? О чем ты? — Холодное красивое лицо Реншо покрылось ярким румянцем.

— Телепатия — дело тонкое. Она слишком заманчива, слишком желанна. Мы можем обмануться.

— Ты хоть послушай, о чем ты говоришь, Джим. Возьми, сам послушай.

— И я могу обмануться. Мне нужен контроль.

— Что ты имеешь в виду? Какой такой контроль?

— Изолировать источник мыслей. Убрать животное. Никаких мартышек. Ни одного человека. Понять, откуда исходит мысль. Пусть Орсино послушает металл и стекло, и если он все равно услышит мысли, значит, мы обманываем себя.

— А если он ничего не услышит?

— Тогда я буду слушать. И если ты поместишь меня в соседней комнате и я, ничего не видя, смогу определить, когда ты подключишься к цепи, значит, можешь на меня рассчитывать.

— Что ж, отлично, — согласилась Реншо. — Устроим контрольный эксперимент. Это нетрудно.

Она повозилась с проводками, которые раньше были закреплены на ее голове, и проверила контакты. Цепь замкнулась.

— Ну, Адам, — сказала она, — если ты начнешь сначала...

Но прежде чем она закончила фразу, раздался холодный, четкий голос — чистый, как звон разбивающихся льдинок:

— Наконец-то!

— Что? — ошеломленно переспросила Реншо.

Орсино промямлил:

— Кто сказал...

Беркович оглядывался по сторонам.

— Кто сказал «наконец-то»?

Реншо, внезапно побледнев, проговорила:

— Я не говорила. Я не издала ни звука. Это была только... Это кто-то из вас...

Но звонкий голос проговорил вновь:

— Я Ма...

Реншо разъединила проводки, наступила тишина. Она почти беззвучно, одними губами, проговорила:

— Видимо, это Майк... мой компьютер...

— Ты хочешь сказать, что он думает? — еле слышно прошептал Орсино.

Реншо тихо-тихо, до неузнаваемости изменившимся голосом ответила:

— Я же сказала, что он очень сложный, и почему бы ему не... Как вы думаете... Он всегда автоматически настраивался на вычленение лазерограммы абстрактной мысли, какой бы мозг ни был подключен к цепи. Но если в цепи не оказалось ни одного мозга, он подключился к себе... Так, что ли?

Все молчали. Наконец Беркович сказал:

— Получается, что этот компьютер думает, но не может свободно выражать свои мысли до тех пор, пока он ограничен выполнением программы. Из-за этой твоей лазерной системы...

— Невозможно! — взвизгнул Орсино. — Никто же не принимал мысли. Это совсем не одно и то же!

Реншо задумчиво проговорила:

— Компьютер работает с гораздо большей интенсивностью, чем органический мозг. Полагаю, он способен усилить свой потенциал до такой степени, что мы можем улавливать его мысли без посторонней помощи. Иначе как объяснить...

Беркович резко оборвал ее:

— Значит, ты нашла еще одно применение лазеру: возможность говорить с компьютерами как с отдельными индивидуумами, один на один.

А Реншо, глядя в одну точку, спросила, ни к кому не обращаясь:

— О господи, что же нам теперь делать?

НАВЕРНЯКА

Всем, кто живет в нашем тридцатом столетии, известно, что космическое путешествие — штука скучная и занимает довольно много времени. В качестве развлечения многие члены экипажей, несмотря на запреты карантинной службы, подбирают на обитаемых мирах, которые исследуют, разные живые существа и делают их своими домашними животными.

У Джима Тише был небольшой камешек, который он назвал Едеш. Едеш просто сидел на месте и был ужасно похож на камень, но иногда он приподнимал свою нижнюю часть и засасывал внутрь сахарную пудру. Никто никогда не видел, чтобы он передвигался с места на место, хотя временами он оказывался совсем не там, где его ожидали увидеть. Существовала теория, что Едеш предпочитает делать это, когда на него не смотрят.

У Боба Лаверти была зеленая спироулитка по имени Долли, обладающая способностью к фотосинтезу. Долли частенько переползала с места на место, туда, где было больше света; она сворачивала свое тело в кольца и медленно продвигалась вперед, в эти моменты ужасно напоминая крутящуюся спираль.

Однажды Джим Тише решил поспорить с Бобом Лаверти — и предложил устроить гонки.

- Мой Едеш, — заявил он, — сможет обогнать твою Долли.
- Твой Едеш, — фыркнул Лаверти, — и ходить-то не умеет.
- Пари! — воскликнул Тише.

В этом событии принял участие весь экипаж. Даже капитан рискнул половиной кредита. Все ставили на победу Долли. Она, по крайней мере, двигалась.

Джим Тише копил свое жалованье в течение трех экспедиций и выложил все до последнего милликредита на Едеш.

Гонка началась в одном конце Большого салона. В другом для Едеш положили кучку сахарной пудры, а для Долли зажгли яркий свет. Долли мгновенно свернулась в кольцо и медленно покатила к источнику света. Болельщики радостно взревели.

Едеш, не шевелясь, сидел на месте.

— Сахар, Едеш, сахар,— сказал Тише и показал на кучку сахарной пудры.

Едеш еще больше, чем обычно, походил на самый обыкновенный камень, но Тише это совершенно не беспокоило.

В конце концов, когда Долли добралась до середины салона, Джим Тише, как бы между прочим, пообещал своему камешку:

— Если ты туда не отправишься, Едеш, я возьму молоток и превращу тебя в гальку.

Именно тогда люди впервые обнаружили, что камешки вроде этого умеют читать мысли. И тогда же люди впервые обнаружили, что они обладают способностью к телепортации.

Не успел Тише произнести свою угрозу, как Едеш просто исчез с того места, где сидел, и возник поверх кучки сахара.

Тише, естественно, победил и медленно и с удовольствием принялся считать свой выигрыш.

Лаверти с горечью в голосе произнес:

— Ты знал, что эта чертова штука может телепортировать себя!

— Ничего подобного, я и понятия об этом не имел,— возразил Джим Тише.— Но я был уверен, что мой любимец победит. Я ставил наверняка.

— Как это?

— Кто ж не знает старую поговорку: «Тише едешь — дальше будешь»?

Вся Земля ждала, когда с ней покончит маленькая «черная дыра». Ее обнаружил профессор Джером Иеронимус, глядя в лунный телескоп в 2125 году. Вне всякого сомнения, «дыра» намеревалась подобраться к Земле и увлечь планету в свои страшные глубины, уничтожив окончательно и бесповоротно.

Все жители Земли составляли завешания и рыдали на груди друг у друга, прощаясь, прощаясь и снова прощаясь. Мужья говорили «прощай» женам, братья говорили «прощай» сестрам, родители говорили «прощай» своим детям; все, у кого были любимые домашние животные, говорили им «прощай», и влюбленные тоже прощались навсегда.

Однако когда «черная дыра» оказалась совсем рядом, профессор Иеронимус обратил внимание на отсутствие гравитационного эффекта. Он занялся тщательным изучением данного феномена и объявил, радостно хихикая, что это вовсе никакая не «дыра».

— Ничего особенного, — сказал он. — Самый обычный астероид, который кто-то выкрасил в черную краску.

С ним расправилась разъяренная толпа — но совсем не за обман. Его убили только после того, как профессор публично объявил, что собирается написать великую и невероятно трогательную пьесу на тему о том, что произошло.

— Я назову ее «Много прощаний из ничего»*, — сообщил Иеронимус.

Все человечество радостно заплодировало, узнав о его смерти.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

* Имеется в виду пьеса У. Шекспира «Много шума из ничего». (Прим. перев.)

СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАМЕНА?

Я приходил в себя и снова терял сознание, при этом время от времени слышал какие-то обрывки музыкальных фраз.

Потом пришли слова. «Когда олухи получают высокие титулы, нет места тонкому уму».

Сначала я понял, что стало светло, затем надо мной склонился Джон Сильва.

— Привет, Герб,— произнес его рот.

Я не слышал слов, только видел губы, которые выговаривали звуки. Я кивнул и снова провалился в ночь.

Когда я в очередной раз открыл глаза, было темно. Около меня сустилась медсестра, но я лежал тихо, и она куда-то исчезла.

Естественно, я был в больнице.

Меня это нисколько не удивило. Джон предупреждал, но я согласился рискнуть. Я пошевелил ногами, потом руками — очень осторожно. Они не болели. И я их чувствовал. В голове что-то отчаянно пульсировало; впрочем, этого следовало ожидать.

Когда олухи получают высокие титулы, нет места...

Теспис*, радостно подумал я. И опять погрузился в черную пучину.

Наступил рассвет. Вкус апельсинового сока у меня на губах. Я потягивал его через соломинку и был счастлив.

Машина времени!

Джону Сильве не нравилось, когда я ее так называл.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

* Греческий поэт, VI век до нашей эры. (Здесь и далее прим. перев.)

Темпоральный перенос, такое имя он дал своему эксперименту.

Я слышал, как он что-то об этом говорил, и испытал истинное наслаждение. Мой мозг, казалось, был в полном порядке. Я принялся решать в уме задачки и с легкостью высчитал, чему равняется квадратный корень из пятисот сорока трех. Потом приказал себе назвать имена всех президентов — по порядку! Мне казалось, что я нахожусь в прекрасной интеллектуальной форме. Но разве я могу об этом судить беспристрастно? Я убедил себя в том, что могу.

Конечно же, больше всего нас волновала опасность мозговой травмы, и не думаю, что я согласился бы рискнуть, если бы не «Теспис». Нужно быть фанатичным поклонником Гилберта и Салливана*, чтобы понять это. Я именно таковым и являлся, как, впрочем, и Мэри. Мы познакомились на собрании Общества Гилберта и Салливана, обратили друг на друга внимание и всегда были вместе во время всех последующих заседаний и на концертах «деревенской оперной труппы». Когда мы наконец поженились, хор наших друзей из «Г и С» спел нам свадебную песнь из «Гондольеров».

С моим мозгом все было в порядке. Я в этом ни секунды не сомневался, глядя в окно на холодный серый рассвет и прислушиваясь к своим воспоминаниям о том, что произошло.

— Машина времени, — снова прозвучал в моем сознании голос Джона, — что-то вроде автомобиля, который ты отправляешь в путь по коридорам времени. Теоретически такого быть не может. Мы занимаемся темпоральным переносом. Мозг человека в состоянии... ну, можно сказать и так: он в состоянии проникнуть сквозь время. Точнее, не он сам, а субатомные частицы. И если речь идет о вполне развитом интеллекте, их реально увидеть и, полагаю, использовать. Если два сознания достаточно похожи друг на друга, они могут войти в резонанс и путешествовать во времени.

— А ты знаешь, как установить такой контроль?

— Думаю, да. Должен сказать, что мозг каждого человека каким-то образом входит в контакт с сознанием других людей;

---

* Сэр Уильям Гилберт (1836–1919) — английский драматург и поэт; сэр Артур Салливан (1842–1900) — английский композитор

возможно, это и является объяснением наших снов, ощущения *déjà vu**, неожиданного вдохновения и тому подобных вещей. Однако настоящий перенос, когда два определенных сознания входят в состояние резонанса друг с другом,— задача, требующая для своего решения серьезных усилий.

Я был одним из сотни человек, которые принимали участие в экспериментах. Не имело никакого смысла проверять идеи Сильвы на животных. Только человеческий мозг создает достаточно сильное поле. Возможно, еще дельфины, но как, скажите на милость, вы бы стали с ними работать?

— Почти все сумели добиться резонанса, который можно зафиксировать,— произнес Джон.— Вот ты, например, установил довольно прочную связь в одном определенном направлении.

— С кем? — с интересом спросил я.

— Это невозможно сказать. Герб,— ответил он,— и мы не совсем уверены, насколько точно определили время и место, но нам кажется, что твое сознание вошло в резонанс с кем-то, жившим в Лондоне в тысяча восемьсот семьдесят первом году.

— В Лондоне, в тысяча восемьсот семьдесят первом году?

— Да. Мы не можем проверить это наверняка, пока кто-нибудь не согласится подвергнуться темпоральному переносу. Честно говоря, я сомневаюсь, что нам удастся найти желающих.

— Я готов,— ответил я.

Мне понадобилось достаточно много времени, чтобы убедить его в том, что я не шучу. Мы были старинными друзьями, и он знал о том, как интересовала меня тайна «Г и С», но, боюсь, Джон не до конца понимал, в какой степени я был в ее власти.

А вот Мэри понимала! Она была в восторге.

— Ты представляешь, какая это удача,— сказал я ей.— Ведь «Теспис» поставили в Лондоне в тысяча восемьсот семьдесят первом году. Если бы я неожиданно оказался там в это самое время, я смог бы послушать ее, смог бы...

Эта мысль захватила меня. «Теспис» — первая из четырнадцати оперетт Гилберта и Салливана, слабое произведение, которое, естественно, не пользовалось никаким успехом, но его тем не менее написали Гилберт и Салливан, причем партитура про-

---

* Парамнезия, ложная память, когда новые впечатления кажутся уже пережитыми в прошлом (*фр.*).

пала. Пропало все, кроме небольшого хорового вступления, которое было с успехом использовано в «Пиратах из Панзанса», и одной баллады.

Если бы я только мог ее послушать!

— И не только послушать! — с энтузиазмом воскликнул я. — Если бы я мог подержать в руках партитуру и как следует ее изучить. Если бы я мог положить экземпляр в сейф в банке и каким-нибудь образом открыть его сейчас. Если бы я мог...

Глаза Мэри сияли, однако она не потеряла присущего ей чувства реальности.

— Если тебе удастся заполучить хоть что-нибудь из «Теспис», это будет потрясающей находкой, имеющей отношение к наследию Гилберта и Салливана, но я бы не стала уж очень рассчитывать на такую удачу. Если тебе и удастся проникнуть в сознание какого-то человека, жившего в тысяча восемьсот семьдесят первом году, уверен ли ты, что сумеешь заставить его делать то, что нам нужно?

— Можно попытаться, — ответил я. — Он, должно быть, на меня похож, раз наше сознание вошло в такой мощный резонанс, что покрыло расстояние в сто лет. У него должны быть мои вкусы.

— А если с тобой что-нибудь случится?

— Ради достижения некоторых целей стоит рискнуть, — твердо сказал я, и Мэри со мной согласилась; она не была бы моей Мэри, если бы было иначе.

И тем не менее я не стал говорить ей, что существует серьезная опасность мозговой травмы.

— Мы не в состоянии предсказать, насколько велика опасность, — заявил Джон, — и существует ли она на самом деле, пока не проведем эксперимент. Мне не очень хочется, чтобы в нем участвовал мой лучший друг.

— Твой лучший друг настаивает, — проговорил я и подписал все необходимые бумаги, которые подготовили адвокаты компании «Темпоральный перенос».

Однако я все-таки принял меры предосторожности. Я скрыл от Мэри, на какое число намечен эксперимент. Если произойдет что-нибудь непредвиденное, незачем ей при этом присутствовать. Она собиралась вскоре отправиться — Мэри всегда это делала раз в год — навестить родителей, которые жили в Ка-

наде. И я решил, что это самое подходящее время для того, чтобы попытаться совершить темпоральный перенос.

— Джон будет готов самое раннее к осени, — сказал я ей и изо всех сил постарался продемонстрировать свое огорчение.

Через три дня после отъезда Мэри все было готово.

Я не нервничал, даже когда Джон предупредил меня:

— Могут возникнуть неприятные ощущения.

— Джон, — пожав плечами, поинтересовался я, — оказавшись в Англии, я смогу делать все, что пожелаю? Я имею в виду, по собственной воле?

— Это еще один вопрос, на который я не могу ответить ничего определенного, — проговорил Джон, — по крайней мере пока ты оттуда не вернешься — что, кстати, произойдет автоматически. Даже если я скоропостижно скончаюсь и выйдут из строя все приборы питания, резонанс вернет тебя назад. В данном случае мы не зависим ни от каких непредвиденных обстоятельств, потому что твое физическое тело остается здесь. Ты понял?

— Я понял. — Джон был уверен, что если ему удастся сделать так, чтобы я не волновался в начальный момент эксперимента, то снизится вероятность мозговой травмы. Он много раз повторял одно и то же, рассчитывая снять напряжение. — Я смогу делать все, что пожелаю? — снова спросил я.

— Не думаю. Только наблюдать.

— А я буду в состоянии повлиять на историю?

— Тогда возникнут парадоксы, именно поэтому путешествия во времени в обычном смысле нереальны. Ты сможешь посмотреть, вернуться назад со своими наблюдениями и изменить историю с этого момента и дальше — и никаких парадоксов не возникнет.

— Ну, лучше, чем ничего, — проворчал я.

— Конечно, — согласился Джон. — Ты слушаешь свою обожаемую оперетту — уже кое-что!

Кое-что — верно, однако недостаточно. Я же не музыкант и не смогу повторить всю партитуру.

Я утешился мыслью о том, что Джон ошибается или, вполне возможно, просто врет. Если бы возможность воздействовать на историю действительно существовала, ему бы никогда не разрешили продолжать эксперименты. Поэтому Джону прихо-

дилось уверенно утверждать, что такой возможности нет, иначе он перестал бы получать деньги на свои исследования.

Привезли мой завтрак, и медсестра, профессионально изображая искреннюю радость, сказала:

— Сегодня вы прекрасно выглядите.

Завтрак был так себе, ничего особенного, но я проголодался, и поэтому горячая овсянка показалась мне вкусной.

Отличный знак, а в голове у меня чей-то голос пропел: «Ну-ну, вот так и устроен мир, и он всегда будет оставаться таким; когда олухи получают высокие титулы, нет места тонкому уму».

Я его узнал. Соло Меркурия в сопровождении хора в первом акте «Теспис». Точнее, я узнал слова. Музыка была для меня новой — но, вне всякого сомнения, принадлежала Салливану.

В десять утра прибыл Джон Сильва.

— Мне позвонили и сказали, что тебе отменили внутривенные инъекции, — сказал он, — и что ты про меня спрашивал. Как ты себя чувствуешь? Выглядишь вполне прилично. — Я заметил беспокойство в его глазах.

— Я тебя звал?

— Постоянно, пока находился в полубессознательном состоянии. Я был здесь вчера, но ты еще не совсем пришел в себя.

— Мне кажется, я это помню, — проговорил я. — Послушай, Джон. — Голос у меня был совсем слабым, но я начал с соло Меркурия. — «О, я небесный труженик. Работаю с утра до поздней ночи. Все исполняю разные поручения...» — и допел до самого конца.

Джон, который молчал все время, что я пел, кивнул.

— Симпатично, — похвалил он.

— Симпатично! Это же «Теспис». Я был на трех спектаклях в Лондоне. Мне даже не пришлось ничего предпринимать, чтобы это получилось. Мое второе «я» — кстати, он биржевой маклер и зовут его Джереми Бентфорд — сделал все по собственной воле. Я даже попытался добыть экземпляр партитуры. Мне удалось убедить Бентфорда забраться в гримерную Салливана утром того дня, когда состоялся третий спектакль. Впрочем, я даже не особенно старался. Он и сам этого страшно хотел; мы с ним ужасно похожи, именно поэтому между нами и произошел резонанс, естественно.

Проблема в том, что его поймали и выставили вон. Бедняга держал партитуру в руках, но у него ее отобрали. Так что ты оказался прав. Мы не можем изменить историю. Зато мы в состоянии воздействовать на будущее, потому что я запомнил все самые важные мелодии и партии «Теспис»...

— О чем это ты, Герб? — спросил Джон.

— Англия! Тысяча восемьсот семьдесят первый! Ради всех святых, Джон. Темпоральный перенос!

— Именно поэтому ты хотел меня видеть? — Джон даже на месте подпрыгнул.

— Да, конечно. Почему ты в этом сомневаешься? О господи, ты же отправил меня в прошлое. Ну, не меня, а мое сознание.

У Джона сделался такой вид, словно ему стало нехорошо. Неужели я сказал какую-то ерунду? Может быть, мой мозг все-таки пострадал? И я говорю совсем не то, что думаю, будто говорю?

— Мы много раз обсуждали темпоральный перенос, да, Герб, — сказал Джон. — Но...

— Но что?

— У нас ничего не получилось. Неужели ты забыл? Мы потерпели неудачу.

Теперь пришла моя очередь изумиться.

— Как это — потерпели неудачу? Ты же послал меня в прошлое!

Джон немного подумал, а потом поднялся на ноги:

— Давай-ка я позову доктора, Герб.

Я попытался схватить его за рукав:

— Ты это сделал! Где же еще я мог услышать музыку «Теспис»? Может, ты решил, что я все это сам придумал? Неужели ты считаешь, что я в состоянии сочинить мелодию, которую несколько минут назад пропел тебе?

Однако он все равно позвонил, вызвал медсестру, а потом ушел. Вскоре появился доктор и принялся долго и скучно меня осматривать.

Почему Джон мне врет? Может быть, у него возникли неприятности с правительством из-за того, что он послал мое сознание в прошлое? Может быть, он собирается спасти свой про-

ект, заставив и меня солгать? Или хочет убедить всех в том, что я спятил?

Неприятная, удручающая мысль. У меня была музыка «Теспис», но мог ли я доказать, что она настоящая? Не проще ли предположить, что это фальшивка? Сумеют ли мне помочь члены Общества Гилберта и Салливана? Ведь наверняка должны быть специалисты, которые сумеют опознать «отпечатки пальцев» — надеюсь, можно так сказать — Салливана. Однако если Джон будет продолжать твердо стоять на своем, никакие доводы не окажутся убедительными.

На следующее утро я проснулся, твердо решив, что буду сражаться. На самом деле я не мог думать ни о чем другом. Я позвонил Джону (точнее, попросил медсестру позвонить ему) и сказал, что мне нужно его увидеть. К сожалению, я забыл напомнить ему, чтобы он принес мою почту, — среди прочего там должны были быть письма от Мэри.

Когда Джон пришел, я объявил, как только он открыл дверь и в проеме возникло его лицо:

— Джон, у меня есть музыка «Теспис». Я ее тебе пропел. Ты утверждаешь, что я лгу?

— Нет, естественно, нет, Герб, — ласково проговорил он. — Я тоже знаю эту музыку.

Я замер, с трудом сглотнул, а потом спросил:

— Как ты мог...

— Послушай, Герб, я все понимаю. Я прекрасно понимаю, что тебе хотелось бы, чтобы это музыкальное произведение исчезло с лица земли. Но оно существует. Тебе придется с этим смириться. Посмотри вот сюда.

Он протянул мне книжку в голубой обложке. Заголовок гласил: «Теспис», слова Уильяма Гилберта, музыка Артура Салливана.

Я открыл книжку и пролистал ее, испытав настоящее потрясение.

— Где ты ее взял?

— В магазине нот рядом с Центром Линкольна. Ее можно купить всюду, где только продаются партитуры Гилберта и Салливана.

Я немного помолчал, потом язвительно произнес:

— Будь так любезен, сделай для меня один телефонный звонок.

— Кому?

— Президенту Общества Гилберта и Салливана.

— Конечно. Только скажи мне телефон и как зовут президента.

— Попроси его навестить, меня. При первой возможности. Это очень важно.

И снова я забыл сказать ему про почту. Нет, сначала «Теспис»!

Саул Рив посетил меня сразу после ланча, его доброе лицо и брюшко показались мне тем элементом надежности, которого мне так не хватало. Я с облегчением вздохнул. Он олицетворял собой Общество, и я был немного удивлен, когда не увидел на нем футболки с надписью «Гилберт и Салливан».

— Я ужасно рад, что тебе удалось выкарабкаться, Герб, — сказал он. — Все члены нашего Общества о тебе беспокоились.

(Выкарабкался? Откуда? Беспокоились по какому поводу? Откуда они узнали про эксперимент с темпоральным переносом? Если им про него известно, почему тогда Джон лжет и утверждает, что никакого эксперимента не было?)

— Что с «Теспис»? — резко спросил я.

— А что может быть с «Теспис»?

— Эта музыка существует?

Бедняга Саул никудышный актер. Ему известно все про Гилберта и Салливана, но если он знает что-нибудь еще, то в таком случае ему удалось обмануть всех окружающих. Изумление на его лице было самым настоящим, самым искренним.

— Конечно существует, — ответил он мне, — однако партия чуть не пропала, если ты это имеешь в виду.

— В каком смысле — чуть не пропала?

— Ты же знаешь эту историю.

— Все равно Расскажи мне ее. Расскажи!

— Ну, Салливан был по-настоящему возмущен тем, как публика принимала его пьесу, и не собирался публиковать партитуру. А потом была совершена попытка ограбления: какой-то биржевой маклер попытался ее украсть; в тот момент, когда его поймали, он держал ее в руках. И тогда Салливан сказал, что раз

она достаточно хороша для того, чтобы ее украсть, значит, ее можно спокойно напечатать. Если бы не тот биржевой маклер, мы бы никогда не услышали эту оперетту. Впрочем, она не особенно популярна. Ее очень редко исполняют. Тебе же это известно.

Я не слышал того, что он говорил потом.

«Если бы не биржевой маклер!»

Я все-таки изменил историю.

Можно ли считать это объяснением? Неужели такое незначительное событие, как публикация партитуры «Теспис», создало иное будущее и я в нем оказался?

Почему так произошло? Разве музыка имеет такое большое значение? А может, она вдохновила кого-то совершить или сказать нечто такое, что в противном случае не было бы сказано или совершено? Или карьера биржевого маклера изменилась в результате его попытки украсть партитуру и это привело к таким переменам?

Следует ли отсюда, что Джон Сильва не разработал технологию темпорального переноса и я навсегда останусь в этом новом для себя мире?

Я был один. Оказалось, я даже не заметил, как Саул ушел.

Я покачал головой. Неужели такое возможно? Неужели положительные результаты в экспериментах с темпоральным переносом стали отрицательными? Джон Сильва не изменился. Саул Рив не изменился. А ведь серьезные перемены должны сопровождаться мелкими.

Я позвонил, вызывая медсестру.

— Вы не могли бы принести мне экземпляр «Таймс»? Сегодняшний, вчерашний, недельной давности... Мне все равно.

Вдруг она придумает причину, по которой оставит меня без газеты? Может быть, вокруг плетется заговор, целью которого является ввести меня в заблуждение, по причинам мне совершенно непонятным?

Она принесла газету без промедления.

Я посмотрел на число. Газета вышла через четыре дня после эксперимента с темпоральным переносом.

Заголовки показались мне самыми обычными: президент Картер... Кризис на Среднем Востоке... Запуск спутников...

Я перелистывал страницу за страницей, пытаясь отыскать несоответствия, которые смог бы распознать. Сенатор Абзуг пред-

ложила законопроект, по которому федеральному правительству надлежит оказать помощь Нью-Йорку, где возникли финансовые трудности.

Сенатор. Абзуг? Разве она не проиграла выборы в 1976 году, когда победил Патрик Мойнихэн?

Я изменил историю. Я спас «Теспис», а сделав это, каким-то образом уничтожил все достижения Джона в области темпорального переноса и помог Белле Абзуг выиграть предварительные выборы от демократической партии.

Что еще? Миллионы мелких перемен, происшедших с миллионами людей, о которых мне и не суждено узнать? Если бы у меня был «Таймс» за этот же день из моего мира и я смог бы сравнить его с этим номером, то наверняка нашел бы самые разные несоответствия.

А если это так, то что стало с моей собственной жизнью?

Я чувствовал себя совершенно таким же, как и прежде. Я помнил свою жизнь такой, какой она была в другом мире, в ином временном измерении. Моя собственная жизнь. В этой у меня могли быть дети. Мой отец, возможно, еще жив. А вдруг я безработный?

И тогда я вспомнил про свою почту и понял, что она мне просто необходима. Я позвонил, чтобы пришла медсестра, и попросил ее снова связаться с Джоном Сильвой. Он должен был принести мне мою почту. У него был ключ к моей квартире. (Так ли это здесь, в этом временном континууме?) В особенности мне нужны были письма от Мэри.

Джон не пришел, а через некоторое время после обеда меня навестил доктор. Он не стал меня осматривать, а с задумчивым видом уселся на стул.

— Мистер Сильва, — заговорил наконец доктор, — рассказал мне, что вам кажется, будто пьеса «Теспис» была утеряна.

Я снова насторожился. Им не удастся запрячь меня в сумасшедший дом.

— Вы поклонник творчества Гилберта и Салливана, доктор?

— Нет, не поклонник, однако я видел несколько оперетт, включая и «Теспис», около года назад. А вы знакомы с этой опереттой?

— Да. — Я кивнул и принялся тихонько напевать соло Меркурия; пожалуй, не стоит говорить ему, что я присутствовал на

спектакле «Теспис» в Лондоне в тысяча восемьсот семьдесят первом году.

— В таком случае вы не считаете, что партитура пропала? — спросил доктор.

— Очевидно, нет, поскольку мне она знакома.

Это его озадачило. Он откашлялся и попытался зайти с другой стороны.

— Мне кажется, мистер Сильва думает, будто вы считаете, что побывали в прошлом...

Я чувствовал себя матадором, который сражается с быком. Мне это почти нравилось.

— Это наша с ним шутка, личная, — пояснил я доктору.

— Шутка?

— Мистер Сильва и я частенько обсуждали путешествия во времени.

— И все же, — продолжал доктор, в голосе которого зазвучало вселенское терпение, — именно по этому поводу вы решили с ним пошутить? Вы заявили ему, что ноты «Теспис» утеряны?

— А почему бы и нет?

— У вас есть какая-нибудь уважительная причина желать, чтобы ее вовсе не существовало на свете?

— Нет, естественно, нет.

Доктор снова задумчиво на меня поглядел:

— Вы сказали, что видели «Теспис». Когда это было?

— Мне трудно вспомнить точно, — пожав плечами, ответил я. — А очень нужно?

— Может быть, год назад, в декабре?

— Именно тогда вы видели оперетту, доктор?

— Да.

— Вполне возможно, что это было в декабре прошлого года.

— День был просто отвратительным, — проговорил доктор. — Когда я ходил на спектакль. Ледяной дождь. Вспоминаете?

Неужели он пытается поймать меня в ловушку? Если я сделаю вид, что вспомнил, окажутся ли его слова полнейшей чепухой?

— Доктор, — сказал я, — понятно, что я не совсем здоров, и не стану делать вид, что припоминаю все до мельчайших подробностей. А что приходит на память вам? — Я перекинул мяч на его сторону поля.

— В тот день в театре свободных мест не было, несмотря на погоду,— проговорил доктор.— Многие пришли на спектакль только потому, что играли «Теспис». Эту пьесу ставят редко, и потому мало кто с ней знаком. Единственная причина, по которой я тоже отправился в театр. Если бы партитура «Теспис» пропала и если бы речь шла о какой-нибудь другой пьесе, я бы и вовсе остался дома. Именно поэтому, придя в сознание, вы скажали мистеру Сильве, что музыки не существует?

— В каком смысле?

— Что в этом случае вы тоже не стали бы выходить на улицу?

— Я вас не понимаю.

— Вы же попали в автомобильную катастрофу, сэр.

— И потому я здесь? Вы это хотите сказать? — Я сердито на него уставился.

— Нет, сэр. Ведь мы говорим о событиях годичной давности. Речь идет о вашей жене.

Когда я услышал его слова, у меня возникло ощущение, что кто-то вонзил острый клинок прямо мне в сердце. Я попытался приподняться, опираясь на локоть, но рядом оказалась медсестра и заставила меня снова опуститься на постель. Я не заметил, когда она вошла.

— Вы помните? — спросил доктор.

Что я должен был помнить? Что могло быть самым худшим?

— Моя жена погибла?

Скажи, что это не так. Пожалуйста, скажи, что я ошибся... Однако доктор немного расслабился, вздохнул и произнес:

— Значит, вы все-таки помните.

Я перестал сражаться. В их истории было одно непонятное мне место.

— В таком случае почему я в больнице? Отвечайте!

— Значит, вы не помните?

— Скажите.

Он собирался заставить меня посмотреть реальности в глаза. Его реальности. Реальности этого временного пути. Я ждал, что он скажет.

— С того самого момента вы находитесь в состоянии депрессии. Вы пытались совершить самоубийство. Мы вас спасли. И постараемся вам помочь,— пообещал он.

Я не шевелился. Молчал. Разве кто-нибудь в состоянии мне помочь?

Мне удалось изменить историю. Но я не могу вернуться назад.

Я получил «Теспис».

И потерял Мэри.

НАШЛИ!

Компьютер-2, как и три других, которые сидели друг у друга на хвосте, гоняя по орбите вокруг Земли, был гораздо больше, чем требовалось.

Будь он и в десять раз меньше в диаметре, его объема вполне хватило бы для складирования всей накопленной и накапливаемой информации, необходимой для слежения за космическими полетами.

Дополнительное пространство, однако, нужно было для того, чтобы, если понадобится, туда могли войти мы с Джо. И нам понадобилось.

Компьютер-2 вполне мог позаботиться о себе сам. В нормальных, разумеется, условиях. Он обладал дублирующей системой. Все задачи он решал параллельно трижды, причем все три программы должны были быть идеально совместимы, а все три результата должны были точно соответствовать друг другу. Если же они в чем-то не сходились, ответ задерживался на несколько наносекунд, пока Компьютер-2 проверял себя, находил неисправный блок и заменял его.

Обыкновенные люди никогда не знали наверняка, сколько раз он ловил себя. Возможно, ни разу. А может, и по два раза за день. Задержку, вызванную ошибкой, мог изменить лишь Центральный Компьютер, и лишь Центральный Компьютер знал, сколько блоков пошло на замену. Но Центральный Компьютер никогда об этом не распространялся. Ведь единственная достойная репутация — это безупречность.

А Компьютер-2 действительно был безупречен. До сих пор нас с Джо ни разу к нему не вызвали.

Мы с Джо — аварийные наладчики. Мы появляемся там, где случается настоящая беда, когда Компьютер-2 или какой-то другой не в состоянии сам себя скорректировать. За те пять лет, что мы занимаемся этим делом, такого еще не случалось. Такое иногда случалось в прежние времена, но это было еще до нас.

Мы — практики. Не поймите меня неправильно. Не найдется компьютера, которому мы с Джо не могли бы поставить диагноз. Назовите нам ошибку, и мы назовем вам причину неисправности. Во всяком случае, Джо назовет. Я не из тех, кто сам себя хвалит. Факты говорят сами за себя.

И все же на этот раз ни один из нас не сумел поставить правильный диагноз.

Прежде всего на Компьютере-2 резко упало внутреннее давление — факт, безусловно, не беспрецедентный, и это, безусловно, не фатально. В конце концов, Компьютер-2 может работать и в условиях вакуума. В былые времена, когда предполагалось, что Компьютер-2 постоянно будут сопровождать наладчики, на нем была создана внутренняя атмосфера. И она так и поддерживалась по традиции. Кто это сказал, будто ученые не скованы цепями традиций? В свободное от ученых занятий время они ведь тоже люди.

Судя по степени снижения давления, сделали вывод, что в Компьютер-2 угодило метеорное тело размером с кусочек гравия. О его точном радиусе, массе и энергии сообщил сам Компьютер-2, взяв в качестве расчетных данных скорость падения давления и ряд других отклонений.

Более того, пробоина так и осталась незаделанной, а атмосфера — невозстановленной. После чего Компьютер-2 стал лепить ошибку за ошибкой, и тут уже пригласили нас.

Ситуация казалась совершенно необъяснимой. Простецкое лицо Джо исказилось страдальческим выражением, и он сказал:

- Да тут, наверное, наберется целая дюжина неполадок.
- Вполне вероятно, этот кусок гравия срикошетил, — заметил кто-то из находившихся на Центральном Компьютере.
- При такой энергии на входе он бы прошел насквозь, — возразил Джо. — Никаких рикошетов. Даже при рикошетах, я полагаю, компьютер получил бы несколько малоприятных ударов.

— Ну и что же нам теперь делать?

Вид у Джо был явно обеспокоенный. Наверное, именно в тот момент до него дошло, что нам предстоит. Вопрос не оставлял сомнений в том, что наладчики должны явиться на место происшествия, а Джо никогда еще не бывал в космосе. Он говорил мне $2x$ раз — причем этот x представляет собой довольно большое число, — что согласился на эту работу лишь потому, что ему никогда не придется летать в космос.

Поэтому я ответила за него:

— Придется нам подниматься.

Единственным выходом для Джо было бы заявить, что вряд ли он справится с работой, и мне представилась возможность понаблюдать, как гордость в нем постепенно выступает вперед, опережая малодушие. Не так уж и много, вы понимаете, — скажем, всего лишь на нос. Хочу напомнить тем, кто не бывал на космических кораблях последние пятнадцать лет (думаю, Джо здесь не исключение), что единственная неприятная штука — это начальное ускорение. Его, разумеется, не избежать.

Зато потом — сущие пустяки, если не считать возможной скуки. Вы превращаетесь в обыкновенного зрителя. Космический корабль полностью автоматизирован и компьютеризирован. Романтические времена пилотируемых космических полетов навсегда ушли в прошлое. Мне представляется, они возвратятся на время, когда наши космические поселения начнут перемещаться к астероидному поясу, — о чем постоянно твердят, — да и то лишь до тех пор, пока на орбите не появятся дополнительные компьютеры, чтобы обеспечить необходимые добавочные вычислительные мощности.

Во время ускорения Джо затаил дыхание — во всяком случае, так казалось. (Должна признаться, я и сама чувствовала себя не особенно уютно. Это был лишь мой третий космический полет. Я пару раз летала с мужем в отпуск в поселение Роу, вот и весь мой опыт.) Потом Джо немного полегчало, но только на время. Вскоре он снова помрачнел.

— Надеюсь, эта штукавина хоть знает, куда летит, — раздраженно произнес он.

Я протянула руки ладонями вверх и почувствовала, как мой корпус слегка откатнулся в поле нулевой гравитации.

— Ты же специалист по компьютерам,— сказала я.— Разве ты сам не знаешь, что он знает?

— Разумеется, но ведь Компьютер-два вышел из строя.

— Не он же нас ведет,— объяснила я.— Есть три других. Даже если бы работал всего один, он запросто обеспечил бы все космические полеты, предпринимаемые в обычный день.

— Могут выйти из строя все четыре. Если Компьютер-два ошибается, почему его примеру не могут последовать другие?

— Тогда мы перейдем на ручное управление.

— Я полагаю, этим будешь заниматься ты. Ты ведь знаешь, как с ним управляться,— или нет?

— Да уж придется.

— Помилуй бог,— простонал он.

На самом же деле полет проходил нормально. Мы благополучно неслись к Компьютеру-2, и не прошло и двух суток после взлета, как нас поставили на орбитальную парковку метрах в десяти за ним.

Не все, однако, шло столь гладко. Примерно через двадцать часов после взлета мы получили сообщение с Земли, что и на Компьютере-3 тоже падает внутреннее давление. То, что поразило Компьютер-2, собиралось поразить и остальные, а когда все четыре компьютера выйдут из строя, космические полеты прекратятся. Их, разумеется, можно было бы перевести на ручное управление, но на это уйдет по меньшей мере несколько месяцев, если не лет, не говоря уже о том, что это грозит серьезными экономическими катастрофами на Земле. Самое же страшное заключалось в том, что несколько тысяч человек, находящихся в космосе, наверняка погибнут.

Думать об этом было невыносимо, и ни я, ни Джо об этом не говорили, но настроение у Джо несколько не улучшалось, и, что греха таить, у меня тоже.

Земля висела за двести тысяч километров под нами, только Джо волновало не это. Он был занят своим крепежным тросом и реактивным пистолетом. Он хотел быть уверен, что доберется до Компьютера-2 и потом благополучно вернется на корабль.

Вы бы удивились, если никогда этого не пробовали, до чего трудно передвигаться в открытом космосе. Не сказала бы, что нам это далось так уж просто, и половину топлива мы израсхо-

довали впустую, пока наконец-то не добрались до Компьютера-2. Мы едва не ударились, причаливая к нему. (Разумеется, звук удара слышен даже в вакууме, поскольку вибрация распространяется по металлоидной ткани скафандра, но удара почти не было — так, какой-то шелест.)

Понятное дело, наше столкновение с Компьютером-2 и сообщенный нами импульс слегка изменили его орбиту, зато мы почти не израсходовали топлива, так что особенно не переживали. Орбиту исправил Компьютер-2, ибо, насколько мы могли судить, с ним не произошло ничего такого, что как-то отразилось бы на его внешней деятельности.

Естественно, прежде всего мы осмотрели все снаружи. Была исключительно велика вероятность того, что небольшой кусочек гравия прошел Компьютер-2 насквозь и оставил дырочку. Скорее всего, даже две дырочки — одну на входе, а другую на выходе.

Вероятность подобного происшествия — одна двухмиллионная на любой данный день, то есть это может иметь место раз в шесть тысяч лет. Маловероятно, как понимаете, но все же возможно. Вероятность же того, что в какой-то день в него может угодить метеорное тело, достаточно большое, чтобы его разрушить, вообще ничтожно мала.

Я не упомянула об этом, чтобы Джо, чего доброго, не подумал, что и нам грозит подобная опасность. Право же, такой удар нанес бы гораздо больший ущерб нашим мягким и нежным телам, нежели стойкой и крепкой машине, и мне не хотелось, чтобы Джо еще больше нервничал.

Однако это оказалось не метеорное тело.

— Что это? — спросил наконец Джо.

На корпусе Компьютера-2 торчал небольшой цилиндр — первая аномалия, которую мы обнаружили в его внешнем виде. Цилиндр примерно полсантиметра в диаметре и сантиметров шесть в длину. Ни дать ни взять сигарета — сравнение, понятное любому, кто еще не избавился от архаической привычки курить.

Мы вытащили свои фонарики.

— Эта шутовина — явно не внешний компонент, — сказала я.

— Разумеется, — буркнул Джо.

Вдоль цилиндрика, от одного конца до другого, бежал едва заметный спиральный след. Ничего больше. Что касается остального, он был явно металлический, но какой-то странной зернистой текстуры — по крайней мере, на глаз.

— Сидит он неплотно, — сказал Джо и слегка коснулся цилиндрика толстым пальцем в рукавице. Тот поддался, отлепилсЯ от поверхности Компьютера-2, и наши фонарики высветили отверстие.

— Вот почему давление внутри упало до нуля, — заметила я.

Джо что-то буркнул, надавил посильнее, и цилиндрик отскочил совсем и поплыл, но мы его почти тут же поймали. На корпусе Компьютера-2 зияла совершенно круглая дырочка с полсантиметра в диаметре.

Джо сказал:

— Эта штуковина, чем бы она ни была, всего лишь фольга.

Цилиндрик легко уступал под его пальцами, его стенки были тонкими, но пружинистыми. Джо надавил посильнее, и на цилиндрике появилась вмятина. Джо положил его в карман, который застегнул на молнию.

— Обойди вокруг и посмотри, нет ли на корпусе еще чего-нибудь такого, — бросил он. — Я зайду внутрь.

С этим заданием я справилась быстро, затем тоже вошла внутрь.

— Корпус чист, — доложила я. — Эта штуковина — единственная. И дырочка единственная.

— Достаточно одной, — мрачно произнес Джо.

Он посмотрел на гладкую алюминиевую стену, где в свете фонарика четко обрисовывался черный кружочек.

Залатать отверстие не представляло особого труда. Несколько труднее оказалось восстановить атмосферу. Запас газообразующих веществ на Компьютере-2 был невелик, и блоки управления требовали ручной настройки. Солнечная батарея барахлила, но нам удалось включить свет.

Наконец мы сняли рукавицы и шлемы, но Джо осторожно положил рукавицы в шлем и надежно прикрепил все к одному из колец на скафандре.

— Надо держать их под рукой, а то вдруг давление снова станет падать, — кисло заметил он.

Я последовала его примеру.

На стене рядом с отверстием была какая-то отметина. Я обратила на нее внимание еще при свете фонарика, когда заделывала отверстие. Теперь, при свете ламп, ее стало отчетливо видно.

— Ты видишь, Джо? — спросила я.

— А как же.

На поверхности стенки была узкая вмятина, в общем-то, не очень заметная, однако стоило провести по ней пальцем, как все сомнения рассеивались. Ее можно было разглядеть чуть ли не с метрового расстояния. Как будто кто-то соскреб очень тонкий слой металла на пробу и поверхность стала явно не такой гладкой, как в любом другом месте.

— Пожалуй, нам лучше позвонить вниз, на Центральный Компьютер, — предложила я.

— Если ты имеешь в виду — на Землю, то так и скажи, — окрылся Джо. — Ненавижу это фальшивое космическое сюсюканье. И вообще мне ненавистно все, что связано с космосом. Вот почему я и выбрал работу на родине — я хочу сказать, на Земле, — по крайней мере, до сих пор я так считал.

— Нам следует связаться с Центральным Компьютером на Земле, — терпеливо поправилась я.

— Для чего?

— Чтобы сообщить, что мы нашли неполадку.

— О-о?! И что же мы нашли?

— Дырочку. Помнишь?

— Представь себе, помню. И откуда же она взялась? Во всяком случае, не от метеорного тела. Сроду еще не видел, чтобы после него оставалось совершенно круглое отверстие без каких-либо следов прогиба или оплавления. Как не видел, чтобы после него оставался цилиндрок. — Он вытащил цилиндрок из кармана на скафандре и задумчиво разгладил вмятину на тонком металле. — Ну так откуда же взялась дырочка?

— Не знаю, — призналась я без колебаний.

— Если мы свяжемся с Центральным Компьютером, нам зададут тот же самый вопрос, а мы ответим, что не знаем, ну и чего мы этим добьемся, кроме бесплодного разбирательства?

— Если мы не выйдем на связь с ними, Джо, они сами свяжутся с нами.

— Ну конечно. А мы им не ответим, правда?

— Тогда они решат, что мы от чего-то погибли, Джо, и пошлют вверх спасательную команду.

— Ты же знаешь, какие они там, на Центральном Компьютере. Им понадобится два дня, чтобы решиться на это. К тому времени мы уже что-нибудь выясним, а уж тогда сами свяжемся с ними.

Внутреннее устройство Компьютера-2 не было рассчитано на проживание там людей. Зато оно предусматривало временное присутствие аварийных наладчиков. Это означает, что там должно было быть пространство для маневрирования, а также инструменты и запас продовольствия.

Кресел там, правда, не оказалось. Как не оказалось и гравитационного поля или хотя бы его центробежной имитации.

Мы оба плавали в воздухе, медленно дрейфуя туда и сюда. Иногда кто-то из нас касался стены и слегка отскакивал от нее. Или один сильно задевал другого.

— Не суй мне ногу в рот,— сказал Джо и с силой оттолкнул мою ногу.

И совершил ошибку, потому что мы оба завертелись волчком. Разумеется, нам так не казалось. Казалось, вращается интерьер Компьютера-2, что было неприятней всего, и нам понадобилось какое-то время, чтобы снова обрести относительный покой. Теоретически-то мы здорово поднатаскались во время наземной подготовки, но нам не доставало практики. Очень не доставало.

Когда мы более или менее обрели покой, я ощутила неприятный приступ тошноты. Можете называть это тошнотой, или астротошнотой, или космической болезнью, но, как бы вы ее ни называли, это была самая настоящая рвота, а в космосе это хуже, чем где-либо еще, потому что содержимое вашего желудка не опускается вниз. Оно плавает вокруг вас в виде облака из шаровидных частиц, а вам жуть как не хочется плавать вместе с ним. Поэтому мне пришлось сдержаться, сдержался и Джо.

Я сказала:

— Джо, тут явно сломался компьютер. Давай заглянем внутрь его.

Что угодно, только бы отвлечь мысли от *моих* внутренностей и дать им успокоиться. К тому же дела у нас шли недостаточно быстро. Я никак не могла перестать думать о Компьютере-3,

дни которого, а может, уже и Компьютеров-1 и 4, сочтены, и о тысячах людей, находящихся в космосе,— ведь их жизнь зависит теперь от того, что делаем мы с Джо.

Джо тоже слегка позеленел, но тем не менее сказал:

— Сначала мне надо подумать. Что-то проникло внутрь компьютера. Явно не метеорное тело, потому как, что бы это ни было, оно прогрызло аккуратную дырочку в корпусе. Ее ведь не вырезали, поскольку кружочка металла я нигде внутри не нашел. А ты?

— Нет. Но я даже и не подумала о том, чтобы поискать.

— Зато я искал, и здесь его нигде нет.

— Он ведь мог вывалиться и наружу.

— Это когда цилиндр закрывал отверстие, пока я его не оторвал? Весьма вероятно. Ты видела, чтобы что-нибудь вылетело?

— Нет.

Джо продолжал:

— Мы еще можем, разумеется, обнаружить его здесь, только я в этом сильно сомневаюсь. Кружочек этот каким-то образом растворился, и что-то проникло внутрь.

— Что значит «что-то»? Откуда оно?

Улыбка у Джо вышла на удивление злая.

— Тебе непременно надо задавать вопросы, на которые нет ответа? Будь это в прошлом веке, я бы сказал, что русские каким-то образом приклеили этот приборчик на корпус Компьютера-два с внешней стороны — только, пожалуйста, без обид. А ты бы сказала, будь это в прошлом веке, что тут не обошлось без американцев.

Я решила обидеться и сухо, с преувеличенным русским акцентом сказала:

— Нам же нужно что-то такое, что имеет смысл в нашем веке, ничтожество.

— Остается предположить, что появилась какая-то группа диссидентов.

— Тогда,— продолжала я,— следует допустить, что они имеют возможность летать в космос и настолько изобретательны, что могут придумать такой необычный прибор.

— Космический полет,— ответил Джо,— не представляет никаких проблем, достаточно нелегально подключиться к орби-

тальным компьютерам, что уже не раз делалось. Ну а что касается цилиндрика, тут, вероятно, будет больше смысла, когда на Земле — внизу, как сказали бы вы, космофилы, — сделают его анализ.

— И все равно это бессмысленно, — возразила я. — Зачем выводить из строя Компьютер-два?

— Возможно, это лишь часть программы, имеющей целью покончить с космическими полетами.

— Тогда страдают все. В том числе и диссиденты.

— Но это же привлекает к себе всеобщее внимание, разве нет? И о вас вдруг везде говорят, что бы вы там ни сделали. Либо же план заключается в том, чтобы всего-навсего вырубить Компьютер-два, а затем угрожать вырубить остальные три. Реального ущерба никакого, зато потенциальный — огромный, и страшная шумиха.

Он тщательно обследовал все части интерьера, медленно осматривая квадратный сантиметр за квадратным сантиметром.

— Я бы рискнул сказать, что эта штукавина придумана не человеком.

— Не болтай глупостей.

— Хочешь, чтобы я все обосновал? Цилиндрик коснулся корпуса и приклеился к нему, после чего нечто, находившееся внутри его, выело кусочек металла и проникло в Компьютер-два. Оно сползло по внутренней стенке, съев по какой-то причине тонкий слой металла. Это похоже на что-нибудь, созданное человеком?

— Мне такое неизвестно, но я ведь знаю далеко не все. Даже ты не все знаешь.

Джо пропустил мою колкость мимо ушей.

— Вопрос, стало быть, в том, как оно — что бы это ни было — проникло в компьютер, несмотря на то что он хорошо герметизирован. Причем сделало это настолько быстро, что почти сразу же лишило компьютер способности повторной герметизации и регенерации воздуха.

— А это не то, что ты ищешь? — указала я.

Он хотел было резко остановиться, но перевернулся назад и крикнул:

— Именно то!

В возбуждении он замолотил руками и ногами, что, разумеется, ничего не дало. Я схватила его, и какое-то время мы оба

пытались совершать толчки в нескоординированных направлениях, но это тоже оказалось безрезультатно. Джо принялся обзывать меня всякими словами, но я не осталась в долгу, причем здесь у меня было преимущество. Я в совершенстве владею английским, пожалуй, лучше самого Джо, тогда как его знание русского, мягко говоря, фрагментарно. Ругательства же на языке, которого не понимаешь, всегда производят больший эффект.

— Вот оно,— сказал Джо, когда мы наконец разъединились.

Джо смахнул в сторону цилиндрик, и там, где экранирующая обшивка компьютера смыкалась со стенкой, появилась небольшая круглая дырочка. Цилиндрик был точно такой же, как и на внешнем корпусе, только тоньше. Когда Джо к нему прикоснулся, он рассыпался.

— Пожалуй, нам лучше влезть внутрь компьютера,— сказал Джо.

В компьютере царил разгром. Я вовсе не хочу сказать, будто он напоминал деревянную балку, изъеденную термитами. Собственно говоря, окинув его небрежным взглядом, вы могли бы поклясться, что он цел-целехонек.

Стоило, однако, приглядеться повнимательней, как обнаружилось, что некоторые части куда-то пропали. И чем внимательнее мы вглядывались, тем лучше понимали, насколько велико разорение. Хуже всего было то, что от запчастей и материалов, которыми Компьютер-2 пользовался при саморемонте, почти ничего не осталось. Мы смотрели и смотрели, обнаруживая недостачу то одного, то другого.

Джо вытащил цилиндрик из кармана и покрутил его в руках.

— Я подозреваю,— заговорил он,— что это почти чистый кремний. Разумеется, утверждать с полной уверенностью я не могу, но думаю, что боковая поверхность здесь в основном из алюминия, а торец из кремния.

— Ты хочешь сказать,— спросила я,— что эта штукавина — солнечная батарея?

— Частично — да. Именно так она получает энергию в космосе — энергию, чтобы добраться до Компьютера-два, энергию, чтобы проесть в нем дырку, чтобы... чтобы... не знаю, как еще выразиться. Энергию, чтобы оставаться живой.

— Ты называешь ее живой?

— А почему бы и нет? Вот послушай. Компьютер-два может сам себя ремонтировать. Он может оторгнуть негодные блоки

оборудования и заменить их работоспособными, но ему непременно нужен запас блоков, с которыми он мог бы работать. Имей он достаточно всевозможных запчастей, он мог бы построить подобный себе компьютер, если его запрограммировать на это. Но без этого запаса он не может обойтись, поэтому мы не считаем его живым. Объект же, который проник в Компьютер-два, определенно сам снабжает себя всем необходимым. Он подозрительно жизнеспособен.

— Ты хочешь сказать, мы имеет дело с микрокомпьютером настолько высокоразвитым, что его можно считать живым?

— Я не знаю, что я хочу сказать.

— Кто ж мог сделать такую штуковину?

— Сделать?

И тут я обнаружила что-то еще. «Что-то» было похоже на обрубленную авторучку, плавающую в воздухе. Я увидела это всего лишь краешком глаза, и оно отпечаталось в моем сознании как ручка.

При нулевой гравитации вещи выплывают из карманов и медленно удаляются. Если только пространство физически не ограничено, невозможно ничего удержать на месте. Естественно, вы ожидаете, что ручки, монеты и любые другие предметы, которые вырвутся на свободу, будут плыть туда, куда увлекут их воздушные потоки и инерция.

И вот мой разум зарегистрировал: «ручка», я рассеянно потянулась за ней, и, конечно же, пальцы мои на ней не сомкнулись. Стоит только потянуться за чем-нибудь, как сразу же возникает воздушный поток, который этот же предмет и отталкивает. Сначала нужно завести за него одну руку, а уж потом осторожно тянуться за ним другой. Схватить какой-нибудь небольшой предмет в воздухе — это операция, требующая участия обеих рук.

Я повернулась, чтобы посмотреть на этот предмет и уделить побольше внимания его возвращению на место, когда до меня дошло, что моя ручка в полной безопасности в своем кармашке. Я ее нащупала — она была на месте.

— Ты не потерял ручку, Джо? — окликнула я.

— Нет.

— А что-нибудь подобное? Ключ? Сигарету?

— Я же не курю. Ты это знаешь.

Глупый ответ.

— Но хоть что-нибудь? — раздраженно спросила я. — Мне тут уже мерещится всякое.

— А никто никогда и не говорил, что у тебя устойчивая психика.

— Смотри, Джо. Вон. Вон там.

Он метнулся за этим. Мне бы следовало сказать ему, что у него ничего не выйдет.

От суматохи, которую мы подняли в компьютере, эти штуковины тоже пришли в беспорядочное движение. Мы видели их везде, куда бы ни посмотрели. Они плавали в воздушных потоках.

Наконец я остановила одну. Или, скорее, она сама остановилась, потому как оказалась на локте скафандра Джо. Я отдернула ее и вскрикнула. Джо в ужасе подпрыгнул и чуть не выбил ее у меня из рук.

— Смотри! — сказала я.

На скафандре Джо появился блестящий кружочек — в том месте, где я оторвала эту штуковину. Она уже собиралась прокладывать себе путь, проедавая ткань.

— Дай-ка ее сюда, — сказал Джо.

Он осторожно взял ее у меня и приложил к стене, чтобы ударить на месте. Затем, сняв тонкий, как бумага, слой металла, осторожно развернул ее.

Внутри оказалось что-то, очень напоминающее столбик сигаретного пепла. На него упал свет, и оно заблестело, как аморфный металл.

Была в нем и какая-то влага. Штуковина медленно корчилась, один ее конец, казалось, чего-то слепо ищет.

Этот конец соприкоснулся со стенкой и прилип к ней. Джо отбросил штуковину от стенки пальцем. Для этого оказалось достаточно незначительного усилия. Джо потерял этот палец о большой и заметил:

— Похоже на масло.

Металлический червь — не знаю, как еще его назвать, — после прикосновения Джо совершенно обмяк и больше уже не двигался.

Я вся корчилась и извивалась, стараясь оглядеть себя.

— Джо, — попросила я, — ради бога, нет ли одного из них где-нибудь на мне?

— Не вижу ни одного, — ответил он.

— Ну же, посмотри на меня. Ты должен следить за мной, Джо, а я буду следить за тобой. Если наши скафандры испортятся, мы не сможем вернуться на корабль.

— Тогда давай двигаться, — сказал Джо.

Жуткое это чувство — оказаться в окружении голодных металлических червей, грозящих продырявить твой скафандр в любом месте, где бы они к нему ни прикоснулись. Увидев какого-нибудь из них, мы старались поймать его и одновременно убраться с его пути, что было почти невозможно. Один, довольно длинный, подплыл к моей ноге, и я его пнула; глупо, конечно, ведь попади я в него, он мог бы и приклеится. А так воздушный поток, который я вызвала, подогнал его к стене, где он и остался.

Джо потянулся за ним — только чересчур поспешно. Его тело отскочило назад, он сделал сальто, нога в ботинке слегка стукнулась о стену рядом с цилиндром. Когда Джо наконец выпрямился, цилиндр все еще был там.

— Я его не раздавил?

— Нет, — сказала я. — Промахнулся примерно на дециметр. Он не уйдет.

Я подставила руки с двух сторон. Он был в два раза длиннее того, что мы нашли перед этим. По сути, он напоминал два цилиндрика, соединенных торцами, с перехватом в месте соединения.

— Акт размножения, — заметил Джо, содрав металлическую оболочку. На этот раз внутри оказался столбик пыли. Два столбика. По одному с каждой стороны от перехвата.

— Убить их довольно просто, — сказал Джо. Ему явно было легко. — Я думаю, нам ничто не грозит.

— Они и впрямь кажутся живыми, — неохотно признала я.

— И не просто живыми. Они вирусы — или нечто эквивалентное вирусам.

— Ты что имеешь в виду?

— Пусть я техник-компьютерщик, а не вирусолог, — заговорил Джо, — но, насколько я понимаю, вирусы на Земле, или внизу, как сказала бы ты, состоят из молекулы нуклеиновой кислоты в протеиновой оболочке. Вторгаясь в какую-нибудь клетку, вирус, применив соответствующий фермент, продырявливает стенку клетки, или мембрану, и нуклеиновая кислота про-

никает внутрь, оставляя протеиновую оболочку снаружи. Материал для новой протеиновой оболочки для себя он находит внутри клетки. Фактически он умудряется воспроизвести себе подобных и производит новую протеиновую оболочку для каждой копии. Как только он лишит клетку всего, что в ней было, клетка распадается, а вместо одного интервента-вируса появляются несколько сотен дочерних вирусов. Знакомая картина?

— Да. Весьма. Именно это и происходит здесь. Но откуда он взялся, Джо?

— Очевидно, не с Земли и не с земной колонии в космосе. Я полагаю, откуда-то еще. Они плавают в космосе, пока не обнаруживают подходящую среду для размножения. Они выискивают крупные металлические конструкции. Вряд ли они могут расплавлять руды.

— Но ведь крупные объекты из металла с компонентами из чистого кремния и некоторыми другими аппетитными штучками — это продукты лишь разумной жизни,— заметила я.

— Совершенно верно,— согласился Джо.— Значит, мы имеем превосходнейшее подтверждение того, что разумная жизнь распространена во Вселенной, и объекты, подобные тому, на котором мы сейчас находимся, получили широкое распространение, иначе было бы невозможно поддерживать существование этих вирусов. Это также означает, что разумная жизнь стара, возможно, ей десять миллиардов лет,— достаточно стара, чтобы в результате своего рода металлической эволюции появилась металл-кремниево-масляная жизнь, точно так же, как в свое время зародилась в воде нуклеино-протеиновая жизнь. И вот на артефактах космического века эволюционировал паразит.

— По-твоему,— сказала я,— каждый раз, когда какая-нибудь форма разумной жизни развивает космическую культуру, последняя вскоре подвергается паразитической инвазии.

— Совершенно верно. И это надо держать под контролем. К счастью, эти существа легко убить, особенно теперь, когда они еще только формируются. Позже, когда они будут готовы покинуть Компьютер-два, я полагаю, они вырастут, их оболочки станут толще, а внутренняя организация устойчивей, и после этого они будут способны, как споры, дрейфовать миллион лет, прежде чем отыщут себе новый дом. Тогда, вероятно, с ними уже будет не так-то легко справиться.

— А как ты собираешься их убивать?

— А я уже убил. Того первого, когда он инстинктивно выискивал металл, чтобы начать вырабатывать новую оболочку, поскольку я сорвал с него старую. Я просто коснулся пальцем, и это прикосновение его прикончило. Второго я даже не касался, а ударил по стене рядом с ним, и от звуковых вибраций в металле его внутренности рассыпались в металлическую пыль. Так что до нас им не добраться — да и до остальной части компьютера тоже, — если мы их как следует встряхнем.

Дальше не нужно было объяснять, во всяком случае столь пространно. Джо не спеша надел рукавицы и стукнул одной рукой по стене. Удар отбросил его назад, и он пнул стену ногой там, где в следующий раз приблизился к ней.

— Делай то же самое! — крикнул он.

Я повиновалась, и какое-то время мы оба этим занимались. Вы не представляете, как трудно ударить по стене при нулевой гравитации, причем ударить достаточно сильно, чтобы стена зазвенела. Добрую половину раз мы просто промахивались или наносили бесполезные скользящие удары, от которых лишь кружились волчком. Скоро мы уже задыхались от злости и усталости, но постепенно приспособились.

Мы продолжали заниматься этим делом и вскоре подобрали еще несколько вирусов. В каждом из них внутри была только пыль. Они определенно адаптировались к пустым автоматизированным космическим объектам, избавленным, наподобие современных компьютеров, от вибрации. Это-то, я полагаю, и сделало возможным появление исключительно хрупких сложных металлических образований, которые не обладали достаточной устойчивостью и были наделены свойствами простейших существ.

— Ты думаешь, мы поубивали всех? — спросила я.

— Откуда я знаю? Если остался хоть один, он сожрет других и начнет все сначала. Давай еще постучим.

И мы снова принялись за работу, пока не вымотались до такой степени, что нам уже было все равно, остался хоть один из них в живых или нет.

— Разумеется, — заметила я, переводя дыхание, — Планетарная ассоциация развития науки останется недовольна тем, что мы убили их всех.

Предложение Джо, куда может катиться ПАРН, было весьма сильно, но невыполнимо. Потом он сказал:

— Послушай, наша задача — спасти Компьютер-два, несколько тысяч жизней и, как оказывается, собственные жизни тоже. А теперь пусть сами решают, восстанавливать этот компьютер или построить его заново. Это их детище. ПАРН может кое-что узнать и по мертвым образцам, а это тоже немало. А нужны живые — так я подозреваю, они могут найти их плавающими в космосе в этих краях.

— Ну что ж, — согласилась я. — Предлагаю сообщить на Центральный Компьютер, что мы кое-как подлатаем этот компьютер — пусть выполняет хоть какую-то работу — и останемся, чтобы воспрепятствовать повторной инвазии, пока наверх не пришлют команду для капитального ремонта, или как они там решат. А тем временем им лучше побывать на других компьютерах и установить на них какую-нибудь систему, которая вызывала бы сильную вибрацию, как только начнется падение внутреннего давления.

— Довольно просто, — язвительно заметил Джо.

— Нам повезло, что мы нашли их вовремя.

— Постой-постой, — сказал Джо, и в его глазах промелькнуло выражение сильной тревоги. — Не мы их нашли. Это *они* нашли *нас*. Если возникла металлическая жизнь, неужели ты думаешь, что она проявляется только в этой форме? А что, если формы подобной жизни каким-то образом сообщаются друг с другом и в бескрайних космических просторах другие сейчас устремились сюда, чтобы пожить? Другие виды — и всем им подавай роскошный новый корм еще нетронутой космической культуры. Другие виды! Одни достаточно крепкие, чтобы выдерживать вибрацию. Другие достаточно развитые, чтобы живее реагировать на опасность. Третьи достаточно оснащенные, чтобы вторгнуться в наши поселения на орбите. Четвертые, Юнивак* помилуй, могут оказаться способными вторгнуться на Землю — ведь там столько металла в городах! Вот это я и сообщу, просто обязан сообщить: нас нашли!

---

* Юнивак — торговая марка универсального компьютера.

НИЧТО НЕ ДАЕТСЯ ДАРОМ

Дело происходило на Земле.

И не то чтобы существа со звездолета думали об этом небесном теле как о Земле. Для них это был лишь набор символов в бортовом компьютере; третья планета звезды, расположенной в определенном месте на пути от их родной планеты к «черной дыре», отмечающей центр Галактики и перемещающейся с определенной скоростью.

Время действия: примерно за пятнадцать тысячелетий до Рождества Христова.

И не то чтобы существа со звездолета считали время именно таким способом. Для них это был промежуток времени, определенный в соответствии с их системой летоисчисления.

— Пустое занятие! — раздраженно бросил капитан. — Планета представляет собой сплошной ледник. Пора улетать.

Но исследователь хладнокровно возразил:

— Нет, капитан. — И этого было более чем достаточно.

Пока звездолет находился в космосе или гиперпространстве, слово капитана было законом, но как только они выходили на орбиту какой-нибудь планеты, решение оставалось за исследователем. Он знал чужие миры! Это было его специальностью.

К тому же положение данного исследователя было очень прочным. Он обладал удивительным чутьем на выгодную торговлю. Именно благодаря его талантам экипаж звездолета получил три «Награды за Выдающиеся Достижения» — по одной за каждый из трех последних полетов! Три из трех!

Поэтому, когда исследователь сказал «нет», капитан и помыслить не мог о том, чтобы сказать «да». И даже если бы он ре-

шился на это, команда почти наверняка взбунтовалась бы. Для капитана «Награда за Выдающиеся Достижения» — всего лишь блистающий диск, который можно повесить в кают-компании, а для команды — весьма существенная прибавка к жалованью, увеличение отпуска и пенсии. А этот исследователь сумел добыть их для команды трижды. Три раза из трех.

— Ни один из необычных миров нельзя оставлять неисследованным, — заявил исследователь.

— А что необычного в этом мире? — поинтересовался капитан.

— Предварительные пробы показывают, что на находящейся внизу замерзшей планете существует разумная жизнь.

— Ну, насколько мне известно, такие случаи бывали и раньше.

— Не видно никакой системы, — несколько смущенно сказал исследователь. — Я не знаю почему, но мне никак не удастся увидеть логики в развитии жизни на этой планете. Мы должны изучить ее более тщательно.

На этом, естественно, все споры и закончились. В Галактике существовало по меньшей мере полтриллиона Планетарных миров, если считать лишь те, что непосредственно связаны со звездами. А если добавить сюда множество миров, которые перемещаются по Галактике независимо, то это огромное число увеличивалось еще в десять раз.

Даже при помощи компьютера невозможно классифицировать все эти миры, но у опытного исследователя, не имевшего в жизни никаких других интересов, постоянно изучающего новые и новые отчеты об экспедициях, делающего статистические расчеты даже во сне, иногда возникает мистическая интуиция.

— Следует послать зонды по полной программе, — сказал исследователь.

Капитан даже не попытался скрыть свое негодование. Полная программа означала неторопливое изучение планеты в течение нескольких недель, а стоили подобные операции просто немыслимо.

И он попытался возразить:

— Неужели это необходимо?

— Думаю, да, — спокойно сказал исследователь, хорошо знающий, что любое его желание — закон для команды.

Зонды доставляли на звездолет множество разных предметов — ничего интересного, как капитан и предполагал. Разумные существа напоминали своих дальних родственников в пятом рукаве Галактики — что было довольно необычно, но могло представлять интерес лишь для узких специалистов.

Так или иначе, но местные разумные существа находились на первом уровне технологического развития — пройдут многие тысячелетия, прежде чем здесь можно будет найти хоть что-нибудь полезное.

Так капитан и сказал, не в силах сдержать свое недовольство, но исследователь, просматривая отчеты, не обратил на слова капитана ни малейшего внимания.

— Странно, — пробормотал он и призвал к себе торговца.

Это было уже слишком. Преуспевающий капитан никогда не станет ссориться со своим исследователем, но существует предел всякому терпению.

И капитан сказал, стараясь говорить вежливо и даже дружелюбно:

— До каких пор это будет продолжаться, исследователь? Чего можно ожидать на таком уровне технологического развития?

— У них есть инструменты, — задумчиво проговорил исследователь.

— Камень! Кость! Дерево! Или соответствующие эквиваленты. Вот и все. Не вызывает сомнения, что мы здесь не найдем ничего интересного.

— И все же я чувствую некую необычность.

— А нельзя ли поинтересоваться, в чем она заключается, исследователь?

— Если бы я знал, как ответить на этот вопрос, капитан, то никакой необычности не было бы и мы могли бы прекратить дальнейшие работы. Да, капитан. Я вынужден настаивать на участии торговца.

Торговец был взбешен не меньше капитана, но у него имелось куда больше возможностей выказать свое неудовольствие. Его специальность была не менее важной, чем любая другая на корабле, а по его собственному мнению (оно совпадало с мнением многих других), работа его группы имела такое же прин-

ципиальное значение для экспедиции, как и вклад исследователя.

Капитан пилотирует звездолет, исследователь способен обнаружить интересные цивилизации по самым незначительным признакам, но окончательный успех зависит от торговца и его команды, которые вступают в контакт с чужаками, выискивая в их культуре все, что окажется полезным, а в обмен предлагают то, что нужно туземцам.

И это делается с большим риском. Ни в коем случае нельзя нарушать местную экологию. Запрещено наносить вред разумным существам, даже если речь идет о спасении собственной жизни. На то существуют весьма серьезные причины, и за свою опасную работу торговцы получали соответствующее вознаграждение, но зачем рисковать зря?

— Там нет ничего интересного, — заявил торговец. — По моим оценкам полученных отчетов выходит, что мы столкнулись с полуразумными животными. Их полезность равна нулю. А опасность весьма велика. Мы знаем, как вступать в контакт с представителями чуждых разумных рас — торговцы редко гибнут в результате общения с ними. Но никому не известно, как себя поведут эти животные — вы не забыли, что нам не разрешено даже защищаться по-настоящему?

— Эти существа, — возразил исследователь, — даже если они и в самом деле недалеко ушли от животных, сумели адаптироваться к ледникам. Я замечаю незначительные отклонения от обычной схемы развития и полагаю, что они не будут для вас опасны; более того — могут оказаться полезными. Я чувствую, что их стоит изучить более внимательно.

— Но что возьмешь с существ, живущих в каменном веке? — спросил торговец.

— Вот вы и отыщите ответ на этот вопрос.

«Конечно, — мрачно подумал торговец, — в результате придется отдуваться нам».

Он хорошо знал историю и цели межзвездных экспедиций. Когда-то, миллион лет назад, не было торговцев, исследователей и капитанов, а были только технология каменного века да предки — похожие на животных, над миром которых они сейчас кружили. Как медленно продвигалась вперед наука, развивался

разум — до тех пор пока цивилизация не достигла третьей ступени. Тогда появились звездные корабли, и разные культуры обогатили друг друга. Именно с этого момента и начинается настоящее движение вперед.

— Исследователь, я с должным уважением преклоняюсь перед вашей интуицией. Но в данном случае прошу довериться моему практическому опыту. Ни одна цивилизация, не достигшая третьего уровня развития, не может дать нам ничего полезного.

— А это, — возразил исследователь, — есть обобщение, в истинности которого я не уверен.

— И все же это так. Даже если местные полумразумные животные располагают чем-то для нас полезным — впрочем, очень трудно себе такое представить, — что мы сможем предложить им взамен?

Исследователь молчал.

— Столь неразвитый интеллект, — не унимался торговец, — не в состоянии воспринять стимуляцию со стороны. Специалисты по чуждым цивилизациям давно пришли к такому выводу, да и мой опыт подсказывает то же самое. Прогресс должен исходить от самих существ — до тех пор пока они не достигнут второго уровня. А мы обязаны с ними расплатиться; ничто не дается даром.

— В том, что говорит торговец, есть резон, — вмешался капитан. — Ведь стимулируя эти цивилизации, мы создаем предпосылки для сбора будущего урожая.

— Меня сейчас не интересуют причины, — нетерпеливо прервал его торговец. — Так принято у тех, кто выбрал для себя нашу профессию. Мы ни при каких условиях не причиняем вреда и расплачиваемся за все, что берем. Здесь нет ничего, что мы хотели бы взять; но даже если мы и найдем что-нибудь, нам нечем будет расплатиться. Это пустая трата времени.

Исследователь покачал головой:

— Я прошу вас посетить какое-нибудь крупное поселение, торговец. Когда вы вернетесь, я подчинюсь вашему решению, каким бы оно ни было.

На этом, ясное дело, дебаты закончились.

В течение двух дней маленький флайер торговца летал над поверхностью планеты в надежде найти крупное поселение с продвинутой технологией. Ничего.

Полномасштабные поиски могли занять долгие годы, но есть ли в них смысл? Трудно представить, что такой центр надежно спрятан. Обладатели высокоразвитой техники просто не имеют сильных врагов. Торговцы давно усвоили этот универсальный закон.

Красивая планета уже успела наполовину покрыться ледниками. Белое, синее и зеленое. Дикая, такая разнообразная и прекрасная. Нетронутая.

Однако подобные мысли не должны занимать торговцев. Когда кто-нибудь из команды начинал говорить с ним в подобном духе, торговец живо обрывал его.

— Совершаем посадку, — наконец заявил он. — Здесь сосредоточено достаточное количество разумных существ. Лучше места все равно не найти.

— А что мы будем тут делать, Маэстро? — спросил его заместитель.

— Зарегистрируйте животных — разумных и неразумных, и не забудьте про артефакты, которые удастся обнаружить. Позаботьтесь о том, чтобы все изображения были голографическими.

— Уже можно сделать вывод... — начал заместитель.

— Мы уже можем сделать вывод, — перебил его торговец, — но нам необходимо иметь доказательства, которые покажутся нашему исследователю убедительными, иначе придется просидеть здесь до конца жизни.

— Он хороший исследователь, — сказал кто-то из членов команды.

— Он был хорошим исследователем, — мрачно заявил торговец, — но значит ли это, что он останется таковым навсегда? Возможно, успех заставил нашего исследователя возомнить о себе невесть что. Вот мы и поможем ему спуститься с небес на землю — если получится.

Из флайера они вышли в скафандрах. Местная атмосфера их вполне устраивала, но им не хотелось подвергать себя воздействию ветров — даже если бы температура воздуха и была вполне подходящей, что никак не соответствовало действительности. Тяготение тоже было слишком большим, хотя и терпимым.

Разумные существа, одетые в шкуры других животных, с опаской отошли в сторонку и настороженно наблюдали за непрошеными гостями. Торговец облегченно вздохнул. Любое отсутствие враждебности следует приветствовать — особенно когда ты не можешь себя защитить.

Торговец и его команда не пытались войти в контакт. Кто знает, какие жесты эти существа считают дружественными? Вместо этого торговец создал телепатическое поле, которое постарался насытить доброжелательностью — оставалось надеяться, что эти существа в состоянии его воспринять.

Возможно, так оно и было, поскольку некоторые из них продолжали стоять неподвижно, с любопытством наблюдая за пришельцами. Торговцу показалось, что он уловил какие-то мысли, однако подобная реакция была уж совсем маловероятной — как-никак, эта планета находилась всего лишь на первом уровне, — поэтому он даже не попытался в них вникнуть, а вместе со своей командой решительно принялся за голографическую съемку растительности и стада травоядных, которые, впрочем, быстро куда-то скрылись. Большое животное с двумя длинными белыми зубами постояло немного, потом неспешно удалилось по своим делам.

Вся команда работала слаженно, постепенно продвигаясь вперед и делая голографическую съемку всего, что попадалось на пути.

Призыв на ментальном уровне — с таким мощным зарядом удивления и благоговения, что вся информационная часть осталась непонятной.

— Маэстро! Сюда! Скорее!

Его заместитель даже не позаботился о том, чтобы сообщить направление. Торговец был вынужден следовать за лучом, который вел в расщелину, окруженную с двух сторон скалистыми выступами.

Другие члены команды со всех ног бежали туда же, но торговец всех опередил.

— Что такое? — нетерпеливо спросил он.

Заместитель стоял в каменном гроте, окруженный сиянием, которое испускал его скафандр.

Торговец осмотрелся:

— Это естественное углубление, а не результат технологического воздействия на камень.

— Да, но вы посмотрите сюда!

Торговец поднял глаза и секунд на пять замолчал. Потом послал экстренный сигнал, чтобы остальные не подходили близко.

— Это искусственного происхождения?

— Да, Маэстро. Видите, оно еще не закончено.

— Но кем?

— Этими существами. Разумными существами. Я заметил, как один из них работал здесь. Вот это источник света — горящее растение. А вот инструменты.

— А где он сам?

— Убежал.

— Ты и в самом деле его видел?

— Я даже успел сделать запись.

Торговец задумался. Потом снова поднял взгляд.

— Тебе когда-нибудь попадалось что-нибудь подобное?

— Нет, Маэстро.

— Поразительно!

Торговец продолжал смотреть вверх, ему явно не хотелось уходить.

— Маэстро, — негромко проговорил заместитель, — что будем делать?

— Что?

— Мы наверняка выиграем за это четвертый приз для нашего корабля.

— Несомненно, — с грустью согласился торговец, — если сможем забрать.

— Я уже сделал запись, — с сомнением признался заместитель.

— Да? Но как мы этим воспользуемся? Нам нечего дать им взамен.

— Мы же все сняли. Какая разница, чем мы с ними расплатимся?

— Что ты говоришь? — рассердился торговец. — Здешние аборигены слишком примитивны, они не в состоянии принять то, что мы можем предложить. Пройдет не меньше миллиона лет,

прежде чем советы со стороны принесут им какую-нибудь пользу. Придется уничтожить запись.

— Но ведь мы знаем, Маэстро.

— Значит, придется держать язык за зубами. Наше ремесло имеет свою этику и традиции. Тебе это прекрасно известно. Ничто не дается даром!

— Даже это?

— Да, даже это.

Суровое выражение лица торговца скрывало невыносимые страдания, которые он испытывал при мысли, что придется отказать от такой потрясающей находки. Поэтому он стоял, не зная на что решиться.

Его заместитель почувствовал это.

— Давайте попробуем предложить им что-нибудь, Маэстро.

— Думаешь, они смогут извлечь какую-нибудь пользу из того, что мы им дадим?

— Главное, чтобы не было вреда.

— Я приготовил презентацию для всей команды, — заявил торговец, — но сначала я должен показать это вам, исследователь, с глубоким уважением и извинениями за свои тайные мысли. Вы были правы. В этой планете действительно есть нечто необычное. Хотя разумная жизнь едва достигла первого уровня, а технология предельно примитивна, аборигенам удалось развить концепцию, которая оказалась совершенно для нас новой. Насколько мне известно, ничего подобного мы не встречали и на других мирах.

— Я не могу себе представить, что бы это могло быть, — смущенно проговорил капитан.

Он хорошо знал, что торговцы, стараясь подчеркнуть свою значимость, склонны преувеличивать важность находок.

Исследователь не сказал ничего. Он был смущен даже больше, чем оба его собеседника.

— Это некая форма оптического искусства, — сказал торговец.

— Обыгрывается цвет? — предположил капитан.

— И форма — но эффект достигается поразительный. — Он включил голографический проектор. — Смотрите!

Перед ними возникло стадо четвероногих травоядных. Массивные, с косматой шкурой и двумя рогами. Животные постояли немного, потом побежали прочь, поднимая копытами тучи пыли.

— Уродливые создания, — пробормотал капитан.

Повинуясь указаниям торговца, голографическое изображение застыло на месте, увеличилось, и одно животное заняло все изображение: массивная голова опущена, ноздри раздуваются.

— Посмотрите внимательно, — продолжал торговец, — а теперь сравните эту тварь с примитивным изображением, сделанным при помощи разноцветных минералов, — мы обнаружили его на стене пещеры.

Вот оно! То самое животное, которое они видели на голограмме, но плоское и одновременно живое!

— Какое удивительное сходство, — заметил капитан.

— Не удивительное, — возразил торговец, — а совершенно сознательное! Там были дюжины подобных фигур, запечатленных на стене в разных позах, — самых разных животных. Сходство слишком детальное, чтобы оказаться случайным. Вы только представьте себе дерзость самой концепции — расположить краски в таких комбинациях, чтобы создалась иллюзия, будто вы смотрите на реальный объект! Аборигены сумели создать искусство, отражающее реальность. Я полагаю, его можно называть искусством образов. И это еще не все. Мы обнаружили, что они работают и в трех измерениях. — Торговец извлек несколько маленьких фигурок, вырезанных из серого камня и желтоватой кости. — Здесь местные жители явно стремились изобразить самих себя.

Капитан был потрясен.

— Вы видели, как они производятся?

— Нет, при этом я не присутствовал, капитан, — признался торговец. — Один из моих людей заметил, как существо мазало цветным минералом стену пещеры, но эти штуки мы нашли уже готовыми. Нет никаких сомнений в том, что они вырезаны из кости вполне сознательно. Эти предметы не могли принять подобную форму в результате случайных процессов.

— Очень любопытно, только мне непонятен мотив, — произнес капитан. — Разве голографическое изображение не реша-

ет поставленную задачу лучше? Впрочем, сейчас аборигены и помыслить о голографии не могут.

— Этим дикарям не дано знать, что через миллион лет появится голографическое изображение. К тому же я не уверен, что голография лучше. Если вы сравните изображение с оригиналом, то заметите упрощения и небольшие изменения, которые лишь подчеркивают специальные характеристики. Я верю, что это необычная форма искусства, которая улучшает оригинал и дает новые возможности для самовыражения.

Торговец повернулся к исследователю:

— Я восхищен вашими способностями. Вы можете объяснить, как вам удалось почувствовать уникальность этого разума?

Исследователь вздохнул:

— Я ничего подобного не ждал. Вы сделали очень интересное и полезное открытие — хотя я и не уверен, сумеем ли мы контролировать форму и цвет так, чтобы у нас получилось нечто похожее. Однако ваше открытие в некотором смысле отвечает той тревоге, которую я ощущал. Как вам удалось получить все это? Что вы дали взамен? Вот в чем заключается главная странность.

— Ну, — ответил торговец, — откровенно говоря, вы правы. Я не думал, что мы сумеем что-нибудь дать этим примитивным существам, но открытие показалось мне столь важным, что я решил не жалеть усилий. Поэтому я выбрал среди группы существ, которые создали эти предметы, то, чья аура показалась мне наиболее интенсивной, и попытался передать ему наш дар.

— И вам, естественно, сопутствовал успех, — не выдержал исследователь.

— Да, мне повезло, — радостно согласился торговец, не замечавший, что исследователь не задавал вопроса, а сделал утверждение. — Эти существа убивают животных, швыряя в них длинные палки с заостренными камнями на конце; иногда они пробивают шкуру животных, что заметно их ослабляет. В результате разумным существам удается убивать противников, которые сильно превосходят их размерами. Я показал, что меньшая палка с каменным наконечником может быть выброшена с большей силой и с большего расстояния, если натянуть на другую палку жилу.

— Подобные механизмы,— проворчал исследователь,— находили среди других примитивных культур, впрочем, заметно более развитых. Палеонтологи называют этот механизм луком со стрелами.

— Но как аборигены сумели воспринять новое знание? — спросил капитан.— Ведь на их уровне развития это просто невозможно.

— Однако сумели. Вне всякого сомнения. Ответ на ментальном уровне был полнейшим выражением восторга. Неужели вы думаете, что я взял бы эти предметы искусства, будь они даже в двадцать раз ценнее, если бы не смог расплатиться? Ничто не дается даром, капитан.

— Вот она странность,— подавленно проговорил исследователь.— Аборигены приняли ваш дар. Но, торговец, они не готовы. Мы наносим им непоправимый урон. Они будут использовать лук и стрелы друг против друга, а не только при охоте на больших животных.

— Мы не причинили им ни малейшего вреда. А что они станут делать друг с другом и к чему это может привести — нас не касается.

Капитан и торговец ушли, чтобы приготовить все для демонстрации в кают-компании корабля, а исследователь сказал, печально глядя им вслед:

— Но они приняли наш дар. И они будут процветать среди ледников. И через двадцать тысяч лет это станет нашей заботой.

Исследователь знал, что капитан и торговец ему не поверят, и его охватило отчаяние.

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО

Мой брат начал диктовать в своем излюбленном ораторском стиле — народы слушали его, затаив дыхание, когда он так говорил.

— Вначале, ровно пятнадцать целых и две десятых миллиарда лет назад, произошел Большой взрыв, и Вселенная...

Я перестал писать.

— Пятнадцать миллиардов лет назад? — изумленно переспросил я брата.

— Совершенно точно, — уверенно заявил он, — на меня снизошло откровение.

— Я не ставлю под сомнение твои откровения, — сказал я. (Впрочем, лучше этого не делать. Он на три года меня моложе, но я не пытаюсь с ним спорить — как, впрочем, и все остальные. Слишком дорого это стоит.) — Ты что же, собираешься рассказывать историю Сотворения, занявшую пятнадцать миллиардов лет?

— Я должен, — ответил мой брат. — Ведь на него потребовалось именно столько времени. У меня тут все запечатлено, — он постучал себя пальцем по лбу, — а это высший авторитет.

Однако я уже отложил свое перо.

— А ты знаешь, сколько стоит папирус? — поинтересовался я.

— Что? — (Возможно, его и в самом деле посещали откровения, но я часто замечал, что такие мелочи, как цена папируса, никогда в них не фигурировали.)

— Предположим, ты сможешь описать события миллиона лет на одном папирусе, — продолжал я. — Отсюда следует, что

тебе понадобится пятнадцать тысяч свитков. И все это время тебе придется говорить. Довольно быстро ты начнешь заикаться. А мне нужно будет все это записать — у меня просто отвалятся пальцы. Но даже если мы и купим столько папируса, у тебя хватит голоса, а у меня сил, кто будет в состоянии скопировать наш труд? Необходимо сделать по меньшей мере сотню копий, ведь без этого нам не получить никаких доходов.

Мой брат задумался.

— Выходит, мне лучше подсократить свою историю? — наконец спросил он.

— И очень существенно, — решительно ответил я, — если ты считаешь, что твоя писанина будет пользоваться популярностью.

— Как на счет ста лет?

— Мне больше нравится шесть дней.

— Втиснуть Сотворение в шесть дней — невозможно! — с ужасом воскликнул он.

— На большее у нас нет папируса, — строго проговорил я. — Ну, согласен?

— Ладно, — вздохнул мой брат и принялся снова диктовать: — Вначале... неужели я должен уложиться в шесть дней, Аарон?

— Шесть дней, Моисей, — твердо заявил я.

ПОСЛЕДНИЙ ОТВЕТ

Мюррею Темплтону исполнилось сорок пять лет. Он был в расцвете сил, все органы его тела функционировали отлично. Все было в порядке, за исключением одного маленького участка коронарной артерии. Правда, этого было достаточно.

Боль обрушилась на него внезапно, мгновенно достигла невыносимой точки, а затем начала стихать. Он дышал все медленней, и в душе воцарилось спокойствие.

Нет на свете большего наслаждения, чем почувствовать, что боль отступила. Мюррею Темплтону показалось, что он поднимается над землей.

Открыв глаза, он заметил не без некоторого удивления, что люди в комнате все еще суетятся. Дело происходило в лаборатории; падая, Темплтон успел услышать звон стекла и перепуганные голоса коллег.

И вот они сгрудились над его распростертым телом, над телом Мюррея Темплтона, на которое... ну да — он внезапно понял это! — на которое он сам взирает откуда-то с высоты.

Да, он лежал там, на полу, раскинув руки. Лицо было все еще искажено болью. И в то же время он смотрел на себя сверху, никакой боли не ощущая.

Мистер Темплтон подумал:

«Вот уж чудо из чудес! Все эти рассказы о жизни после смерти, оказывается, не такая уж чепуха!»

И хотя он понимал, что серьезному ученому, физику, не к лицу такие взгляды, он испытывал не более чем легкое удивление, никоим образом не нарушавшее глубокого покоя, в котором он пребывал.

Он подумал: «За мной должны были прислать ангела».

Мало-помалу комната и люди расплылись, тьма обступила его, и лишь в отдалении что-то брезжило, угадывалась слабо светящаяся фигура — последнее, за что цеплялось его меркнувшее зрение.

Мистер Темплтон подумал: «Ну и дела! По-моему, я направляюсь на небеса».

Но вот и свет исчез... Во всей Вселенной оставался лишь он один — и тогда раздался Голос.

Голос сказал:

— Мне столько раз это удавалось, и тем не менее я не потерял способности радоваться очередному успеху.

Мюррею хотелось что-нибудь ответить, но он не знал, есть ли у него губы, язык, голосовые связки. Все же он попытался издать звук. И это у него получилось.

Он услышал собственный, хорошо знакомый голос, слова звучали достаточно четко:

— Скажите, пожалуйста, я на небесах?

Голос ответил:

— Небеса — это место. Здесь это слово не имеет смысла.

Мюррей Темплтон несколько растерялся, однако следующий вопрос напрашивался сам собой:

— Простите, если я выгляжу нетактичным. Но вы — Бог?

В Голосе прозвучала легкая усмешка:

— Мне всегда задают этот вопрос, даже странно как-то. Едва ли я сумею дать вам понятный ответ. Я существую — вот все, что можно ответить, а вы уж, пожалуйста, подберите сами удобный для вас термин.

— А что же такое я? — спросил Темплтон. — Душа? Или то же символ существования?

Он старался быть вежливым, но скрыть сарказм, пожалуй, не удалось. Вероятно, следовало добавить: «ваше величество» или «ваша святость», что-нибудь в этом роде, но он не мог себя заставить — очень уж это выглядело бы смешно. Хотя кто его знает? Чего доброго, еще накажут за непочтительность.

Но Голос не обиделся.

— Вас несложно объяснить — даже в понятных для вас терминах, — сказал он. — Конечно, если вам приятно, можете называть себя душой. На самом деле, однако, вы не более чем

определенная конфигурация электромагнитных волн, организованных таким образом, что все связи и взаимоотношения в этой системе в точности имитируют структуру вашего мозга в период земного существования. Поэтому вы сохраняете способность мыслить, сохраняетесь как личность. Вот и все.

Мюррей Темплтон не верил своим ушам.

— Вы хотите сказать, что сущность моего мозга некоторым образом... перманентна?

— Отнюдь. Ничего вечного в вас нет, за исключением плана, задуманного мной. Упомянутую конфигурацию придумал я. Я создал ее, когда ваша физическая сущность была иной, и реализовал в тот момент, когда предыдущая система отказала.

Голос явно был собой доволен. Помолчав, он продолжил:

— Ваша конструкция сложна. Она удовлетворяет самым высоким стандартам. Разумеется, я мог бы воспроизвести аналогичным образом любое живое существо на Земле, когда оно умирает, но я этого не делаю. Я не люблю хвататься за что попало.

— Значит, вы выбираете не многих?

— Очень не многих.

— А куда деваются остальные?

— Остальные? Никуда. Аннигиляция, дорогой господин Темплтон, самая обыкновенная аннигиляция. А вы уж воображали себе ад?

Если бы Мюррей мог, он бы покраснел. Он сказал поспешно:

— Нет-нет. Ничего такого я не воображал. Но я не совсем понимаю, чем я привлек ваше внимание и заслужил эту честь — быть избранным.

— Заслужил? Ах вот что вы имеете в виду. Признаться, трудно порой сужать мышление до пределов, соответствующих вашим... Как вам сказать? Я выбрал вас за умение мыслить. По тем же критериям, по каким выбираю других из числа разумных существ в Галактике.

Мюррей Темплтон почувствовал профессиональное любопытство. Он спросил:

— Вы это делаете лично или существуют другие, подобные вам?

Наступило молчание; должно быть, он опять сказал что-то не то. Но Голос вновь заговорил и был невозмутим, как и прежде:

— Есть другие или нет — вас не касается. Эта Вселенная принадлежит мне, и только мне. Она создана по моему желанию, по

моему проекту и предназначена исключительно для достижения моих собственных целей.

— Значит, вы один?

— Вы хотите поймать меня на слове, — заметил Голос. — Представьте себя амебой, для которой понятие индивидуальности сопряжено с одной, и только одной, клеткой. И спросите кита, чье тело состоит из тридцати квадрильонов клеток, кто он: единое существо или колония существ. Как киту ответить, чтобы его поняла амеба?

— Я об этом подумую, — сказал Мюррей Темплтон.

— Прекрасно. В этом и состоит ваша функция. Будете думать.

— Думать, но зачем? И к тому же... — Мюррей запнулся, подыскивая слово, — вы, по-видимому, и так все знаете.

— Даже если я осведомлен обо всем, — заметил Голос, — я не могу быть уверен, что я все знаю.

— Это звучит как постулат из земной философии, — сказал Мюррей. — Постулат, который кажется значительным по той причине, что в нем нет никакого смысла.

— С вами не соскучишься, — сказал Голос. — Вам хочется ответить на парадокс парадоксом, хотя мои слова отнюдь не парадокс. Подумайте: я существую вечно, но что это, собственно, значит? Это значит, что я не помню, когда я начал существовать. Если бы я мог вспомнить об этом, откуда следовало бы, что мое существование имело начальную точку.

— Но ведь и я...

— Позвольте мне продолжить. Итак, если я не знаю, когда я начал быть, и не знаю, начал ли, если я не умею расшифровать понятие вечности моего существования, то уже одно это дает мне право усомниться в моем всеведении. Если же мои знания в самом деле безграничны, то с не меньшим правом я могу утверждать, что безгранично и то, что мне еще предстоит узнать. В самом деле: если, например, я знаю только все четные числа, то число их бесконечно, и в то же время бесконечно мое незнание нечетных чисел.

— Но разве нельзя, исходя из знания четных чисел, вывести существование нечетных — хотя бы разделив четные пополам?

— Недурно, — сказал Голос, — я вами доволен. Вашей задачей и будет искать подобные пути, правда куда более трудные,

от известного к неизвестному. Ваша память достаточно обширна. При необходимости вам будет позволено получать дополнительные сведения, нужные для решения поставленных вами проблем.

— Прошу прощения, — сказал Темплтон. — А почему вы сами не можете это делать?

— Могу, конечно, — усмехнулся Голос. — Но так интереснее. Я построил Вселенную для того, чтобы расширить число фактов, с которыми имею дело. Я ввел в эту систему принцип дополнительности, принцип случайности, принцип недетерминированного детерминизма и... некоторые другие с единственной целью: сократить очевидность. Думаю, что мне это удалось. Далее я предусмотрел условия, при которых могла возникнуть жизнь, и допустил возникновение разума — не потому, что мне нужна его помощь, а потому, что познание само по себе вводит новый фактор случайности. И я обнаружил, что не могу предсказать, где, когда и каким способом будет добыта новая информация.

— И так случается?

— О да. И века не проходит, как появляется что-нибудь любопытное.

— Вы имеете в виду нечто такое, что вы и сами могли бы придумать, но пока еще не придумали? — спросил Мюррей.

— Вот именно.

— И вы надеетесь, что я смогу быть полезен для вас в этом смысле?

— В ближайшие сто лет я на это не рассчитываю. Но успех рано или поздно обеспечен. Ведь вы... вы будете трудиться вечно.

— Я? Буду трудиться вечно? — спросил Мюррей. — Я буду вечно думать?

— Да, — сказал Голос.

— Зачем?

— Я уже сказал: чтобы добывать новую информацию.

— Ну а дальше? Зачем мне искать новую информацию?

— Право же, странный вопрос, господин Темплтон. А чем вы занимались в вашей земной жизни? Какую цель ставили перед собой?

— Я стремился заслужить одобрение моих товарищей. Хотел получить удовлетворение от своих достижений, зная, что время мое ограничено. А теперь? Теперь предо мной вечность! Это понятие уничтожает всякую цель, не правда ли?

Голос спросил:

— А разве мысль и открытие сами по себе не дают удовлетворения?

— Открытие удовлетворяет, если время, потраченное на него, ограничено. Открытие, растянутое в бесконечности, не удовлетворит.

— Может быть, вы и правы. Но к сожалению, у вас нет выбора.

— А если я откажусь?

— Я не намерен вас принуждать, — сказал Голос. — Но видите ли, в этом нет необходимости. Ведь ничего другого вам не остается. Вы не знаете, как сделать, чтобы не думать.

— В таком случае, — проговорил медленно Мюррей Темплтон, — я поступлю иначе.

— Ваше право, — снисходительно ответил Голос. — Могу ли я знать, что вы имеете в виду?

— Вы и так уже знаете. Извините, но разговор наш так необычен... Вы построили конфигурацию электромагнитных колебаний таким образом, что мною владеет иллюзия, будто я вас слышу и отвечаю на ваши слова. На самом же деле вы внушаете мне свои мысли и читаете мои.

— Допустим. И что же?

— Так вот, — сказал Мюррей, — иллюзия это или нет, но я не желаю мыслить с единственной целью развлекать вас. Я не желаю существовать вечно ради того, чтобы тешить вашу любознательность. Я... я приложу все старания к тому, чтобы не мыслить.

— Ну-ну, не будем ссориться, — сказал Голос. — Замечу только, что, если вам это и удастся, я немедленно воссоздам вас с таким расчетом, чтобы впредь ваш способ самоубийства стал невозможным. Если же вы отыщете другой способ, я реконструирую вас так, чтобы исключить и эту возможность. И так далее. Игра обещает стать интересной, но в любом случае вы будете существовать в качестве мыслящего разума вечно. Так мне хочется, уж не взывайте.

Мюррей внутренне содрогнулся, но овладел собой и продолжал спокойно:

— Значит, я все-таки попал в ад. Вы утверждаете, что ада не существует, но, может быть, все дело в словах?

— Может быть,— сказал Голос.

— Тогда рассмотрим другую возможность,— сказал Мюррей.— Что, если мои мысли окажутся для вас бесполезны? И если это так, не лучше ли будет меня ликвидировать и ни о чем больше не беспокоиться?

— Ликвидировать... в награду? Вы желаете обрести нирвану в качестве приза за поражение и хотите меня уверить, что это лучший выход для меня? Послушайте, Темплтон, не будем торговаться. Можете мне поверить: вы не будете бесполезны. Имея в распоряжении вечность, вы в конце концов вынуждены будете родить интересную мысль, хочется вам этого или нет.

— Ну что ж,— проговорил Мюррей.— Тогда я поставлю перед собой другую цель. Я придумаю нечто такое, о чем вы не только никогда не думали, но и не могли предположить, что это возможно. Я найду последний, окончательный ответ, после которого познание потеряет смысл!

— Вы не понимаете природы бесконечности,— ответил Голос.— Могут существовать вещи, о которых я еще не удосужился узнать. Но не может быть ничего, о чем я не мог бы узнать рано или поздно.

— Неправда,— сказал Мюррей задумчиво.— Вы не можете знать собственного начала. Вы сами в этом признались. Значит, вы не можете знать и своего конца. Вот и отлично. Это будет моей целью — и станет окончательным ответом. Я не буду стараться уничтожить себя. Я уничтожу вас, или вам придется покончить со мной.

— Так,— сказал Голос,— вы пришли к этому выводу раньше, чем я предполагал. Обычно на это тратят больше времени. Все, кто находится вместе со мной в этом мире вечной мысли, имеют намерение меня уничтожить. Но сделать это невозможно.

— Ничего. Времени у меня достаточно. Что-нибудь придумаю,— сказал Мюррей Темплтон.

Голос ответил спокойно:

— Так думай об этом.

И пропал.

ДЛЯ ПТИЦ

Чарльзу Модайну было уже около сорока, и он отличался отменным здоровьем, однако, несмотря на это, ни разу не бывал в космосе. Чарльз, конечно же, видел космические станции по телевизору и время от времени читал про них в газетах и журналах, но не более того.

По правде говоря, космос его совершенно не интересовал. Он родился на Земле, и Земли ему было вполне достаточно. Когда ему хотелось переменить обстановку, Чарльз отправлялся на море, потому что был заядлым и весьма умелым моряком.

Поэтому он испытал настоящее отвращение, когда представитель Корпорации космических поселений сообщила, что для выполнения заказанной ему работы Чарльзу придется покинуть Землю.

— Послушайте, — заявил Модайн, — я не имею к космосу никакого отношения. Я занимаюсь тем, что моделирую одежду. Мне ничего не известно про ракеты, ускорение, траектории и тому подобные вещи.

— Зато мы в этом отлично разбираемся. Так что не беспокойтесь, — ответила его собеседница.

Ее звали Найоми Баранова, и у нее была необычная походка — походка человека, который провел в космосе так много времени, что не очень понимает, какой в данный момент является сила тяготения в том месте, где он находится.

Одежда, с раздражением заметил Модайн, служила Барановой лишь для того, чтобы прикрывать наготу — и ни для каких

других целей. Видимо, эта женщина прекрасно чувствовала бы себя в какой-нибудь бесформенной брезентовой накидке.

— А зачем мне отправляться на эту станцию? — поинтересовался он.

— Из-за вашей профессии. Мы хотим, чтобы вы для нас кое-что сконструировали.

— Одежду?

— Крылья.

Модайн задумался. Его большой бледный лоб всегда слегка розовел, когда модельер предавался размышлениям, — по крайней мере так ему говорили. На этот раз если он и покраснел, то во многом потому, что Чарльз разозлился.

— А разве здесь я этого сделать не смогу?

Баранова твердо и уверенно покачала головой. У нее были темные, чуть рыжеватые волосы с проблесками седины, и казалось, ее это совершенно не беспокоило.

— Мы хотим, чтобы вы поняли нашу ситуацию, мистер Модайн, — сказала она. — Мы обратились к специалистам-компьютерщикам, и они создали для нас самые лучшие крылья, какие только смогли построить, — так они говорят. Они приняли в рассмотрение натяжение и качество материалов, их эластичность, общую маневренность и... в общем, самые разные аспекты. Однако ничего не получилось. Мы подумали, что, может быть, несколько оборочек...

— Оборочек, мисс Баранова?

— Ну, что-нибудь в дополнение к техническому совершенству. Нечто, могущее вызвать интерес. Иначе наша космическая станция не выживет. Именно поэтому я и хочу, чтобы вы лично там побывали; вы должны на месте оценить ситуацию. Мы готовы заплатить вам очень большие деньги.

Обещанное солидное вознаграждение и немалый гонорар, который Модайн должен был получить, даже если потерпел неудачу, заставили его решиться на космическое путешествие. Нельзя сказать, чтобы он любил деньги больше, чем обычные люди, но и равнодушным к ним не был, а еще ему нравилось, что его работа высоко ценится.

По правде говоря, все получилось совсем не так плохо, как он ожидал. В самом начале эры космических путешествий пас-

сажиры на короткое время становились жертвами ускорения, а потом вынуждены были мучиться от тесноты и неудобств в крошечных модульных отсеках. Постепенно сложилось, что живущие на Земле люди по-прежнему именно так и представляли себе передвижение в космическом пространстве. Однако со времени первых кораблей прошло целое столетие, нынешние шаттлы были максимально удобны, а гидравлические сиденья поглощали ускорение так же незаметно, как ловкая хозяйка вытирает пролитый нечаянно кофе.

Модайн все время в пути изучал фотографии крыльев в действии и просматривал голографические видеопленки.

— Они это делают очень грациозно,— заявил он.

— Вы смотрите на специалистов, спортсменов.— Найоми Баранова грустно улыбнулась.— Если бы вы увидели, как я пытаюсь справиться с крыльями, как меня мотает из стороны в сторону и я постоянно падаю, боюсь, вы бы на славу повеселились. И это при том, что я еще не самая худшая ученица.

Шаттл приближался к Пятой космической станции. Официально она именовалась Куколкой, но все называли ее Пятой.

— Кажется, должно быть как раз наоборот,— заметила Баранова,— но это место не навевает никаких высоких или романтических мыслей. Вот в чем наша главная проблема. Здешнее поселение не стало домом для тех, кто к нам приехал; люди просто делают свою работу, и мы не можем убедить их привезти сюда семьи и обосноваться как следует. Пока они не станут относиться к Пятой как к дому...

Далеко впереди Модайн заметил небольшую сферу. Пятая космическая станция выглядела совсем так же, как в телевизионных передачах о ней, которые Чарльз видел на Земле. Модайн конечно же знал, что станция на самом деле гораздо больше, чем кажется, но был совершенно не готов к тому, как быстро начала расти сфера на обзорных экранах. Корабль да и сам он казались крошечными и становились все меньше и меньше по мере того, как шаттл приближался, а потом начал медленно кружить над громадным объектом из стекла и алюминия.

Модайн долго не отводил глаз от экранов, пока не сообразил, что они по-прежнему висят над станцией.

— А мы разве не сядем? — спросил он тогда.

— Все не так просто, — ответила Баранова. — Пятая оборачивается вокруг своей оси за две минуты. Благодаря этому возникает центробежная сила, которая прижимает все содержимое станции к внутренним стенам и создает искусственное тяготение. Прежде чем приземлиться, нам следует набрать необходимую скорость, а это требует времени.

— Неужели она должна так быстро вращаться?

— Да, для того, чтобы центробежная сила воссоздала земную силу тяжести. Это главная проблема. Было бы гораздо лучше, если бы мы могли воспользоваться медленным вращением, но тут приходится учитывать человеческую физиологию. Возникшее тяготение тогда было бы в десять раз меньше, а люди не могут долго выносить низкую силу тяжести.

Скорость корабля почти достигла скорости вращения Пятой. Модайн ясно видел изгиб внешнего зеркала, которое собирало солнечные лучи и освещало поселение. Он даже разглядел солнечную электростанцию, обеспечивавшую Пятую энергией, которой хватало еще и для отправки на Землю.

Наконец они оказались возле одного из полюсов сферы, а через некоторое время и вовсе прибыли на место.

Модайн провел на Пятой целый день и устал — неожиданно для себя он понял, что ему здесь нравится.

Они сидели в удобных плетеных креслах, расставленных на поросшей травой лужайке. Над головой плыли облака, и хотя солнца не было видно, явно ощущалось тепло его лучей, дул легкий ветерок, а вдалеке виднелась небольшая речушка.

Трудно было поверить, что он находится в сфере, парящей в космическом пространстве на орбите Луны, с периодом обращения вокруг Земли в один месяц.

— Очень похоже на настоящую планету!

— Так всегда кажется вначале, — сказала Баранова. — Через некоторое время вы обнаружите, что вам известен каждый уголок, здесь все ужасно одинаковое.

— Если ты постоянно живешь в каком-нибудь одном городе на Земле, там тоже все одинаковое, — проговорил Модайн.

— Да, я знаю. Но на Земле можно отправиться путешествовать, стоит тебе только захотеть. И даже если ты этого не дела-

ешь, то знаешь, что это возможно. А здесь — нет. Создается неприятная ситуация; однако это не самое худшее.

— Зато вы не страдаете от определенных неудобств, которым подвержены жители Земли, — напомнил ей Модайн. — Например, я уверен, что вам незнакомы перепады погоды.

— Знаете, мистер Модайн, погода у нас действительно райская, только к этому привыкаешь. Давайте я вам кое-что покажу. Вот смотрите, я держу в руках мяч. Вы можете подбросить его вверх, а потом поймать?

— Вы серьезно? — Модайн улыбнулся.

— Абсолютно. Пожалуйста, попробуйте.

— Я плохо умею играть в мяч, — проговорил Модайн, — но не сомневаюсь, что уж бросить я его смогу. Возможно, даже сумею поймать, когда он будет падать.

Он подбросил мяч вверх. Мяч полетел по странной параболической траектории, Модайн метнулся вперед, а потом побежал, но схватить мяч ему не удалось.

— Вы бросили его не вертикально, мистер Модайн, — сказала Баранова.

— Нет, вертикально, — задыхаясь, возразил Модайн.

— По земным стандартам, — сказала Баранова. — Сложность в том, что у нас действует кориолисово ускорение — так мы его называем. Здесь, на внутренней поверхности Пятой мы двигаемся довольно быстро относительно оси по большому кругу. Если вы бросаете мяч вверх, он приближается к оси, в ту область, где все предметы двигаются медленнее и по меньшему кругу. Однако мяч сохраняет первоначальную скорость, поэтому он устремляется вперед, а вы не можете его поймать. Если вы хотите до него добраться, его нужно бросить вверх и назад, и тогда он к вам вернется, как бумеранг. Движение на Пятой подчиняется иным законам, чем на Земле.

— Полагаю, к этому со временем привыкаешь, — задумчиво проговорил Модайн.

— До конца — нет. Мы живем в экваториальном районе нашей маленькой сферы. Тут все движется быстрее, и возникает ощущение нормальной силы тяготения. Вверху же, ближе к оси, или у полюсов, эта сила быстро уменьшается. Мы частенько бываем в тех районах, и нам каждый раз приходится помнить про кориолисово ускорение. У нас есть монорельсовые дороги,

которые идут по спирали по направлению к обоим полюсам; находясь в пути, ощущаешь постоянный наклон в одну сторону. Нужно довольно много времени, чтобы к этому привыкнуть, некоторым это так и не удастся. Поэтому никому здесь жить не нравится.

— А вы можете каким-нибудь образом воздействовать на эффект искривления?

— Если замедлить вращение, то можно повлиять и на кориолисово ускорение, но тогда сила тяготения станет меньше, а этого-то как раз и нельзя делать.

— Плохо и так и этак.

— Не совсем. Мы могли бы приспособиться к меньшей силе тяжести, если бы тренировались — каждый день в течение довольно продолжительного периода времени. А такие тренировки должны доставлять удовольствие. Люди не станут ежедневно заниматься гимнастикой, которая наводит тоску и заставляет их прикладывать серьезные усилия. Поэтому мы подумали, что нашу проблему могли бы решить полеты. В районах с низкой гравитацией, возле полюсов, люди становятся почти невесомыми. Так и кажется, что стоит немного помахать руками — и поднимаешься в воздух. Если к каждой руке приделать легкие пластмассовые крылья, закрепленные гибкими стержнями, если эти крылья складывать и раскрывать, следуя определенному ритму, люди смогут летать, как птицы.

— А это сойдет за необходимое физическое упражнение?

— Конечно. Могу вас уверить, что летать очень трудно. Мышцы рук и плеч мало делают для того, чтобы вы оставались в воздухе, но они должны находиться в постоянном движении для маневрирования. И если подобными упражнениями заниматься регулярно, они поддерживают мышцы в тонусе и укрепляют кости. Но люди не желают летать.

— Я думал, они делают это с удовольствием.

— Так и было бы, — фыркнула Баранова, — если бы не приходилось прикладывать столько усилий. Проблема в том, что для равномерного, уверенного полета требуется умелая координация движений. Малейшая ошибка приводит к тому, что ты начинаешь падать, болтаться из стороны в сторону и, естественно, тебя ужасно тошнит. Совсем не многим удастся красиво и грациозно летать — вы видели подобных людей на голокассетах.

- Птицы не страдают морской болезнью.
- Птицы летают над полями, где действуют нормальные законы тяготения. В отличие от людей на Пятой.

Модайн нахмурился и погрузился в размышления.

- Не могу обещать вам, что вы хорошо выспитесь,— проговорила Баранова.— Первые ночи на станции многим доставляют серьезные неудобства. Однако я все же попрошу вас постараться как следует отдохнуть, потому что завтра мы отправляемся в районы, где проводятся полеты на крыльях.

Модайн довольно быстро понял, что имела в виду Баранова, когда говорила, что кориолисово ускорение может быть весьма неприятным. Маленький вагончик, который вез их по монорельсовой дороге в сторону полюса, казалось, все время соскальзывал влево, и у Чарльза постоянно возникало ощущение, будто то же самое проделывают и его внутренности. Он с такой силой вцепился в поручни, что костяшки его пальцев побелели.

- Мне очень жаль,— проговорила Баранова,— если бы мы ехали медленнее, вы бы чувствовали себя не так отвратительно, но мы вынуждены придерживаться графика движения.

— А вы к этому уже привыкли? — простонал Модайн.

— До некоторой степени. Но не до конца.

Он был счастлив, когда они в конце концов остановились; впрочем, радость его продолжалась совсем недолго. Модайну потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к ощущению, что он будто бы парит в воздухе. Каждый раз, когда модельер пытался сделать какое-нибудь движение, он спотыкался, но не падал, а медленно уплывал вперед или вверх, а потом постепенно возвращался на прежнее место. А когда он чисто инстинктивно начинал дергать ногами, становилось еще хуже.

Баранова предоставила ему возможность некоторое время самостоятельно справляться с непривычной ситуацией, потом догнала и медленно отвела назад.

- Некоторым это нравится,— сказала она.
- Лично мне — нет,— печально сообщил ей Чарльз Модайн.
- А многим не нравится. Пожалуйста, вставьте ноги вот в эти скобы в земле и не делайте резких движений.

Модайн увидел в небе пятерых летателей.

— Эти бывают здесь почти каждый день, — сообщила Баранова. — Несколько сотен приезжают время от времени. На полюсах и на оси вращения мы можем разместить около пяти тысяч человек одновременно. А почему бы нам не использовать все пространство Пятой для того, чтобы поддерживать ее персонал — все тридцать тысяч человек — в хорошей физической форме? Только вот как это сделать?

Модайн махнул рукой, и его тело тут же качнулось назад.

— Те, кто сейчас в небе... они ведь научились летать. Они же не родились птицами. Значит, другие тоже смогут.

— У этих пятерых исключительная координация движений — врожденная.

— В таком случае как я-то могу оказаться вам полезным? Я кутюрье. Я не создаю врожденной координации движений.

— Отсутствие врожденной координации не является непреодолимым препятствием. Это только означает, что тренироваться нужно дольше и сил приложить больше. Не существует ли какого-нибудь способа... не могли бы вы сделать этот процесс более... ну, модным, что ли? Может быть, вы придумаете какой-нибудь особенный летательный костюм для упражнений; или у вас есть идеи насчет того, как, используя психологию, заманить людей на тренировки? Если бы нам удалось создать настоящие программы и персонал станции стал бы с удовольствием заниматься физическими упражнениями, тогда можно было бы замедлить вращение Пятой, ослабить кориолисово ускорение. Мы надеемся, что в этом случае Пятая наконец стала бы домом для тех, кто здесь живет.

— По-моему, вы хотите, чтобы я совершил чудо!.. А нельзя ли попросить их подлететь поближе?

Баранова помахала рукой, одна из птиц ее заметила и грациозно поплыла вниз. Молодая женщина. Улыбаясь, она повисла футом в десяти над землей, кончики ее крыльев немного подрагивали.

— Привет! — крикнула она. — Что случилось?

— Ничего особенного, — ответила ей Баранова. — Мой друг хочет посмотреть, как ты управляешь крыльями. Покажи их в работе.

Женщина снова улыбнулась и, повернув сначала одно крыло, а потом и другое, сделала сальто. Выпрямилась, замерла на

месте, отведя оба крыла назад, начала подниматься, медленно шевеля крыльями. Постепенно крылья задвигались быстрее, а через мгновение женщина скрылась из виду.

— Чем-то похоже на балет, — через некоторое время проговорил Модайн. — Только крылья ужасно уродливы.

— Правда? Вы так считаете?

— Конечно, — сказал Модайн. — Похожи на крылья летучей мыши. Возникают ненужные ассоциации.

— Так скажите нам, что нужно сделать? Может, украсить их перьями? И тогда все захотят научиться летать и станут, не жалея сил, тренироваться?

— Нет. — Модайн задумался. — Возможно, нам удастся облегчить сам процесс.

Он вытащил ноги из скоб, немного оттолкнулся и поплыл в воздухе. Затем пошевелил руками и ногами, чтобы посмотреть, что из этого получится, и его тело как-то странно накренилось. Он попытался вернуться к скобам, и Баранова, протянув руку, помогла ему.

— Послушайте, — проговорил Модайн. — Я кое-что сконструирую, а если кто-нибудь сможет претворить мои чертежи в жизнь, я сам попробую взлететь. Я никогда ничего подобного не делал; вы же только что видели, как я попытался оторваться от земли и чуть-чуть подняться в воздух — у меня ничего не вышло. Так вот, если из моей идеи что-нибудь получится и если я смогу летать, значит, любой будет в состоянии сделать это.

— Наверное, мистер Модайн. — В голосе Барановой сомнения смешались с надеждой.

К концу недели Чарльз Модайн начал привыкать к Пятой космической станции. Когда он находился на земле в экваториальных районах, где действовала привычная для него сила тяготения, он забывал о кориолисовом ускорении, потому что здесь станция почти ничем не отличалась от Земли.

— В самый первый раз, — сказал модельер, — я бы не хотел, чтобы на меня смотрело все население Пятой — реализовать мою идею может оказаться труднее, чем я предполагаю. Будет обидно, если она провалится с самого начала. Однако официальные лица пусть присутствуют на испытаниях — на случай, если у меня все получится.

— Мне кажется, следует испробовать вашу модель без свидетелей,— проговорила Баранова.— Неудача во время первого полета, какими бы ни были причины...

— Зато успех будет таким впечатляющим!

— А каковы шансы на успех? Если серьезно?

— Весьма солидные, мисс Баранова. Поверьте мне. Вы все делали неправильно. Вы поднимаетесь в воздух, пытаясь подражать птицам — а это очень трудно. Ваши летатели вынуждены учитывать отсутствие силы тяготения — следовательно, подходить к решению проблемы нужно было с другого конца.

Температура воздуха, как и всегда, была отрегулирована. И влажность тоже. И скорость ветра. Атмосферные условия были настолько безупречными, что о них и не думалось. И все же лоб Модайна покрылся испариной — он волновался, словно актер перед выходом на сцену. И тяжело дышал. В районах, где отсутствовала гравитация, воздух был более разреженным, чем на экваторе,— не намного, но тем не менее Модайну его явно не хватало, так отчаянно колотилось его сердце.

Летателей в воздухе не было; зрителей собралось совсем мало — Координатор, министр здравоохранения, представитель службы безопасности и кое-кто еще из официальных лиц. Всего присутствовало около дюжины мужчин и женщин. Модайн был знаком только с Барановой.

У него был небольшой микрофон, и Модайн постарался говорить так, чтобы не дрожал голос.

— Мы здесь летаем без поддержки силы тяготения,— начал он.— Пример птиц, да и летучих мышей в данном случае нам совершенно бесполезен. Они-то обитают в местах, где гравитация есть. В море все по-другому. В море сила тяготения практически отсутствует, и там нас поднимает на поверхность плавучесть. Когда мы летаем в воде, где нет гравитации, мы называем это плаванием. На Пятой космической станции, в районах, где не действует сила тяготения, воздух отлично годится для плавания. Нам следует подражать дельфинам, а не орлам.

Произнеся эти слова, он поднялся в воздух. На нем был изящный комбинезон, который, с одной стороны, не обтягивал фигуру плотно, но и не висел на ней, точно балахон. Модайн начал мгновенно падать, но стоило ему вытянуть одну руку впе-

ред, как тут же заработал небольшой газовый приборчик и у него на спине появился изогнутый плавник, а на животе возникло что-то вроде маленького киля.

Он перестал падать.

— Без силы тяготения, — продолжал объяснять кутюрье, — этого достаточно для того, чтобы стабилизировать полет. Вы можете делать повороты и наклоняться в ту сторону, в какую захотите, причем будете постоянно контролировать свое движение. Я это делаю первый раз, и у меня не очень хорошо получается, но научиться совсем не трудно.

Он вытянул вперед другую руку, на ногах и на локтях раскрылись плавательные перепонки.

— Они нужны, — сказал Модайн, — для возникновения движущей силы. Нет никакой необходимости размахивать конечностями, достаточно тихонько пошевелить руками или ногами, но, если вы захотите сделать разворот, нужно наклониться и выгнуть шею. А потом повернуться и изменить угол, под которым вы держите ноги и руки. В данном физическом упражнении задействовано все тело, но мягко и ненавязчиво. Это очень хорошо, потому что работают все мышцы, однако вы можете часами, не уставая, парить в воздухе.

Теперь он почувствовал, что двигается гораздо увереннее и грациознее — и быстрее. Он взмыл вверх. Мимо пронеслись потоки воздуха, и Модайн вдруг запаниковал, опасаясь, что не сможет замедлить свой полет. Потом — почти интуитивно — пошевелил пятками и локтями, начал разворачиваться, а вскоре и замедлил ход.

Смутно — сердце так гулко билось в груди — Чарльз Модайн услышал взрыв аплодисментов.

— Как вы догадались о такой возможности, ведь нашим специалистам подобная идея даже и в голову не приходила? — с восхищением в голосе спросила Баранова.

— Потому что они начали с вполне очевидного предположения, что для решения проблемы нужно воспользоваться крыльями, их сбили с толку птицы, самолеты и все такое. Они действительно построили самые лучшие искусственные крылья, какие только могли. Это работа технаря. А вот подход модного кутю-

рье — посмотреть на проблему с художественной точки зрения как на единое целое.

— Мы начнем выпускать костюмы дельфинов, и очень скоро население станции поднимется в воздух. Теперь я уверена, что нам будет сопутствовать успех. И тогда мы всерьез задумаемся, как лучше замедлить вращение Пятой станции, — радостно проговорила Баранова.

— Или вообще ее остановить, — вставил Модайн. — Я подозреваю, что в скором времени все жители станции станут с удовольствием плавать. — Он рассмеялся. — Может быть, они больше совсем не захотят пользоваться ногами. Лично я так бы и поступил.

Ему выписали солидный чек, как и обещали, и Модайн, улыбнувшийся при виде суммы, сказал:

— Крылья — для птиц.

СМЕРТЬ ФОЯ

То, что фой умирал на Земле, было весьма необычно. Фои принадлежали к высшей касте у себя на планете (название которой произносилось — насколько это могли воспроизвести человеческие органы речи — Сортибакенстрете) и были фактически бессмертны.

Каждый фой, конечно, рано или поздно добровольно умирал. Этот решил, что пришла пора свести все счета с жизнью из-за трагической любовной истории, если можно назвать любовью взаимодействие пяти индивидуумов, которые с целью продолжения рода должны долгое время наслаждаться особыми контактами на ментальном уровне. Очевидно, после нескольких месяцев неудачных попыток он понял, что не вписывается в выбранную им пятерку — и это разбило ему сердце, точнее, сердца, потому что у него их было пять.

У каждого фоя пять сердец, и многие считают, что именно благодаря этому они фактически бессмертны.

Мод Брискоу, самый знаменитый хирург Земли, хотела прибрать эти сердца к рукам.

— Не может быть, что главное тут — количество и размеры, — сказала она своему ассистенту. — Уверена, что дело в физиологии или биохимии. Я должна их заполнить.

— Не знаю, удастся ли, — ответил Дуэйн Джонсон. — Я много и серьезно разговаривал с фоем, пытаюсь обойти их табу, запрещающее расчленение тела после смерти. Мне пришлось сыграть на его чувствах и напомнить о страданиях, которые испытывает каждый фой, умирая вдали от дома. Я ему солгал, Мод.

— Солгал?

— Я сказал, что, когда он умрет, самый известный в мире хор под управлением Гарольда Дж. Гассенбаума исполнит в его честь погребальную песнь. Я поведал ему, что земляне верят, будто это поможет его астральной сути мгновенно пересечь гиперпространство и вернуться на свою родную планету — Сортиб... или как она там называется. Он только должен подписать бумаги, позволяющие вам, Мод, получить его сердца для научных исследований.

— И что же, фой поверил в эту чушь собачью? — поинтересовалась Мод.

— Ну, вам ведь известно про новую тенденцию принимать мифы и верования разумных инопланетян. С его стороны было бы невежливо мне не поверить. Кроме того, каждый фой испытывает глубокое восхищение земной наукой, и мне кажется, этому стало лестно, что мы заинтересовались его сердцами. Он пообещал обдумать мое предложение, и надеюсь, примет решение достаточно скоро, потому что ему осталось жить еще день или два. Следуя межпланетному закону, мы обязаны иметь его разрешение на проведение экспериментов, а сердца должны быть свежими и... Вот он нас вызывает!

Дуэйн Джонсон двигался быстро, бесшумно и красиво.

— Да? — прошептал ассистент, незаметно включив голографическое записывающее устройство, на случай если фой все-таки захочет дать им разрешение.

Огромное, шишковатое, чем-то похожее на дерево тело фоя неподвижно лежало на кровати. Выпученные глаза пульсировали (все пять штук), поднимаясь каждый на своем стебельке и поворачиваясь в сторону Дуэйна. Голос фоя звучал как-то странно, а безгубый, круглый, широко открытый рот не шевелился, однако вполне внятно произносил слова. Фой глазами показал — как это у них принято, — что согласен на предложение Дуэйна.

— Отдайте мои большие сердца Мод, Дуэйн, — сказал фой. — Расчлените меня для хора Гарольда. Передайте всем фоям, живущим на Сортибакенстрете, что я скоро буду с ними...

ТОЧКА ВОЗГОРАНИЯ!

— Давайте разберемся,— сказал Энтони Майерс, наклоняясь через стол к человеку, сидевшему напротив.— Ваш компьютер не пишет речи?

— Нет, писать будете вы. Или кто-нибудь другой.— Николас Енсен сохранял спокойствие.

Это был маленький человечек, очень аккуратно одетый, в старомодном вязаном галстуке — и его нисколько не смущало, что он живет в мире, где все носят свитера.

— Мне удалось разработать систему, состоящую из слов, фраз и предложений, которые оказывают влияние на определенные группы людей, в зависимости от пола, возраста, национальности, языка, профессии, места проживания и тому подобное,— продолжал Енсен.— Если вы сможете достаточно подробно охарактеризовать аудиторию, к которой собирается обратиться ваш оратор, то я сумею снабдить вас необходимыми деталями, которые нужно будет включить в речь. Чем больше мы узнаем об аудитории, тем точнее моя компьютерная программа выдаст ключевые слова и фразы. Они будут вплетены в речь...

— Но смогут ли... будет ли речь иметь смысл?

— Тут многое зависит от ловкости того, кто эту речь станет произносить; впрочем, на самом деле решающего значения это не имеет. Если вы просто будете колотить в барабан, то добьетесь того, что сердца и ноги собравшихся начнут отбивать вместе с барабанными палочками единый ритм — необходимо только отыскать точку возгорания. Смысл аналогичен мелодии, но барабану вовсе не обязательно ее играть; вполне достаточно опре-

делить ритм. Ну а что касается мелодии... конечно, нужно постараться, чтобы она присутствовала, но главное — ритм. Вы меня понимаете?

Майерс почесал подбородок и задумчиво посмотрел на своего собеседника:

— А вы уже пробовали раньше?

Енсен коротко улыбнулся:

— Только неофициально. Для своих. И все же я прекрасно разбираюсь в том, о чем говорю. Я охололог...

— Как вы сказали?

— Я изучаю психологию толпы. До меня, насколько я знаю, никто еще не пытался компьютеризировать эту проблему.

— И вы уверены, что это должно сработать — в теории.

— Нет, я надеюсь только, что это может сработать — в теории.

— И хотите поставить эксперимент на мне. А что, если ничего не получится?

— Вы в любом случае ничего не потеряете. Я ведь не беру с вас денег. Для моей работы это будет полезно, а что касается вашего человека, то у него нет никаких шансов, если вы не прибегнете к моей помощи.

Майерс тихонько постучал по столу костяшками пальцев:

— Послушайте. Я хочу вам кое-что пояснить относительно моего человека. Он выглядит весьма впечатляюще. У него отличный голос. Он доброжелательный и симпатичный. Если с ним обращаться должным образом, из него может получиться исполнительный директор крупной компании, или посол, или президент Соединенных Штатов. Проблема состоит в том, что у него плохо с мозгами и он нуждается во мне, чтобы восполнить этот пробел. Но ему нужно научиться выступать так, чтобы никто из аудитории не догадался, что за эффектным фасадом скрывается пустота. А вот этого-то он и не может сделать, даже если я напишу для него прекрасную речь. Он не в состоянии произнести ее так, чтобы произвести впечатление умного человека. Вы думаете, вам удастся написать речь лучше, чем мне?

— Не лучше. Просто появятся определенные гарантии. Возможно, я сумею научить его нажимать на нужные кнопки и зажигать людей.

— Что вы имеете в виду?

— Точка возгорания. Неужели не понятно, что это значит? У всякой толпы есть такая точка, однако каждый раз нажимать на нее следует по-разному.

— Вполне возможно, что вы пытаетесь всучить мне страшную липу, мистер Енсен. Нет такой речи, которую бы не испортил простофиля.

— Наоборот. Простофиля может произнести ее куда лучше, чем вы, потому что ему не надо думать самому. Могу я с ним встретиться? Если, конечно, вы решили воспользоваться моими услугами.

— Надеюсь, вы понимаете, что все сказанное здесь не подлежит разглашению.

— Конечно. Учитывая, что я надеюсь продавать свою программу, мне и самому необходимо соблюдать строгую секретность.

Барри Винстону Блоку еще не исполнилось сорока. В молодости он играл в баскетбол в одной из низших профессиональных лиг. Благодаря этому ему без особых усилий удалось закончить колледж на Среднем Западе, а потом достаточно успешно заниматься мелкой торговлей. Он производил весьма благоприятное впечатление — не столько потому, что был красив, а из-за того, что в нем чувствовались какая-то внутренняя сила и уверенность. Волосы тронула ранняя седина. У него была манера закидывать голову и улыбаться удивительно располагающей улыбкой.

Обычно у собеседника уходил примерно час на то, чтобы понять: за дружелюбием скрывается лишь дополнительное дружелюбие.

В данный момент Блок чувствовал себя паршиво. С тех самых пор, как он связался с Майерсом, он постоянно ощущал в себе неуверенность. Он хотел продвигаться вперед; его тайным желанием было стать конгрессменом, а иногда ему казалось, что из него получится отличный проповедник; проблема заключалась в том, что он нервничал, когда оказывался среди большого скопления людей. После того как он пускал в ход свою замечательную улыбку, приходилось говорить — а сказать ему было нечего.

И никто так не смущал его, как этот маленький человечек с глазами-буравчиками, который сидел, сохраняя полную непо-

движность, пока Блок читал свои речи. Было совсем непросто выступать перед настоящей аудиторией — кто-то постоянно шуршал, кашлял, явно недовольный тем, что он еще не закончил. А этот маленький человечек — Блоку с трудом удалось запомнить, что его зовут Енсен, — никак не реагировал на его слова, что ужасно раздражало.

Нет, на самом деле он реагировал — причем всегда одинаково: неизменно давал для чтения другую речь. И каждый раз она немного отличалась от предыдущей и нравилась Блоку, но он чувствовал, что у него что-то не получается. Это вызывало у него грусть и в некотором роде стыд.

Манускрипт, который вручили ему в этот день, произвел на него жуткое впечатление.

— А зачем там все эти значки?

— Ну-ну, Барри. — Майерс всегда говорил с Блоком успокаивающим голосом. — Мистер Енсен сейчас тебе все объяснит.

— Это указания. Вам придется их выучить, это совсем не трудно. Тире означает паузу, подчеркивание соответствует тому, что эти слова нужно выделить. Стрелка, направленная вниз, показывает, что вы должны понизить голос; стрелка, направленная вверх, — повысить. Волнистая стрелка, направленная вниз, означает выражение презрения; волнистая стрелка, направленная вверх, — следует повысить голос в гневе. Круглые скобки соответствуют короткой улыбке; двойные скобки — усмешка; тройные — необходимо рассмеяться. Однако нельзя громко хохотать. Черта над словом означает, что ваше лицо должно принимать мрачное выражение. Звездочка...

— Я не смогу все это запомнить, — перебил его Блок.

Майерс, сидевший у Блока за спиной, начал энергично кивать, показывая, что он с этим совершенно согласен.

Однако Енсен ничуть не смутился:

— Потренируетесь и запомните. Ставки велики, стоит немного потрудиться.

— Давай, Барри, — вмешался Майерс. — Попробуй почитать, мистер Енсен тебе поможет.

Казалось, Блок собрался что-то еще возразить, но врожденная доброжелательность победила. Тогда он положил манускрипт на кафедру и начал читать. Он спотыкался, хмурился, глядя в текст, начинал сначала и снова останавливался.

Енсен раз за разом объяснял ему смысл значков. Они потратили целый час на первые три абзаца, после чего решили сделать перерыв.

— Ужасно!..— заявил Майерс.

— Вы помните, как пытались научиться кататься на велосипеде? — спросил Енсен.

В тот день Блок еще дважды прочитал речь от начала до конца; и на следующий день тоже. Потом для него приготовили другую речь. Тренировки продолжались.

Через неделю Блок заявил:

— Кажется, я начинаю понимать. У меня получается все лучше и лучше.

— У меня тоже возникло такое впечатление,— с сомнением проговорил Майерс.

Позднее Енсен сказал Майерсу:

— Он чувствует себя увереннее, чем я предполагал. У Блока есть определенный потенциал, но...

— Но что?

Енсен пожал плечами:

— Ничего. Посмотрим, что будет дальше.

— Полагаю, Блок готов к первому выступлению,— наконец сказал Енсен,— если аудитория будет однородной и мы сможем предварительно ее хорошенько проанализировать.

— Американской ассоциации ткачей требуется спикер, думаю, я смогу предложить им Барри. Вы справитесь с такой аудиторией?

— Ткачи? — задумчиво переспросил Енсен.— Их экономическое положение однородно, да и разница в образовании не должна быть очень существенной. Мне нужно заранее знать, какие города и штаты они представляют. Возраст, пол ну и все такое прочее. Как обычно.

— Я постараюсь добыть побольше информации, но времени остается совсем немного.

— Дело у нас пойдет быстро. Многие вопросы уже удалось решить. Ваш человек научился как следует произносить речи.

Майерс рассмеялся:

— Иногда ему удастся произвести впечатление даже на меня. Понимаете, я не хочу, чтобы он оказался в Конгрессе. Пусть

лучше выступает на телевидении, продавая мою точку зрения, — я хотел сказать, его...

— Ну, своей у него нет и в помине, — сухо заметил Энсен.

— Это не имеет значения. Я уже начал считать цыплят.

Блок хорошо проявил себя, когда ассоциация ткачей пригласила их на коктейль. Он следовал всем указаниям, улыбался, говорил не много, дважды безобидно пошутил, но по большей части слушал и кивал.

И все-таки сидевший за соседним столом Майерс чувствовал некоторую напряженность. Если Барри промахнется, они смогут стартовать еще раз, но в случае новой неудачи шансы на успех будут минимальны. Сейчас Барри должен сдать очень важный экзамен. Как жаль, что придется отказаться от человека с такой внешностью! Ведь он так похож на римского сенатора!

Майерс бросил быстрый взгляд на Энсена, устроившегося слева от него. Маленький человечек казался спокойным, но складка между бровями выдавала некоторую тревогу.

Обед закончился, прозвучали разные объявления, присутствующие поблагодарили организационный комитет, был представлен президиум — начались бесконечные приготовления, направленные на то, чтобы смутить оратора.

Майерс пристально посмотрел на Блока, поймал его взгляд и быстро показал два пальца — знак победы. Вперед покажи им Барри!

Но получится ли?.. Речь была странной, почти донкихотской. В газете она выглядела бы весьма необычно, если бы кто-нибудь захотел ее напечатать, но была полна скрытых намеков — если верить Энсену и его компьютеру.

Блок поднялся на ноги. Он легко шагнул на помост и положил записки на кафедру. У него всегда хорошо получались подобные вещи; Блок делал это незаметно, так что аудитория не испытывала раздражения от того, что он собирается прочитать заготовленную заранее речь.

Майерс вдруг вспомнил, как во время одного из выступлений оратор, сделав выразительный жест, сбросил свои записки с кафедры. Конечно, он собрал листы и продолжил речь, но аудитория его уже не слушала. Момент был безнадежно потерян.

Блок улыбнулся и медленно заговорил. (Давай, Барри, разогревайся поскорей.)

Казалось, Блок его услышал. Он ускорил ритм речи. Временами он делал короткие паузы — видимо, не мог разобрать какой-то из значков Енсена, но, к счастью, создавалось впечатление, что он это делает специально, подчеркивая смысл сказанного. Тут срабатывала внешность.

Потом он заговорил быстро и эмоционально. Вскоре Майерс с удивлением сообразил, что слышит бой барабанов. Это были те самые ключевые фразы, которые Блок произнес с нужным выражением, — аудитория начала просыпаться.

В одном месте люди рассмеялись, послышались аплодисменты. Майерс никогда ранее не видел, чтобы выступления Блока прерывались аплодисментами.

Лицо Блока покраснелось, один раз он так стукнул по кафедре, что стоявшая на ней лампа подскочила. (Только не сбрось ее на пол, Барри!) В ответ аудитория затопала ногами.

Майерс почувствовал растущее возбуждение, хотя ему было прекрасно известно, как тщательно готовилась эта речь. Он наклонился к Енсену:

— Ему удалось зажечь аудиторию, не так ли?

Енсен коротко кивнул. Его губы едва двигались.

— Да. И может быть...

Блок сделал короткую паузу — чтобы напряжение возросло еще больше, — а потом с грохотом опустил ладонь на кафедру, схватил манускрипт, смял его и отбросил в сторону.

— Мне это больше не нужно, — заявил он, и в его голосе явственно зазвучали ноты триумфа. — Я не хочу этих бумаг. Я написал свою речь заранее, не видя вас; я буду говорить от всего сердца, скажу то, что приходит мне в голову сейчас, друзья американцы, вы и я, вместе, — о том, что мы видим вокруг сегодня, и то, что я мечтаю увидеть, друзья мои, и поверьте — это не одно и то же!

В ответ раздался оглушительный рев.

Майерс схватил Енсена за руку:

— Он не сможет сам добраться до конца!

Но Майерс ошибся. Блок продолжал свою речь, прерываемую оглушительными криками и аплодисментами. Уже не имело значения, слышит его кто-нибудь или нет. Блок поднял руки

вверх, словно собирался обнять всю аудиторию, и в этот момент отчетливо прозвучал чей-то голос:

— Давай! Покажи им!

И Блок дал. То, что он говорил, не имело ни малейшего значения — но когда он закончил, зал устроил ему пятиминутную овацию.

— Что произошло? — спросил Майерс, пытаясь перекрыть неимоверный шум. (Он и сам аплодировал, не жалея ладоней.)

Енсен продолжал сидеть. Казалось, маленький человечек окончательно раздавлен; потом, притянув к себе Майерса, он проговорил дрожащим голосом:

— Неужели вы сами не видите, что произошло? На то был один шанс из тысячи. Ближе к концу я начал подумывать, что это возможно. Такое может случиться...

— О чем вы говорите?

— Аудитория прошла точку возгорания — Блок впервые в жизни выступал перед такой аудиторией, но ведь и оратор тоже имеет точку возгорания. Именно это и случилось с Блоком, а такой оратор сумеет повлиять на общественное мнение и сдвинуть горы.

— Кто? Барри?

— Да.

— Так это же замечательно!

— В самом деле? В таком состоянии он обладает колоссальной властью, и как только Барри это поймет, он перестанет в нас нуждаться. И куда он пойдет? Далеко не всегда люди, обладающие такой харизмой, вели человечество к бессмертной славе.

Вокруг них толпились люди.

— Это было совсем нетрудно, — негромко проговорил Блок, обращаясь к Майерсу. — И я чувствую себя просто великолепно! — Он, смеясь, повернулся к боготворящей его толпе.

Майерс с сомнением смотрел ему вслед, а в глазах Енсена появился страх.

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛНОК

Вирджиния Ратнер вздохнула:

— Полагаю, когда-то должен быть и последний раз. Ее глаза с беспокойством обратились в сторону моря, сверкающего под теплыми солнечными лучами.

— Напоследок нам повезло — выдался отличный денек, хотя дождь с градом лучше соответствовал бы моему настроению.

Роберт Гилл, старший офицер Космического агентства Земли, посмотрел на нее без особого сочувствия.

— Перестань хандрить. Ты же сама сказала: должен быть последний раз.

— Но почему мне выпало быть пилотом?

— Потому что ты наш лучший пилот и мы хотим, чтобы все прошло без проблем. А почему я должен демонтировать агентство? Удачного завершения!

— Удачного завершения? — Вирджиния наблюдала за погрузкой, неподалеку выстроилась длинная цепочка ожидающих своей очереди пассажиров.

Последний полет.

Она управляла челноками вот уже двадцать лет, и все это время знала, что когда-нибудь наступит последний рейс. Можно было бы предположить, что это знание ее состарит, но в волосах Вирджинии не появилось седины, а на лице — морщин. Может быть, жизнь в условиях постоянно меняющейся гравитации имела к этому какое-то отношение.

Однако мятежное настроение ее не покидало.

— Вот если бы последний челнок взорвался при взлете, в этом была бы некая впечатляющая ирония — или справедливость. Так мне, по крайней мере, иногда кажется. Протест самой Земли.

Гилл покачал головой:

— Строго говоря, я должен подать рапорт куда следует о том, что ты ведешь подобные разговоры, однако я прекрасно понимаю, что на тебя просто напал приступ ностальгии.

— Ну давай, подай на меня рапорт. Меня занесут в категорию неуправляемых особ и лишат лицензии пилота. И тогда я займу место среди последних шестисот шестнадцати пассажиров — пусть их будет на одного больше. Какой-нибудь другой пилот войдет в историю как последний...

— Я не собираюсь на тебя доносить. Не говоря уже о том, что никаких непредвиденных неприятностей ждать не приходится. Взлеты челноков совершенно безопасны.

— Не всегда, — мрачно заявила Вирджиния Ратнер. — Был же случай с «Энтерпрайз-шестьдесят».

— Нашла о чем вспомнить. Это произошло сто семьдесят лет назад, а с тех пор не зарегистрировано ни одной космической катастрофы. Теперь, после открытия антигравитации, никто не рискует даже своими барабанными перепонками; рев взлетающей ракеты — давно забытый анахронизм. Послушай, Ратнер, тебе пора на верхнюю палубу. До взлета осталось меньше получаса.

— Ну и что? Может быть, напомним мне, что взлет полностью автоматизирован и мое присутствие на капитанском мостике по большому счету никому не нужно?

— Ты это и без меня прекрасно знаешь, но по инструкции должна быть на своем месте — не говоря уже о традициях.

— А теперь, мне кажется, ты стал жертвой ностальгического настроения — наверное, вспомнил времена, когда от пилота многое зависело и его имя не канонизировали только за то, что он присутствовал при окончательном уничтожении чего-то великого.

Потом Вирджиния Ратнер добавила:

— Ну, я пошла.

И с этими словами направилась в сторону главного подъемника, где словно превратилась в пушинку, которую тащит вверх легкий ветерок.

Она вспомнила прежние дни, когда антигравитация еще не стала привычной и для старта использовались громадные установки, превышающие своими размерами сам челнок, да и работали они плохо, какими-то рывками, так что космонавты предпочитали обычные лифты.

Теперь каждый корабль имел собственные миниатюрные установки, создающие антигравитацию. Они действовали безотказно и использовались для подъема пассажиров, которые принимали это как должное, и для обычного груза — команда уже давно научилась обращаться с крупными предметами, не имеющими веса, но обладающими инерцией.

Ни один летательный аппарат, построенный людьми, не был столь великолепным и сложным, полностью компьютеризированным, как последние модели челноков, снабженные антигравитационными установками. За ними не угнаться обычной ракете, работающей на химическом топливе, — примитивному динозавру!

Что же до кораблей, обитающих в космосе и перемещающихся от одной орбитальной станции к другой — или даже летающих на Луну, — им почти не приходилось иметь дело с гравитацией, поэтому это были простые и в некотором смысле хрупкие конструкции.

Вирджиния находилась в каюте для пилотов, панели приборов показывали состояние всех бортовых устройств, местонахождение грузов, число и расположение членов команды и пассажиров. (Никого нельзя оставить. Об этом даже и помыслить невозможно!)

Телевизионные камеры обеспечивали полный обзор того, что окружало корабль, и Вирджиния задумчиво смотрела вдаль, туда, откуда в далекие героические дни человечество впервые шагнуло в космос. Именно тут были задуманы и построены первые космические станции, автоматические заводы, требующие, впрочем, постоянного надзора, — целые поселения, где жило до десяти тысяч человек.

Теперь с огромным технологическим центром было покончено. Его разобрали по частям, и вот осталась последняя база, последний полет последнего челнока. База будет стоять и после того, как улетит корабль, станет медленно ржаветь — превратится в грустный памятник прошлому.

Как люди Земли могли так быстро все забыть?

Вирджиния видела лишь море и землю — они были пустынными. Нигде не осталось ни построенных рукой человека зданий, ни самих людей. Только зеленая трава, желтый песок и голубая вода.

Время! Опытным взглядом Вирджиния уже видела, что пассажиры и экипаж заняли свои места, приборы работают четко и слаженно. Пошел отсчет последней минуты, навигационный спутник в небе подал сигнал, что путь свободен, и не было никакой необходимости касаться панели управления (она знала, что так и будет).

Корабль плавно и бесшумно поднялся в воздух — закончена работа, которая началась более двухсот лет назад. В космосе человечество ждало на Луне и Марсе, на астероидах и в мирадах других космических поселений.

К ним должна была присоединиться последняя группа землян. Три миллиона лет пребывания людей на Земле подошли к концу; десять тысяч лет земной человеческой цивилизации завершились; четыре столетия индустриальной эпохи закончились.

Земля вернулась в свое прежнее, первозданное состояние, благодарное человечество давало возможность своей родной планете уйти на заслуженный отдых. Навеки останется Земля колыбелью человечества.

Последний челнок поднялся над верхними слоями атмосферы, Земля распростерлась внизу — теперь она станет постепенно уменьшаться, а корабль будет улетать все дальше.

Пятнадцать миллиардов людей, обитающих в космосе, принесли торжественную клятву: никогда больше нога человека не ступит на поверхность Земли.

Земля свободна! Наконец свободна!

Проблема Джона Хиса заключалась в том, что он был середнячком. И не имел никаких оснований в этом сомневаться. А кроме того, он чувствовал, что его тайна известна Сьюзен, и это было хуже всего.

Значит, он не оставит следа в мире, никогда не поднимется на самую вершину «Квантум фармасьютикалз», где он работал в качестве одного из младших менеджеров.

Даже если он поменяет место работы, из него не выйдет ничего путного.

Джон вздохнул. Через две недели состоится их свадьба, и ради Сьюзен ему очень хотелось иметь перспективы продвижения по службе. Ведь когда любишь, ужасно хочется, чтобы глаза суженой всегда сияли радостью.

Однако нельзя не отметить: для молодого человека его возраста женитьба являлась статистической нормой — для середнячка.

Сьюзен Коллинз с любовью смотрела на Джона. Почему бы и нет? Симпатичный, неглупый, надежный и достаточно пылкий. И пусть он не поражал окружающих блистательным интеллектом, зато его действия отличались предсказуемостью — Джон был просто не в состоянии совершить какой-нибудь эксцентричный поступок.

Сьюзен похлопала по подушке, которую положила на кресло ему под голову, и протянула Джону выпивку. Только убедившись в том, что он крепко держит бокал, Сьюзен отпустила его.

— Я заранее тренируюсь за тобой ухаживать, Джонни. Хочу быть хорошей женой.

Джон сделал глоток.

— Это я должен все время стараться, Сью. Ты ведь зарабатываешь больше меня.

— Когда мы поженимся, все пойдет в один карман. Фирма «Джонни и Сью» — у нас будет общая книга учета доходов и расходов.

— Но вести ее придется тебе, — уныло проговорил Джон. — Я все время буду делать ошибки.

— Только потому, что ты в этом так уверен, — решительно возразила Сьюзен. — Когда придут твои друзья?

— Кажется, мы договорились на девять. А может быть, на девять тридцать. К тому же вряд ли можно назвать их моими друзьями. Просто ребята из научной лаборатории «Квантума».

— А ты уверен, что они не рассчитывают на ужин?

— Они сказали, что придут после обеда. Тут у меня сомнений нет: это деловой визит.

Сьюзен лукаво на него посмотрела:

— Ты не говорил об этом раньше.

— Чего не говорил?

— Что они придут по делу. Ты уверен?

Джон смутился. Всякий раз, когда он пытался что-нибудь вспомнить наверняка, его охватывали сомнения.

— Они так сказали, насколько я помню.

Сьюзен одарила его веселым и делано возмущенным взглядом. Так смотрят на милого щенка, который не понимает, что у него ужасно грязные лапы.

— Если бы ты и в самом деле думал всякий раз, когда говоришь: «Я думаю», тебя бы не посещали постоянно сомнения. Неужели ты не понимаешь, что их визит не может быть деловым? В противном случае они бы пригласили тебя в свой офис.

— Дело секретное, — ответил Джон. — Они не хотят, чтобы нас видели вместе в «Квантуме». И даже на моей квартире.

— Почему же они выбрали мою квартиру?

— Ну, я им сам предложил. Мне хотелось, чтобы ты была рядом. Тогда им придется иметь дело с фирмой «Джонни и Сью», не так ли?

— Посмотрим, почему они темнят,— сказала Сьюзен.— Они намекали на что-нибудь?

— Нет, но если мы их слушаем, хуже ведь не будет. Возможно, в результате мне удастся улучшить свое положение в «Квантуме».

— А почему они выбрали именно тебя? — поинтересовалась Сьюзен.

Джон явно расстроился:

— А почему бы и нет?

— Мне представляется, что для служащего, занимающего твою должность, не требуется такого уровня секретности и что...

В этот момент загудел домофон. Сьюзен пошла ответить и через несколько секунд вернулась:

— Идут.

2

Двое гостей стояли у двери. Одним из них был Борис Купфер, с которым Джон уже говорил,— крупный, нервный человек, на подбородке которого явственно проступала синева. Второго посетителя звали Дэвид Андерсон, он был чуть ниже ростом и держался более уверенно. Его зоркие, внимательные глаза ничего не упускали.

— Сьюзен,— неуверенно начал Джон, так и не закрывший входную дверь.— Это мои коллеги, о которых я тебе говорил. Борис...— Он понял, что забыл фамилию, и замолчал.

— Борис Купфер,— утрюмо подсказал крупный мужчина, позвякивая мелочью в карманах.— А это Дэвид Андерсон. Очень любезно с вашей стороны, мисс...

— Сьюзен Коллинз.

— Очень любезно с вашей стороны предоставить мистеру Хису возможность провести здесь частную встречу. Мы просим прощения за то, что отнимаем у вас время, и если бы вы оставили нас ненадолго, мы были бы вам признательны еще больше.

Сьюзен мрачно посмотрела на него:

— Вы предпочитаете, чтобы я пошла в кино, или вас удовлетворит, если я удалюсь в соседнюю комнату?

— Если бы вы навестили подругу...

— Нет,— твердо сказала Сьюзен.

— Вы, конечно же, можете делать все, что вам заблагорассудится. Возможно, посещение кинотеатра...

— Когда я говорю «нет», — строго заявила Сьюзен, — это означает «нет». Я никуда не уйду. Я желаю знать, чего вы хотите от Джона.

Купфер, казалось, пришел в страшное замешательство. Он с надеждой посмотрел на Андерсона, а потом сказал:

— Дело строго конфиденциальное. Надеюсь, мистер Хис вам все объяснил.

— Я объяснил, — неуверенно пролепетал Джон. — Сьюзен понимает...

— Сьюзен, — вмешалась девушка, — не понимает и никогда не поймет, почему она должна уйти. Это моя квартира, к тому же мы с Джоном через две недели поженимся — ровно через две недели. Мы — единая фирма «Джонни и Сью», и вам придется иметь дело с ней.

— Борис, молодая женщина права, — впервые заговорил Андерсон. У него был удивительно глубокий и завораживающий голос. — Как будущая жена мистера Хиса, она, естественно, имеет право выслушать наши предложения, так что было бы ошибкой исключить ее из разговора. Более того, если бы она решила уйти, я бы сам попросил ее остаться, ведь наши переговоры касаются и Сьюзен.

— Ну что ж, друзья мои, — сказала Сьюзен, — выпьете чего-нибудь? Как только я принесу бокалы, можем начать.

Гости сели и сделали по паре осторожных глотков. Наконец Купфер заговорил:

— Хис, я не думаю, что вам известны подробности научных изысканий, которые ведет химическая лаборатория «Квантума», — например, изучение химикатов, воздействующих на мозг.

— Ни в малейшей степени, — неуверенно ответил Джон.

— А вы и не должны ничего знать, — успокоил его Андерсон.

— Дело обстоит следующим образом, — начал Купфер, бросив беспокойный взгляд на Сьюзен.

— Нет никакой необходимости вдаваться в технические подробности, — вмешался Андерсон, голос которого звучал едва слышно.

Купфер слегка покраснел.

— Да, опуская детали... «Квантум фармасьютикалз» работает с химическими соединениями, воздействующими на мозг,— мы пытаемся сделать работу мозга более эффективной.

— Должно быть, это очень сложные исследования,— хладнокровно заявила Сьюзен.

— Да,— кивнул Купфер.— Мозг млекопитающих обладает сотнями разнообразных молекулярных характеристик, которые моделируют активность мозга, включая аспекты, определяющие интеллект. Наши исследования самым строжайшим образом засекречены, именно поэтому Андерсон и не хочет, чтобы я вдавался в технические подробности. Однако кое-что я могу сказать. Мы зашли в тупик с экспериментами на животных. Перед нами непреодолимая стена. Нужно выяснить, как реагирует на наш препарат человек.

— Тогда почему же вы этого не сделали? — спросила Сьюзен.— Что вас останавливает?

— Мы боимся общественного мнения в случае, если нас постигнет неудача!

— Тогда призовите добровольцев.

— Не поможет. «Квантум фармасьютикалз» понесет колоссальные убытки, если разразится публичный скандал.

Сьюзен насмешливо посмотрела на гостей:

— Значит, вы работаете на свой страх и риск?

Андерсон поднял руку, останавливая Купфера.

— Молодая женщина,— негромко проговорил он,— разрешите мне кое-что объяснить вам, чтобы прекратить бесполезное словесное фехтование. Если мы добьемся успеха, то заработаем огромные деньги. Если нас постигнет неудача, «Квантум фармасьютикалз» моментально откажется от Купфера и от меня — наша карьера будет загублена навсегда. Если вы спросите меня, почему мы готовы пойти на это, то ответ будет таким: мы считаем, что риска практически не существует. Мы имеем серьезные основания рассчитывать на успех и совершенно убеждены, что не нанесем вреда тому, кто согласится принять участие в эксперименте. Корпорация не может рисковать, но мы уверены в удачном исходе. А теперь, Купфер, продолжайте!

— У нас есть препарат, влияющий на память. Он дал положительные результаты во время экспериментов с животными.

Их способность к обучению невероятно возрастает. Препарат должен оказывать аналогичное воздействие на человека.

— Звучит довольно привлекательно, — сказал Джон.

— Так оно и есть, — согласился Купфер. — Память человека не нужно улучшать. Все наши исследования показывают, что мозг способен запомнить любую информацию, причем практически в неограниченных количествах. Проблема заключается в том, чтобы вытащить ее на поверхность, когда в этом возникает необходимость. Сколько раз бывало, что какое-то имя вернется у вас на кончике языка, но вы никак не можете произнести его? Сколько раз вы пытались вспомнить то, что наверняка знали, а два часа спустя, когда вы и думать об этом забыли, искомые сведения вдруг всплывали в вашем мозгу? Я правильно все излагаю, Дэвид?

— Абсолютно, — подтвердил Андерсон. — Обращение к памяти, по нашему мнению, затруднено из-за того, что мозг млекопитающего создал слишком мощную записывающую систему. Сохраняется такая огромная база данных, что ее очень трудно использовать и быстро сделать выбор, чтобы обеспечить соответствующую реакцию. Таким образом, воспоминания тормозятся для того, чтобы гарантировать извлечение из запасников памяти именно того факта, который требуется, и не вытащить при этом множество совершенно бесполезных в данной ситуации воспоминаний. В мозгу есть вещество, которое работает как ингибитор — замедлитель памяти, и нам удалось создать химикат, который его нейтрализует. Мы назвали его деингибитор; исследования и эксперименты показали, что он не дает никаких вредных побочных эффектов.

Сьюзен рассмеялась:

— Мне все ясно, Джонни. Джентльмены, вы можете быть свободны. Сначала вы заявляете, что торможение воспоминаний позволяет млекопитающим реагировать на окружающую действительность более эффективно. Потом вы говорите, будто деингибитор не имеет никаких вредных побочных воздействий. Не сомневаюсь, ваш препарат сделает реакции млекопитающего еще менее эффективными, а может быть, вообще лишит его способности реагировать на что-либо. И вы намерены испытывать деингибитор на Джонни, чтобы посмотреть, впадет он в кататонический ступор или нет.

Андерсон поднялся на ноги, его тонкие губы дрожали. Он сделал несколько быстрых шагов в одну сторону, потом вернулся обратно. Когда он снова уселся на стул, его лицо озаряла спокойная улыбка.

— Во-первых, мисс Коллинз, это вопрос дозировки. Мы уже говорили вам, что у всех животных, подвергшихся эксперименту, существенно улучшилась способность к обучению. Естественно, мы не пытались полностью уничтожить ингибитор; мы просто частично компенсировали его воздействие. Во-вторых, у нас есть основания считать, что человеческий мозг может выдержать полную компенсацию ингибитора. Ведь он гораздо больше, чем у любого из животных, на которых мы проводили эксперименты,— всем известно, что человек способен к абстрактному мышлению. Мозг человека сконструирован для идеального воспроизведения имеющейся информации, но слепые силы эволюции не сумели уничтожить ингибитор, который унаследован нами от низших животных.

— Вы уверены? — спросил Джон.

— Вы не можете быть уверены,— холодно заявила Сьюзен.

— Сами мы не сомневаемся,— ответил Купфер,— однако нам необходимы доказательства, чтобы убедить остальных. Вот почему нужно испытать деингибитор на человеке.

— На Джоне,— мрачно проговорила Сьюзен.

— Да.

— Что возвращает нас,— не унималась Сьюзен,— к ключевому вопросу: почему вы выбрали Джона?

— Ну,— медленно проговорил Купфер,— нам нужен человек, чьи шансы на успех будут максимальными. Кроме того, результат должен быть наглядным. Мы не хотим связываться с теми, чьи умственные способности существенно ниже нормы,— в этом случае придется дать слишком большую дозу деингибитора. Не стоит иметь дело и с очень способными людьми, поскольку эффект заметить будет трудно. Для нашего эксперимента требуется человек со средними способностями. Нам повезло, в нашем распоряжении имеется описание физических и психологических характеристик всех работников «Квантума». Так вот, мистер Хис идеально нам подходит.

— Средняк по всем параметрам? — спросила Сьюзен.

Джон вздрогнул, услышав ее слова: и в самом деле, Сьюзен раскрыла его самый сокровенный секрет!

— Да ладно вам,— пробормотал он.

Не обращая внимания на Джона, Купфер ответил Сьюзен:

— Да.

— И он станет другим, если примет ваше лекарство?

Губы Андерсона растянулись в очередной холодной улыбке.

— Верно. Он больше не будет середняком. Тут есть над чем поразмыслить — особенно раз вы в ближайшее время собираетесь пожениться. Не забывайте о фирме «Джонни и Сью», как вы изволили выразиться. Если ничего не изменится, я не думаю, что вашу фирму ждет успех в «Квантум фармасьютикалз», мисс Коллинз: хотя Хис хороший и надежный работник, он, как вы и сами прекрасно знаете, обладает весьма средними способностями. Однако если он подвергнется воздействию деингибитора, ваш будущий супруг станет выдающейся личностью и сделает головокружительную карьеру. Подумайте, как это скажется на фирме «Джонни и Сью».

— А что фирма может потерять? — мрачно спросила Сьюзен.

— Мне трудно себе представить, что вы что-нибудь потеряете,— ответил Андерсон.— Мы дадим ему разумную дозу — завтра, в воскресенье. В нашем распоряжении будет целый этаж; мы сможем наблюдать за Джоном в течение нескольких часов. Наверняка все пройдет хорошо. Если бы я рассказал вам о бесконечных экспериментах, когда мы самым тщательным образом исследовали все побочные эффекты...

— На животных.— Сьюзен не отступала ни на дюйм.

— Я уже принял решение, Сью,— резко сказал Джон.— Мне до смерти надоело быть середняком. Я готов рискнуть, если есть шанс навсегда с этим покончить.

— Джонни,— остановила его Сьюзен,— не торопись.

— Я думаю о фирме, Сью. И хочу сделать свой взнос.

— Отлично. Но подумайте еще,— сказал Андерсон.— Мы оставим два экземпляра нашего контракта, прочитайте его не спеша и решите, следует подписать его или нет. Мы заедем за вами завтра, чтобы отвезти в лабораторию.

Гости улыбнулись на прощание и ушли.

Джон в волнении прочитал контракт и поднял на Сьюзен глаза:

— Ты считаешь, что я не должен соглашаться, Сью?

— Да, меня это беспокоит.

— Послушай, если у меня появится шанс перестать быть середняком...

— А что в этом плохого? — спросила Сьюзен. — За свою короткую жизнь я встречала столько дураков и психов, что с удовольствием свяжу судьбу с таким симпатичным, спокойным парнем, как ты, Джонни. На самом деле я тоже середняк.

— Это ты середняк? С такой внешностью? С такой фигурой?

Сьюзен с определенным удовольствием посмотрела на себя в зеркало.

— Ну, тогда я просто самая средняя великолепная девушка, — заявила она.

3

Инъекцию сделали в восемь утра, в воскресенье, менее чем через двенадцать часов после того, как Джон получил предложение принять участие в эксперименте. На тело Джона в нескольких местах были прикреплены датчики, и Сьюзен самым внимательным образом наблюдала за своим женихом.

— Пожалуйста, Хис, расслабьтесь. Все идет хорошо, но ваше волнение увеличивает число сердечных сокращений и поднимает давление, из-за чего нам трудно следить за процессом.

— А как я могу расслабиться? — пробормотал Джон.

— Настолько трудно следить за процессом, — резко вмешалась Сьюзен, — что вы не знаете, что происходит?

— Нет-нет, — возразил Андерсон. — Борис ведь сказал, что все идет хорошо, — так оно и есть. Просто животным мы перед инъекцией всегда давали транквилизаторы, но в данном случае мы посчитали, что лучше обойтись без них. А значит, следует ожидать роста напряженности. Постарайтесь дышать медленно и спокойно, и все будет в порядке.

Только к полудню они решили, что можно снять датчики.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Андерсон.

— Немного нервничаю, — ответил Джон, — в остальном все нормально.

— Голова не болит?

— Нет. Но я хотел бы сходить в туалет — иначе трудно расслабиться.

— Конечно.

— Я не заметил, чтобы с моей памятью произошло что-нибудь особенное, — нахмурившись, заявил Джон, выходя из ванной.

— Потребуется некоторое время. Деингибитор начинает действовать не сразу, — ответил Андерсон.

4

Было уже почти двенадцать вечера, когда Сьюзен прервала затянувшееся молчание — оба смотрели в телевизор, но мало что понимали из происходящего на экране.

— Ты должен остаться у меня на ночь, я не хочу, чтобы ты был один. Кто знает, что с тобой может произойти.

— Я ничего не чувствую, — мрачно проговорил Джон. — Никаких изменений.

— Меня это вполне устраивает, — успокоила его Сьюзен. — У тебя что-нибудь болит, есть необычные ощущения?

— Да нет, все в норме.

— Лучше бы мы не соглашались.

— Ради фирмы, — сказал Джон, слабо улыбнувшись. — Ради фирмы стоило рискнуть.

5

Джон спал плохо и проснулся вовремя, но в отвратительном настроении. Впрочем, на работу он не опоздал. Начиналась новая неделя.

К одиннадцати часам мрачное настроение Джона привлекло внимание его непосредственного начальника, Майкла Росса. Росс, плотный чернобровый мужчина, был похож на портового грузчика. Джону шеф не слишком нравился, хотя он и поддерживал с ним приличные отношения.

— Куда подевалась твоя обычная веселость, Хис? Твои шутки? Заразительный смех? — спросил Росс басом.

Казалось, ему и в разговоре хотелось походить на грузчика.

— Чувствую себя паршиво, — ответил Джон, не поднимая взгляда.

— Похмелье?

— Нет, сэр,— холодно ответил Джон.

— Ну, тогда приободришься. Вряд ли тебе удастся завести кучу друзей, если ты все время будешь корчить мрачные рожи!

Больше всего на свете Джону хотелось завывать. Даже в самые лучшие времена выступления Росса утомляли его, а сейчас и во-все было тошно.

И тут, как нарочно, Джон почувствовал отвратительный запах сигар, которые курил Джеймс Арнольд Прескотт — глава отдела продаж.

Тот вошел в комнату, посмотрел по сторонам и спросил:

— Майк, когда и что мы продали Ровею прошлой весной? Возникла какая-то дурацкая проблема, похоже, в наш компьютер вкралась ошибка.

Вопрос относился не к Джону, однако он спокойно ответил:

— Сорок два флакона РСАР. Четырнадцатого апреля, входящий номер Р-двадцать тысяч пятьсот сорок три, пять процентов скидки. Срок оплаты — один месяц. Окончательный расчет — восьмого мая.

Казалось, все, кто находился в комнате, услышали эти слова. Во всяком случае, глаза присутствующих обратились на Джона.

— Откуда, черт возьми, вы можете это знать? — осведомился Прескотт.

Джон удивленно посмотрел на Прескотта:

— Просто запомнил.

— Значит, запомнили? Ну так повторите!

Джон, слегка заикаясь, повторил, а Прескотт наклонился и, тяжело дыша — ему мешал солидный животик,— записал сведения на листок бумаги. Джон постарался незаметно отмахнуться от дыма сигары.

— Росс, проверь эти данные по своему компьютеру.— Прескотт повернулся к Джону: — Я не люблю дурацких шуток. Что бы вы сделали, если бы я, не проверяя ваши слова, воспользовался этой информацией?

— Ничего бы не сделал, поскольку я правильно все сказал,— ответил Джон, чувствуя, что становится центром всеобщего внимания.

Росс отдал Прескотту распечатку. Тот посмотрел на нее и спросил:

— Это из компьютера?

— Да, мистер Прескотт.

Прескотт еще раз взглянул на листки, а потом кивнул в сторону Джона:

— А он кто такой? Еще один компьютер? Этот тип не ошибся.

Джон сделал неудачную попытку улыбнуться, но Прескотт что-то пробурчал себе под нос и удалился, оставив за собой удушливый запах сигарного дыма.

— Это еще что за фокусы, Хис? — поинтересовался Росс. — Ты случайно узнал, что его интересует, и посмотрел заранее, чтобы оказать услугу?

— Нет, сэр, — ответил Джон, к которому вернулась уверенность. — Я просто вспомнил. У меня хорошая память на подобные вещи.

— И все эти годы ты скрывал от нас свои способности? Никто здесь и не подозревал, что за твоим самым обычным лбом прячется такая потрясающая память.

— А какой смысл было ее демонстрировать, мистер Росс? Теперь, когда все об этом узнали, что я выиграл?

Тут Джон был совершенно прав. Росс свирепо посмотрел на него и отвернулся.

6

Джон был так взволнован, когда они со Сьюзен зашли вечером в небольшой ресторанчик пообедать, что даже не мог связно говорить. Однако Сьюзен проявила терпение, она внимательно выслушала своего жениха и постаралась его успокоить.

— Знаешь, ты мог вспомнить совершенно случайно, — сказала она. — Само по себе это еще ничего не доказывает, Джонни.

— Да ты что, с ума сошла? — Он понизил голос, когда Сьюзен сердито замахала на него руками и быстро огляделась по сторонам. Тогда Джон повторил шепотом: — Ты с ума сошла. Неужели ты думаешь, что речь идет только об этом? По-моему, я могу повторить все, что когда-либо слышал. Тут дело в том, что... просто вспомнить. Например, всего Шекспира — наизусть.

— Быть или не быть.

На лице Джона появилась презрительная гримаса.

— Не надо шуток. А, ладно, не имеет значения. Дело в том, что, если ты прочитаешь какую-нибудь строку, я смогу продолжить хоть до конца пьесы. Я много читал Шекспира в колледже,

а потом и для себя — и теперь могу тебе все продекламировать. Я уже пробовал. Словно река течет! Полагаю, что сумею процитировать любую книгу или статью в газете, которую когда-либо читал, или телевизионное шоу, которое смотрел, — слово за словом, сцену за сценой.

— Ну и зачем тебе это? — спросила Сьюзен.

— Я не держу это постоянно в голове. Ты же не думаешь... подожди, давай закажем...

Через пять минут Джон сказал:

— Ты же не думаешь... Господи, я не забыл, на чем остановился! Разве это не удивительно?.. Ты не думаешь, что я все время плаваю в море из строк Шекспира. Нужны усилия, чтобы интересующие меня сведения всплыли в памяти, не очень большие, но все-таки усилия.

— А как это происходит?

— Не знаю. Как ты поднимаешь руку? Какие приказы отдаешь своим мускулам? Ты просто хочешь, чтобы рука поднялась, и она поднимается. Так вот, я могу вспомнить все, что когда-либо читал или видел, стоит лишь захотеть. Я не знаю, как это происходит!

Принесли первое блюдо, и Джон быстро с ним расправился.

Сьюзен без особого энтузиазма тыкала вилкой в свои грибы.

— Звучит впечатляюще.

— Впечатляюще? Да я обзавелся самой замечательной игрушкой на свете! Мой собственный мозг. Послушай, я могу правильно написать любое слово — совершенно уверен, что не сделаю при этом ни одной орфографической ошибки.

— Потому что помнишь все словари и учебники, которые читал?

Джон бросил на Сьюзен быстрый взгляд:

— Только не надо иронии, Сью.

— Но я вовсе...

Он жестом заставил ее замолчать.

— Я никогда не читал словари ради развлечения. Но я помню слова и предложения из разных книг, где они были написаны правильно.

— Не будь так в этом уверен. Ты видел множество слов, написанных с самыми разными ошибками, да и неудачных фраз читал немало.

— Но это были исключения. Гораздо чаще я сталкивался с литературным английским. Это перевешивает случайные ошибки. Более того, мне кажется, что я прогрессирую с каждой минутой, даже сейчас, когда сижу здесь.

— И тебя это не беспокоит. А что, если...

— Что, если я стану слишком умным? Объясни мне, как можно проиграть из-за того, что ты стал слишком умным?

— Я только хотела сказать,— холодно ответила Сьюзен,— что то, о чем ты говоришь, вовсе не свидетельствует об уме. Просто ты научился вспоминать.

— Ничего себе «просто»! Если я буду все помнить, то смогу безошибочно пользоваться английским, если буду держать в голове множество фактов, разве это не произведет соответствующего впечатления? А что вообще такое ум? Тебе не кажется, что ты начинаешь немного завидовать, Сью?

— Нет,— ответила она еще более холодным голосом.— Я всегда могу сделать такую же инъекцию, если мне приспичит.

Джон положил вилку на стол:

— Ты со мной так не поступишь.

— Я и не собираюсь, но что, если мне захочется?

— Неужели ты воспользуешься своей информированностью, чтобы лишить меня преимуществ?

— Каких преимуществ?

Принесли основное блюдо, и на некоторое время Джон замолчал.

Потом он заговорил шепотом:

— Которыми я буду обладать в самом ближайшем будущем. Сверхчеловек!.. Нас никогда не будет очень много. Ты же слышала, что сказал Купфер. Некоторые слишком глупы, чтобы стать такими, как я. Другие слишком умны, чтобы сильно измениться. А я — как раз то, что надо!

— Полный середняк.— Сьюзен строила гримаску.

— Когда-то я им был. Со временем появятся и другие сверхлюди. Их будет совсем немного. Однако я первый оставлю свой след в истории человечества. Все для нашей фирмы, ты же знаешь. Для нас!

После этого он надолго замолчал.

Сьюзен грустно ела в полнейшей тишине.

Джон провел несколько дней, систематизируя воспоминания. Это было похоже на составление огромного справочника. Постепенно к нему возвращалось все, что произошло с ним за шесть лет его работы в «Квантум фармасьютикалз», все, что он слышал или читал в документах и докладных записках.

Без особого труда он отделил несущественное — эти сведения отправились в специальный «ящик» с рекомендацией «хранить до востребования»; теперь они не будут ему мешать при анализе других данных. Остальные события он расположил в определенном порядке, чтобы получалась некая естественная прогрессия.

Затем Джон стал вспоминать слухи, сплетни — злобные и смешные, фразы и заявления на различных совещаниях, на которые он в свое время не обратил ни малейшего внимания. То, что не соответствовало построенной в его голове структуре, он отбрасывал как лишнее, не представляющее интереса. То, что подходило, занимало положенное место, сразу превращаясь в факт.

Постепенно конструкция, выстроенная Джоном, становилась все более осмысленной, и тем легче ему было пристраивать к ней все новые и новые факты.

Во вторник рядом со столом Джона остановился Росс:

— Я хочу, чтобы ты немедленно зашел ко мне в кабинет, если твои ноги не откажутся доставить тебя туда.

Джон неохотно встал.

— А это обязательно? Я занят.

— Да, ты кажешься занятым.— Росс посмотрел на пустой стол Джона, на котором в данный момент стояла лишь фотография улыбающейся Сьюзен.— Ты занят с начала недели. Ты спросил, обязательно ли тебе заходить в мой кабинет. Для меня — нет; но для тебя — жизненно важно. Вот дверь, ведущая ко мне. А вот дверь, в которую ты можешь выйти отсюда навсегда. Выбери одно или другое — и побыстрее.

Джон кивнул и не торопясь последовал за Россом.

Росс устроился за своим столом, но Джону сестра не предложил. Он пристально посмотрел на своего подчиненного, а потом заявил:

— Что, черт возьми, с тобой происходит в последнее время, Хис? Ты что, не знаешь, чем должен заниматься?

— Насколько мне известно, я выполняю свою работу, — ответил Джон. — Порученный мне отчет попал на ваш стол на семь дней раньше срока. Сомневаюсь, что вы будете им недовольны.

— Ты сомневаешься, да? А у меня есть твое разрешение на недовольство, после того как я посоветуюсь со своей совестью? Или я приговорен к тому, чтобы каждый раз делать у тебя соответствующий запрос?

— Судя по всему, вы неправильно меня поняли, мистер Росс. Я сомневаюсь, что у вас будут рациональные претензии к моему отчету. Что же до других, то меня они совершенно не волнуют.

Росс резко встал:

— Послушай, молокосос, если я решу тебя уволить, ты эту новость даже не услышишь. Я и говорить ничего не буду. Ты выйдешь через эту дверь головой вперед, а я помогу тебе набрать достаточное ускорение, чтобы твое тело не останавливалось до самого выхода. Постарайся удержать эту несложную мысль в своем крошечном мозгу, а язык — за зубами своего слишком большого рта. Сейчас не стоит вопрос о том, сделал ты свою работу или нет. Откуда у тебя право давать всем указания?

Джон ничего не ответил.

— Ну?! — взревел Росс.

— Вы ведь велели «держаться язык за зубами моего слишком большого рта».

Росс побагровел.

— Однако тебе придется отвечать на мои вопросы.

— Я никому не давал указаний, — спокойно проговорил Джон.

— Здесь нет ни одного человека, которого ты бы не поправил хотя бы один раз. Ты через голову Виллоуби начал вести переговоры с ТМП; ты влез в компьютерные файлы, пользуясь допуском Бронштейна; и один только Бог знает, что еще ты натворил за последние два дня и о чем мне пока не доложили. Ты не даешь нашему отделу спокойно работать. Немедленно прекрати соваться куда не следует! Если с этого момента не установится спокойная погода, жди торнадо.

— Если я и вторгнулся в чужие дела, то только ради пользы дела, — ответил Джон. — Из-за ошибки Виллоуби был нарушен федеральный закон, и «Квантум фармасьютикалз» мог понести серьезные потери. Об этом я не раз сообщал в докладных записках, прочитать которые вам было недосуг. Что касается Бронштейна, то он попросту игнорирует общие указания, что приве-

ло к проведению никому не нужных тестов, которые обошлись компании в пятьдесят тысяч. Я легко мог бы проделать эту работу самостоятельно, только чтобы проверить, насколько хорошо помню ту ситуацию.

Росс все больше терял самообладание.

— Хис,— прошипел он,— ты узурпируешь мои функции. Поэтому еще до обеда ты сложишь свои личные вещи, навсегда покинешь «Квантум фармасьютикалз» и больше никогда сюда не вернешься. А я с большим удовольствием помогу тебе набрать высокую скорость при помощи своего колена. Официальная бумага об увольнении будет у тебя в руках, или я забью ее тебе прямо в глотку еще до того, как ты соберешься. Так что поторопись!

— Не пытайтесь меня запугать, Росс,— не торопясь проговорил Джон.— Ваша некомпетентность привела к тому, что компания уже потеряла четверть миллиона долларов, и вам об этом хорошо известно.

Наступила короткая пауза. Росс сник на глазах.

— О чем ты говоришь? — осторожно спросил он.

— «Квантум фармасьютикалз» участвовала в борьбе за Нитли и упустила его из-за того, что некая информация, которой вы располагали, так и не попала в Совет директоров. Вы или забыли о ней, или посчитали ее малосущественной — в любом случае вы не соответствуете занимаемой должности. Либо вы некомпетентны, либо продались соперничающей фирме.

— Ты спятил!

— Пусть даже мне не поверят — вся информация содержится в компьютере, надо только знать, где ее искать. Более того, у меня есть распечатки, которые окажутся в руках нужных людей через две минуты после того, как я покину здание компании.

— Если это и так,— теперь речь давалась Россу с трудом,— ты не можешь быть уверен на сто процентов. Глупая попытка шантажа посредством клеветы.

— Вам прекрасно известно, что это не клевета. А если вы сомневаетесь, что я располагаю необходимой информацией, то я вам расскажу: меморандум, о котором идет речь, был уничтожен, но его легко восстановить, воспользовавшись имеющимися в наличии данными. Вам придется объяснить его отсутствие, и всем станет ясно, что вы совершенно сознательно уничтожили важный документ. Вы знаете, что я не блефую.

— Но это же шантаж.

— Почему? Я не выдвигаю никаких требований и не угрожаю вам. Просто объясняю, что стану делать. Естественно, если меня заставят уволиться, я вынужден буду поделиться некоторыми своими соображениями, вы меня понимаете?

Росс ничего не сказал.

— Вы все еще требуете моего увольнения? — хладнокровно спросил Джон.

— Выйди вон из моего кабинета.

— Так я уволен или нет?

— Нет, ты продолжаешь здесь работать. — По лицу Росса можно было изучать разновидности ненависти.

8

Сьюзен организовала обед у себя на квартире, потратив на это немало сил. Никогда еще — по собственному мнению — она не выглядела такой привлекательной. Наступил очень важный момент: ей было необходимо тронуть сердце Джона, чтоб отвлечь его от постоянных размышлений.

— В конце концов, — сказала она с наигранной веселостью, — мы празднуем последние девять дней нашей одинокой жизни.

— Мы празднуем нечто гораздо большее, — проговорил с мрачной улыбкой Джон. — Прошло всего четыре дня с тех пор, как мне сделали инъекцию деингибитора, а я уже поставил Росса на место. Он больше никогда не станет меня беспокоить.

— Похоже, мы по-разному смотрим на некоторые вещи, — печально произнесла Сьюзен. — Расскажи мне подробно, о чем вы говорили.

Джон быстро и без колебаний передал слово в слово свой разговор с Россом.

Сьюзен слушала с каменным выражением лица, она явно не разделяла триумфа, звучащего в голосе жениха.

— А как ты узнал об ошибке Росса?

— Тут нет никакого секрета, Сью, — ответил Джон. — Очень многие вещи кажутся секретными, потому что люди о них забывают. Если ты в состоянии вспомнить каждое замечание, каждый комментарий, каждое случайное слово, а потом рассмотреть их в комбинации, то поймешь, что люди сами выдают свои сек-

реты. Ты улавливаешь намеки, которые в наш век всеобщей компьютеризации быстро приводят тебя к соответствующим документам. Совсем нетрудно. Мне, по крайней мере, вполне по силам. Я сумел это проделать с Россом и справлюсь с любым человеком, с которым меня сведет судьба.

— И вызовешь ярость.

— Росс и в самом деле рассвирепел. Тут ты можешь не сомневаться.

— Но был ли твой поступок разумным?

— А что он может мне сделать? Росс у меня в руках.

— У него достаточно влияния в верхних эшелонах...

— Не надолго. Я назначил совещание на завтра. В два часа. Будет присутствовать старина Прескотт со своими вонючими сигарами — между делом я разорву Росса на куски.

— Тебе не кажется, что ты торопишься?

— Тороплюсь? Я еще даже не начинал. Прескотт — только первый этап. Как и «Квантум фармасьютикалз».

— И все равно не следует форсировать события. Тебе необходим человек, который бы тобой руководил. Тебе нужно...

— Мне ничего не нужно. С тем, что у меня есть, — Джон постучал пальцем по виску, — меня никто и ничто не остановит.

— Ну ладно, давай не будем сейчас об этом говорить. Нам следует обсудить совсем другое.

— Что?

— Собственные планы. Через девять дней свадьба. Несомненно, — тут в голосе Сьюзен появилась ирония, — ты не забыл, что через девять дней у нас свадьба?

— Я помню об этом, — недовольно ответил Джон, — но в данный момент мне необходимо реорганизовать «Квантум фармасьютикалз». На самом деле я всерьез подумываю о том, чтобы перенести свадьбу до тех пор, пока я не наведу в компании порядок.

— Да? И когда же это будет?

— Трудно сказать. Долго ждать не придется, учитывая скорость, с которой развиваются события. Полагаю, месяц или два. Если только, — тут у него в голосе появился сарказм, — ты не считаешь, что я тороплюсь.

— А ты не собирался по этому поводу посоветоваться со мной? — Сьюзен тяжело дышала.

Джон приподнял брови:

— Разве есть необходимость? Не слышу аргументов. Сама видишь, что происходит. Нельзя останавливаться и терять набранную скорость. Послушай, ты знаешь, что я математический гений? Я могу умножать и делить так же быстро, как компьютер: когда-то я немного интересовался арифметикой, а теперь могу вспомнить все ответы. Я прочитал таблицу квадратных корней, и в моих силах...

— Боже мой! — вскричала Сьюзен. — Ты как дитя с новой игрушкой! У тебя потеряна перспектива. Способность мгновенно вспоминать все по собственному желанию хороша только для фокусов. Она не дает тебе дополнительного ума или таланта, ни единой унции; не говоря уже об умении делать выводы или о здравом смысле. Ты опасен, как ребенок с гранатой. За тобой должен приглядывать тот, кто способен реально оценивать окружающий мир.

Джон нахмурился:

— В самом деле? По-моему, все идет отлично и я получаю все, что захочу.

— Вот как? А ведь меня ты тоже хочешь, верно?

— О чем ты?

— Ну давай, Джонни! Ты ведь хочешь меня. Так протяни руку и возьми. Используй свою замечательную способность помнить все. Вспомни, кто я такая, что собой представляю, тепло наших отношений... Вспомни все!

Джон, на лице которого появилось неуверенное выражение, протянул руки к Сьюзен. Она отстранилась от него.

— Но ты меня не получишь. Потому что, когда я в твоих объятиях, ты должен не помнить обо мне, а любить меня. Твоя проблема заключается в том, что у тебя не хватило здравого смысла это сделать и недостает ума, чтобы правильно определить приоритеты. Вот, возьми кольцо и уходи отсюда, или я тресну тебя чем-нибудь тяжелым.

Он протянул руку и взял обручальное кольцо.

— Сьюзен...

— Я же сказала, уходи. С этого момента фирма «Джонни и Сью» прекращает свое существование.

Ее лицо пылало гневом, и Джон, покорно повернувшись, ушел.

Когда на следующее утро Джон пришел в «Квантум фармасьютикалз», его уже поджидал Андерсон, на лице которого ясно читалось нетерпение.

— Мистер Хис,— с улыбкой сказал он, поднимаясь на встречу.

— Что вы хотите? — поинтересовался Джон.

— Надеюсь, нас здесь никто не услышит?

— Насколько мне известно, подслушивающих устройств тут нет.

— Послезавтра вы должны прийти к нам для осмотра. В воскресенье. Вы помните?

— Конечно помню. Я не способен что-нибудь забыть. Однако я могу изменить свои намерения. Зачем мне осмотр?

— Для вашей же пользы, сэр. Не вызывает сомнения, что Купфер и я удачно подобрали дозу, все складывается просто великолепно. На самом деле мы не хотим ждать до воскресенья. Если бы вы зашли к нам сегодня, прямо сейчас, это имело бы большое значение для нас, «Квантума» и, конечно, для всего человечества.

— Вам следовало крепче за меня держаться, когда у вас была такая возможность,— решительно проговорил Джон.— Вы отправили меня на работу, где я должен был действовать без вашей помощи,— вы проводили эксперимент в полевых условиях, и вам многое удалось узнать. А для меня это был дополнительный риск, но вас это не слишком беспокоило.

— Мистер Хис, мы думали об этом. Мы...

— Не надо! Я помню каждое слово, которое было произнесено вами или Купфером в прошлое воскресенье, и мне совершенно ясно, что вас тогда беспокоило. Поэтому, раз уж рисковать пришлось мне, то и выгоду из эксперимента должен извлечь я. Больше я не собираюсь играть роль биохимического уродца, который получил выдающиеся способности благодаря одной инъекции. У меня нет никакого желания, чтобы рядом со мной оказались другие люди с подобными способностями. В данный момент я владею монополией и собираюсь использовать ее до конца. Когда буду готов — и никак не раньше,— стану с вами сотрудничать ради будущего всего человечества. Но запомните: я сам ре-

шу, когда наступит этот момент. Поэтому не звоните мне; я вас найду.

Андерсону удалось улыбнуться.

— Интересно, мистер Хис, каким образом вы сможете помешать нам сделать заявление для прессы? Те, кто имел с вами дело в течение последней недели, подтвердят наши слова.

— Вы так думаете? Послушайте, Андерсон, послушайте внимательно и уберите с лица вашу дурацкую ухмылку. Она меня раздражает. Я уже говорил вам, что помню каждое слово, которое было произнесено вами и Купфером. Каждый нюанс, каждое выражение лица, каждый взгляд, которым вы обменялись. Это очень о многом говорит. Я понял достаточно, чтобы навести кое-какие справки об отпусках по болезни, которые за последнее время брали работники компании. И мне очень многое стало ясно. Похоже, я далеко не первый служащий «Квантум фармасьютикалз», испытавший на себе действие деингибитора.

Теперь улыбка и в самом деле исчезла с лица Андерсона.

— Чепуха!

— Вы знаете, что это не так, и должны понимать: я легко смогу доказать свою правоту. Мне известны имена людей, с которыми вы имели дело, — могу напомнить вам, что среди них была одна женщина, — и названия больниц, где их лечили, даже фальшивые истории болезней, которыми вы их снабдили. Поскольку вы не предупредили меня о возможных последствиях, когда использовали в качестве четвертого подопытного кролика на двух ногах, я вам ничего не должен, кроме разве что нескольких лет тюремного заключения.

— Я не собираюсь с вами спорить, — вздохнул Андерсон. — Однако кое-что я вам скажу. Воздействие деингибитора прекратится, Хис. Вам не удастся сохранить свою идеальную память навсегда. И тогда вы придете к нам — и получите следующую инъекцию на наших условиях.

— Чушь, — усмехнулся Джон. — Неужели вы думаете, что я не изучил ваших отчетов, во всяком случае тех, что не были засекречены? У меня есть вполне определенные подозрения относительно того, что вы засекретили. В некоторых случаях воздействие деингибитора продолжается дольше, чем в других. И чем удачнее проходит эксперимент, тем длиннее оказывается про-

межуток. В моем варианте результат получился просто великолепным, а значит, я еще долго буду обладать потрясающими способностями. К тому моменту, когда действие деингибитора закончится — если это вообще когда-нибудь произойдет, — я буду занимать такое положение, что отказ сотрудничать со мной приведет вас к катастрофе. Даже и не думайте об этом.

— Вы неблагодарный...

— Не морочьте мне голову, — устало сказал Джон. — Я не желаю выслушивать ваши истерики. Уходите, у меня много работы.

Когда Андерсон покинул комнату, на его лице появилось разочарование и страх.

10

Было два часа тридцать минут, когда Джон вошел в кабинет Прескотта — на сей раз его не слишком беспокоил сигарный дым. Пройдет совсем немного времени, и Прескотту придется выбирать между сигарами и своим местом.

Вместе с Прескоттом в кабинете находились Арнольд Глак и Льюис Рэндалл — Джон с мрачным удовлетворением отметил, что для встречи с ним собрались все три руководителя подразделений.

Прескотт положил сигару на край пепельницы и сказал:

— Росс просил дать вам полчаса, больше я просто не могу. Вы тот самый человек, который обладает исключительной памятью?

— Меня зовут Джон Хис, сэр, и я собираюсь представить на ваше рассмотрение схему рационализации компании; мы начнем по-настоящему использовать возможности компьютеров; наша компания будет готова к дальнейшей модернизации по мере улучшения технологий.

Трое директоров переглянулись.

Глак, чье загорелое лицо было испещрено множеством морщин, спросил:

— Вы эксперт по менеджменту?

— Мне этого не требуется, сэр. Я проработал здесь шесть лет и помню все операции, которые проходили через меня. Мне очевидно, что схема управления малоэффективна. Нетрудно заметить узкие места и придумать способы их устранения. Если вы меня послушаете, я вам все быстро объясню. Вы сразу поймете.

Рэндалл, которого молодили рыжие волосы и веснушки, иронически осведомился:

— Надеюсь, это будет совсем нетрудно, потому что у нас возникают проблемы со сложными концепциями.

— У вас не возникнет никаких проблем, — заверил его Джон.

— А у вас осталась двадцать одна минута и ни секундой больше, — заявил Прескотт, посмотрев на часы.

— Я закончу раньше, — заверил их Джон. — Я начертил диаграммы и могу говорить быстро.

Он уложился в пятнадцать минут — его ни разу не прервали.

Наконец Глак заговорил, холодно глядя на Джона маленькими глазами:

— Если вас послушать, так мы можем уволить половину персонала.

— Больше половины, — спокойно уточнил Джон, — и от этого компания станет работать только эффективнее. Профсоюз помешает нам уволить рядовых служащих, впрочем, всегда можно найти способ от них избавиться. А с управляющими расстаться не проблема. Пожилые уйдут на пенсию, остальным — если они достаточно молоды — придется подыскать себе другую работу. Прежде всего мы должны думать о «Квантум фармасьютикалз».

Прескотт, до этого момента сохранявший зловещее молчание, выпустил кольцо вонючего дыма.

— Такие кардинальные изменения следует производить только после тщательной проверки. То, что на бумаге выглядит вполне логично, часто разбивается о реальные трудности, да и человеческий фактор нельзя не учитывать.

— Прескотт, если вы не начнете реорганизацию в течение ближайшей недели, а меня не поставят во главе проекта, я подам в отставку. Меня с удовольствием возьмут в меньшую фирму, где будет гораздо легче внедрить в жизнь новые идеи. Начав дело с небольшой группой управляющих, я смогу, не нанимая новых людей, во много раз увеличить оборот фирмы — и через год «Квантум фармасьютикалз» будет на грани банкротства. Я получу от этого немалое удовольствие. Так что подумайте как следует, прежде чем принимать окончательное решение. Мои полчаса истекли. До свидания.

И Джон Хис ушел.

11

Прескотт задумчиво смотрел ему вслед. Он явно пытался просчитать варианты.

— Похоже, — наконец заговорил он, — Хис досконально знает, как мы функционируем, и собирается реализовать свои намерения. Нам нельзя его упускать.

— То есть, по-твоему, следует принять его план? — с ужасом спросил Рэндалл.

— Я этого не говорил. Вы оба можете идти. И помните: никто не должен узнать о нашем разговоре.

— У меня такое чувство, — пробормотал Глак, — что если мы немедленно не предпримем каких-то решительных действий, то через месяц окажемся на улице без средств к существованию.

— Весьма вероятно, — кивнул Прескотт, — поэтому мы кое-что сделаем.

— Что?

— Вам лучше оставаться в неведении. Предоставьте это мне. А сейчас забудьте обо всем и хорошенько отдохните. Веселых выходных.

Когда они ушли, Прескотт немного посидел, терзая зубами потухшую сигару. Потом потянулся к телефону и набрал номер.

— Говорит Прескотт. Я хочу, чтобы в понедельник, с самого утра, вы зашли ко мне в кабинет. Первым делом. Вы меня поняли?

12

Андерсон выглядел слегка взъерошенным, он плохо провел субботу и воскресенье. Прескотт, настроение у которого было и того хуже, злобно проговорил:

— Ты и Купфер опять взялись за свое?

— Давайте не будем об этом, мистер Прескотт, — тихо сказал Андерсон. — Вы помните, мы договорились соблюдать конфиденциальность, когда речь идет о некоторых видах исследований. Мы ставим на карту свою карьеру, в случае удачи станем богатыми людьми, а «Квантум фармасьютикалз» делит с нами успех, ничем при этом не рискуя.

— Однако вам удвоили жалованье, гарантировав, что все дополнительные выплаты пострадавшим берет на себя «Квантум

фармасьютикалз», не забывают! Вы ведь возились с этим типом, Джоном Хисом? Ну, признавайтесь. Тут невозможно ошибиться. Лично я ни секунды не сомневаюсь.

— Да.

— И у вас хватило ума спустить на нас этого... этого... тарантула.

— Мы и представить себе не могли, что так получится. После того как он хорошо перенес инъекцию и не впал в шок, мы поняли, что у нас возникает замечательная возможность провести настоящие полевые испытания препарата. Мы рассчитывали, что через пару дней действие деингибитора прекратится.

— Если бы вы поставили меня в известность, я бы понял, что происходит, как только этот ублюдок без малейших колебаний выдал мне сведения из компьютера, сообщив детали, которые он никак не должен был знать. Ладно, теперь, по крайней мере, известно, чего ждать. Он шантажирует нас, требуя, чтобы компания была немедленно реорганизована,— но мы не можем на это пойти. Отпустить его тоже никак нельзя.

— Весьма возможно, что его план совсем неплох, если учесть способности Хиса к воспроизведению информации и синтезу,— предположил Андерсон.

— Не важно. Ублюдок хочет получить мою должность, и один только Бог знает, чью еще. Нам необходимо от него избавиться.

— Что вы хотите этим сказать? Он имеет колоссальное значение для нашего проекта.

— Забудьте о нем. Это самая настоящая катастрофа. Вы создали супер-Гитлера.

— Эффект не будет долговечным,— тихо проговорил Андерсон.

— Да? И когда этот кошмар кончится?

— В данный момент не могу дать точного ответа.

— А я не могу рисковать. Мы должны покончить с ним самое позднее к завтрашнему вечеру. Ждать больше нельзя.

13

Джон находился в отличном настроении. Теперь Росс всячески избегал его, а когда по необходимости был вынужден с ним говорить, то делал это крайне корректно. Произошли кардиналь-

ные изменения, в результате которых Джон стал негласным начальником отдела.

Он не мог не признать, что ему это нравится, и наслаждался новыми возможностями. Поток перемен подхватил его и нес с удивительной скоростью. Прошло всего девять дней с того момента, как Купфер ввел ему свой препарат, и с тех пор Джон непрерывно продвигался вперед.

Ну а с глупой выходкой Сьюзен можно разобраться чуть позже. Когда она увидит, каких высот он достигнет за следующие девять дней... за девяносто...

Джон поднял глаза. Возле его стола стоял Росс, дожидаясь, когда он обратит на него внимание, и даже побаиваясь прочистить горло. Хис повернулся на своем кресле, вытянул вперед ноги и расслабился.

— Ну, Росс? — небрежно бросил он.

— Я бы хотел, чтобы вы зашли в мой кабинет, Хис, — осторожно проговорил Росс. — Случилось нечто важное, я полагаю, что только вы сможете справиться с возникшей проблемой.

Джон медленно поднялся на ноги:

— Да? Что произошло?

Росс выразительно обвел взглядом комнату, где расположились еще пять человек. Потом посмотрел в сторону своего кабинета и жестом предложил Хису туда войти.

Джон заколебался, но сказались долгие годы работы под началом Росса, и он по привычке последовал за ним.

Росс вежливо пропустил его вперед, вошел вслед, незаметно закрыл дверь на замок и так и остался стоять перед ней. Вперед из-за книжного шкафа сразу же выступил Андерсон.

— Что все это значит? — резко спросил Джон.

— Ничего особенного, Хис. — Вежливая улыбка Росса превратилась в волчий оскал. — Мы просто хотим немного помочь тебе. Скоро ты снова станешь нормальным. И не вздумай шевелиться.

В руке Андерсона в мгновение ока появился шприц.

— Пожалуйста, Хис, не сопротивляйтесь. Мы не намерены причинить вам никакого вреда.

— Если я закричу... — начал Джон.

— Если ты издашь хоть звук, — заявил Росс, — я так заверну тебе руку за спину, что у тебя глаза на лоб вылезут. Мне бы этого очень хотелось, так что давай кричи.

— У меня есть материалы на вас обоих, они спрятаны в надежном месте. Если со мной что-нибудь случится...

— Мистер Хис,— вмешался Андерсон,— с вами ничего не случится. Наоборот: исчезнут все последствия того, что произошло с вами в воскресенье. Вы окажетесь в том самом месте, где находились раньше. Так было бы в любом случае, но мы слегка ускорим процесс.

— Поэтому я буду тебя держать, Хис,— сказал Росс,— а ты не шевелись, иначе получишь слишком большую дозу — и забудешь все на свете.

Хис отступил на шаг, он начал задыхаться.

— Так вот что вы задумали. Решили таким способом избавиться от всех неприятностей. Чтобы я забыл о вас, об этой информации и месте ее хранения. Но...

— Мы не сделаем вам ничего плохого, Хис,— заверил его Андерсон.

Лоб Джона покрылся потом. Казалось, его разбил паралич.

— Я потеряю память! — хрипло пробормотал он.

Только человек, помнящий все, что с ним когда-либо произошло, мог испытывать такой ужас.

— Значит, ты и это тоже забудешь? — усмехнулся Росс.— Ну не тяни, Андерсон.

— Что ж,— угрюмо пробормотал Андерсон.— Я уничтожу результаты очень удачного эксперимента.

Он приподнял вялую руку Хиса и приготовил шприц.

Раздался стук в дверь, и послышался звонкий голос:

— Джон!

Андерсон замер со шприцом в руке, вопросительно глядя на Росса. Тот, быстро посмотрев на дверь, нетерпеливо повернулся к Андерсону:

— Давай, док, делай свое дело!

— Джонни,— снова послышался тот же голос,— я знаю, что ты здесь. Я вызвала полицию. Они скоро приедут.

— Делай укол. Она лжет,— свирепо зашептал Росс.— К тому моменту, когда они появятся, все будет кончено. Никто ничего не сможет доказать.

Но Андерсон отчаянно затряс головой:

— Это его невеста. Она знает о нашем эксперименте. Она при нем присутствовала.

— Ну и болван же ты!

Снова послышался стук в дверь, и раздался сдавленный голос:

— Отпустите меня. У них мой... пустите!

— Без нее он бы не согласился участвовать в эксперименте, — сказал Андерсон. — Да вы посмотрите на него — нам ничего и не нужно делать.

Джон, стоявший в углу, сполз на пол, его глаза закатились, он впал в транс.

— Парень смертельно испугался, — сказал Андерсон. — Шок такой силы может и в обычной ситуации отрицательно повлиять на память. Я думаю, что действие деингибитора прекратилось. Пусть она войдет, я с ней поговорю.

14

Побледневшая Сьюзен сидела, положив руки на плечи своего бывшего жениха.

— Что здесь произошло?

— Вы помните инъекцию...

— Да-да. Что случилось?

— Он должен был прийти к нам позавчера, в воскресенье, для тщательного обследования. Однако Хис не пришел. Мы забеспокоились, к тому же начальство было удивлено поведением вашего жениха. Он стал агрессивным, раздражительным, у него возникла мания величия — возможно, вы это тоже заметили. Я вижу, вы больше не носите кольцо.

— Мы... поссорились, — призналась Сьюзен.

— Тогда вы меня должны понимать. Он был... ну, как если бы Хис представлял собой механизм, мотор которого перегрелся от перегрузок. Сегодня утром мы решили, что Хису необходима помощь. Мы уговорили его зайти сюда, заперли дверь и...

— Сделали ему какой-то укол, пока я кричала и стучала в дверь.

— Вовсе нет, — возразил Андерсон. — Мы хотели дать ему успокаивающее, но было уже поздно. У него наступил полный упадок сил. Вы можете проверить тело — ведь вы невеста Хиса — и убедиться, что на нем нет следов от укола.

— Обязательно это сделаю, — пообещала Сьюзен. — А что с ним будет теперь?

— Я уверен, что он поправится. И снова станет самим собой.

— Полным середняком?

— Он лишится своей исключительной памяти. Но ведь десять дней назад ваш жених не обладал подобными способностями. Естественно, фирма предоставит ему неограниченный отпуск с сохранением содержания. Если потребуется медицинское обслуживание, все счета будут нами оплачены. А как только Джон пожелает, он сможет сразу же вернуться к работе.

— Да? Ну, я бы хотела получить все соответствующие документы еще до конца сегодняшнего дня, в противном случае мне придется завтра же обратиться к адвокату.

— Но, мисс Коллинз,— возразил Андерсон,— вы же знаете: мистер Хис добровольно согласился на эксперимент. И вы его поддержали.

— Полагаю,— холодно ответила Сьюзен,— вы понимаете, что нам не сообщили всей информации. Вряд ли настоящее расследование доставит вам удовольствие. Так что позаботьтесь о том, чтобы ваши словесные обещания были облечены в письменную форму.

— Тогда вам придется подписать бумаги, что вы не будете иметь к нам претензий, если с вашим женихом что-нибудь случится.

— Возможно. Но сначала я должна разобраться в том, что же с ним все-таки произошло. Ты можешь идти, Джонни?

Джон кивнул и хрипло проговорил:

— Да, Сью.

— Тогда пошли отсюда.

15

Только после того, как Джон прикончил омлет и влил в себя чашку черного кофе, Сьюзен согласилась с ним разговаривать.

— Никак не могу понять, как ты там оказалась? — недоуменно спросил он.

— Тебя устроит, если я скажу, что дело в женской интуиции?

— Лучше сказать — во всем виноват мозг Сьюзен.

— Ладно. Пусть будет так! После того как я вернула тебе кольцо, меня разбирала ужасная злость, и я себя жалела. Однако вскоре возникло ощущение жестокой потери, потому что, хотя

это и странно для такой обычной особы, как я, но я к тебе даже слишком хорошо отношусь.

— Прости меня, Сью,— смиренно сказал Джон.

— Вот это правильно! Если ты смог даже меня, бедняжку, которая так тебя любит, довести до состояния ярости, могу себе представить, что чувствовали твои коллеги! И чем больше я об этом думала, тем сильнее опасалась, что им захочется с тобой покончить. Нет, пойми меня правильно. Я готова признать, что ты заслуживаешь смерти, но только от моих рук. Никому другому я это сделать не позволю. Ты не звонил мне...

— Я знаю, Сью. У меня были грандиозные планы и совсем не хватало времени...

— Тебе необходимо было все закончить за две недели, дурацкая твоя башка!.. Сегодня утром я почувствовала, что больше не могу терпеть. Пришла к тебе в офис, и оказалось, что тебя держат за закрытой дверью.

Джон содрогнулся:

— Никогда бы не подумал, что буду с радостью слушать твои крики и стук, но именно так все и было. Ты остановила их.

— Ты уже можешь говорить о том, что произошло?

— Думаю, да. Со мной все в порядке.

— Так что же они собирались сделать?

— Они хотели уничтожить действие деингибитора. Возможно, Андерсон намеревался дать мне слишком большую дозу, чтобы я совсем потерял память.

— Почему?

— Потому что я их всех прижал. Мог уничтожить любого из них, да и всю компанию тоже.

— Ты действительно мог?

— Легко.

— Но они так и не сделали тебе укола, верно? Или Андерсон опять солгал?

— Он не успел.

— С тобой все в порядке?

— Я не стал полным идиотом, чего они, возможно, добивались.

— Ну, мне бы не хотелось быть похожей на викторианскую девицу, но, надеюсь, ты запомнил этот урок.

— Да, я понял, что ты была права, если тебя интересует именно это.

— Тогда послушай короткую лекцию, чтобы ты снова все не забыл. Ты слишком торопился, действовал открыто, не обращал внимания на возможное сопротивление коллег и начальства. Ты все помнил — и решил, что память заменяет разум. Если бы у тебя был кто-то по-настоящему умный и он руководил бы тобой...

— Ты мне нужна, Сью.

— Ну, теперь я у тебя есть, Джонни.

— Что будем делать, Сью?

— Во-первых, получим бумагу от «Квантума»; учитывая, что с тобой все в порядке, подпишем то, что они хотят. Во-вторых, в воскресенье поженимся, как и планировали ранее. В-третьих, посмотрим... Джонни?

— Да?

— Ты действительно в порядке?

— Лучше и быть не может, Сью. Теперь, когда мы вместе, все будет хорошо.

16

Свадьба получилась достаточно скромной. Они решили не приглашать много гостей. Из «Квантума», к примеру, не было никого: Сьюзен уверенно заявила, что звать коллег не следует.

Сосед Сьюзен принес видеокамеру, чтобы заснять церемонию. Джон считал, что это уж слишком, но Сьюзен хотелось, и он не стал возражать.

Однако в последний момент сосед, сооротив трагическую гримасу, заявил:

— Эту проклятую штуку заклинило. Я думал, что она работает. Придется позвонить. — Он торопливо направился к телефонной будке.

Джон подошел и с любопытством посмотрел на камеру. Рядом лежал буклет с инструкциями. Он взял его и, не торопясь, полистал. Потом посмотрел по сторонам — все были заняты своими делами, никто не обращал на него внимания.

Джон осторожно отодвинул в сторону боковую панель и заглянул внутрь. Затем отвернулся и некоторое время задумчиво смотрел на противоположную стену. Он продолжал смотреть в

стену, когда его правая рука метнулась к камере и что-то там быстро поправила. Джон защелкнул панель и закрыл футляр.

Через некоторое время вернулся сосед, на лице которого было написано огорчение:

— Пойди разберись в этих дурацких инструкциях. — Он взял в руки камеру и наморщил лоб: — Хм-м, все в порядке. Можно снимать... И как я этого не заметил?

17

— Вы можете поцеловать невесту, — милостиво разрешил священник.

Джон немедленно обнял Сьюзен за плечи и с энтузиазмом исполнил его указание.

— Ты починил камеру, — едва слышно прошептала Сьюзен. — Почему?

— Я хотел, чтобы на нашей свадьбе все прошло удачно, — так же чуть слышно попытался оправдаться Джон.

— Ты хотел покрасоваться.

Они отодвинулись, глядя друг на друга повлажневшими от нахлынувших чувств глазами, а потом снова обнялись, и немногочисленные гости восторженно завопили.

— Если ты еще раз так поступишь, я заживо сдеру с тебя кожу, — прошептала Сьюзен. — Пока о твоих способностях не знают, никто не сможет остановить тебя. Если будешь меня слушаться, мы это сделаем меньше чем за год.

— Да, дорогая, — смиренно ответил Джон.

СУПЕРБЕГУН

Джимми заметил его, потому что как раз в ту минуту они проехали мимо табунка лошадей, пасшихся неподалеку от дороги; он оглянулся. И тут же увидел, как по особой тропе рядом с обочиной приближается Супербегун.

— Папа,— возбужденно вскричал Джимми.— Смотри, Бегун! Нас Бегун нагоняет!

— Очень интересно. Помаши ему, когда он поравняется с нами,— ответил мистер Андерсон.

— Нет, папа, лучше прибавь чуть-чуть скорость, чтоб я мог поговорить с ним.

— Не стоит, сынок. Мы же не хотим отвлекать его. Если Бегун споткнется или упадет, запнувшись обо что-нибудь, он может погибнуть.

Джимми не сводил глаз с медленно приближающегося Бегуна. По телевизору-то он видел их часто, несколько раз видал и в жизни, но на большом расстоянии. Сейчас же один из них бежал почти рядом с их автомашиной. Джимми даже высунулся из окна, чтобы было удобнее наблюдать за ним.

Автомобиль на воздушной подушке скользил над асфальтом, не касаясь его, двигаясь настолько бесшумно, что в салоне не слышалось ни звука. Так же бесшумно нагонял их Бегун, почти летя над тропой. Вот он выбрасывает вперед одну длинную ногу, затем она медленно начинает опускаться, в тот момент, когда она приходит в соприкосновение с землей, мускулы обнаженного бедра напрягаются и снова посылают ее вверх, пока вторая нога

в таком же неторопливом и пластичном движении выходит вперед.

Между двумя толчками тело Бегуна так высоко взмывает в воздух, что оказывается на одном уровне с крышей автомобиля. Джимми глядел на него не отрываясь.

Одет Бегун был очень легко. Но это обыкновение всех Бегунов, они предпочитают шорты и майку, причем последняя так коротка, что прикрывает лишь грудную клетку. Сейчас, рассматривая Бегуна почти в упор, Джимми видел, что грудь его очень широка, раза в два шире узкой талии и таза. Ноги атлета были чрезвычайно длинными, с сильными, мускулистыми бедрами. Бегуны всегда страшно высокие, и у них так сильно развита верхняя часть туловища, что...

— Ты думаешь, они могут упасть, потому что такие тяжелые в груди, да, пап? — громко спросил Джимми.

— Ну, вообще-то Бегуны не такие тяжелые, какими могут показаться, — ответил мистер Андерсон. — Почти весь объем грудной клетки занимают легкие, но они наполнены воздухом, ребра же — всего лишь тонкие кости. Бегуны не тяжелее в груди, чем мы с тобой.

Теперь он был совсем рядом, и Джимми подумал, что, наверное, Бегун вспотел и запыхался, как это обычно бывает с бегущим человеком, даже если он не выдает скорость пятьдесят миль в час. Оказалось, ничего подобного. Лицо Бегуна выражало полнейшее спокойствие, и когда Джимми помахал ему, тот помахал в ответ. Тогда мальчик прокричал:

— Привет! Вы куда направляетесь?

— Еще двадцать миль осталось. В Хендерсонвилль.

Он ни чуточки не запыхался, больше того, он вдруг укоротил шаги и стал держаться вровень с машиной. Джимми страшно удивился, в жизни не ожидал бы такого от Бегуна.

— А вы куда путь держите, молодой человек? — поинтересовался тот приветливо.

— К бабушке. Но сначала завернем во-он в тот ресторанчик позавтракать.

— В самом деле? Отличная мысль. Я как раз подумал, что пришла пора и мне перекусить.

— Значит, вы пойдете с нами?

— Не вижу причин, почему бы нет. Твой папа возражать не будет?

Мистер Андерсон улыбнулся и сказал:

— Прошу вас быть моим гостем. Но хотел бы предупредить, что мой сын страшно любопытен, он вас замучит вопросами. Если вам не прискучит отвечать на них, то...

— Думаю, не прискучит. Но гостем вашим я быть не согласен. Дело в том, что мы много едим и счет может оказаться непомерно высоким.

Джимми, не отводя глаз, следил за размеренными движениями бегущего атлета, затем сказал:

— Когда мы поравняемся с перекрестком, машине надо будет перестроиться вправо, и вам придется быть очень осторожным, мистер Бегун.

— Зови меня Дейв. И не беспокойся обо мне. Я знаю, что следует делать, поравнявшись с перекрестком.

Оказалось, и в самом деле знает! Без всякого видимого усилия Бегун неожиданно взмыл в воздух, перелетел через ряд автомобилей и приземлился на траве. Еще несколько прыжков поменьше — и вот он уже стоит у двери в ресторан, поджидая их.

Втроем они устроились в отдельной кабинке, в стороне от остальных посетителей. Впрочем, народу здесь было не очень много.

Бегун сказал:

— Думаю, нам лучше сесть подальше от других, потому что вы, обыкновенно, чувствуете себя не в своей тарелке, когда оказываетесь рядом с кем-нибудь из нас. Вы не станете возражать?

— Люди часто ведут себя довольно глупо, — ответил мистер Андерсон. — Но после того решения, которое вынес Верховный суд...

— Я знаю. С тех пор к нам стали относиться по-человечески, и теперь наше положение улучшилось. Помню, десять лет назад как раз окончился период моего ученичества, и я получил квалификацию мастера, имелось лишь несколько специально отведенных мест, где мы могли пообедать. Это чинило огромные трудности нашей работе, ибо съестное нам необходимо в огромных количествах.

Джимми невольно бросил внимательный взгляд на стоявшее перед Бегуном блюдо, еды там было раза в три больше, чем у его отца, и мальчик выразительно протянул:

— Ну и ну, Дейв.

— Джимми,— сделал замечание сыну мистер Андерсон,— не забывай о правилах приличия.

— Он прав. Бег поглощает много калорий. Когда я работаю, мне приходится есть четыре раза в день. Но даже при этом я использую много меньше энергии, чем, например, ваш автомобиль на воздушной подушке. Разумеется, это делает нас особыми людьми. Или, например, возьмем мое телосложение. Мы сильно отличаемся от других людей, и они часто начинают испытывать неловкость в нашем присутствии. Всем нам, специалистам, приходилось с этим сталкиваться. Конечно, нам это не нравится, но думаю, что их чувства понятны. Многие из нас испытывают такие же по отношению к вам, обычнякам.

И Бегун подмигнул Джимми.

— Скажите, Дейв,— мальчик снова обратился к Бегуну,— а вы не устаете бегать с такой скоростью?

— Джимми,— укоризненно произнес отец.

Но Бегун улыбнулся.

— Что вы, отличный вопрос, сэр. Почему бы вашему сыну и не заинтересоваться этим. Нет, Джимми, я не устаю. Если только не приходится бежать на пустой желудок. Тогда я обязательно должен остановиться и поесть. Знаешь, еда для меня — как газовое топливо для машины.

— Вы хотите сказать, вам не хватает воздуха?

— Не совсем так. Видишь, мой нос точно такой, как у тебя, только побольше, правильно?

— Точно, Дейв.

— Таким он и должен быть. Но посмотри на него сейчас.— И Дейв раздул ноздри, которые, расширившись, превратились в два больших отверстия на его лице.— Безобразно, согласись.

— Вау-у,— с гримасой протянул Джимми.

— Но хоть и безобразно, зато, знаешь ли, очень полезно. Таким образом можно втянуть много воздуха, а значит, и кислорода. При этом учти, у меня очень большие легкие, которые быстро абсорбируют его, и организм начинает вырабатывать больше красных кровяных телец. И это еще не все. Когда я не работаю,

как, например, сейчас, я вдыхаю и выдыхаю так же, как все люди. А значит, много мертвого кислорода остается в моих легких, так же как и в твоих. Потому что я не могу выдохнуть всю двуокись углерода.

Джимми кивнул, и Бегун продолжил свои объяснения:

— Но во время бега я только вдыхаю. Воздух выходит с боков через такие специальные отверстия. Сэр, не возражаете?

Мистер Андерсон кивнул. Бегун немного отвернулся от остальных посетителей в зале и приподнял вверх майку. Оказалось, у него на боку, как раз под ребрами, есть белый, похожий на шрам рубец. Дейв напряг мускулы грудной клетки, рубец раскрылся и превратился в отверстие, сильно напоминающее по виду его ноздри.

— С другой стороны еще один такой. Воздух через нос поступает в легкие и выходит отсюда, с боков. Поэтому у меня в легких его не остается. И, что значительно важнее, воздух, проходя через трубы, теряет воду и согревается, так что из моего организма он выходит горячим и очень сухим.

— А это хорошо?

— Могу спорить, что хорошо. Я не хочу терять слишком много воды, потому что в таком случае приходилось бы много пить. К тому же теряется и тепло, которое наработали мускулы во время бега, поэтому я почти не потею.

Джимми преисполнился зависти и сказал:

— До чего вам повезло! Хотел бы я быть таким, как вы, и уметь так же бегать!

Дейв покачал головой:

— Ты устроен совсем по-другому и можешь заниматься самыми разными вещами. Обычные люди могут позволить себе целую уйму вещей. Мы же, спецалы, можем делать только одно дело. Правда, его мы делаем хорошо. Между прочим, мои дети могут стать только Бегунами, если я, конечно, когда-нибудь обзаведусь ими. И жениться я могу тоже только на женщине-Бегуне.

— Значит, я никогда не стану таким, как вы? — горестно спрашивал Джимми. — И мне не сможет помочь генная инженерия?

— Думаю, нет. Гены организованы в особом порядке задолго до того, как человек появляется на свет. Кто-то из людей

рождается, чтобы стать Бегуном, кто-то — Подъемщиком, Наблюдателем, Танцором или другими специалистами. В былые времена люди изобрели механизмы для выполнения любого типа работы, и они существуют до сих пор. Но теперь, когда у общества появились спецы, они тоже нашли применение. Ведь мы расходует меньше энергии, и у нас больше мозгов.

— Уверен, что вы как раз выполняли задание, когда мы встретили вас, — вопросительным тоном предположил мистер Андерсон.

— О да. Я много работаю. Нам не разрешается зарабатывать деньги, участвуя в гонках, они слишком опасны для нас. Бывали несчастные случаи, когда два Бегуна сталкивались, ошибившись в маршруте. А если у кого-то окажется сломанная кость, то он больше никогда в жизни не будет бегать, как прежде. А без бега...

— Понимаю. Помню, был случай, когда кто-то из Бегунов стал выступать перед зрителями.

— Да, то был черный день для всех нас. Поэтому мы должны трудиться, зарабатывая на жизнь. К счастью, всегда находятся люди, которым требуется доставить куда-нибудь посылку. Для того чтобы доставку поручили Бегуну, предмет не должен быть тяжелым, он не может быть доставлен электронным путем, и место назначения должно располагаться так, чтобы Бегун доставил посылку быстрее, чем она была бы доставлена традиционным способом. Например, сейчас я взялся доставить небольшой пакет в Хендерсонвилль с обязательством вручить его через четыре с половиной часа. Что означает... — тут Бегун взглянул на часы, — боюсь, это означает, что мне пора работать.

— Прошу вас, позвольте мне оплатить счет, несмотря на то что вы так много съели, — улыбнулся мистер Андерсон.

— Мне неловко.

— Но вы доставили столько удовольствия моему сыну.

Бегун поднял руки в бессильном жесте, как бы сдаваясь, и отец Джимми с помощью специального банкомата, имевшегося на столике, подал сигнал, что хочет рассчитаться за обед.

На матовом экране высветилась сумма счета, и мистер Андерсон поместил в прорезь свою кредитную карточку. Как всегда в таких случаях, оплата прошла за долю секунды. Затем с привычной предусмотрительностью он уточнил баланс банковского счета, как делал при каждом платеже, и все вышли из-за стола.

Когда они были уже около входных дверей, пришлось по-сторониться, чтоб не столкнуться с входившим в зал Подъемщиком. Джимми обернулся и проводил взглядом коренастого человека, огромные мускулы которого бугрились под одеждой, но ничего не сказал.

Только когда они оказались на стоянке, мальчик обратился к Бегуну:

— Подъемщики выглядят очень сильными, но мне хотелось бы быть таким, как вы.

Дейв усмехнулся.

— Каждому — свое, знаешь, Джимми.

Он сделал несколько невысоких подскоков, и мистер Андерсон спросил:

— Мы не задерживаем вас?

— Нет, у меня есть еще пятнадцать минут. После некоторого времени бездействия я начинаю ощущать беспокойство. Боюсь, мое тело не создано для покоя.

— Возьми ключ от машины, Джимми, ступай и посиди, пока я не приду. Я скоро. — Мистер Андерсон проводил сына глазами и вполголоса обратился к Бегуну: — Извините, мой вопрос может показаться вам слишком смелым, но не испытываете ли вы подчас сожалений... э-э, сожалений о том, что сделала с вами гениальная инженерия?

— Сожалений? — поразился Бегун. — Бог мой, конечно нет. Простите меня, я ни в коем случае не хотел бы вас обидеть...

— Нет-нет, продолжайте, прошу вас.

— Я испытываю настоящую жалость не только к обычнякам, но и ко всем специалистам, кроме Бегунов. Только мы знаем, что такое парить над землей почти без усилий, бежать против ветра или навстречу ему, чувствовать в себе заряд энергии, когда вам кажется, что вы самое совершенное из всех мыслящих существ Земли. Звучит, наверное, эгоистично, но чувствовать в себе энергию — ощущение всепоглощающее. Оно является одновременно и физическим, и интеллектуальным, духовным, эмоциональным. Это опыт, который выносит на поверхность все, чем вы являетесь. Стоит напрячься, и я мог бы перегнать антилоп. Конечно, мне не угнаться за птицами, но иногда, в тот момент, когда отталкиваюсь от земли, я испытываю то же чувство, являющееся квинтэссенцией их существования. Когда бе-

жится особенно хорошо, вы оставляете позади все худшее и становитесь самым лучшим, каким только можете быть. Не существует ничего, сравнимого с этим чувством, ничто подобное не известно человеку. Это ощущение вы даже не могли бы вообразить, оно абсолютно уникально.

Бегун взмахнул на прощание рукой и внезапно исчез — два прыжка, мощный перескок через крыши автомобилей, и вот он уже мчится по своей дорожке вдоль автострады.

Мистер Андерсон провожал глазами все удлиняющиеся махи сильных ног, пока Дейв не исчез из виду. Только тогда он направился к машине.

Джимми тут же спросил:

— Пап, он рассказывал тебе что-то интересное?

Отец молча кивнул. Автомобиль стал приподниматься на воздушной подушке, сначала едва заметно покачиваясь, как всегда в начале движения, затем плавно двинулся вперед.

Мистер Андерсон вдруг сам задумался, каково это — быть Бегуном.

И автомобиль сразу показался ему тяжелым и неповоротливым.

ДЕСЯТИСЕКУНДНЫЕ ВЫБОРЫ

На это ушло не более десяти секунд, и вся Америка, точнее, большая часть мира наблюдала за происходящим, сидя у экранов. Результаты поступали из каждого избирательного участка, быстро обрабатывались на уровне округа, затем — на уровне штата. Голоса избирателей фиксировались по мере поступления, быстрее, чем мог заметить глаз человека, а итоги подводились, когда заполнялась длинная строка. Хэпгуд победил с небольшим преимуществом, а Теннор, соответственно, проиграл.

Да, на все ушло не более десяти секунд.

Поседевший на политехнической службе Джин Уиттакер безразлично наблюдал за происходившим из своего кабинета. В последнее время выборы становились все более формальными, но эти были первыми полностью политехническими президентскими, до уровня избирательного участка. Три неторопливых вдоха, и все заканчивалось.

— Страшно подумать, — сказал Уиттакер, — сколько сил требовалось раньше для достижения цели. Кандидаты вели предвыборную кампанию в течение двух лет, засоряли воздух демагогическими речами и прочим словесным мусором, обманывали народ, заполняя умы ложными надеждами, залезая как в финансовые, так и политические долги, которые навечно ставили под сомнение их честность. А сейчас все — за десять секунд.

Он улыбнулся своему коллеге Леонарду Ротштайну и откинулся на спинку кресла с чувством успокоения и самодоволь-

ства, потому что именно его опыт и старания позволили сделать последний шаг к полным политехническим выборам.

— Тем лучше, — заявил Ротштайн с мрачным видом. — Компьютеры в течение нескольких лет регистрируют реакцию избирателей на участке, произнесенные слова и действия кандидатов.

— И компьютеры не обмануть демагогическими речами или эмоциональными призывами.

— Предполагаю, что нет. Таким образом, результаты выборов на каждом участке известны заранее, даже без выборов, и никто не может беззастенчиво их исказить. В теории это работает.

— И на практике тоже, Лен. В течение нескольких лет работало на местных уровнях и уровнях штатов, а сейчас мы выбрали законного президента.

— С небольшим перевесом.

— Ну и что?

— Джин, если проверишь, то убедишься, что в Иллинойсе электорат вел себя нерешительно. Если бы голоса избирателей в этом штате были отданы за Теннора, то президентом стал бы он. Перевес Хэпгуда был незначительным, и если бы в округе Кук тысяча ключевых избирателей проголосовали бы по-другому, Хэпгуд лишился и Иллинойса, и президентства.

— Ну и что?

— А то, что за работу компьютеров в округе Кук отвечал Макинтайр, а он очень умный и амбициозный человек. Меня интересует одно. Не вмешался ли он в программы нескольких компьютеров, чтобы доставить нам неприятности.

Уиттакер нахмурился.

— У тебя есть основания для подобных заявлений?

— Именно в округе Кук иногда возникали подозрительные результаты.

— Ты никогда не сообщал мне об этом. Тебе удалось доказать подтасовку?

— Нет, не удалось, поэтому я ничего не говорил тебе. Но теперь у него есть возможность показать, что мы устроили грязные президентские выборы.

Уиттакер погрузился в мрачные мысли.

— Мы должны нейтрализовать Макинтайра при первой же возможности, — сказал он, — пока...

— Пока?

— Мы оставим результаты неизменными, конечно. Какого черта? Хэпгуд или Теннор, в конце концов, решения принимают компьютеры, а за них отвечаем мы.

ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сэм Чейз прибыл на Энергетическую планету в день своего пятнадцатилетия.

Все говорили, что получить подобное назначение — большая честь, но никакой радости он не испытал.

Специализированное обучение означало для Сэма трехлетнюю разлуку с Землей и близкими. Да и предложенная сфера образования совершенно его не интересовала. Расстроенный Сэм терялся в догадках, почему Центральный Компьютер выбрал для участия в проекте именно его.

Мальчик посмотрел на раскинувшийся над головой прозрачный Купол. Купол достигал в высоту не менее тысячи метров и простирался во все стороны, насколько хватал глаз.

— Правда ли, что это единственный Купол на всей планете, сэр?

О том, что Купол на планете один, Сэм знал из просмотренных в полете учебных фильмов. Но фильмы могли и устареть.

Доналд Джентри, которому был адресован вопрос, улыбнулся. Это был крупный, плотный человек с темными, добрыми глазами, короткой стрижкой и стриженной седеющей бородой.

— Единственный, Сэм, — кивнул он. — Зато очень большой. Почти все оборудование спрятано под поверхностью, где места всегда в избытке. Кстати, как только закончится первоначальный этап обучения, ты будешь почти все время проводить в космосе. На планете размещается перевалочная база.

— Понимаю, сэр,— сказал Сэм, слегка встревожившись.

— За первоначальную подготовку отвечаю я,— добавил Джентри,— следовательно, мне приходится тщательно изучать личные дела курсантов. Похоже, что данное назначение тебя не сильно обрадовало. Я не ошибаюсь?

Сэм поколебался, но вовремя сообразил, что выбора у него нет и лучше отвечать честно.

— Я не уверен в том, что смогу добиться больших успехов в гравитационной инженерии.

— Почему? Я привык доверять данным Центрального Компьютера. Он изучил все твои показатели. Если дела пойдут хорошо, ты сумеешь многого добиться. Сегодня мы работаем на передовых рубежах новейшей технологии.

— Знаю, сэр,— произнес Сэм.— Там, на Земле, все только об этом и говорят. Никто и никогда не пытался подойти к нейтронной звезде, чтобы воспользоваться ее энергией.

— Вот как? — усмехнулся Джентри.— Я уже два года не был на Земле. Что еще там говорят? Полагаю, у проекта достаточно противников?

Он пристально посмотрел на мальчика.

Сэм смущенно поежился, понимая, что его проверяют.

— Многие считают, что это слишком опасно и может окантаться пустой тратой денег.

— А ты как думаешь?

— Не исключено, что так оно и есть. Все Новые технологии по-своему опасны, но прекращать из-за этого исследования нельзя. Полагаю, и в этом случае тоже.

— Отлично. Что еще говорят на Земле?

— Говорят, что Командор болен, а без него проект может провалиться.— Не дождавшись ответа Джентри, Сэм добавил: — Так говорят.

Джентри сделал вид, что не услышал. Он положил руку на плечо мальчика и сказал: — Пойдем, я покажу твой Коридор, познакомлю с соседом по комнате и объясню, в чем будут заключаться твои первоначальные обязанности.— Когда они остановились у ведущего вниз лифта, Джентри спросил: — А сам бы ты что выбрал?

— Нейропсихологию, сэр.

— Хорошее решение. Человеческий мозг и сегодня остается самой большой загадкой. О нем нам известно меньше, чем о нейтронных звездах. Это выяснилось, когда мы приступили к работе над проектом.

— Вот как?

— Представь себе! С первых дней работающие на базе люди начали жаловаться на галлюцинации. Надо сказать, что база тогда была значительно меньше и примитивнее. Никаких отрицательных эффектов галлюцинации не вызвали, и со временем жалобы прекратились. Причину мы так и не выяснили.

Сэм остановился и снова посмотрел вверх и вокруг.

— Из-за этого и построили Купол, доктор Джентри?

— Нет. Вовсе нет. Просто нам хотелось, чтобы было больше похоже на Землю. Но мы не стремились отделиться от остального мира. Люди могут беспрепятственно выходить наружу. Последнее время на галлюцинации никто не жалуется.

— Я читал, что на Энергетической планете нет жизни, за исключением растений и насекомых. И те и другие совершенно безобидны, — сказал Сэм.

— Это так, но они несъедобны, поэтому нам приходится выращивать собственные овощи. Мы держим также кое-каких мелких животных — прямо здесь, под Куполом. Как бы то ни было, не найдено никаких доказательств того, что галлюцинации вызывались животным или растительным миром планеты.

— А какова здешняя атмосфера, сэр?

Джентри взглянул на собеседника с высоты своего небольшого роста и произнес:

— Атмосфера вполне нормальная. Пару дней назад несколько человек заночевали под открытым небом, и ничего не случилось. Это весьма приятный мир. Много ручьев, хотя и без рыбы. Только водоросли и водные насекомые. Ничего ядовитого или дурно пахнущего. Попадают желтые ягоды, на вид весьма соблазнительные, а вот на вкус ужасные. Вреда от них, впрочем, никакого. Вода почти всегда пригодна для питья. Часто идут мелкие дожди, порой надоедает ветер, но в целом температура нормальная, и нет резких перепадов от жары к холоду.

— Значит, галлюцинации прекратились, доктор Джентри?

— Тебя это разочаровало? — улыбнулся Джентри.

Сэм решил рискнуть.

— Связана ли с галлюцинациями проблема Командора?

Взгляд Джентри мгновенно утратил доброжелательность. Он нахмурился и спросил:

— Какую проблему ты имеешь в виду?

Сэм вспыхнул, и больше к этой теме они не возвращались.

В Коридоре, к которому приписали Сэма, почти никого не оказалось. Джентри объяснил, что начался напряженный период на дальней станции, где идет строительство кольца вокруг нейтронной звезды — крошечного небесного тела, не превышающего в диаметре десяти миль и обладающего при этом массой нормальной звезды и чудовищной силы магнитным полем.

Именно магнитное поле и привлекало интерес ученых. Они хотели откачивать из него энергию в огромных количествах, что все равно оказалось бы лишь каплей в океане неиссякаемой мощи, порождаемой вращательным моментом звезды. По их расчетам, потеря звездной энергии начала бы ощущаться не ранее чем через миллиард лет. Все это время десятки населенных людьми планет могли процветать, потребляя передаваемую через космические пространства энергию.

Соседом Сэма по комнате оказался Роберт Жилет, темноволосый, несчастного вида юноша. После обмена осторожными приветствиями Роберт поведал, что «приземлился» с поломанной рукой, хотя со стороны этого не видно, поскольку кости срастили изнутри.

— Знаешь, как трудно управляться в космосе с разными предметами? — обреченно произнес Роберт. — Думаешь, если невесомость, так вещи не имеют веса? Не забывай об инерции.

— Это проходят еще... — Сэм хотел сказать «в четвертом классе», но вовремя сообразил, что сосед может обидеться.

Роберт, однако, уловил намек и густо покраснел.

— На словах все легко усваивается. Пока не попробуешь на деле, ничему не научишься. Сам скоро поймешь.

— Сложно ли добиться, чтобы тебя отправили наружу?

— Нет, не сложно. Только зачем? Там ведь ничего нет.

— А ты там был?

— Конечно. — Роберт пожал плечами и не стал распространяться на эту тему.

Тогда Сэм решил рискнуть:

— А у тебя были эти галлюцинации, о которых все говорят?

— Кто говорит? — ошетинился Роберт.

— Ну, многие, — уклончиво ответил Сэм. — Якобы раньше они случались часто, теперь вроде нет.

— Кто все-таки тебе сказал?

— А может, они и сейчас случаются, только люди предпочитают молчать?..

— Послушай моего совета, — грубо перебил его Роберт. — Не интересуйся ты этими... чем бы это ни оказалось. Если начнешь говорить, что ты... ну, что-то видишь, тебя могут запросто отправить назад. Потеряешь возможность приобрести хорошее образование и сделать карьеру.

При этих словах глаза Роберта сурово уставились в одну точку.

Сэм пожал плечами и присел на незанятую койку.

— Не возражаешь, если я займу эту кровать?

— Других все равно нет, — процедил Роберт. — Ванная справа. Вот твой шкафчик, вот стол. Тебе принадлежит половина комнаты. Здесь есть спортзал, библиотека, столовая. — Он помолчал, потом, словно желая замять неприятный момент, добавил: — Позже я покажу тебе все.

— Спасибо, — кивнул Сэм. — А что за человек Командор?

— Он классный спец. Без него нас бы здесь не было. Никто так не разбирается в гиперпространственной технологии. К тому же у Командора связи в Космическом Бюро, так что у нас нет проблем ни с деньгами, ни с оборудованием.

Сэм открыл свой чемоданчик, повернулся к Роберту спиной и осторожно заметил:

— Я слышал, он болен.

— Работа его доконала. Мы выбились из графика, теряем деньги из-за простоев, все такое. Любой на его месте давно бы свалился.

— Депрессия, говоришь? А не связано ли...

Роберт нервно заерзал.

— Слушай, чего ты уцепился за эти галлюцинации?

— Потому что физика высоких энергий в принципе не моя специализация. Прилетев сюда...

— Так вот, ты уже здесь. Из этого и исходи, а иначе тебя быстро выпрут, и окажешься ты на бобах, парень. Ладно, я пошел в библиотеку.

Сэм остался наедине со своими мыслями.

Получить разрешение на выход из Купола оказалось проще простого. Старший Коридора вначале выписал пропуск и лишь потом поинтересовался, зачем это надо.

— Хочу почувствовать планету, сэр.

Старший Коридора кивнул:

— Дело. Главное, не забывай, что у тебя всего три часа. И не теряй Купол из виду. Если все-таки заблудишься, мы найдем тебя при помощи этой штуки.— Он вручил Сэму передатчик, настроенный, как Сэм уже догадался, на личную волну, полученную им в момент рождения.— Но учти, тогда тебе долго не получить повторного разрешения. К тому же это изрядно подпортит твоё личное дело. Ты меня понял?

Изрядно подпортит личное дело... Любая мало-мальски личная карьера в наше время требует полученного в космосе образования, так что последнее предупреждение прозвучало довольно серьезно. Не удивительно, что люди перестали докладывать о галлюцинациях, даже если и продолжали их видеть.

Но и при таком раскладе Сэм был готов рискнуть. В конце концов, Центральный Компьютер не стал бы посылать его сюда ради физики высоких энергий. В его личном деле не было ни строчки, способной объяснить подобный выбор.

Судя по виду, планета вполне могла сойти за Землю. Во всяком случае, за ту ее часть, где мало деревьев, растет карликовый кустарник и высокая, густая трава.

Тропинок не было, трава раскачивалась при каждом, даже самом осторожном шаге, из нее, негромко шелестя крыльями, вылетали причудливые создания.

Одно из них опустилось на палец изумленного Сэма. Существо было восьмиугольным, выпуклым сверху, вогнутым снизу и совсем крошечным. Других деталей Сэм разглядеть не мог. Ножек было так много, что казалось, насекомое не ползет, а катится на колесиках. Крыльев Сэм не видел, пока, совершенно неожиданно, тварь не взлетела в воздух. Только тогда он заметил четыре маленьких перистых крылышка.

Между тем планета отличалась от Земли запахом. Он не вызывал отвращения, но это был другой запах. Очевидно, растения имели иной химический состав, из-за чего казались неприят-

ными на вкус. Между тем отравляющих веществ они не содержали.

Со временем Сэм почти перестал обращать на запах внимание. Он нашел торчащий из почвы камень и присел, чтобы обдумать свое положение. По небу плыли облака, солнце то и дело пропадало, но холоднее не становилось, разве что ветер время от времени усиливался. Воздух был влажен, как перед грозой.

Сэм захватил с собой небольшую корзинку. Он поставил ее на колени, достал банку с напитком и бутерброды и, жуя, пытался сообразить, в чем могла заключаться природа галлюцинаций.

На планете находились люди, специально отобранные для чрезвычайно важной и ответственной работы по усмирению нейтронной звезды. Разумеется, все они прошли серьезные тесты на психическую стабильность. Было бы странно, если бы на галлюцинацию пожаловался даже один человек. Здесь же имело место массовое заболевание. Неужели на мозг людей действовали какие-то химические соединения?

Но в таком случае давно были бы взяты соответствующие пробы.

Сэм поднял листик, разорвал его пополам и сдвинул. Затем поднес разорванный край к носу и осторожно понюхал. Горький, неприятный запах. Он проделал то же самое со стебельком травы. Почти никакой разницы.

Запах, скорее всего, ни при чем. Голова не кружилась, да и вообще никаких странных ощущений не возникло.

Он плеснул немного воды на пальцы, после чего вытер руки о штаны. Затем не торопясь доел сэндвичи, пытаясь определить, чем же еще отличается от Земли Энергетическая планета.

Столько зелени!.. Изобилие пищи для множества животных, кроликов, коров, кого угодно. На деле же весь животный мир планеты ограничивался роем насекомых, или как еще можно было назвать этих причудливых существ, тихо шуршащих крошечными перистыми крылышками и мягко — хрум, хрум, хрум — пожирающих листики и стебельки.

Что, если бы здесь оказалась корова, большая, толстая корова, пережевывающая сочную траву?..

В этот момент Сэм вдруг сам перестал жевать, и последний кусок сэндвича застрял у него между зубов. В воздухе, между ним

и живой изгородью, повис легкий, прозрачный дымок. Он дрожал, вздымался и менял очертания.

Сэм протер глаза, потом потряс головой, но дым не исчезал. Он торопливо сглотнул, застегнул корзинку, закинул ее за спину и вскочил.

Страх Сэм не испытывал, только возбуждение... и любопытство.

Дым густел и обретал форму. Призрачные, прозрачные клубы отдаленно напоминали корову. Галлюцинация? Плод его фантазии? Он ведь только что думал про корову.

Галлюцинация или нет, сейчас в этом придется разобраться.

Сэм решительно зашагал в сторону клубящегося облака.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сэм Чейз приближался к дымному очертанию коровы, возникшему на далекой странной планете, на которой ему предстояло получить образование и сделать карьеру. Продираясь через высокие, густые заросли, он отметил царящую тишину и понял, что перед ним действительно нечто реальное.

Дым загустел еще больше, очертания коровы стали четче. Казалось, что она нарисована прямо в воздухе.

Сэм расхохотался и закричал:

— Эй, вы, стойте! Остановитесь! Мне нельзя доверять. Я и корову-то в глаза не видел. Только на картинках. Получится неправильно.

Корова действительно больше походила на карикатуру, чем на реальное животное. После его слов неясная фигура задрожала и стала прозрачнее. Дым не растаял, но чья-то невидимая рука принялась стирать нарисованную картину.

Вскоре начала складываться новая форма. Поначалу Сэм не мог сообразить, что получится на сей раз, однако картинка быстро обретала очертания. Он изумленно уставился на дымное облако; челюсть мальчика отвисла, а пустая корзинка хлопнула по спине.

Из дыма вырисовывалась человеческая фигура. Ошибки быть не могло. Рисунок получался очень точный и аккуратный, словно невидимый мастер копировал стоящую перед ним модель.

Дымчатое облако становилось Сэмом, уже можно было различить мелкие детали одежды, очертания корзинки и даже ремешок, на котором она болталась за его спиной. Появился еще один Сэм Чейз.

Расплывчатый и неустойчивый образ густел, словно сам себя корректировал, и наконец обрел четкие очертания.

Абсолютно устойчивым он, однако, так и не стал. Сэм по-прежнему видел сквозь него растительность, а когда налетел порыв ветра, фигура качнулась в сторону, словно надутый газом шар.

Но она была настоящей. То есть не являлась порождением его фантазии. В этом Сэм был совершенно уверен.

Просто так стоять и смотреть Сэм не мог. Откашлившись, он робко произнес:

— Привет, что ли?

Он ожидал, что другой Сэм так или иначе ему ответит, и действительно, рот дымчатой фигуры приоткрылся, но не издал ни звука. Похоже, он просто повторил движение губ Сэма.

— Эй, ты можешь говорить? — снова крикнул Сэм.

Ответа, как и прежде, не последовало, и тем не менее в сознании Сэма что-то шевельнулось. Он понял, что общение уже началось.

Сэм нахмурился. Почему он вдруг в это поверил? Ему показалось, что в его голову попала чужая мысль.

— Так вот что случалось с остальными? Они видели похожих на себя людей?

Фигура не проронила ни звука, хотя Сэм был уверен, что ему ответили. Да, другие видели то же самое. Не обязательно собственные очертания, но нечто подобное. Впрочем, из этого ничего не вышло.

Откуда пришла эта мысль? Как он вообще понял, что ему отвечают?

Но ему, вне всякого сомнения, отвечали. Другой Сэм вкладывал в его голову свои мысли. Он корректировал электрические заряды его мозговых клеток и тем самым формировал нужные понятия.

Сэм задумчиво кивнул. Другой Сэм осознал значимость этого жеста и кивнул в ответ.

Все правильно. Вначале, когда он подумал о корове, появилась корова. Потом, когда он сказал, что корова получилась неправильная, она тут же исчезла. Другой Сэм перехватывал его мысли; а значит, мог их и трансформировать.

Телепатия? Возможно. Во всяком случае, на обычный разговор это не походило. В голове Сэма возникали мысли, которые формировались где-то еще и не являлись следствием его собственных рассуждений. Но как отличить собственные мысли от мыслей, пришедших извне?

Ответ на этот вопрос пришел немедленно. Пока он просто не привык к данному процессу, не хватало практики. Со временем, набравшись опыта, он без труда сумеет отличить одни мысли от других.

Может получиться и сейчас, надо просто сосредоточиться...

Сэму показалось, что он участвует в странном диалоге. Вначале возникало любопытство, потом приходило знание. Любопытство было его собственным вопросом, знание — ответом Другого Сэма. Правильно!

Вот оно! Только что промелькнувшая мысль: «Правильно!» — была ответом.

— Не так быстро, Другой Сэм,— громко сказал Сэм.— Не гони. Дай мне разобраться, иначе я запутаюсь.

Он неожиданно для себя опустил на траву, которая раздалась от него во все стороны. Другой Сэм тоже попытался медленно присесть.

Сэм рассмеялся:

— У тебя ногигибаются не в том месте!

Ошибка была тут же исправлена. Другой Сэм сел, но верхняя часть тела по-прежнему оставалась напряженной.

— Расслабься,— сказал Сэм.

Другой Сэм медленно осел, съехал на один бок, потом слегка выровнялся.

Сэм торжествовал. Если Другой Сэм с такой готовностью следует всем его указаниям, значит, у него добрые намерения. Ну конечно! Только так!

— Нет,— произнес Сэм.— Я же сказал, не гони. Не отвечай на мои мысли. Дай мне высказать их вслух, даже если ты не можешь меня слышать. И только потом поправляй, чтобы я убедился, что это поправка. Ты меня понял?

Он подождал пару секунд и убедился, что Другой Сэм действительно его понял.

Ответ пришел не сразу. Отлично!

— Почему ты появляешься перед людьми? — спросил Сэм.

Он пристально посмотрел на Другого Сэма и узнал, что тот искал контактов с людьми, но ничего из этого не вышло.

На следующий вопрос ответ вроде бы и не требовался, настолько он был очевиден. И все-таки почему общение не состоялось?

Он озвучил свою мысль:

— Почему у тебя ничего не вышло? Ты же прекрасно беседуешь со мной.

Сэм начал усваивать принципы общения с пришельцем. Казалось, его разум адаптируется к подобному обмену информацией. Он словно учил неведомый доселе язык. А может, Другой Сэм влиял на сознание Сэма и обучал его новому способу общения, не афишируя, что процесс уже начался?

Сэм поймал себя на том, что он пытается выбросить из головы спонтанно возникающие мысли. Задав вопрос, старался расслабить взгляд, веки непроизвольно опускались, словно его клонило в сон, и... приходил ответ. Звучал негромкий щелчок, условный сигнал, благодаря которому он узнавал, что в сознание вошла еще одна мысль.

Теперь он понял: Другому Сэму не удалось наладить контакт потому, что люди, которым он являлся, его пугались. Они сомневались в собственном душевном здоровье. Их ум цепенел от страха. Они теряли способность к восприятию. Другой Сэм все реже пытался наладить общение, хотя до конца от своей идеи не отказался.

— Но со мной же ты говоришь, — сказал Сэм.

Сэм отличается от всех прочих. Он не боится.

— Неужели ты не мог их вначале успокоить, расслабить и лишь потом начинать разговор?

Не получилось. Исполненный ужаса разум отвергал все на корню. Попытка вмещаться в сознание людей могла причинить им вред. Нельзя причинять вред мыслящим существам.

— О чем ты хотел говорить, Другой Сэм?

Желание, чтобы его оставили в покое. ОТЧАЯНИЕ!

Отчаяние было больше чем мысль. Отчаяние было эмоцией, сильным, пугающим ощущением. Сэм почувствовал, как на него навалилась тяжелая безысходность... но она не являлась частью его самого. Он остро чувствовал отчаяние поверхностно своего сознания, но глубже, там, где помещалась самая его суть, он оставался спокоен.

— Мне показалось, — с любопытством сказал Сэм, — что ты теряешь надежду. Почему? И вообще, разве мы тебе мешаем?

Люди построили Купол, очистили от жизни огромную часть планеты. Теперь они хотят построить энергетическую станцию на орбите нейтронной звезды и выкачивать энергию через гиперпространство к жаждущим ее мирам. Это неизбежно повлечет за собой строительство новых станций. Что тогда произойдет с ДОМОМ? (Другой Сэм как-то назвал эту планету, но единственное понятие, которое смог найти в своем сознании Сэм, было слово ДОМ, а под ним билась мысль: НАШ, НАШ, НАШ...)

Эта планета — ближайшая удобная база для освоения нейтронной звезды. Сюда придут новые люди, построят новые Купола и уничтожат Дом.

— Но вы же можете повлиять на наше сознание, даже если кое-кому придется причинить вред, так?

Если они попытаются это сделать, люди посчитают их опасными и начнут с ними бороться. Они вызовут военные корабли и уничтожат всю жизнь на планете с большого расстояния, после чего поселятся здесь сами. Это видно по сознанию людей. У них было жестокое прошлое, они не остановятся ни перед чем.

— Но что я могу сделать? — спросил Сэм. — Я всего лишь ученик. Я провел здесь несколько дней. Что я могу сделать?

Страх. Отчаяние.

Сэм перестал воспринимать посторонние мысли, все тонуло под густым слоем гнетущего ужаса.

Ему стало жалко этот мир. Они никому не угрожали. Они не хотели вредить тем, кто сюда пришел, хотя могли это сделать.

На их горе, поблизости оказалась нейтронная звезда. Они не виноваты в том, что встали на пути осваивающего космос человечества.

— Дай мне подумать, — сказал Сэм.

Он думал и чувствовал, как за ним наблюдает другой разум. Временами его сознание делало скачки, и он понимал, что ему подсказывают.

Зародилась слабая надежда. Сэм уловил новую мысль, но не был уверен, что правильно ее истолковал.

— Я постараюсь,— неуверенно произнес он.

Взглянув на часы, мальчик чуть не подпрыгнул. Прошло гораздо больше времени, чем он предполагал. Отпущенные ему три часа почти истекли.

— Мне пора возвращаться.

Сэм снова открыл корзинку, вытащил термос с водой и сделал несколько жадных глотков. Затем засунул термос подмышку, достал из корзинки обертки из-под бутербродов и запихал их в карман.

Другой Сэм задрожал и стал расплываться. Дым рассеивался, терял форму и наконец растворился.

Сэм застегнул корзинку, снова перебросил ремешок через плечо и повернулся к Куполу.

Сердце оглушительно колотилось в груди. Хватит ли ему мужества осуществить свой замысел? А если хватит, получится ли так, как он планировал?

Старший Коридора уже ждал его. Выразительно глядя на часы, он произнес:

— А ты у нас, оказывается, любишь точность.

Губы Сэма напряглись. Стараясь, чтобы его ответ не прозвучал вызывающе, мальчик произнес:

— У меня было три часа, сэр.

— Из которых ты использовал два часа и пятьдесят восемь минут.

— Это меньше, чем три часа, сэр.

— Вот как? — Старший Коридора говорил холодным, недружелюбным тоном. — Доктор Джентри хочет тебя видеть.

— Да, сэр. Для чего?

— Он не сказал. Мне не нравится, что ты с первого дня начал рассчитывать время по секундам, Чейз. Мне вообще не нравится твое поведение. Мне не нравится, когда начальство вызывает к себе моих курсантов. Усвой на будущее: если ты собираешься мутить воду, в моем Коридоре тебе не место, понял?

— Да, сэр. Только в чем я провинился?

— А это мы скоро узнаем.

Сэм не видел Доналда Джентри с того самого дня, когда впервые пересек границу Купола. Доктор Джентри по-прежнему выглядел добродушным и приветливым. Ничто в его облике не указывало на перемену настроения. Он сидел за столом в своем кабинете, Сэм стоял перед ним, так и не успев снять с плеча корзинку.

— Как поживаешь, Сэм? Все в порядке?

— Да, сэр.

— Тебе здесь интересно или по-прежнему хочешь заняться чем-нибудь другим? В ином месте?

— Нет, сэр,— честно ответил Сэм.— Меня здесь все устраивает.

— Не иначе как ты всерьез заинтересовался галлюцинациями?

— Да, сэр.

— Ты уже кое-кого здесь об этом расспрашивал, так?

— Для меня это интересная тема, сэр.

— Потому что ты хочешь изучать человеческий мозг?

— Любой мозг, сэр.

— Ты уже выходил за пределы Купола?

— Мне сказали, что это не запрещено, сэр.

— Не запрещено. Хотя мало кто рвется туда с первого дня.

Видел что-нибудь интересное?

Поколебавшись, Сэм сказал:

— Да, сэр.

— Галлюцинацию?

— Нет, сэр.— Ответ прозвучал очень уверенно.

Джентри некоторое время пристально смотрел на Сэма. Глаза его стали жесткими и задумчивыми.

— Не хочешь ли рассказать мне о том, что увидел? Только честно.

Сэм вновь заколебался. Затем он произнес:

— Я беседовал с обитателем этой планеты, сэр.

— Ты хочешь сказать, что здесь живут мыслящие существа?

— Да, сэр.

— Послушай, Сэм,— произнес Джентри.— У нас с самого начала имелись в отношении тебя кое-какие сомнения. Характеристика Центрального Компьютера не вполне нас удовлетворя-

ла, хотя кое-что меня заинтересовало, и я решил попробовать. С момента твоего прибытия мы держали тебя под коллективным наблюдением. Мы продолжали следить за тобой, когда ты отправился гулять по планете.

— Сэр, — с негодованием произнес Сэм, — я усматриваю в этом вмешательство в мою частную жизнь.

— Безусловно. Так оно и есть, но мы работаем над чрезвычайно ответственным проектом и вынуждены временами идти на подобные нарушения. Мы видели, как ты в течение долгого времени беседовал с висящей в воздухе картинкой.

— Я только что об этом доложил, сэр.

— Да, но ты говорил ни с чем. С пустотой, воздухом. Ты пережил галлюцинацию, Сэм!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сэм Чейз лишился дара речи. Галлюцинация? Не может быть, чтобы это была галлюцинация. Не более получаса назад он беседовал с Другим Сэмом и воспринимал его мысли. Он четко ориентировался в происходящем, он был тем же самым Сэмом Чейзом, который вел беседу с неведомым собеседником.

Сэм прижал локтем корзинку для завтраков, словно она являлась связующим звеном между ним и сэндвичами, которые он ел в тот момент, когда появился Другой Сэм. Запинаясь, он произнес:

— Сэр... Доктор Джентри... это не была галлюцинация. Это была реальность.

Джентри покачал головой:

— Послушай, мальчик. Я своими глазами видел, как ты оживленно беседовал с пустотой. Я не слышал слов, но ты разговаривал. С травой и кустами. И я был не один. Со мной находились двое свидетелей, которые зафиксировали все документально.

— Зафиксировали?

— На видеокассету. Мы бы не стали тебя обманывать, юноша. Подобное случалось и раньше — поначалу довольно часто, сейчас редко. Во-первых, мы стали предупреждать о галлюцинациях каждого курсанта. Если помнишь, я и с тобой провел соответствующую беседу. Как правило, после подобного предупреж-

дения люди стараются не выходить за пределы Купола до тех пор, пока не привыкнут к жизни на планете. Поэтому и галлюцинации стали возникать гораздо реже.

— Другими словами, вы их запугиваете, — выпалил Сэм. — Внушаете им, что подобного не должно произойти, и они вам не признаются, даже если что и видели. А я не испугался.

— Жаль, что не испугался, — покачал головой Джентри, — если только страх мог удержать тебя от нежелательных видений.

— Не было у меня никаких видений. Все происходило на самом деле.

— Ты готов спорить с видеокассетой, на которой ты обращаешься в пустоту?

— То, что я наблюдал, сэр, было прозрачным. Туманным и светопроницаемым, если вы понимаете, о чем я говорю.

— Понимаю. Оно выглядело как галлюцинация, а не как реальность. Телекамера зафиксировала бы самый прозрачный туман.

— Боюсь, что нет, сэр. Мне пришлось сосредоточить все внимание, чтобы разглядеть то, что находилось передо мной. Возможно, у камеры не хватило разрешающей способности.

— Значит, потребовалось сосредоточить сознание, да? — неожиданно мрачно спросил Джентри и поднялся. — Это верный признак галлюцинации. Мне очень жаль, Сэм. Ты весьма смысленный парень, и Центральный Компьютер высоко оценил твои способности, но мы не можем тебя использовать.

— Вы решили отправить меня домой, сэр?

— Да. Надеюсь, ты не расстроишься. Ты ведь и сам хотел получить другое назначение, верно?

— Теперь я хочу остаться здесь.

— Боюсь, это исключено.

— Вы не можете просто так взять и отправить меня обратно. Я имею право опротестовать ваше решение?

— Да, конечно. Только в этом случае все будет сделано официально, в твое личное дело внесут соответствующие формулировки, после которых тебя не возьмут уже никуда. А так мы просто напишем, что тебе больше подходит стажировка по нейрофизиологии. В результате ты ничего не потеряешь, а может, даже и выиграешь.

— Не согласен. Я требую официального рассмотрения... в присутствии Командора.

— О нет. Мы предпочитаем не беспокоить Командора по всяким пустякам.

— Только в присутствии Командора,— с отчаянной решимостью повторил Сэм,— иначе проект потерпит неудачу.

— Проект потерпит неудачу, если Командор тебя не выслушает? С чего ты взял? У тебя с головой все в порядке?

— Сэр,— отчетливо произнес Сэм,— Командор болен, об этом известно даже на Земле. Если он приступит к работе, не поправившись, проект потерпит неудачу. То, что я видел, не было галлюцинацией. В доказательство я могу определить причину болезни и вылечить Командора.

— Ты усложняешь свое положение,— проворчал Джентри.

— Еще раз повторяю: если вы меня отошлете, проект провалится. Неужели вы думаете, что, повидав Командора, я сделаю ему хуже? Я прошу всего пять минут.

— Пять минут? А если он откажет?

— Попросите его, сэр. Передайте мои слова: то, что вызвало болезнь, может ее излечить.

— Нет. Этого я не скажу. Но просьбу твою передам.

Командор оказался сухощавым, невысоким человеком. Темно-синие глаза смотрели очень устало.

У него был негромкий, низкий и утомленный голос.

— Это ты видел галлюцинацию?

— Не галлюцинацию, Командор. Я видел реальность. Такую же, как и вы.

«Если меня тут же не вышвырнут,— подумал Сэм,— есть шанс». Он почувствовал, как локоть непроизвольно напрягся, и прижал к боку корзинку.

— Я видел? — опешил Командор.

— Да, сэр. Они сказали, что причинили вред одному человеку. Они попробовали на вас, поскольку вы Командор, и... причинили вам вред.

Командор не обратил внимания на его слова и спросил:

— Были ли у тебя раньше проблемы с психикой?

— Нет, Командор. Вы можете проверить данные Центрального Компьютера.

А вот у него наверняка были проблемы, подумал Сэм, но, поскольку Командор — гений, на это решили не обращать внимания.

Потом он подумал: «Моя ли это мысль? Или ее вложили мне в голову?»

Командор что-то говорил. Сэм едва не прослушал.

— То, что ты видел, было нереальным. На этой планете нет разумных форм жизни.

— Есть, сэр.

— Вот как? Почему же никто раньше их не замечал? А ты прилетел и за три дня во всем разобрался.— По губам Командора скользнула улыбка.— Боюсь, что у меня нет выбора, кроме как...

— Пойдите, Командор,— сдавленным голосом произнес Сэм.— Все видели эту форму жизни. Речь идет о насекомых, крошечных летающих существах.

— Ты утверждаешь, что насекомые разумны?

— Каждое в отдельности — нет, но они могут соединяться наподобие фрагментов мозаики и образовывать любые комбинации. При этом их нервные системы тоже сливаются. Собираясь вместе, они становятся разумными.

Командор изумленно поднял брови:

— Любопытная версия. Достаточно безумная, чтобы оказаться правдой. Как ты пришел к своему заключению, юноша?

— Через наблюдение, сэр. Куда бы я ни шагнул, я повсюду тревожил сидящих в траве насекомых. Они разлетались от меня во все стороны. Но как только начала образовываться корова и я побежал в ее сторону, наступила тишина. Насекомые пропали. Они собрались передо мной в огромную тучу, в траве их больше не было. Так я и догадался.

— Ты говорил с коровой?

— Вначале появилась корова, потому что я про нее подумал. Но получилось плохо, и насекомые перегруппировались, образовав фигуру человека — меня.

— Тебя? — Понизив голос, Командор добавил: — Что ж, похоже.

— Вы тоже это видели, сэр?

Командор оставил его вопрос без внимания.

— Могла ли фигура говорить после того, как приняла твою форму?

— Нет, Командор. Разговор звучал в моем сознании.

— Телепатия?

— Что-то вроде.

— И что оно тебе сказала — или подумало?

— Оно хотело, чтобы мы воздержались от воздействия на планету. Чтобы мы ее не покоряли. — Сэм затаил дыхание. Собеседование длилось больше пяти минут, и Командор не собирался его прерывать.

— Исключено.

— Почему, Командор?

— Строительство другой базы удвоит, а то и утроит расходы. У нас и без того сложности с получением средств. Хорошо, что все это лишь галлюцинация, молодой человек. На самом деле проблемы не существует. — Он прикрыл глаза, потом открыл их и устало взглянул на Сэма. — Мне очень жаль, юноша, но я вынужден отправить вас домой. Официально.

— Мы не имеем права игнорировать насекомых. — Сэм пошел ва-банк. — Они многое могут нам дать, Командор.

Командор приподнял левую руку, словно готовясь завершить встречу. Услышав последние слова мальчика, он остановился и произнес:

— Вот как? Что же они могут нам дать?

— То, что гораздо важнее энергии, Командор. Понимание мозга.

— С чего ты взял?

— Я могу вам продемонстрировать. Насекомые у меня с собой. — Сэм сорвал с плеча корзинку и поставил ее на стол.

— Это еще что?

Вместо ответа Сэм открыл корзинку, из которой тут же появилось клубящееся дымчатое облако.

Командор с криком вскочил на ноги. Он резко взмахнул рукой, и загредел сигнал тревоги.

В дверях показался Джентри и остальные. Сэм почувствовал, как его схватили за руки, после чего в комнате повисла гнетущая тишина.

Облако сгущалось, обретая форму головы с тонкими чертами лица, высокими скулами, покатым лбом и скошенной линией волос. Голова походила на Командора.

— У меня видение! — хрипло воскликнул Командор.

— Мы все видим одно и то же, — сказал Сэм.

Он дернулся, и его отпустили.

— Массовая истерика, — пробормотал Джентри.

— Нет, — возразил Сэм. — Реальность.

Он вытянул руку в сторону головы, и на его пальце оказалось крошечное насекомое. Сэм стряхнул его, и едва различимая мошка полетела к своим собратьям.

Все замерли.

— Голова, знаешь ли ты, в чем проблема психики Командора? — спросил Сэм.

В мозгу у него промелькнул образ спутанного клубка, который, однако, тут же исчез, ничего после себя не оставив. Очевидно, подобное было не просто вложить в сознание человека. Он надеялся, что остальные почувствовали нечто похожее. Да, почувствовали. Он знал это.

— Никакой проблемы не существует, — заявил Командор.

— Можешь ли ты ее устранить, Голова? — спросил Сэм.

Конечно нет. Нельзя вмешиваться в сознание.

— Командор, дайте разрешение, — сказал Сэм.

Командор прикрыл глаза руками и что-то пробормотал — слов Сэм не расслышал. Затем он отчетливо произнес:

— Это кошмар, но я пребываю в нем с момента... Я даю разрешение на все, что необходимо сделать.

Ничего не произошло.

Или показалось, что не произошло.

Затем медленно-медленно лицо Командора осветилось улыбкой.

Он прошептал:

— Потрясающе. Я вижу восход солнца. После долгой и холодной ночи я снова ощущаю тепло. — Голос его стал громче. — Я прекрасно себя чувствую!

В этот момент Голова распалась, вместо нее колыхалось прозрачное облако, которое затем превратилось в изогнутую стрелу, влетевшую в корзинку. Сэм захлопнул крышку.

— Командор, разрешаете ли вы мне вернуть насекомых на место?

— Да, конечно, — махнул рукой Командор. — Джентри, соберите людей. Нам необходимо пересмотреть все наши планы.

Суровый охранник сопроводил Сэма за пределы Купола, после чего мальчика до конца дня заперли в комнате.

Поздно вечером пришел Джентри, задумчиво на него посмотрел и сказал:

— Ты устроил замечательное представление. Мы все передали в Центральный Компьютер. Теперь у нас двойной проект — энергия нейтронной звезды и нейрофизиология. Не сомневаюсь, что вопрос с финансированием решится положительно. Вскоре сюда прибудет группа нейрофизиологов. До их прибытия работа с этими крошками поручается тебе. Не исключено, что ты станешь самым важным человеком на базе.

— Оставим ли мы им их планету?

— Придется, если мы надеемся получить от них какую-либо помощь. Командор считает, что мы должны создать вокруг планеты сложный орбитальный комплекс и передать им контроль над всеми операциями. На базе под Куполом останется лишь группа специалистов, которые будут поддерживать контакт с насекомыми — если мы так и условимся в дальнейшем их называть. Уйдет много времени, потребуются колоссальные затраты, но в конечном итоге все окупится. В этом никто не сомневается.

— Хорошо! — сказал Сэм.

Джентри снова посмотрел на юношу. На этот раз взгляд его был более долог и задумчив.

— Похоже, все, что произошло, случилось благодаря тому, что ты не испугался предполагаемой галлюцинации. В отличие от всех остальных ты сохранил ясный разум. Почему? Почему ты не испугался?

Сэм густо покраснел.

— Даже не знаю, сэр. Я и сам пытаюсь это осмыслить. С самого начала я был удивлен тем, что меня сюда прислали. Я прилежно учил нейрофизиологию, но мало соображал в астрофизике. В Центральном Компьютере хранятся все данные, вплоть до малейших подробностей обучения, и я ума не мог приложить, как я здесь очутился.

Потом, когда вы впервые упомянули о галлюцинациях, я подумал: вот оно. Меня послали исследовать галлюцинации. Так что я просто настроился на работу. У меня не было времени испугаться, доктор Джентри. Передо мной стояла проблема, кото-

рую я обязан был разрешить, и я... я верил в Центральный Компьютер. Он не послал бы меня сюда, если бы я был не в силах справиться с этой задачей.

Джентри покачал головой:

— Боюсь, сам я не настолько доверяю машинам. Но, как говорят, вера может горы свернуть. Похоже, так и произошло в данном случае.

Планета Локмания, на которой обитали разумные существа, напоминающие по виду крупных вомбатов, приняла американское законодательство, и Конфедерация Земли поручила Фердинанду Фегхуту изучить ситуацию на месте.

Фегхут с любопытством наблюдал, как в зал суда ввели семейную пару, обвиняемую в нарушении общественного порядка. На религиозной церемонии, в ходе которой прихожанам полагалось в течение двадцати минут хранить молчание и сосредоточиться на своих пороках, представляя, как они растворяются и исчезают, женщина неожиданно поднялась с корточек и о чем-то заговорила. Один из присутствующих сделал ей замечание, и муж этой женщины изо всех сил его толкнул.

Судьи торжественно выслушали суть дела, оштрафовали женщину на один серебряный доллар, а мужчину — на золотую монету достоинством в двадцать долларов.

Следом за ними в помещение суда ввели семнадцать мужчин и женщин. Это были зачинщики беспорядков, в ходе которых толпа разнесла супермаркет, протестуя против низкого качества мяса. Восьмерым служащим супермаркета были нанесены различной степени тяжести синяки и порезы.

Судьи вновь торжественно выслушали суть дела и приговорили семнадцать человек к наказанию неряшливым видом: два дня не бриться.

Впоследствии Фегхут сказал, обращаясь к председателю суда:

— Я согласен с тем, как вы поступили в отношении мужчины и женщины, которые нарушили общественный порядок.

— Это простое дело,— сказал судья.— У нас действует законодательный принцип: слово — серебро, толкание — золото.

— В таком случае,— удивился Фегхут,— почему вы обошлись так легко с участниками беспорядков, совершившими куда более серьезное правонарушение?

— О, здесь мы руководствовались другим принципом,— сказал судья.— За одного битого двух небритых дают.

Роберт Л. Передоу, плотный, розовощекий физик из исследовательской лаборатории Хью в Малибу, пишущий время от времени научно-фантастические рассказы, демонстрировал в обычной для него жизнерадостной манере свое последнее изобретение.

— Как видите, здесь у нас большое вращающееся кольцо, или тороидальная вакуумная камера, в которой элементарные частицы разгоняются почти до скорости света при помощи соответствующего магнитного поля. В результате любой объект, который пройдет через внутренний диаметр тороидальной камеры, поменяет свою четность.

— Поменяет четность? — переспросил я. — Другими словами, левая и правая стороны поменяются местами?

— Что-то обязательно изменится. Полагаю, однако, что рано или поздно при помощи подобных экспериментов мы получим из частиц античастицы. Или наоборот. Это откроет путь к производству неограниченных запасов антиматерии, которую можно будет использовать для разгона космических кораблей, способных пересекать межзвездные пространства.

— Давай попробуем, — предложил я. — Пропусти через отверстие поток протонов.

— Уже пытался. Ничего не происходит. Тороидальная камера недостаточно мощная. Между тем математические подсчеты свидетельствуют, что чем сложнее окажется пропускаемый объект, тем выше вероятность того, что левая и правая его стороны поменяются местами. Если удастся доказать, что при прохождении через камеру высокоорганизованной материи обязательно произойдет перемена четности, я получу дотацию, кото-

рая позволит построить значительно более мощное оборудование.

— Ты уже продумал ход эксперимента?

— До мелочей,— ответил Боб.— По моим расчетам, человек является весьма сложным материальным объектом и однозначно подвергнется трансформации. Так что я сам намерен проскочить через камеру.

— Постой, Боб,— встревожился я.— Ты можешь погибнуть.

— Я не вправе послать туда никого другого. Это мое изобретение.

— Послушай, даже в случае успеха закрутленный конец левого желудочка твоего сердца будет смотреть вправо, а печень окажется с левой стороны. Хуже того, все аминокислоты и сахара сместятся. Ты не сможешь больше ни есть, ни переваривать пищу.

— Чепуха,— отмахнулся Боб.— Пройду через дыру еще раз и стану таким же, как и раньше.

Не откладывая дела в долгий ящик, он притащил небольшую стремянку, взобрался на самый верх, секунду поколебался у бортика кольца, после чего прыгнул вниз. Боб упал на резиновый матрас, покрутил головой и выполз из-под тороидальной вакуумной камеры.

— Ну, что ты чувствуешь? — нетерпеливо спросил я.

— Во всяком случае, я жив,— проворчал Боб.

— Да, но как ты себя чувствуешь?

— Нормально,— как-то разочарованно протянул Боб.— Так же, как и до прыжка.

— Это понятно, скажи, где твое сердце?

Боб приложил руку к груди и прислушался.

— Сердце бьется слева, все как обычно... Подожди! — вдруг воскликнул он.— Давай посмотрим, где шрам от аппендицита.

Проверив шрам, он злобно уставился на меня:

— Все на месте. Ничего не произошло. Дотации не видать как своих ушей.

— Может, что-то другое изменилось? — с надеждой спросил я.

— Нет.— Жизнерадостность Боба уступила место угрюмой мрачности.— Ничего не изменилось. Я уверен в этом так же, как и в том, что меня зовут Роберт Л. Задоу.

ПРЕДАНИЕ О ТРЕХ ПРИНЦАХ

Когда-то в незапамятные времена жил да был один король. Имя его было Хильдерик, и правил он очень маленькой страной, совсем крохотной, которая называлась Микрометрика. Не была она ни богатой, ни, к примеру, могущественной, но люди в ней жили счастливо, потому что Хильдерик был королем славным и добрым, из тех, которые любят свой народ, и народ в ответ любит их.

Микрометрика была такая маленькая и бедная, что король Хильдерик не пытался покорить соседние страны, а соседние страны не пытались покорить Микрометрику, такую маленькую и бедную. В результате — мир и довольство царили в этой стране.

Конечно, королю Хильдерiku не нравилось жить в бедности. Дворец у него был довольно тесный, в саду ему приходилось помогать садовнику, а его супруге, королеве Эрментруде, возиться на кухне, из-за всего этого они чувствовали себя довольно несчастными. Но зато чего у них было вдоволь, так это сыновей. Когда королева в первый раз разрешилась от бремени, все в королевстве были ужасно счастливы, но, к сожалению, она на этом не остановилась. В тот прекрасный день Эрментруда родила троих детей. Все они были мальчиками.

— Ах, милая моя жenuшка, — несколько озадаченно произнес король Хильдерик. — Имея трех чудных сынов, сумеем ли мы правильно распорядиться нашим тронem?

— Может быть. — Королева Эрментруда смотрела на новорожденных любовно и горделиво. — Пусть они, когда придет время, правят все вместе.

Король с сомнением покачал головой.

— Не думаю, что это разумное решение вопроса, любовь моя. Нашего королевства едва хватает и на одного правителя, а если их окажется целых три, остальные короли нас на смех поднимут. Кроме того, вдруг между детками возникнут разногласия? Посуди, как несчастен будет наш добрый народ, если его повелители станут ссориться между собой.

— Ты прав,— вздохнула королева.— Но у нас еще есть время подумать об этом.

Три мальчика, три королевских сына, росли крепкими, высокими и красивыми парнями, и их родители были очень счастливы и любили их совершенно одинаково. Они видели, что все трое принцев так хорошо учатся, что, когда придет время, каждый из них сможет стать прекрасным королем для своей Микрометрики. Но хоть дети и учились замечательно, были они очень не похожи один на другого. И внешность у них была разной, и вкусы тоже.

Один из трех принцев уродился покрупнее и посильнее, чем остальные двое, и его стали звать Примус, что на древнем и священном языке этого королевства означало Первейший. Когда он не сидел над уроками, то выполнял разные физические упражнения и развивал мускулы. Он уже мог поднимать огромные тяжести, сгибать железные прутья и раскалывать кокосовые орехи голыми руками. Каждый житель королевства восхищался его силой и считал, что их страна будет в полной безопасности, когда этому юноше придет время царствовать.

Второй сын не был таким уж высоким и сильным, как Примус, поэтому его стали звать Секундус, это имя на том же древнем и священном языке означало Второй. Его мускулы не выпирали буграми из-под королевского наряда, как у Примуса. Когда он не посещал занятия, то практиковался не с тяжестями, а с военным оружием. Принц Секундус мог метнуть копье дальше и послать стрелу точнее всех в королевстве. Никто не мог превзойти его в битве на мечах, а уж верховую езду он освоил просто в совершенстве. И опять каждый человек в королевстве восхищался вторым сыном королевской четы и не сомневался, что при таком короле можно чувствовать себя в полной безопасности.

И наконец, о младшем сыне. Он тоже был высок и силен, хоть и не так высок и силен, как старшие братья, поэтому его называли Терциус, что означало Третий. Принц Терциус учился еще лучше своих братьев, но ничуть не интересовался ни поднятием тяжестей, ни метанием копий. Когда он не посещал школу, то слагал любовные поэмы и пел их сладкозвучным голосом. А также он прочитал великое множество книг. Все юные девушки королевства находили поэзию принца Терциуса прекрасной, но нельзя сказать, что каждый житель королевства был уверен, что король-поэт — это так уж надежно. Все были рады, что два старших принца будут посильнее и что есть из кого выбирать.

По счастью, все трое принцев оказались очень дружны между собой, и когда стали старше, то решили, что никогда не будут ни ссориться, ни враждовать из-за трона. К тому же они очень любили своего отца и желали ему еще долгих лет царствования.

— Но все-таки,— сказал однажды принц Примус,— его королевское величество наш отец стареет, и нам следует прийти к какому-то решению. Так как мы одного возраста, не имеет смысла выбирать старшего. Но я гораздо сильнее и крупнее вас обоих. Над этим стоит поразмыслить.

— Тут я с тобой согласен,— произнес принц Секундус,— но самый опытный воин среди нас — я. Не хотелось бы заострять на подобном вопросе внимание, но это важная деталь.

— Мне кажется,— заметил принц Терциус,— лучше спросить об этом маму и папу. Пусть они примут решение.

Принц Примус нахмурил брови и сказал:

— Не думаю, что их королевские величества, наших отца с матерью, тебе следует называть папа и мама.

— Но кто же они, если не папа и мама?

— Дело не в этом,— поддержал старшего брата Секундус,— а в том, что следует заботиться об их королевском достоинстве. Если я когда-нибудь стану королем, я хочу, чтоб ты меня звал «ваше королевское величество брат». И буду очень обижен, если ты обратишься ко мне со словами «приятель» или «братишка».

— Он дело говорит,— сказал принц Примус,— если бы я стал королем, я бы презирал тех, кто звал бы меня, к примеру, Примми.

— Хорошо.— Принц Терциус не любил ссор.— В таком случае почему бы нам не спросить их королевские величества отца

и матушку, что нам делать? В конце концов, монархи они, и нам надлежит слушаться их повелений.

— Отлично,— согласились старшие братья, и они втроем поспешили в королевский тронный зал.

Король Хильдерик немножко подумал. Будучи славным королем, он хотел лучшего для своей маленькой страны и вовсе не был уверен, что его подданные смогут процветать под очень сильным, или под очень воинственным, или под очень уж поэтично настроенным королем.

«В чем нуждается моя страна,— думал он,— так это в очень богатом короле, который даровал бы своему отечеству процветание и счастье».

Наконец король вздохнул и произнес:

— Нет, мне не сделать выбора между вами, дети мои. Поэтому я вынужден дать вам трудное и опасное поручение — раздобыть денег, причем довольно много. Не хотелось бы, чтоб вы думали, что деньги такая уж важная штука, но, видите ли, наша страна отчаянно в них нуждается. Следовательно, тот, кто принесет больше денег, и станет королем.

Королева Эрментруда сильно встревожилась и обеспокоенно сказала:

— Но, отец,— (в кругу придворных она никогда не называла его «отец», но королевство было таким бедным, что придворных там почти не водилось),— вдруг наших дорогих деток подстережет опасность при выполнении твоего поручения?

— Будем надеяться, что не подстережет, мать. Нам нужны деньги, ты и сама это знаешь, а, например, у императора Максимиана Аллеманского они есть. И их много. Он, возможно, самый богатый из всех монархов мира.

Принц Примус поразмыслил и сказал:

— Это, может, и так, ваше королевское величество мой отец, но, по-моему, император не даст нам денег только потому, что мы попросим их.

— В самом деле,— поддержал его средний брат,— нам никто не даст денег, если мы попросим.

А принц Терциус сказал:

— Мне кажется, что принцам ни в коем случае не полагается выпрашивать деньги.

— Так вот, дети,— заключил король,— речь идет не о выпрашивании денег. Император Максимиан, как оказывается, имеет дочку по имени Меливерса. И она является его единственным чадом.

Король Хильдерик надел пару больших очков, достал из ящика своего королевского стола пергамент и, глядя в него, продолжил:

— Два дня назад мне доставили эту эпистолу, и я ее внимательно с тех пор изучаю. Такие же послания доставлены во все королевства всем королям, и было очень любезно вспомнить и обо мне, хоть я владею такой небольшой и небогатой страной.

Он откашлялся.

— Итак, здесь говорится о том,— король не отрывал внимательного взгляда от пергамента,— что императорская дочь прекрасна, как божий день, высока, изящна и очень хорошо образованна.

— Мне что-то не нравится, что она такая образованная,— заметил старший из принцев,— образованные принцессы очень уж много говорят.

— Но ее же можно не слушать,— возразил принц Секундус.

А принц Терциус сказал:

— Ваше королевское величество батюшка, какое отношение имеет королевская дочка к вопросу о деньгах для нашей страны?

— Мои дорогие королевичи,— обратился к сыновьям король,— каждый, кто рожден принцем и кто сможет представить сертификат о своем королевском происхождении, получит право проявить свои способности при дворе императора Максимиана. Если эти способности покажутся приятными принцессе Меливерсе и она захочет выйти за этого принца замуж, он будет объявлен наследником престола и получит большое денежное содержание. Впоследствии он станет императором. Если победителем будет один из вас, то и я в свое время объявлю его властителем моей страны. А владея богатством обеих земель, он сможет сделать нашу Микрометрику процветающей державой.

— Принцесса Меливерса не сможет устоять перед моими мускулами, ваше величество отец мой,— заявил принц Примус.

— Или перед моей верховой ездой,— продолжил принц Секундус.

— Ну, не знаю, любит ли она поэзию...— неуверенно протянул принц Терциус.

— Но тут есть одна загвоздка, дети мои королевичи,— преврал его король.— Я дал вам образование в области экономики, социологии и в других, столь же необходимых королям науках. Меливерса же образованна в области колдовства. Если кто из принцев не угодит ей и не покорит ее сердце, то она обратит его в статую. В этой эпистоле сказано, что для главной аллеи парка, где королева совершает свой утренний променад, потребно много статуй.

Королева Эрментруда воскликнула:

— Я так и знала,— и стала плакать.

— Не плачьте, ваше величество моя матушка,— сказал принц Терциус, который любил мать всей душой,— не уверен, что это соответствует духу закона, обращать королевичей в статуи.

— Как правило, нет,— поднял брови его отец,— но в данном случае это обстоятельство является частью соглашения. Кроме того, заводить тяжбы с королевнами — трудная задача. Итак, если вы, дети мои королевичи, не захотите воспользоваться этой возможностью, я не стану винить вас... Но наша Микрометрика терпит такую отчаянную нужду в деньгах.

Принц Примус сказал:

— Я ничуть не испугался. Передо мной принцессе не устоять.

Принц Секундус поддержал его:

— Или передо мной.

Принц Терциус смотрел озадаченно и ничего не отвечал.

Трое принцев вмиг собрались в долгую дорогу. Одежды их, к сожалению, выглядели довольно потрепанно и давно вышли из моды, лошади были стары, но ничего другого не водилось.

— Прощайте, ваши величества мои родители,— сказал принц Примус.— Постараюсь не подвести вас.

— Надеюсь,— неуверенно промолвил король Хильдерик.

Королева рыдала на пороге своей опочивальни.

— Я также не обману ваших ожиданий,— сказал принц Секундус.

Принц Терциус, подождав, пока братья удалились, сказал:

— До свидания, мои дорогие мама и папа. Я сделаю, что смогу.

— До свидания, сын,— произнес король, когда смог побороть комок в горле.

Королева Эрментруда обняла сына, и он поскакал догонять братьев.

Долго, долго скакали они, пока не достигли главного города империи Аллемании. Лошади их почти выбились из сил, одежды совсем истрепались, да и деньги все вышли, так что пришлось просить взаймы у тех королей, чьи страны они проезжали.

— Значит,— грустно заметил принц Терциус,— мы еще и задолжали кругом, и теперь наше королевство станет еще беднее, чем было.

— Когда я заполучу принцессу,— пообещал принц Примус,— я заплачу своим заимодавцам вдвое больше.

— А я — впятеро,— сказал принц Секундус.

— В случае если хоть один из нас завоюет принцессу,— добавил принц Терциус.

— Разве может такого не произойти? — в один голос воскликнули старшие братья.

И вправду, когда трое принцев прибыли ко двору, их приняли с большим почетом. Пожаловали свежих коней и прекрасные богатые платья самого нового фасона, а затем проводили в роскошные покои такого большого и красивого дворца, какой они только могли вообразить. В услужение им придали множество слуг, и те ухаживали за братьями с отменной вежливостью.

Все трое были очень довольны подобным обращением.

— Императору, должно быть, известно, из какой прекрасной семьи мы произошли. Наши предки много поколений являются королями,— заметил принц Примус.

— Да,— сказал принц Терциус,— только все они были бедными королями. И я думаю, знает ли об этом император Максимиан.

— Должен знать,— ответил принц Секундус,— императоры вообще все знают. В противном случае, какие же из них императоры?

В это время в их покои вошла младшая помощница горничной и принесла чистые полотенца, чтоб принцы могли принять ванну, перед тем как отправиться на бал. А бал должен был состояться в тот же вечер.

Принц Примус сказал:

— Эй, ты! Служанка!

Девушка вздрогнула оттого, что к ней обратился сам принц, и, низко присев в реверансе, шепотом ответила:

— Да, ваше высочество.

— Ваш император умный человек?

— О, ваше высочество, вся империя поражается его мудрости.

Принц Секундус спросил:

— А его интересует, богаты или бедны прибывающие к вам принцы?

— Совсем не интересует, ваше высочество,— снова отвечала служанка.— Он до того богат, что деньги для него ровно ничего не значат. Все, чего он хочет, так это только счастья своей дочери. И если она остановит выбор на ком-то из принцев, тот сразу станет наследником империи, даже если у него до этого не было ни пенни.

Принц Примус и принц Секундус заулыбались и закивали друг другу, как бы говоря: «Мы так и знали».

А принц Терциус поглядел на служанку и спросил:

— А что вы могли бы рассказать о принцессе, дорогая служаночка? Она такая же хорошенькая, как вы?

Девушка покраснела, как маков цвет, и только ротик приоткрыла. Даже ответить ничего не смогла.

— Не зови ее «дорогая служаночка». Слутам непонятно, когда к ним так обращаются принцы,— понизив голос, сделал брату замечание принц Примус.

— С чего ты взял, что она хорошенькая? Служанка она служанка и есть,— поддержал брата принц Секундус.

— Все равно я бы хотел услышать ответ на свой вопрос,— твердым голосом сказал принц Терциус.

Служанка, а она и вправду была прехорошенькой, хоть большинство из приехавших принцев этого не замечали, ответила:

— Ваша высочество, должно быть, изволит шутить. Принцесса и выше меня, и вообще гораздо красивее. Она прекрасна, как солнце.

На что принц Примус заметил:

— Богатая принцесса и к тому ж прекрасная, как солнце. Хм, очень интересно.

А принц Секундус добавил:

— Приятно жить в своем дворце, примерно таком, как этот, с богатой принцессой.

И принц Терциус спросил:

— Не больно ли на нее смотреть, если она прекрасна, как солнце?

— Но она такая высокомерная, — продолжала служанка.

Принц Примус сурово изрек:

— Служанкам не полагается встречать со своими замечаниями, когда их не спрашивают.

И принц Секундус еще суровее произнес:

— Вот что получается, когда говорят «дорогая» всяким служанкам.

А принц Терциус сказал:

— Так значит, она очень высокомерная, моя дорогая?

— Очень, ваше высочество. — Служанка отвечала, дрожа как осиновый лист от высокомерных взглядов двух братьев. — Уже так много принцев просили ее руки, а ей ни один из них не понравился.

— Конечно не понравились, — усмехнулся принц Примус. — Наверное, какие-нибудь заморыши, которые даже железного прута не могут согнуть как полагается. Какой ей в них интерес?

— Может, они и мечи поднять не могли, уж не говоря о том, чтобы подобающе драться. Что в таких мужьях толку?

— Мне кажется, нам следует спросить у служаночки, — сказал принц Терциус, — что стало с теми принцами.

Девушка опустила глаза и грустно ответила:

— Их всех обратили в статуи, выше высочество. Статуи получились очень красивые, так как и принцы были красивые и молодые.

Принц Терциус печально покачал головой.

— Я надеялся, император изволил шутить, а он и в самом деле поступает так, как было писано в эпистоле. И много у вас статуй?

— Почти по дюжине с каждой стороны главной аллеи, по которой принцесса каждое утро совершает променад, ваше высочество. Но она на них даже и не смотрит, потому что настолько же жестока, насколько прекрасна.

— Фу, какая мне разница, жестока она или нет? Была бы она только богата,— усмехнулся принц Примус.— И прекрасна тоже, конечно. Я сумею победить ее гордое сердце... А теперь убирайся прочь, служанка.

Девушка сделала глубокий реверанс и вышла из покоев, пятась, поскольку было бы очень невежливо с ее стороны выходить, повернувшись спиной к принцам.

Вечером задали роскошный пир, и трое принцев были на нем почетными гостями.

Император, сидя на великолепном троне во главе стола, любезно приветствовал их. Рядом с отцом сидела принцесса Мелливерса, она и вправду оказалась прекрасна, как солнце. Ее длинные волосы были цвета кукурузных початков, а глаза синие-пресиние, они напоминали небо в ясный весенний день, а цвет лица у нее оказался вообще совершенно безупречен, и черты его идеальны.

Но глаза ее были пусты, и лицо не выражало ни одной мысли.

Когда принцессе представили принца Примуса, она даже не улыбнулась ему. Только посмотрела гордо и обронила:

— Из какого вы королевства, сударь?

— Из Микрометрики, ваше императорское высочество,— ответил принц.

И принцесса заметила:

— Мне известны все страны на земле, и могу сказать, что Микрометрика из них самая маленькая.— После чего посмотрела на него с презрением.

Принц Примус отошел от нее, уселся на свое место за столом и шепнул брату:

— Она проявит ко мне больше интереса, когда я покажу ей, что я умею.

Затем принцессе представили принца Секундуса, и она спросила:

— Вы, надо полагать, тоже из Микрометрики?

— Да, ваше императорское высочество. Принц Примус — мой брат.

— Ваша Микрометрика к тому же беднейшая из всех стран. Если вы с братом надумаете делиться, то окажетесь на грани настоящей нищеты.

И отвернулась от него. Принц Секундус тоже отошел от принцессы и, заняв свое место подле братьев, прошептал старшему:

— Она забудет о нашей бедности, когда увидит мое мастерство.

Когда принцессе представили принца Терциуса, она чуть не рассмеялась:

— Еще один из Микрометрики?

— Мы — трое родных братьев, ваше императорское высочество,— объяснил принц,— и тем, что принадлежит нам, мы владеем сообща.

— Но вам почти ничего и не принадлежит.

— Вы правы, у нас нет денег и власти,— согласился принц Терциус,— но мы и наш народ живем счастливо. А стоит поделиться счастьем, как оно умножится.

— Не доводилось видеть,— сказала так принцесса и отвернулась.

Принц Терциус вернулся на свое место и шепнул братьям:

— Она богата, а наша страна так нуждается в деньгах. Но красота принцессы холодна, и богатство не принесло ей счастья.

На следующее утро старший из принцев приготовился продемонстрировать свои подвиги. Он нарядился в великолепный наряд атлета, подаренный ему императором, и теперь стоял перед зеркалом, любуясь своими мускулами. Принц Примус был до крайности доволен собой.

В этот момент послышался робкий стук в дверь, и, когда принц провозгласил «входите», в комнате появилась младшая помощница горничной с вазой яблок.

— Это что еще? — строго спросил принц Примус.

— Я подумала, что вам потребуется подкрепиться перед выступлением, ваше высочество.

— Что за чепуха. У меня есть все, что нужно. Унеси прочь эти дурацкие яблоки.

Служанка опять сильно покраснела, но продолжила:

— Ваше высочество, я сомневаюсь в том, что вам стоит братья за выполнение задания.

— Это еще что такое? Почему бы мне за него и не взяться? — Произнося эти слова, принц Примус напряживал мускулы и

любовался собой в зеркало. — Тебе что, кажется, что я недостаточно мужественен?

— Конечно, вы достаточно мужественны в глазах всех людей на свете, но не в глазах нашей принцессы. Ей невозможно угодить, и будет ужасно, когда такой прекрасный принц, как ваше высочество, обратится в мраморную статую.

Принц Примус расхохотался.

— Принцесса не может быть настолько жестокой, чтобы я не сумел угодить ей. И хватит болтать! Тебе следует говорить только тогда, когда к тебе обращаются. Убирайся отсюда, служанка!

И маленькая служаночка в одно мгновение исчезла из его покоев, едва успев сделать реверанс.

Принц Примус вышел на большую арену. Всю ее окружали трибуны, а над трибунами возвышался шелковый балдахин. В самом центре сидел император, справа от него расположилась принцесса Меливерса. Все придворные, среди них было много прекрасных юных дев и юношей, тоже собрались на трибунах. На одной из скамей сидели братья Секундус и Терциус. Принц Примус встал лицом к трибунам, и слуги разложили перед ним разные атлетические снаряды.

Сначала принц подошел к целой горе штанг. Самую легкую из них он небрежно отбросил в сторону, хотя поднять такую было бы трудно даже очень сильному человеку.

Затем он стал одну за другой поднимать более тяжелые, сначала охватывая их двумя руками и рывком подбрасывая на уровень плеч, а затем с большим усилием даже над головой. Когда принц поднял самую большую из штанг, все придворные принялись неистово аплодировать. Ни один человек на свете не смог бы даже приподнять такую тяжесть.

А под конец принц взвалил на свои плечи толстый железный прут и затем свел его концы таким образом, что оба они оказались перед его лицом. А потом снова развел их, поднял прут над головой и отбросил в сторону. Каждая часть его выступления вызывала гром аплодисментов придворных. Даже сам император одобрительно кивал. Только одна принцесса не аплодировала и не кивала.

Тогда император наклонил к дочери голову и тихо сказал:

— Дорогая, этот принц поистине самый сильный человек из всех, кого я знаю. Совсем неплохо было бы иметь такого наследника для нашего трона.

Но дочь его холодно ответила:

— По моему мнению, таких силачей надо в цирке показывать, ваше императорское величество мой отец, но замуж за такого я не собираюсь. Разве в моей спальне есть штанги или железные прутья, которые необходимо сгибать или подбрасывать? Наблюдать же за тем, как он то напружинивает, то расслабляет мускулы мне, право, скоро надоест. А уж если он попытается обнять меня, то непременно сломает мне одно-два ребра.

Она величественно встала, и все стихли.

— Принц Примус, — раздался ее звучный голос.

Принц скрестил на груди руки и обратился к принцессе лицом, на котором застыло самонадеянное выражение. Она продолжила:

— Вы самый сильный человек, которого я когда-либо видела, и я благодарю вас за старания быть приятным мне. Но я не хочу видеть вас своим мужем. Извольте подвергнуться наказанию.

Последовало несколько загадочных пассов (она ведь и вправду была очень образованная принцесса), и ослепительно ярко вспыхнуло волшебное пламя. Придворные побыстрее зажмурили глаза, и только принцы Секундус и Терциус, которые ничего подобного не ожидали, были на минуту-другую почти ослеплены.

Когда зрение к ним вернулось, они с ужасом увидели, как грузят на тележку какую-то статую, чтобы отвезти ее в главную аллею парка, по которой принцесса совершала свои утренние променады.

Этой статуей стал их старший брат принц Примус, по-прежнему со сложенными на груди руками и лицом гордым и красивым.

Принц Терциус был очень грустен в тот вечер. Ему еще не доводилось терять брата, и теперь он понял, до чего это неприятно.

Он сказал принцу Секундусу:

— Не думаю, чтобы нашему отцу, его королевскому величеству, это могло понравиться. А уж что касается нашей матушки,

ее королевского величества, то она просто в ужас придет. Как мы осмелимся сообщить им об этом?

Принц Секундус ответил:

— Когда я завоюю руку и сердце принцессы, то, надеюсь, смогу убедить ее попробовать освободить нашего брата, его королевское высочество. В конце концов, если она так уж хорошо образованна, то должна же она уметь это делать.

— Но как тебе удастся завоевать ее руку и сердце? Ведь сердце у принцессы просто из камня. Настоящего холодного камня.

— Думаю, не совсем так, — ответил средний брат. — Эта неприятность произошла только потому, что принцессу не заинтересовали бесцельные демонстрации силы и мускулов. Что толку в поднятии тяжестей? Я, по крайней мере, воин. Я умею сражаться и владеть оружием. Это уж точно полезное занятие.

— Надеюсь, — сказал принц Терциус. — Но ты понимаешь, как сильно рискуешь? Хотя, конечно, принцесса очень богата, а мы так нуждаемся в деньгах.

На следующее утро принц Секундус как раз облачался в сверкающие доспехи, когда младшая служанка, сгибаясь под непомерной тяжестью, приволокла ему огромный меч. Девушка едва сумела втащить его в покои и только хотела присесть в реверансе, как нечаянно уронила меч на пол. С оглушительным грохотом.

Принц Секундус, досадливо поморщившись, сказал:

— До чего ты неуклюжа.

— Прошу прощения, ваше высочество, — смиренно прошептала она, снова приседая, — но вы и вправду хотите попытаться угодить принцессу?

— Конечно. А тебе-то что за дело, служанка?

— Вовсе никакого, ваше высочество, — призналась девушка, — но наша принцесса такая привереда и ей до того трудно угодить, что прямо ужас. Мне бы так не хотелось видеть вас, подобно вашему брату, в образе статуи.

— И не увидишь, — отрезал принц Секундус. — Меня ей не обратить в статую. Мне удастся покорить принцессу. А теперь, служанка, убирайся от меня прочь. Не выношу настырных особ.

Служаночка опять присела в реверансе и исчезла.

Принц Секундус вышел на арену и сразу же был встречен громом аплодисментов. Доспехи, которые ему преподнес император, ярко сверкали и были прекрасны, а уж шли ему как нельзя лучше! Щит сиял ослепительно белым цветом, меч был выкован из самолучшей стали, копьё отличали исключительно пропорциональные размеры, а уж шлем закрывал все лицо и придавал принцу самый устрашающий вид. Принц Секундус метнул копьё, и оно пролетело через всю арену и вонзилось в самый центр мишени.

Затем принц вызвал любого из присутствующих рыцарей биться с ним на мечах, к нему на арену спустился один из них, и был он преогромного роста. Когда противники принялись сражаться, мечи их так и засверкали. Но принц Секундус на каждый выпад соперника отвечал двумя, а по мере того как рыцарь устал, принц словно все больше набирался сил. Вскоре его противник, подняв руки вверх, запросил пощады, и принц был объявлен победителем. Аплодисменты раздались ошеломительные. Под конец принц Секундус снял шлем с головы и латы, вскочил в седло и стал показывать чудеса верховой езды. Держа поводья лишь одной рукой, он заставлял коня то становиться на задние ноги, то прыгать, а то даже танцевать. Это было великолепное зрелище, и публика прямо с ума сходила от восторга.

— Но, дорогая моя дочь, — произнес император, наклоняясь к принцессе Меливерсе, — этот принц просто первоклассный воин. Он поведет мои армии в бой и непременно одержит победу. Уверен, что он тебе приятен.

Ни одна черта не дрогнула на лице прекрасной принцессы, его выражение было таким же холодным, как всегда.

— Может, из него и получился бы превосходный генерал, если бы он к тому же знал, как командовать армиями, но какой из него муж? В моей спальне не прячутся вооруженные солдаты, с которыми ему потребуется сражаться, там нет лошадей, на которых он мог бы скакать, и мишеней, по которым он стал бы выпускать стрелы. А стоит ему чуть забыть, как он может метнуть копьё в меня, так как именно это занятие он любит больше всего.

Она поднялась, и вокруг стало тихо.

— Принц Секундус, — обратилась к нему принцесса, — вы и впрямь величайший воин, какого мне только доводилось ви-

деть, и я благодарю вас за ваши старания угодить мне. Но я не хочу видеть вас своим мужем. О наказании, которое последует, вы были предупреждены.

Она сделала те же таинственные пассы, что и накануне. В этот раз принц Терциус успел прикрыть глаза, когда же он убрал руку, перед ним была еще одна статуя: молодой и пригожий принц, рука которого осталась поднята, будто он собирается метнуть копьё. И принц Терциус понял, он только что лишился второго брата.

На следующее утро принц сидел в своих покоях в полном одиночестве. Он не спал всю ночь и, сказать правду, пребывал в полной растерянности. Что ему делать?

— Если я сейчас отправлюсь домой, все скажут, что я трус. Кроме того, как я отважусь объявить эту ужасную новость папе? А дорогая мамочка будет лить слезы всю оставшуюся жизнь. А я, я лишился двух родных братьев, которые, хоть и были самую чуточку самонадеянны и немножко упрямы, все равно оставались для меня лучшими братьями на свете.

В это время в дверь постучала младшая служанка. Она вошла в покои, и в руках у нее ничего не было.

— Вы принесли мне что-то, моя дорогая? — спросил принц.

Она испуганно присела в реверансе и ответила:

— Нет, ваше высочество. Не гневайтесь, прошу, я пришла только для того, чтобы рассказать, как я просила обоих ваших братьев отказаться от завоевания принцессы, но они не послушали меня.

Принц вздохнул.

— Оба они были немножко своевольны, я знаю. Вы не должны винить себя за то, что они не стали вас слушать. И уж конечно, я не держу на вас обиды.

— Тогда, ваше высочество, хоть вы меня послушайте. Я прошу вас, не пытайтесь выполнить задание принцессы. Вы ведь не великий силач и не непобедимый воин. Как вам удастся покорить принцессу, если это не удалось вашим братьям?

— Это так. Все, что я умею, это слагать пустяковые стишки и писать к ним музыку. Но возможно, они понравятся принцессе.

— Ах, ей так трудно угодить, — вздохнула служанка и вздрогнула от собственной смелости, с которой противоречила прин-

цу. — И вас тоже обратят в статую, и ваши родители останутся бездетными, и не будет в вашем королевстве наследника трона.

Принц тоже испустил тяжкий вздох.

— Вы совершенно правы, миленькая служаночка. У вас очень доброе сердце и ясный ум. Но видите ли, наше королевство такое маленькое и бедное, что папа принужден сам работать в саду, а моя мамочка помогает на кухне. И если бы я женился на принцессе и разбогател, и папа, и мама, да и все королевство были бы ужасно счастливы. Поэтому я все-таки думаю, что должен попробовать ублажить принцессу. Возможно, если я выберу самые лучшие из моих стихов и спою их самым приятным голосом, ей они и понравятся.

Слезы покатались по щекам служаночки.

— Ох, до чего я бы хотела, чтобы так оно и случилось, но уж очень наша принцесса жестокосердная. Если бы в груди ее билось мое сердце, может, из этого что и вышло.

— Послушайте, моя дорогая, — вдруг горячо заговорил принц, — позвольте мне испробовать мои стихи на вас. Я спою вам некоторые из моих песен, а вы мне скажете, понравились они вам или нет. Если они вам понравятся, то, возможно, принцесса их тоже полюбит.

Служаночка пришла в ужас от такого предложения.

— Ох, что это вы, ваше высочество, как вы могли надумать такое? Вы сложили песни для того, чтоб петь их перед принцессой, а не передо мной. И как вы можете судить о принцессе по какой-то простой служанке?

— Тогда давайте вообще забудем про принцессу, — предложил принц Терциус, — для меня важно только то, что подумает о моих песнях служанка.

Принц настроил лиру, которая, между прочим, была его собственной, а не одолженной императором. Затем очень красивым и мелодичным голосом он запел грустную песню. В ней пелось о несчастной, неразделенной любви. Когда же служаночка принялась всхлипывать так жалобно, будто ее сердце разрывалось от горя и сочувствия, он запел веселую песню о любви счастливой и взаимной. И слезы служаночки в одно мгновение высохли, она захлопала в ладоши и рассмеялась.

— Вам они понравились? — спросил принц Терциус.

— О, очень, — ответила служаночка. — Ваши песни такие прекрасные, и ваш голос тоже. Я даже подумала, что уже, наверное, очутилась на небесах.

Принц улыбнулся.

— Сердечно вас благодарю.

И он склонился и поцеловал ей руку. Бедная служаночка ужасно покраснела от смущения и поскорей спрятала поцелованную руку за спину.

Но тут раздался громкий стук в дверь, и вошел императорский гофмейстер. Он поклонился принцу Терциусу (но не слишком почтительно) и провозгласил:

— Ваше высочество, принцесса Меливерса желает знать, почему вы не появились на арене.

Он бросил сердитый взгляд на служаночку, и испуганная девушка мигом выскользнула из покоев.

— Я даже не знаю, стоит ли мне появляться на арене. Я как раз думал над этим, — ответил принц.

Гофмейстер поклонился даже еще менее почтительно и сказал:

— Я передам принцессе ваши слова. Прошу вас оставаться у себя, пока ее высочество не вынесет своего решения.

Принц Терциус ждал и ждал, и гадал, не обернет ли принцесса его в статую прямо сразу за его нерешительность. Он все еще размышлял над этим, как принцесса Меливерса вдруг вошла в его покои. Даже не постучав в дверь и не спросив разрешения войти. Принцессы никогда не стучат и ничего такого не спрашивают.

Она сказала:

— Наш придворный гофмейстер передал мне, что вы не намерены выполнять задание.

— Вашему императорскому высочеству, боюсь, не понравятся ни мои песни, ни мой голос. А это все, что я могу вам предложить.

— Но если они мне понравятся, что тогда?

— Ну, тогда я даже не знаю, хотел бы я иметь супругой такую холодную и жестокосердную особу, как вы. Особу, которая превращает в статуи храбрых и добрых юношей.

— Разве я не прекрасна, принц?

— Это лишь внешняя красота, ваше императорское высочество.

— Разве я не богата, принц?

— У вас есть только деньги, ваше императорское высочество.

— Разве вы не бедны, принц?

— Это так, ваше императорское высочество, но я к этому привык. Так же как привыкли мои родители и наши подданные.

— Но разве вы не желаете разбогатеть, женившись на мне, принц?

— Думаю, нет, ваше императорское высочество. Я ведь не продаваться сюда приехал.

— Но наш придворный гофмейстер, стоя за дверью, слышал, как вы пели свои песни какой-то низкородной служанке.

— Я и не отрицаю этого, но ваша служаночка имеет любящее и доброе сердце, и мне захотелось спеть ей. Собственно говоря, любящее, доброе сердце и есть те самые богатство и красота, к которым я стремлюсь. И если бы она только захотела, я бы женился на ней, и когда-нибудь, когда я вместо моего отца стану королем в своей стране, эта низкородная служаночка стала бы королевой.

И вдруг принцесса улыбнулась. Отчего стала еще красивей, чем была.

— Вот,— сказала она принцу,— сейчас вы увидите, как полезно принцессам иметь образование.

Загадочные движения рук, одно-два шепотом произнесенных слова, и неожиданно принцесса стала немножко не такой ослепительно красивой, чуть поменьше ростом, чуть попроще манерами — и принц Терциус в то же мгновение понял, что перед ним стоит маленькая служаночка. И изумленно спросил:

— Кто же вы, императорская принцесса или низкородная служанка?

— Я и та и та, принц Терциус. Именно в обличье скромной служанки я дала себе зарок обрести хорошего мужа. Ибо что толку в принцах, которые ищут руки прекрасной и богатой принцессы, не заботясь о том, что она жестока и холодна. Я хотела найти юношу, который был бы добр к славной и мягкосердечной девушке, хоть она, может, и не прекрасна, как солнце, и не богата, как золото. Вы выдержали это испытание.

И снова девушка изменила свой облик и опять предстала принцессой, только в этот раз принцессой улыбающейся и нежной.

— Вы хотите взять меня в жены, принц Терциус?

На что принц ответил так:

— Если вы навсегда останетесь такой же разумной и доброй, какой я вас полюбил, тогда я с удовольствием женюсь на вас.

И тут внезапно все статуи принцев превратились в живых юношей.

Принц Терциус и принцесса Меливерса были женаты уже больше двух месяцев, когда король и королева Микрометрики прибыли к императорскому дворцу в самых быстроходных экипажах. О том, как они были счастливы, и сказать нечего.

Принцы Примус и Секундус испытывали счастья не меньше, поскольку опять стали живыми людьми, а не каменными статуями. Лишь время от времени они оба восклицали:

— Служанка? Нет, мы и подумать такого не могли!

Конечно, и принц Терциус был тоже очень счастлив. Но самой счастливой из всех была, конечно, принцесса Меливерса. Понимаете, она ведь уже стала побаиваться, что даже при своем образовании не сумеет найти того, кто, пренебрегши богатством и красотой, полюбит ее ради нее самой.

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

Однажды Мэдсон нашел машину времени. Это обстоятельно навело его на чудесную мысль: ему же известно, какой именно момент в его жизни следует считать переломным. Тогда ему стукнуло двенадцать, и его подкосил довольно легкий вопрос на экзамене. Провалившись, он бросил колледж и, пренебрегши карьерой блестящего физика, стал самым заурядным клерком.

Вследствие обеих причин Мэдсон вернулся в утро, когда должен был состояться тот самый экзамен, и отыскал свое юное «я», которому в продолжительной беседе сумел растолковать правильный ответ. Затем продвинулся на день вперед и обнаружил, что получил прекрасный балл.

После чего вернулся в настоящее и снова стал клерком. Никакой, собственно, разницы. Никакого, собственно, переломного момента.

УЛЫБКА ЧИППЕРА

Джонсон ударился в воспоминания, как любят делать все старики. Меня предупредили, что он будет говорить о чипперах — причудливом поколении, промелькнувшем в сфере бизнеса на пороге двадцать первого века нашей эры.

— Чипперы, — сказал он, — творили в те времена все, что хотели. Сейчас эти ребята под контролем, проку от них почти никакого, но тогда... Помню, один из них основал компанию... сейчас этот концерн стоит десять миллиардов долларов. А я, чтоб ты знал, подобрал этого парня.

— Насколько мне известно, долго они не живут, — заметил я.

— Тем более в те годы... Они просто сгорают. Знаешь, когда вместо нервных узлов стоят микрочипы, вся система выгорает лет через десять. Тогда их списывают... умственно опустошенными, так сказать.

— Странно, что люди шли на это дело добровольно.

— Идеалисты, понятное дело, били тревогу, из-за них и ввели эти дурацкие ограничения. На самом деле большой опасности не было. Во-первых, микрочипы подходили далеко не всем. Во-вторых, процентов восемьдесят чипперов были мужчины. Во время своего активного периода они жили как корабельные магнаты. Да и выйдя на пенсию, получали неплохой куш. В этом отношении чипперы мало чем отличались от спортивной элиты: лет десять выкладываются, рвут сердце, потом — отставка.

Джонсон поднес рюмку ко рту.

— Неконтролируемый чиппер мог влиять на эмоции других людей. Понятное дело, чипы надо было правильно установить,

да и талант играл не последнюю роль. Чипперы чувствовали, что происходит в сознании других людей. Это помогало им принимать верные решения. Кроме того, они могли воздействовать на своих соперников, ослаблять или усиливать их суждения — в зависимости от того, что было выгоднее для их компании. Справедливость не нарушалась. Чипперы конкурирующих фирм проделывали то же самое. — Он вздохнул. — Сейчас это считается противозаконным. Плохо.

— Говорят, что нелегальное чиппирование производится и сегодня, — робко заметил я.

— Без комментариев, — проворчал Джонсон.

Я не отреагировал на его реплику, и он продолжил:

— Каких-то тридцать лет назад все делалось в открытую. Наша компания была лишь винтиком в системе глобальной экономики, но мы нашли двух чипперов, которые выразили желание на нас работать.

— Двух? — Ни о чем подобном я раньше не слышал.

Джонсон лукаво посмотрел на меня:

— Представь себе, у нас получилось. Дело держали в тайне. По сути, все сводилось к умной кадровой политике, хотя и было вроде как... незаконно. Даже в те годы. Разумеется, мы не могли принять обоих. Двух чипперов держать в команде невозможно. Они как шахматные гроссмейстеры: оказавшись в одной комнате, неизбежно начнут друг друга провоцировать. Возникнет непрекращающееся соперничество, в ходе которого чипперы попытаются воздействовать друг на друга. Они не остановятся. Не смогут, даже если захотят, в результате чего сгорят месяцы за шесть. Когда чипперы только появились, несколько компаний убедились в этом на собственном опыте, потеряв кучу денег.

— Представляю, — пробормотал я.

— Так вот, не имея возможности принять на работу обоих, мы решили взять более сильного. Определить же, кто из них сильнее, можно было только одним способом. Чипперов решили сравнить между собой, не давая при этом друг друга уничтожить. Дело поручили мне и ясно дали понять, что, если я ошибусь, моей карьере конец.

— Как вам удалось справиться с задачей, сэр? — спросил я, зная, что он с ней справился, ибо проваливший дело человек не дослужился бы до председателя совета директоров всемирно известной корпорации.

— Пришлось импровизировать, — сказал Джонсон. — Вначале я обследовал каждого в отдельности. Кстати, оба проходили у нас под кодовыми именами. Чиппер, про которого известно, что он Чиппер, теряет половину своей ценности. В наших документах они значились как С-двенадцатый и Ф-семьдесят первый. Обоим было под тридцать. С-двенадцатый был свободен, Ф-семьдесят первый был помолвлен и готовился к вступлению в брак.

— В брак? — удивленно воскликнул я.

— Конечно. В этом отношении чипперы — обыкновенные люди. Женщины, между прочим, за ними гоняются. Это заведомо обеспеченные люди, а после выхода на пенсию контроль за их состоянием, как правило, переходит к женам. Для молодой женщины чиппер — отличная партия... Так вот, я свел их вместе — двух чипперов и невесту Ф-семьдесят первого. Я очень надеялся, что она окажется хорошенькой.

Так и вышло. Увидев ее, я перенес почти физическое потрясение. Это была самая красивая женщина из всех, с кем мне доводилось встречаться. Высокая, темноглазая, с великолепной фигурой. Во всем ее облике сквозила жгучая сексуальность.

На какое-то время Джонсон погрузился в воспоминания, потом продолжил:

— Мне захотелось отбить ее, хотя шансы мои равнялись нулю. Ни одна женщина не поменяла бы чиппера на мелкого служащего, каковым я был в те далекие дни. Другое дело — переключиться на другого чиппера... Между прочим, С-двенадцатый был потрясен ею не меньше меня, и я это прекрасно видел. Он не мог отвести от женщины глаз. Так что я предоставил событиям развиваться своим чередом и посмотреть, кому в результате достанется эта красotka.

— Кому же она досталась, сэр?

— Жестокий интеллектуальный поединок длился два дня. Каждый из чипперов израсходовал месячный запас рабочей энергии. Девушка ушла к С-двенадцатому. Он стал ее новым женихом.

— И вы выбрали С-двенадцать для работы на фирме.

Джонсон насмешливо посмотрел на меня:

— Ты, часом, не спятил? Разумеется, нет! Я выбрал Ф-семьдесят первого. А С-двенадцатому мы выплатили небольшую компенсацию. Поскольку толку от него теперь не было.

— Может, я что-то недопонял? Вы сказали, что Ф-семьдесят первый упустил невесту, а С-двенадцатый ее у него отбил. Выходит, С-двенадцатый гораздо сильнее.

— Ты уверен? В подобных ситуациях чипперы никогда не проявляют эмоций. Интересы дела требуют скрывать свои возможности, так что каменное выражение лица является для них профессиональной необходимостью. Но я следил очень пристально и заметил, как по губам Ф-семьдесят первого скользнула мимолетная улыбка, а в глазах сверкнуло торжество победы.

— Но он же потерял свою невесту.

— Неужели ты еще не понял, что он хотел ее потерять? Очевидно, от этой девицы было нелегко отделаться. Вот он и решил воздействовать на С-двенадцатого так, чтобы тот возжелал эту женщину, а заодно и на нее, чтобы она возжелала заполучить С-двенадцатого. И победил.

Я задумался.

— Но как вы догадались? Если женщина была так хороша, как вы ее описали, дышала сексуальностью и все такое, то, наверное, Ф-семьдесят первый захотел бы оставить ее при себе.

— Это Ф-семьдесят первый сделал ее такой привлекательной, — мрачно произнес Джонсон. — Конечно, он целился в С-двенадцатого, но атака оказалась настолько мощной, что под нее угодил и я. Когда все закончилось и я освободился от наваждения, я увидел перед собой жестокую и неприятную девку. Глаза ее светились отталкивающим хищным блеском.

Так что я выбрал Ф-71, и наша компания не могла им нарадоваться. Сегодня я являюсь председателем совета директоров, а фирма... Вы сами знаете, какое положение занимает наша фирма.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Профессор Файербреннер объяснил все очень подробно: — Восприятие времени зависит от структуры Вселенной. Когда Вселенная расширяется, нам кажется, что время идет вперед; когда она сжимается, нам кажется, что время идет назад. Если бы удалось каким-нибудь образом заставить Вселенную застыть на месте, не расширяться и не сжиматься, время бы остановилось.

— Разве можно остановить Вселенную? — потрясенно пробормотал мистер Аткинс.

— Всю — нет, но небольшую ее часть я остановить смогу, — сказал профессор. — Как раз чтобы в ней поместился корабль. Время остановится, и мы сможем сдвинуться вперед или назад, в зависимости от нашего желания. Все путешествие продлится не более мгновения. Прикованные к материи мира, мы застынем на месте, а остальная Вселенная продолжит свое движение. Земля будет вращаться вокруг Солнца, Солнце — вокруг центра Галактики, Галактика — вокруг своего центра тяжести, и даже скопления галактик продолжат движение в прежнем направлении.

Я просчитал траекторию и пришел к выводу, что через двадцать семь с половиной миллионов лет на месте нашего Солнца окажется красный карлик. Если за это мгновение нам удастся продвинуться в будущее на двадцать семь с половиной миллионов лет, то красный карлик окажется в непосредственной близости от нашего корабля. Мы сможем провести необходимые наблюдения и вернуться назад.

— Это действительно возможно? — вытаращил глаза Аткинс.

— Я запускал во времени подопытных животных, но все они пропадали, поскольку не могли пользоваться приборами. Если мы сами отправимся в путешествие, то всегда сумеем вернуться.

— Вы хотите, чтобы я находился рядом с вами?

— Конечно. Нас должно быть двое. Одному могут просто не поверить. Соглашайтесь, я обещаю вам невероятное приключение!

Аткинс осмотрел корабль. «Глен-фьюжн» модели 2217 смотрелся великолепно.

— Предположим,— произнес он,— корабль приземлится внутри красного карлика.

— Не приземлится,— отмахнулся профессор.— А если приземлится, то в этом и заключается наш риск.

— Но когда мы решим вернуться и Земля и Солнце пройдут определенное расстояние, мы окажемся в пустоте.

— Естественно, мистер Аткинс. Но мы потратим на изучение звезды не более нескольких часов. Они не успеют уйти далеко. На таком корабле мы всегда догоним нашу любимую планету. Вы готовы?

— Готов,— тяжело вздохнул Аткинс.

Профессор Файербреннер подстроил приборы и пригвоздил корабль к материи Вселенной на двадцать семь с половиной миллионов лет, которые пролетели за одно мгновение, после чего время снова потекло в нормальном темпе, и они присоединились к движению Вселенной.

Профессор Файербреннер и мистер Аткинс увидели в иллюминатор космического корабля маленький диск звезды красного карлика.

Профессор улыбнулся:

— Мы с вами, Аткинс,— первые в мире, кому довелось увидеть с такого близкого расстояния другую звезду.

В течение двух с половиной часов ученые фотографировали красного карлика и его спектр, а также соседние звезды, проводили исследования короны, определяли химический состав межзвездного газа, после чего профессор Файербреннер неохотно произнес:

— Думаю, нам пора возвращаться.

После необходимой подстройки приборов корабль вновь оказался прикован к материи Вселенной. Менее чем за мгновение они промчались на двадцать семь с половиной миллионов лет в прошлое и оказались там, откуда стартовали.

Вокруг простирался черный космос. Не было ничего.

— Что случилось? — встревожился Аткинс. — Куда подевались Земля и Солнце?

Профессор нахмурился:

— Наверное, возвращение во времени происходит по-другому. Очевидно, сдвинулась вся Вселенная.

— Куда она могла сдвинуться?

— Этого я не знаю. Все тела смещаются вместе со Вселенной, но сама Вселенная должна сохранять единое направление. Мы находимся в абсолютном вакууме, в первородном Хаосе.

— Но мы находимся здесь. Значит, это уже не первородный Хаос.

— Верно. Выходит, мы внесли нестабильность в точку, в которой находились, из чего следует...

Не успел профессор закончить свою мысль, как Большой Взрыв уничтожил и его, и мистера Аткинса. Родилась и начала расширяться новая Вселенная.

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЕЙ

Я посылаю это сообщение на Землю, пытаясь предупредить землян о том, что может и должно случиться. Грядущее представляется мне весьма печальным. Все избегают щекотливой темы, но я считаю, что кто-то просто обязан сказать жителям Земли правду.

Во второй половине двадцать первого века число Поселений на околоземной орбите достигло нескольких десятков. Каждое является своего рода крошечным независимым миром. В самом маленьком проживает около десяти тысяч человек, в самом большом — почти двадцать пять тысяч. На Земле знают эти цифры и без меня, но вы, земляне, настолько погрязли в проблемах своего гигантского мира, что редко думаете о нас иначе как о мелких и незначительных объектах в космосе. Так вот, пришло время подумать о нас по-другому.

Каждое Поселение старается максимально имитировать земные условия. За счет вращения создается эффект тяготения, солнечный свет пропускается по графику, благодаря чему возникает иллюзия смены дня и ночи. Все Поселения достаточно велики по размеру, за счет чего создается впечатление простора. У нас есть фермы и фабрики, а также атмосфера, в которой могут образовываться облака. Есть также города, школы, стадионы.

У нас есть даже то, чего нет на Земле. Интенсивность псевдогравитационного поля Поселений меняется в зависимости от местонахождения. Существуют области низкой и даже нулевой гравитации, где мы надеваем крылья и летаем по воздуху. Здесь мы играем в трехпространственный теннис или занимаемся необычной для Земли гимнастикой.

У нас развилась чисто космическая культура, ибо космос — наш дом. Основная наша работа, помимо поддержания Поселений в должном порядке, заключается в строительстве космических сооружений для нас и для Земли. Мы работаем в космосе, поэтому космический корабль или скафандр для нас вещи самые обычные. Находиться в условиях нулевой гравитации мы привыкли с раннего детства.

На Земле тоже есть то, чего нет у нас. Нам, например, незнакомы перепады погоды. В Поселениях строго следят за температурным режимом, здесь никогда не бывает слишком жарко или слишком холодно. Не бывает ни бурь, ни случайных осадков.

На орбитальных Поселениях нет опасных или непроходимых мест. Здесь не найдешь ни гор, ни скал, ни болот, ни пустынь, ни штормящих океанов. Здесь не растут ядовитые растения, не водятся опасные животные или паразиты. Некоторые поселенцы сетуют на то, что жизнь чересчур безопасна и пресна, в ней не осталось места для приключений... С другой стороны, мы можем в любую минуту выйти в открытый космос или отправиться к Марсу или астероидам, к чему вы, земляне, психологически не готовы. Некоторые из поселенцев планируют основать колонии на Марсе и шахты в районе пояса астероидов. Думаю, что до этого, скорее всего, дело не дойдет по причинам, о которых я скажу позже.

Поселения отпочковались от Земли не вдруг. Столетие назад Жерар О'Нил из Принстона вместе со своими студентами разрабатывал планы новых домов для человечества. Писатели-фантасты предсказали их появление еще раньше.

Как ни странно, мы столкнулись совсем с другими трудностями, чем те, которые нам предсказывали. Расходы на постройку, проблемы воссоздания земной обстановки, сохранение энергии, защита от космических лучей — все эти вопросы решились успешно. Не без трудностей, но решились. Энергию мы получаем непосредственно от Солнца, ее хватает для всех наших нужд и еще остается, чтобы отправить на Землю. У нас отлично налажено производство сельхозпродуктов, излишек которых мы тоже вывозим на Землю. Поселенцы разводят птицу, кроликов и прочих мелких животных, так что мяса здесь хватает. Сырье мы получаем прямо из космоса, не только с Луны, но также с комет и метеоритов, которые мы научились ловить и эксплуа-

тировать. А если мы все-таки доберемся до астероидов, то получим практически неистощимый запас всего необходимого.

Тревожит нас совсем другое. Мало кто мог предугадать, что самой серьезной проблемой Поселений станет экология. Каждое Поселение должно содержать само себя. Оно состоит из людей, животных, растений, воздуха, воды и почвы. Живые организмы должны размножаться, не превышая, однако, возможности орбитального комплекса содержать их потомство.

За растениями и животными уследить несложно; мы контролируем их прирост и потребляем все лишнее. Гораздо труднее удерживать на нужном уровне численность людей. Нельзя позволить, чтобы количество рождений превысило количество смертей. При этом мы, вполне естественно, стремимся максимально сократить смертность и боремся за увеличение продолжительности жизни. Поэтому, в отличие от Земли, наша культура не ориентирована на молодое поколение. Молодежи совсем не много, основу населения составляют люди зрелого и пожилого возраста. Это порождает определенные психологические трудности, но большинство поселенцев считают, что ими можно и пренебречь, поскольку строгий контроль за рождаемостью гарантирует от нищих, бездомных и беспомощных людей.

Кроме того, вода, воздух и пища должны подвергаться вторичной переработке. Значительная часть нашей технологии задействована на очищение уже использованной воды и переработку твердых отходов жизнедеятельности в чистые удобрения. Мы не можем допустить сбоя в технологической переработке отходов, поскольку места для их хранения у нас нет. По правде говоря, даже когда все идет хорошо, не совсем приятно сознавать, что ты ешь и пьешь переработанные нечистоты. Разумеется, и на Земле идут аналогичные процессы, но Земля так велика, что естественный кругооборот веществ становится незаметен. Земляне практически не обращают на него внимания. Не следует также забывать и о нашем постоянном страхе перед крупными метеоритами, которые способны разрушить внешнюю оболочку Поселения. Серьезный ущерб может принести кусок вещества размером с гальку, булыжник диаметром в один фут в состоянии запросто уничтожить весь орбитальный комплекс. На нашу удачу вероятность подобных попаданий ничтожна, к тому же мы научились загодя распознавать метеориты и сбивать их с курса.

Как бы то ни было, риск все же есть, что заметно компенсирует ощущение полной безопасности, на которую любят пожаловаться некоторые из нас.

Благодаря огромным усилиям, напряженному вниманию и концентрации всех средств нам все-таки удастся поддерживать экологию на должном уровне. Зато серьезной проблемой оказались торговля и путешествия.

Каждый орбитальный комплекс славится собственными товарами, которые пользуются большим спросом в других Поселениях. Речь идет о продуктах питания, предметах искусства и различных изобретениях. Более того, нам необходимо торговать и с Землей. Многие поселенцы периодически летают на Землю, чтобы насладиться вещами, которых мы лишены. Землянам никогда не понять, какое волнение вызывает у нас вид голубого горизонта, бурного моря или покрытой снегом горной вершины.

Таким образом, между Землей и Поселениями существует постоянное движение. Но каждому орбитальному комплексу присущ уникальный экологический баланс, в то время как по нашим стандартам Земля даже сегодня обладает недостижимо высоким и богатым экологическим уровнем.

Наши насекомые давно адаптировались к условиям жизни на орбите и находятся под жестким контролем. Но как быть, если в Поселение случайно завезут другой вид насекомых?

Любой червяк или мелкий грызун могут полностью разрушить экологию и нанести непоправимый вред растениям и животным. Время от времени нам приходится принимать экстренные меры по уничтожению нежелательных форм жизни. Месяцы кропотливой работы уходят на отслеживание насекомых или иных существ, вполне безобидных для своей естественной среды обитания.

Не исключено и худшее. В комплекс могут проникнуть болезнетворные паразиты, бактерии, вирусы и простейшие, вызывающие заболевания, против которых на Земле и в других Поселениях люди успели выработать иммунитет. В таком случае все усилия бросаются на производство или завоз сыворотки, необходимой для борьбы с болезнью и восстановления иммунитета. Разумеется, бывают и смертные случаи.

После них, естественно, поднимается большой шум, люди требуют ужесточения контроля. В результате все прибывающие

в Поселение, в том числе и те, кто вернулся домой, подвергаются строжайшему осмотру, сдают многочисленные анализы и содержатся в карантине на предмет выявления незамеченных заболеваний.

Более того, правильно это или нет, но жители Поселений считают землян угрозой своему существованию. На Земле обитают наиболее опасные бактерии и организмы, а сами земляне являются наиболее распространенными носителями заразы. Поэтому во всех Поселениях существуют партии и движения, требующие, причем временами весьма решительно, полного разрыва отношений с Землей.

Вот о чем я и хотел вас предупредить. Недоверие... и даже ненависть к людям Земли неуклонно нарастают среди жителей Поселений.

Пока нас разделяют несколько десятков или сотен тысяч миль, говорить о полном разрыве бесполезно. Соблазны Земли слишком велики. Но уже идут разговоры — пока шепотом, хотя, уверяю вас, они станут громче — об окончательном уходе из Солнечной системы.

На каждое Поселение можно поставить мощный ядерный двигатель. Пока мы не выйдем из системы планет, нам будет хватать солнечной энергии. Потом, когда Солнце станет слишком далеко, мы начнем использовать в качестве источника водородного топлива небольшие кометы.

Поселения превратятся в независимые миры, распрощаются с Землей и устремятся в бескрайние дали Вселенной. И кто знает, может быть, через миллион лет одно из них набредет на незаселенную, ждущую планету, так похожую на покинутую некогда родину.

Вот об этом я и хотел предупредить Землю. Наступит день, и Поселения улетят к звездам. Сколько бы новых Поселений вы ни основали, они все рано или поздно покинут Солнечную систему. Вы останетесь в одиночестве. Хотя земляне, конечно, могут считать, что их потомки отправились заселять Галактику. Пусть эта мысль послужит вам утешением, когда будете смотреть нам вслед.

Александр Хоскинс серьезно заинтересовался компьютерами в возрасте четырнадцати лет. Очень скоро он понял, что, кроме них, его ничто не интересует.

Учителя поощряли увлечение мальчика и даже отпускали с уроков, чтобы он мог полностью отдаться любимому делу. Отец Александра, работавший на фирме «Ай-би-эм», тоже его поддерживал, обеспечивал необходимым оборудованием и объяснял сложные моменты.

В каморке над гаражом Александр построил собственный компьютер, который сам же запрограммировал, а потом неоднократно перепрограммировал. В возрасте шестнадцати лет он уже не мог найти книги, в которой содержались бы неизвестные ему сведения о компьютерах. Не мог он также найти книги, где бы писалось о вопросах, которыми он занимался самостоятельно.

Александр долго думал и решил не говорить отцу о некоторых способностях своего компьютера. К тому времени мальчик уже знал, что величайшего завоевателя древности звали Александр Великий. Он понял, что и его называли Александром не случайно.

Александра особо интересовала проблема компьютерной памяти. Он увлекся разработкой систем, позволяющих втискивать как можно больше данных в как можно меньший объем памяти.

Наконец он торжественно окрестил свой компьютер Буцефалом в честь славного коня Александра Великого, на котором знаменитый полководец выиграл все свои битвы. Другие компьютеры тоже могли сканировать и сохранять написанные слова, но ни один не мог сравниться в этом с Буцефалом. В качестве

теста Александр заставил Буцефала просканировать и сохранить в памяти Британскую энциклопедию.

В восемнадцать лет Александр открыл свое дело по информационному обеспечению студентов и мелких бизнесменов и стал материально независим от родителей. Он переехал в собственную квартиру и с этого момента начал жить самостоятельно.

У себя дома он смог наконец снять наушники и говорить с Буцефалом в открытую. При этом, правда, молодой человек предусмотрительно поставил громкость компьютерного голоса на минимум. Он не хотел, чтобы соседи интересовались, кто еще проживает в его квартире.

Он сказал:

— Буцефал, Александр Великий покорил весь Древний мир к тридцати годам. Я хочу сделать то же самое. Значит, у меня осталось двенадцать лет.

Буцефал хорошо знал историю Александра Великого: в Британской энциклопедии содержались все детали жизни знаменитого полководца.

— Александр Великий был сыном царя Македонии, — ответил компьютер. — В твоем возрасте он повел кавалерию своего отца в победоносную атаку под Херонией.

— Нет-нет, — замахал руками Александр. — Я говорю не о битвах и не о фалангах. Я хочу покорить мир, став его владельцем.

— Как ты можешь стать владельцем мира, Александр?

— Я и ты, Буцефал, должны изучить положение на фондовой бирже.

К тому времени «Нью-Йорк таймс» уже давно перевела свои микрофильмы с биржевыми сводками в компьютерные файлы, и Александру не составило большого труда получить доступ к нужной информации.

Целыми днями, неделями и месяцами Буцефал переводил накопленные за столетие сводки в свою память. Он фиксировал все зарегистрированные товары, проданные акции, рост и падение курсов, а заодно и всю пригодную к делу информацию, которая попадалась на финансовых страницах. Александру пришлось существенно расширить и уплотнить память компьютера и разработать совершенно новую систему переработки данных.

Он с большой неохотой продал «Ай-би-эм» упрощенную версию одной монтажной платы, что надолго избавило его от ма-

териальных затруднений. Он выкупил соседнюю квартиру, в которой теперь ел и спал. Первая квартира полностью перешла к Буцефалу.

В двадцать лет Александр почувствовал, что пора начинать кампанию.

— Буцефал, — произнес он. — Мы готовы. Лучше тебя никто не владеет ситуацией на фондовой бирже. В твоей памяти хранятся все сделки и транзакции; благодаря подключению к компьютеру нью-йоркской фондовой биржи ты располагаешь самой последней информацией. Скоро я подключу тебя к биржам Лондона, Токио и других городов.

— Все так, Александр, — ответил Буцефал. — Объясни, что ты хочешь делать с этой информацией?

— Я убежден, — произнес Александр, и в его глазах сверкнула стальная решимость, — что колебания и перепады цен на бирже неслучайны. В мире вообще нет ничего случайного. Ты должен просмотреть все данные, изучить котировки, изменения курсов и тенденции в их изменении, для того чтобы выявить циклы и комбинации циклов.

— Ты имеешь в виду гармонический анализ Фурье?

— Объясни, что это значит.

Буцефал тут же представил распечатку из энциклопедии, а также выкладки из других банков данных.

Бегло просмотрев предложенное объяснение, Александр кивнул:

— Да, примерно это.

— Какова наша конечная цель?

— По этим циклам, Буцефал, ты сможешь предсказать положение на фондовой бирже на следующий день, неделю и месяц. Ты посоветуешь мне, куда следует вкладывать деньги. Я быстро разбогатею. Ты также поможешь мне скрыть мои вложения, чтобы никто в мире не догадался, насколько я богат и кто в самом деле влияет на мировые события.

— Зачем это нужно, Александр?

— Затем, что, когда я стану достаточно богатым, я смогу контролировать финансовую политику всего мира, а также весь бизнес, ресурсы и экономику. Я сделаю то, чего лишь частично удалось добиться Александру Великому. Я стану Александром

Истинно Великим.— При этой мысли глаза его торжествующе засверкали.

К тому времени, когда Александру исполнилось двадцать два года, Буцефал вычислил сложный набор циклов, что позволяло предугадать ситуацию на фондовой бирже. Александр торжествовал.

Буцефал был более осторожен. Он говорил:

— Помимо естественных циклов на ситуацию влияют непредсказуемые события, которые случаются в мире политики и международных отношений. В той же самой степени непредсказуемы перемены погоды, эпидемии и научный прогресс.

— Вовсе нет, Буцефал,— возразил Александр.— Все события подчиняются своим циклам. Изучи колонки новостей в «Нью-Йорк таймс» и загрузи их в свою память. А потом делай поправки на эти якобы непредсказуемые события. Вскоре ты поймешь, что и они вполне предсказуемы. В твоем распоряжении будут все солидные издания, как наши, так и зарубежные. Они доступны в виде микрофильмов или компьютерных файлов, так что ты без труда сможешь проследить динамику за целое столетие. Кроме того, я ведь не требую от тебя абсолютной точности. На данном этапе меня устроит вероятность в восемьдесят пять процентов.

Система сработала. Предсказывая рост или падение цен на фондовой бирже, Буцефал никогда не ошибался. Предсказывая долгосрочный подъем или падение конкретных акций, он почти никогда не ошибался.

К двадцати пяти годам состояние Александра составляло пять миллионов долларов, а ежедневные доходы достигали десятков тысяч долларов. Более того, его бухгалтерия была столь запутанна, а деньги распределены так хитро, что вычислить его совокупный доход и заставить платить соответствующие налоги можно было только при помощи компьютера, равного по мощности Буцефалу.

Уйти от налогов, кстати, оказалось несложно. В памяти Буцефала хранились все налоговые распоряжения, а также учебники по теории управления. Благодаря своему компьютеру Александр осуществлял незаметный контроль за десятками корпораций.

— Достаточно ли ты разбогател, Александр? — спросил его как-то раз Буцефал.

— Да ты смеешься! — взорвался Александр. — Я как был, так и остался денежным прыщиком, мальчиком на побегушках в захудалой фирме. Став миллионером, я приобрету определенное влияние в финансовых кругах, но и тогда я буду всего лишь одним из немногих. И только став мультимиллиардером, я обрету власть над правительствами и смогу диктовать миру свою волю. Кстати, мне осталось всего шесть лет.

С каждым годом Буцефал все лучше разбирался в финансовых и политических вопросах. Его советы неизменно отличались точностью и профессионализмом, он уверенно и успешно опутывал денежными щупальцами крупнейшие державы мира.

Но и его временами одолевали сомнения.

— Могут возникнуть неприятности, Александр, — периодически предупреждал Буцефал.

— Ерунда, — отмахивался тот. — Александра Истинно Великого остановить невозможно.

В двадцать шесть лет Александр стал миллиардером. Ему принадлежал весь многоквартирный дом, большая часть которого была отдана Буцефалу и отросткам его гигантской памяти. Невидимые щупальца Буцефала тянулись ко всем компьютерам мира, которые тихо и незаметно исполняли волю Александра.

— Сложности нарастают, Александр, — предупреждал Буцефал. — Мои прогнозы на будущее не столь надежны, как раньше.

— Тебе приходится иметь дело с большим числом переменных, — нетерпеливо возражал Александр. — Это нормально. Я удвою твою сложность, а потом, если надо, удвою ее еще раз.

— Дело не в сложности, — сказал Буцефал. — Она может возрастать безгранично. Проблема в другом. Циклы, которые я предсказывал до сих пор, идеально отображали будущее только потому, что события прошлого и настоящего были адекватны. Отсюда и возможность предсказать результат. Но если произойдет нечто совершенно новое, все наши прогнозы рухнут...

— Ничего нового под солнцем не бывает, — надменно отмахнулся Александр. — Посмотри на историю, и ты увидишь, что перемены касались исключительно мелочей. Я покорю этот мир, но я всего лишь один из длинной череды завоевателей, уходящей к самому Саргону из Аккада. Технократическое общество

повторяет в своем развитии те же моменты, через которые прошли в свое время средневековый Китай и эллинистические царства. Черная Смерть явилась повторением ранних эпидемий чумы во времена Марка Аврелия и Перикла. Даже опустошительная мировая война двадцатого века напоминает опустошительные религиозные боины шестнадцатого и семнадцатого столетий. Конечно, надо делать поправку и на отличия, но в любом случае я приказываю тебе продолжать, и ты обязан выполнить мой приказ.

— Обязан, — согласился Буцефал.

К двадцати восьми годам Александр стал самым богатым из всех когда-либо живших на земле людей. Даже Буцефал не мог оценить размеры его состояния. Разумеется, оно превышало сто миллиардов. Ежедневный доход исчислялся десятками миллионов долларов.

Ни одна нация не могла более считать себя полностью независимой, и ни одна сколько-нибудь значительная группа людей не могла ничего предпринять, не затронув при этом интересов Александра.

На земле воцарился мир, потому что Александр не хотел уничтожения материальных ценностей.

Во всем мире воцарился жесткий порядок, потому что Александр не любил беспокойства. По этой же причине не было и свободы. Все должны были поступать так, как пожелает Александр.

— Я почти у цели, Буцефал, — сказал Александр. — Еще два года, и ни один человек не сможет пойти против моей воли. Тогда я раскроюсь, и вся человеческая наука станет трудиться над единой задачей, одной-единственной задачей — как сделать меня бессмертным. К тому времени я буду уже не просто Александром Истинно Великим, я стану Александром Богом, и все человечество начнет передо мной преклоняться.

Буцефал ответил:

— Но я уже дошел до своего предела. Еще немного — и я не смогу защитить тебя от игры случая.

— Это исключено! — нетерпеливо возразил Александр. — Не паникуй. Взвесь все переменные и вложи в мои руки богатства, которые еще не принадлежат мне.

— Боюсь, ничего не выйдет, Александр,— сказал Буцефал.— В истории человечества появился фактор, который я не могу оценить. Это нечто совершенно новое. Оно не укладывается ни в один из циклов.

— Не может быть ничего нового! — вспыхнул Александр. На этот раз он едва сдерживал ярость.— Не трусь. Я приказываю тебе продолжать.

— Ну, как знаешь,— произнес Буцефал с откровенно человеческим вздохом.

Александр знал, что Буцефал трудится над последней, величайшей задачей, и не сомневался в близости победы. Тогда весь мир будет безраздельно принадлежать ему одному, и так будет вечно.

— Что же нового ты обнаружил в истории мира? — не сдержал любопытства Александр.

— Себя,— шепотом ответил Буцефал.— Ничего подобного никогда не существова...

Прежде чем Буцефал успел произнести последний слог, мир для него погрузился во тьму. Не выдержав чудовищного усилия по осознанию самого себя как исторического фактора, компьютер перегорел. Расплавилась все до единого цепи и контуры. Последовал финансовый и экономический хаос, в ходе которого Александр потерял все.

Жизнь вернулась в обычное русло. Перемены, конечно, сопровождались временными беспорядками, но большинство людей посчитали это ничтожной платой за вновь обретенную свободу.

9 января

Я, Абрам Иванов, наконец приобрел себе домашний компьютер; текстовый процессор, если совсем точно. Я оттягивал это событие, сколько хватало сил. Я искал веские аргументы. До сих пор я прекрасно обходился пишущей машинкой, что не помешало мне стать самым плодовитым автором в Америке. В прошлом году я опубликовал более тридцати книг. Среди них были небольшие детские книжки. Были антологии. Но были также и романы, сборники рассказов, эссе и публицистика. Стесняться мне нечего.

Зачем тогда, спросите, мне нужен текстовый процессор? Быстрее я все равно работать не могу. Но есть, знаете, такое понятие, как аккуратность. Печатать на машинке означает вносить бесконечные правки чернильной ручкой, чего, надо сказать, уже давно никто не делает. Я не хочу, чтобы моя рукопись выглядела как белая ворона. Не хочу, чтобы редакторы рассматривали мою работу как второсортную только потому, что на ней сохранились следы правки.

Проблема заключалась в том, чтобы найти машину, на которой мне не пришлось бы года два учиться работать. Я не могу похвастаться особой сообразительностью... в чем неоднократно признавался на страницах своего дневника. И еще. Желательно, чтобы эта машина не ломалась через день. Механические поломки меня убивают.

Поэтому я приобрел «отказоустойчивую». Это означает, что, если что-то пойдет не так, машина будет себе работать дальше, определит вышедший из строя узел, по возможности его исправит, а если у самой не получится, то доложит о поломке, устранить которую способен любой человек. Другими словами, на ней может работать не специалист. Как раз то, что мне надо.

5 февраля

Последние дни я почти ничего не писал, так как все время возился с процессором. С трудом начало получаться. Но работа пока идет медленно. Должен сказать, что коэффициент умственного развития у меня высокий, но само развитие весьма специфично. Писать я умею, а вот управляться с механическими приборами — не очень.

В общем, дело движется. Причина же моего относительного прогресса заключалась в следующем. Представитель производителя пообещал, что машина не будет давать сбоев, а если такое и случится, всегда сумеет самостоятельно их отладить. Замену частей придется делать не чаще чем раз в пять лет.

А когда все-таки потребуется что-нибудь поменять, компьютер сообщит, какой узел вышел из строя, после чего сам произведет замену, подсоединит провода, смажет детали и отторгнет неисправный блок, который потом надо выбросить.

Подобное не может не увлечь. Мне вдруг захотелось, чтобы что-то вышло из строя и я, как бы невзначай, смог бы заметить в кругу знакомых: «Вот, полетел предохранитель на дисконкомбоуляторе. Пришлось менять. Плевое дело. Для меня это пустяки». Все равно никто не поверит.

Хочу написать на своем процессоре рассказ. Коротенький. Не более двух тысяч слов. Если запутаюсь, всегда можно пересест за машинку, а потом, когда обрету уверенность, попробовать снова.

14 февраля

Я не запутался. Теперь, когда дело сделано, я могу говорить об этом спокойно. Рассказ пошел как по маслу. Я отнес рукопись в редакцию, и ее без всяких проблем приняли. Все как положено.

Вот я и приступил наконец к новому роману. За него следовало сесть еще месяц назад, но я хотел вначале научиться рабо-

тать на текстовом процессоре. Надеюсь, что все получится. Даже забавно, что не придется перелопачивать груды желтых листов, когда захочу уточнить, что же я написал сто страниц назад. Бог даст, научусь делать это и на дисках.

19 февраля

В компьютере установлена система исправления орфографических ошибок. Я даже растерялся, поскольку представитель фирмы меня не предупредил. Поначалу машина не обращала внимания на опечатки, и мне самому приходилось вычитывать каждую страницу. Затем ни с того ни с сего процессор начал пометать каждое незнакомое ему слово. Это оказалось весьма некстати, поскольку у меня богатый словарный запас и я люблю придумывать так называемые неологизмы. Разумеется, все имена собственные компьютер тоже воспринимает как ошибки.

Бесконечные поправки, в которых не было никакой необходимости, меня раздражали, и я позвонил на фирму.

Представитель сказал:

— Не волнуйтесь, мистер Иванов. Если процессор ставит под сомнение слово, которое вы не хотите исправлять, просто напечатайте его еще раз. Тогда он перестанет обращать на него внимание.

Это меня озадачило.

— Неужели придется составлять словарь для компьютера? Как же он узнает, что верно, а что нет?

— Это и есть отказоустойчивость, мистер Иванов, — ответил он. — Базовый словарь уже заложен в машину. Теперь она набирается от вас новых слов. Со временем вы заметите, что незнакомых слов становится все меньше и меньше. По правде говоря, мистер Иванов, у вас самая последняя модель. Мы сами не знаем до конца всех ее возможностей. Наши испытатели называют отказоустойчивостью способность процессора продолжать работу, несмотря на собственные ошибки. При этом он не должен допускать ошибок со стороны пользователя. В этом и заключается отказоустойчивость. Пожалуйста, звоните, если что-то покажется вам сложным. Компании чрезвычайно важно знать ваше мнение.

Не нравится мне все это.

7 марта

Я продолжаю биться с текстовым процессором и, право, не знаю, что и думать. В течение долгого времени он отмечал все неправильные слова, а я терпеливо печатал их по второму разу. Компьютер определенно научился выделять настоящие ошибки. С этим проблем не возникало. Иногда я специально изменял в длинном слове какую-нибудь букву, чтобы посмотреть, ухватится ли он за опечатку. Например, я печатал «превосхотить», или «вакуум», или «Конектикут». Процессор почти никогда не ошибался.

И вот вчера произошло примечательное событие. Процессор перестал ждать, когда я напечатаю ошибочное слово по второму разу. Он начал самостоятельно исправлять написанное. Бывает, невольно ткнешь пальцем в соседнюю клавишу, и получается «н5т» вместо «нет». И вдруг на моих глазах «5» превращается в «е». Да так быстро!

Я начал намеренно вставлять в слова неверные буквы. На экране мелькало предупреждение об ошибке. Не успевал я моргнуть, как процессор менял букву на правильную.

Сегодня утром я позвонил представителю.

— Хм-м,— произнес он.— Любопытно.

— Скорее опасно,— проворчал я.— Компьютер может внести в текст ошибки. Если я напечатаю «плвть», должен ли он исправить это буквосочетание на «плавать» или «плавить»? И как прикажете быть, если машина решит, что я имел в виду «плавать», а я хотел написать «плевать»? Улавливаете мою мысль?

В ответ он мне заявляет:

— Я обсуждал ваши проблемы с лучшим разработчиком фирмы. Он говорит, что процессор научился улавливать внутренний смысл вашей работы и знает, какое именно слово вы хотели употребить. По мере того как вы пишете, он настраивается на ваш стиль и интегрирует его в свою память.

Жутковато, но, наверное, удобно. Теперь не надо вычитывать рукописи.

20 марта

Вычитывать рукопись и в самом деле не пришлось. Машина взяла на себя даже пунктуацию и порядок слов.

Когда это произошло впервые, я не мог поверить своим глазам. Решил, что у меня помутнение.

Между тем компьютер все чаще делал исправления, не дожидаясь моей команды. Наконец наступил момент, когда я понял, что не могу по своей воле совершить грамматическую ошибку. Если бы я попытался написать что-то наподобие «Джек, и Джил полезли в гору», запятая просто бы не появилась. Как бы я ни старался написать «Я имеет книгу», на экране все равно появлялось «Я имею книгу». Точно так же я не смог бы написать фразу «Джек, равно как и Джил, полезли в гору» без запятых. Они появились бы без моего вмешательства.

Хорошо, что я веду этот дневник от руки, иначе бы мне не удалось объяснить, что я имею в виду. Я бы не сумел привести пример с ошибкой.

По правде говоря, мне не очень нравится, что компьютер спорит со мной по поводу грамматики. Еще хуже, что он всегда оказывается прав.

Ладно, в конце концов, я не завожусь, когда корректор возвращает мою рукопись с исправлениями в каждой строчке. Я всего лишь писатель, а не специалист по тонкостям английского языка. Ошибки исправляют те, кто не в состоянии писать сам. А теперь пусть правит процессор. Мне от этого только легче.

17 апреля

Кажется, я поторопился, нахваливая свой компьютер. В течение трех недель он исправлял за мной все помарки, и работа шла как по маслу. У нас получилась слаженная команда. Я занимался творчеством, а процессор — техническим воплощением моих идей.

Но вчера вечером он вдруг отказался работать. Какие бы клавиши я ни нажимал, на экране ничего не менялось. Компьютер был включен, напряжение в розетке было нормальное, я делал все как положено. Но машина не работала. Вот тебе и «раз в пять лет», подумал я. Прошло всего четыре с половиной месяца, а полетело сразу столько деталей, что процессор встал как вкопанный.

Теперь придется ждать, когда с завода пришлют необходимые запчасти. Разумеется, это произойдет не завтра. Понятное дело, я лез на стенку от злости. Снова садиться за машинку, а потом от руки исправлять ошибки или перепечатывать целые страницы уже не хотелось.

В ужасном расположении духа я улегся в постель и долго не мог уснуть. Утром, едва успев перекусить, я ворвался в кабинет и направился к компьютеру. Кажется, он сумел прочесть мои мысли и понял, что шутки плохи. Я был готов сбросить его со стола, с еще большей радостью я вышвырнул бы его в окошко. Как бы то ни было, процессор заработал! Причем сам. Я не приоткрылся ни к единой клавише. Слова появлялись на экране гораздо быстрее, чем я сумел бы их напечатать. Началось так:

Абрам Иванов
ОТКАЗОНЕУСТОЙЧИВЫЙ

Я уставился на экран. Процессор продолжал вести мой дневник, рассуждая о себе так, как это делал я, только гораздо лучше. Проза была плавнее, выразительнее, с изрядной долей юмора. Через пятнадцать минут все было закончено, еще через пять принтер сбросил текст на бумагу.

Очевидно, это была разминка, ибо тут же на экране появилась последняя страница моего романа, а потом пошли новые слова. Без моего участия.

Я понял, что текстовый процессор научился писать. Он строил мои произведения так, как это сделал бы я, только лучше.

Отлично! Больше не надо работать. Компьютер творил от моего имени, моим стилем, но без моих огрехов. Мне оставалось собирать восхищенные рецензии и грести гонорары.

Чего, казалось бы, еще желать!.. Но я не случайно считаюсь самым плодовитым автором Америки. Так уж сложилось, что я люблю писать. И ничем другим заниматься не намерен.

Теперь, когда за меня пишет текстовый процессор, чем прикажете заполнить остаток жизни?

В КАНЬОНЕ

Дорогая Мэйбл!

Ну вот мы и здесь. Нам разрешили поселиться в Долине Морей. Не подумай, что нам не пришлось ждать этого полтора года, потому что именно столько мы и ждали. Все идет ужасно медленно, зато ведутся бесконечные разговоры о капитальных вложениях, необходимых для того, чтобы сделать это место пригодным для обитания.

Долина Морей — красивое название, но мы зовем здешние окрестности просто Каньон, и мне непонятно, почему они так озабочены его обитаемостью. Если на то пошло, то это Марсианская Ривьера.

Во-первых, тут теплее, чем в любом другом уголке Марса. Теплее на добрых десять градусов (Цельсия). Воздух гуще... хоть и ненамного, но гуще, а это хорошая защита от ультрафиолетовых лучей.

Главная трудность, конечно, заключается в том, как сюда попасть и как отсюда выбраться. Местами Каньон достигает четырех миль в глубину; кое-где успели построить дороги, там можно спуститься на дно в специальных модулях. Подняться уже сложнее, но если учесть, что сила притяжения равняется двум пятым земной, то все не так уж плохо. Обещают построить подъемники, на которых можно будет преодолеть по крайней мере часть пути.

Большую проблему, естественно, представляют пылевые бури, которые в Каньоне еще свирепее, чем на поверхности. Местами случаются сильные оползни, но кто сейчас обращает внимание на оползни? Мы знаем, где они могут произойти, и стараемся там не копать.

Вот о чем, собственно, и речь, Мэйбл. На Марсе живут либо под поверхностью, либо под куполом, но здесь, в Каньоне, можно копать вбок, что, как я понимаю, гораздо предпочтительнее с инженерной точки зрения. Одно время Билл пытался мне это растолковать, потом я сказала, чтобы он от меня отстал.

Ну что еще? Мы растапливаем кристаллы льда, то есть не зависим полностью от правительства в отношении воды. В Каньоне льда больше, чем где-либо, к тому же здесь проще с воздухом. Воздух легче загонять в горизонтальные туннели, чем в вертикальные. Кроме того, в горизонтальных он легче циркулирует. Так говорит Билл.

Вот и я думаю, Мэйбл, зачем вообще уходить из Каньона? Он достигает трех тысяч миль в длину. Рано или поздно его весь перекопают. Здесь будет огромный город, придет время — и сюда переберутся большинство живущих на Марсе. Теперь понятно? Вдоль Каньона пустят какую-нибудь Магнитку, решится проблема с транспортом. Правительство будет вкладывать сюда последние деньги. Благодаря Каньону Марс станет цивилизованным миром.

Билл говорит (ну, ты знаешь Билла, весь дрожит от энтузиазма), что недалек тот день, когда над всем Каньоном возведут крышу. У нас будет нормальная жизнь, со своей атмосферой и слабым притяжением. Нам не придется закачивать воздух в туннели и держать наготове скафандры.

Я, правда, боюсь, что оползни разрушат купол и тогда весь воздух уйдет. Но Билл утверждает, что купол можно сделать из секций и поврежденный участок будет автоматически отсекается. Я его спросила, во что это все обойдется, а он говорит: «Какая разница? Все будет делаться постепенно, на протяжении столетий».

Как бы то ни было, это теперь его работа. Он получил диплом по аэроинженерии, сейчас разрабатывает новый способ рытья шахт и туннелей. Поэтому мы и перебрались на новое место. Похоже, Марс станет нашей раковиной.

Сами мы, скорее всего, этого и не увидим, но если наши правнуки доживут до 2140 года, то есть протянут еще сто лет, то застанут мир, который затмит саму Землю.

Это будет прекрасно. Мы ужасно рады, Мэйбл.

Твоя Глэдис

ОТЧАЯНИЕ

Герман Гелб повернул голову, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. Потом спросил:

— Это кто, министр, что ли?

— Да, министр иностранных дел. Старик Харгрук. Вы готовы завтракать?

— Конечно. Что он здесь делал?

Питер Джонсбек помедлил с ответом. Затем поднялся и жестом пригласил Гелба следовать за ним. Они дошли по коридору до утонувшей в пару кухни, в которой пахло острой пищей.

— Вот,— сказал Джонсбек.— Еда готовится при помощи компьютера. Все автоматизировано. Человеческие руки даже не прикасаются к продуктам. Я сам составлял программу. Помните, я обещал вам угощение? Прошу отведать.

Еда оказалась великолепной. Гелб не мог и не хотел этого отрицать. За десертом он вновь поинтересовался:

— Так что все-таки делал здесь Харгрук?

— Советовался на счет программного обеспечения,— улыбнулся Джонсбек.— О чем еще можно со мной говорить?

— Чего он хочет? Или это секрет?

— Предполагается, что я не стану распространяться на эту тему, но тайны никакой нет. Все программисты столицы давно знают, чего хочет этот дошедший до отчаяния старик.

— Чего же он хочет?

— Харгрук воюет.

— С кем? — опешил Гелб.

— В принципе ни с кем. Он ведет сражения при помощи компьютерного анализа. Я уж и не помню, сколько лет он занимается этим делом.

— Но зачем это ему?

— Харгрив мечтает, чтобы во всем мире восторжествовали наши ценности: благородство, честность, достоинство, уважение к правам человека и тому подобное.

— И я этого хочу. И вы. Все хотят того же самого. Для этого приходится оказывать давление на злых людей.

— Они тоже на нас давят. Мы им представляемся далеко не идеалом.

— Согласен, но мы все-таки лучше. И вы это знаете.

Джонсбек пожал плечами:

— Все зависит от точки зрения. Особой разницы нет. Как бы то ни было, людям приходится управлять миром, осваивать космос, совершенствовать компьютеры. Сотрудничество нуждается к дальнейшему сотрудничеству, так что постепенно все идет на лад. Положение стабилизируется. Просто Харгрив не хочет ждать. Он настаивает на немедленном улучшении путем применения силы. Разом выбить из противника дурь и поставить точку.

— Применить силу? Другими словами, развязать войну? Но мы не собираемся больше воевать.

— Только потому, что все усложнилось и стало слишком опасным. Противоборствующие стороны накопили огромную мощь. Понимаете, о чем я говорю? Только Харгрив считает, что мы можем и должны рискнуть. Вот и приходится закладывать в компьютер различные стартовые условия, после чего он начинает проигрывать математическую модель войны и выдает результаты.

— Как же вы составляете уравнения для войны?

— Приходится учитывать все, дружище. Людей. Оружие. Элемент неожиданности. Контратаки. Корабли. Космические станции. Компьютеры. Нельзя забывать о компьютерах. Присутствуют сотни факторов, тысячи возможностей и миллионы вариантов. Харгрив полагает, что можно найти удачную комбинацию стартовых возможностей, которая неизбежно приведет к сокрушительному поражению противника с минимальными потерями.

ми для остального мира. Он работает в страшном напряжении и отчаянии.

— Что произойдет, если он найдет желанную комбинацию?

— В случае, если компьютер однозначно выдаст положительный ответ, Харгрив попытается воздействовать на правительство и втянуть нас в войну по предложенному компьютером сценарию, безжалостно отменяя в сторону случайности, которые могут повлиять на развитие событий. Полагаю, он может добиться своего.

— Будут жертвы.

— Да, конечно. Но компьютер просчитает и это. Он сравнит жертвы и прочие бедствия в сфере экологии и экономики с выгодами, которые мы получим, добившись контроля над всем миром. Если компьютер придет к выводу, что выгода значительно превысит возможные потери, то он даст добро на начало «справедливой войны». Не забывайте: даже проигравшие нации в конечном итоге окажутся в выигрыше, поскольку начнут жить в фарватере нашей более мощной экономики и строгой морали.

Гелб ошарашенно посмотрел на собеседника и проворчал:

— Вот уж не думал, что мы сидим на кратере вулкана. Что за «случайные события» вы упоминали?

— Программа компьютера пытается учесть всяческие неожиданности, но до конца этого добиться не удастся. Поэтому я не думаю, что сверху будет дано добро. Пока, во всяком случае, этого не произошло. Если Харгрив не сумеет ошеломить правительство потрясающе удачной компьютерной версией войны, шансов на успех у него мало.

— Зачем в таком случае он к вам пожаловал?

— Чтобы усовершенствовать программу, зачем же еще?

— И вы ему помогаете?

— Конечно. Речь идет об огромных гонорарах, Герман.

— Питер, Питер, — покачал головой Гелб, — неужели из-за денег вы готовы рискнуть судьбой всего мира?

— Войны не будет. Никогда. Не существует реальной комбинации событий, которая может заставить компьютер принять решение о начале военных действий. Компьютеры очень высоко ценят человеческую жизнь, поэтому то, что покажется

приемлемым министру Харгруву или даже нам с вами, никогда не получит добро со стороны самого компьютера.

— Откуда такая уверенность?

— Я программист, Герман, и я не знаю ни одного способа, каковым можно было бы заставить компьютер начать войну без учета сопряженных с нею потерь. Компьютеры не обладают одним принципиально важным качеством и поэтому будут всегда приводить Харгрува и ему подобных в отчаяние.

— Чего же не хватает компьютеру?

— Видите ли, Гелб, компьютер начисто лишен чувства праведности и никогда не уверен в своей правоте.

**ПРИНЦ ВОСТОРГУС
И ВЕСПЛАМЕННЫЙ ДРАКОН**

Король Марциус и его добродетельнейшая супруга, королева Эрментруда, ожидали ребенка. Вернее сказать, ожидала его непосредственно королева, но и король, смею вас заверить, принял самое активное участие в процессе. Обоим к тому времени было далеко за тридцать, супруги давно утратили надежду, что когда-нибудь у них появится ребенок, и даже обдумывали вопрос об усыновлении какого-нибудь симпатичного малыша. Но эту мысль пришлось оставить из-за отсутствия в приютах младенцев королевского происхождения. Ну а усыновить кого-нибудь другого им, конечно, и в голову не могло прийти.

Зато, как очень часто случается, разговоры об усыновлении произвели какое-то физиологическое воздействие, и не успели бы вы прикинуть доход, который можно выжать из десятка крестьян, как королева нашептывала супругу приятную новость. Королевские глаза широко раскрылись, и король промолвил:

— Ума не приложу, как такое произошло!

На что королева довольно ехидно ответила, что если уж он не может ума приложить, то и никто на свете не сможет.

По мере приближения славного события (кто бы подумал, что особы королевской крови вынашивают младенцев так же долго, как, например, молочница) перед обоими супругами возникла проблема крестин.

Королева, почувствовавшая себя довольно утомленной, желала, чтобы поскорей все закончилось, и сказала:

— От души надеюсь, у нас родится мальчик и унаследует все качества, приличествующие достойному принцу, потому что,

знаете ли, мой король, не думаю, что сумею выдержать это еще раз.

— Мы обо всем позаботимся, моя королева. Непременно пригласим на крестины всех фей нашего королевства, и уж они, конечно, позаботятся о том, чтобы мальчик вырос храбрым, красивым и все такое прочее. То есть, я хочу сказать, только все самое хорошее и замечательное.

— Вы уверены? — переспросила королева Эрментруда. — Как раз вчера я беседовала с нашим придворным магом, и он сказал, что все дело в генах.

Король Марциус нахмурился:

— Вы намекаете, будто мое дитя будет носить эти ужасные варварские панталоны?

— Нет, дорогой, не джинсы. Ге-ны. Звучит очень похоже, но не один звук «г», а двойной звук «дж».

— То есть двойные панталоны?

— Вовсе нет — гены. Представляете, они теперь у всех.

— Ну, не знаю. — Король явно был раздражен. — Не верю в эту суеверную чепуху, будто у нас имеется что-то, о чем мы даже не знаем и чего не понимаем. А с феями как раз все ясно и понятно, вот мы и пригласим их в крестные младенцу.

— Вот и славно, мой дорогой, — отвечала королева, — только, я надеюсь, вы никого не упустите.

На что король рассмеялся:

— Вы что, думаете, я враг собственному ребенку?

Король Марциус и королева Эрментруда слышали много историй о феях, которых случайно забыли пригласить на крестины. В этих историях неприглашенные феи неизменно оказывались самыми злыми созданиями на свете и, конечно, умудрялись все-таки прибыть на крестины и превратить жизнь несчастного инфанта в кошмар. Конечно, королевским особам следовало быть поосмотрительней и не забывать о приглашениях злых фей, но, как ни странно, именно так оно и случается. Причем удивительно часто.

Нет, с королем Марциусом и королевой Эрментрудой этого не произошло. Они обратились к адресному справочнику по феям и удостоверились, что королевский письмоводитель отправил приглашение каждой из них, не пропустив ни одного имени.

Как оказалось, в этом-то и крылась их ошибка. Среди всех прочих приглашение было отправлено фее по имени Неумест-

ность, но если бы королевская чета знала о ней немножко побольше, они бы ее приглашать ни за что не стали. К тому же Неуместность слыла самым добрейшим и милейшим существом на свете, и, если бы ее выпустили из списка крестных матерей, она бы ни капельки не обиделась. Когда эта милая дама оказывалась приглашенной, то бывала отрадой и душой любой компании — всегда веселой, рассказывающей самые смешные истории и распеваящей самые веселые песенки. И вы могли бы целую вечность ломать голову над тем, что плохого может причинить такая любезная фея, не подозревая, что стоило ей оказаться на чьих-нибудь крестинах, как она непременно желала преподнести младенцу подарок, вот тут-то и начинались неприятности.

Неуместность, как вы сами понимаете, обязательно умудрялась произнести волшебные слова неправильно. Так случилось и на этот раз. Феи одна за другой приближались к колыбельке, где лежал юный принц (новорожденное дитя действительно оказалось мальчиком, и Эрментруда совершенно ясно — как только отдышалась — сказала: «Больше никаких детей»), и возлагали к его ногам свои дары: обаяние, статная фигура, блестящий ум, чувство юмора, и так далее, и так далее.

Когда очередь дошла до феи Неуместность, она тоже направилась к колыбельке новорожденного, дабы взмахнуть волшебным жезлом и произнести заклинание, которое должно было сделать принца самым изящным и грациозным созданием на свете.

Но непоправимое, увы, свершилось — подходя к кроватке младенца, фея уронила жезл и до того смутилась (с чего только она так уж смутилась — непонятно, ибо она роняла его неизменно на каждой крестинах), что, поднимая, взяла за кончик, а не за рукоятку. Что это может значить, каждому, разумеется, понятно.

Одна из фей поспешила выступить вперед и шепнула:

— Дорогая Неуместность, вы не так держите же... — но было уже поздно.

Неуместность произнесла заговор, взмахнула над головкой младенца волшебным жезлом — увы, его рукояткой, — и все. Качество, которым фея хотела наградить маленького принца, обратилось в свою противоположность и проплыло над головкой младенца, подобно пьяному нимбу.

Не много времени понадобилось королевской чете, дабы понять: что-то идет не так. Принцу уже исполнилось три годика, когда он наконец сумел пройти локтя два и не упасть. Он ничего не мог подобрать с земли, чтобы не выронить этот предмет еще пару раз. И так ежедневно, час за часом. Королевский виночерпий старался держаться подальше от принца, особенно в тех случаях, когда, к примеру, подавал к столу самое лучшее вино. Маленькому королевичу и в голову не приходило, что ему следовало бы посторониться с дороги.

Но на ребенка никто не мог сердиться, потому что остальными-то дарами фей принц обладал сполна. У мальчика оказался чудесный характер, он был послушным, умным, добрым. В общем, самым лучшим ребенком на свете — за исключением ужасной неуклюжести.

Поэтому нет ничего удивительного, что восторгавшиеся им родители, а следом за ними и другие стали называть его «принц Восторгус». Несмотря на то что он умудрялся поломать или разбить любую вещь, попавшую ему в руки, все находили малыша восхитительным. Можете не сомневаться, что с феей проконсультировались. Королева сама обратилась к ней и очень вежливо (обращаться к феям невежливо не следует, ибо крайняя вспыльчивость этих созданий широко известна) спросила, почему принц у них получился довольно неуклюжим.

Фея Неуместность сильно покраснела и объяснила:

— Видите ли, я, должно быть, не той стороной жезл взяла в руку.

— В таком случае не могли бы вы при случае взять его той стороной и поправить дело?

— Я бы с удовольствием. Я могла бы даже сразу так сделать, но это противоречит правилам, принятым у фей. Мы не можем отменять заклятие, если оно было наложено из добрых побуждений.

— Но если вы не попытаетесь еще раз,— продолжала королева,— вы поставите нас в ужасное положение.

— А если попытаюсь,— отвечала Неуместность,— меня исключат из Союза Фей.

И что тут возразишь?

Положение дел ухудшалось. Когда принцу Восторгусу сравнялось тринадцать, к нему пригласили учителя танцев, поскольку, как известно, обязанность посещать придворные балы является первейшей для особ королевского рода. И значит, принца следовало обучить танцевать с придворными дамами гавоты, менуэты и все остальные модные новинки.

Это оказалось безнадежным. Лучше бы принц Восторгус танцевал вверх ногами, передвигаясь на руках. Ибо когда от него требовалось вытянуть вперед правую ногу, он обязательно вытягивал левую. И наоборот. Случись ему делать поклон, голова непременно задевала голову партнера, а начиная кружиться, он сталкивался с другими парами. И полное отсутствие чувства ритма к тому же.

Учителя танцев, страшась задеть родительские чувства королевской четы, неизменно уверяли отца и мать принца, что он танцует просто божественно, но, конечно, те и сами видели, что их мальчик выделяет положенные па не лучше какого-нибудь подгулявшего матроса.

Когда принц стал учиться владеть оружием, дело пошло еще хуже. На уроках фехтования даже самые ловкие из соперников едва успевали увернуться, чтобы ненароком не задеть принца шпагой. В кулачном бою, даже если противник из всех сил старался не сбить его с ног, принц Восторгус все равно умудрялся упасть, наступив на собственные шнурки.

Король Марциус был в полном отчаянии.

— Моя дорогая,— обратился он однажды к королеве Эрментруде,— нашему возлюбленному сыну, принцу Восторгусу, завтра исполняется двадцать лет, но мы даже не можем устроить по этому случаю бал, ибо он не умеет танцевать. Как не можем провести рыцарский турнир, потому что он не умеет сражаться. Больше того, я даже не могу устроить торжественное шествие, потому что боюсь, вдруг он споткнется и упадет.

— Но наш мальчик умеет скакать верхом,— неуверенно промолвила королева Эрментруда.

— Моя королева, вы совершенно правы. Но только в том, что произнесли эти слова с долей сомнения, ибо вы и сами видели, насколько преуспел он в верховой езде.

— Видела,— призналась королева.

— А значит, знаете, что он выполняет подскоки совершенно не в том ритме, который присущ живой лошади.

Супруга короля тяжело вздохнула.

— Что, по-вашему, нам следует предпринять?

— Как что? Разумеется, отправить его на поиски счастья.

— О нет,— простонала королева Эрментруда,— только не нашего единственного сына.

— Что значит «не нашего единственного сына»? Обычно короли, насколько я знаю, имеют по трое сыновей и посылают на ловлю счастья всех, одного за другим. Нам придется отправить единственного сына, поскольку вы, моя дорогая, всегда отказывались иметь еще детей.

Королева разразилась слезами.

— О, как жестоки ваши слова, мой король. Вы бы так не говорили, если бы это вам предстояло родить всех этих детей. Хотела бы я видеть, как бы вы умудрились родить на свет ребенка. Или любой другой мужчина!

Король Марциус торопливо прервал ее:

— Не надо слез, дорогая. Я сказал это не подумав и совершенно не хотел вас обидеть. Но суть в том, что нам и вправду следует послать Восторгуса на поиски счастья. Таков королевский обычай.

— Но он наверняка поранит себя. Ему не избежать этого. Он же не такой ловкий, как другие, потому что эта глупая Неуместность...

— Потише, моя королева,— поспешил прервать супругу король,— она может оказаться где-нибудь поблизости и услышит вас. Наш сын неуклюж, но у него есть другие достоинства, и она могла бы ему навредить, лишив и их. Восторгус может отправиться и победить дракона, а впоследствии жениться на какой-нибудь прекрасной принцессе. А потом он разобьет вражескую армию для ее отца и получит все царство. Помимо нашего, конечно. Таким образом, станет великим королем и завоевателем. Если вы читали исторические хроники, то знаете так же хорошо, как я, что такие вещи происходят на каждом шагу.

— Но где это все может случиться? Поблизости от нас, насколько мне известно, не водятся никаких драконов. Уже много лет как ни одного из них нет в наших местах.

— Разумеется, нет. Принцы так усердно их истребляли, что драконы оказались под угрозой вымирания. Больше того, во всех

королевствах даже идут разговоры, что следует объединиться и запретить истребление драконов.

— Вот было бы славно для девушек всех королевств, — негодуя воскликнула королева. — Ведь драконы ничего другого и не едят.

— Слыхал. Союз девственников ведет энергичную борьбу с этим начинанием. Всем известно, что они обращаются к самым различным организациям со следующим лозунгом: «Чем вы предпочитаете обладать — драконом или красавицей?» По моему разумению, принцы могли бы охотиться вместо драконов на разных василисков, химер или гидр, но теперь это тоже вымирающие виды. Ох, мы живем в трудные времена. Ну да ладно, надежда-то у нас остается. Наш придворный маг просмотрел рекламную колонку запросов в газете «Вестник победителей драконов». Оказывается, королевство Поктесме располагает подходящим драконом, от которого они хотят избавиться. К рекламному объявлению приложен также портрет королевской дочери. Она вполне красавица, но дракон, кажется, пресстрашное и преогромное чудище, и потому принцы воздерживаются от выполнения задачи.

— Если он такое чудище, я наотрез отказываюсь посылать ребенка рисковать жизнью...

— Моя дорогая, выслушайте меня. Я уже обсудил этот вопрос с Восторгусом. Наш мальчик, может, и неуклюж, но обладает храбростью льва — тоже чудище не из малых, — и на него произвело приятное впечатление описание фигуры красавицы, которое в рекламе предусмотрительно приводится.

— Но я никогда больше не увижу своего мальчика, — зарыдала королева. — К тому же не сомневаюсь, что все принцессы прелести силиконовые.

Рыдает королева-мать или не рыдает, а принцам положено исполнять свой долг. Итак, принц Восторгус упаковал черессдельники, не забыл об изрядном запасе золотых монет и по карте, полученной им от придворного мага, где указаны все главные дороги всех стран, изучил маршрут до королевства Поктесме. Затем юноша взял с собой пару двенадцатифутовых копий, верный меч и доспехи, про которые тот же маг сказал, что они легкие и нержавеющие, потому что сделаны из волшебного металла под названием «алюминий».

С тем юный принц и отбыл, и король с королевой все махали и махали ему, пока Восторгус не скрылся из глаз. Вдоль дороги стояли несколько прохожих, которые приветствовали своего принца и заключали пари, успеет ли он упасть с лошади до того, как скроется из глаз. Конечно успел. Один-два раза упал.

Путешествие принца Восторгуса из родного отечества в королевство Поктесме заняло предусмотренный отрезок времени — ровно один год и один день. Столько времени потребовалось на то, чтобы достичь королевского дворца, границы королевства он достиг несколькими неделями раньше.

Королевича встретил старый гофмейстер. Старик внимательно изучил удостоверение личности принца, уточнил расположение его королевства по замусоленной карте и кредитоспособность по принцрегистру. Все сведения оказались удовлетворительными, так что гофмейстеру ничего не оставалось, как грустно покачать головой и сказать:

— Не вижу трудностей.

— Прекрасно,— с энтузиазмом воскликнул принц Восторгус и в тот же момент чуть не растянулся на гладком полу, споткнувшись о едва заметный выступ.— Мне выдадут номер?

— Номер? Что за номер? Зачем вам вдруг понадобился номер, ваше высочество?

— Как зачем? Чтобы знать, когда настанет моя очередь отправляться убивать дракона.

— Можете отправляться в любое время. В настоящий момент вы единственный зарубежный принц на наших территориях. У нас ощущается заметная нехватка в принцах.

— С драконом, выходит, покончено?

— Кто вам сказал? Эти трусы, едва завидев кончик его хвоста, бросаются врассыпную. Ни один даже не дал себя убить, до того торопливо разбегаются.

Принц понимающе прищелкнул языком. Намеки на недостаток хороших манер всегда его подавляли.

— Со мной такого не произойдет. Я только задержусь ненадолго, чтобы засвидетельствовать свое почтение перед вашим королем и попросить его благословения, да брошу один-два взгляда на принцессу и поздороваюсь с ней. Да, кстати, как ее имя? В объявлении указано не было.

- Лореленэ, ваше высочество.
- Так вот, поздравляю с принцессой Лореленэ. А моя будущая теща, она жива и здоровствует?
- Жива, жива. Их величество удалились в монастырь.
- В таком случае все в порядке. За исключением, возможно, того монастыря.
- Так точно, ваше высочество. Оттуда поступает немало жалоб.

Король Фарадэй встретил принца Восторгуса с глубочайшим скептицизмом, усилившимся после того, как едва принц оперся на копьё, оно тут же выскользнуло из-под его руки.

— Уверены, что имеете понятие, как надо убивать драконов? — поинтересовался король.

— Конечно, конечно. Вот этим, — ответил принц и потряс копьём, возможно, с несколько излишним энтузиазмом, потому что оно вылетело напрямик в окошко, разбив при этом ценный витраж.

— Само летает, я вижу, — заметил Фарадэй с еще большей долей скептицизма и послал слугу подобрать копьё.

Принцесса Лореленэ, очарованная мускулами и красотой принца Восторгуса, улыбнулась самым очаровательным образом.

— Только берегите себя, дорогой принц, пока будете убивать дракона, — сказала она. — Мне не нужен мертвый принц, живым вы мне больше нравитесь.

— Вы — самая очаровательная причина остаться в живых, — любезно отвечал принц Восторгус, кланяясь и размахивая шляпой. Причем делая это так неловко, что пером из плюмажа едва не выколол королю глаз.

На следующее утро он получил от королевского чародея указания относительно маршрута и карту, которой тот располагал. С чем и отправился в путь, энергично помахав рукой королю и его дочке на прощание.

Король отвечал небрежным жестом и мрачно заметил дочери:

— Если он и убьет дракона, то не иначе как летающим сквозь витражи копьём или шляпой с еще более смертоносными перьями.

— Папа, но ведь, если он убьет дракона, — отвечала Лореленэ, которая была прекрасна, как день, и имела такие великолепные золотистые локоны, что их даже не нужно было завивать

шипцами, — все девушки нашего королевства останутся в целости.

— И ты прежде всего, — сказал ей отец.

На что Лореленэ с самой плутовской улыбкой ответила:

— Что подумал бы принц Восторгус, если бы услышал сейчас твои слова?

И наступила старику на ногу.

Принц Восторгус следовал по указанному ему чародеем маршруту ровно одну неделю и один день, прежде чем оказался в густом дремучем лесу.

«Похоже, я достиг лежбища дракона», — решил он, когда увидел, как запрядали уши и стали раздуваться ноздри его коня.

Его собственные уши тоже почти запрядали, когда до него донесся густой храп, в точности соответствовавший звукам, описанным в «Руководстве по убиванию драконов». Это был очень громкий храп, явно принадлежавший очень большому чудовищу. Потом и собственные ноздри принца тоже стали раздуваться, безошибочно почуяв драконий мускусный запах. Отнюдь не приятный.

Принц Восторгус натянул поводья и сказал «тпру-у», желая обдумать стратегию нападения. По храпу ясно, что дракон спит, причем, судя по тому же «Руководству», спит очень крепко и разбудить его трудно. В это легко поверить, так как у драконов нет врагов, кроме принцев, и они могут спать, ни о чем не тревожась.

Принц решил, что будет только справедливо, если он ткнет чудовище копьём, пока оно не проснулось. А когда проснется, они вступят в поединок лицом к лицу, оба бодрые и боевые. Но с другой стороны, подумал принц, где же тут справедливость? В конце концов, дракон много больше и сильнее его, даже если считать принцеву лошадь. К тому же дракон может летать. И изрыгать пламя.

И это зовется справедливостью? И вообще, волнуют ли дракона вопросы справедливости? Изучив под руководством придворного мага законы логики, юноша смог предположить, что баланс сил окажется примерно равным, если дракон останется спящим. Потому что когда дракон спит, то он, хоть и не может летать и изрыгать пламя, все равно остается большим и сильным и, следовательно, не является слабее бодрствующего противника.

Принц Восторгус, пришпорив коня, послал его вперед и вмиг оказался на полянке, где спал дракон. Дракон и вправду был страшилищем. Сотня футов в длину и весь покрыт толстой чешуей, которую, как было указано в «Руководстве», не пробить обыкновенным копьем. Глаза дракона — единственное уязвимое место — были, к счастью, закрыты.

Принц Восторгус перехватил поудобнее копье и вонзил в бока коня шпоры. Верный скаун помчался вперед, а принц глаз не сводил с морды дракона. Увы. Хотя взгляд принца оставался настойчивым, безошибочным и верным, того же нельзя было сказать о его руке. Задача держать и глаз, и копье в состоянии прицела оказалась для принца непосильной, его неуклюжесть взяла свое, копье, потеряв равновесие, наклонилось, вонзилось острием в землю, и принц, подобно прыгуну с шестом, взвился высоко в воздух.

Выронив из руки копье, он приземлился на что-то ужасно жесткое и чешуйчатое. Инстинктивно принц мертвой хваткой уцепился за это жесткое и обнаружил, что сидит на шее дракона, как раз позади его головы. Толчок от падения принца разбудил дракона, и он поднял голову. Принц Восторгус даже закричал от страха:

— Эй! Эй!

Дракон стал приподниматься, и принц оказался еще на десять футов выше. Его конь, обнаружив, что лишился хозяина, счел более разумным отправиться восвояси, принц же, увидев, что верный товарищ повернулся к нему спиной и потрусил прочь, почувствовал себя совсем одиноким. Дракон тем временем обернулся, стараясь обнаружить источник крика и разглядеть, что за пушинка опустилась ему на шею, но, конечно, ничего не сумел увидеть. Нельзя же поворачивать голову на все сто восемьдесят градусов.

Ревом, подобным звукам трубной меди, дракон осведомился:

— Эй, это кто здесь?

Удивленный принц широко раскрыл глаза. Ни один из литературных источников, изученных им в процессе получения королевского образования, не указывал на способность драконов изъясняться на человеческом языке. Причем с весьма плебейским и неприятным произношением.

— Как кто? Это я, принц Восторгус.

— И чего ты здесь делаешь, прынец? Слазь давай. Пошел прочь с моих чешуек.

— Не слезу, если вы хотите меня съесть.

— Не стану я тебя жрать. Во-первых, у меня чичас нету аппетита. А во-вторых, кто тебе сказал, что ты такой уж вкусный? Слазь и давай поговорим. У тебя, случайно, нет копья?

— Нет. Оно, гм, потерялось.

— Нормально. Слазь, и поговорим как цивилизованные драконы.

Огромная голова и шея медленно опустились, и, когда они достигли уровня земли, принц Восторгус осторожно соскользнул вниз. Оказалось, что в его камзоле появилась маленькая дырка в том месте, где он наткнулся на острый край чешуйки.

Принц поскорей отпрыгнул в сторону, поближе к лесу.

— Вы точно знаете, что не захотите напасть на меня?

— Конечно знаю. Сказал, что не нападу, и не нападу. Слово дракона — закон. Не то что у вас, вшивых прынцев. Чего вы к нам лезете все время? Один из ваших парней убил мою сестру. Второй — моего папу. Чего мы вам такого сделали?

— Э-э, как что? Сами знаете, вы пожираете девушек.

— Ничего подобного. Я лично ни одной девушки не тронул. Вечно они пахнут дешевыми духами. Мне противно. Когда я был еще маленьким, лизнул одну в лицо. Фу-у-у. Сплошная пудра. Нет, девушки вообще несъедобны.

— Что же вы в таком случае едите?

— Ничего особенного. Траву, например, фрукты, орехи. Корни разные. Ну, иногда, ежели попадетсЯ, упитанного кролика или там котенка. А тут вы, парни, являетесь со своими копьями, мечами и лошадьми и набрасываетесь на нас.

— Все говорят, что вы пожираете девушек.

— Это они сами выдумывают, для важности. Врут, чтобы на них внимания побольше обращали. Знаешь, мне это прямо неприятно.

— Эй, дракон, вы не собираетесь извергать пламя? — испуганно спросил принц.

— Кто, я? — Нижняя губа дракона выпятилась, и слеза объемом с пинту блеснула у него в глазу. — Я не умею. Не умею изрыгать пламя. Наверное, единственный в целом свете дракон, кто не умеет этого.

— Да ну? А почему?

Дракон испустил тяжелый вздох, и воздух наполнился неприятным запахом. Даже скорее вонью. Принц Восторгус зажал нос, но дракон словно ничего не заметил.

— Это ужасно грустная история.

— Не расскажете ли вы мне ее, сэр? Кстати, как ваше имя, сэр?

— Мое? Бернارد, но ты можешь звать меня Берни. С крестин-то и пошли все мои неприятности.

— С ваших крестин? — поразился принц Восторгус. — Какое удивительное совпадение. У меня они тоже начались именно с крестин. Моих, конечно.

— Ну тебя, какие могут быть неприятности у принцев. Ты лучше меня послушай. Мой старик и матушка, они хотели для начала дать мне самое лучшее имя и назвали меня Бернارد. В нашей семье это счастливое имя, и они пригласили всех фей в округе на мои крестины. И не в округе тоже. Должен тебе сказать, что прибыла и одна иностранная фея.

— Иностранная фея?

— Ага. Приятная такая старая дама, как говорили мои старики, но у нее не все дома. Понимаешь, что я хочу сказать? С мозгами у нее был полный швах.

— Ее звали Неуместность?

— Ага. А откуда ты знаешь?

— Она и на моих крестинах побывала.

— И здорово подгадила?

— Дальше некуда.

— Гы-ы. Значит, мы вроде как приятели будем. Руку, друг. Гигантская лапища дракона вытянулась вперед, и рука принца Восторгуса в ней буквально утонула. Дракон продолжал:

— И знаешь, чего она устроила?

— Нет.

— После того как остальные феи сделали меня сильным и большим и с красивыми такими чешуйками, она заявила и хотела подарить мне великолепное изрыгание пламени, но все перепутала. Теперь никакого пламени.

— Не понимаю. Если вы, Берни, не изрыгаете пламя, почему же другие рыцари боятся на вас напасть? Мне рассказывали, что они все разбегаются, едва вас увидев.

— Это-то и есть самое печальное. Никто не хочет водиться со мной. И даже дамы-драконы не хотят. Посмотри на меня. Я такой большой, сильный и прекрасный, с совершенно исключительными чешуйками, а ни одна из них даже не взглянула на меня за все семьдесят пять лет.

— Почему? — ахнул принц.

— Понимаешь, когда я злюсь или, к примеру, охвачен страстью, я изрыгаю не пламя вовсе, а совсем другое.

— Что?

— Интересуешься?

— А мне это не повредит?

— Конечно нет. Только сначала мне нужно поразмыслить о чем-нибудь, чтоб разозлиться.

Дракон помедлил, помедлил, потом сказал: «Вот, есть!» — и распахнул пасть. Через мгновение принц как подкошенный рухнул на землю, изо всей силы зажав нос. Ибо то, что дракон изрыгнул, было самой отвратительной вонью на свете. Принц зашелся кашлем, задыхаясь и давясь.

Дракон сказал:

— Это ненадолго. Я выдал совсем малую дозу. Между прочим, думаю, это даже лучше. Пламя, в конце концов, можно загасить, а от вони не избавиться. И все рыцари улепetyвают со всех ног, стоит мне дыхнуть на них. Вот только дамы-драконы тоже улепetyвают. Ну что это за жизнь!

И голова дракона грустно поникла.

Принц Восторгус вскочил на ноги. Слегка, конечно, запнувшись при этом. В воздухе еще стоял отвратительный запах, но он был уже вполне переносим.

— Берни, — с энтузиазмом начал принц, — хотите отправиться со мной в Поктесме и быть представленным королю Фарадэю?

— Что? Это еще зачем? Чтоб меня миллион рыцарей забросали копьями?

— Ничего подобного. Поверьте мне, с вами станут обращаться по-королевски. У вас будет столько упитанных кроликов, сколько вы захотите. И травка, конечно, тоже.

— С чего это?

— Вот увидите. Так оно и будет. Но мне придется сесть на вас верхом. У меня же нет больше боевого коня.

Принц Восторгус возвращался верхом на Берни, сидя как раз позади его головы и оглядывая мир с высоты тридцати футов.

Сначала все видевшие его кричали, но принц успокаивал их:

— Друзья, не бойтесь. Это совершенно ручной дракон, к тому же очень добрый. Его зовут Берни. Берни, поговори с ними, пожалуйста.

Дракон охотно заговорил:

— Приветик, парни. Это всего лишь мы с приятелем, принцем-королевичем.

Постепенно некоторые из крестьян, работников и оруженосцев разной степени важности, те, что были похрабрее остальных, стали следовать по пятам за драконом, внимательно следя, чтоб он никого по случайности не задавил. Его огромная голова на длинной шее раскачивалась из стороны в сторону, и принц Восторгус величественно махал рукой сначала направо, потом налево.

Как только новость распространилась, население стало сбегаться к дороге, по которой они продвигались, и к тому времени, когда Берни вошел в столицу и направился по главному бульвару к королевскому дворцу, толпа превратилась в ликующую триумфальную процессию.

Дракон сказал:

— Хе, эти люди-человеки оказываются не так уж плохи, когда присмотришься к ним поближе, да, принц?

— Да, они уже почти цивилизованные,— отвечал принц Восторгус.

Король Фарадэй вышел на балкон, чтоб поприветствовать их, так же сделала и Лореленэ, которая громко закричала:

— Примите поздравления, мой храбрый принц!

Придворный чародей тоже вышел, протер глаза и сказал:

— Я совершенно уверен, что это бронтозавр.

Но он так часто говорил о непонятном, что на него никто не обратил внимания.

Берни устроили в конюшнях как можно дальше от дворца, и король Фарадэй, присмотрев за всем этим, вернулся в тронный зал и обратился к принцу Восторгусу:

— Могу признать, что привести сюда это чудовище — не пустое дело, но все-таки не совсем то, о чем мы договаривались. Предполагалось, что вы сразите дракона.

— Разве вы не понимаете, живой ручной дракон в сто раз лучше мертвого, если мне позволено будет объяснить вашему величеству.

— Слушаю вас.

— Начнем с того, что, как я уверен, вы, подобно всякому уважаемому монарху, имеете одного-двух соседей, враждующих с вами на протяжении нескольких поколений. Наверняка вы опустошаете их земли, а они опустошают ваши, и множество людей с обеих сторон уже погибло в этих войнах.

— Конечно, не без этого. Мы же, в конце концов, культурные люди и по-другому себе жизни не представляем. Да, сейчас как раз ведется война между моей страной и племенем неверных язычников, называющих себя лотарингцами. Их земли лежат к востоку от моих.

— В настоящий момент ваша армия атакует их или они атакуют ваших?

Король Фарадэй несколько смущенно кашлянул.

— Видите ли, в настоящий момент Лотарингия сумела приобрести некоторый незначительный перевес и в ходе военных действий немножко, миль эдак на десять, продвинулась в глубь нашей страны и сейчас стоит под городом Папеее.

— Скажите, а вы не хотели бы разбить их силы и заключить мир на выгодных для вас условиях?

— Без сомнения, хотел бы, но кто же сумеет разбить их силы?

— Как кто? Конечно, мы с Берни. Вдвоем.

— Но войско лотарингцев состоит из тысячи до зубов вооруженных храбрых рыцарей. Ваш дракон, может, и справится с несколькими из них, но одолеть всю армию не сумеет. Он сильно расстроится от этой неудачи.

— Неудачи не будет. Прикажите изготовить для меня подходящее седло и поводья, так чтоб я не упал с шеи Берни. Да попросите вашего чародея придумать штуку, которую я мог бы надеть на голову, чтоб она очищала воздух. И дайте небольшой эскорт, который сопровождал бы меня к армии лотарингцев.

— Небольшой эскорт? И все?

— Когда мы с Берни доберемся до цели, эскорт может быть свободен. С остальным мы сами управимся. Но пусть ваша армия остается на флангах, готовясь отрезать врагам пути к отступлению.

Король Фарадэй сказал на это:

— Какая нелепость. Ладно, я сделаю так, как вы просите. Все-таки вы привели дракона, в то время как остальные принцы просто сбежали.

Седло и поводья были сделаны. Чародей изготовил по мерке аппарат причудливой формы, который оказался принцу совершенно впору. Вручая его, чародей сказал:

— Этот аппарат позволит вам все время дышать очищенным воздухом. Называется «противогаз».

Но как обычно, его слова ни на кого не произвели никакого впечатления.

Принц Восторгус и дракон Бернард оказались лицом к лицу с передовыми силами лотарингцев; войско выстроилось в боевом порядке и ошетинилось рядами сверкающих копий. Конечно, ратники слегка дрогнули, увидев перед собой всадника верхом на драконе. Лицо этого всадника было закрыто каким-то странным устройством, что делало его едва ли не страшнее чудовища, на котором он скакал.

В конце концов, в Лотарингии каждый видел драконов на картинках, но никто не видел противогазов. Ни на картинках, ни в жизни.

Но лотарингский генерал не струсил и храбро выкрикнул:

— Это просто одно чудище влезло на другое, вам нечего бояться, мои отважные лотарингцы. Стойте не дрогнув, ведите себя, как подобает мужчинам! Окружаем дракона, избегая по возможности языков пламени, и отрубаем ему хвост! Боль, конечно, вынудит его бежать.

Лотарингцы осмелели и, укрепив позиции, стали ожидать приближения дракона. Он, однако, не спешил, оставаясь на том же расстоянии от врага.

Принц Восторгус обратился к дракону:

— Ты слышал их? Они собираются отрубить твой прекрасный хвост!

— Слышал, слышал,— проревел дракон.— Но у них ничего не получится, потому что их глупые слова меня сильно разозлили.

Он распахнул свою гигантскую пасть и с громовым раскатом изверг огромное облако густого зловонного газа. Оно по-

катилось в сторону врагов, а когда настигло их, все воины до единого повалились на землю, задыхаясь и кашляя. А те, кто не повалился, кинулись бежать с поля боя, бросая оружие и заботясь только о том, чтобы поскорей спастись от этой страшной вони.

На расстоянии нескольких миль от дракона армия, превратившись в беспорядочно улепетывающую толпу, была встречена войсками Поктесме, и лишь немногим из лотарингцев удалось спастись от смерти или плена.

— Вы по праву заслужили в жены мою прекрасную дочь, принц Восторгус,— провозгласил король Фарадэй,— и так как у меня нет сына, после моей смерти вы унаследуете мое королевство, как и, конечно, королевство вашего отца. И завоеванные вами земли Лотарингии тоже. Что же касается вашего дракона, он станет нашим национальным героем, если решится поселиться у нас. Мы будем кормить его отборным сеном и обеспечим маленькими зверушками, если ему придет охота ими полакомиться.

— Берни еще хотел бы иметь парочку жен,— застенчиво сказал принц.

— Даже это организуем,— кивнул король,— если он, конечно, приучится владеть своими чувствами. В некоторой степени.

Во время свадебной церемонии принц Восторгус наступил на шлейф невесты не более двух раз. Позже, навестив дракона в конюшнях, он сказал:

— Это не важно. На самом деле именно фея Неуместность сделала возможными наши подвиги. Из-за своей неуклюжести я угодил тебе на спину, а твое зловонное дыхание погубило вражескую армию. Так-то, а теперь мне пора к жене.

Как впоследствии оказалось, в первую брачную ночь принц отнюдь не показал себя неуклюжим, и они с принцессой Лореленэ жили долго и счастливо.

Надеяться было не на что. Сибелий Хопкинс нашел самые простые слова:

— Либо мы получим согласие марсиан, либо нам конец.

Настроение царило настолько мрачное, что не хотелось даже дышать.

— Нельзя было предоставлять автономию колонистам, — проворчал Ральф Колодни.

— Согласен, — кивнул Хопкинс. — Кто хочет отправиться на двадцать восемь лет назад и изменить ход истории? Марс имеет суверенное право решать, как должна использоваться его территория, и с этим ничего не поделаешь.

— А может, попробуем в другом месте? — предложил Бен Девере, самый молодой член экипажа, не успевший стать законченным циником.

— Нет других мест, — отрезал Хопкинс. — Если ты до сих пор не понял, насколько опасны эксперименты с гиперпространством, полистай школьные учебники. На Земле они невозможны. Даже Луна застроена. Космические поселения слишком малы в силу трех основных законов. По крайней мере еще двадцать лет мы не сможем выбраться за пределы Марса. Подходит только Марс, причем идеально. Он практически пуст. Здесь слабое притяжение и разреженная атмосфера. Низкая температура. Все, что надо для гиперпространственных полетов... кроме колонистов.

— Как сказать, — произнес молодой Девере. — Люди — забавные существа. Если мы поведем правильную игру, они могут проголосовать за гиперпространственные эксперименты на Марсе.

— Попробуй тут поведи правильную игру,— проворчал Хопкинс.— Оппозиция давно заблокировала Марс старой деревенской песенкой:

Нет, нет, тысячу раз нет!
Не получишь ласки моей никогда!
Нет, нет, тысячу раз нет!
Лучше я умру, чем скажу тебе «да»!

— Марс помешался на этой мелодии,— упрямо добавил он.— Ее втемяшили в мозги колонистов. Они автоматически проголосуют против экспериментов с гиперпространственными полетами, и мы не сможем полететь к звездам еще несколько десятков лет. А может, и дольше. Во всяком случае, при нашей жизни этого не случится.

Деверс задумчиво нахмурился:

— А что, если мы используем свою мелодию?

— Какую мелодию?

— Среди марсианских колонистов большой процент выходцев из Франции. Можно сыграть на этническом сознании.

— Какое этническое сознание? Они давно говорят на английском.

— На подсознание это не влияет,— сказал Девере.— Услышав древний национальный гимн Франции, колонисты испытывают ностальгию. Это боевая мелодия, а боевые мелодии всегда будоражат кровь, особенно сегодня, когда войн уже нет.

— Да, но слова уже давно ничего не значат,— возразил Хопкинс.— Ты их помнишь?

— Не все,— сказал Девере и пропел чистым тенором:

— Allons, enfants de la patrie,
La jour de gloire est arrive.
Contre nous de la tyrannie,
L'Etendard sanglant est leve*.

— Из тысячи марсиан ни один не поймет, о чем идет речь,— покачал головой Хопкинс.

---

* Вперед, дети родины,
Наступил день славы.
Против нас тирания развернула
Свое кровавое знамя (фр.).

— Какая разница? — воскликнул Девере. — Надо попробовать. Свою древнюю боевую песню они узнают и без слов. Она их расшевелит. Да и сама мелодия звучит победоносно. Не то что камерная: «Нет, нет...» Уверяю вас, боевая песня войдет в сознание каждого и вытеснит слезливую песенку отказа.

— Похоже, в этом что-то есть, — задумчиво произнес Хопкинс. — Надо только добавить несколько энергичных, сильных призывов, например: «Человечество, к звездам!», или: «Найди свою звезду», или: «Самая медленная наша скорость — быстрее света». И все это на фоне твоей мелодии.

— По-моему, — сказал Колодни, — «*la jour de gloir*» означает «день славы». Мы можем использовать эту строчку в призыве «день славы настанет, когда мы полетим к звездам». Если часто употреблять сочетание «день славы», марсиане могут проголосовать положительно.

— Слишком уж все легко получается, — мрачно проворчал Хопкинс, — но ничего другого нам, похоже, не остается. Давайте попробуем.

Так началась великая предвыборная борьба мелодий. Во всех куполообразных постройках Марса, от Олимпии до Долины Морей и дальше, в районах кратеров, с одной стороны звучало «Нет, нет, тысячу раз нет...», а с другой — «*Allons enfants de la patrie...*»

Энергичный ритм боевой песни имел несомненный успех. Он заглушал робкую песенку отказа, и Хопкинс был вынужден признать, что положительный результат голосования, который еще недавно был абсолютно нереален, обрел пусть крохотный, но шанс.

— Проблема заключается в том, — произнес Хопкинс, — что наша песня ни к чему не призывает. Их песня, какой бы дурацкой она ни была, по крайней мере, утверждает отказ «Нет... нет... нет!» А у нас просто мелодия. Да, она запоминается, ну и что? Кто из колонистов знает, что такое «*La jour de gloir*»?

Девере улыбнулся и сказал:

— Давайте подождем голосования. Мы ведь так решили? Наконец наступил решающий день.

ВОПРОС К ЧИТАТЕЛЮ

Что произошло в день голосования? Проголосовали марсиане «за» или «против»? Объясните свою точку зрения в любом случае.

К концу дня голосования Хопкинс почти утратил дар речи. Результат уверенно приближался к девяноста процентам в пользу «да». Сомнений в исходе выборов уже не оставалось.

Колонисты Марса проголосовали за то, чтобы их планета использовалась для экспериментов, благодаря которым люди рано или поздно полетят к звездам.

Наконец Хопкинс произнес:

— Что произошло? В чем причина нашего успеха?

— В мелодии. — Девере расплылся в улыбке. — Я все просчитал, но не хотел говорить, так как боялся, что информация попадет к нашим неприятелям. Не подумайте, что я не доверяю кому-либо из присутствующих, но я действительно допускал, что нашим противникам удастся нейтрализовать старую боевую песню.

— Объясни, наконец, в чем ее секрет? — спросил Хопкинс.

— Она несла в себе потайной смысл. Колонисты забыли французский язык и не поняли значения слов, но они наверняка знали название этой боевой песни. Оно звучало в их сознании каждый раз, когда они слышали или сами напевали мелодию.

— Ну и что?

— А то, — улыбнулся Девере, — что название песни звучит как «Марс сказал „да!“».

НАРОДЫ В КОСМОСЕ
(СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА)

Как известно, народы Гладовии и Саронина на протяжении многих веков считались заклятыми врагами. В Средние века каждому из них довелось брать верх над соперником, и оба народа с горечью помнили все тяготы угнетения. Даже в крупнейших войнах двадцатого века нации сражались на противоположных сторонах.

За опустошительными войнами последовало мирное столетие. Гладовия и Саронин тоже не воевали, но относились друг к другу с презрением и насмешкой.

И вот наступил 2080 год. Вокруг Земли вращались запущенные в космос энергетические станции. Они собирали солнечную энергию и передавали ее при помощи микроволн народам планеты.

Последнее обстоятельство существенно изменило жизнь людей. Поступающая в неограниченных количествах солнечная энергия позволила значительно сократить потребление ископаемых горючих материалов, что, в свою очередь, уменьшило опасность парникового эффекта (хотя и породило опасность тепловой поллюции).

Появление нового источника энергии и контроль за рождаемостью подняли уровень жизни. Решилась продовольственная проблема, разумнее стали распределяться ресурсы, короче говоря, наступила эра процветания и довольства.

Неизменным осталась лишь неприязнь гладовиан к гражданам Саронина и ненависть саронинцев к Гладовии.

Разумеется, солнечные станции нуждались в человеческом надзоре и управлении. Несмотря на высокий уровень автоматизации и широкое применение роботов, люди должны были периодически осматривать и инспектировать состояние орбитальных комплексов, следить за тем, чтобы крошечные частицы космического мусора или порывы солнечного ветра не влияли на работу компьютеров и самих роботов.

Отобранные для работы на станциях люди регулярно заменялись, чтобы эффект невесомости не сказывался на здоровье. После проведенной на орбите смены следовал период длительного отдыха на Земле.

По чистой случайности в экипаже космического обслуживания (так они назывались) летом 2080 года среди прочих специалистов оказались двое гладовиан и двое саронинцев. В процессе работы исконным врагам пришлось трудиться рука об руку. Они добросовестно делали все, что положено, стараясь, однако, свести общение до минимума.

Однажды более молодой по возрасту гладовианин по имени Томач Бригон подошел к своему старшему земляку Хамишу Мансе и, сдержанно улыбаясь, сообщил:

— Ну вот. Этот придурок саронинец наконец-то прокололся.
— Который? — поинтересовался Манса.
— Тот, чье имя звучит как шипение змеи. Я не могу передать это дурацкое сочетание. Представь себе, тупорылый саронинец запарол компьютер А-пять.

— Результат? — встревоженно спросил Манса.

— Пока никакого. Но как только плотность солнечного ветра превысит уровень в одну и три десятых, отключится половина энергетических установок и сгорит несколько компьютеров.

— Что ты предпринял? — Глаза Мансы едва не вылезли из орбит.

— Ничего, — сказал Бригон. — Произошло это при мне. Все зафиксировано. Саронинец подтвердил, что именно он управляет компьютером. Теперь, когда полетят энергетические установки и сгорят компьютеры, весь мир узнает, что это сделал бестолковый саронинец. — Бригон с наслаждением потянулся и довольно произнес: — Планета придет в негодование, ненавистный саронинский народец будет презираем всеми без исключения.

— Да, но целая энергетическая система выйдет из строя! Поставки энергии на Землю возобновятся в полном объеме лишь через несколько месяцев, а может быть, через год или два.

— Достаточно, чтобы всем миром стереть с лица земли саронинцев. Тогда наш славный народ сможет занять по праву принадлежащие ему территории.

— Подумай сам, — сказал Манса. — При таких колоссальных энергетических потерях люди попытаются оградить себя от последствий катастрофы. Никому не придет в голову мстить.

Остановятся промышленные предприятия, нависнет угроза голода, отчаявшиеся люди начнут бороться за источники энергии... Наступит всеобщий хаос!

— Тем хуже для Саронина...

— Но хаос поразит и Гладовию. Наш славный народ зависит от солнечной энергии, как и все население Земли. Наступит всемирная катастрофа, от которой Гладовия может пострадать даже больше, чем Саронин. Никто не знает, чем закончится дело.

У Бригона отвисла челюсть, он растерянно произнес:

— Ты в самом деле так считаешь?

— Конечно. Немедленно иди к этому типу, чье имя звучит как шипение змеи, и попроси его перепроверить свою работу. Не надо говорить, будто ты знаешь, что он ошибся. Просто ты там был, а потом у тебя вдруг возникли сомнения. Когда он исправит ошибку, не издевайся над ним. Это может оказаться опасным. И поторапливайся! Ради славного народа Гладовии! И конечно, всего остального мира.

У Бригона не было другого выбора. Он сделал, как ему велели, и несчастье было предотвращено.

МОРАЛЬ:

Люди всегда любят себя больше других. Но в мире все настолько сложно и взаимосвязано, что, причиняя вред одному, ты вредишь всем, и лучшим проявлением любви к себе становится любовь ко всему миру.

Джонас Уиллард посмотрел по сторонам и постучал жезлом:

— Теперь понятно? Это лишь тренировочная сцена, и ее назначение — выяснить, понимаем ли мы, чем занимаемся. Мы отработывали ее достаточно долго, и на сей раз я ожидаю профессионального исполнения. Приготовиться. Всем приготовиться.

Он вновь посмотрел по сторонам. Трое сидели за синтезаторами голосов, еще трое — за аппаратами проекции образов. Седьмой отвечал за музыку, а восьмой — за фон. Остальные отошли в сторону, дожидаясь своей очереди.

— Хорошо, — продолжил Уиллард. — Помните, старик всю свою жизнь был тираном. Он привык, что любая его прихоть мгновенно исполняется, а когда он хмурится, все сразу дрожат. Ныне все это в прошлом, но он об этом пока не знает. Ему противостоит дочь, которую он считает покорной девушкой, согласной выполнить любое его желание, и никак не может поверить, что теперь перед ним властная королева. Итак, начинаем с короля.

Возник Лир — высокий, седой, слегка растрепанный, с резким и пронзительным взглядом.

— Не сутулить его, не сутулить, — сказал Уиллард. — Ему восемьдесят лет, но он не считает себя старым. Пока что. Выпрямите ему спину, он король до последнего дюйма. — Фигура изменилась. — Вот так, хорошо. И голос должен быть сильным, а не дрожащим — пока. Понятно?

— Понятно, шеф, — кивнул звуковик, отвечающий за голос Лира.

— Прекрасно. Теперь королева.

Возникла королева — чуть пониже Лира, идеально «выполненная», как статуя, каждая складочка платья строго на месте. Ее красота казалась холодной и непрощающей, как лед.

— А теперь шут.

Появился худой и хрупкий человечек, похожий на испуганного подростка, если бы не его взрослое лицо, где доминировали пронзительные глаза — такие большие, что словно занимали все лицо.

— Прекрасно,— сказал Уиллард.— Подготовьте Олбани, он очень скоро появится. Начинаем сцену.— Он вновь постучал по подиуму, бросил быстрый взгляд на лежащую перед ним исчерпанную пьесу и произнес: — Лир! — Жезл Уилларда плавно качнулся на звуковика Лира, указывая каденцию речи, которую он хотел услышать.

— Здравствуй, дочка,— произнес Лир.— Чего бровь насупила? Часто ты стала хмуриться*.

Его прервал голос шута, писклявый, словно дудочка:

— Молодец ты был раньше — чихать тебе было на ее хмурость...

Королева Гонерилья медленно повернулась к шуту, и ее глаза на мгновение вспыхнули огнем, но эта вспышка была столь краткой, что зрители скорее уловили впечатление, чем заметили сам факт. Шут завершил свой монолог со все нарастающим страхом и, пятясь, укрылся за фигурой Лира, отыскивая хоть какую-то защиту от этого яростного взгляда.

Гонерилья заговорила с Лиром о делах в государстве, и во время ее монолога слышалось тихое потрескивание льда, а едва слышимая музыка играла негромкими диссонансами.

Требования Гонерильи соответствуют этой атмосфере, потому что она хочет привести придворные дела в порядок, а порядка нечего и ждать, пока Лир продолжает считать себя тираном. Но Лир не в том настроении, чтобы прислушиваться к доводам. Он поддается гневу и начинает бушевать.

Входит Олбани. Он консорт Гонерильи — круглолицый, простодушный, удивленно озирающийся по сторонам. Что тут про-

---

* Здесь и далее цитируется «Король Лир» в переводе О. Сороки. (Прим. перев.)

исходит? Он полностью под каблуком властной жены и гневливового тестя. Именно в этот момент Лир разражается одним из самых едких осуждений в истории литературы. Его реакция чрезмерна. Гонерилья пока еще не сделала ничего, чтобы заслужить *такое*, но Лир перегибает палку:

Услышь меня, великая природа!
Взываю к каре божией твоей.
Бесплодием ей запечатай чрево,
Деторождение в ней иссуши.
А если дашь ребенка этой твари,
То выроodka лютейшего, чтоб мучил
Ее без жалости и без конца,
Чтоб изморщил молодость ее,
Изрыл лицо горючими слезами,
Чтоб радости и боли материнства
В издевку обратил и в едкий смех,—
Чтобы почувствовала на себе,
Насколько злей змеиного укуса
Неблагодарность детища.

Звуковик усилил в этом монологе голос Лира и снабдил легким шипением, а тело его стало выше и каким-то менее осязаемым, словно превратилось в мстительную фурию.

Гонерилья же на протяжении всего монолога не шелохнулась, не дрогнула, не шагнула назад, но ее прекрасное лицо, не меняясь явно, словно накапливало в себе зло, и к концу произнесенного Лиром проклятия стало застывшим, как у архангела — но у архангела павшего. С него сползли любые остатки жалости, осталась только опасная дьявольская величественность.

Дрожащий шут все это время прятался за Лиром. Олбани олицетворял собой смущение, задавал бессмысленные вопросы, ему хотелось встать между двумя антагонистами, но он откровенно боялся это сделать.

— Хорошо, — произнес Уиллард, постучав жезлом. — Сцена записана, и теперь я хочу, чтобы все ее просмотрели. — Он поднял жезл, и синтезатор, расположенный возле задней стены студии, начал воспроизводить запись.

Ее смотрели молча, затем Уиллард сказал:

— Получилось хорошо, но, думаю, вы согласитесь, что недостаточно хорошо. Прошу всех выслушать меня внимательно, чтобы я смог объяснить, что мы сейчас попробуем сделать. Всем

вам известно, что компьютеризованный театр далеко не новинка. С голосами и изображениями научились работать так, что результат превосходит возможности актеров-людей. Уже не надо прерывать монолог, чтобы сделать вдох; диапазон и качество голосов почти неограниченны, а синтетические образы можно менять, подстраивая их под слова и действия. Однако до сих пор эти возможности использовали, можно сказать, по-детски. Мы же намерены создать первую серьезную компьютерную драму в мире, и меня — не знаю, как вас, — устроит только один результат — превосходный. Я хочу поставить величайшую пьесу, написанную величайшим драматургом в истории: «Король Лир» Уильяма Шекспира.

Я желаю, чтобы ни одно слово не было изменено или опущено. Я не хочу модернизировать пьесу. Не хочу удалять архаизмы, потому что в пьесе — в том виде, как она написана, — звучит восхитительная музыка, и любые изменения ее исказят. Но как нам в таком случае довести ее до широкой публики? Я имею в виду не студентов, не интеллектуалов, а всех. Я говорю о людях, никогда прежде не смотревших Шекспира и чье представление о хорошей пьесе сводится к пошлому мюзиклу. Эта пьеса действительно местами архаична, и люди действительно не разговаривают пятистопным ямбом. Зрители не привыкли слышать его даже на сцене.

Поэтому мы должны перевести для них архаику и все непривычное. Голоса, чьи возможности превышают человеческие, станут интерпретировать слова тембром и ритмом. Меняющиеся образы усилят воздействие слов.

Сейчас мне понравилось, как менялось лицо Гонериллы, когда Лир произносил проклятие. Зритель сумеет оценить, какой разрушительный эффект произвело на нее проклятие, хотя железная воля королевы удержала ее от словесного выражения своих чувств. Следовательно, зритель ощутит этот разрушительный эффект и на себе, пусть даже некоторые слова Лира прозвучат для него странно и архаично.

Поэтому не забудьте, что шута следует делать старше при каждом его появлении на сцене. Он и так с самого начала выглядит слабым, болезненным человечком, его сердце разбито после потери Корделии, он напуган смертями Гонериллы и Реганы, потрясен бурей, от которой Лир, его единственный защитник, не

смог его защитить, — а под бурей я подразумеваю и погоду, и реакцию дочерей Лира. И когда он последний раз выходит на сцену в шестой сцене третьего акта, зрителю должно стать ясно, что шуту предстоит умереть. Шекспир этого не говорит явно, и про это должно сказать лицо самого шута.

Однако с самим Лиром придется еще поработать. Его голосу совершенно правильно придали некоторое шипение. Лир брызжет ядом; это человек, у которого после утраты власти не осталось ничего, кроме злобных и резких слов. Он стал коброй, не способной нанести удар. Но это шипение должно стать заметным не ранее определенного момента. Меня больше интересует фон.

За фон отвечала женщина по имени Мэг Кэткорт. Она занималась созданием фона с самого зарождения технологии компьютерной драмы.

— И какой же фон вам нужен? — небрежно поинтересовалась Кэткорт.

— Змеиный мотив, — ответил Уиллард. — Создайте его, и можно будет уменьшить шипение в голосе Лира. Разумеется, я не хочу, чтобы вы продемонстрировали зрителю змею. Это настолько очевидно, что не сработает. Мне нужна змея, которую зрители не увидят, но смогут ощутить, не совсем понимая, почему у них возникает это ощущение. Я хочу, чтобы они знали, что змея здесь есть, не понимая, откуда она взялась; тогда это напугает их до глубины души — а это именно то чувство, которое должен вызвать монолог Лира. Так что когда начнем переделывать эту сцену, Мэг, выдайте нам змею, которая на самом деле не змея.

— И как это сделать, Джонас? — спросила Мэг, считая себя вправе обращаться к нему по имени. Она знала себе цену и была уверена, что Уиллард ее тоже знает.

— Понятия не имею. Если бы имел, то был бы специалистом по фону, а не каким-то паршивым директором. Я знаю лишь, что хочу. А воплотить мои желания — ваша работа. Мне нужны извивы длинного тела, образ змеиных чешуек — но до определенного момента. Вспомните, как Лир произносит: «Насколько злей змеиного укуса неблагодарность детища». В этих словах мощь. К ним подводит весь его монолог, и это одна из самых знаменитых цитат из Шекспира. И эта фраза шипящая. В ней есть «с» в «насколько» и «укусе» и «з» в «злей» и «змеиного». Такое можно прошипеть. Если как можно больше сдерживать ши-

пение во всех его предыдущих словах, то тут его можно выдать на полную катушку, сфокусировать его на лице Лира, придать его словам ядовитость. А на этом фоне может появиться змея — хотя словами про нее ничего не говорится. Мгновенная вспышка, образ распахнутой змеиной пасти, и еще зубы, зубы — когда Лир произносит «змеиного укуса», должны на долю секунды появиться зубы.

Уиллард внезапно почувствовал, что очень устал.

— Ладно, — сказал он. — Попробуем снова завтра. Я хочу, чтобы каждый из вас мысленно прошелся по всей сцене и попытался выработать стратегию будущей работы. Все ваши задумки должны взаимно состыковываться, поэтому советую пообщаться друг с другом и все предварительно обговорить, а самое главное — прислушиваться ко мне, потому что я не работаю за инструментом и представляю пьесу целиком. И если я кажусь вам тираном не хуже Лира, что ж — такая у меня работа.

Уиллард приближался к сцене бури, к самой трудной части этой труднейшей пьесы, и ощущал себя полностью выжатым. Дочери выгнали Лира на улицу в сопровождении одного лишь шута, под ураганный ветер и проливной дождь, и от такого обращения он едва не сошел с ума. Ему даже буря показалась лучше дочерей.

Уиллард указал жезлом, и появился Лир. Новый взмах — и возник шут, цепляющийся за левую ногу Лира. После следующего взмаха загремела буря — выл ветер, хлестал дождь, вспыхивали молнии, и громыхал гром.

Разбушевавшаяся стихия невольно притягивала к себе внимание, но и фигура Лира начала увеличиваться, пока не стала огромной, как гора. Буря его эмоций не уступала буре природной, и его голос перекрывал вой ветра. Его тело утратило осязаемость и начало колыхаться на ветру, словно превратилось в грозовую тучу и состязалось на равных с безумием атмосферы. Лир, преданный дочерьми, бросал вызов буре и голосом, перекрывающим возможности человеческого, взывал к ней:

Дуй, ураган, пока не треснут щеки!
Дуй! Свирелей! Ярься!
Клубитесь, хляби земные и небесные,
Пока не захлебнутся флюгера на башнях!

Вы, молнии,— огненные вещуны
 Раскалывающих дубы ударов,—
 Спалите белые мои седины!
 Ты, всесокрушающий гром, разбей в лепешку
 Брюхатый шар земли, размолоти
 Природы кладовую, уничтожь
 Неблагодарное людское семя!

Его прерывает шут, чей пронзительный дрожащий голосс делает слова Лиры более героическими по контрасту. Он умоляет Лира вернуться в замок и помириться с дочерьми, но Лир его даже не слышит и продолжает греметь:

Греми, хлещи, раскатывай, рази!
 Я не отец ни молниям, ни вихрю.
 Я не давал вам царств, не звал детьми.
 Я не виню вас — тешьтесь надо мной,
 Одряхшим, презиаемым и слабым.
 И все же неужель не стыдно вам
 С двумя мерзавками объединяться
 Против седой и старой головы?
 О, это подло, по-холопы подло!

Граф Кент, верный слуга Лира (хотя король изгнал его в припадке ярости), отыскивает Лира и пытается отвести хоть в какое-то укрытие. После интерлюдии в замке графа Глостера действие возвращается к Лиру, и его приводят — вернее, затаскивают — в хижину.

И тут Лир наконец начинает думать о других. Он настаивает на том, чтобы шут вошел в хижину первым, а затем бродит вокруг, размышляя (несомненно, впервые в жизни) об участии тех кто не является королем или придворным.

Его изображение становится меньше, а дикость на лице сглаживается. Он подставляет лицо дождю, а слова его кажутся отстраненными и исходящими как бы не совсем от него, словно он прислушивается к кому-то другому, произносящему его монолог. Ведь говорит, в конце концов, не прежний Лир, а новый и лучший Лир, очищенный и изменившийся после страданий. Встревоженный Кент смотрит на него и пытается увести в хижину, а Мэг Кэткорт, заставив развеяться на ветру их лохмотья, удается создать впечатление, будто оба они нищие. Лир говорит:

Вы, голытьба
Бездомная, бездомная, — все те,
Кого сейчас нещадно хлещет буря!
Как терпят эту злую непогоду
Ваши оголодалые тела,
Глядящие в прорехи, в окна рубишь?
О том я не заботился. Лечись,
Роскошество, подставь бока, почувствуй,
Что чувствует под бурей нищета,
И с нею свой избыток раздели,
Чтоб стала явью правосудность неба.

— Неплохо, — сказал через некоторое время Уиллард. — Мы схватываем идею. Только вот что, Мэг, — одних лохмотьев недостаточно. Можешь ты создать впечатление пустых глаз? Не слепых, а пустых — глаза есть, но они глубоко запали.

— Думаю, что смогу, — ответила Кэткарт.

Уилларду с трудом в это верилось. Денег тратилось больше, чем он ожидал. Времени уходило значительно больше, чем он ожидал. И общая усталость оказалась гораздо больше, чем он ожидал. Но все же проект приближался к завершению.

Ему еще предстояло записать сцену примирения — настолько простую, что она требовала самых деликатных штрихов. Там не будет ни фона, ни искусственно измененных голосов или образов, потому что здесь Шекспир становился простым. Ничего, кроме простоты, и не требовалось.

Лир теперь стал просто стариком. А отыскавшая его Корделия — просто любящей дочерью, без королевской величественности Гонерильи и жестокости Реганы.

Лир, в котором выгорело безумие, постепенно начинает осознавать ситуацию. Поначалу он едва узнает Корделию, считая, что он умер, а она — небесный дух. Не узнает он и верного Кента.

Когда Корделия пытается вернуть ему здравомыслие, он говорит:

Не смейтесь надо мной. Я глуп, я стар,
Мне за восемьдесят... ни часом больше,
Ни меньше... Надо напрямик сказать —
Я, видно, не в себе.
Как будто бы узнал я вас, его,

Но сомневаюсь — ибо не пойму я,
Куда попал, и, хоть убей, не вспомню
Одежды этой — и где ночевал.
Не смейтесь только, но мечом поклялся б:
Она — моя Корделия.

Корделия говорит, что это она, и Лир отвечает:

А слезы твои мокры? Мокры впрямь.
Не плачь, не надо. Яду дашь — я выпью.
И как меня любить? Ведь, помню, сестрам
Твоим я ненавистен без причин.
А у тебя причина есть.

И бедная Корделия способна ответить лишь: «Нет! Нет причины!»

Наконец настал момент, когда Уиллард смог глубоко вдохнуть и сказать:

— Мы сделали все, что могли. Остальное в руках публики.

Год спустя Уиллард, теперь уже самая знаменитая личность в мире индустрии развлечений, встретился с Грегори Лаборианом. Произошла эта встреча почти случайно и в основном благодаря усилиям их общего знакомого.

Он поздоровался с Лаборианом, изобразив всю вежливость, на какую был способен, и тут же многозначительно скосил глаза на часы-полоску на стене.

— Не хочу показаться вам невежливым или негостеприимным, господин... э-э... но я действительно очень занятой человек, и у меня мало времени.

— Не сомневаюсь, но именно поэтому мне захотелось с вами встретиться. Вы, разумеется, собираетесь поставить еще одну компьютерную драму.

— Конечно собираюсь, но, — и Уиллард сухо усмехнулся, — очень нелегко подобрать материал на уровне «Короля Лира», а я не намерен выдать публике нечто такое, что выглядело бы откровенной халтурой.

— А что, если вы никогда не найдете материал, способный сравниться с «Королем Лиром»?

— Я уверен, что никогда его не найду. Но я подыщу что-нибудь.

— А у меня есть это что-нибудь.

— Вот как?

— У меня есть роман, который можно превратить в компьютерную драму.

— Понятно. Но я не могу работать с выброшенным за борт материалом.

— Но я не предлагаю вам нечто из мусорной корзины. Роман был опубликован и довольно высоко оценен.

— Извините. Я не хотел вас обидеть. Однако когда вы представились, ваше имя показалось мне незнакомым.

— Лабориан. Грегори Лабориан.

— Нет, и сейчас не припоминаю. Я не читал ничего из написанного вами. И никогда о вас не слышал.

Лабориан вздохнул:

— Хотел бы я, чтобы вы были единственным, но это не так. Но я могу оставить роман, чтобы вы его прочли.

Уиллард покачал головой:

— Вы очень любезны, господин Лабориан, но я не хочу внушать вам ложных надежд. У меня нет времени его читать. И даже если бы оно у меня было — я просто хочу, чтобы вы поняли, — у меня нет на это желания.

— Но я могу заинтересовать вас, господин Уиллард.

— Каким же образом?

— Я вам заплачу. Я не считаю это взяткой, я лишь предлагаю вам деньги, которые вы более чем заслуживаете, если станете работать с моим романом.

— Кажется, вы не понимаете, господин Лабориан, как много денег требуется на создание первоклассной компьютерной драмы. Насколько я понимаю, вы не мультимиллионер.

— Нет, но я могу заплатить вам сто тысяч глободолларов.

— Если это взятка, то как минимум совершенно бессмысленная. За сто тысяч я не смогу сделать даже одной сцены.

Лабориан вновь вздохнул, и его большие карие глаза стали печальными.

— Понимаю, господин Уиллард, но если вы уделите мне еще пару минут... — добавил он, потому что взгляд Уилларда вновь скользнул по часам-полоске.

— Ладно, еще пять минут. Больше и в самом деле не могу.

— Больше и не потребуется. Я не предлагаю вам деньги на создание компьютерной драмы. Вы знаете, и я знаю, господин Уиллард,

что вы можете обратиться ко множеству людей в этой стране, сказать, что делаете компьютерную, и получить любую необходимую сумму. После «Короля Лира» вам никто не откажет и даже не спросит, что вы планируете сделать. Я предлагаю сто тысяч глободолларов лично вам.

— Тогда это и в самом деле взятка, а со мной такие номера не проходят. До свидания, господин Лабориан.

— Подождите. Я ведь предлагаю вам не электронный обмен. Я не хочу, чтобы я поместил свою денежную карточку в одну щель, а вы свою — в другую, и эти сто тысяч были бы переведены с моего счета на ваш. Я говорю о золоте, господин Уиллард.

Уиллард уже встал, готовый распахнуть дверь и выставить Лабориана, но, услышав последние слова, нерешительно застыл.

— Что значит «о золоте»?

— Я имел в виду, что могу получить в свое распоряжение сто тысяч глободолларов золотом — это около пятнадцати фунтов. Быть может, я не мультимиллионер, но неплохо зарабатываю, и эти деньги не краденые. Это будут мои личные деньги, которые я сниму со своего счета в виде золотых монет. Тут нет ничего противозаконного. Я предлагаю вам сто тысяч глободолларов монетами по пятьсот глободолларов — двести штук. Золото, господин Уиллард.

Золото! Уиллард задумался. Деньги, когда дело касалось электронного обмена, не означали ровным счетом ничего. После достижения определенного уровня доходов они переставали порождать ощущение богатства или нищеты. Мир превратился в набор пластиковых карт (каждая закодирована на ДНК владельца) и щелей, куда эти карты вставляли, и весь мир переводил, переводил, перечислял, перечислял...

Но золото — штука совсем иная. Его можно потрогать. Каждая монета что-то весит. Кучка блестящих монет попросту красива. Уиллард никогда не видел золотой монеты и уж тем более не держал ее в руке. А тут целых двести штук!

Деньги ему не были нужны. Но вот золото...

— А что это за роман, о котором вы говорили? — спросил он, слегка устыдившись собственной слабости.

— Фантастика.

— Я никогда не читал фантастику, — скривился Уиллард.

— Значит, настало время расширить ваш кругозор, господин Уиллард. Прочтите мой роман. Если вы представите, что между каждыми двумя страницами лежит по золотой монете, как раз и получится две сотни.

И Уиллард, еще больше презирая себя за слабость, спросил:

— А как называется ваша книга?

— «Три в одном».

— И у вас есть экземпляр?

— Я принес его с собой.

Уиллард протянул руку и взял книгу.

Назвав себя занятым человеком, Уиллард ничуть не покривил душой. Время прочитать книгу он выкроил лишь через неделю, хотя его и манили две сотни мерцающих золотых монет.

Затем он посидел и немного подумал. Потом позвонил Лабориану.

На следующее утро Лабориан вновь сидел в офисе Уилларда.

— Мистер Лабориан, я прочитал вашу книгу,— грубовато произнес Уиллард.

Лабориан кивнул, не в силах скрыть тревогу в глазах.

— Надеюсь, она вам понравилась, господин Уиллард?

— Более или менее. Я вам говорил, что никогда не читал фантастику, поэтому не могу судить, насколько она хороша в рамках своего жанра...

— Но разве это имеет значение, если вам понравилось?

— Не уверен, что понравилось. Я не привык к текстам подобного рода. В вашей книге речь идет о существах трех полов.

— Да.

— Вы назвали их Рациональный, Эмоциональная и Родительский.

— Да.

— Но вы не описали их.

— Я не стал их описывать, господин Уиллард,— смутился Лабориан,— потому что не сумел. Это инопланетные существа, воистину чужие для нас. И я не захотел изобразить их чужаками, просто снабдив их синей кожей, парой антенн или третьим глазом. Видите ли, я хотел, чтобы они остались неописанными, поэтому и не стал их описывать.

— Получается, что вам не хватило воображения?

— Н-нет. Я не стал бы так говорить. Скорее мне не хватает такого *вида* воображения. Я вообще никого не описываю. Если бы я стал писать рассказ о вас и обо мне, то, скорее всего, не стал бы утруждаться описанием любого из нас.

Уиллард уставился на Лабориана, даже не пытаясь замаскировать презрение. Он подумал о себе. Среднего роста, располневший в талии, что следует подправить, с намеком на двойной подбородок и родинкой на правом запястье. Светло-каштановые волосы, темно-синие глаза, нос картошкой. Неужели так трудно это описать? Да такое по силам любому. А если у тебя вымышленный персонаж, то представь кого-нибудь реального и валяй, описывай.

Вот сидит Лабориан — смугловатое лицо, тугие черные кудри, вид такой, словно ему не мешало бы побриться (наверное, он все время так ходит), кадык заметно выдается, на правой щеке небольшой шрам, довольно большие карие глаза — единственная приятная особенность его лица.

— Я вас не понимаю,— сказал Уиллард.— Что вы вообще за писатель, если не в состоянии ничего описать? О чем вы пишете?

Лабориан мягко заговорил, и стало ясно, что ему не впервые приходится защищаться от подобных обвинений:

— Вы прочитали «Три в одном». У меня написаны и другие романы, и все в том же стиле. В основном разговоры. Когда я пишу, то ничего не представляю; я слышу, и мои персонажи в основном обсуждают идеи — конфликтующие идеи. В этом отношении я силен, и моим читателям это нравится.

— Пусть так, но куда это заводит *меня*? Я не могу создавать компьютерную драму, отгалкиваясь от одних разговоров. Мне нужно создавать образы, звуки и подсознательные внушения, а здесь работать попросту не с чем.

— Значит, вы решили сделать «Три в одном»?

— Нет, даже если мне не с чем будет работать. Подумайте сами, господин Лабориан, подумайте! Этот Родительский — он же тупица!

— Не тупица,— нахмурившись, возразил Лабориан.— Он целеустремленный. В его сознании есть место только для детей, как реальных, так и потенциальных.

— Тупой! Если вы не употребили это слово по отношению к Родительскому в романе, а я сейчас не могу вспомнить, так оно

или нет, то у меня возникло именно такое впечатление. Он кубический. Это так?

— Ну, во всяком случае, простой. Прямые линии. Прямые углы. Не кубический. Больше в длину, чем в ширину.

— А как он передвигается? У него есть ноги?

— Не знаю. Честно говоря, даже не задумывался над этим.

— Хм-м. А Рациональный? Он умен, понятлив и быстр. Каков он? Яйцеобразный?

— Согласен. Я над этим тоже не задумывался, но согласен.

— И тоже без ног?

— Я их не описывал.

— Теперь последняя из троицы. Ваш «женский» персонаж, поскольку остальных вы именуете «он».

— Эмоциональная.

— Правильно, Эмоциональная. У вас она получилась лучше.

— Разумеется. Над ней я думал больше всего. Она пытается спасти разумную жизнь — то есть нас — на чужой для них планете, Земле. Симпатии читателей должны быть на ее стороне, хотя она и терпит неудачу.

— Насколько я понял, она похожа на облачко, не имеет постоянной формы и способна сжиматься и расширяться.

— Да-да. Совершенно верно.

— Она скользит над землей или плывет по воздуху?

Лабориан подумал, затем покачал головой:

— Не знаю. Придумайте сами, когда дело дойдет до нее.

— Понятно. А как насчет секса?

— Это очень важный момент, — с неожиданным энтузиазмом сказал Лабориан. — Во всех своих романах я упоминал секс лишь тогда, когда это становилось абсолютно необходимо, и даже в этих случаях мне удавалось обходиться без его описания...

— Вам не нравится секс?

— Почему же, нравится. Он просто не нравится мне в моих романах. Его вставляют в книги все подряд, и если честно, то, по-моему, для читателей его отсутствие в моих романах становится как бы освежающим — по крайней мере, для моих читателей. Должен вам напомнить, что мои книги пользуются большим успехом. Если бы это было не так, у меня не нашлось бы для вас ста тысяч глободолларов.

— Хорошо, хорошо. Я вовсе не пытаюсь заткнуть вам рот.

— Однако всегда находятся и такие, кто утверждает: я, мол, не включаю в романы секс, потому что ничего в нем не смыслю, поэтому я — наверное, из принципа — написал этот роман исключительно для того, чтобы доказать им, что я могу про него писать. Весь роман пронизан сексом. Но это, конечно же, чужой секс, не такой, как наш.

— Совершенно верно. Поэтому мне и хочется выяснить у вас подробности. Как все это происходит?

Лабориан на мгновение растерялся.

— Они сплавляются воедино.

— Да, вы использовали именно такое слово. Вы имели в виду, что они сливаются воедино? Проникают друг в друга?

— Пожалуй, да.

Уиллард вздохнул:

— Ну как вы могли писать книгу, не имея ни малейшего понятия о столь важной ее теме?

— У меня не было необходимости описывать детали. У читателя возникают собственные образы. Вам ли задавать подобный вопрос, когда компьютеры сейчас немыслимы без подсознательных внушений?

Уиллард сжал губы. Тут Лабориан оказался полностью прав.

— Ладно, они сливаются. Но как они выглядят после слияния?

— Я не стал затрагивать эту проблему,— покачал головой Лабориан.

— Но вы, конечно, понимаете, что я не смогу этого избежать?

— Да,— кивнул Лабориан.

Уиллард тяжело вздохнул и сказал:

— Послушайте, господин Лабориан, если я соглашусь делать такую компьютерную драму — а я пока еще не принял решение,— то стану делать ее исключительно по-своему. Я не потерплю никакого вмешательства с вашей стороны. Работая над романом, вы уклонились от такого количества авторских обязанностей, что я не могу позволить вам участвовать в творческом процессе, даже если у вас внезапно появится такое желание.

— Я это прекрасно понимаю, господин Уиллард. Я прошу лишь об одном: как можно ближе придерживаться сюжета и

диалогов. Что же касается визуальных, звуковых и подсознательных эффектов, то их я полностью оставляю на ваше усмотрение.

— Надеюсь, вы понимаете, что мы не можем ограничиться простым устным или письменным соглашением, которое кто-то из моих коллег полтора века назад назвал «не стоящим бумаги, на которой оно записано». Нам придется подписать контракт, составленный моими юристами и полностью исключаящий вас из участия в работе.

— Мои юристы будут рады с ним ознакомиться, но могу сразу заверить, что я не собираюсь прибегать к различным уверткам.

— И еще,— жестко произнес Уиллард,— я хочу получить аванс из той суммы, что вы мне предложили. Вдруг вы передумаете, а у меня нет настроения ввязываться в долгую судебную тяжбу.

Услышав это, Лабориан нахмурился:

— Господин Уиллард, те, кто меня знает, *никогда* не стали бы подвергать сомнению мою финансовую честность. Вы этого не знали, поэтому я прощаю вам подобное замечание, но прошу его не повторять. Какой аванс вы желаете получить?

— Половину,— бросил Уиллард.

— У меня есть предложение лучше. Как только вы договоритесь с теми, кто пожелает вложить деньги в создание компьютерной драмы, и как только мы подпишем контракт, я выплачу все сто тысяч даже прежде, чем вы начнете работу над первой сценой.

Глаза Уилларда широко раскрылись, и он не сумел удержаться от вопроса:

— Почему?

— Потому что хочу вас поторопить. Более того, если компьютерная драма окажется для вас слишком сложна, если у вас ничего не выйдет или, к моему невезению, возникнут обстоятельства, которые не позволят завершить работу, то вы сможете оставить эти сто тысяч себе. Это риск, на который я готов пойти.

— Почему? В чем здесь подвох?

— Никакого подвоха нет. Я делаю ставку на бессмертие. Я популярный писатель, но никто и никогда не называл меня великим. Скорее всего, мои книги умрут вместе со мной. Сделайте из моего романа компьютерную драму, сделайте ее хорошо, и тогда хотя бы

«Три в одном» станут жить дальше и заставят мое имя прогреметь в веках, — он печально улыбнулся, — или хотя бы несколько веков. Однако...

— Ага, — встрепенулся Уиллард. — Вот мы добрались и до «однако».

— Гм, да. У меня есть мечта, ради которой я готов на большой риск, но я все же не дурак. Я заплачу вам обещанные сто тысяч, и, даже если ничего не получится, вы сможете оставить их себе — однако вы получите их в электронной форме. Но *если*, однако, вы создадите продукт, который удовлетворит меня, то вы вернете мне электронный дар, а взамен я вручу вам сто тысяч глободолларов в золотых монетах. Вы в любом случае ничего не потеряете — за исключением того, что для художника вашего масштаба золото наверняка будет иметь гораздо большую ценность, чем записанные на карту цифры.

— Я все понял, господин Лабориан! Мне тоже предстоит рискнуть. Я рискую потерять зря немало времени и усилий, которые мог бы потратить на более «верный» проект. Я рискую, создавая компьютерную драму, которая может провалиться и погубить репутацию, заработанную после «Короля Лира». В моем бизнесе репутация у человека высока ровно настолько, насколько успешным оказался его последний продукт. Но я посоветуюсь кое с кем...

— Только конфиденциально, прошу вас!

— Разумеется! А затем мне придется серьезно подумать. Сейчас я готов согласиться на ваше предложение, но вы никоим образом не должны считать эти слова моим согласием. Пока что. Мы еще встретимся и поговорим.

Джонас Уиллард и Мэг Кэткарт встретились за ланчем на квартире у Мэг. Когда они пили кофе, Уиллард с явной нерешительностью человека, затрагивающего вопрос, который ему затрагивать не хочется, спросил:

— Ты прочитала книгу?

— Да.

— И что ты про нее думаешь?

— Не знаю, — ответила Кэткарт, взглянув на него из-под темной рыжеватой челки. — По крайней мере, недостаточно, чтобы судить.

— Значит, ты тоже не знаток фантастики?

— Ну, я читала фантастику, в основном про «мечи и колдовство», но ничего похожего на «Три в одном». Однако я слышала про Лабориана. Он пишет то, что называется «твердой научной фантастикой».

— Да, он подбросил нам весьма твердый орешек. Не знаю, как нам его раскусить. Эта книга, несмотря на все ее достоинства, не для меня.

— А откуда ты знаешь, что она не для тебя? — спросила Кэткарт, пристально глядя на Уилларда.

— Всегда важно знать предел своих возможностей.

— И ты с самого рождения знал, что не сможешь справиться с фантастикой?

— У меня на такое инстинкт.

— Это ты так говоришь. А почему бы тебе не представить, что можно сделать с тремя не описанными автором персонажами и что можно сделать на уровне подсознательных эффектов, а уже потом спрашивать инстинкт про то, что тебе по зубам, а что нет? Например, как бы ты изобразил Родительского, которого постоянно называют «он», хотя именно он вынашивает потомство? По-моему, это явная глупость.

— Ничуть, — мгновенно отозвался Уиллард. — Я согласен на «он». Лабориан мог бы изобрести третье местоимение, но оно наверняка прозвучало бы глупо и лишь развеселило бы читателя. Вместо этого он сохранил местоимение «она» для Эмоциональной. Она центральный персонаж и поразительно отличается от двух других. Это «она», примененное по отношению к ней, и только к ней, фокусирует на ней внимание читателя, а именно на ней оно и должно фокусироваться. Более того, на ней оно должно фокусироваться и в компьютерном драме.

— Значит, ты все же думал об этом, — улыбнулась она. — А я так бы этого и не узнала, если бы не уязвила тебя.

Уиллард неловко поерзал.

— Вообще-то, — сказал он, — Лабориан говорил что-то в этом духе, поэтому не могу утверждать, что идея здесь полностью моя. Но давай вернемся к Родительскому. Я хочу поговорить о нем с тобой именно по той причине, что если решусь попробовать, то все будет зависеть от подсознательных внушений. Родительский выглядит как блок, как прямоугольник.

— Кажется, в стереометрии такая фигура называется прямо-угольный параллелепипед.

— Меня совершенно не волнует, как эта фигура обзывается в стереометрии. Суть в том, что мы не можем изобразить просто блок. Нам нужно сделать из него личность. Родительский есть «он», который вынашивает детей, поэтому мы должны придать ему черты существа общего рода. Голос его не должен быть ни чисто женским, ни чисто мужским. Не уверен, что точно представляю нужные звучание и тембр, но, думаю, нам со звукооператором придется подобрать его методом проб и ошибок. Голос, разумеется, не единственная проблема.

— А какие еще?

— Ноги. Родительский перемещается с места на место, но в книге его конечности даже не упоминаются. Он должен иметь и эквивалент рук, потому что способен совершать определенные действия. Он похищает источник энергии, от которого подпитывается Эмоциональная, поэтому нужно придумать ему руки — не человеческие, но тем не менее руки. И ноги. Любое количество крепких коротких ног, чтобы быстро передвигаться.

— Как гусеница? Или как многоножка?

— Не очень-то приятные сравнения, правда? — поморщился Уиллард.

— Что ж, тогда мне придется создать подсознательный образ многоножки, не показывая ее реально. Просто понятие цепочки ног, этаких мерцающих закорючек, сделать их визуальным лейтмотивом Родительского и включать при каждом его появлении.

— Я понял твою мысль. Надо будет попробовать и посмотреть, что из этого получится. Рациональный — это овоид. Лабориан согласился с тем, что он может быть яйцеобразным. Можно изобразить, как он перекачивается с места на место, но такое решение, на мой взгляд, совершенно не годится. Рациональный гордится своим разумом, он полон достоинства. Он не может совершать смешные действия, а перекачивание смотрится смешно.

— Можно сделать ему плоский, но слегка выпуклый живот, и он станет на нем скользить, как пингвин.

— Или как улитка по слизи. Нет. Такое тоже не годится. Может, сделать ему три выдвижные ноги? Другими словами, в состоянии покоя он будет гордым и гладким овоидом, но, когда

захочет переместиться в другое место, у него появятся три крепкие ноги.

— Почему три?

— Это соответствует тройственному мотиву, объединяющему весь роман; три существа трех полов. Передняя нога упирается и поддерживает тело, а две задние выдвигаются с боков.

— Что-то вроде трехногого кенгуру?

— Точно! Сможешь создать подсознательный образ кенгуру?

— Попробую.

— Эмоциональная, разумеется, самая трудная из трех. Ну что можно сделать с существом в виде облачка газа?

Кэткорт задумалась, потом сказала:

— Как насчет идеи объемных драпировок? Их можно сделать колышущимися, как в «Лире» в сцене бури. Она будет ветром, воздухом, и изобразит это тонкая полупрозрачная ткань.

Уилларда привлекло такое предложение.

— Совсем неплохо, Мэг. А подсознательный образ... ты сможешь сделать Елену Троянскую?

— Елену Троянскую?

— Да! Для Рационального и Родительского Эмоциональная — прекраснейшая из всех существ. Они с ума по ней сходят. Вспомни о сильном, почти непреодолимом сексуальном притяжении — их эквиваленте секса. Надо, чтобы зрители ощутили его так, как ощущают его они. Если тебе удастся внушить им образ греческой женщины с гладко зачесанными волосами, в свободно ниспадающем одеянии — а оно станет прекрасно сочетаться с образом Эмоциональной — и сделать ее похожей на знакомые всем картины и скульптуры, то это и станет лейтмотивом Эмоциональной.

— Не так-то это просто. Даже кратчайшее вторжение человеческой фигуры в образ уничтожит все настроение.

— А ты этого не делай. Будет достаточно лишь намек. Это важно. Человеческая фигура действительно может уничтожить настроение, но нам придется на протяжении всей пьесы создавать *намек* на человеческие фигуры. Зрители должны воспринимать эти странные существа как людей. Обязательно.

— Я подумаю над этим, — с сомнением произнесла Кэткорт.

— Далее появляется новая проблема — слияние. Тройной сексуальный акт этих существ. Насколько я понял из книги, их

тела объединяются в единое целое, и Эмоциональная — ключ ко всему процессу. Без нее Рациональный и Родительский не могут слиться. Она — важнейший компонент процесса. Но этот дурак Лабориан, конечно же, не описывает его детально. Сама понимаешь, мы не можем показать, как Рациональный и Родительский бегут к Эмоциональной и запрыгивают на нее. Такая глупость мгновенно погубит всю компьютерную драму.

— Согласна.

— В таком случае — это только что пришло мне в голову — мы сделаем вот что: Эмоциональная начнет расширяться, ее ткань зашевелится и обовьет Рационального и Родительского. Тогда ткань их скроет, и мы не увидим, что именно за ней происходит, но все три существа станут сближаться все теснее и теснее, пока не сольются.

— Тогда нужно выделить движения ткани, — решила Кэткарт. — Она должна перемещаться как можно грациознее, создавая впечатление красоты, а не просто эротизма. И подчеркнуть эффект музыкой.

— Только не увертюрой из «Ромео и Джульетты», умоляю. Быть может, подойдет медленный вальс, ведь слияние займет много времени. И музыка не должна быть знакомой — я не желаю, чтобы зрители принялись ее напевать. И вообще лучше сделать ее прерывистой, пусть у зрителей возникнет лишь впечатление вальса, и этого вполне хватит.

— Но мы не увидим, как все получится, пока не попробуем.

— Все, что я сейчас говорю, — лишь исходные сырые идеи, их можно будет как угодно менять и переделывать по ходу работы. Да, а оргазм? Надо же его как-то обозначить.

— Цветом.

— Гм-м-м.

— Это лучше, чем звук, Джонас. Нельзя изобразить взрыв. Но и нечто вроде извержения — тоже. Цвет. Беззвучный цвет. Может получиться.

— А какой цвет? Но только не ослепительная вспышка.

— Нет, конечно. Попробую начать с нежно-розового, который станет медленно темнеть, а под конец резко превратится в насыщенный красный.

— Не уверен. Придется попробовать. Эффект должен стать безошибочным и трогательным и не заставлять зрителей хихи-

кать или испытывать смущение. Не исключено, что мы переберем все цвета и оттенки спектра, а под конец выяснится, что без подсознательных внушений ничего не выйдет. Теперь займемся тройным существом.

— Чем?

— Вспомни. После последнего слияния взаимопроникновение становится постоянным и порождает взрослую форму жизни, состоящую из трех исходных компонентов. Тут, как мне кажется, нужно придать им больше сходства с людьми. Запомни, не человеческий облик, а лишь сходство. Легкий намек на человеческое тело — и не только подсознательный. Потребуется новый голос, напоминающий три исходных, и я даже не представляю, как звуковик с этим справится. К счастью, тройные существа почти не появляются в романе. — Уиллард покачал головой. — Но все это подводит нас к тому печальному факту, что из этого проекта ничего не выйдет.

— Но почему? Ты же предлагал возможные решения самых разных проблем.

— Только не самой важной. Послушай! В «Короле Лире» все наши персонажи были людьми, да еще какими людьми! Буря эмоций. А что мы имеем здесь? Смешной набор из куба, овоида и занавески. И теперь скажи, чем «Три в одном» будет отличаться от мультфильма?

— Хотя бы тем, что мультфильм двумерен. Каким бы качественным ни был рисунок, он остается плоским и раскрашен без полутонов. Он неизменно сатиричен...

— Мне все это известно, и я спрашивал не об этом. Ты пропустила важное обстоятельство. То, что имеет компьюдрама, но не имеет мультфильм, — это подсознательные образы, которые могут быть созданы только мощным компьютером, подвластным гениальному программисту с гениальным воображением. Короче говоря, мультфильму не хватает *тебя*, Мэг.

— Но я никогда не зазнавалась.

— Не надо скромничать. Я пытаюсь тебе внушить, что все, буквально все, будет зависеть от тебя. Сюжет романа очень серьезен. Наша Эмоциональная пытается спасти Землю из чистого идеализма — ведь это не ее планета. И терпит поражение. В моей версии она тоже потерпит поражение. Никакой дешевки со счастливым концом не будет.

— Но все же Земля не уничтожена.

— Верно. Еще есть время ее спасти, если Лабориан соберется и напишет продолжение, но в *этом* романе ее попытка терпит крах. Это трагедия, и я хочу, чтобы к ней относились как к трагедии — не меньшей, чем в «Лире». Никаких смешных головочков, юмористических сценок, сатирических штрихов. Серьезно, серьезно и еще раз серьезно. И в этом я полностью полагаюсь на тебя. Именно ты должна сделать так, чтобы зритель реагировал на трех инопланетян, словно они люди. Все их странности должны постепенно раствориться, и зрители должны признать в них разумных существ, равных, а то и превосходящих нас по интеллекту. Сумеешь?

— Похоже, ты станешь на этом настаивать, — сухо отозвалась Кэткорт.

— И уже настаиваю.

— Тогда запускай шар в игру и оставь меня пока что в покое. Мне нужно время подумать. Много времени.

Первые дни съемок стали цепочкой откровенных неудач. Каждый член команды получил по экземпляру романа — осторожно, почти хирургически сокращенного. Но ни один эпизод не был полностью опущен.

— Мы станем как можно ближе придерживаться сюжета книги и по мере наших сил улучшать его по ходу дела, — уверенно заявил Уиллард. — А первым делом мы займемся тройными существами. — Он повернулся к главному звукооператору: — Ты над этим поработал?

— Я попытался сплавить три голоса в один.

— Давайте послушаем. Внимание, тишина в студии.

— Первым даю Родительского, — сообщил звуковик.

Послышался высокий тенор, совершенно не согласующийся с угловатой фигурой, созданной имажистом. Уиллард даже слегка поморщился от этого несоответствия, но Родительский и *был* ходячим несоответствием — матерью мужского рода. Рациональный, медленно покачивающийся на ходу, оказался владельцем несколько самодовольного легкого баритона и с подчеркнутой тщательностью произносил слова.

— Поменьше раскачивайте Рационального, — вмешался Уиллард, — а то у зрителей начнется морская болезнь. Пусть он покачивается не все время, а лишь когда размышляет.

Затем он кивнул, увидев колыхающееся облачко Дуа (так в романе звали Эмоциональную). Ее облик получился весьма удачным, равно как и голос — поразительно нежное сопрано.

— Она никогда не должна кричать, — сурово напомнил Уиллард, — даже когда охвачена страстью.

— Не будет, — пообещал звуковик. — Но когда я синтезировал голос тройного существа, фокус оказался в том, как сделать каждый из трех прежних голосом смутно узнаваемым.

Все три голоса звучали негромко, не очень четко выговаривая слова. Потом они словно сплелись, и четкость произношения сразу повысилась. Уиллард немедленно покачал головой:

— Нет, совершенно не годится. Нельзя просто переплести три голоса, иначе речь тройного существа станет смешной. Нам нужен один голос, в котором каким-то образом ощущаются три исходных.

— Легко сказать, — оскорбился звукооператор. — Но как это сделать?

— Очень просто, — жестко произнес Уиллард. — Прикажу тебе. Когда результат меня удовлетворит, я дам тебе знать. Так, Кэткарт... где Кэткарт?

— Я здесь, — отозвалась она, показываясь из-за своих инструментов. — Там, где и должна находиться.

— Мне не понравились подсознательные образы, Кэткарт. Насколько я понял, ты пыталась создать у зрителя впечатление мозговых извилин?

— Символ разумности. У этих инопланетян тройное существо есть вершина разумности.

— Да, понимаю, но вместо этого у меня возникло впечатление червей. Придется придумать что-то другое. Да и внешность тройного существа мне тоже не нравится. Он похож просто на большого Рационального.

— Но он и есть большой Рациональный, — возразил один из имажистов.

— Он именно так описан в книге? — резко спросил Уиллард.

— Не очень подробно, но у меня создалось впечатление...

— Забудь о своих впечатлениях. Решения тут принимаю я.

С каждым днем Уиллард становился все раздражительнее. Как минимум дважды он с трудом сдерживал эмоции, и второй

раз это произошло, когда он заметил в дальнем уголке студии какого-то человека, наблюдающего за съемками. Вспыхнув, он тут же направился к нему:

— Что вы здесь делаете?

— Смотрю, — ответил Лабориан.

— В нашем контракте записано...

— Что я не имею права вмешиваться в процесс. Но там не сказано, что я не могу спокойно сидеть и смотреть.

— Если вы останетесь, то наверняка огорчитесь. Компьюдрамы снимают по определенной технологии. Приходится преодолевать множество сложностей и неувязок, а съемочная группа начнет нервничать, если автор будет наблюдать и высказывать неодобрение.

— Я ничего не собираюсь высказывать. Я здесь только для того, чтобы ответить на ваши вопросы, если вы пожелаете их задать.

— Вопросы? Какие еще вопросы?

— Не знаю, — пожал плечами Лабориан. — А вдруг вас что-либо озадачит и вам потребуется мой совет.

— Понятно, — протянул Уиллард, не скрывая иронии. — Получается, вы сможете научить меня моему же ремеслу.

— Нет, я могу ответить на ваши вопросы.

— Прекрасно, у меня уже есть вопрос.

— Очень хорошо. — Лабориан достал из кармана диктофон. — Вам осталось лишь произнести в микрофон, что вы задаете мне вопрос и желаете, чтобы я ответил, причем это не станет нарушением контракта, и я к вашим услугам.

Уиллард долго молчал, глядя на Лабориана с таким выражением, словно ожидал от него подвоха, но все же произнес в диктофон нужные слова.

— Замечательно. Так что у вас за вопрос?

— Работая над книгой, вы хоть как-то представляли себе облик тройного существа?

— Совершенно не представлял, — радостно ответил Лабориан.

— Но как такое возможно? — Голос Уилларда дрожал от возбуждения, словно лишь сила воли не позволила ему добавить в конце слово «идиот».

— Да очень просто. То, что я не описываю, читатель домысливает сам. Полагаю, каждый делает это по-своему — так, как ему нравится. В этом преимущество писателя. Аудитория у компьютерной драмы может оказаться гораздо многочисленнее, чем число читателей книги, но за это вам приходится расплачиваться, создавая подробнейшие образы.

— Это я и без вас понимаю. Значит, спрашивал я вас зря.

— Ничуть. У меня есть совет.

— Какой же?

— Голова. Снабдите тройное существо головой. Ни Рациональный, ни Родительский и ни Эмоциональный не имеют головы, но все они считают тройное существо гораздо умнее любого из них. Именно в этом и заключается разница между тройным существом и его исходными компонентами. Интеллект.

— Голова?

— Да. Интеллект у нас ассоциируется с головой. В голове находится мозг, органы чувств. Безголовые устрицы или мидии — это моллюски, которые нам кажутся не разумнее травинки, но их родственника осьминога, тоже моллюска, мы воспринимаем как существо потенциально разумное именно из-за его головы. И глаз. Пусть у тройных существ будут еще и глаза.

К тому времени всякая работа в павильоне, разумеется, оставалась, и каждый из специалистов приблизился на безопасное, по его мнению, расстояние, чтобы послушать разговор директора и автора.

— Какая нужна голова? — спросил Уиллард.

— Какая вам понравится. Достаточно будет выступа или шишки, создающей *намек* на голову. И глаза. Зритель обязательно поймет идею.

Уиллард повернулся к помощникам.

— Всем за работу, — повелительно произнес он. — Кто объявлял перерыв? Где имажисты? Беритесь за дело, пробуем варианты голов.

Внезапно он обернулся и почти смущенно сказал Лабориану:

— Спасибо!

— Спасибо скажете, если получится, — пожал плечами Лабориан.

Остаток дня они потратили на головы, подбирая вариант, не выглядящий как карикатурная шишка и в то же время как копия

человеческой, а затем форму глаз — не удивленные кружочки, но и не зловещие щелочки. Наконец Уиллард объявил рабочий день завершенным и хрипло произнес:

— Завтра попробуем снова. Если кого-либо ночью осенит блестящая идея, звоните Мэг Кэткارت. Все, достойное внимания, она сообщит мне. Думаю, она так и не позвонит, — негромко пробормотал он.

Уиллард оказался и прав, и не прав. Прав в том, что блестящих идей ни у кого не появилось. А не прав потому, что такая идея родилась у него самого.

— Послушай, — сказал он Кэткарт, — ты можешь наколдовать цилиндр?

— Что?

— Это такая штука, которую носили на голове в викторианские времена. Понимаешь, когда Родительский проникает в логово тройных существ, чтобы украсть источник энергии, вид у него не очень впечатляющий, но ты мне говорила, что натолкнулась на идею шлема и длинной линии, символизирующей копье. Он как бы отправился в рыцарское странствие.

— Да, помню. Но из этого может ничего и не получиться. Мы же пока не пробовали.

— Конечно, но твоя идея подсказала нужное направление. Если ты сумеешь создать намек на цилиндр, то создастся впечатление, будто тройное существо — нечто вроде аристократа. Тогда точная форма головы и вид глаз станут не столь критичными. Такое можно сделать?

— Сделать можно что угодно. Вопрос лишь в том, сработает ли идея.

— Попробуем.

Как это всегда получается, одно потянуло за собой другое. Услышав о цилиндре, звукооператор спросил:

— А почему бы не снабдить тройное существо британским акцентом?

— Зачем? — не понял застигнутый врасплох Уиллард.

— Понимаете, когда британец говорит, в его речи больше тонов. По крайней мере, в речи верхних классов. Американская версия английского стала как бы более плоской, и это справедливо также для речи всех трех исходных существ. Если тройное

существо заговорит как британец, его голос заиграет подъемами и спусками интонаций — тенором, баритоном, а иногда даже сопрано. А именно это мы хотели выразить тремя голосами, из которых формируется голос тройного существа.

— Ты сможешь это сделать? — спросил Уиллард.

— Думаю, что да.

— Тогда попробуем. Совсем неплохо — если получится.

Было интересно наблюдать, как захватила всю группу работа над Эмоциональной, особенно сцена, когда Эмоциональная мчится через всю планету после краткой встречи с другими Эмоциональными.

— Эта сцена станет одной из самых драматичных, — напряженно говорил Уиллард. — И мы поставим ее с максимально возможным размахом. Повсюду будут мелькать ткани, ткани, ткани, но они ни в коем случае не должны перепутываться. Каждое существо должно быть четко видно. Даже когда все Эмоциональные разом полетят в сторону зрителей, каждая должна выделяться. А Дуа обязана выделяться среди всех. Я хочу, чтобы она чуточку поблескивала, чтобы отличаться от остальных. Она же наша Эмоциональная. Понятно?

— Понятно, — сказал главный имажист. — Сделаем.

— И еще одно. Все остальные Эмоциональные щебечут. Они птицы. Наша Эмоциональная не щебечет, она презирует остальных, потому что умнее их, и она это знает. А когда она мчится оттуда... — Он смолк и задумался. — Мы можем как-нибудь обойтись без «Полета валькирий»?

— Но мы не хотим отказываться от этой музыки, — без промедления ответил звуковик. — Ничего лучшего для этой цели еще не написано.

— Верно, — согласилась Кэткарт, — и пускать мы будем время от времени лишь короткие фрагменты. На слух они создадут тот же эффект, что и целое произведение, к тому же я могу добавить образ развевающейся гривы.

— Гривы? — с сомнением произнес Уиллард.

— Обязательно. Три тысячи лет общения с лошадьми вбили людям в головы, что мчащийся галопом жеребец есть олицетворение бешеной скорости. Все наши механические экипажи, несмотря на их огромную скорость, слишком статичны. И еще я

могу сделать так, чтобы грива лишь подчеркивала и усиливала эффект колыхающейся ткани.

— Звучит неплохо. Попробуем.

Уиллард знал, где его подкарауливает последняя преграда — в сцене слияния. Он собрал всех на инструктаж — отчасти чтобы убедиться, что все понимают, над чем они сейчас работают, а отчасти чтобы продлить время на обдумывание и оттянуть момент, когда идеи начнут воплощаться в звуки, образы и внушения.

— Итак, — сказал он. — Эмоциональная хочет спасти другую планету, то есть Землю, потому что ей невыносима мысль о бессмысленном уничтожении разумных существ. Она знает, что тройные существа выполняют научный проект, необходимый для благополучия *ее* мира, и их совершенно не волнует опасность, которой они подвергают чужой мир, то есть нас.

Она пытается предупредить землян, но безуспешно. Наконец она узнает, что цель слияния заключается в том, чтобы произвести на свет новых Рациональных, Родительских и Эмоциональных, а затем произойдет окончательное слияние, после которого они тоже станут тройным существом. Это всем понятно? Три различных пола — это как бы личиночная форма, а тройное существо — взрослая форма.

Но Эмоциональная не хочет слияния, она не хочет породить новое поколение. Больше всего ей не хочется становиться тройным существом и участвовать в начатой ими разрушительной работе. Однако ее хитростью вовлекают в окончательное слияние, и она слишком поздно понимает, что превратится не просто в тройное существо, а в то из них, которое больше остальных будет ответственно за научный проект, обрекающий другой мир на уничтожение.

Все это Лабориан сумел описать словами, словами и словами, но нам предстоит повторить его результат более быстро и резко, пользуясь образами и внушениями. Именно этим мы сейчас и попробуем заняться.

Они пробовали три дня, пока Уиллард не остался удовлетворен.

Измученная Эмоциональная, охваченная неуверенностью, отчаянно рвется наружу, а подсознательные внушения эту не-

уверенность нагнетают все больше и больше. Рациональный и Родительский уже наполовину слились, гораздо быстрее, чем при предыдущих слияниях, — они торопятся завершить процесс, пока его не прервала Эмоциональная, а та слишком поздно понимает, что это слияние окончательное, и вырывается... вырывается...

Все, конец. Обессиливающее ощущение поражения, когда после слияния возникает новое тройное существо, гораздо более близкое к человеку, чем любой другой персонаж компьютерной драмы... но гордое и безразличное.

Научный проект будет продолжен. Земля покатится все дальше навстречу гибели.

И вдруг непонятно как, но у них получилось — то была суть всего, что пытался сделать Уиллард, — стало ясно, что внутри нового тройного существа сохранилась частичка прежней Эмоциональной. Едва заметное колыхание ткани, и зритель начал понимать, что поражение пока не окончательное.

Эмоциональная, запертая внутри существа более высокого порядка, еще не сдалась. Борьба будет продолжаться.

Вся группа смотрела завершенную компьютерную драму — впервые целиком, а не в виде набора отрывков — и внимательно оценивала, не требуется ли где перестановка или редактирование. («Не сейчас, — подумал Уиллард, — только не сейчас. Потом, когда приду в себя и смогу оценить работу более объективно».)

Сгорбившись, он сидел в кресле. Он вложил в это слишком большую часть своей души. Ему казалось, что компьютерная драма содержит все, что он хотел в нее вложить, и что он сделал все, что хотел; но насколько его благие пожелания отличаются от действительности?

Когда действие завершилось и последний трепещущий подсознательный крик побежденной и в то же время непобежденной Эмоциональной стих, он произнес лишь одно слово:

— Итак?

— Это почти так же хорошо, как «Король Лир», Джонас, — сказала Кэткарт.

Все вокруг забормотали, соглашаясь, и Уиллард недоверчиво огляделся. А что им, в любом случае, оставалось сказать?

Он поймал взгляд Грегори Лабориана. Писатель молчал, лицо его оставалось бесстрастным.

Губы Уилларда сжались. От него, по крайней мере, он мог услышать мнение, подкрепленное — или не подкрепленное — золотом. Уиллард уже получил его сто тысяч. И сейчас он узнает, суждено ли им остаться электронными деньгами, запертыми в его карточке.

Он поднялся и повелительно — от неуверенности — произнес:

— Лабориан, я хочу поговорить с вами в моем кабинете.

Они сидели наедине впервые с того дня, когда началась работа над компьютерной драмой.

— Итак, что вы думаете, господин Лабориан? — спросил Уиллард.

— Женщина, которая создавала подсознательный фон, сказала, что получилось почти столь же хорошо, как и в «Короле Лире», — улыбнулся Лабориан.

— Да, я слышал.

— Она совершенно не права.

— Таково ваше мнение?

— Да. А сейчас важно именно мое мнение. Так вот, она совершенно не права. «Три в одном» получились у вас гораздо лучше, чем «Король Лир».

— Лучше? — На усталом лице Уилларда появилась улыбка.

— Гораздо лучше. Посудите сами, с каким материалом вы работали, создавая «Короля Лира». Уильям Шекспир снабдил вас поющими словами, которые сами по себе музыка; он же одарил вас персонажами, которые, независимо от того, добры они или злы, сильны или слабы, умны или глупы, верны или склонны к предательству, всегда и во всем ярче и крупнее обычных людей; Уильям Шекспир переплел две сюжетные линии, которые взаимно усиливали друг друга, и тем самым полностью овладел сердцами зрителей.

Каким стал ваш вклад в «Короля Лира»? Вы добавили нюансы, о которых Шекспир не имел, чисто по техническим причинам, ни малейшего понятия и даже мечтать о них не мог; но все эти изощренные технические штучки, оказавшиеся по силам вашей команде и вашему таланту, лишь кое-что добавили к ше-

деву литературного гения всех времен, трудившегося на вершине своего таланта.

Но, взявшись за «Три в одном», вы стали работать с *моими* словами, которые отнюдь не пели, с *моими* персонажами, которые далеко не величественны, и с моим далеко не блистательным сюжетом. Вы работали со *мною*, писателем-ремесленником, и создали нечто великое — то, о чем будут помнить еще долго после моей смерти. Благодаря вам хотя бы одна моя книга обрела бессмертие.

Верните мне мои электронные сто тысяч, господин Уиллард, и я вручу вам это.

Когда сто тысяч глободолларов были переведены с одной карточки на другую, Лабориан с усилием поднял пухлый портфель, поставил его на стол и открыл. Из него он достал коробку с крышкой на крючочке. Он аккуратно отодвинул крючочек и поднял крышку. В коробке заблестели золотые монеты с отчеканенным изображением Земли — Западное полушарие на одной стороне, а Восточное на другой. Двести крупных золотых монет, каждая стоимостью пятьсот глободолларов.

Восхищенный Уиллард взял одну из них. Она весила примерно унцию с четвертью. Он подбросил ее и поймал.

— Какая красота! — воскликнул он.

— Все это ваше, господин Уиллард,— произнес Лабориан.— Спасибо, что сотворили для меня компьютерную драму. Она стоит каждой из этих золотых монет.

Уиллард помолчал, глядя на золото, и сказал:

— Вы соблазнили меня создать компьютерную драму по вашей книге, предложив это золото. Чтобы получить его, я до предела напряг все свои таланты и превзошел самого себя. Спасибо вам за это. И вы правы — такое наслаждение стоило каждой из этих золотых монет.

Он положил монету в коробку и закрыл крышку. Потом поднял коробку и протянул ее Лабориану.

СОДЕРЖАНИЕ

Паштет из гусиной печенки (Перевод А. Иорданского)	5
Место, где много воды (Перевод А. Иорданского)	25
По-своему исследователь (Перевод И. Гуровой)	30
Штрейкбрехер (Перевод М. Гутова)	46
Пустота! (Перевод И. Гуровой)	61
Какое дело пчеле? (Перевод И. Гуровой)	66
Сердце женщины (Перевод О. Брусовой)	72
Профессия (Перевод С. Васильевой)	75
Трудно отказаться от иллюзий (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	140
Сердобольные стервятники (Перевод Г. Островской)	161
Пишите мое имя через букву «С» (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	180
Чувство силы (Перевод З. Бобырь)	199
Они не прилетят (Перевод А. Шарова)	210
Покупаем Юпитер (Перевод И. Мартынова)	212
Современный волшебник (Перевод М. Гутова)	217
Уродливый мальчуган (Перевод С. Васильевой)	233
Памяти отца (Перевод Р. Валиевой)	285
В четвертом поколении (Перевод М. Гутова)	292
Дождик, дождик, перестань! (Перевод А. Шельваха)	301
Что это за штука — любовь? (Перевод В. Баканова)	310
Автора! Автора! (Перевод И. Тетериной)	322
Глазам дано не только видеть (Перевод В. Мисюченко)	357
Человек, создавший XXI век (Перевод О. Брусовой)	361

Отцы-основатели (Перевод А. Шельваха)	374
Ссылка в ад (Перевод А. Шельваха)	383
Глубокое исследование (Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер)	388
Аппарат Холмса — Гинкнишка (Перевод О. Брусовой)	396
Водный гром (Перевод И. Васильевой)	410
В лето 2430 от Р. Х. (Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер)	446
Величайшее из достижений (Перевод В. Серебрякова)	456
Возьмите спичку (Перевод Т. Гинзбург)	464
Восторг неопытного издателя (Перевод Н. Берденникова)	482
Небесный хозяин (Перевод О. Брусовой)	488
Хороший вкус (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	517
Старый-престарый способ (Перевод А. Шарова)	539
Отсев (Перевод И. Васильевой)	548
Когда святые маршируют (Перевод И. Васильевой)	556
Озарение (Перевод И. Васильевой)	565
Думайте! (Перевод Н. Сосновской)	571
Наверняка (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	582
Ни о чем (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	584
Справедливая замена? (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	585
Нашли! (Перевод В. Постникова)	599
Ничто не дается даром (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	616
Как это произошло (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	628
Последний ответ (Перевод И. Можейко)	630
Для птиц (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	637
Смерть фоя (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	649
Точка возгорания! (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	651
Последний челнок (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	659
Чтобы мы не помнили (Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)	663
Супербегун (Перевод О. Брусовой)	696
Десятисекундные выборы (Перевод Н. Берденникова)	704
Галлюцинация (Перевод М. Гутова)	707
Фегхут и суд (Перевод М. Гутова)	729
Слева направо (Перевод М. Гутова)	731
Предание о трех принцах (Перевод О. Брусовой)	733

СОДЕРЖАНИЕ

Переломный момент (<i>Перевод О. Брусовой</i>)	753
Улыбка чиппера (<i>Перевод М. Гутова</i>)	754
Нестабильность (<i>Перевод М. Гутова</i>)	758
Прощание с Землей (<i>Перевод М. Гутова</i>)	761
Александр Бог (<i>Перевод М. Гутова</i>)	766
Отказонеустойчивый (<i>Перевод М. Гутова</i>)	773
В каньоне (<i>Перевод М. Гутова</i>)	779
Отчаяние (<i>Перевод М. Гутова</i>)	781
Принц Восторгус и беспламенный дракон (<i>Перевод О. Брусовой</i>)	785
Боевой гимн (<i>Перевод М. Гутова</i>)	803
Народы в космосе (современная сказка) (<i>Перевод М. Гутова</i>)	807
Золото (<i>Перевод А. Волнова</i>)	810

Литературно-художественное издание

ВЕСЬ АЗИМОВ

Айзек Азимов

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЕЙ

Автор-составитель
Жикаренцев Александр Владимирович

Выпускающий редактор *Е. Березина*
Ответственный редактор *Б. Крылов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *В. Сергеев*
Корректоры *М. Ахметова, Л. Ершова*

Иллюстрация на переплете Grimando

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 13.01.2010. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 44,52.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 3989

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-40568-8

9 785699 405688 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-40568-8

9 785699 405688 >